This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

+ *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
+ *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
+ *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
+ *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at `http://books.google.com/`

Google

Это цифровая коиия книги, хранящейся для иотомков на библиотечных иолках, ирежде чем ее отсканировали сотрудники комиании Google в рамках ироекта, цель которого - сделать книги со всего мира достуиными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских ирав на эту книгу истек, и она иерешла в свободный достуи. Книга иереходит в свободный достуи, если на нее не были иоданы авторские ирава или срок действия авторских ирав истек. Переход книги в свободный достуи в разных странах осуществляется ио-разному. Книги, иерешедшие в свободный достуи, это наш ключ к ирошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все иометки, иримечания и другие заииси, существующие в оригинальном издании, как наиоминание о том долгом иути, который книга ирошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использовапия

Комиания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы иеревести книги, иерешедшие в свободный достуи, в цифровой формат и сделать их широкодостуиными. Книги, иерешедшие в свободный достуи, иринадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, иоэтому, чтобы и в дальнейшем иредоставлять этот ресурс, мы иредириняли некоторые действия, иредотвращающие коммерческое исиользование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические заиросы.

Мы также иросим Вас о следующем.

- Не исиользуйте файлы в коммерческих целях.
  Мы разработали ирограмму Поиск книг Google для всех иользователей, иоэтому исиользуйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.

- Не отиравляйте автоматические заиросы.
  Не отиравляйте в систему Google автоматические заиросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного иеревода, оитического расиознавания символов или других областей, где достуи к большому количеству текста может оказаться иолезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем исиользовать материалы, иерешедшие в свободный достуи.

- Не удаляйте атрибуты Google.
  В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он иозволяет иользователям узнать об этом ироекте и иомогает им найти доиолнительные материалы ири иомощи ирограммы Поиск книг Google. Не удаляйте его.

- Делайте это законно.
  Независимо от того, что Вы исиользуйте, не забудьте ироверить законность своих действий, за которые Вы несете иолную ответственность. Не думайте, что если книга иерешла в свободный достуи в США, то ее на этом основании могут исиользовать читатели из других стран. Условия для иерехода книги в свободный достуи в разных странах различны, иоэтому нет единых иравил, иозволяющих оиределить, можно ли в оиределенном случае исиользовать оиределенную книгу. Не думайте, что если книга иоявилась в Поиске книг Google, то ее можно исиользовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских ирав может быть очень серьезным.

О программе Поиск кпиг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне достуиной и иолезной. Программа Поиск книг Google иомогает иользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый иоиск ио этой книге можно выиолнить на странице `http://books.google.com/`

A 992,048

PROPERTY OF
The University of Michigan Libraries
1817
ARTES SCIENTIA VERITAS

Hrushev'l..ŭ, Mykhaĭlo.

Проф. Мі евскій.

Ocherk istorii ukrainskago naroda.

ОЧЕРКЪ ИСТОРІИ

УКРАИНСКАГО НАРОДА.

Изданіе второе, дополненное.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія товарищества „Общественная Польза",
Большая Подъяческая, 39.
1906. D.T. Front

28

DK
508.5
.H88
1906a

615092-406

1 MATERIEL

DK508
.5
.H7
1906

Slavic Division
502196
Jy15, 36

TF Aug. 1, 62

Первое изданіе этой книги появилось годъ тому назадъ и было вообще очень радушно и дружелюбно принято и въ кругахъ научныхъ, и въ сферахъ публицистическихъ—конечно, за исключеніемъ нѣсколькихъ, оставшихся вѣрными себѣ, „голосовъ изъ оврага", которые въ счетъ не идутъ. Съ тѣмъ большимъ вниманіемъ принялъ я замѣчанія и пожеланія критики относительно выбора и расположенія матеріала въ этомъ первомъ курсѣ украинской исторіи и, насколько позволило мнѣ время (книга начала расходиться быстро, такъ что уже по истеченіи полугодія нужно было приступить къ пересмотру ея для новаго изданія), я старался удовлетворить этимъ пожеланіямъ—поскольку, конечно, могъ съ ними согласиться.

Одно изъ такихъ пожеланій, съ которымъ я могъ согласиться только отчасти, касалось соотношенія частей, посвященныхъ старой и новой исторіи Украины. Находили, что исторія послѣднихъ столѣтій изложена слишкомъ кратко, изложеніе же древней исторіи желали видѣть возможно сокращеннымъ, такъ какъ она, дескать, не можетъ интересовать читателя изъ публики. Я могъ пойти навстрѣчу этимъ замѣчаніямъ лишь настолько, что расширилъ изложеніе исторіи XVIII и XIX вѣковъ; исторія послѣднихъ трехъ столѣтій, которой уже въ первомъ изданіи была посвящена почти половина книги, въ этомъ изданіи занимаетъ ея большую половину. Конечно, лицъ, спеціально интересующихся тѣми или другими фазами украинской жизни въ послѣднія столѣтія, эти главы

и въ новомъ видѣ не удовлетворять, но такихъ требованій нельзя и предъявлять къ краткому очерку(въ своей „Исторіи Украины"—если мнѣ суждено довесть ее до конца—я предназначаю для этихъ столѣтій тря-четыре большіе тома). Изложеніе предшествующихъ столѣтій я оставилъ безъ сокращеній (точнѣе — ограничился нѣкоторыми второстепенными сокращеніями). Свести изложеніе древней исторіи до роли вступленія къ изложенію событій послѣднихъ столѣтій я никакъ не могъ. Это, прежде всего, расходится съ цѣлью настоящаго „Очерка": въ краткой формѣ онъ имѣетъ дать образъ исторической эволюціи украинскаго народа на всемъ протяженіи его историческаго существованія, представить взаимную связь различныхъ эпохъ и столѣтій въ его историческихъ судьбахъ, установить непрерывность его жизни, изъ которой въ историческихъ курсахъ обыкновенно предлагаются лишь отрывки, вырванные болѣе или менѣе механически.

Этой цѣлью я не могъ пожертвовать для практическихъ соображеній, да и относительно этихъ послѣднихъ я не былъ увѣренъ, чтобы они такъ сильно расходились съ планомъ книги. Серьезный читатель, знакомясь съ занимающимъ его вопросомъ, не можетъ не интересоваться его исторіею, и съ этой точки зрѣнія для многихъ читателей, интересующихся исторіею Украины послѣднихъ столѣтій, вѣроятно, исторія предшествующихъ столѣтій не покажется излишнимъ багажемъ, тѣмъ болѣе, что она довольно сильно расходится съ тою схемою исторіи, какая предлагается въ ходячихъ изложеніяхъ „русской исторіи".

За включеніе исторіи Кіевскаго государства въ исторію Украины я ожидалъ замѣчаній иного рода—со стороны защитниковъ принятой схемы „русской исторіи", и дѣйствительно не избѣгъ ихъ. Одинъ изъ критиковъ подвергъ рѣшительному сомнѣнію возможность включенія въ исторію украинскаго народа исторіи древней Руси и продолженія исторіи Кіевской Руси не въ Московской землѣ, а въ Литовско-польскомъ государствѣ, и видѣлъ крупный пробѣлъ моей книги въ томъ, что эти положенія не были въ ней обстоятельно доказаны. Однако и въ новомъ изданіи я не счелъ

возможнымъ спеціально доказывать эти положенія, считая, что все мое изложеніе украинской исторіи служитъ этой цѣли — выясненію связи кіевскаго періода съ періодомъ литовско-польскимъ (конечно, не преемства Кіевскаго государства съ Литовско-польскимъ, такъ какъ я принципіально отвергаю схему преемства государственныхъ формъ, на которой опирается общепринятый планъ „русской исторіи", и считаю исторію *народа* тѣмъ искомымъ, эволюцію котораго среди измѣненій политическихъ, экономическихъ и культурныхъ формъ и долженъ прослѣдить изслѣдователь).

Конечно, въ IX—X вв. не существовало украинской народности въ ея вполнѣ сформированномъ видѣ—какъ не существовало и въ XII—XIV в. великорусской или украинской народности въ томъ видѣ, какъ мы ее теперь себѣ представляемъ. Но я, какъ и каждый другой историкъ, ставящій своею задачею прослѣдить эволюцію народа, долженъ исходить изъ первыхъ зачатковъ его развитія, и съ этой точки зрѣнія культурная, экономическая и политическая жизнь южной группы восточнославянскихъ племенъ, изъ которыхъ сложилась украинская народность, необходимо должна войти въ исторію украинскаго народа—во всякомъ случаѣ съ гораздо большимъ правомъ, чѣмъ съ какимъ „кіевскій періодъ" включается въ общепринятую исторію великорусской государственности, называемой „русской исторіей". Свои мысли объ этой послѣдней и относительно того, въ какой схемѣ должна бы быть представлена исторія восточно-славянскихъ народностей, я изложилъ въ небольшой статьѣ, изданной въ петербургскомъ академическомъ сборникѣ *); отсылая интересующихся къ ней, я замѣчу только, что, не надѣясь, конечно, своими замѣчаніями разрушить привычные взгляды на „русскую исторію" и ея построеніе, не считаю во всякомъ случаѣ возможнымъ приспособляться къ воззрѣніямъ, которыя кажутся мнѣ лишь пережитками давно отжившихъ пріемовъ исторической

*) Звичайна схема „русскої" історії и справа раціонального укладу історії східнього Словянства—„Статьи по славяновѣдѣнію", I, Спб., 1904.

работы, удерживаемыхъ донынѣ лишь по долгой привычкѣ къ нимъ*).

Точно также не счелъ я нужнымъ подробнѣе развивать свои взгляды на общественность и культуру „кіевскаго періода", какъ созданіе, главнымъ образомъ, украинскихъ племенъ. До тѣхъ поръ, пока не будетъ доказано, что въ Кіевѣ и его окрестностяхъ въ IX—XII вв. жили великорусскія племена, перемесшія затѣмъ формы политической, общественной и культурной жизни на берега Клязьмы и Москвы, намъ придется изъ простой логической послѣдовательности считать эти формы принадлежностью украинской народности, поскольку эти украинскія племена IX—XII вв. были ея непосредственными предками. Слово „рецепція" относительно усвоенія великорусской народностью кіевской культуры или права можетъ непріятно звучать—я постарался нѣсколько смягчить его въ новомъ изданіи (стр. 107), но по существу не чувствую себя вправѣ измѣнять что нибудь въ сказанномъ объ усвоеніи великорусскимъ племенемъ продуктовъ кіевской жизни. Принимая съ полнымъ вниманіемъ и уваженіемъ возможныя возраженія, я желалъ бы, чтобы и altera pars подвергла мои соображенія — хотя бы на первый взглядъ они казались и еретическими—внимательному и холодному размышленію, принявъ въ соображеніе болѣе полное и детальное изложеніе спорныхъ моментовъ въ моей большой исторіи Украины. Конечно, столковаться можно не на почвѣ фиктивнаго „единства русскаго народа", а на при-

*) Что касается воззрѣнія, по которому преемство строя, права и культуры Кіевской Руси наблюдается въ гораздо болѣе тѣсной связи въ жизни в. кн. Литовскаго, чѣмъ в. кн. Московскаго, то оно вовсе не составляетъ какой либо спеціально украинской точки зрѣнія. Историки права, вовсе далекіе отъ всякаго украинофильства, указывали давно на эту тѣсную связь, и, напр., въ недавно изданномъ сборникѣ учениковъ проф. Владимірскаго-Буданова весьма сильно и дружно высказывается мысль, что в. кн. Литовское, а не Московское было преемникомъ права и правового строя Кіевской Руси (см. Сборникъ, посвящ. М. Ф. Владимірскому-Буданову, стр. 383—4. 394—5, 439 и мои замѣчанія по поводу этихъ взглядовъ въ V томѣ Исторіи, прим. 1).

знанія существованія исторически сложившихся русскихъ, или какъ я, во избѣжаніе сбивчивости въ названіяхъ, ихъ называю—восточно-славянскихъ народностей.

Изъ замѣчаній иного рода высказано было пожеланіе, чтобы и къ главамъ, посвященнымъ древнему и среднему періоду украинской исторіи, были присоединены указатели литературы, кромѣ простыхъ ссылокъ на мою „Історію України-Руси". Это пожеланіе я затруднился исполнить. Указаніе литературы при дальнѣйшихъ главахъ я также допустилъ почти какъ „необходимое зло", за отсутствіемъ большаго курса, къ которому я могъ бы отослать читателя за литературными и иными указаніями. Въ нѣсколькихъ строкахъ въ концѣ главы невозможно надлежащимъ образомъ ввести читателя въ литературу цѣлаго значительнаго періода, или большой группы вопросовъ, которой посвящена та или другая глава,—на это нужно по нѣскольку страницъ. Такіе большіе обзоры литературы и указатели ея даетъ моя Історія України-Руси, и для отдѣловъ, вошедшихъ въ опубликованные томы ея *), я просто дѣлалъ ссылку на соотвѣтствующіе томы и главы, гдѣ читатель, заинтересованный краткимъ изложеніемъ „Очерка", представляющаго своего рода конспектъ этой „Історіи", найдетъ и болѣе подробное изложеніе, и ссылки на источники и литературу, и аргументы, на которыхъ опираются мои взгляды въ разныхъ спорныхъ вопросахъ, распространяться о которыхъ не позволяютъ мнѣ рамки настоящаго изложенія. Такъ какъ съ конца 1904 года моя „Історія України-Руси" получила свободный доступъ въ Россію, то такое восполненіе изложенія „Очерка" „Історіею" не представляетъ существенныхъ затрудненій для тѣхъ изъ чита-

*) Вышло пять томовъ, доводящихъ исторію Украины до конца XVI вѣка (гл. 7 и 8 тома V, на которые сдѣланы ссылки на стр. 200 и 214—обзоръ экономическихъ условій XV—XVI в. и исторія культурнаго движенія конца XVI и начала XVII в.,—при выпускѣ V тома пришлось отложить до слѣдующаго—шестого). Первые три тома цитируются по второму изданію, четвертый и пятый по первому. Первый томъ вышелъ также по-нѣмецки (Geschichte des ukrainichen Volkes, Kommissionsverlag von B. G. Teubner in Leipzig).

телей „Очерка“, которые захотятъ перейти къ болѣе детальному изученію того или другого эпизода.

Распространивъ обзоръ украинскаго движенія въ XIX в., я выдѣлилъ въ особую главу національное движеніе въ предѣлахъ Австріи и вмѣсто маленькихъ обрывковъ, появившихся въ первомъ изданіи, далъ въ отдѣльной главѣ болѣе полный очеркъ современнаго состоянія украинства въ Россіи. Такимъ образомъ, вмѣсто 24 главъ перваго изданія получилось 26. Кромѣ этнографической карты, приложены двѣ историческихъ. Таковы главнѣйшія отличія этого изданія съ внѣшней стороны.

Львовъ, въ сентябрѣ 1905 г.

Печатаніе книги затянулось вслѣдствіе всѣмъ извѣстныхъ условій жизни послѣднихъ мѣсяцевъ, и при корректурѣ послѣднихъ главъ я уже имѣлъ въ виду измѣненія въ положеніи дѣлъ, принесенныя бурнымъ полугодіемъ, отдѣляющимъ время пересмотра книги отъ времени ея выхода (сентябрь—мартъ). Впрочемъ, увы!—существенныхъ фактическихъ измѣненій въ положеніи дѣлъ за это время не произошло. „Такъ мало прожито—такъ много пережито“, но въ концѣ концовъ, собственно говоря, почти все остается по-старому.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

		Стр.
	Предисловіе	III—VIII
I.	Современная украинская колонизація и ея историческія измѣненія; географическія условія; украинскій этническій типъ	1
II.	Общія черты украинской исторіи. Разселеніе украинскихъ племенъ	16
III.	Культура и бытъ	31
IV.	Торговыя сношенія; начало государственной организаціи. Лѣтописная традиція о началѣ Кіевскаго государства	43
V.	Кіевское государство въ IX и X вв.—процессъ созиданія	60
VI.	Кіевское государство въ XI и XII вв.—процессъ разложенія	79
VII.	Княжества-земли XI—XIII вв. Галицко-волынское государство	91
VIII.	Политическое и общественное устройство, право и культура XI—XIII вв.	106
IX.	Переходъ украинскихъ земель подъ власть вел. кн. Литовскаго и Польши (XIV—XV вв.)	132
X.	Украинскія земли въ XV—XVI вв. Собираніе украинскихъ земель Польшею	148
XI.	Общественная и культурная эволюція. Привилегированныя сословія	167
XII.	Крестьянство	186

Стр.
XIII. Города. Религіозно-національное и культурное движеніе XVI—XVII вв. 200
XIV. Козачество—его происхожденіе и развитіе . . . 214
XV. Козачество и козацкія войны до 1648 г. 230
XVI. Хмельниччина 250
XVII. Строй и отношенія, созданныя Хмельниччиною. События по смерти Хмельницкаго (1657—1659) 270
XVIII. Смуты 1660—1680 гг. 294
XIX. Отношенія конца XVII в. Соціально-экономическій процессъ въ восточной Украинѣ XVII—XVIII вв. 314
XX. Политическія условія Гетманщины и уничтоженіе стараго строя 336
XXI. Возстановленіе и уничтоженіе козачества въ Правобережной Украинѣ. Гайдамацкія движенія. Судьба крестьянства 367
XXII. Національный и культурный упадокъ въ украинскихъ земляхъ въ XVIII в. 382
XXIII. Украинское возрожденіе въ Россіи 400
XXIV. Украинское возрожденіе въ Австро-Венгріи . . 428
XXV. Современное состояніе украинства въ Австро-Венгріи 441
XXVI. Современное состояніе украинства въ Россіи . . 470
Карты:
Современная Украинская территорія.
Княжества земли XI—XIII вв.,
Украинскія земли въ подраздѣленіи на воеводства и полки.

I.

Въ настоящее время украинская колонизація въ сплоченныхъ массахъ (т. е. не считая изолированныхъ и удаленныхъ отъ общей массы колоній) окружаетъ широкою полосою сѣверное побережье Чернаго моря приблизительно между 38₀ и 60° восточной долготы и 45₀ и 53° сѣверной широты. Она обнимаетъ горную область по обѣимъ сторонамъ Карпатъ отъ Магуры до Трансильванскихъ горъ и, огибая нижнее Подунавье, занятое теперь румынскою колонизаціею, охватываетъ бассейны Днѣстра и Южнаго Буга, верхнее и среднее теченіе Западнаго Буга со смежными частями бассейна Сана, среднее и нижнее теченіе Днѣпра, почти весь бассейнъ Донца, простираясь въ среднее теченіе Дона, и, наконецъ, значительныя части бассейновъ Кубани, Кумы и Маныча, мѣстами проникая глубоко въ горную область Кавказа и прикаспійскія степи. Сѣверною границею приблизительно служитъ линія р. Припети, за которую украинская территорія выдвигается къ сѣверу двумя выступами, раздѣленными бѣлорусскимъ клиномъ верхняго Днѣпра: въ бассейнѣ Зап. Буга она проникаетъ до области р. Нарева, въ бассейнѣ Десны приблизительно до области р. Судости, дающихъ крайніе контуры украинской территоріи на сѣверѣ. Южную границу составляютъ берега Чернаго и Азовскаго морей.

Въ политическомъ отношеніи эта территорія входитъ въ составъ Россіи, Австріи и Венгріи. Она заключаетъ въ себѣ: въ Австріи всю восточную Галицію, горную подкарпатскую

область Западной Галиціи до „Руської ріки“ (притока Дуная), и сѣверо-западную часть Буковины; въ Венгріи: сосѣднюю съ украинскою территоріею Галиціи горную область (къ югу отъ Карпатъ) въ комитатахъ Земплинскомъ, Ужскомъ, Бережскомъ и Мармарошскомъ; въ Россіи губерніи: Волынскую со смежными частями Люблинской, Сѣдлецкой, Гродненской и Минской, Кіевскую, Подольскую, значительную часть Бессарабской, всю Херсонскую, Екатеринославскую и материковую часть Таврической, всю Полтавскую и Харьковскую, большую часть Черниговской, юго-западныя части Курской, восточную часть Воронежской губерніи и Донской области, значительныя части Кубанской и губерній Черноморской (Новороссійской) и Ставропольской (къ которой примыкаютъ затѣмъ болѣе изолированныя колоніи Астраханской и еще болѣе Саратовской губерній) *).

Чтобы установить съ совершенною точностью украинскую территорію, т. е. область, въ которой украинское населеніе является преобладающимъ, нужны точныя, объективно и научно собранныя этнографическо-статистическія данныя. Ихъ въ настоящее время очень мало, такъ какъ оффиціальныя статистическія данныя Россіи и Австро-Венгріи (каждыя въ своемъ родѣ) оставляютъ желать очень многаго; поэтому, украинская территорія можетъ быть установлена пока только приблизительно. Въ Австро-Венгріи она занимаетъ около 80 тыс. квадратныхъ километровъ, съ общею численностью населенія около $7^1/_2$ милліоновъ. Въ Россіи около 750 тыс.

---

*) См. приложенную карту; для сравненія: Г. Величко «Народописна карта українсько-руського народу». Львів, 1895; этнографическія карты въ VII т. «Трудовъ этногр. экспедиціи въ юго-зап. край»; Карскій, Бѣлоруссія, 1903 (опытъ разграниченія украинской и бѣлорусской территоріи). Результатами переписи 1897 г. (подсчетъ которой по преобладающему родному языку населенія вышелъ лишь нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ) еще не было времени воспользоваться для исправленія старыхъ этнографическихъ картъ, да едва ли и можно, при ея неточностяхъ. Я старался принимать ихъ въ расчетъ,—по крайней мѣрѣ въ самыхъ общихъ чертахъ.

кв. километровъ, съ населеніемъ свыше 31 милліона. Всего свыше 800 тыс. кв. километровъ, или 14 тыс. кв. миль *), съ населеніемъ около 39 милліоновъ.

Общее число собственно украинскаго населенія на этой территоріи нужно считать отъ 31 до 32 милліоновъ—цифры опять-таки не могутъ быть вполнѣ точны, такъ какъ при нынѣшнихъ условіяхъ переписи народностей, находящихся въ менѣе благопріятныхъ условіяхъ, онѣ всегда выходятъ ниже дѣйствительности, а перепись Россіи 1897 г., на которой приходится главнымъ образомъ основывать свои выводы, составлена довольно небрежно. На очерченной выше территоріи Россіи она насчитываетъ около 21.400.000 **), но, несомнѣнно, цифра эта гораздо ниже дѣйствительнаго числа: счетчики не включили нѣкоторые переходные типы украинскаго населенія на этнографическихъ пограничьяхъ; городское населеніе въ болѣе значительныхъ городахъ и представители высшихъ сословій почти поголовно вошли въ категорію великорусскаго населенія, хотя, несомнѣнно, не причисляютъ себя къ таковому. Конечно, невозможно установить въ точности общую цифру этого урона, но, несомнѣнно, что онъ былъ гораздо больше милліона въ общей сложности, такъ что современное украинское населеніе указанной территоріи Россіи, принимая въ расчетъ восьмилѣтній приростъ (колеблющійся обыкновенно между 1,5 и 1,75%, смотря по урожаю), нужно считать отъ 25 до 26 милліоновъ. Украинское населеніе указанной выше территоріи Австро-Венгріи въ настоящее время нужно считать около 5,5 милліоновъ, а именно: въ восточной Галиціи около 4,5 милл., на смежномъ подгорьѣ западной Галиціи около 70 тыс., въ Буковинѣ

---

*) Ср. подсчетъ поверхности у Величка—„Введенье въ географію Украіни Руси", Стрѣльбицкаго—„Исчисленіе поверхности Европейской Россіи".

**) См. VII выпускъ переписи. Общій подсчетъ также въ статьѣ Ярошевскаго въ „Кіев. Старинѣ", 1905, кн. VI. Попытки исправленій неточностей переписи—въ статьѣ Ив. Нечуя Левицкаго „Die Anzahl der Ruthenen in Europa, Asien und Amerika—Ruthenische Revue", 1905, № 10.

свыше 300 тыс., въ сѣверной Венгріи около 500 тыс. *). Такимъ образомъ общая численность украинскаго населенія на очерченной выше территоріи въ настоящее время достигаетъ 31—32 милліоновъ. Внѣ ея украинское населеніе встрѣчается, во-первыхъ, въ пограничныхъ полосахъ съ преобладающимъ инороднымъ населеніемъ, во-вторыхъ, въ болѣе или менѣе значительныхъ колоніяхъ (иногда въ видѣ цѣлыхъ группъ или отдѣльныхъ поселеній, или этнографическихъ островов) въ другихъ мѣстностяхъ Европейской и Азіатской Россіи, Австро-Венгріи, Румыніи, Сѣверо-Американскихъ Штатовъ, Канады и Бразиліи, въ общей сложности достигая вѣроятно не менѣе 2,5—3 милл., такъ что общую численность украинскаго населенія нужно предполагать не ниже 34 милл. **).

---

*) Перепись 1900 г. насчитываетъ въ Галиціи (восточной и западной) украинскаго (русинскаго) населенія 3.074 тыс. (см. Oesterreichische Statistik, т. 63, II); къ нимъ нужно присоединить: а) нѣсколько сотъ тысячъ украинскаго населенія, исповѣдующаго католичество и въ силу этого при галицкихъ переписяхъ зачисляемаго въ категорію Поляковъ; б) не поддающійся учету, но довольно значительный процентъ, при переписи причисляемый къ господствующей народности; в) естественный приростъ (около 1,1% ежегодно). Въ Буковинѣ та же перепись насчитывала 298 тыс. (ежегодный приростъ около 1,3%). Въ сѣверной Венгріи въ 1900 г. русинскаго населенія насчитано 409 тыс., а съ военнымъ контингентомъ 411 тыс., при приростѣ около 1,16% (Balogh, A népfajok Magyarországon, 1902), но это число, несомнѣнно, было значительно ниже дѣйствительности (см. указанія въ статьѣ Томашивскаго „Угорські Русини въ сьвітлі мадярської офіціальної статистики", Записки Наук. тов. ім. Шевченка, т. LVI).

**) Значительныя группы украинскихъ поселеній существуютъ, напр., въ Терской обл., въ Астраханской, Саратовской, Самарской и Оренбургской губ., въ Акмолинской и Семирѣченской обл., въ Уссурійскомъ краѣ и т. п. Статистики этихъ колоній, собственно говоря, не существуетъ вовсе. Выходцы изъ украинской территоріи Австро-Венгріи направлялись въ большомъ числѣ въ Соед. Штаты и Бразилію, въ послѣднее время въ Канаду, образуя въ послѣдней отдѣльныя группы украинскихъ поселеній.

Изъ украинской территоріи особенною однородностью состава населенія и преобладаніемъ украинскаго элемента отличается среднее Поднѣпровье (губернія Полтавская, южная часть Черниговской, восточная Кіевской и смежныя части Екатеринославской), гдѣ украинское населеніе составляетъ въ общемъ не менѣе 90% населенія, колеблясь между 80 и 98% даже по оффиціальной переписи. Въ западной части (Галиція со смежными мѣстностями) оно разрѣжено элементомъ польскимъ и еврейскимъ, мадьярскимъ (въ Венгріи) и румынскимъ (въ Буковинѣ и Бессарабіи) и въ общемъ составляетъ около 70% всего населенія (хотя и здѣсь встрѣчаются мѣстности съ сплошнымъ украинскимъ населеніемъ, напр., нѣкоторые горные повѣты Галиціи, насчитывающіе 80—90% украинскаго элемента даже по оффиціальной статистикѣ). Также разрѣжено украинское населеніе Черноморья и восточной окраины, колонизированной украинскимъ племенемъ совмѣстно съ великорусскимъ и другими элементами въ теченіе послѣднихъ столѣтій, хотя и здѣсь мы встрѣчаемъ мѣстности съ весьма однороднымъ украинскимъ населеніемъ, достигающимъ даже по оффиціальнымъ исчисленіямъ 80—90%. Въ общемъ можно считать украинское населеніе въ 90% въ центральныхъ частяхъ украинской территоріи и въ 70% въ ея окраинахъ.

На большей части этой территоріи украинское населеніе является исконнымъ въ томъ смыслѣ, что оно, или, точнѣе, та южная группа восточно-славянскихъ племенъ, отъ которой ведетъ свое происхожденіе нынѣшняя украинская народность, поселяется на этой территоріи уже въ эпоху великаго славянскаго разселенія, создавшаго основы нынѣшняго размѣщенія народностей восточной Европы *). Конечно, за

*) Среди великорусскихъ ученыхъ, правда, высказывались предположенія, что Кіевская область (земля Полянъ) и земли на лѣвой сторонѣ Днѣпра, въ древнѣйшія времена, до XIV—XV в., были заселены племенами не украинской, а великорусской группы, и эта старая колонизація, ослабѣвшая послѣ монгольскаго погрома XIII в., была покрыта болѣе новою украинскою колонизаціею, шедшею съ запада (такъ назыв. теорія Погодина). Но эти предположенія не

двѣнадцать-тринадцать столѣтій, отдѣляющихъ насъ отъ эпохи разселенія этихъ племенъ, колонизація претерпѣвала весьма сильныя пертурбаціи, но въ общемъ этнографическая украинская территорія не измѣнилась значительно, и въ концѣ концовъ украинская колонизація овладѣла своею старою территоріею и если понесла нѣкоторыя утраты на западныхъ границахъ, то взамѣнъ этого раздвинула свои границы на юго-востокъ и, можетъ быть, на востокъ.

На западѣ украинская колонизація выступаетъ теперь клиномъ въ Карпатахъ, сжатая между польскою и словацкою колонизаціею; на сѣверѣ къ ней здѣсь примыкаетъ пространство между Вислокомъ и Саномъ, съ преобладающею польскою колонизаціею и слабыми только остатками украинской, а на югѣ, на южныхъ склонахъ Карпатъ, видимъ смѣшанное украинско-словацкое, или совсѣмъ ословаченное украинское населеніе. Уцѣлѣвшее на крайнемъ западѣ въ горной области Карпатъ украинское населеніе—это обглоданный скелетъ болѣе значительной древней колонизаціи. Еще на нашихъ глазахъ продолжается здѣсь процессъ поглощенія Поляками и Словаками ослабленныхъ остатковъ украинскаго элемента въ мѣстностяхъ со смѣшаннымъ населеніемъ,—поглощеніе, которое объясняется не только укоренившимся политическимъ преобладаніемъ Поляковъ, но и вѣковымъ отливомъ украинскаго населенія на востокъ и юго-востокъ.

Еще въ XVII в. этнографическая украинская граница проводилась современниками до окрестностей Кракова и дальше на сѣверъ до Вислы, въ окрестности Люблина, кото-

---

имѣютъ подъ собой никакихъ положительныхъ данныхъ. Болѣе умѣренные представители этихъ взглядовъ признаютъ теперь неосновательность ихъ относительно Кіевской области, а если допускаютъ ихъ еще относительно земель заднѣпровскихъ, то, кажется, только не рѣшаясь сразу разстаться со старыми воззрѣніями. Интересующіеся найдутъ подробное изложеніе современнаго состоянія этого вопроса въ „Історіи України-Руси", т. I, стр. 174—5 и 511—8 и т. III, стр. 145 сл.

рый еще въ XVII в. считался городомъ почти украинскимъ *). Въ планахъ отдѣленія Украины отъ Польши XVII в. Висла обыкновенно выступаетъ какъ этнографическая граница Украинцевъ и Поляковъ **).

На югѣ отъ Карпатъ, кромѣ словацкаго пограничья, украинская колонизація въ тѣхъ же пограничныхъ, смѣшанныхъ областяхъ и по тѣмъ же причинамъ понесла утраты также въ сторону Мадяръ и Румунъ. Стойкое вообще тамъ, гдѣ оно живетъ въ сплошныхъ массахъ, украинское населеніе подвергается денаціонализаціи особенно въ равнинныхъ пространствахъ карпатскаго подгорья, съ смѣшаннымъ населеніемъ. Украинскіе острова, и теперь еще проходящіе за рр. Солону (Sajo), Красну, Самошъ, мы должны считать остатками нѣкогда гораздо болѣе значительной колонизаціи, превращенной въ тонкія кружева этнографической карты, благодаря словацкой и мадярской иммиграціи и ассимиляціи.

Въ Трансильваніи теперь уже нѣтъ украинскаго населенія; остатки его окончательно исчезли въ началѣ XIX в. и только слѣды его остались въ многочисленныхъ хоро-и топографическихъ именахъ на всемъ пространствѣ Трансильваніи. Изъ одной папской буллы (1446) видимъ, что еще въ XV в. здѣсь была значительная украинская колонизація (Rutheni gens satis populosa). Она покрыта теперь колонизаціей румунской, какъ и старая украинская колонизація Подунавья (въ области Прута и сѣвернаго побережья Дуная), ослабленная нашествіями тюркскихъ ордъ (особенно Полов-

---

*) Напр., каноникъ Красинскій († 1612), описывая западную границу украинской колонизаціи, обозначаетъ ее такъ: quae Carpathios montes non longe ab urbe attingit Cracovia, а между провинціями ея называетъ и землю Люблинскую—Mizleri Historiarum Poloniae collectio, I, p. 418.

**) Хмельницкій грозилъ въ 1649 г. прогнать Поляковъ за Вислу. Въ проектѣ раздѣла Польши 1657 г. и въ договорѣ Дорошенка съ Турціею Висла также выступаетъ границею православной вѣры и украинской народности (Історія України-Руси, I, гл. 4).

цевъ). Значительные остатки ея на нижнемъ Дунаѣ извѣстны еще въ концѣ XVI в. *).

Взамѣнъ этихъ утратъ на западѣ, украинская колонизація расширила, какъ можно думать, свои предѣлы нѣсколько на сѣверъ, оттѣснивъ или ассимилировавъ литовскую и бѣлорусскую колонизацію; правда, прослѣдить исторически границу украинской и бѣлорусской колонизаціи очень трудно, но въ общемъ представляется почти несомнѣннымъ, что украинская граница здѣсь подвинулась вверхъ. Также трудно опредѣлить новыя пріобрѣтенія украинской колонизаціи на востокѣ, въ бассейнѣ Донца и Дона. Нынѣшняя украинская колонизація этой территоріи—новаго происхожденія: она развилась главнымъ образомъ въ XVII в., когда, послѣ неудачныхъ возстаній противъ Польши, выходили сюда массы переселенцевъ изъ лѣвобережной Украины. Но по большей части эта колонизація только возвращала украинской народности пространства, утраченныя ею во время движенія тюркскихъ ордъ X—XIII в., и если можно въ общемъ догадываться, что колонизація XVII в. не только возвратила, но и раздвинула старыя границы на востокъ, въ область средняго Дона, то все-таки размѣръ этихъ пріобрѣтеній установить невозможно. Область нижняго Дона, теперь занятая великорусскимъ населеніемъ (донскими казаками), наоборотъ, нужно считать ея утратою, такъ какъ въ древнѣйшее время (VI—VII ст.) она была занята тою же группою племенъ, что и область нижняго Днѣпра (византійскіе источники VI в. называютъ ихъ Антами). т. е., по всему судя, южною украинскою колонизаціею.

Несомнѣнно новымъ пріобрѣтеніемъ украинской колонизаціи является область Кубани, колонизированная остатками запорожцевъ въ концѣ XVIII в. и потомъ заселявшаяся въ продолженіе XIX в. добровольными и недобровольными

---

*) Li Russiani che sono popoli vicini a questi ma su le rive del Danubio de piu numero et piu feroci dell'altri,—говоритъ путешественникъ конца XVI в.

украинскими выходцами, поселявшимися въ большомъ числѣ также въ области Кумы и Терека. То же нужно сказать объ украинской колонизаціи Крымскаго полуострова, развившейся въ XIX вѣкѣ. Украинская же колонизація степной полосы, отъ Донца до Днѣстра, и сосѣднихъ частей Бессарабіи, начавшаяся въ XVIII вѣкѣ запорожцами и продолжавшаяся въ теченіе большей половины XIX бѣглыми крестьянами-крѣпостными, только овладѣла старою территоріею, занятою упомянутою группою „антскихъ" племенъ еще въ первые вѣка славянскаго разселенія и затѣмъ утраченною со времени движенія тюркскихъ ордъ.

Вообще колонизаціонныя пертурбаціи имѣли мѣсто главнымъ образомъ въ восточныхъ и южныхъ частяхъ украинской территоріи, преимущественно равнинныхъ и безлѣсныхъ. Когда кочевыя тюркскія орды двигались изъ средней Азіи степными пространствами восточной Европы, украинскому населенію приходилось очень тяжело въ открытыхъ, ничѣмъ незащищенныхъ восточныхъ и южныхъ мѣстностяхъ, въ бассейнѣ Дона и средняго Днѣпра и въ степныхъ пространствахъ Черноморья, и оно отливало отсюда въ лѣсистыя и болотистыя мѣстности сѣверной Украины и въ гористыя области Карпатъ. Въ лѣсныя и болотистыя пространства, также какъ и въ горы, степные хищники заглядывали рѣдко и лишь мелькомъ,—въ такихъ мѣстностяхъ передвиженіе для нихъ было затруднительно, между тѣмъ какъ въ степныхъ, безлѣсныхъ областяхъ они чувствовали себя дома, и если не располагались на кочевку, то появлялись для грабежей охотно и часто. Если мы примемъ во вниманіе, что, начиная съ незапамятныхъ временъ и до XVIII в., эти степи отъ Урала и до равнинъ нижняго и средняго Дуная служили постоянно большою дорогою для разныхъ кочевыхъ ордъ, то намъ будетъ ясно, какое важное значеніе имѣли эти свойства поверхности въ исторіи украинской колонизаціи.

Составляя естественное продолженіе среднеазіатскихъ степей, степная область восточной Европы образуетъ клинъ, захватывая область средняго и нижняго Дона, ниж-

нго Днѣпра и Днѣстра. Болѣе или менѣе параллельно границѣ степи идетъ съ юго-востока на юго-западъ линія лѣса*). Она совпадаетъ съ границею песчаной, малопригодной для земледѣлія полосы и полосы хлѣбородной. Лѣсная область охватываетъ песчаныя, неплодородныя пространства Десны, Тетерева, Припети съ ея притоками и Западнаго Буга; лѣсъ теперь тутъ уже разрѣженъ, прежде былъ несравненно гуще. Полоса предстепная, между областью лѣса и степью, богато орошенная, съ волнистою поверхностью и плодородною почвою, съ значительною лѣсною растительностью, менѣе открытая, опирающаяся о линію лѣса—была областью наиболѣе интенсивной жизни и культуры. Наибольшее значеніе въ первые вѣка нашей исторіи имѣла центральная, поднѣпровская ея часть, потому что восточная была болѣе доступна кочевникамъ, а западная не имѣла такихъ удобныхъ водныхъ дорогъ, какъ Поднѣпровье. Но предстепное Поднѣпровье временами также много терпѣло отъ кочевниковъ; населеніе временами принуждено было уходить отсюда въ болѣе безопасныя мѣстности, и потому въ историческомъ развитіи этого центра Украины видимъ большіе перерывы.

Западная часть—земли Галицкая и Перемышльская, гдѣ лѣсной поясъ сходится съ горною областью Карпатъ, Волынь средняя и сѣверная, и лѣсныя и болотистыя пространства на сѣверѣ отъ Кіева, гдѣ линія лѣса довольно далеко выступаетъ на югъ,—играли роль резервуаровъ, куда украинское населеніе менѣе защищенныхъ пространствъ отливало подъ натискомъ тюркскихъ ордъ, чтобы черезъ нѣкоторое время, когда напоръ кочевниковъ ослабѣвалъ, снова двигаться отсюда въ опустѣвшія пространства на югъ и востокъ. Поэтому культурныя и общественныя традиціи лучше сохранялись въ западной части украинскихъ земель, хотя центръ ихъ жизни лежалъ на Днѣпрѣ, и только здѣсь она проявлялась могущественно и широко. Степная приморская

*) Приблизительно по линіи Козелецъ-Кременецъ.

полоса, вслѣдствіе тюркской иммиграціи, не играла въ жизни украинскихъ племенъ выдающейся роли.

Отъ временъ, когда украинская группа племенъ впервые овладѣла своею нынѣшнею территоріею, и до XVIII в., когда была окончательно сломлена сила кочевыхъ ордъ и положенъ конецъ ихъ движенію въ Европу *), на глазахъ исторіи нѣсколько разъ происходили массовые отливы и приливы украинскаго населенія въ такомъ направленіи. Сначала они происходятъ въ связи съ движеніемъ тюркскихъ ордъ: въ X вѣкѣ—напоръ Печенѣговъ, въ концѣ XI в.—движеніе Половцевъ, въ XIII в.—потокъ монгольско-татарскихъ ордъ, въ концѣ XV—набѣги новосформировавшейся Крымской орды вызываютъ такіе отливы украинскаго населенія; а затѣмъ, нѣсколько десятилѣтій спустя, видимъ новое поступательное движеніе, болѣе или менѣе успѣшное. Но пока не прекратилось движеніе кочевыхъ ордъ съ востока, такіе походы украинской колонизаціи на востокъ и югъ не приводили къ прочнымъ успѣхамъ. Только съ конца XVI в., подъ вліяніемъ разныхъ причинъ,—какими были массовое движеніе крестьянъ изъ западныхъ и сѣверныхъ провинцій, развитіе козачества, ослабленіе, а затѣмъ и полное уничтоженіе Крымской орды, прекращеніе движенія кочевниковъ изъ Азіи,—развивается успѣшная и все болѣе и болѣе прочная украинская колонизація въ восточномъ и южномъ направленіи, продолжающаяся затѣмъ въ теченіе XVII, XVIII и даже XIX вѣка.

Затѣмъ, кромѣ движенія тюркскихъ ордъ, колонизаціонныя пертурбаціи вызывали и иныя причины—напр., развитіе крѣпостной зависимости въ XVI и XIX вв.; народныя движенія XVII в. вызвали передвиженія народныхъ массъ на востокъ и югъ, въ малозаселенныя пространства, дальше отъ притѣсненій. Особенно въ XVII в. произошло чрезвычайно сильное передвиженіе украинскаго населенія на востокъ.

---

*) Послѣднею ордою, двигавшеюся въ XVIII в. изъ Азіи, были калмыки.

Борьба со степными ордами, служившая въ теченіе столѣтій причиною колонизаціонныхъ передвиженій украинскаго населенія, составляетъ славу и заслугу украинскаго народа предъ исторіей европейской культуры, защищенной отъ потоковъ кочевыхъ ордъ украинскимъ брустверомъ, принявшимъ на себя тѣ удары, которые упали бы иначе на западные народы съ ихъ культурою и благосостояніемъ. Но эта борьба дорого обошлась украинской народности и поглотила огромную массу ея энергіи. Опустошенія, производимыя азіатскими кочевниками, причиняли ужасныя потери въ людяхъ и имуществѣ. Только разоренное въ конецъ населеніе рѣшалось покинуть насиженныя мѣста, переходить въ сравнительно бѣдныя и негостепріимныя горныя или лѣсистыя мѣстности и пробовать устроиться тамъ вновь. Когда же колонизаціонная волна двигалась обратно, въ сосѣдство степи, экономическія средства и силы населенія поглощались этимъ разсѣяніемъ экономической энергіи: приходилось вкладывать массу энергіи и средствъ въ культивированіе, пріобщеніе этихъ одичавшихъ пространствъ къ осѣдлой жизни. Такимъ образомъ, эти приливы и отливы поглотили огромную массу народнаго капитала; массы народа въ теченіе столѣтій не могли подняться выше элементарныхъ заботъ о поддержаніи своего существованія, созданія самыхъ примитивныхъ условій хозяйства.

Народъ не могъ собрать свободныхъ средствъ и силъ для удовлетворенія высшихъ культурныхъ интересовъ. Борьба со степью въ теченіе вѣковъ поглощала энергію народа, его правящихъ классовъ и правительствъ. Колонизаціонныя и экономическія пертурбаціи не давали возможности общественнымъ и политическимъ условіямъ отвердѣть, выйти изъ „жидкаго состоянія“. Имѣя предъ собою неугомоннаго врага по всей юго-восточной линіи степного пограничья, политическія организаціи Украины не могли держаться, если въ тылу ихъ, по линіи сѣверо-западной границы, формировались какія либо значительныя, конкурирующія политическія организаціи. Политическій упадокъ имѣлъ своимъ слѣдствіемъ

поглощеніе всего, что составляло еще національное достояніе, чужими господствующими классами, а въ народныхъ массахъ это поглощеніе вызвало реакцію массъ, народныя войны, въ свою очередь поглощавшія въ продолженіе ряда дальнѣйшихъ столѣтій всѣ силы и энергію народа.

Географическія, въ дальнѣйшей послѣдовательности—колонизаціонныя и экономическія, условія украинской территоріи, такимъ образомъ, въ значительной степени обусловили историческую эволюцію украинскаго народа. Съ другой стороны, они весьма существенно повліяли на эволюцію его этническаго типа.

Многократныя массовыя передвиженія имѣли весьма важное значеніе для сформированія украинскаго національнаго типа и языка. Только западная окраина и сѣверное Полѣсье сохранили въ болѣе чистомъ и нетронутомъ видѣ первоначальную колонизацію. Хотя приливы населенія изъ болѣе открытыхъ мѣстъ въ періоды отступленій вносили и сюда движеніе и новые элементы, все-таки гористая и лѣсная полоса законсервировались лучше. Это обнаруживается и въ сохранившихся здѣсь діалектахъ, весьма разнообразныхъ и мелкихъ, отмѣченныхъ многими архаическими чертами, и такими же арханзмами въ традиціи и бытѣ. На всемъ остальномъ пространствѣ многократныя массовыя передвиженія, сравнительно недавно только закончившіяся, перетасовавъ и перемѣшавъ этническій матеріалъ (и безъ того принадлежавшій къ одной и той же группѣ племенъ), сообщили народному типу и языку чрезвычайное и рѣдкое, сравнительно съ этимъ огромнымъ пространствомъ, единство, однородность и сознаніе своей одноплеменности. Народные говоры, съ ихъ болѣе новыми, вторичными образованіями, и этнографическій типъ украинскаго населенія представляютъ на всемъ пространствѣ отъ Львова до Кумы (почти 2.000 верстъ) только сравнительно слабыя различія и варіаціи.

Этотъ смѣшанный, центральный типъ и служитъ представителемъ украинской народности. Если на нѣкоторыхъ

этнографическихъ границахъ (какъ, напримѣръ, на украинско-словацкомъ пограничьѣ на западѣ, или на сѣверѣ—на рубежѣ украинской и бѣлорусской колонизаціи) украинскіе говоры связаны малозамѣтными переходами съ говорами сосѣдей, и самый этническій типъ здѣсь не выдѣляется рѣзко, то центральный типъ, представляющій собою преобладающее большинство, отмѣченъ цѣлымъ рядомъ характеристическихъ чертъ, отличающихъ его отъ сосѣднихъ славянскихъ племенъ—Великороссовъ, Бѣлоруссовъ, Поляковъ и Словаковъ.

Если филологи спорятъ о томъ, самостоятельный ли языкъ составляютъ украинскіе діалекты или только нарѣчіе русскаго языка, обнимающаго также діалекты великорусскіе и бѣлорусскіе, то это собственно споръ больше формальный, споръ о словахъ: понятія языка и нарѣчія—понятія относительныя, и едва ли можно установить, какіе количественные и качественные признаки даютъ группѣ говоровъ право на титулъ самостоятельнаго языка. Гораздо существеннѣе,—и здѣсь не можетъ быть спора,—что группа украинскихъ говоровъ представляетъ отдѣльный, болѣе или менѣе самостоятельный лингвистическій типъ, связанный извѣстными чертами, объединяющими разнообразіе украинскихъ говоровъ въ одно цѣлое,—все равно назовемъ ли его языкомъ или нарѣчіемъ. Эти черты особенно замѣтны въ вокализмѣ и рѣзко отличаютъ украинскіе діалекты, прежде всего ихъ центральную группу, сообщая имъ своеобразную физіономію. Эти отличія проявляются уже въ древнѣйшую эпоху письменности, въ старѣйшихъ мѣстныхъ памятникахъ XI—XII в., что, впрочемъ, вполнѣ понятно, такъ какъ главнѣйшія діалектическія группы у славянъ ведутъ свое начало несомнѣнно еще изъ праславянской эпохи.

Но языкомъ, хотя онъ служитъ наиболѣе яркимъ и существеннымъ показателемъ національной особности, дѣло не ограничивается. Украинскій этническій типъ отличается отъ своихъ ближайшихъ родственниковъ—Великороссовъ и Бѣлоруссовъ также и въ другихъ отношеніяхъ: особенностями антропологическими въ тѣсномъ смыслѣ, т. е. физическимъ

устройствомъ тѣла (формою черепа, ростомъ, соотношеніями частей тѣла), и чертами психофизическими, проявляющимися въ народномъ характерѣ, психологіи, складѣ семейныхъ и общественныхъ отношеній. Въ сферѣ фольклора и этнографіи, формахъ частнаго и общественнаго быта украинская народность запечатлѣна многими характеристическими особенностями, и эти послѣднія, какъ физическія, такъ и духовныя черты, также имѣютъ за собою не во всемъ одинаковую, но значительную давность.

Какъ въ лингвистическомъ, такъ и въ психофизическомъ отношеніи обособленіе народностей украинской, бѣлорусской и великорусской выходитъ далеко за предѣлы исторіи. Выходя изъ своей прародины, эти группы племенъ, уже тамъ отмѣченныя извѣстными отличіями, попадали въ различныя физическія, экономическія и культурныя условія, въ различную этнографическую среду. Такъ, великорусская народность формируется преимущественно на финской почвѣ, бѣлорусская—въ близкомъ общеніи съ литовскою группою, украинская—въ вѣчномъ сосѣдствѣ съ тюрками. Культурныя вліянія были совершенно иныя въ Поднѣпровьѣ и Поднѣстровьѣ, чѣмъ въ Поволжьѣ и т. д. Исторія вела эти народности большею частью совершенно различными дорогами, представлявшими больше отличій, чѣмъ схожестей. Въ результатѣ образовалось народное самочувствіе, которое отличаетъ теперь, даже совершенно инстинктивно, Украинца и Великоросса, „хохла“ и „кацапа“ *), и даетъ себя чувствовать уже на первыхъ страницахъ исторіи.

Съ особою отчетливостью обозначились въ исторіи эти двѣ народности—великорусская и украинская, двѣ наиболѣе крупныя разновидности среди славянскихъ племенъ. Исто-

*) Хохолъ—насмѣшливое прозваніе у Великороссовъ для Украинцевъ; оно ведетъ свое начало отъ прически Украинцевъ XVII в., когда они, подбривая волоса, оставляли ихъ только на серединѣ головы, разными фасонами. Происхожденіе слова „кацапъ“, которымъ презрительно прозываютъ Украинцы Великороссовъ, не такъ ясно; его производятъ теперь очень правдоподобно отъ тюркскаго сазар—мясникъ, живорѣзъ.

рическая судьба не разъ сводила ихъ вмѣстѣ, причемъ въ первыхъ вѣкахъ ихъ исторической жизни роль зиждущаго, культурно и политически преобладающаго, первенствующаго въ восточной Европѣ элемента играла народность украинская, въ послѣднихъ—народность великорусская. Внѣ этихъ соприкосновеній и одновременно съ ними, историческая жизнь той и другой развивалась самостоятельно и своеобразно, все болѣе увеличивая сумму отличій всего склада ихъ жизни и отдѣляя ихъ національные типы все болѣе рѣзкою чертою. Передъ нами, несомнѣнно, двѣ народности, двѣ исторіи.

Литература: Історія України-Руси, т. I, гл. 1 и 4. Величко, Народописна карта українсько-руського народа. Львів, 1895.—Труды этнографической экспедиціи въ юго-западный край, VII.—Соболевскій. Опытъ русской діалектологіи - Живая старина, 1892, IV.—Михальчукъ. Что такое малорусская рѣчь?—Кіевская Старина 1899, VIII.—Анучинъ. Малороссы (краткій антропологическій очеркъ — Брокгаузъ и Ефронъ. Энциклопедическій словарь, т. XVIII.

II.

Исторія народа теряется „во мракѣ временъ",—какъ говорили въ доброе старое время,—въ зачаточныхъ стадіяхъ его обособленія и формированія въ отдѣльную географическо-этнографическую, а затѣмъ національную особь. Исторія старается прослѣдить этотъ процессъ, изучить тѣ условія, въ которыхъ происходила эволюція этой особи, проникая такъ глубоко въ ея прошедшее, какъ только можетъ проникнуть. Еще недавно исторія народовъ начиналась съ первыхъ историческихъ, писаныхъ извѣстій о немъ; теперь двѣ науки, археологія (съ антропологіею) и сравнительное языковѣдѣніе (глоттика), расширили историческій горизонтъ далеко за эту границу. Правда, не впадая ни въ излишній скептицизмъ, ни въ легковѣрность, не легко выбрать изъ сообщаемаго этими науками то, что должно быть введено

въ исторію украинскаго или иного народа для разъясненія ея первыхъ стадій; но, несмотря на эти трудности, историкъ никакъ не можетъ пренебречь результатами этихъ наукъ тамъ, гдѣ дѣло идетъ о темныхъ и безъ нихъ вовсе недоступныхъ доисторическихъ періодахъ эволюціи народа и его территоріи.

Порогомъ историческихъ временъ для украинскаго народа можно принять IV в. нашей эры, когда мы имѣемъ уже извѣстія, которыя можемъ приложить спеціально къ нему. До этого времени мы можемъ говорить о немъ, какъ о части славянской группы племенъ, а его эволюцію можемъ изучать не въ ея развитіи, а въ ея результатахъ, до которыхъ дошли мы въ моментъ окончательнаго обособленія отдѣльныхъ славянскихъ группъ. Сравнительное языковѣдѣніе изучаетъ эти результаты длиннаго ряда вѣковъ доисторической жизни по лингвистическимъ даннымъ, а факты археологіи и болѣе позднія историческія извѣстія даютъ возможность контролировать и дополнять его выводы.

Разселеніе украинскихъ племенъ на ихъ нынѣшней территоріи такимъ образомъ совпадаетъ съ началомъ ихъ исторической жизни. Столѣтія, непосредственно слѣдующія за разселеніемъ, подготовляютъ государственную организацію, исторія которой составляетъ главное содержаніе перваго періода исторической жизни украинскаго народа *). Усиліями кіевской династіи и дружины были соединены воедино, въ одинъ политическій организмъ, хотя на недолгое время, всѣ украинскія племена, всѣ части украинской территоріи, и это политическое единство сообщило новыя общія черты культурѣ и общественнымъ отношеніямъ всего украинскаго населенія. Наиболѣе важное значеніе имѣли распространеніе христіанства, въ продолженіе послѣдующихъ столѣтій постепенно проникавшаго въ массу народа и вліявшаго на бытъ и міровоззрѣніе народа, распространеніе при-

*) Онъ представленъ въ гл. V—VIII настоящей книги.

несенной вмѣстѣ съ христіанствомъ византійской образованности и культуры, кіевскаго права и пр. Въ сферѣ экономическихъ и общественныхъ отношеній этотъ періодъ обозначается такими чертами, какъ раздѣленіе общества на дружину и общину, образованіе купеческо-боярскаго капиталистическо-землевладѣльческаго класса, сильное развитіе (а затѣмъ упадокъ) торговли и промышленности и т. п.

Въ среднихъ десятилѣтіяхъ окончательно замираетъ самостоятельная государственная жизнь въ украинскихъ земляхъ и онѣ входятъ въ составъ двухъ сосѣднихъ государствъ: вел. княжества Литовскаго и королевства Польскаго. Этотъ фактъ открываетъ собою второй переходный періодъ *). Въ сферѣ культурныхъ отношеній западныя вліянія берутъ рѣшительный перевѣсъ надъ византійскими, въ сферѣ экономической все болѣе ускореннымъ темпомъ идетъ формировка высшаго, привилегированнаго класса и полное экономическое и юридическое порабощеніе имъ массы. Вмѣстѣ съ тѣмъ, этотъ привилегированный классъ все рѣшительнѣе отдѣляется отъ массы народа въ культурномъ и національномъ отношеніи; антагонизмъ массы въ отношеніи къ правительственному и привилегированному меньшинству, существовавшій въ извѣстной степени и въ предшествующее время, теперь обостряется національною и религіозною рознью. Все это приготовляетъ конфликтъ, прорывающійся съ концомъ XVI в. въ юго-восточной Украинѣ, благодаря ея колонизаціоннымъ условіямъ.

Исторія борьбы народа съ ненавистнымъ общественнымъ и экономическимъ строемъ,—борьбы, стремящейся къ ниспроверженію его и реформѣ общественныхъ отношеній, сообразно народнымъ идеаламъ общественной справедливости, составляетъ содержаніе третьяго періода **). Борьба экономическаго и общественнаго характера соединяется съ борьбою религіозною и національною; благодаря этому, она захватываетъ собою

*) Гл. IX—XIII этой книги.
**) Гл. XIV—XXI дальнѣйшаго изложенія.

необыкновенно широкій кругъ интересовъ и проникаетъ сверху донизу всѣ общественные классы. Ея ареною служитъ, главнымъ образомъ, восточная Украина. Тутъ политическій, общественный и экономическій укладъ подвергается полной перестройкѣ. Національное сознаніе доходитъ до небывалаго еще напряженія; чрезвычайнаго развитія достигаютъ религіозные интересы, въ значительной степени совпадающіе съ національнымъ и даже покрывающіе ихъ, въ силу этого совпаденія. Въ западной же Украинѣ, по реакціи, ускореннымъ темпомъ идетъ въ прежнемъ направленіи общественный и культурный процессъ. Въ концѣ концовъ борьба проиграна народомъ и въ восточной Украинѣ, и подъ всеобщею реакціею затихаютъ въ концѣ XVIII в. ея послѣдніе отклики.

Говоря старою исторіософскою терминологіею, это былъ тезисъ и антитезисъ, синтезирующіеся въ столѣтіи украинскаго возрожденія, призывающаго къ новой жизни народныя стремленія, уясняемыя въ освѣщеніи прогрессивныхъ идей современной эволюціи запада и усвояемыя новою украинскою интеллигенціею, выростающею подъ вліяніемъ этихъ прогрессивныхъ вліяній. Они синтезируются съ національными, политическими и общественными стремленіями бурныхъ столѣтій предшествующаго періода, и мѣсто старой вооруженной борьбы заступаетъ борьба культурная, во имя осуществленія идеаловъ, связывающихъ въ одно цѣлое массы народа съ этою новою интеллигенціею.

Таково, въ короткихъ словахъ, содержаніе украинской исторіи. Оно само собою даетъ руководящія идеи ея изслѣдованію и изложенію. Если въ современной исторической наукѣ вообще центръ тяжести изслѣдованія передвигается на исторію общественно - правовыхъ, экономическихъ и культурныхъ отношеній, а внѣшняя политическая исторія имѣетъ, главнымъ образомъ, значеніе лишь насколько она вліяла на эти отношенія,—то въ отношеніи украинской исторіи эти принципы диктуются самимъ ея содержаніемъ.

Самостоятельною государственною жизнью украинскій

народъ жилъ сравнительно недолго, въ древнемъ періодѣ своей исторіи. Начиная съ XIV вѣка, онъ входитъ въ составъ иныхъ, чужихъ государствъ, то служа пассивнымъ объектомъ ихъ управленія, то стоя въ болѣе или менѣе опредѣленной и рѣзкой оппозиціи этому управленію. Если и въ столѣтія самостоятельнаго политическаго существованія украинскаго народа государственною жизнью руководило правительственное меньшинство, правившее народомъ часто безъ его воли и противъ его воли, то въ дальнѣйшихъ столѣтіяхъ государственная жизнь развивалась большею частью безъ всякаго вліянія и низшихъ и высшихъ слоевъ украинскаго общества. Поэтому внѣшнія политическія и государственныя отношенія этого времени могутъ интересовать насъ лишь постольку, поскольку они непосредственно или посредственно вліяли на національное, экономическое и культурное положеніе украинскаго населенія. Экономическая, общественная и культурная исторія украинскаго населенія для нѣкоторыхъ періодовъ—единственно возможная исторія украинскаго народа, а вслѣдствіе этого, даже независимо отъ общихъ руководящихъ принциповъ современнаго историческаго изслѣдованія, въ исторіи украинскаго народа вообще на первый планъ должны быть выдвинуты явленія экономической и культурной эволюціи. Хотя бы для самого лишь пониманія развитія его исторіи, мы должны дать соотвѣтствующее мѣсто общественной, экономической и культурной жизни украинскаго народа въ первыхъ вѣкахъ его историческаго существованія и даже—существованія доисторическаго.

Въ этомъ общественномъ и культурно-экономическомъ процессѣ мы имѣемъ то основаніе народной жизни, которое проводитъ насъ чрезъ всѣ стадіи существованія украинскаго народа и связываетъ въ одно органическое цѣлое его исторію. Ея особенности, такимъ образомъ, совпадаютъ вполнѣ съ руководящимъ направленіемъ современной исторической науки, зато стоятъ въ рѣзкомъ противорѣчіи съ обычною, привитою школой, схемою историческихъ руководствъ. Послѣднія,

какъ по вѣхамъ, двигаются за политическими организаціями, возникающими въ восточной Европѣ, переходя отъ одной къ другой, по мѣрѣ ихъ усиленія и значенія. Сама по себѣ нераціональная, эта система искажаетъ историческую перспективу, насильственно разрывая живую нить народной жизни и не давая понятія объ истинномъ развитіи ея. Необходимо отрѣшиться отъ привычныхъ точекъ зрѣнія этой схемы, чтобы уяснить себѣ историческую жизнь какого либо изъ народовъ восточной Европы, въ томъ числѣ и украинскаго.

Исходною точкою нашею будетъ обособленіе южной группы восточно-славянскихъ племенъ, изъ которой сформировалась украинская народность, изученіе ея географическо-этнографической и культурной эволюціи и той культурной среды, въ которой проходило ея развитіе.

Какъ я уже сказалъ, своею нынѣшнею территоріею украинская группа племенъ овладѣваетъ во время славянскаго разселенія, двигаясь изъ своей прародины на югъ и западъ.

Въ настоящее время въ наукѣ все глубже проявляется сознаніе, что прародину индоевропейскихъ племенъ нужно искать не въ передней Азіи, гдѣ предполагали ее прежде, а въ восточной Европѣ; отсюда въ весьма раннее время, которое приблизительно опредѣляютъ двумя тысячелѣтіями до нашей эры, отдѣльныя группы начали распространяться на западъ, югъ и юго-востокъ. Литовская и восточно-славянская группы племенъ были бы въ такомъ случаѣ тѣми, которыя остались на старомъ пепелищѣ или въ ближайшемъ его сосѣдствѣ.

Во всякомъ случаѣ, какъ бы ни было съ индоевропейскою прародиной, группа славянская и литовская, наиболѣе близкія между собою среди прочихъ индоевропейскихъ племенъ, уже по выдѣленіи прочихъ группъ, прожили долгое время, въ близкомъ сосѣдствѣ и общеніи, несомнѣнно, въ восточной Европѣ. Съ движеніемъ германскихъ племенъ на западъ, обозначалась западная граница этихъ литовско-славянскихъ обиталищъ—въ бассейнѣ Вислы. Южная обозначалась съ разселеніемъ иранскихъ племенъ въ черноморскихъ степяхъ:

изъ историческихъ источниковъ о черноморской колонизаціи видимъ, что кочевое (иранское, по всей очевидности) скиѳско-сарматско-аланское населеніе степей не выходило за предѣлы областей нижняго Днѣпра, южнаго Буга и Днѣстра, и далѣе на сѣверъ мы должны предположить колонизацію славянскую. На юго-западѣ во II в. до нашей эры карпатское подгорье покрываетъ германская (или кельтско-германская) колонизація Бастарновъ; передъ ихъ приходомъ, а также и послѣ ослабленія ихъ, славянская колонизація могла простираться до Карпатъ, въ бассейнахъ верхняго Днѣстра, Сана и Вислы, прорываясь временами и дальше на юго-западъ. Горную же область Карпатъ занимала группа мелкихъ народовъ неяснаго, по всей вѣроятности, ѳракійскаго, происхожденія. Все это были народы той же индоевропейской семьи. Только по линіи, перерѣзывавшей восточно-европейскую равнину съ сѣверо-запада на юго-востокъ (точнѣе обозначить ее не можемъ), границы славяно-литовской колонизаціи встрѣчались съ вовсе чужою—финскою колонизаціею.

Въ этомъ треугольникѣ, который ограничивается линіею Вислы на западѣ, Балтійскимъ моремъ на сѣверѣ, на югѣ занимаетъ области средняго Днѣпра и Днѣстра, а на востокѣ бассейнъ Днѣпра (кромѣ, можетъ быть, его большихъ восточныхъ притоковъ), съ наибольшимъ правдоподобіемъ нужно искать славянско-литовскую территорію предъ разселеніемъ. Литовская группа занимала ея сѣверную часть, въ сосѣдствѣ балтійскаго побережья, и, вѣроятно, также земли между Двиной и Нѣманомъ, славянская—остальное пространство отъ Карпатскаго подгорья до Алаунской (Валдайской) возвышенности и бассейна Волги, постепенно расширяя свою территорію, по мѣрѣ того, какъ подвигались на западъ и юго-востокъ сосѣднія группы—Иранцы, Ѳракійцы, Германцы. Юго-восточная, украинская группа племенъ уже тогда, предъ разселеніемъ, могла занимать сѣверную и сѣверо-восточную часть своей позднѣйшей территоріи, распространившись потомъ только на югъ и западъ.

Въ указанной территоріи, въ тѣсномъ сосѣдствѣ и обще-

ніи, славянскія племена прожили рядъ столѣтій, достигнувъ довольно высокаго уровня культуры. Говорю о славянскихъ племенахъ, а не о единомъ славянскомъ племени, потому что племенная дифференціація, зачатки отличій въ племенномъ составѣ, языкѣ и складѣ жизни, должны были въ извѣстной степени проявляться уже въ этомъ періодѣ, хотя мы и не можемъ слѣдить за процессомъ этого обособленія. Объ общемъ уровнѣ культуры можно судить по лингвистическимъ даннымъ (по существованію у отдѣльныхъ славянскихъ племенъ общихъ названій, восходящихъ ко временамъ ихъ совмѣстной жизни). Видимъ у нихъ уже довольно развитое земледѣліе, начатки огородничества и садоводства, довольно широкій кругъ ремеслъ, обработку металловъ и т. д. Если затѣмъ въ періодъ своего разселенія Славяне изображаются своими болѣе культурными сосѣдями какъ населеніе малокультурное, съ преобладаніемъ пастушескаго и охотничьяго быта, то это нужно пояснить отчасти исключительными условіями, въ которыхъ происходили эти международныя соприкосновенія (свѣдѣнія касаются передовыхъ волнъ миграціи, воинственныхъ, пренебрегавшихъ условіями хозяйственности и культуры), отчасти нужно видѣть здѣсь временное паденіе культуры, весьма обычное въ періодѣ движенія, миграціи.

Разселеніе славянъ должно было начаться не позже III вѣка нашей эры. За движеніемъ германскихъ племенъ должно было послѣдовать движеніе славянъ на западъ. Ослабленіе иранскихъ ордъ Черноморья открывало дорогу на югъ; гуннскій потокъ, разрушившій остатки иранской колонизаціи и погнавшій на западъ готскія племена Черноморья, окончательно открылъ эти земли для славянской колонизаціи.

Движеніе на югъ восточно-славянскихъ племенъ (южной, украинской группы) даетъ себя знать появленіемъ въ Черноморьѣ упомянутыхъ уже Антовъ. На крайнемъ юго-востокѣ, въ бассейнѣ Дона и сосѣдствѣ Азовскаго моря, мы видимъ ихъ въ половинѣ VI в., и въ то же время они выступаютъ на лѣвомъ берегу нижняго Днѣстра, составлявшемъ тогда

крайній предѣлъ ихъ разселенія на западѣ *). Въ VII в. уходятъ окончательно за Дунай южные славяне (предки балканскихъ племенъ), и восточно-славянская (украинская) колонизація занимаетъ земли до сѣвернаго берега Дуная. На западѣ открылись для нея, послѣ движенія Славянъ на западъ и юго-западъ, прикарпатскія земли и горная область, колонизировавшаяся украинскимъ населеніемъ, впрочемъ, только постепенно, въ продолженіе ряда столѣтій. Во второй половинѣ VII в. украинская колонизація могла уже овладѣть своею позднѣйшею территоріею, по крайней мѣрѣ въ главныхъ чертахъ (такъ какъ этнографическія границы не установились, конечно, сразу прочно).

Болѣе подробныя свѣдѣнія о ней мы имѣемъ однако лишь позже, для X—XI вѣковъ. Болѣе всего данныхъ сообщаютъ этнографическіе обзоры и замѣчанія, собранныя во вступительной части къ древнѣйшей кіевской лѣтописи (т. н. Нестора); хотя они составлены во второй половинѣ XI в., но даютъ указанія и относительно болѣе раннихъ колонизаціонныхъ отношеній, до тѣхъ перемѣнъ, какія произвело во второй половинѣ X в. движеніе Печенѣжской орды. На основаніи этихъ обзоровъ и другихъ историческихъ источниковъ (т. н. Географъ Баварскій, Константинъ Порфирородный и др.), а также археологическаго и діалектологическаго матеріала, восточно-славянская колонизація представляется въ слѣдующемъ видѣ: области верхняго Днѣпра и верховьевъ Зап. Двины и Волги занимаютъ племена сѣверной группы—Кривичи, Дреговичи, Радимичи, Вятичи, предки нынѣшнихъ Бѣлоруссовъ и Великороссовъ; они распространяются неустанно на востокъ, колонизируя финскія земли, гдѣ выростаютъ затѣмъ настоящіе центры великорусскаго племени. Племена южной (украинской) группы располагаются въ бассейнѣ средняго и нижняго Днѣпра, простираясь на западъ—въ область Карпатъ, на востокъ—въ область Дона.

*) О нихъ говорятъ Прокопій, также Іорданъ, Ѳеофилактъ писатели VI и начала VII вв.

Въ центрѣ украинской колонизаціи на правомъ берегу Днѣпра, въ окрестностяхъ Кіева расположилось племя *Полянъ*. Въ концѣ X и въ XI в. оно занимаетъ небольшой треугольникъ между рѣками Днѣпромъ, Ирпенемъ и Росью. Можетъ быть, раньше, до печенѣжскаго натиска область Полянъ простиралась далѣе на югъ, за Рось, и здѣсь въ болѣе открытыхъ, безлѣсныхъ пространствахъ „чистаго поля", давшаго имъ имя, разселялись они первоначально, а только позже были оттиснуты въ сѣверный уголъ своей территоріи, лѣсистыя и холмистыя окрестности Кіева.

Этотъ небольшой треугольникъ представляетъ собою не только географическій, но и историческій центръ украинскихъ племенъ; впрочемъ, не только ихъ,—въ продолженіе цѣлаго ряда столѣтій онъ былъ политическимъ культурнымъ центромъ и для всей восточной Европы. Отсюда, несомнѣнно, вышло имя Руси, хотя мы и не можемъ удовлетворительно объяснить его происхожденія. Древнѣйшіе источники прилагаютъ имя „Руси" спеціально къ землѣ Полянъ, названіе „Русина" къ Полянамъ, хотя съ образованіемъ Кіевскаго государства это имя прилагалось также, въ болѣе широкомъ смыслѣ, и къ цѣлому этому государству, и ко всему восточному славянству, входившему въ составъ „Русскаго", Кіевскаго государства. Правда, редакторъ древнѣйшей кіевской лѣтописи держался того мнѣнія, что это имя было принесено въ Кіевъ Варягами (Норманнами), но это, по всѣмъ соображеніямъ, была неудачная, псевдо-ученая догадка его; въ дѣйствительности имя Руси связано съ Полянскою землею и выступаетъ на югѣ гораздо раньше, чѣмъ предполагали кіевскіе книжники.

Въ непосредственномъ сосѣдствѣ Полянъ на западѣ жили *Древляне*. Лѣтопись поясняетъ, что они назывались такъ потому, что жили въ лѣсахъ, но не указываетъ точнѣе предѣловъ ихъ колонизаціи. Вѣроятно, они жили въ области Тетерева и Случи, до Припети—на сѣверѣ, и Днѣпра—на сѣверо-востокѣ.

Восточными сосѣдями Полянъ, за Днѣпромъ, были *Се-*

сяне, *Северо*, кажется,—самое большое изъ украинскихъ племенъ: лѣтопись говоритъ, что они занимали область Десны, Сейма и Сулы. Какія племена жили дальше на юго-востокѣ, за побережьемъ Сулы, лѣтопись не говоритъ. Въ то время, когда она слагалась, побережье Сулы уже сильно опустѣло подъ натискомъ тюркскихъ ордъ, но раньше, до второй половины X в., славянская колонизація занимала бассейнъ Дона, простираясь до Азовскаго моря. Объ этомъ весьма опредѣленно говорятъ арабскіе географы IX и X в.—они даже называютъ Донъ, а иногда и нижнюю Волгу, которую считаютъ частью той же рѣки,—„Славянскою рѣкою". Тмуторокань на устьѣ Кубани (надъ Керченскимъ проливомъ), остававшаяся во владѣніи кіевскихъ князей и въ X и XI в., въ IX—X вѣкахъ не представляла собою такого острова, отдѣленнаго тюркскимъ моремъ, какимъ мы видимъ ее въ XI в., а примыкала къ украинской колонизаціи области Дона. Но какое именно племя жило тутъ, какъ оно называлось, этого мы не можемъ сказать.

На нижнемъ Днѣпрѣ сидѣло первоначально племя *Уличей* (или Угличей), вѣроятно, на правомъ берегу его. Позже, должно быть, подъ натискомъ Печенѣговъ, въ серединѣ X в., они передвинулись дальше на западъ, въ область южнаго Буга. Также покинули они и черноморское побережье; лѣтопись сохранила только воспоминаніе объ ихъ поселеніяхъ на черноморскомъ берегу, также какъ и ихъ западныхъ сосѣдей—*Тиверцевъ*, занимавшихъ земли по Днѣстру и дальше до Дуная. Подъ натискомъ тюркскихъ ордъ эта украинская колонизація въ концѣ концовъ должна была отступить на сѣверъ и сѣверо-западъ, оставивъ на черноморскомъ побережьѣ и въ степяхъ только слабые остатки свои, извѣстные въ XII—XIII в. подъ именемъ „Бродниковъ", „Берладниковъ".

На сѣверъ отъ Тиверцевъ, на западъ отъ Древлянъ жило племя *Дулѣбовъ*. Это старинное племенное названіе, какъ поясняютъ замѣтки Начальной лѣтописи, вытѣснено было позднѣйшими именами—очевидно, терминами полити-

ческими, происходившими отъ политическихъ центровъ, возникшихъ на территоріи племени: Волынянъ (отъ города Волыня) и Бужанъ (отъ г. Бужска). Границъ разселенія племени лѣтопись не указываетъ, поясняя только, что оно жило по Бугу (западному). Далѣе на западъ, въ нынѣшней Галиціи, обыкновенно помѣщаютъ племя Хорватовъ, но существованіе такого племенного имени среди украинскихъ племенъ очень сомнительно: хотя оно въ лѣтописи и названо разъ между украинскими племенами, но это упоминаніе довольно подозрительно. Мы такимъ образомъ не знаемъ, къ какому племени принадлежала старая украинская колонизація верхняго Днѣстра и Карпатскихъ земель,— были ли это Дулѣбы, или иное украинское племя.

Эта первоначальная колонизація претерпѣваетъ рядъ перемѣнъ, вслѣдствіе движенія турецко-финскихъ кочевыхъ ордъ, составлявшихъ настоящую историческую язву украинскаго народа, тормазъ его экономическаго и культурнаго развитія, разрушителя его колонизаціи, какъ, съ другой стороны, тысячелѣтняя борьба съ этими ордами составляетъ безцѣнную заслугу украинскаго племени передъ европейскою культурою, для которой онъ былъ оплотомъ противъ этихъ азіатскихъ кочевниковъ, по большей части не вышедшихъ на западъ изъ черноморскихъ степей и истощившихъ свои силы и энергію въ этой борьбѣ съ украинскимъ народомъ.

Гуннская орда была передовымъ полкомъ смѣшаннаго турецко-финскаго потока, который двигался за нею. Медленно и долго, то задерживаясь и ослабѣвая, то прорываясь сразу, какъ изверженіе вулкана, изливался этотъ потокъ, среди непрестанныхъ войнъ съ осѣдлымъ населеніемъ и ожесточенной борьбы среди самихъ этихъ ордъ,—борьбы, въ которой нѣкоторыя изъ нихъ исчезаютъ безслѣдно.

Въ періодъ разселенія украинскихъ племенъ проходятъ черезъ черноморскія степи орды Болгаръ и Аваровъ. По ихъ слѣдамъ земли нижняго Дона занимаютъ Хозары, орда неяснаго этнографическаго состава (вѣроятно, смѣшанная,

финско-турецкая). Она не имѣла разрушительнаго характера другихъ кочевыхъ ордъ и даже была полезнымъ культурнымъ факторомъ, сдерживая натискъ турецкихъ ордъ передней Азіи. Не имѣла, кажется, особенно тяжелыхъ послѣдствій для осѣдлой колонизаціи Черноморья и эмиграція Мадяръ (Угровъ), перешедшихъ черезъ черноморскія степи во второй половинѣ IX в. Ихъ вытѣснили въ свою очередь Печенѣги, прорвавшіеся черезъ хозарскій оплотъ, подъ натискомъ напиравшихъ на нихъ съ востока другихъ турецкихъ ордъ— Узовъ и Кипчаковъ.

Между тѣмъ какъ предшествовавшія финско-турецкія орды большею частью только переходили черезъ черноморскія степи въ земли средняго и нижняго Дуная, чисто турецкая миграція, открываемая Печенѣгами, не выходила изъ черноморскихъ степей и вслѣдствіе этого имѣла чрезвычайно тяжелыя послѣдствія для украинскаго населенія.

Печенѣги (Пацинаки — византійскихъ писателей, Баджнакъ—арабскихъ) прорываются изъ-за Волги въ 70—80-хъ гг. IX в., а въ 890-хъ уже появляются, по слѣдамъ Мадяръ, надъ нижнимъ Дунаемъ и, овладѣвъ черноморскими степями отъ Дона до Дуная, располагаютъ здѣсь свои кочевья. Сосѣдство этой многочисленной, воинственной и хищной орды оказалось невыносимымъ для осѣдлаго, земледѣльческаго украинскаго населенія черноморскихъ степей, уже отвыкшаго отъ разбойничьихъ походовъ эпохи разселенія, когда оно само принимало дѣятельное участіе въ набѣгахъ Болгаръ и Аваровъ. Оно начинаетъ отступать на сѣверъ и сѣверо-западъ; нѣкоторыя племена — какъ Уличи и Тиверцы, исчезаютъ вовсе въ этой миграціи. Во второй половинѣ X в. Печенѣги начинаютъ нападать и на земли средняго Поднѣпровья, открытыя для ихъ нападеній послѣ отступленія черноморскаго населенія. Окрестности Кіева въ концѣ X вѣка подвергаются непрерывнымъ нападеніямъ. Въ результатѣ— земли на югъ отъ Кіева сильно опустѣли, и Владиміръ Вел. принужденъ былъ устроить оборонительную линію по рѣкамъ Стугнѣ, Остру и Трубежу, въ ближайшемъ сосѣдствѣ Кіева,

переводъ тюркскаго имени Кара-калпаковъ). Въ нихъ пробовали видѣть предковъ позднѣйшихъ козаковъ, но это ошибочный взглядъ. Во время монгольскаго нашествія XIII в. тюркская колонизація Руси, несомнѣнно, была увлечена этимъ новымъ вихремъ: она вернулась въ степи, не успѣвъ ассимилироваться съ украинскимъ населеніемъ и не оставивъ никакихъ значительныхъ слѣдовъ въ украинскомъ этническомъ типѣ.

Історія України-Руси, т. I, гл. 2 и 3 (Славянскія племена до и по разселеніи), т. II гл. 8 (Степи въ XI–XIII вв.).

III.

Если періодъ разселенія сопровождался временнымъ пониженіемъ культурнаго уровня славянскихъ, въ томъ числѣ и украинскихъ, племенъ, то столѣтія по разселеніи — VIII, IX и X вѣка, когда вырабатывались начатки государственной организаціи, были, несомнѣнно, временемъ весьма интенсивнаго культурнаго развитія ихъ. Данныя лингвистики, играющія главную роль при изслѣдованіи славянскаго быта предъ разселеніемъ, для этого послѣдующаго времени могутъ комбинироваться съ современнымъ, или нѣсколько позднѣйшимъ, историческимъ матеріаломъ (XI — XII в.), и данными археологическими, почерпнутыми изъ содержанія раскопокъ и находокъ, и въ суммѣ эти данныя представляютъ намъ довольно обстоятельный образъ того культурно-бытового фона, на которомъ развиваются общественныя и политическія отношенія въ періодъ сформированія Кіевскаго государства (IX—X в.).

Общій культурный уровень нашихъ племенъ въ это время стоитъ уже довольно высоко. Земледѣліе, начатки котораго восходятъ еще ко временамъ общеарійскимъ, является теперь у нихъ уже въ полномъ развитіи, какъ главная статья хозяйства. Даже въ наименѣе культурныхъ земляхъ, какъ, напр., у Древлянъ, земледѣліе служитъ обычнымъ занятіемъ; въ языческихъ могилахъ Древлянъ и Сѣверянъ были нахо-

дины серпы и зерна нѣсколькихъ родовъ хлѣба. Памятники XI в. даютъ уже очень большой ассортиментъ хлѣбныхъ и огородныхъ растеній (пшеница, овесъ, рожь, ячменный солодъ, просо, горохъ, макъ, ленъ — для волокна и масла), а также и земледѣльческихъ орудій. Существовало собираніе сѣна, огородничество и садоводство. Скотоводство, охота, рыболовство, хотя весьма развитыя, какъ средства пропитанія, отходятъ все болѣе и болѣе на второй планъ. Охота имѣетъ главною цѣлью добываніе цѣнныхъ мѣховъ или становится развлеченіемъ высшихъ классовъ. Разводится домашняя птица — явленіе очень поздней культуры; въ тепи княжескаго агента временъ Ярослава (1 половина XI в.) курица является такимъ же обычнымъ блюдомъ, какъ хлѣбъ и каша.

Въ лѣсистой полосѣ, съ ея песчаною, малоплодородною почвою, чрезвычайно развито было и имѣло большое значеніе въ хозяйствѣ пчеловодство, въ формѣ бортничества (т. е. пчелы содержались въ лѣсахъ, въ искусственно сдѣланныхъ въ деревьяхъ дуплахъ; гораздо рѣже встрѣчаются указанія на пасѣчничество, т. е. разведеніе пчелъ въ ульяхъ. „Медъ и мѣха“, „мѣха, воскъ, медъ и рабы“ — это главные продукты земель Кіевскаго государства X в., предметы богатства: имя даютъ дань правительству, торгуютъ съ сосѣдними землями, посылаютъ дары. Медъ широко употреблялся и въ домашнемъ обиходѣ, особенно въ видѣ хмельного напитка, у низшихъ и высшихъ классовъ. Даже нищимъ Владиміръ въ лѣтописномъ разсказѣ посылаетъ медъ.

Изъ ремеслъ и вообще формъ промышленности обрабатывающей въ полномъ развитіи видимъ обработку кожи и волокна, дерева, глины и металла—плотничество, гончарство, кузнечество. Въ глухой Древлянской землѣ археологическія изслѣдованія не только обнаружили слѣды обработки желѣза, но и заставляютъ предполагать добываніе его на мѣстѣ, изъ болотной руды. Вообще металлическія издѣлія изъ желѣза, мѣди и бронзы, серебра, рѣже—золота, весьма часто встрѣчаются въ украинскихъ могилахъ изъ временъ

славянской колонизаціи (особенно въ землѣ Полянъ и Сѣверянъ); въ большинствѣ они вышли изъ рукъ мѣстныхъ ремесленниковъ—даже нѣкоторыя произведенія болѣе художественной, такъ сказать, ювелирной техники.

Пища этого времени также вышла уже изъ стадіи примитивной безыскусственности дикаря. Хлѣбъ, каша, вареныя овощи и мясо (вѣроятно, въ большемъ количествѣ, чѣмъ теперь) служили пищею народа. Хлѣбъ замѣшивали на дрожжахъ и пекли въ печи; мясо большею частью ѣли вареное. Наиболѣе распространеннымъ напиткомъ былъ медъ; въ большомъ употребленіи были также пиво и квасъ; вино было рѣдкостью. Menu высшихъ классовъ даетъ такса для содержанія княжескихъ агентовъ XI вѣка: агентъ (вирникъ) получаетъ отъ обывателей для себя и своего слуги ежедневно хлѣбъ, пшено и горохъ на кашу, сыръ, пару курей, комокъ („головажень") соли; теленка и ведро солоду на пиво на цѣлую недѣлю; въ постные дни вмѣсто мяса—рыбу.

Одежда отличалась еще большею простотою; названія ея еще очень мало спеціализированы. Ее составляли сорочка, штаны, свита, у богатыхъ поверхъ ея—плащъ; на ногахъ—родъ плетеныхъ чулокъ и кожаные сапоги или постолы; на головѣ—кожаная или плетеная шапка. Предметомъ щегольства служили парчевыя матеріи, византійской и восточной работы, дорогіе мѣха и золотыя украшенія (цѣпи, медальоны, серьги, височныя привѣски). У небогатыхъ классовъ были въ широкомъ употребленіи украшенія изъ серебра (шейные обручи, браслеты, кольца, ушные привѣски и т. п.), часто низкопробнаго, а также украшенія стеклянныя, привозимыя съ востока.

Дома устраивались высоко, въ видѣ двухъ этажей; комнаты были теплыя (истьба—истопка) и лѣтнія. Жилье окружали хозяйственныя постройки и кладовыя. Все это дѣлалось изъ дерева (а въ степныхъ мѣстностяхъ, вѣроятно, какъ и теперь, — изъ обмазаннаго глиною плетня). Вся каменная постройка—позднѣйшаго, чужого происхожденія, и терминологія ея состоитъ изъ заимствованныхъ греческихъ и нѣмецкихъ словъ.

Въ характерѣ Славянъ вообще и украинскихъ племенъ въ частности чужеземныя извѣстія отмѣчаютъ съ одной стороны добродушіе и привѣтливость, съ другой — воинственность, свободолюбіе и отсутствіе солидарности и общественной дисциплины. Радушіе и гостепріимство Руси, какъ и вообще Славянъ, было общеизвѣстно, также какъ и строгость семейныхъ отношеній—вѣрность славянскихъ женъ *).

Радушію и искренности, отмѣченной еще Прокопіемъ, соотвѣтствовали черты характера поэтическаго, веселаго, падкаго на развлеченія. Пѣсня и музыка были неразлучными товарищами всѣхъ выдающихся моментовъ жизни нашихъ предковъ. „Съ плясаніемъ, гудеціемъ и плесканіемъ“ справлялись свадьбы. „Долгими пѣснями“ прощается съ жизнью Русинка въ описанномъ ибнъ-Фадланомъ погребеніи купца Русина. „Игрища межю селы“, на нихъ игры и танцы, и „вся бѣсовьскыя пѣсни“ были общераспространенною принадлежностью народнаго быта.

Такою же непремѣнною принадлежностью всякаго праздника было бражничанье. „Руси есть веселіе пити, не можемъ безъ того жити“,—такой афоризмъ вкладываетъ кіевскій книжникъ XI в. въ уста Владиміра В.; его оправдывали веселые Владиміровы пиры, гдѣ меды лились рѣкой. Языческія церемоніи не обходились безъ попойки; „черезъ годъ послѣ смерти покойника, разсказываетъ ибнъ-Дастъ, берутъ кувшиновъ двадцать меду, несутъ на могилу, тамъ собираются родственники, ѣдятъ и пьютъ“. Это ритуальное бражничанье перенесено было потомъ и на христіанскія праздники.

Въ общемъ, всѣми этими чертами опредѣляется характеръ мягкій, веселый, окрашенный поэзіею. Характеристика Полянъ, данная древнѣйшею лѣтописью, — „обычай имяху тихъ и кротокъ“,—находитъ себѣ подкрѣпленіе и въ другихъ извѣстіяхъ. Но этой „кротости“, конечно, не нужно

*) Свидѣтельства Византійцевъ - Прокопія, Маврикія и Арабовъ—ибнъ-Даста, ибнъ-Якуба.

преувеличивать. Разбойничьи походы Руси IX—X в. сопровождаются совсѣмъ иными отзывами о ея характерѣ. „Они отважны и смѣлы: напавъ на чужой народъ, не отступаютъ, пока не уничтожатъ его вовсе“; „народъ жестокій и немилосердный, безъ тѣни жалости къ людямъ“,—такъ характеризуются военныя дружины Руси у современныхъ арабскихъ и греческихъ писателей. Но à la guerre comme à la guerre.

Религіозное міросозерцаніе до-христіанскихъ временъ имѣло въ своей основѣ культъ природы, въ довольно примитивной, слабо разработанной формѣ. Русско-славянская миѳологія вообще довольно блѣдна и неясна, не только вслѣдствіе скудости извѣстій, а и вслѣдствіе собственной бѣдности: судя по всему, славянское племя не имѣло особенной склонности къ религіозному творчеству.

Наиболѣе ранній источникъ—Прокопій говоритъ о „Славянахъ“ и „Антахъ“, т. е. о племенахъ южно-славянской и украинской группы, что они чтили одного бога, владыку вселенной, обнаруживающаго себя въ метеорическихъ явленіяхъ, и рядомъ съ нимъ второстепенныя божества и разныхъ категорій сверхъестественныя существа, говоря нашимъ языкомъ. Въ позднѣйшихъ упоминаніяхъ памятниковъ къ этому первоначальному главному богу наиболѣе близко подходитъ Перунъ, богъ грома (отъ *пьрати* — поражать); но это уже вмѣстѣ съ тѣмъ и спеціализація первоначальнаго общаго понятія, какъ и Даждьбогъ-Хорсъ,—божество солнца *), Сварожичъ—огонь и т. д. Несомнѣнно, что въ этомъ направленіи отъ „единаго“ бога неба и свѣта къ спеціальнымъ натуралистическимъ божествамъ шло развитіе миѳологическихъ идей. Параллельныхъ божествъ — представителей свѣтлыхъ и темныхъ силъ—мы не видимъ: сколько нибудь опредѣленнаго дуализма въ религіозномъ міровоззрѣніи украинскихъ, какъ и вообще славянскихъ племенъ, не замѣтно.

---

*) Эти два имени—Даждьбогъ и Хорсъ фигурируютъ какъ два отдѣльныя божества; ошибка ли это позднѣйшаго книжника, или солнечное божество дѣйствительно спеціализировалось въ два отдѣльныхъ представленія, трудно сказать категорически.

Главныя божества носятъ опредѣленныя черты индивидуализаціи; лѣтописное описаніе идола Перуна, поставленнаго въ Кіевѣ, или разсказъ ибнъ-Фадлана о человѣкообразныхъ идолахъ русскихъ божествъ указываютъ и на начатки антропоморфизма. Но это были только слабые начатки, и индивидуальность славянскихъ боговъ выступаетъ еще очень слабо. Мы не находимъ надежныхъ указаній на генеалогію боговъ. Интересный также въ этомъ отношеніи фактъ—отсутствіе богинь въ украинской и вообще славянской миѳологіи *).

Затѣмъ вся окружающая природа—воды, лѣса, болота,—въ глазахъ обитателя были населены разными таинственными существами, вызывавшими къ себѣ страхъ и почитаніе. Нынѣшній Украинецъ, особенно въ болѣе глухихъ мѣстностяхъ, сохраняетъ еще вполнѣ эти представленія о русалкахъ, водяникѣ, лисовыкахъ или полисунѣ, и разныхъ родахъ „дидькивъ"—домовыхъ, болотныхъ, лѣсныхъ и т. п.

Расположеніе высшихъ и низшихъ божествъ предокъ нынѣшняго украинца, какъ и всѣ другіе народы, снискивалъ молитвами и жертвами. Ибнъ-Дастъ сообщаетъ намъ одну такую молитву: во время жатвы, говоритъ онъ, они берутъ корецъ проса, поднимаютъ къ небу и говорятъ: „боже, дававшій намъ пищу, дай намъ ея и теперь въ изобиліи". Предметами жертвоприношеній являются, главнымъ образомъ, различные виды пищи; лѣтописный разсказъ о человѣческой жертвѣ Перуну въ Кіевѣ въ высокой степени подозрителенъ.

Для молитвъ и жертвоприношеній, вообще для культа, служили тѣ мѣста, гдѣ человѣкъ особенно живо чувствовалъ вѣяніе таинственной силы, проникавшей природу въ его представленіяхъ и собственно служившей предметомъ обожанія. Въ приведенномъ разсказѣ ибнъ-Даста русинъ X в. молится небу; туземные памятники XI в. говорятъ о молитвахъ и жертвоприношеніяхъ въ лѣсу, около рѣкъ, ручьевъ

*) Разныя Весны, Лады, Моравы, Живы и т. п. опираются отчасти на недоразумѣніяхъ, отчасти на извѣстіяхъ ненадежныхъ или вовсе апокрифическихъ.

и болотъ. Мѣстами существовали человѣкообразные идолы; но о существованіи храмовъ мы не имѣемъ никакихъ достовѣрныхъ извѣстій. Ихъ, очевидно, и не было, какъ не было и спеціальныхъ жрецовъ: общественныя жертвы приноситъ князь или представители общины, бояре и старцы; отъ себя и отъ своей семьи молитвы и жертвы приносилъ каждый глава семейства. Это и вполнѣ понятно при слаборазвитыхъ формахъ религіи и культа. Были, впрочемъ, люди, считавшіе себя спеціалистами во всякаго рода религіозныхъ вопросахъ, это—волхвы-знахари, вѣдущіи, предки позднѣйшихъ чарівників и вѣдьмъ. Они знали то, чего никто не могъ знать: какъ повліять на таинственныя силы природы, пріобрѣсти ихъ расположеніе и предотвратить бѣду. Однако и сами они не свободны отъ вліянія этихъ силъ. Судьба одинаково тяготѣетъ надъ всѣми. Представленіе о ней существовало очень опредѣленное—о немъ говоритъ еще Прокопій, а великій поэтъ XI в. Боянъ выразилъ его въ афоризмѣ:

Ни хытру, ни горазду,
Ни птичю горазду
Суда божія не минути...

Представленія о загробной жизни умершихъ и самостоятельномъ существованіи души независимо отъ тѣла выступаютъ вполнѣ опредѣленно. Они выражаются въ похоронномъ ритуалѣ, въ культѣ предковъ, въ вѣрованіяхъ о переходѣ души по смерти въ новыя существа, возможности ея появленія между живыми и т. п.

Ибнъ-Фадланъ подробно описалъ видѣнный имъ (въ 922 г., вѣроятно, въ Итилѣ, надъ Волгою) обрядъ погребенія богатаго русскаго купца: послѣ предварительныхъ церемоній сожигаютъ этого купца въ его лодкѣ, въ богатой обстановкѣ, съ одною изъ наложницъ. Этотъ разсказъ близко соотвѣтствуетъ ритуалу X в., обнаруженному раскопками въ окрестностяхъ Чернигова. Сожженіе покойниковъ вообще было очень распространено на лѣвомъ берегу Днѣпра; въ X в. оно, вѣроятно, господствовало здѣсь въ нѣкоторыхъ областяхъ. Въ

землѣ Полянъ и Древлянъ, наоборотъ, чаще погребали покойниковъ въ землѣ, вмѣстѣ съ предметами вооруженія или хозяйства. Свѣдѣнія о культѣ предковъ вообще бѣдны; въ почитаніи „рода“ и „рожаницы“ мы, возможно, имѣемъ этотъ культъ, но о немъ очень мало намъ извѣстно. Интересно, что домовые духи, „дидьки“, первоначально—духи предковъ, покойниковъ, позже въ народномъ представленіи являются злыми духами, аналогичными съ „бѣсами“.

Формы семейнаго союза, насколько можемъ проникнуть въ прошлое украинскихъ племенъ, являются уже весьма выработанными. Родство по женѣ, едва ли извѣстное общеарійской эпохѣ, пріобрѣтаетъ полное значеніе въ періодъ общеславянскій: несомнѣнно, жена уже не разрываетъ своихъ отношеній къ своему роду, вступая въ родъ мужа. Старыя формы умычки (похищенія) и покупки перешли въ чисто ритуальные, церемоніальные обряды, и въ такомъ значеніи онѣ существовали рядомъ у разныхъ украинскихъ племенъ *). Обычай сожиганія жены, какъ одного изъ предметовъ инвентаря, собственности покойника, перешло уже въ добровольное доказательство любви и вѣрности мужу. Оно практиковалось еще въ X в., хотя едва ли было явленіемъ общимъ.

Этотъ обычай много повліялъ на репутацію необыкновенной вѣрности славянскихъ женъ; но и въ дѣйствительности онѣ вообще, и у украинскихъ племенъ спеціально, оправдывали свою репутацію. Наоборотъ, мужчинѣ предоставлялась большая свобода половыхъ отношеній; конкубинатъ и многоженство, какъ и легкій разводъ, остались обычными явленіями даже и послѣ распространенія христіанства.

Основою общественныхъ отношеній древнѣйшая кіевская лѣтопись представляетъ „родъ“. Это слово въ ней означаетъ однако не родъ въ собственномъ смыслѣ, а семью **), и

*) Форма умычки существовала у Древлянъ и Сѣверянъ, какъ описываетъ лѣтопись, форма покупки за «вѣно» (цѣна)—у Полянъ.

**) Въ другихъ случаяхъ это слово употребляется въ значеніи поколѣнія, а также и народа.

семья, несомнѣнно, и была основною формою общественной организаціи нашихъ племенъ этого времени. Только это была семья болѣе широкая и сложная, чѣмъ нынѣшняя, состоящая лишь изъ родителей и малолѣтнихъ дѣтей. Изъ славянскихъ народовъ такая архаическая семья наиболѣе сохранилась у Сербовъ, въ ихъ „задругѣ". Въ горныхъ округахъ Галичины и Угорской Руси и у Украинцевъ сохранились мѣстами большія семьи, подобныя задругѣ (только меньшія,—онѣ достигаютъ, самое большее, 25-ти душъ), съ нераздѣльнымъ имуществомъ, подъ управленіемъ „газды" или „завидци", которымъ бываетъ чаще всего (но не исключительно) старшій въ семьѣ. Въ другихъ мѣстностяхъ Украины такія семьи весьма рѣдки теперь, но въ XVIII в. встрѣчались гораздо чаще. Кромѣ того, извѣстны намъ формы, развившіяся изъ этой старой сложной семьи; въ основаніи этихъ формъ лежала кровная связь семьи, но она не исключала участія чужеродцевъ, и формы, первоначально родовыя, переходили постепенно въ организаціи экономическія, причемъ первоначальная общность имущества отступала все болѣе и болѣе передъ имуществомъ индивидуальнымъ, раздѣльнымъ. Такими были такъ наз. „дворища", „себровства"; „хуторъ" лѣвобережной Украины также былъ сначала не чѣмъ инымъ, какъ тѣмъ же „дворищемъ".

Ни „дворище", ни „газдівство", также какъ и задруга, не выростаютъ до размѣровъ цѣлаго села. Кровная и экономическая связь держится до извѣстнаго предѣла, и изъ первоначальнаго „рода" съ теченіемъ времени выдѣляются новые, самостоятельные. Село—это уже группа родовъ-дворищъ. Первоначальная кровная связь часто оставалась въ памяти долго и оставляла слѣдъ въ патронимическихъ названіяхъ (такія названія селъ очень распространены на украинской территоріи); но связь эта внутри села уже гораздо слабѣе, чѣмъ внутри „дворища". Селомъ правитъ уже не старѣйшина, а сходка „старцевъ". Это уже не родъ, а община. Такъ должно представлять себѣ сельскую общину „Русской Правды", кіевскаго юридическаго кодекса XI в.—„вервь".

Первоначально извѣстная родовая традиція (ослабленная, конечно) должна была лежать и въ основѣ племенной организаціи; популярныя патронимическія формы племенныхъ названій, сообщенныя даже названіемъ географическаго или политическаго характера, остались отголоскомъ этого *). Но для IX—X в. это былъ только неясный отголосокъ прошлаго; слѣдовъ болѣе широкихъ родовыхъ организацій въ нашихъ памятникахъ мы уже не видимъ. Описывая разселеніе украинскихъ племенъ въ X—XI в.; кіевскій книжникъ, со всею опредѣленностью, на какую онъ былъ способенъ, объясняетъ, что племенная группировка была этнографическою: племена отличались этнографическими различіями, имѣли свои „обычаи, законы отецъ своихъ и преданія", свой „норовъ". Археологическія, а отчасти и діалектологическія, данныя до извѣстной степени подтверждаютъ взглядъ кіевскаго лѣтописца, хотя нѣтъ надобности эти племенныя отличія представлять очень значительными.

Территоріальный, а не родовой, принципъ лежитъ и въ основѣ дальнѣйшаго развитія общественныхъ отношеній. Исходною точкою общественной организаціи служитъ городъ, система городовъ.

Колонизаціонныя и общественныя условія дѣлали необходимымъ для группы селъ устройство общаго убѣжища отъ врага; „городъ", т. е. огороженное, укрѣпленное мѣсто, удовлетворялъ прежде всего этой цѣли. Его постройка и содержаніе создавали извѣстную связь между устраивавшими его селами,—связь чисто территоріальную. Рядомъ съ этимъ возникали постепенно новыя связи: общая защита противъ врага, охрана общественнаго спокойствія, преслѣдованіе его нарушителей.

Спеціальныя географическія условія, выгоды сообщенія и т. п., выдвигая отдѣльные города изъ группы сосѣднихъ, дѣлали ихъ центрами болѣе широкихъ округовъ и давали ихъ общинамъ преимущественное вліяніе во всякаго рода дѣ-

*) Такой же смыслъ имѣетъ употребленіе слова „родъ" въ значеніи племени, народа и т. п.

лахъ. Такой центръ дѣлался „городомъ“ par excellence для сосѣднихъ, послѣдніе же становились его „пригородами“ и подчинялись его гегемоніи: „что же старѣйшии (т. е. граждане „города“) сдумаютъ, на томже пригороди станутъ“. Возникновеніе такого центра давало себя знать и въ томъ отношеніи, что населеніе группы округовъ, тянувшихъ къ центральному городу, принимало часто и его имя, вытѣснявшее старое племенное названіе. Такъ явились Волыняне, Бужане и Червляне на территоріи Дулѣбовъ; Черниговцы, Переяславцы и Новгородцы на территоріи Сѣверянъ, и т. п. Эти системы городовъ были чрезвычайно важнымъ факторомъ въ дальнѣйшемъ развитіи политическихъ и общественныхъ отношеній среди украинскихъ племенъ. Развивались онѣ не у всѣхъ племенъ одинаково, въ зависимости отъ болѣе или менѣе интенсивной культуры, отъ большаго или меньшаго развитія самой городской жизни. Тогда какъ у Полянъ, Сѣверянъ, Дулѣбовъ городская жизнь была сильно развита, и уже въ самое раннее время городскія организаціи заступаютъ у нихъ мѣсто старыхъ племенныхъ отношеній,— у Древлянъ, Радимичей, Вятичей не развились крупные городскіе центры; эти земли долѣе удерживаютъ первоначальный аморфный племенной строй, и самыя племенныя имена живутъ дольше.

Этнографическая племенная группировка комбинировалась такимъ образомъ съ территоріальною. Племенная дифференціація лежала несомнѣнно въ основѣ позднѣйшихъ политическихъ отношеній, но на этой первоначальной основѣ новыя комбинаціи создавалъ городъ, то есть принципъ территоріальный. Изъ старыхъ географическо-этнографическихъ территорій—земель формируются новыя территоріи—„волости“ *). Территоріи племенъ со слабо развитою городскою жизнью, безъ сильныхъ городскихъ центровъ, притягиваются чужеплеменными центрами: Древляне— Кіевомъ, Радимичи и Вятичи—Черниговомъ. Съ другой стороны, сильное развитіе

*) Волость—власть, территорія и административная зависимость.

городскихъ центровъ приводятъ къ распаденію племенной территоріи на нѣсколько княжествъ-земель: такъ, Сѣверщина дѣлится на земли Черниговскую и Переяславскую, въ землѣ Дулѣбовъ появляются земли Владимірская, Луцкая, Червенская и т. п.

Что касается первоначальнаго порядка управленія въ этихъ племенныхъ и городскихъ организаціяхъ, то объ этомъ мы имѣемъ очень мало прямыхъ указаній. Прокопій и Маврикій говорятъ о Славянахъ и Антахъ, что они не знаютъ монархическаго правленія, живутъ въ племенной раздробленности, и всякаго рода дѣла рѣшаетъ воля народа. Изображая кіевскіе порядки предъ образованіемъ позднѣйшаго государства, авторъ древнѣйшей кіевской лѣтописи представляетъ, что дѣла рѣшало тогда совѣщаніе „Полянъ", т. е. то, что называется позже вѣчемъ, народное собраніе. Въ исторіи о возстаніи Древлянъ въ половинѣ X в. хотя и упоминаются древлянскіе князи, съ комплиментомъ, что они „добры" и „распасли древлянскую землю", но рѣшаютъ важнѣйшіе вопросы все-таки сами Древляне. Очевидно, что и въ тѣхъ племенныхъ и городскихъ организаціяхъ, гдѣ существовали князья-старѣйшины, главную роль играло все же совѣщаніе „старцевъ" или „лучшихъ людей", т. е. старѣйшинъ наиболѣе сильныхъ и вліятельныхъ родовъ. Но мѣстами князей могло и вовсе не быть, и правили общиною въ такомъ случаѣ эти „старцы", ихъ совѣтъ.

Мы не знаемъ, выработалась ли гдѣ нибудь на украинской территоріи, кромѣ Кіева, болѣе сильная княжеская власть, и не можемъ, вслѣдствіе этого, сказать, достигли ли тѣ политическія организаціи, на которыя указываютъ намъ такія имена, какъ Волыняне, Лучане и т. д., значительной внутренней силы и концентраціи прежде, чѣмъ вошли они въ сферу вліянія княжеско-дружиннаго уклада Кіевскаго государства.

Несомнѣнно, на скрѣпленіе связей города съ пригородами, на переходъ этихъ связей въ настоящую зависимость пригородовъ отъ города, какую мы наблюдаемъ позже, кня-

жеско-дружинный строй повліялъ очень сильно, и мы уже на первыхъ страницахъ кіевскихъ памятниковъ видимъ городскія отношенія такими, какими они сложились уже въ періодъ развитія этого новаго политическаго фактора. Безъ него гегемонія города надъ пригородами едва ли была бы очень осязательной. Вполнѣ реальною эта зависимость стала лишь тогда, когда въ „городѣ" сѣлъ князь или его намѣстникъ, съ большимъ или меньшимъ отрядомъ дружины, для поддержанія своего престижа.

Но и этотъ княжеско-дружинный элементъ былъ самъ продуктомъ развитія городской жизни, тѣхъ же условій, какія оживляли эту жизнь.

Подробнѣе—Історія України-Руси, т. 1, гл. 4 и начало 5-й.

IV.

Сношенія, торговля, какъ и въ исторіи другихъ народовъ, такъ и въ исторіи украинскаго племени были весьма важными факторами культурнаго и общественнаго развитія государственной организаціи.

Слѣды торговыхъ дорогъ, обмѣна и торговли на украинской территоріи можемъ прослѣдить до эпохи неолита и ранней металлической культуры. Торговыя сношенія, краснорѣчивыми доказательствами которыхъ служатъ чужеземныя раковины и различныя стеклянныя, глиняныя и металлическія издѣлія, такимъ образомъ, завязались здѣсь еще задолго до славянскаго разселенія. Мѣдная и бронзовая фабрикація вся опиралась на ввозѣ изъ-за границы; желѣзныя издѣлія и желѣзо также, несомнѣнно, въ значительной степени ввозились, такъ какъ своего желѣза, конечно, не хватало на всѣ потребности. Формы и мотивы издѣлій такъ называемаго доминкенскаго и скиоскаго типа указываютъ вполнѣ ясно на чужеземное происхожденіе, и т. д.

Уже въ эти времена можно съ полною опредѣленностью указать главныя направленія сношеній, которыя потомъ, съ нѣкоторыми измѣненіями, продолжали существовать и въ пе-

ріодъ славянской колонизаціи—южный, восточный и западный путь.

Южный путь, выходившій изъ финикійскихъ, карійскихъ, позже—греческихъ факторій и колоній черноморскаго побережья, оставилъ документальные слѣды въ видѣ греческихъ металлическихъ и керамическихъ издѣлій и монетъ; эти слѣды идутъ въ глубь средняго Поднѣпровья, а сфера вліянія этихъ сношеній шла еще далѣе на сѣверъ.

Въ черноморскихъ степяхъ путь южный встрѣчался съ восточнымъ: иранская колонизація степей служила живымъ мостомъ, связывавшимъ эти степи съ переднею Азіею. Если я скажу, что слова „курица", „чоботъ", „топоръ" несомнѣнно иранскаго происхожденія, то это дастъ понятіе о томъ, какъ разнообразны были культурныя заимствованія, проникавшія этою дорогой съ востока. Археологія даетъ также многочисленныя указанія на сношенія съ востокомъ. Оставляя въ сторонѣ такіе слѣды, какъ раковины cypreа moneta неолитическихъ могилъ Украины (раковины эти водятся въ Красномъ морѣ и Индійскомъ океанѣ) или предметы такъ называемой доминкенской культуры, такъ какъ нельзя навѣрное сказать, приходили ли они на Украину съ черноморскаго побережья или изъ передней Азіи,—можемъ указать на такъ называемый скиѳскій типъ въ металлическихъ издѣліяхъ (особенно бронзовыхъ): заходя въ районъ средняго Поднѣпровья, онъ съ другой стороны глубоко проникаетъ въ переднюю и центральную Азію и служитъ непререкаемымъ доказательствомъ широкаго обмѣна, захватывавшаго своими культурными вліяніями, между прочимъ, и славянскую прародину. Позднѣйшій, такъ называемый меровингскій или готскій стиль въ ювелирныхъ издѣліяхъ, представленный кладами на всемъ протяженіи отъ Западной Европы до передней и центральной Азіи, служитъ доказательствомъ обмѣна, продолжавшагося и въ періодъ славянскаго разселенія. Для позднѣйшаго времени мы имѣемъ уже обильныя письменныя и нумизматическія указанія въ томъ же смыслѣ.

Съ запада культурныя вліянія шли сначала отъ Кельтовъ,

позже отъ Римлянъ. Латинскія и кельтскія названія въ большомъ числѣ встрѣчаются въ общеславянскомъ запасѣ культурныхъ словъ. Археологія даетъ доказательства широкихъ сношеній въ эпоху предъ славянскимъ разселеніемъ въ видѣ чрезвычайно многочисленныхъ находокъ римскихъ монетъ,— преимущественно серебряной монеты конца I, затѣмъ II и III вѣковъ по Р. Х. Особенно часты и богаты такія находки въ среднемъ Поднѣпровьѣ (по обѣимъ сторонамъ Днѣпра), а также на Волыни и въ области Днѣстра. Торговыя сношенія могли, впрочемъ, приносить римскую монету не только съ запада, но и съ Черноморья и балканскихъ провинцій. Колонизаціонныя передвиженія II—III вв., очевидно, не остановили этихъ сношеній, и только въ IV—V в. онѣ ослабѣваютъ: монеты этого времени встрѣчаются лишь изрѣдка.

Украинскія племена, разселившись въ новой территоріи, овладѣли и этими извѣчными торговыми дорогами. Данныя IX—X в. даютъ намъ довольно полный обзоръ торговыхъ сношеній, какъ они развились уже въ рукахъ нашихъ племенъ.

Первою торговою артеріею въ этотъ періодъ выступаетъ, какъ называетъ ее кіевскій лѣтописецъ, „путь изъ Варягъ въ Грекы",—Днѣпръ. Извѣстный съ именемъ Константина Порфиророднаго византійскій трактатъ „Объ управленіи государствомъ" (средины X в.) описываетъ купеческіе караваны, ежегодно снаряжавшіеся изъ Кіева въ Константинополь: жители лѣсныхъ приднѣпровскихъ областей строятъ зимою лодки и съ первою водою спускаютъ ихъ въ Кіевъ и другіе торговые города, гдѣ продаютъ русскимъ купцамъ. Эти послѣдніе изъ разныхъ торговыхъ пунктовъ системы Днѣпра и сосѣднихъ—изъ Новгорода, Смоленска, Любеча, Чернигова, Вышгорода и др., съѣзжаются затѣмъ со своими товарами въ Кіевъ. Въ этомъ послѣднемъ, пока снаряжали суда и стягивались изъ разныхъ мѣстъ купцы и товары, можно представить огромную ярмарку, на которой сводились счета, перепродавались товары, устанавливались цѣны. Въ іюнѣ караваны двигаются изъ Кіева; послѣдній сборный пунктъ—подъ

Витичевымъ, ниже Кіева, гдѣ собираются всѣ суда, чтобы плыть однимъ большимъ вооруженнымъ караваномъ далѣе; въ это время черноморскія степи были въ рукахъ Печенѣговъ, и нужно было вооруженною рукою охранять отъ нихъ караваны, особенно на нѣкоторыхъ мѣстахъ. Выйдя въ Черное море, суда плыли вдоль его берега въ Константинополь, который въ X в. былъ главнымъ рынкомъ на этомъ „греческомъ" пути.

Передъ славянскимъ разселеніемъ эту роль играла Ольбія, у днѣпровскаго лимана. Затѣмъ, съ упадкомъ ея, значеніе перешло къ подунайскимъ (до ихъ упадка) и особенно крымскимъ городамъ; первое мѣсто среди нихъ занималъ Херсонесъ (Корсунь кіевскихъ памятниковъ), оставившій по себѣ замѣтную традицію въ восточной Европѣ (разные „корсунскіе" предметы въ старыхъ церковныхъ и иныхъ собраніяхъ). Позже украинскія племена, минуя этихъ посредниковъ, вошли въ непосредственныя сношенія съ Константинополемъ. Несомнѣнно, военные походы Руси на Черномъ морѣ, извѣстные намъ съ начала IX в., имѣли вліяніе и на расширеніе торговыхъ сношеній, проторивъ дороги русскимъ купцамъ и доставивъ имъ выгодныя условія торговли. Въ IX—X в. Русь господствовала на Черномъ морѣ. Арабскій географъ Масуди, писавшій во второй четверти X в., поясняетъ, что Черное море называется моремъ Русскимъ „потому, что, кромѣ Руси, никто на немъ не плаваетъ". Конечно, здѣсь преувеличеніе, но несомнѣнно, что имя Русскаго моря для Чернаго было дѣйствительно весьма популярно въ X—XI и даже XII вв.

Въ началѣ X в. заморская торговля съ Константинополемъ была уже очень значительна. Купцовъ изъ Руси тамъ бывало по нѣсколько сотъ, считая со слугами. Они приходили, очевидно, съ весенними караванами и оставались въ Константинополѣ мѣсяцами: оставаться на болѣе продолжительное время не позволяло имъ византійское правительство, вообще очень тяготившееся русскою колоніею и окружавшее ее всяческими стѣсненіями полицейскаго характера, опасаясь,

чтобы подъ именемъ купцовъ не проникали въ Константинополь разные военные авантюристы.

На торговлю съ болѣе отдаленными краями можетъ указывать извѣстіе еврейскаго путешественника XII в. Веніамина изъ Туделы, видѣвшаго русскихъ купцовъ въ Александріи. Съ другой стороны, торговля съ Константинополемъ не исключала также торговли съ подунайскими и крымскими городами—съ ними велись оживленныя сношенія и послѣ того, какъ тюркскія орды окончательно оттѣснили славянскую колонизацію отъ черноморскаго побережья, сношенія съ Константинополемъ должны были ослабѣть, а крымскіе рынки получили тѣмъ больше значенія (въ XII—XIII вв.).

Предметы южной торговли можно установить довольно точно: изъ греческихъ городовъ шли фабрикаты,—„паволоки“ (шелковыя узорчатыя ткани), парча и другія дорогія матеріи, произведенія греческаго ювелирнаго искусства („всяко узорочье“), стеклянныя издѣлія, пряности, вино и южные фрукты. Все это ввозилось для продажи въ сѣверныя и западныя земли, и для собственнаго обихода: въ украинскихъ находкахъ встрѣчаемъ очень часто византійскіе фабрикаты, особенно издѣлія изъ золота и драгоцѣнныхъ камней, эмалированныя и филигранныя украшенія, узорчатыя шелковыя и златотканныя матеріи. Вліяніе византійскихъ художественныхъ издѣлій на туземную, особенно кіевскую, промышленность, подражавшую имъ въ XI—XII вв. очень сильно, также свидѣтельствуетъ, какъ распространены были (въ богатыхъ классахъ) и нравились эти византійскія издѣлія. Взамѣнъ ихъ русскіе купцы предлагали Грекамъ дорогія мѣха, невольниковъ, воскъ. Все это добывалось князьями и ихъ дружиною въ видѣ добычи или дани съ подвластныхъ племенъ, или вымѣнивалось и покупалось на ярмаркахъ отъ скупщиковъ и бродячихъ мѣнялъ.

Система Днѣпра, собиравшая со всѣхъ концовъ сырыя произведенія для вывоза въ Византію, взамѣнъ приносила византійскіе товары не только въ земли Русскаго государ-

ства, но и за предѣлы его. Въ глазахъ кіевлянина XI в. днѣпровская дорога была прежде всего путемъ изъ Византіи къ Варягамъ, въ сѣверно-скандинавскія и сѣверно-нѣмецкія земли. Путь этотъ раздѣлялся на-двое: одна дорога шла съ верхняго Днѣпра двинскими притоками, черезъ озеро Ильмень и Ладожское и Неву—въ Балтійское море; другая выводила въ то же море Зап. Двиною. Кіевскій лѣтописецъ имѣетъ въ виду первую, хотя и болѣе далекую, потому что на ней лежалъ главный этапъ русской сѣверной торговли—Новгородъ, между тѣмъ какъ двинская дорога была большею частью въ чужихъ рукахъ. На сѣверъ кіевскіе купцы посылали византійскіе и арабскіе товары, а позже, вѣроятно, и свои собственные; оттуда получали сырые продукты, металлы, соль, впослѣдствіи — и западно-европейскіе фабрикаты, при посредствѣ нѣмецкихъ и скандинавскихъ купцовъ.

На западъ главная дорога шла чрезъ Галицію и Чехію въ южную Германію. Уже арабскій географъ первой половины IX в. ибнъ-Хордадбегъ упоминаетъ о еврейскихъ купцахъ, говорящихъ „по-арабски, персидски, римски, французски, испански и славянски"; по его словамъ, они ѣздятъ съ запада на востокъ и съ востока на западъ моремъ и материкомъ (черезъ центральную Европу) и привозятъ евнуховъ, невольницъ и невольниковъ, дорогіе мѣха и мечи. О русскихъ купцахъ, пріѣзжающихъ въ города средняго и верхняго Дуная, говоритъ мѣстный Раффельштетскій таможенный уставъ, изданный около 904 г. Путешественникъ 2-ой пол. X в. ибнъ-Якубъ разсказываетъ о русскихъ купцахъ въ Прагѣ и т. д. И въ этой торговлѣ украинскіе купцы, кромѣ экспорта восточно-европейскихъ товаровъ, служили также посредниками въ торговлѣ центральной Европы съ Византіею и переднею Азіею, перепродавая туда византійскіе и арабскіе товары. Важную роль въ этой торговлѣ, въ качествѣ посредниковъ, играли также упоминаемые ибнъ-Хордадбегомъ и другими писателями еврейскіе купцы.

Торговлю украинскихъ земель съ Востокомъ по монетнымъ находкамъ можно констатировать уже съ VII в. (мо-

неты Сассанидовъ). Ибнъ-Хордадбегъ (первая пол. IX в.) представляетъ эту торговлю уже въ полномъ развитіи: русскіе купцы ѣздятъ по Каспійскому морю и торгуютъ въ побережныхъ городахъ или изъ южныхъ портовъ Каспійскаго моря везутъ товары на верблюдахъ въ самый Багдадъ. Прежде чѣмъ украинская торговля достигла такой активности, восточными рынками для нея служили—хозарскій Итиль на нижней Волгѣ и болѣе, вѣроятно, поздній—Болгаръ—на средней (около Казани). Эти города и въ X в., когда украинскіе купцы вели уже самостоятельно торговыя сношенія съ восточными землями, оставались важными торговыми пунктами: Болгаръ служилъ главнымъ торжищемъ сѣверной Европы съ Востокомъ и едва ли не главною ярмаркою для наиболѣе цѣннаго товара сѣверныхъ земель—дорогихъ мѣховъ. Итиль былъ восточнымъ рынкомъ для земель южныхъ. Тутъ былъ цѣлый кварталъ, заселенный „Славянами и Русью". Черезъ Итиль шли караваны русскихъ купцовъ, направлявшихся въ каспійскіе порты и далѣе на востокъ.

Товары, покупавшіеся арабскими купцами отъ восточно-европейскихъ, очень подробно перечисляетъ арабскій писатель конца X в. Мукадесси; на первомъ планѣ стоятъ и тутъ дорогіе мѣха и невольники, а также кожи, дерево и янтарь. Отъ Арабовъ покупались шелковыя матеріи, металлическія и спеціально ювелирныя издѣлія, пряности и южные фрукты; однимъ словомъ, характеръ торговли тотъ же, что и съ Византіей. Судя по находкамъ восточныхъ монетъ (очень частымъ и богатымъ), наибольшій расцвѣтъ этой торговли падаетъ на первую половину X в. *). Походы кіевскаго князя Святослава 960-хъ гг., разрушившіе главные рынки—Итиль

*) Составъ этихъ находокъ даетъ также интересныя указанія относительно направленія торговли. Главная масса монетъ (какихъ нибудь двѣ трети)—изъ Туркестана: монеты династіи Саманидовъ, битыя въ Самаркандѣ, Бухарѣ, Балхѣ, Шашѣ (теп. Ташкентъ) и т. п. Затѣмъ въ большомъ числѣ встрѣчаются монеты южнаго каспійскаго побережья и багдадскаго калифата. Довольно часты также сѣверо-африканскія монеты.

и Волгаръ, очень тяжело отразились и на торговлѣ. Итиль послѣ этого удара захирѣлъ среди тюркскаго потопа; Болгаръ же, не терпѣвшій такъ сильно отъ тюркскихъ ордъ, довольно скоро оправился. Но восточная торговля ослабѣла и отъ внутреннихъ невзгодъ, начавшихся въ Туркестанѣ съ концомъ X в.

Сердцемъ, гдѣ сходились эти главныя торговыя артеріи восточной Европы и второстепенныя дороги, былъ Кіевъ, одно изъ самыхъ старыхъ культурныхъ гнѣздъ Европы, гдѣ, начиная съ эпохи палеолитической культуры, сохранились слѣды интенсивной колонизаціи, а позже — и интенсивныхъ культурныхъ сношеній.

Стоя на главной торговой дорогѣ—Днѣпрѣ, ниже устьевъ его главныхъ притоковъ Припети и Десны, онъ былъ сборнымъ пунктомъ и складомъ для всего, что шло всею системою Днѣпра, а эта послѣдняя, въ свою очередь, собирала товары съ сосѣднихъ, тѣсно примыкавшихъ къ ней системъ: Припеть сближала ее съ системою Зап. Буга и Вислы, верхній Днѣпръ—съ Западною Двиною, Волгою и системою озеръ, Десна—съ системою Оки, Сеймъ—съ системою Дона, а съ нижняго Дона черезъ небольшой перешеекъ переходили въ бассейнъ Волги. Небольшіе водораздѣлы тогда не представляли большихъ затрудненій—легкія суда просто переволакивались, а товары переносились на плечахъ рабовъ *). Съ воднымъ путемъ соединялись въ Кіевѣ и сухопутныя дороги: сѣверо-западная—съ Волыни и „изъ Ляховъ"; юго-западная—черезъ Галицію въ Венгрію и Чехію; сѣверо-восточная—на Курскъ, въ бассейнъ верхняго Дона и средней Волги; юго-восточная—на Переяславль, въ область нижняго Дона и средней Волги, и три южные пути, упоминаемые въ кіевской лѣтописи XII в.—„Греческій, Солоный и Залозный", ведшіе въ разные пункты черноморскаго и азовскаго побережья. Въ Кіевѣ кипѣлъ торговый обмѣнъ, коммерческое и про-

*) Такъ, трактатъ Константина Порфиророднаго описываетъ обходъ днѣпровскихъ пороговъ кіевскимъ караваномъ.

мышленное движеніе; здѣсь былъ первый центръ великой восточно-европейской равнины въ продолженіе цѣлаго ряда столѣтій послѣ славянскаго разселенія.

Созданныя благопріятными географическими условіями и скрѣпленныя тысячелѣтними традиціями, оживленныя торговыя сношенія накопляютъ здѣсь культурный опытъ и матеріальныя средства *). Здѣсь скопляются запасы товаровъ и капиталы и формируется могущественное сословіе купцовъ-воиновъ. При тогдашнихъ условіяхъ купецъ, держа въ одной рукѣ кошелекъ, въ другой долженъ былъ держать мечъ для обороны его; торговля требовала вооруженной охраны, купеческіе караваны отправлялись въ путь съ оружіемъ въ рукахъ, какъ военныя экспедиціи, и въ каждую минуту караванъ такихъ купцовъ-воиновъ былъ одинаково готовъ открыть торгъ или завязать битву, вступить въ выгодную сдѣлку или поискать добычу, взять контрибуцію, наловить невольниковъ. Здѣсь было гнѣздо той „Руси", которую арабскій писатель X в. ибнъ-Дастъ характерно описываетъ такъ: „Русь не имѣетъ ни недвижимаго имущества, ни деревень, ни пашень; единственный промыселъ ея—торговля соболями; она нападаетъ на земли Славянъ и захватываетъ тамъ невольниковъ, которыхъ продаетъ потомъ въ Итилѣ и Болгарѣ; добыча въ землѣ Славянъ—ея единственное пропитаніе. Когда у Русина рождается сынъ, отецъ новорожденнаго кладетъ предъ ребенкомъ обнаженный мечъ и говоритъ: я не оставлю тебѣ никакого имущества; ты будешь имѣть только то, что пріобрѣтешь этимъ мечемъ".

Этотъ кіевскій патриціатъ, сословіе богатыхъ купцовъ-воиновъ, расширяя районъ своихъ торговыхъ сношеній, закладывая свои факторіи и поселенія на главнѣйшихъ торговыхъ путяхъ, долженъ былъ въ своихъ видахъ стремиться къ образованію военныхъ силъ, къ созданію полити-

*) Какъ мы видѣли, Кіевъ лежитъ уже въ районѣ славянской и даже, вполнѣ возможно,—украинской народности. Его культурныя традиціи имѣли шансы пережить періодъ славянскаго разселенія, и самое населеніе, вѣроятно, не измѣнилось рѣзко и всецѣло

ческой организаціи для охраны торговыхъ интересовъ. Затѣмъ охрана дорогъ и сношеній переходила сама собою въ покореніе племенъ, расположенныхъ по этимъ торговымъ дорогамъ; собираніе контрибуцій давало цѣнное подспорье торговлѣ и обращалось въ цѣль политической организаціи, созданной этими купцами-воинами и поддерживаемой ими же. Недаромъ имя Руси, т. е. спеціальное имя Кіевщины, прежде чѣмъ стать именемъ государства, становится у иностранныхъ писателей X вѣка, какъ Константинъ Порфирородный, ибнъ-Дастъ, именемъ класса купцовъ-дружинниковъ, державшихъ въ своихъ рукахъ торговлю и сношенія восточной Европы и связавшихъ въ государственную организацію свою систему торговыхъ дорогъ и факторій. Кіевщина была очагомъ этого класса купцовъ-воиновъ и сообщила ему свое имя „Руси". Онъ былъ представителемъ государственной организаціи, созданной кіевскимъ патриціатомъ, и передалъ имя „Руси" всей государственной системѣ,—системѣ племенъ и земель, входившихъ въ ея составъ.

Такъ представляется происхожденіе „Русскаго", кіевскаго государства на основаніи изученія общественныхъ отношеній X в. въ ихъ современныхъ и ретроспективныхъ источникахъ. Но въ древнѣйшей кіевской лѣтописи мы имѣемъ иную традицію о происхожденіи кіевскаго государства и объ этой традиціи нужно сказать нѣсколько словъ, прежде чѣмъ обратиться къ его исторіи.

Когда кіевскій книжникъ въ половинѣ XI в. взялся за перо, чтобы выяснить себѣ происхожденіе и первые моменты развитія кіевскаго государства *), процессъ его формирова-

---

*) Это произведеніе, въ своей первоначальной редакціи кратко описывало событія, кончая, по всей вѣроятности, половиною X в. (Игоремъ) и носило тотъ титулъ, который перешелъ затѣмъ къ его позднѣйшимъ переработкамъ: „Се повѣсти временныхъ лѣтъ (вѣроятно, переводъ греческаго слова хроиографъ), откуду есть пошла Русская земля (т. е. Кіевское княжество, Русь въ тѣсномъ смыслѣ), кто въ Киевѣ нача первѣе княжити, и откуду Русская земля стала есть". Эта первоначальная „Повѣсть" была затѣмъ расширена и

нія былъ стариною достаточно отдаленною, о которой въ памяти современниковъ сохранились очень слабыя воспоминанія: отрывочныя имена, стертыя, или, наоборотъ, расцвѣченныя сказочными, легендарными мотивами преданія, наконецъ разныя догадки и комбинаціи замѣняли реальныя свѣдѣнія. Отрывки или упоминанія объ этихъ преданіяхъ и догадкахъ сохранились въ древнѣйшей кіевской лѣтописи. Тутъ имѣемъ легенду о трехъ кіевскихъ братьяхъ Кіѣ, Щекѣ и Хоривѣ, якобы построившихъ Кіевъ, названный по имени старшаго брата, между тѣмъ какъ имена остальныхъ и ихъ сестры Лыбеди были увѣковѣчены въ названіяхъ кіевскихъ урочищъ; они представлялись родоначальниками Полянскаго племени и предками кіевской княжеской династіи (слѣды этихъ версій остались въ самомъ разсказѣ лѣтописи). Это, конечно, не что иное, какъ т. н. этимологическій миѳъ: изъ названій мѣстностей сдѣланы имена героевъ - епонимовъ, основателей города. Другая легенда разсказывала иначе: на мѣстѣ Кіева существовалъ перевозъ на Днѣпрѣ, перевозчикомъ на немъ былъ нѣкто Кій; поэтому мѣсто называлось

продолжена и, перейдя черезъ руки нѣсколькихъ редакторовъ, во второй половинѣ XI в., вошла въ составъ исторической компиляціи, древнѣйшей кіевской лѣтописи, по традиціи называемой часто Несторовой лѣтописью, хотя Нестору она, несомнѣнно, не принадлежитъ. Одна редакція ея (сохранившаяся въ сѣверныхъ, великорусскихъ спискахъ, какъ Лаврентьевскій и ему подобные) составлена была въ Кіевѣ въ 1116 г. и доведена до 1110 г.; другая редакція, которая дошла до насъ вмѣстѣ съ южно-русскими продолженіями, не имѣетъ такой точной даты, но, несомнѣнно, также принадлежитъ второму десятилѣтію XII в. Лѣтописаніе продолжалось затѣмъ и въ концѣ XII в.: изъ разныхъ записокъ и историческихъ сказаній въ Кіевѣ было составлено продолженіе древнѣйшей лѣтописи, доходившее до 1199 г. Позже къ этому была присоединена хроника событій 1205—1289 гг., составленная отчасти на Волыни, отчасти въ Галиціи. Эта коллекція лѣтописей дошла до насъ въ кодексѣ Ипатьевскомъ (первой четверти XV в.) и ему подобныхъ. Подробнѣе о древнѣйшей кіевской лѣтописи и ея составныхъ частяхъ см. Історія України-Руси, т. I, экскурсъ 1, а о ея продолженіяхъ—т. III, въ послѣдней главѣ.

Кіевымъ перевозомъ, а потомъ тутъ былъ основанъ городъ Кіевъ.

Автора „Повѣсти" эти легенды и комбинаціи не удовлетворили, и онъ предложилъ собственную очень сложную теорію. По его мнѣнію, Русь — это народъ скандинавскій (варяжскій); его привели въ Новгородъ три брата конунги въ концѣ IX в. *), по приглашенію самихъ Новгородцевъ и ихъ сосѣдей, которые, освободившись отъ власти завоевавшихъ ихъ передъ тѣмъ варяжскихъ дружинъ, не умѣли завести порядка у себя собственными силами и въ концѣ концовъ порѣшили призвать себѣ правителей изъ варяжскихъ вождей. Изъ Новгорода эти варяжскіе конунги овладѣли Днѣпровскимъ путемъ и самимъ Кіевомъ и положили начало кіевской княжеской династіи.

Основанія, на которыхъ оперлась эта теорія, довольно ясны. Это, во-первыхъ, традиція о завоеваніяхъ Варяговъ въ сѣверныхъ, финскихъ и славянскихъ земляхъ, и контрибуціяхъ, которыя они тутъ собирали. Далѣе, память о томъ, что въ X и началѣ XI в. въ Кіевѣ были большія дружины Скандинавовъ — Варяговъ (Vaeringjar скандинавскихъ сагъ) **), игравшихъ очень важную роль на княжескомъ дворѣ, особенно въ X вѣкѣ, и придававшихъ ему до нѣкоторой степени даже варяжскую окраску. Наконецъ, тотъ фактъ, что эти Варяги, входившіе въ составъ дружины Кіевскаго государства, принимали имя Руси и подъ этимъ именемъ переходили изъ русскихъ земель въ Византію ***).

Подъ вліяніемъ этихъ фактовъ и традицій и сложилась

*) Общепринятая хронологія этихъ событій была скомбинирована при одной изъ послѣдующихъ редакцій „Повѣста" и отодвинула назадъ исходную точку ея — призваніе Варяговъ, принявъ для нея 862 годъ.

**) Это слово производятъ обыкновенно отъ староскандинавскаго vár—вѣра, обѣтъ, т. е. дружина присяжниковъ.

***) Благодаря этому, въ Византіи, въ памятникахъ второй половины XI в., Русь является другимъ именемъ Варяговъ — Βαράγγοι Ρῶς; это обстоятельство могло быть извѣстно автору „Повѣсти" и повліять на образованіе его теоріи.

у автора „Повѣсти“, вообще очень склоннаго къ гипотезамъ и комбинаціямъ (которыя онъ, конечно, передаетъ вполнѣ категоричнымъ тономъ), его теорія, которую затѣмъ весьма долгое время принимали за непреложную истину. Очень долго усилія ученыхъ направлялись только на разъясненіе ея и соглашеніе съ нею историческихъ фактовъ, не укладывавшихся въ ея рамки. Но послѣ того, какъ обнаружились существенныя невѣрности въ этой теоріи, какъ сталъ яснымъ общій характеръ „Повѣсти“, представляющей собою не безыскусственный пересказъ традицій и фактовъ, какъ представляли себѣ прежде, а ученое (для своего времени) построеніе, теорію, полную собственныхъ комбинацій ея авторовъ и редакторовъ *),—стало невозможнымъ принимать на вѣру ея сообщенія.

Въ самомъ дѣлѣ, хронологія, напр., „Повѣсти“ не выдерживаетъ критики даже въ ея исправленномъ видѣ. Появленіе варяжскихъ конунговъ въ Кіевѣ „Повѣсть“ относитъ къ 860-мъ годамъ, въ виду того, что въ 860-хъ годахъ въ Византіи уже знали Русь, а авторъ „Повѣсти“ считалъ эту Русь кіевскою. Но въ дѣйствительности Византійцы знаютъ Русь уже въ началѣ IX в., конечно—Русь, приходившую не изъ Скандинавіи, а изъ украинскихъ земель **). Имя Руси связано ближайшимъ образомъ съ землею Полянъ и, очевидно, было ея исконнымъ именемъ. Всѣ старанія отыскать слѣды существованія Руси въ скандинавскихъ земляхъ не привели ни къ какимъ положительнымъ результатамъ. Скандинавскія саги, хорошо знающія своихъ земляковъ, ходившихъ на Русь на службу къ здѣшнимъ князьямъ, ничего

*) Эти комбинаціи въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Повѣсти мы можемъ видѣть in statu nascendi и провѣрять ихъ съ фактами въ рукахъ

**) Проторили дорогу черезъ восточную Европу въ Византію конечно, Варяги, бывшіе на службѣ у кіевскихъ князей, главнымъ образомъ съ конца X в., когда Владиміръ В. послалъ варяжскій корпусъ на помощь византійскому императору, у котораго онъ и позже остался на службѣ. Съ тѣхъ поръ Днѣпръ сталъ для этихъ скандинавскихъ авантюристовъ „путемъ изъ Варягъ въ Греки“, какъ называетъ его авторъ „Повѣсти“.

не знаютъ о скандинавскомъ происхожденіи кіевской княжеской династіи, вовсе не подозрѣваютъ о немъ. Весь арсеналъ доказательствъ, собранный защитниками лѣтописной теоріи о варяжскомъ происхожденіи Кіевскаго государства (т. наз. норманнистами), доказываетъ только (что̀ мы и безъ того знаемъ), что въ IX—X вв. въ дружинахъ кіевскихъ князей было много Варяговъ, и что вслѣдствіе этого, напр., въ Византіи не умѣли иногда отличить Варяговъ отъ славянской Руси. Разсказъ „Повѣсти" о переселеніи цѣлаго скандинавскаго народа, покрывшаго собою въ разныхъ мѣстахъ первоначальное славянское населеніе, совершенно невѣроятенъ, хотя бы потому, что этотъ скандинавскій элементъ не оставилъ ни въ языкѣ, ни въ бытѣ, ни въ правѣ сколько нибудь замѣтныхъ слѣдовъ, какъ можно бы въ такомъ случаѣ ожидать *).

Въ концѣ концовъ, можно вѣрить разсказу „Повѣсти" о варяжскомъ происхожденіи кіевскихъ князей или не вѣрить, видѣть здѣсь вѣрную догадку книжника или старую традицію, или оставлять ее подъ сомнѣніемъ, но, во всякомъ случаѣ, нельзя класть разсказовъ „Повѣсти" въ основаніе исторіи Кіевскаго государства, принимать ея теорію о томъ, что это государство обязано своимъ возникновеніемъ скандинавскимъ конунгамъ, и т. д.

Имя Руси указываетъ на Полянскую землю и ея старый центръ—Кіевъ. Географическія, культурныя и экономическія условія подтверждаютъ это указаніе, поясняя, что здѣсь скорѣе, чѣмъ гдѣ бы то ни было на восточно-европейской равнинѣ вообще, и въ украинскихъ земляхъ въ частности, должна была почувствоваться нужда въ образованіи постоянныхъ военныхъ силъ, болѣе прочной и интенсивной государственной организаціи, и были на-лицо матеріальныя средства къ ея созданію.

Въ „Повѣсти" сохранилась народная память о томъ, что передъ образованіемъ Кіевскаго государства Поляне „быша

*) О норманнской теоріи и ея положеніи въ современной наукѣ подробнѣе см. во II экскурсѣ въ I т. „Історії України-Руси".

обидими Деревляны и инѣми окольными". Дѣйствительно, Кіевъ, расположенный на границѣ Полянской земли, на узкомъ клинѣ между землями Сѣверянъ и Древлянъ, открытый для нападеній днѣпровскихъ пиратовъ, долженъ былъ много терпѣть отъ сосѣдей, и богатые патриціанскіе роды Кіева и ихъ представители, „лѣпшии мужи", „державшіе" кіевскую общину и „Русскую" (Полянскую) землю, рано должны были подумать объ организаціи военныхъ силъ.

Можетъ быть, слѣды первоначальной, еще докняжеской военной организаціи Полянской земли уцѣлѣли въ остаткахъ десятичной организаціи, по тысячамъ, сотнямъ и десяткамъ; они извѣстны и позже, въ княжеско-дружинный періодъ, въ видѣ должностей тысяцкихъ, сотскихъ и десятниковъ и по нѣкоторымъ, довольно слабымъ указаніямъ на существованіе подраздѣленій населенія на такіе десятичные округа. По всей вѣроятности, мы имѣемъ здѣсь слѣды мѣстной, полянской организаціи, и интересно, что, между тѣмъ какъ въ другихъ земляхъ тысяча обыкновенно совпадала съ землею, на маленькой полянской территоріи мы видимъ нѣсколько отдѣльныхъ такихъ организацій: центромъ одной тысячи былъ Кіевъ, другой—Бѣлгородъ, третьей—Вышгородъ (а могли быть еще и въ южной части земли). Позже военная организація земли была объединена, и во главѣ ея сталъ кіевскій князь. То обстоятельство, что тысяцкіе существовали въ Кіевѣ и позже, показываетъ, что реформаторомъ земскаго строя былъ не кіевскій тысяцкій, а кто-то другой. Не знаемъ, старый ли кіевскій князь обзавелся, вмѣсто земскаго ополченія, своей особой, непосредственно отъ него зависѣвшей дружиной для болѣе вѣрной и надежной обороны, явился ли чужой вождь—кондотьеръ, взятый со своимъ полкомъ на службу кіевскими патриціями, или дѣйствительно овладѣлъ Кіевомъ посторонній узурпаторъ, во всякомъ случаѣ, въ Кіевѣ явился вождь военныхъ силъ всей земли.

Успѣшное развитіе военныхъ силъ Кіева могло начаться только съ появленіемъ спеціальнаго, постояннаго войска—„дружины", вмѣсто стараго земскаго ополченія, и это разви-

тіе началось гораздо раньше, чѣмъ представлялъ себѣ авторъ „Повѣсти". Далекіе морскіе походы Руси, извѣстные намъ изъ иностранныхъ источниковъ уже съ начала IX в., указываютъ, что переходъ къ организаціи постояннаго войска совершился еще раньше, и въ VIII в. Кіевъ обладалъ уже большими военными силами; стадія пассивной охраны кіевской торговли и торговыхъ путей была оставлена позади, и кіевская Русь начала пускаться въ смѣлыя и далекія экспедиціи для пріобрѣтенія невольниковъ и добычи.

Въ началѣ IX в. „губительный именемъ и дѣлами своими народъ Русь" (сѲРѡς), подъ предводительствомъ какого-то, не названнаго по имени воеводы, опустошалъ малоазіатское побережье, отъ Пропонтиды до Синопа, какъ сообщаетъ житіе Георгія Амастридскаго, разсказывающее о чудѣ, совершившемся надъ этою Русью въ Амастрѣ, около Синопа. Къ тому же времени—началу IX или концу VIII в.—относятся опустошенія южнаго берега Крыма „русскою ратью", подъ предводительствомъ „князя Бравлина". Такимъ образомъ, извѣстный походъ Руси на Константинополь въ 860 г. не былъ самъ по себѣ чѣмъ либо новымъ. Пользуясь тѣмъ, что имп. Михаилъ со всѣмъ войскомъ отправился въ Малую Азію, Русь явилась тогда на двухстахъ корабляхъ, предъ безоружною столицею, русское войско опустошило предмѣстья Константинополя и нагнало на горожанъ сильный страхъ; но вѣсть о возвращеніи императора съ войскомъ принудила его къ отступленію.

Нѣсколько позже имѣлъ мѣсто походъ Руси на южное побережье Каспійскаго моря: отъ позднѣйшаго историка Табаристана (южнаго берега Каспійскаго моря) узнаемъ, что во время правленія Хасана-абу-Зейда (862—884) Русь приходила походомъ на Абесгунъ (славная въ то время пристань въ юго-восточномъ углу Каспійскаго моря), но войско абу-Зейда отразило ихъ.

Эти случайно записанныя, случайно сохраненныя для насъ извѣстія даютъ возможность судить, какія далекія экспедиціи предпринимала Русь. Въ дѣйствительности походовъ

этихъ въ теченіе IX в., конечно, было гораздо больше. Они могли предприниматься частью населеніемъ черноморскихъ земель, подвластныхъ кіевской Руси, а частью этой послѣдней, какъ довольно опредѣленно намекаютъ нѣкоторыя указанія источниковъ. Авторъ „Повѣсти“ безъ колебанія пріурочиваетъ извѣстныя ему сказанія Византійцевъ о походѣ 860 г. къ Кіеву, Руси кіевской, и это пріуроченіе также имѣетъ цѣнность историческаго документа *).

Въ IX и особенно X в. цѣнный матеріалъ для кіевскаго войска давали отряды скандинавскихъ выходцевъ „Варяговъ“. Это были отличные воины, а какъ элементъ чужеплеменный, онъ былъ очень кстати и тамъ, гдѣ кіевскимъ князьямъ нуженъ былъ вѣрный, съ Кіевомъ ничѣмъ не связанный союзникъ,—именно въ отношеніяхъ къ кіевскому патриціату и его „старцамъ“, политическое значеніе которыхъ должно было умаляться съ возрастаніемъ значенія князя. Въ X вѣкѣ мы видимъ Норманновъ въ большомъ числѣ между боярами кіевскаго князя и его намѣстниками; варяжское вліяніе на княжескомъ дворѣ было очень сильно вплоть до первой пол. XI в., когда въ Кіевѣ проходитъ мода на Варяговъ. Память объ этой многочисленности и вліятельномъ положеніи Варяговъ въ Кіевѣ въ прежнія времена, какъ я сказалъ, оказала несомнѣнное вліяніе на созданіе историческо-генеалогической теоріи „Повѣсти временныхъ лѣтъ“.

Подробнѣе: о торговыхъ сношеніяхъ до-исторической эпохи—„Історія України-Руси“, т. I, гл. 2, позднѣйшихъ—гл. 4, о началѣ кіевскаго государства—гл. 5.

---

*) По всей вѣроятности, къ кіевской Руси относится записанное подъ 839 г. извѣстіе Бертинскихъ анналъ (собственно—ихъ продолженія), что въ этомъ году къ Людовику Благочестивому прибыли послы византійскаго императора Ѳеофила, и съ ними люди, называвшіе себя послами русскаго короля, посланными къ Ѳеофилу. Ѳеофилъ просилъ Людовика переслать ихъ отъ себя на родину, такъ какъ изъ Византіи путь имъ былъ прегражденъ какими-то враждебными народами. Вѣроятно, эти дипломатическія сношенія Византіи съ русскимъ правительствомъ были результатомъ нападеній Руси на византійскія земли въ первыхъ десятилѣтіяхъ IX в.,

V.

Далекіе, большіе походы Руси IX в. свидѣтельствуютъ не только о значительномъ развитіи военныхъ силъ *), но и заставляютъ предполагать существованіе значительной сферы политическаго вліянія кіевской Руси. Патр. Фотій, впрочемъ, въ своихъ проповѣдяхъ, произнесенныхъ во время осады Русью Константинополя въ 860 г., даетъ и прямое указаніе въ этомъ смыслѣ: онъ говоритъ, что Русь дерзнула напасть на Константинополь послѣ того, какъ покорила своихъ сосѣдей и вслѣдствіе этого стала много о себѣ думать. Источники первой половины X в., позволяющіе заглянуть внутрь этой политической организаціи, вполнѣ подтверждаютъ фактъ существованія уже въ IX в. широкой сферы вліянія и власти кіевскихъ князей.

Изъ первой половины X в. мы имѣемъ цѣликомъ и въ отрывкахъ три договора кіевскихъ князей съ Византіею (907, 911, 944). Сами по себѣ весьма содержательные, они, въ соединеніи съ современными арабскими и византійскими извѣстіями и позднѣйшими реминисценціями „Повѣсти", даютъ намъ довольно ясное представленіе о государственной системѣ, созданной къ этому времени кіевскими князьями.

Въ договорѣ 944 г. одновременно съ послами кіевскаго великаго князя выступаютъ послы не менѣе двадцати зависѣвшихъ отъ него „свѣтлыхъ и великихъ князей и великихъ бояръ" (какъ называетъ ихъ договоръ 911 г.). Такое же приблизительно число пословъ видимъ тринадцать лѣтъ спустя въ Константинополѣ съ княгинею Ольгою: очевидно,

---

подобно тому, какъ и послѣ похода 860 г. византійское правительство высылало на Русь посольства и богатыми подарками старалось удержать русскихъ князей отъ новыхъ походовъ.

*) Изъ извѣстныхъ намъ походовъ только для 860 г. источники даютъ кое-какія указанія относительно численности русскаго войска: на 200 лодкахъ ихъ нужно считать 6—8 тыс. человѣкъ. Другіе походы, конечно, предпринимаемы были также съ значительными силами.

эта система княжествъ и провинцій держалась въ срединѣ X в. довольно устойчиво.

Уже самое число этихъ зависимыхъ княжествъ даетъ представленіе объ обширной сферѣ вліянія кіевскихъ князей. Дѣйствительно, тщательное изученіе историческаго матеріала приводитъ къ выводу, что въ продолженіе IX и начала X в. (т. е. кончая княженіемъ Олега) Кіевъ уже включалъ въ сферу своего вліянія почти всю ту территорію, которая входила и позже въ составъ Кіевскаго государства *). Всѣ восточно-славянскія племена, вмѣстѣ съ нѣкоторыми финскими сосѣдями, стояли уже въ большей или меньшей зависимости отъ Кіева.

Во второй половинѣ IX в. вся днѣпровская артерія на сѣверъ отъ Кіева, съ главнѣйшими своими развѣтвленіями, была, несомнѣнно, уже въ рукахъ кіевскихъ князей. Крайняя торговая станція на этой дорогѣ—Новгородъ стоитъ подъ властью кіевскаго князя, и князь Игорь, вѣроятно, по установившемуся обычаю, посылаетъ туда княземъ своего малолѣтняго князя Святослава во второй четверти X в. Нижній Днѣпръ былъ въ рукахъ кіевскихъ князей уже въ концѣ VIII в.—объ этомъ свидѣтельствуютъ черноморскіе походы Руси въ началѣ IX в. Не смотря на натискъ Печенѣжской орды, на устьѣ Днѣпра Русь держалась еще въ срединѣ X в.: договоръ 944 г. обязываетъ Русь не препятствовать Корсунянамъ въ рыболовствѣ на устьѣ Днѣпра.

Сухопутныя и рѣчныя дороги, ведшія на востокъ черезъ земли Сѣверянъ и Вятичей, были также въ рукахъ кіевскихъ князей уже въ IX в. Подчиненіе этихъ племенъ Кіеву требовало охраны ихъ отъ Хозаръ, державшихъ передъ тѣмъ ихъ въ своей зависимости; но въ IX в. Хозарская орда, видимо, приходитъ въ упадокъ и борьба съ нею не была затруднительна. Въ началѣ X в. въ главныхъ центрахъ Сѣвер-

*) Болѣе или менѣе такое представленіе имѣетъ и авторъ „Повѣсти", но, располагая извѣстные ему факты на прокрустовомъ ложѣ своей теоріи, онъ принужденъ былъ втиснуть этотъ вѣковой процессъ въ нѣсколько лѣтъ, пріурочивъ его къ началу правленія Олега.

свой земли сидятъ уже намѣстники кіевскаго князя, а Русь держитъ въ своихъ рукахъ и область Дона. На это указываютъ походы ея на каспійское побережье, которымъ не сочувствовали, но не могли, очевидно, воспрепятствовать хозарскіе каганы, и совершенно ясныя указанія договора 944 г.: кіевскій князь обѣщаетъ не пропускать Черныхъ Болгаръ, жившихъ на кавказскомъ побережьѣ Азовскаго моря, на крымскій берегъ, гдѣ они разоряли византійскія владѣнія. Очевидно, старая Фанагорія, въ нашихъ памятникахъ называемая Тмутороканью, находилась въ это время уже во власти кіевскаго князя. Другой параграфъ того же трактата, обязывающій русскихъ князей не воевать греческихъ городовъ въ области Херсонеса и не имѣть на нихъ претензій, даетъ понять, что власть тмутороканскихъ князей переходила и на крымскій берегъ Керченскаго пролива.

Не столько, можетъ быть, торговые интересы, какъ желаніе обезопасить себя отъ пограничныхъ нападеній, обратило оружіе кіевскихъ князей на покореніе западныхъ сосѣдей, старыхъ обидчиковъ полянскихъ—Древлянъ. Въ первой половинѣ X в. они, несомнѣнно, были уже данниками кіевскихъ князей. Лучанъ, жителей южной Волыни, между подвластными Кіеву племенами, называетъ трактатъ Константина Порфиророднаго. Дулѣбовъ и Тверцевъ „Повѣсть“ называетъ вассалами Олега, „толковинами“ (такъ назывались автономныя племена, обязанныя только давать военную помощь кіевскому князю), и эта зависимость вполнѣ вѣроятна.

Конечно, различныя части этой огромной территоріи, простиравшейся отъ верхней Волги и бассейна великихъ озеръ до Чернаго моря и нижняго Дона, стояли на очень различныхъ степеняхъ зависимости отъ кіевскаго князя, какъ то видно отчасти уже и изъ вышеприведенныхъ примѣровъ, да и вообще связь цѣлой политической системы не была прочною. Въ наиболѣе тѣсную зависимость были приведены, судя по нашимъ свѣдѣніямъ, славянскія волости по главнымъ торговымъ путямъ и славянскія колоніи въ финскихъ земляхъ, имѣвшія также большое торговое и эконо-

мическое значеніе (онѣ собирали контрибуціи сырыми продуктами, прежде всего мѣхами, и вели торгъ съ туземцами). Тутъ расположены были гарнизоны изъ „русской“ дружины и сидѣли „свѣтлые и великіе князья и великіе бояры“—родственники кіевскаго князя или его намѣстники. Эта система городовъ и факторій на торговыхъ дорогахъ, съ сидящими въ нихъ „русскими“ князьями и „русскими“ гарнизонами, составляли, такъ сказать, скелетъ Кіевскаго государства IX—X вв. Цѣлые же округа и племена, болѣе удаленныя отъ торговыхъ дорогъ, не представлявшія торговаго и стратегическаго интереса, были предоставлены сами себѣ, управлялись своими домашними князьями, и зависимость ихъ отъ кіевскаго князя ограничивалась уплатою дани, контрибуцій, или даже только обязанностью посылать войска въ кіевскіе походы.

Вообще, какъ начатки кіевской государственной организаціи были, несомнѣнно, тѣсно связаны съ интересами кіевской торговли, такъ и позже государственные интересы тѣсно сплетались съ торговыми, а купеческій классъ—съ правительственнымъ. Цитированный уже выше разсказъ Константина Порфиророднаго о Русскомъ государствѣ первой половины X в. иллюстрируетъ это очень ярко: русская торговля и управленіе, княжеская дружина и купеческій классъ сливаются здѣсь совершенно. Князи со всею Русью (т. е. со всею дружиною) выходятъ на зиму „на полюдье“ въ подвластныя славянскія земли и тамъ остаются цѣлую зиму, собирая дань; весною „Русь“ стягивается въ Кіевъ и отсюда снаряжаетъ торговые караваны (конечно, не только въ Константинополь, но и на другіе рынки) съ предметами, собранными въ видѣ даней и пріобрѣтенными торговлею. Эта картина сліянія правительственной дѣятельности съ торговлею и торговыми интересами находитъ себѣ полное подтвержденіе въ договорахъ кіевскихъ князей съ Византіею: ихъ главное содержаніе, альфу и омегу дипломатическихъ переговоровъ, составляетъ обезпеченіе торговыхъ интересовъ. Русскіе князья и бояре—одновременно правительство и негоціанты; кіевская правительственная политика состоитъ на службѣ у торговли, какъ,

въ свою очередь, торговля составляетъ ту экономическую основу, на которой опираются князья и правительство.

Какъ и въ нынѣшней организаціи милитарныхъ государствъ, внутренняя политика сводилась къ вопросу о содержаніи возможно большаго количества войска — княжеской дружины. Расширеніе подвластной территоріи, увеличеніе района, платящаго дани, и умноженіе даней давало возможность содержать болѣе многочисленную дружину. Напр., передавая своему боярину Свенельду дань Уличей, а потомъ Древлянъ, Игорь обезпечиваетъ этимъ содержаніе цѣлаго отряда дружины, который Свенельдъ долженъ былъ держать на эту дань. Разставивъ дружинные гарнизоны, получавшіе содержаніе изъ даней и припасовъ, собираемыхъ въ ихъ округахъ, князь имѣлъ готовые военные кадры, которые въ случаѣ надобности могли быть мобилизованы и двинуты куда было нужно, оставивъ на мѣстѣ только необходимую часть гарнизона. Наконецъ, увеличеніе военной силы давало князю возможность не только расширять сферу своего политическаго вліянія, но и углублять ее, скрѣпляя свое положеніе и относительно кіевскаго патриціата, и въ отношеніяхъ къ подвластнымъ „свѣтлымъ и великимъ князьямъ“ и воеводамъ.

Эволюція Русскаго государства X—XI в. шла въ этомъ направленіи расширенія и развѣтвленія системы „русскихъ“ намѣстниковъ и ихъ гарнизоновъ, проникновенія ихъ все далѣе и далѣе въ глубь волостей. Въ разсказѣ Константина Порфиророднаго земли новгородскихъ Славянъ, Кривичей, Дреговичей, Древлянъ, Сѣверянъ—это территоріи, куда только временно, зимою, приходятъ русскія дружины съ князьями „на полюдье“; образъ совершенно вѣрный, съ тою только поправкою, что князья и дружины приходили не только изъ Кіева, какъ говоритъ Константинъ, но также изъ провинціальныхъ центровъ, гдѣ сидѣли князья, посаженные кіевскимъ княземъ. Во внутреннія отношенія земель эти князья не вмѣшивались: земля обязана были только дать положенную дань и содержать князя съ дружиною во время ея со-

биранія, на полюдьѣ. Только постепенно къ сбору дани начинаютъ присоединяться разныя административныя и судебныя функціи. Это очень хорошо иллюстрируетъ позднѣйшій разсказъ кіевской лѣтописи (подъ 1071 г.): въ Бѣлоозеро, въ землю финской Веси, приходитъ бояринъ князя Святослава Янъ Вышатичъ для собиранія дани; пользуясь этимъ, жители приносятъ ему жалобу на волхвовъ, очевидно, пользовавшихся покровительствомъ домашнихъ властей и обижавшихъ населеніе; Янъ производитъ слѣдствіе, судитъ и казнитъ волхвовъ. Порядки, существовавшіе въ XI в. только въ глухихъ финскихъ краяхъ, въ X вѣкѣ имѣли мѣсто и въ земляхъ славянскихъ.

Въ первой половинѣ X в. на цѣлыхъ этнографическихъ территоріяхъ, подвластныхъ Кіеву,—у Древлянъ, Вятичей, вѣроятно и у Дреговичей,—не было никакихъ кіевскихъ резидентовъ, ни гарнизоновъ. „Примучивъ", напр., Древлянъ и принудивъ ихъ давать дань, Игорь отдаетъ эту дань Свенельду на содержаніе его дружины, но ни Свенельдъ, ни его агенты не жили въ Древлянской землѣ. Очевидно, онъ собиралъ эту дань во время осенняго полюдья, а въ остальное время находился со своимъ полкомъ при Игорѣ; въ Древлянской же землѣ правили по-старому мѣстные „добрые князья", „иже роспасли суть Деревьскую землю", какъ говорятъ о нихъ Древляне въ лѣтописномъ разсказѣ. Но послѣ новаго возстанія Древлянъ въ срединѣ X в. въ ихъ землѣ появляется уже кіевскій князь, при немъ гарнизонъ, а кромѣ того такіе гарнизоны были, очевидно, разставлены въ главнѣйшихъ пунктахъ Древлянской земли.

Управленіе и судъ были источниками доходовъ. Каждый выѣздъ княжескаго намѣстника или его агента на территорію округа сопровождался поборами на содержаніе его и его спутниковъ и сборомъ разныхъ пошлинъ. Поэтому увеличеніе числа княжескихъ намѣстниковъ, учрежденіе новыхъ военно-административныхъ квартиръ, давало новые доходы, возможность содержанія новыхъ отрядовъ дружины, а приростъ дружины, въ свою очередь, давалъ возможность, уве-

личивая число гарнизоновъ и административныхъ квартиръ, расширять административную сѣть государства.

Этотъ процессъ, конечно, не развивался ровно, безъ скачковъ и колебаній. Государственная машина была еще слишкомъ первобытна и неуклюжа, чтобы дѣйствовать ровно и правильно. Личныя отношенія кіевскаго князя къ его подручникамъ и намѣстникамъ значили слишкомъ много, и перемѣны лицъ на кіевскомъ столѣ, политическія и всякія иныя передряги непосредственно отражались на политической системѣ Русскаго государства, расшатывая и ослабляя ея связи и дѣятельность. „Великіе бояре", отъ себя содержавшіе цѣлые корпуса дружины, какъ упомянутый Свенельдъ, и провинціальные, подручные князья становились иногда слишкомъ сильны, и кіевскій князь долженъ былъ тщательно слѣдить за ними и соразмѣрять силы своей собственной дружины такъ, чтобы онѣ держали этихъ провинціальныхъ князей въ должномъ почтеніи. Эти князья и намѣстники имѣли тенденцію обращать свои княжества въ потомственное владѣніе и ослаблять свою зависимость отъ кіевскаго князя. Такъ какъ это часто бывали родственники кіевскаго князя или люди ему лично обязанные, то смерть кіевскаго князя ослабляла въ нихъ сознаніе зависимости, а этимъ ослабленіемъ государственной связи съ своей стороны пользовались покоренныя племена и ихъ туземные князья, чтобы освободиться отъ зависимости Кіеву или, по крайней мѣрѣ, ослабить ее. Поэтому по смерти кіевскаго князя, первые годы правленія его преемника обыкновенно проходятъ въ домашнихъ войнахъ, походахъ на непокорныя племена и непокорныхъ „русскихъ" князей и намѣстниковъ.

Съ теченіемъ времени, если новый кіевскій князь оказывался на высотѣ своего положенія, онъ упрочивалъ свою власть и наново укрѣплялъ расшатанное зданіе Русскаго государства; непокорныя племена бывали „примучены" и при этомъ приведены въ еще болѣе тѣсную зависимость отъ Кіева: на мѣсто „дани легкой" налагалась „дань тяжка"; непокорные князья и воеводы замѣнялись болѣе надежными

подручниками; составъ дружины обновлялся, и она въ этихъ походахъ вырабатывала въ себѣ извѣстныя чувства привязанности къ новому князю. Реставрація, такимъ образомъ, сопровождалась болѣе или менѣе значительнымъ прогрессомъ въ развитіи и укрѣпленіи государственнаго зданія, и эта работа завершалась наконецъ болѣе или менѣе значительною серіею далекихъ походовъ въ богатыя, культурныя страны—восточныя или византійскія.

Въ этихъ далекихъ походахъ находила исходъ военная энергія, накопленная предшествующими походами и стараніями князя и не находившая уже приложенія дома, а потому небезопасная и для прочности самой государственной машины. Въ случаѣ удачи походъ приносилъ массу добычи, т. е. большія матеріальныя средства, покрывалъ славою своего главнаго предводителя—кіевскаго князя и поднималъ его престижъ въ глазахъ дружины и подвластныхъ князей. Онъ оживлялъ государственную организацію, собирая воедино разбросанную по всему пространству государства массу дружины, и давалъ чувствовать единство государственнаго организма. Поэтому походы эти постоянно повторялись отъ времени до времени, пока государственная организація не отяжелѣла, утративъ свой наѣзднический, чисто дружинный характеръ (что случилось во второй половинѣ XI в.).

Но снарядить такой походъ было дѣломъ нелегкимъ: нужно было приноровить и мобилизировать значительныя военныя силы, и, кромѣ того, нужно было имѣть столько увѣренности въ прочности своей власти и государственной системы, чтобы не опасаться, что походъ кіевскаго князя съ войсками за предѣлы государства будетъ сигналомъ ко всеобщему возстанію подручныхъ князей и покоренныхъ народовъ. Потому мы и видимъ, что эти походы обыкновенно предпринимаются кіевскими князьями послѣ долгаго правленія, подъ конецъ ихъ княженій.

Такъ представляется въ общихъ чертахъ процессъ развитія кіевскаго государства въ IX—X вв. Въ IX в. мы не имѣемъ возможности пріурочить его къ какимъ либо именамъ:

до насъ дошли только оторванныя отъ фактовъ и даже отъ хронологіи имена, какъ „русскій князь Бравлинъ“ (конецъ VIII или начало IX в.), Аскольдъ и Диръ, насильственно соединенные авторомъ Повѣсти въ какую-то пару соправителей и пріуроченные къ походу 860 г. *); можно догадываться, что былъ въ первой половинѣ IX или, можетъ быть, въ VIII в. еще иной князь Олегъ (въ Кіевѣ были двѣ могилы Олега), традиція котораго была перенесена на позднѣйшаго, историческаго Олега и обогатила такою массою событій и легендъ память объ этомъ послѣднемъ.

Этотъ историческій *Олегъ*, правившій въ Кіевѣ въ концѣ IX и началѣ X в., является первымъ изъ кіевскихъ князей со своею опредѣленною физіономіею. Его время—это эпоха необыкновенныхъ успѣховъ Кіева, увѣнчанныхъ далекими походами, особенно популярнымъ, изукрашеннымъ легендами походомъ на Византію. Если связанныя въ „Повѣсти“ съ именемъ Олега пріобрѣтенія Кіевскаго государства являются въ значительной степени ученою комбинаціею кіевскаго книжника (и мы разсматривали поэтому ихъ просто, какъ результатъ эволюціи Кіевскаго государства въ IX в.), то этотъ „вѣщій“ князь Олегъ, подъѣзжающій подъ стѣны Константинополя въ поставленныхъ на колеса корабляхъ, заказывающій своей дружинѣ шелковые паруса для кораблей и въ концѣ конповъ умирающій отъ собственнаго коня, какъ живая иллюстрація афоризма Бояна о непреодолимой силѣ рока, этотъ образъ—не мертвая концепція позднѣйшаго книжника, а живое произведеніе народнаго творчества, и съ нимъ нужно съ этой стороны считаться.

Единственная прочная хронологическая дата и историческій документъ изъ времени Олега—это его договоръ съ

---

*) Диръ называетъ также арабскій географъ Масуди, писавшій въ 40-хъ годахъ X в., какъ перваго между современными славянскими королями. Въ дѣйствительности Диръ тогда не было, но это упоминаніе подкрѣпляетъ существованіе такого князя въ Кіевѣ въ концѣ IX в.

византійскимъ правительствомъ, заключенный въ 911 г. и цѣликомъ приведенный въ древнѣйшей кіевской лѣтописи. По хронологіи ея, Олегъ умираетъ непосредственно за своимъ походомъ на Константинополь, законченнымъ этимъ договоромъ (осенью 911 г.), но въ дѣйствительности онъ должно быть умеръ позже, судя по тому, что вокругъ этого 911 г. мы видимъ рядъ далекихъ походовъ Руси, предпринятыхъ, очевидно, однимъ и тѣмъ же княземъ.

Судя по широкимъ торговымъ льготамъ, признаннымъ за Русью со стороны византійскаго правительства въ договорѣ 911 г. и въ другомъ, сохраненномъ въ лѣтописномъ пересказѣ, съ датою 907 г., этимъ льготамъ должны были дѣйствительно предшествовать какіе нибудь очень чувствительные удары со стороны Руси. Въ это время могъ дѣйствительно имѣть мѣсто походъ Олега на Византію, описанный съ легендарными подробностями въ „Повѣсти". Въ 909/10 г. Русь ходила на Абесгунъ, но на этотъ разъ походъ окончился неудачею. Затѣмъ въ концѣ 913 г. Русь предприняла новый, большой походъ на востокъ (на 500 корабляхъ, какъ говоритъ, можетъ быть—преувеличивая, Масуди). Пользуясь мѣстными неурядицами, она въ продолженіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ безпрепятственно грабила земли южнаго Каспійскаго побережья и съ огромною добычею двинулась назадъ, но, на возвратномъ пути, если вѣрить Масуди, Хозары отобрали у Руси добычу и истребили значительную часть войска. Эти восточные походы, обойденные молчаніемъ въ „Повѣсти", оставили, вѣроятно, память въ народной былинѣ, о походѣ Вольги (Вольга—Олегъ) въ Индѣйское царство, обставленномъ также сказочными подробностями; какъ всѣ былины, вообще, и эта сохранилась только у великорусскаго народа.

Послѣ Олега въ „Повѣсти" непосредственно слѣдуетъ *Игорь* *). Принадлежалъ ли онъ къ одной династіи съ Олегомъ—

*) По хронологіи древнѣйшей лѣтописи, Игорь княжитъ въ 912—945 г. Въ дѣйствительности же онъ, вѣроятно, началъ княжить позже (можетъ быть, даже—значительно позже) и умеръ, вѣроятно, тоже позже, по крайней мѣрѣ, годъ—два спустя послѣ 945 года.

мы не знаемъ. По контрасту со своимъ блестящимъ предшественникомъ Олегомъ и другимъ излюбленнымъ героемъ легенды—своимъ сыномъ Святославомъ, личность и дѣятельность его въ „Повѣсти“ представлены въ тонахъ тусклыхъ, вѣроятно, преувеличенно тусклыхъ. Въ началѣ своего княженія онъ ведетъ войны съ возставшими племенами,— „Повѣсть“ знаетъ его войны съ Древлянами и Уличами. Изъ византійскихъ источниковъ извѣстенъ намъ его неудачный походъ на Византію. Флотъ Игоря подошелъ къ Константинополю, но греческая эскадра не пропустила его чрезъ Босфоръ; тогда Игорь направился къ малоазійскому побережью и занялся здѣсь грабежомъ, но подоспѣвшія за это время морскія силы Византіи разгромили корабли Игоря. Эта неудача отразилась на торговыхъ льготахъ русскихъ купцовъ въ Византіи: новый договоръ, заключенный въ 944 г., значительно ограничивалъ льготы, данныя имъ прежде, и, кромѣ того, ставилъ извѣстные предѣлы завоевательной политикѣ кіевскихъ князей въ земляхъ, сосѣднихъ съ крымскими владѣніями Византіи.

Очень удаченъ былъ зато походъ Руси на востокъ, предпринятый въ 943/4 г. Походъ этотъ описанъ нѣсколькими восточными писателями, почему очень хорошо извѣстенъ; кромѣ того, онъ воспѣтъ персидскимъ поэтомъ XII в. Низами, — въ совершенно, впрочемъ, фантастическомъ видѣ. Русь проникла сухимъ путемъ до Дербента, увлекая за собою шайки авантюристовъ, пристававшія къ ней по дорогѣ; отсюда отправилась на корабляхъ къ устью Куры и по этой рѣкѣ проникла до большого и богатаго города Бердаи, овладѣла имъ и производила отсюда набѣги на сосѣднія земли. Пробывъ здѣсь полгода, русскіе полки безпрепятственно, съ богатою добычею, ушли назадъ на корабляхъ.

Но конецъ Игоря былъ очень печаленъ и вмѣстѣ съ тѣмъ очень характеренъ для отношеній того времени. Богатая дань съ Древлянской земли, отданная Игоремъ Свенельду, возбудила зависть собственной дружины Игоря и, побуждаемый дружиною, Игорь отправился къ Древлянамъ, чтобы сверхъ

собранной Свенельдомъ дани вынудить у нихъ контрибуцію еще и для себя. Его вымогательства и насилія вывели Древлянъ изъ себя, и они убили Игоря во время этого „полюдья". Какъ разсказываетъ Левъ Діаконъ, византійскій писатель конца X в., они разорвали Игоря, привязавъ къ наклоненнымъ вершинамъ двухъ деревьевъ.

Вслѣдствіе малолѣтства сына Игоря, Святослава, по смерти Игоря нѣкоторое время правила его жена *Ольга* съ боярами своего мужа. Изъ ея времени лѣтопись знаетъ два событія. Первое—война ея съ Древлянами, закончившаяся приведеніемъ возставшей земли въ тѣсную зависимость отъ Кіева; населеніе было наказано избіеніемъ и обращеніемъ въ рабство наиболѣе провинившихся общинъ. Другое событіе—принятіе Ольгою христіанской вѣры; эти факты переданы въ лѣтописи въ густой легендарной оболочкѣ. Изъ византійскихъ источниковъ извѣстенъ намъ дипломатическій визитъ ея въ Константинополь въ 957 г. Дипломатическій же характеръ, вѣроятно, имѣла и ея миссія къ имп. Оттону въ 959 г., истолкованная въ Германіи въ томъ смыслѣ, будто бы Ольга присылала просить присылки епископа и священниковъ на Русь; извѣстіе это невѣроятно уже тѣмъ, что крещеніе Ольги имѣло характеръ ея личнаго дѣла, и только послѣ крещенія Руси Владиміромъ получило большее значеніе въ глазахъ позднѣйшихъ поколѣній.

Въ началѣ 60-хъ годовъ вступилъ въ управленіе государствомъ *Святославъ*. Несмотря на кратковременность своего правленія, онъ принадлежитъ къ наиболѣе характернымъ и сильно обрисованнымъ фигурамъ среди кіевскихъ князей. Это, такъ сказать, maximum дружинности среди нихъ; роль князя-правителя, главы государства, въ дѣятельности Святослава вполнѣ отступаетъ на второй планъ предъ ролью предводителя дружины, странствующаго рыцаря, и онъ блестяще обрисованъ съ этой стороны въ классическомъ, основанномъ на живой народной традиціи, разсказѣ „Повѣсти".

Послѣ нѣсколькихъ походовъ, направленныхъ на расширеніе и укрѣпленіе политической системы Кіевскаго госу-

дарства (изъ нихъ „Повѣсть“ знаетъ походы, предпринятые для расширенія и укрѣпленія восточныхъ предѣловъ: походы на Оку и Волгу, на Хозаръ, на кавказскихъ Ясовъ и Касоговъ, т. е. Осетинъ и Кабардинцевъ, и покореніе Вятичей), Святославъ очень скоро обратился къ далекимъ военнымъ предпріятіямъ (очевидно, регентство передало Святославу государственный механизмъ въ очень хорошемъ состояніи, и отъ новаго князя большихъ хлопотъ въ данномъ отношеніи не требовалось). Прелюдіею къ болѣе смѣлымъ предпріятіямъ былъ походъ на Хозаръ, загораживавшихъ русскимъ походамъ дорогу на востокъ. За этимъ походомъ, окончившимся полнымъ разгромомъ Хозарской орды *), нужно было ожидать какого нибудь грандіознаго похода на востокъ, вродѣ Игорева, но вниманіе Святослава было неожиданно отвлечено въ другую сторону: императоръ Никифоръ Фока прислалъ къ нему посла, сына херсонесскаго протевона Калокира съ богатыми подарками, приглашая напасть на Болгарію и завоевать ее для себя.

Со стороны Никифора это былъ только ловкій маневръ, имѣвшій цѣлью натравить Святослава на Болгарію для ея ослабленія; но перспектива завоеванія Болгаріи показалась Святославу очень заманчивою. Можетъ быть, онъ строилъ себѣ въ дальнѣйшемъ еще болѣе смѣлые планы относительно самой Византіи. Во всякомъ случаѣ онъ со всею энергіею взялся за покореніе Болгаріи. Но когда Святославъ готовъ былъ дѣйствительно прочно овладѣть Болгаріей, византійское правительство перемѣнило фронтъ, вошло въ союзъ съ Болгарами и обратилось противъ Святослава. Новый императоръ Іоаннъ Цимисхій обложилъ его въ Доростолѣ (Силистріи), и въ концѣ концовъ Святославъ принужденъ былъ

*) Этотъ разгромъ Хозарской орды былъ, впрочемъ, большой ошибкой со стороны Святослава, потому что Хозарія, хотя и сильно ослабленная уже въ то время, все-таки сдерживала тюркскую миграцію въ черноморскія степи. Въ виду этого тюркскаго потопа всѣ пріобрѣтенія политики Святослава на юго-восточной границѣ и на Кавказѣ были очень не прочны.

капитулировать. На возвратномъ пути, на нижнемъ Днѣпрѣ онъ попалъ въ засаду, устроенную Печенѣгами (быть можетъ не безъ вліянія Грековъ), и былъ ими убитъ. (972 г.).

Старшій сынъ Святослава *Ярополкъ*, получившій Кіевъ еще во время болгарской кампаніи, долженъ былъ занять мѣсто отца, но не оказался на высотѣ своего положенія и его попытки объединенія земель русскаго государства встрѣтили противодѣйствіе со стороны другого сына Святослава, *Владиміра*, сидѣвшаго въ Новгородѣ. Нѣсколько лѣтъ спустя по смерти Святослава, около 980 г., Владиміръ выгналъ Ярополка изъ Кіева и овладѣлъ Кіевскимъ государствомъ.

Первые годы княженія *Владиміра* въ Кіевѣ уходятъ на укрѣпленіе расшатанной въ періодъ раздѣленія и междоусобной борьбы системы Кіевскаго государства. Несомнѣнно, это потребовало отъ Владиміра сильнаго напряженія энергіи; рядъ походовъ его записанъ въ лѣтописи, но они, конечно, не передаютъ вполнѣ этой кипучей военной дѣятельности новаго кіевскаго князя. Изъ лѣтописныхъ извѣстій видно, что въ то время какъ Святославъ обращалъ особенное вниманіе на восточныя границы государства, Владиміръ очень много вниманія удѣлялъ западнымъ. Современный польскій документъ даетъ намъ указаніе на западную границу русскаго государства, установленную этими походами Владиміра: на сѣверо-западѣ она доходила до границы Пруссовъ, на юго-западѣ подходила подъ Краковъ. Здѣсь, на западной границѣ, завязалась борьба за политическое вліяніе съ Польшею, во главѣ которой сталъ тогда талантливый князь Болеславъ; но при Владимірѣ перевѣсъ былъ, очевидно, на сторонѣ Руси.

Весьма важную и трудную реформу произвелъ Владиміръ во внутреннихъ отношеніяхъ: онъ не только привелъ въ зависимость отъ себя земли, входившія прежде въ составъ Русскаго государства, но и поставилъ ихъ въ болѣе тѣсную связь съ Кіевомъ, посадивъ во всѣхъ главнѣйшихъ пунктахъ ихъ, на мѣсто прежнихъ князей и намѣстниковъ, своихъ многочисленныхъ сыновей. Отсюда беретъ начало династическій принципъ, получающій свое полное развитіе въ по-

слѣдующихъ столѣтіяхъ. Еще болѣе важное значеніе имѣли культурные элементы, введенные Владиміромъ во внутреннія отношенія государства. Созданное внѣшнею силою и не имѣвшее внутренней связи, кромѣ экономическихъ интересовъ созидавшаго и поддерживавшаго его военно-торговаго класса, это государственное зданіе получаетъ при Владимірѣ новые устои культурнаго и моральнаго характера, въ видѣ новой, заимствованной изъ Византіи религіи и связаннаго съ нею просвѣщенія, книжности и культуры.

Исходною точкою этого чрезвычайно важнаго въ культурной эволюціи не только украинскихъ племенъ, но и всей восточной Европы явленія были прежде всего политическіе планы Владиміра: стремленіе поднять престижъ своей власти, пріодѣвъ его византійскимъ ореоломъ. Это было общее стремленіе основателей новыхъ государствъ средневѣковой варварской Европы, искавшихъ средствъ укрѣпить свою власть и съ прискорбіемъ чувствовавшихъ, какъ незначителенъ ихъ авторитетъ въ глазахъ товарищей-вассаловъ и простыхъ подданныхъ. Между кіевскими князьями Владиміръ не былъ первымъ на этомъ пути; въ своихъ поученіяхъ сыну имп. Константинъ Порфирородный даетъ ему наставленіе относительно того, какъ отдѣлываться ему, когда владѣтель Хозаръ, Венгровъ, *Руси* или какой нибудь иной варварскій народъ, *какъ то часто бываетъ*, обратятся къ нему съ просьбою прислать имъ корону или иныя императорскія регаліи, или же породниться съ нимъ. Съ такими просьбами разные варварскіе владѣтели дѣйствительно часто обращались къ императорамъ Рима—западнаго и восточнаго, Константинополя, желая этимъ путемъ позаимствоваться обаяніемъ „вѣчной“ имперіи и ея ореоломъ усилить свой престижъ. Обращались къ нимъ, судя по словамъ Константина, и предшественники Владиміра на кіевскомъ столѣ. Съ такимъ предложеніемъ обратился къ византійскому императору и Владиміръ, съ тѣмъ различіемъ, что его планы привели къ чрезвычайно важнымъ послѣдствіямъ, значеніе которыхъ онъ самъ, очевидно, сумѣлъ оцѣнить.

Поводъ къ тому далъ самъ императоръ. Византія переживала трудныя времена вслѣдствіе очень опаснаго возстанія, поднятаго племянникомъ покойнаго императора Никифора Вардою-Фокою, и императоръ Василій обратился за помощью къ Владиміру, какъ то не разъ дѣлали и его преемники, до Никифора Фоки включительно *). Владиміръ не отказалъ въ помощи, но поставилъ свои условія: императоръ Василій и его братъ-соправитель выдадутъ за него свою сестру и—можемъ съ значительною вѣроятностью дополнить разсказъ нашего источника—пришлютъ ему императорскія регаліи **). Императоръ потребовалъ, чтобы Владиміръ въ такомъ случаѣ крестился. Владиміръ согласился и дѣйствительно принялъ крещеніе.

Условіе было заключено въ началѣ 988 г.; русскій шеститысячный вспомогательный отрядъ былъ посланъ и сыгралъ важную роль въ подавленіи возстанія; но императоры не спѣшили исполнить свое обѣщаніе. Не смотря на свое могущество, русскій князь въ византійскихъ придворныхъ кругахъ цѣнился не высоко: изъ собранія формулъ императорской канцеляріи знаемъ, что грамоты къ кіевскимъ князьямъ писались съ меньшимъ этикетомъ, чѣмъ хозарскому кагану, не говоря уже о болгарскомъ царѣ. Выдать „порфирородную дочь порфиророднаго византійскаго императора“ за этого сѣвернаго варвара было весьма тягостнымъ униженіемъ, и византійскій дворъ, очевидно, уклонялся отъ него. Тогда, чтобы принудить его къ исполненію обѣщаній, Владиміръ обратился къ ахиллесовой пятѣ русско-византійскихъ отношеній—крымскимъ владѣніямъ Византіи, которыя она такъ боязливо охраняла трактатами (944 и 971) отъ

---

*) Обязательство взаимной помощи Руси и Византіи включено даже было въ трактатъ 944 г.

**) Весьма вѣроятно, что отсюда ведетъ свое начало очень популярная легенда о присылкѣ императорскихъ регалій Владиміру; но эта позднѣйшая легенда разумѣетъ тутъ правнука Владиміра В.—Владиміра Мономаха. На своихъ монетахъ Владиміръ В. дѣйствительно изображенъ въ императорскихъ регаліяхъ.

притязаній кіевскихъ князей. Владиміръ отправился-походомъ въ Крымъ и взялъ столицу византійскихъ владѣній— Херсонесъ. Это оказало дѣйствіе, тѣмъ болѣе, что имперія была снова въ весьма затруднительномъ положеніи. Имп. Василій поспѣшилъ отправить сестру Анну въ Херсонесъ. Тамъ обвѣнчали ее съ Владиміромъ, еще раньше (очевидно, до крымскаго похода) принявшимъ крещеніе, и Владиміръ возвратилъ Херсонесъ Византіи—„за вѣно", въ качествѣ выкупа за жену.

Будучи выдающимся политикомъ (о чемъ краснорѣчиво свидѣтельствуетъ вся предшествующая его политическая дѣятельность), Владиміръ умѣлъ оцѣнить политическое значеніе христіанства для своей государственной системы, хотя самого его, какъ видимъ, къ крещенію привели чисто политическія комбинаціи *). Христіанство было важнѣйшею составною частью византійской культуры, общественной и государственной организаціи Византіи, и Владиміръ, стремясь къ сближенію, къ уподобленію своего государства Византійскому, естественно пожелалъ уподобить его и съ этой важной стороны какъ можно ближе. Онъ, очевидно, понялъ, какое огромное политическое значеніе будетъ имѣть распространеніе среди народовъ его государства, съ ихъ разнообразными, по примитивными и незаконченными религіозными вѣрованіями, новой культурной религіи, съ богатымъ внутреннимъ содержаніемъ и внѣшнимъ блескомъ искусства, съ вполнѣ законченными формами и выработанною іерархіею, распространяемой и покровительствуемой правительствомъ; эта новая религія и въ дальнѣйшемъ должна будетъ держаться княжеской власти, какъ своей опоры, и, связывая новымъ, культурнымъ узломъ

*) Старые кіевскіе памятники представляютъ стремленіе къ христіанству у Владиміра исходнымъ пунктомъ въ его отношеніяхъ къ Византіи, но при этомъ путаются въ неловкихъ противорѣчіяхъ. Свидѣтельства современныхъ восточныхъ писателей (Ях'и, Асохика), дополняя наши памятники, даютъ совершенно точное представленіе о томъ, какъ было дѣло въ дѣйствительности.

племена русской политической системы, будетъ укрѣплять ихъ зависимость отъ Кіева и кіевской династіи. Не отрицая мотивовъ нравственныхъ, такъ какъ Владиміръ несомнѣнно и самъ стоялъ подъ нравственнымъ воздѣйствіемъ новой религіи,—мы все же въ этихъ политическихъ мотивахъ должны искать объясненія той энергіи, съ которою Владиміръ занялся насажденіемъ въ земляхъ Русскаго государства новой религіи и неразлучно связанной съ нею византійской культуры, употребляя все вліяніе своего княжескаго авторитета и не останавливаясь даже передъ принужденіемъ.

Переломъ, впрочемъ, не былъ рѣзокъ, такъ какъ христіанство было издавна хорошо извѣстно въ болѣе значительныхъ городахъ Русскаго государства, гдѣ группировалось военно-торговое сословіе, имѣвшее возможность близко знакомиться съ христіанствомъ въ своихъ торговыхъ путешествіяхъ по византійскимъ и западно-европейскимъ землямъ. Послѣ похода 860 г. изъ Константинополя была выслана на Русь миссія, обратившая многихъ въ христіанство, такъ что былъ назначенъ туда особый епископъ. Вѣроятно, самъ тогдашній князь Аскольдъ былъ христіаниномъ. Въ первой половинѣ X в. была въ Кіевѣ церковь св. Иліи, и въ трактатѣ 944 г. христіане выступаютъ уже значительною группою среди дружины Игоря. Благодаря этому, старанія Владиміра распространить христіанство имѣли полный успѣхъ въ болѣе значительныхъ, особенно южныхъ городахъ; внѣ же ихъ распространялось оно, конечно, медленно и туго.

Владиміромъ заложены были начатки организаціи русской церкви: основана митрополичья и нѣсколько епископскихъ каѳедръ. Создано было нѣсколько монументальныхъ памятниковъ церковнаго зодчества (какъ Десятинная церковь въ Кіевѣ). Привезенныя изъ Херсонеса и поставленныя въ Кіевѣ бронзовыя фигуры коней и статуи обнаруживаютъ въ немъ желаніе пріобщить Русь и къ свѣтскому византійскому искусству. Объ интересѣ къ распространенію византійскаго образованія свидѣтельствуетъ приведенное въ лѣтописи из-

вѣстіе о томъ, что Владиміръ забиралъ дѣтей у лицъ высшихъ сословій и отдавалъ ихъ „на ученіе книжное“—очевидно, съ цѣлью приготовить не духовныхъ, а вообще образованныхъ людей. Эти стремленія его —ввести Русь въ кругъ интересовъ тогдашняго культурнаго, византійскаго міра не были напрасны: уже изъ первыхъ поколѣній кіевскихъ учениковъ мы знаемъ человѣка, стоящаго вполнѣ на высотѣ современной византійской культуры, въ лицѣ митр. Иларіона, автора похвальнаго слова Владиміру.

Такъ полагались основы новыхъ элементовъ, связавшихъ разноплеменныя провинціи Кіева новою, культурною, могущественною связью, пережившею и самое Кіевское государство. Рука объ руку съ нею шла другая могущественная связь, также еще только зарождавшаяся тогда, въ видѣ единства политико-общественнаго уклада, общественныхъ отношеній и права, впослѣдствіи тоже глубоко проникшихъ въ жизнь земель государства. Съ Владиміра начинается этотъ замѣтный въ эволюціи Кіевскаго государства переходъ отъ князей-наѣздниковъ, сбивавшихъ свое государство силою, ударами кулака, къ князьямъ съ болѣе выраженнымъ характеромъ правителей. Дѣдъ Владиміра погибъ, какъ хищный наѣздникъ, „яко волкъ въсхищая и грабя“; отецъ сложилъ свою голову въ далекомъ походѣ, какъ странствующій рыцарь; Владиміръ умираетъ въ своей столицѣ, и люди плачутъ по немъ—„бояре акы заступника земли ихъ, убозии акы заступника и кормителя“. За князьями-насильниками пришелъ князь, обратившій свою дѣятельность на подведеніе культурныхъ фундаментовъ подъ зданіе, воздвигнутое его предшественниками,—въ этомъ его политическое значеніе.

Занятый этою внутреннею созидательною работою, во вторую половину своего продолжительнаго правленія *), Владиміръ, очевидно, менѣе вниманія обращалъ на экстенсивную, внѣшнюю политику, предоставивъ послѣднюю сыновьямъ, разсаженнымъ именно въ наиболѣе небезопасныхъ, требо-

*) Онъ умеръ въ 1015 году (15 іюля

вавшихъ особеннаго вниманія пунктахъ государства. Въ народной памяти (въ былинахъ) онъ сохранился въ видѣ „ласковаго“ князя, занятаго пирами въ своей столицѣ; вокругъ этого образа группируются разсказы Владимірова цикла о подвигахъ бояръ Владиміра, занятыхъ походами и трудами на пользу Русской земли, между тѣмъ какъ самъ онъ въ тихъ разсказахъ играетъ пассивную роль изнѣженнаго сибарита. Народная память не сумѣла оцѣнить значенія мирной дѣятельности Владиміра.

Подробнѣе: „Історія України-Руси“, т. I. гл. 5 и 6.

VI.

Время Владиміра Св. или Великаго было кульминаціоннымъ пунктомъ во внѣшнемъ процессѣ образованія Кіевскаго или Русскаго государства въ его, такъ сказать, механической эволюціи. Процессъ, который можно въ противоположность ему назвать химическимъ—процессъ проникновенія и углубленія въ жизнь провинцій этого государства выработанныхъ послѣднимъ политическихъ, общественныхъ, правовыхъ, культурныхъ формъ, развивался еще интенсивнѣе въ теченіе послѣдующихъ столѣтій. Но самый организмъ государства, очевидно, разрушался, ослабѣвала сила его внутренняго сцѣпленія, его жизненная энергія и экстенсивная способность. Это процессъ разложенія, такой же медленный, какъ и процессъ созиданія; съ періодами ослабленія и даже остановками онъ растянулся почти на два столѣтія.

Два момента обозначаются въ этомъ процессѣ: обособленіе отдѣльныхъ земель, входившихъ въ составъ Кіевскаго государства, и ослабленіе самого его центра—Кіева. Слѣдствіемъ былъ полный упадокъ значенія кіевскихъ князей. Въ этомъ направленіи агонія стараго Кіевскаго государства закончилась уже въ половинѣ XIII в., но, благодаря созданію новаго политическаго центра, притянувшаго къ себѣ часть украинскихъ земель (Галицко-Волынское государство), госу-

дарственная жизнь въ украинскихъ земляхъ продлилась еще одно столѣтіе.

Остановки или задержки въ процессѣ разложенія кіевской государственной системы производились болѣе или менѣе счастливыми усиліями отдѣльныхъ членовъ кіевской династіи—возстановить старую государственную систему. Эти усилія почти въ продолженіе цѣлаго столѣтія по смерти Владиміра задерживаютъ или ослабляютъ процессъ разрушенія, но вернуть Кіевское государство къ временамъ Владиміра не удавалось никому,—какъ вообще не даются такія попытки поворотить назадъ колесо исторической эволюціи.

Самъ Владиміръ умеръ передъ заревомъ семейной усобицы, собираясь походомъ на непокорнаго сына Ярослава. Его смерть была началомъ кровавой борьбы за власть среди его сыновей, продолжавшейся нѣсколько лѣтъ. Побѣда въ ней достается тому же *Ярославу* *), правленіе котораго представляетъ ослабленное повтореніе правленія его отца, характеризуясь тѣмъ же вниманіемъ къ западнымъ границамъ государства, тою же борьбою съ кочевниками и усиленными заботами, посвященными развитію культурныхъ начинаній, выдвинутыхъ его отцомъ. Однако Ярославу не удается объединить въ своихъ рукахъ всѣ земли, принадлежавшія къ Кіевскому государству при его отцѣ. Прежде всего ему пришлось подѣлиться отцовскими землями съ братомъ Мстиславомъ, побѣдившимъ его въ рѣшительной битвѣ: Ярославъ уступилъ ему земли по лѣвой сторонѣ Днѣпра. Смерть Мстислава, не оставившаго наслѣдниковъ, вернула Ярославу эти земли обратно (1036), но и послѣ этого осталась одна изъ значительныхъ волостей внѣ владѣній Ярослава—Полоцкая земля Изяслава Владиміровича.

По смерти Ярослава (1054 г.) собранныя имъ земли раздѣлились на шесть частей между его потомствомъ, и уже никому изъ его сыновей и внуковъ, несмотря на всѣ ихъ старанія, не удалось собрать земли стараго Кіевскаго государства даже

*) Утверждается на кіевскомъ столѣ въ 1019 г.

въ той мѣрѣ, въ какой удалось это Ярославу. Династія все разросталась, а съ тѣмъ все больше раздроблялось наслѣдіе Владиміра. Изъ семьи Святослава Игоревича уцѣлѣлъ только одинъ Владиміръ, изъ сыновей Владиміра—уже два (былъ и третій, но онъ былъ лишенъ владѣній), отъ сыновей Ярослава пошло уже цѣлыхъ пять династій! Распространеніе христіанскихъ понятій дѣлало невозможнымъ простое избіеніе претендентовъ, практиковавшееся прежде, и число князей возрастаетъ безпрерывно *).

Съ другой стороны и земли, входившія въ составъ Русскаго государства, перестаютъ быть безучастными зрителями княжескихъ отношеній. По мѣрѣ того, какъ государственная организація проникала глубже въ жизнь земли, земли все болѣе и болѣе проявляютъ стремленіе не только приноровиться къ новымъ государственнымъ отношеніямъ, но и приноровить ихъ къ своимъ интересамъ, и на почвѣ новаго, княжеско-дружиннаго уклада возобновить свою жизнь, обособиться въ автономныя политическія тѣла. Княжеско-дружинный строй локализируется, изъ потомства Владиміра В.

---

*) Вотъ таблица важнѣйшихъ (для исторіи Украйны) линій и вѣтвей потомства Владиміра:

Владиміръ † 1015

- Изяславъ † 1001 (линія полоцкая)
- Мстиславъ † 1038
  - Владиміръ † 1052
    - Ростиславъ † 1065 — линія галицкая
  - Изяславъ † 1077
    - Святополкъ † 1113 (князья кіевскіе)
  - Святославъ † 1076
    - Давидъ † 1123
    - Олегъ † 1115 (линія черниговская)
  - Всеволодъ † 1093
    - Мономахъ 1125
      - Мстиславъ † 1132
        - Изяславъ † 1154 кн. волынскій и кіевскій
        - Ростиславъ † 1168 (линія смоленская)
      - Юрій † 1157 (линія суздальская)
- Ярославъ † 1054

образуются мѣстныя, земскія династіи, которыя, не имѣя возможности опереться исключительно на свои, сравнительно небольшія дружины, ищутъ опоры въ самомъ населеніи, въ землѣ, прислушиваются къ голосу ея вѣча, стараются пріобрѣсти симпатіи ея и часто дѣйствительно успѣваютъ въ этомъ. Въ результатѣ кіевскимъ князьямъ-собирателямъ наслѣдства Владиміра В. приходилось вести борьбу не только съ князьями отдѣльныхъ земель, но и съ самими землями, отстаивающими свою обособленность, и центростремительная энергія старой государственной машины ослабляется также и этими центробѣжными стремленіями земель.

На первыхъ порахъ энергія собирателей все-таки преодолѣвала эти препятствія до нѣкоторой степени, достигая отъ времени до времени значительныхъ успѣховъ. Изъ трехъ сыновей Ярослава (Изяславъ, Святославъ, Всеволодъ), сидѣвшихъ на кіевскомъ столѣ, особенно младшій Всеволодъ (1078—1093) ловкою и осторожною политикою успѣлъ собрать значительную часть отцовскихъ земель: ему принадлежали княжества Кіевское, Черниговское и Переяславское (ядро Кіевскаго государства), Смоленскъ и Поволжье, т. е. большая часть наслѣдства Ярослава. Но это не было спокойное и прочное владѣніе: Всеволоду приходилось до смерти выдерживать борьбу съ младшими родственниками, претендовавшими по наслѣдству на тѣ или другія волости, захваченныя Всеволодомъ, и призывавшими на помощь орды Половцевъ.

Сынъ Всеволода, Владиміръ Мономахъ, продолжалъ осторожную политику отца. Уступивъ по смерти отца Кіевъ своему старшему двоюродному брату Святополку, онъ получаетъ этотъ столъ по его смерти (1113) и, утративъ однѣ земли изъ отцовскаго наслѣдства, пріобрѣтаетъ рядъ другихъ. Въ общемъ его владѣнія были все же меньше отцовскихъ; наиболѣе чувствительна была утрата Черниговщины; политическое единство средняго Поднѣпровья было такимъ образомъ утрачено безвозвратно. Но владѣніе Мономаха было болѣе прочнымъ, такъ какъ рядомъ походовъ, предприня-

тыхъ по его инициативѣ, была сломлена сила Половцевъ, у которыхъ искали помощи обезземеленные претенденты (изгои). Онъ пользовался, какъ кіевскій князь, большимъ вліяніемъ, держалъ въ повиновеніи прочихъ князей и сумѣлъ передать Кіевъ по себѣ непосредственно своему старшему сыну Мстиславу.

Мстиславъ (1125—1132) также умѣлъ поддержать отцовскій престижъ. Это послѣдній князь на кіевскомъ столѣ, поддерживавшій старыя традиціи, умѣвшій держать если не въ повиновеніи, то въ границахъ почтенія прочихъ князей. Полоцкихъ князей, когда они не прислали ему своихъ полковъ въ помощь противъ Половцевъ, Мстиславъ лишилъ владѣній и сослалъ въ Византію. Его личныя владѣнія однако были уже сравнительно вовсе не велики: кромѣ Кіева, онъ владѣлъ Новгородомъ, Смоленскомъ и послѣ упомянутаго инцидента—также Полоцкомъ. Авторитетъ этого князя опирался больше на его личныхъ качествахъ и на почтительномъ отношеніи къ нему братьевъ, получившихъ остальныя земли изъ наслѣдства Мономаха.

Братъ Ярополкъ, замѣнившій Мстислава на кіевскомъ столѣ, не имѣлъ уже этого престижа. Вопросъ о преемствѣ кіевскаго стола посѣялъ раздоръ между потомствомъ Мономаха и вызвалъ борьбу между дѣтьми Мстислава и младшими его братьями. Пользуясь этою распрей, черниговская династія—потомки Святослава Ярославича—поднимаетъ голову послѣ долговременнаго подчиненія авторитету династіи Всеволода и предъявляетъ также притязанія на кіевскій столъ, который династія Мономаха хотѣла сохранить исключительно для себя. По смерти Ярополка черниговскій князь Всеволодъ Ольговичъ дѣйствительно успѣлъ захватить Кіевъ и сохранить его за собою до смерти.

По смерти Всеволода (1146) начинается еще болѣе ожесточенная борьба князей за Кіевъ. Съ линіей Мстислава соперничаютъ потомки младшаго Мономаховича Юрія (линія суздальская) и черниговская династія. Очень дѣятельное участіе, особенно сначала, пока была надежда распутать

эту особицу, принимаетъ въ борьбѣ и само кіевское населеніе, желая помочь утвердиться на кіевскомъ столѣ династіи Мстислава: Изяславу Мстиславичу, потомъ его брату Ростиславу и сыну Мстиславу. Населеніе хотѣло превратить Кіевскую землю подъ владѣніемъ этой династіи въ такое же обособленное и замкнутое государство, въ какія превратились уже нѣкоторыя другія земли.

Но исключительное значеніе Кіева, какъ самаго большого и богатаго города, старой столицы, съ которой связывались традиціи о первенствѣ и власти надъ прочими князьями, препятствовало этимъ стремленіямъ: прочія династіи не хотѣли допустить, чтобы Мстиславичи обратили Кіевъ въ свое исключительное владѣніе. Положеніе запутывалось еще болѣе вслѣдствіе отсутствія выработаннаго и признаннаго порядка преемства: принципъ наслѣдованія въ прямой линіи (отъ отца къ сыну) сталкивался съ принципомъ родового старшинства (преемства отъ брата къ брату, и только послѣ младшихъ дядей къ старшимъ племянникамъ). Тридцать пять лѣтъ (1146—1181) проходятъ въ безпрестанныхъ смѣнахъ князей и безпрерывныхъ почти войнахъ за Кіевъ, чрезвычайно тяжело отражающихся на благосостояніи города и земли, тѣмъ болѣе, что нѣкоторые претенденты (изъ династій суздальской и черниговской) призывали, въ качествѣ союзниковъ, половецкихъ хановъ въ свои походы на Кіевъ, и эти походы половецкихъ полчищъ страшно разоряли землю. Нѣсколько разъ подвергается болѣе или менѣе сильнымъ погромамъ самый Кіевъ.

Кіевъ и Кіевская земля вообще въ продолженіе XII в. быстро приходятъ въ упадокъ. Много причинъ способствовало этому. Тюркская миграція подорвала благосостояніе Полянской земли; за исключеніемъ сѣвернаго угла, она нѣсколько разъ превращалась въ пустыню; населеніе отливало; хозяйство было въ разстройствѣ, и этотъ упадокъ благосостоянія земли отражался, конечно, очень сильно на его старой столицѣ. Торговля очень терпѣла отъ упадка южныхъ и восточныхъ торговыхъ дорогъ, на которыхъ движеніе было если

не прекращено вовсе, то сопряжено съ большими трудностями и вообще ослабѣло, послѣ того какъ тюркскія орды засѣли въ степяхъ и вытѣснили оттуда славянское населеніе. Обособленіе земель—бывшихъ провинцій Кіева, развившихъ въ себѣ свои собственные центры и оттянувшихъ значительную часть военно-торговаго класса, этой „Руси", безраздѣльно тяготѣвшей прежде къ Кіеву, вліяло тоже на ослабленіе послѣдняго. И къ довершенію всего—полстолѣтія безпрерывныхъ смутъ, войнъ за кіевскій столъ, разореній земли и самого города. Богатство и блескъ Кіева начали исчезать, а это отражалось, въ свою очередь, и на его политической роли.

Младшая суздальская, линія Мономаховичей, сыновья Юрія, которые, какъ младшіе дядья, по родовымъ счетамъ имѣли старшинство передъ старшими племянниками изъ династіи Мстислава, начинаютъ пренебрегать Кіевомъ. Они претендуютъ на старѣйшинство и послушаніе имъ южныхъ, украинскихъ князей, но въ Кіевѣ сидѣть не хотятъ. Они остаются въ своихъ великорусскихъ владѣніяхъ—землѣ Ростово-Суздальской, и стремятся поднять до значенія новаго политическаго центра эту свою волость и ея новую столицу—Владиміръ на Клязьмѣ. Предоставляя Кіевъ разнымъ minores gentes, они стараются всячески держать ихъ и Кіевъ въ подобающемъ почтеніи и умышленно содѣйствуютъ упадку Кіева *). Въ 1169 г. войско Андрея Юрьевича, во время войны съ кіевскимъ княземъ Мстиславомъ, жестоко разорило Кіевъ, очевидно умышленно—чтобы еще болѣе подорвать его значеніе. Когда въ 1180—90 гг., послѣ безконечныхъ войнъ, установился компромиссъ между династіею Мстислава и черниговскими князьями, и въ Кіевской землѣ водворилось на нѣкоторое время спокойствіе, братъ и преемникъ Андрея

---

*) Эти первыя исторически извѣстныя проявленія соперничества съ формировавшейся народностью украинскою ея младшей сестры, народности великорусской (возникавшей тогда), въ лицѣ ея князей,—первые случаи, гдѣ послѣдняя начинаетъ показывать ей свою силу.

Всеволодъ умышленно пересоорилъ южныхъ князей, очевидно опасаясь, чтобы Кіевъ и его князья не усилились и не вышли изъ-подъ его вліянія. Его старанія увѣнчались успѣхомъ, началась новая смута и борьба за Кіевъ, и среди нея, въ началѣ XIII в., Кіевъ подвергся снова сильнѣйшему разоренію.

Въ первой половинѣ XIII в. Кіевъ уже сходитъ совершенно на второй планъ. Сильнѣйшіе и болѣе дальновидные князья, какъ упомянутый Всеволодъ, или Романъ (сынъ Мстислава Изяславича), уже пренебрегаютъ имъ, какъ позиціею безнадежною, и создаютъ новые политическіе центры (Всеволодъ — въ Ростово-Суздальской землѣ, Романъ—въ Галицко-Волынскомъ княжествѣ, о которомъ будетъ рѣчь ниже). Борьба за Кіевъ идетъ дальше, но борются за него только менѣе значительные князья: изъ черниговской династіи Мстислава. Наконецъ новое азіатское нашествіе— монгольско-татарской орды въ серединѣ XIII в. окончательно подрываетъ всякое значеніе Кіева и разрушаетъ въ значительной степени даже государственную организацію въ Кіевской землѣ, дезорганизуя княжеско-дружинный укладъ въ предстепной полосѣ средняго Поднѣпровья.

Новое нашествіе вышло изъ самой глубины центральной Азіи, гдѣ въ началѣ XIII в. зарождается монгольское государство Темуджина. Конфликтъ его съ Ховарезмомъ (нынѣ Хива) обратилъ (въ 1219 г.) его завоевательные планы на западъ. Полководцы Темуджина выступили съ проектомъ завоеванія черноморскихъ степей (Кипчакъ), — проектомъ вполнѣ естественнымъ, такъ какъ географически и этнографически онѣ представляли продолженіе только что покореннаго Туркестана. Проектъ былъ принятъ, монгольское войско черезъ Кавказскій перешеекъ прошло въ донскія степи и здѣсь, въ 1222 г., разгромило Половецкую орду. Старый половецкій ханъ Котянъ обратился къ украинскимъ князьямъ съ просьбою о помощи; убѣжденія и подарки расположили въ его пользу князей, среди которыхъ большое вліяніе имѣлъ кн. Мстиславъ галицкій, женатый на дочери Ко-

тяна. Князья порѣшили помочь Половцамъ противъ новой орды, болѣе могущественной и дикой *), и двинули свои войска въ донскія степи. На рѣкѣ Калкѣ (теперь Калецъ, ок. Маріуполя) произошла битва, гдѣ половцы и украинскіе князья потерпѣли страшное пораженіе (1223). Монголы прошли затѣмъ до Днѣпра, опустошая встрѣчныя поселенія, потомъ прошли въ Поволжье и отсюда по сѣверному берегу Каспійскаго моря вернулись въ Туркестанъ. Этотъ походъ ввелъ западный Кипчакъ въ завоевательные планы Темуджина, и его завоеваніе стало только вопросомъ времени. По смерти Темуджина осуществленіе этого плана выпало на долю его внука Бату.

Съ большимъ войскомъ, составленнымъ главнымъ образомъ изъ тюркскихъ народностей (въ украинскихъ, вообще восточно-европейскихъ источникахъ они называются Татарами **), Бату двинулся въ Поволжье и, пройдя въ продолженіе 1236—8 гг. опустошительнымъ походомъ все пространство до верховьевъ Волги, поворотилъ затѣмъ въ черноморскія степи—покончить съ Половцами. Въ томъ же 1238 г. окончательно были разбиты половецкія орды; нѣкоторая часть ихъ осталась въ степяхъ, подъ властью татарской орды, большая же эмигрировала—въ балканскія земли и въ Венгрію. Въ этой послѣдней поселенные сплошною массою Половцы долго сохраняли свой бытъ и даже кочевой образъ жизни, пользуясь большимъ значеніемъ у правительства.

Болѣе мелкіе походы—на Кавказъ и на пограничныя украинскія земли, на лѣвой сторонѣ Днѣпра, послѣ половецкаго погрома заняли Бату нѣкоторое время (1238—9 г.). Во время этихъ походовъ разорены были Черниговъ и Переяславъ и опустошены сосѣднія мѣстности. Осенью 1240 г.

---

*) Половцы въ эти послѣдніе дни ихъ жизни въ черноморскихъ степяхъ теряютъ свою агрессивность и подчиняются нѣкоторому вліянію славянской культуры (напр., два современные Котяну хана, убитые въ битвѣ съ монголами 1222 г., носятъ христіанскія имена Юрія и Данила).

**) Восточные источники исчисляютъ его въ 150 тыс.

Бату двинулся со всѣми силами на западъ, за Днѣпръ и въ началѣ декабря обложилъ и взялъ Кіевъ, несмотря на очень энергическое сопротивленіе Кіевлянъ. Потерявъ довольно времени подъ Кіевомъ, Бату затѣмъ не хотѣлъ уже останавливаться около другихъ городовъ: татары брали города, которые можно было взять сразу, и обходили тѣ, которые, не сдаваясь, требовали болѣе продолжительной осады. Столицы Галицко-Волынской земли, Галичъ и Владиміръ, были также взяты и страшно опустошены. Весною 1241 г. Бату былъ уже въ Венгріи и намѣревался здѣсь прочно устроиться, но извѣстіе о смерти главнаго хана Огодая заставило его поспѣшить въ Азію. Весною 1242 г. онъ прошелъ снова черезъ украинскія земли, но, вѣроятно, спѣшилъ и не тратилъ поэтому силъ и времени на завоеванія.

Бату расчитывалъ занять великоханскій престолъ, но не успѣлъ въ этомъ и остался въ Кипчакѣ. Его столицею сдѣлался Сарай на нижней Волгѣ, и здѣсь расположилась главная орда. Другія три орды—въ нисходящемъ порядкѣ силы и значенія—кочевали на Подоньи и по обѣимъ сторонамъ Днѣпра. Такъ описываетъ ихъ размѣщеніе извѣстный путешественникъ Плано-Карпини, проѣзжавшій здѣсь въ 1246 г.

Въ литературѣ часто преувеличивали значеніе этого нашествія Батуя для украинской колонизаціи. Дѣло представлялось такъ, что это нашествіе обратило Кіевскую землю и вообще среднее Подиѣпровье въ совершенную пустыню, истребивъ огромную массу населенія и разогнавъ, принудивъ къ выселенію остальное, такъ что эти земли надолго запустѣли и позже наново колонизировались; что Кіевъ совершенно запустѣлъ и т. д. Въ дѣйствительности до такой крайности не дошло; хотя опустошеніе было очень значительно и подорвало еще болѣе экономическій бытъ Подиѣпровья и вообще Украины, но запустѣнія оно, несомнѣнно, не произвело. Подобные погромы, и даже болѣе тяжелые, длящіеся, повторяющіеся, переживало украинское населеніе и раньше; здѣшніе города также подвергались неоднократнымъ разгромамъ, но ни къ какому запустѣнію это не приводило, и какъ только

гроза проходила, старые жители и новые колонисты являлись изъ своихъ убѣжищъ и тѣхъ болѣе защищенныхъ природою мѣстностей, на которыя эти погромы не распространялись. А послѣдующее сосѣдство татарской орды не было ничѣмъ страшнѣе или тяжелѣе, чѣмъ сосѣдство орды Печенѣжской или Половецкой. Въ качествѣ нѣсколько организованнаго государства, считавшаго восточно-украинскія земли своими подвластными землями, Татарская орда даже имѣла причины быть сравнительно сдержанною по отношенію къ нимъ, насколько, разумѣется, хватало на это дисциплины внутри самой орды.

Важнѣе было вліяніе новаго фактора на политическія и общественныя отношенія Украины. Кіевъ еще болѣе падаетъ послѣ погрома 1240 г. Переяславъ и Черниговъ, сосѣдніе центры, — также. Жизнь отодвигается на сѣверъ, въ лѣса сѣверной Украины. Это особенно замѣтно въ Сѣверской землѣ. Экономическій упадокъ и разложеніе государственнаго строя, о которомъ рѣчь ниже, упадокъ княжеской власти и придворной жизни вызываютъ пониженіе культуры и духовной жизни въ среднемъ Поднѣпровьѣ, служившемъ очагомъ культурной жизни въ прежнее время. Перенесеніе митрополичьей резиденціи изъ Кіева въ великорусскія земли, въ сосѣдство новаго государственнаго центра (1299 г.), служитъ симптомомъ этого упадка. Подробность о томъ, какъ Данило галицкій выбиралъ наиболѣе выдающіяся вещи изъ кіевскихъ церквей для своихъ новыхъ резиденцій—другая мелкая, но характерная черта. Культурная жизнь отливала на западъ и на сѣверъ.

Пользуясь всеобщей паникой, произведенной Татарами въ 1240 г., населеніе, и въ особенности городскія общины, начинаютъ разбивать рамки княжеско-дружинскаго уклада. Они предпочитаютъ зависѣть непосредственно отъ Татаръ, чѣмъ отъ князей, давать дань Татарамъ („орать пшеницу и просо Татарамъ“, какъ иронически говоритъ о нихъ враждебный этому движенію галицкій лѣтописецъ), чѣмъ нести тяготы княжеской администраціи, платить дани князю, при-

нимать участіе въ этихъ утомительныхъ войнахъ князей между собою и терпѣть вѣчныя разоренія во время княжескихъ усобицъ. Ни угрозы, ни разоренія отъ князей, испуганныхъ этимъ грознымъ для нихъ движеніемъ, не могли повліять на населеніе и возвратить его къ прежнимъ отношеніямъ. Земля разлагалась на отдѣльныя общины, управлявшіяся своими мелкими князьями или совѣтомъ старцевъ, возвращалась къ старому состоянію общинной раздробленности, предшествовавшей образованію централизованнаго Кіевскаго государства.

Сколько нибудь опредѣленныя указанія относительно этого интереснаго движенія мы имѣемъ только для кіевскихъ земель, пограничныхъ съ Волынью: тутъ оно интересовало современнаго автора галицкой лѣтописи,—единственной, какую мы имѣемъ для этого времени изъ украинскихъ земель,—и онъ сообщилъ о немъ нѣкоторыя свѣдѣнія. Лѣтописецъ упоминаетъ о „людяхъ татарскихъ", или „людяхъ, сѣдящихъ за татарами" на большомъ пространствѣ въ бассейнѣ Случи, Тетерева и верхняго теченія южнаго Буга, но эти данныя имъ мимоходомъ указанія, конечно, не обнимаютъ всего района упомянутаго движенія. По всѣмъ соображеніямъ приходится думать, что оно охватило также всю южную Кіевщину, вѣроятно, съ окрестностями самого Кіева, Переяславщину, можетъ быть—южную часть Черниговской земли. Этимъ и объясняется, почему въ Кіевѣ и Переяславѣ послѣ татарскаго нашествія 1240 г. мы уже не видимъ и не знаемъ никого изъ князей династіи Владиміра В.,—ихъ здѣсь и не было по всей вѣроятности, по крайней мѣрѣ довольно долгое время.

Въ Черниговской землѣ княжеско-дружинный строй уцѣлѣлъ, особенно въ сѣверныхъ, полѣсскихъ ея частяхъ, но здѣсь онъ очень измельчалъ. Вслѣдствіе большой многолюдности династіи, земля раздробилась на огромное множество мелкихъ княжествъ, изъ которыхъ не удавалось почти никому изъ князей образовать болѣе значительныхъ и прочныхъ владѣній, значительнаго государства; можетъ быть, и татарская политика вліяла въ этомъ же направленіи, не поз-

воля кому либо изъ князей усилиться и собрать болѣе значительныя владѣнія *). Государственная жизнь и традиціи княжеско-дружиннаго уклада въ полной силѣ во второй половинѣ XIII в. сохранились почти исключительно въ западной Украинѣ, въ государствѣ Галицко-Волынскомъ.

Подробнѣе: Історія України Руси, т. II, гл. 1—3 и 8; т. III, гл. 2 (второго изданія,—въ первомъ изданіи II гл. 1—3, 6), гл. 8.

VII.

Разложеніе кіевскаго государственнаго организма проявлялось, какъ было сказано, въ ослабленіи значенія Кіева и кіевскихъ князей и въ обособленіи отдѣльныхъ земель подъ властью отдѣльныхъ династій, выдѣлившихся изъ потомства Владиміра В.

Сама *Кіевская* земля стремилась къ обособленію, имѣя свою излюбленную династію въ потомствѣ Мстислава Мономаховича и перенося въ ней свои симпатіи обыкновенно отъ отца къ сыну, то есть предпочитая преемство по прямой линіи наслѣдованію родовому. Но этому препятствовали историческія традиціи Кіева: каждый князь, сѣвъ на кіевскомъ столѣ, въ силу этихъ традицій хотѣлъ быть старѣйшимъ между князьями, имѣть на нихъ вліяніе и увеличивать свои владѣнія для скрѣпленія этого вліянія. Съ другой стороны, князья не хотѣли уступить Кіева въ исключительное владѣніе потомковъ Мстислава, допустивъ послѣднихъ превратиться въ настоящую кіевскую династію. Поэтому борьба за Кіевъ идетъ все время, и до самаго татарскаго погрома политическія отношенія въ Кіевской землѣ не устанавливаются прочно. По этой же причинѣ—нѣтъ большого худа безъ ма-

*) Только въ Брянскѣ (въ сѣверной Черниговщинѣ, старой землѣ Вятичей), который дѣлается теперь сравнительно выдающимся центромъ въ Черниговскихъ земляхъ, бывали временами довольно сильные, опять-таки сравнительно, и вліятельные князья въ XIII и XIV вв.

ленькаго добра—Кіевская земля сохранила свое единство: здѣсь не выработались мѣстныя династіи, не обособились второстепенные центры въ отдѣльныя княжества, потому что перемѣны на кіевскомъ столѣ встряхивали слишкомъ часто всю политическую систему земли.

Въ составъ Кіевской земли, кромѣ старой Полянской земли, входила земля Древлянъ, такъ что территорія Кіевской земли занимала, кромѣ нынѣшней Кіевской губерніи (исключивъ ея южный край), еще значительную часть губерніи Волынской (восточную). Жизнь культурная и политическая сосредоточивалась на старой полянской территоріи, преимущественно въ ея сѣверной части, около Кіева, такъ какъ южная часть, слишкомъ часто разоряемая кочевниками, пустѣла и въ XII—XIII в. заселена была въ значительной степени тюркскими военными колонистами, малокультурными и чуждыми мѣстной жизни. Населеніе Древлянской земли также жило особнякомъ и не принимало дѣятельнаго участія въ политической жизни Кіева, въ его стремленіяхъ и симпатіяхъ. Политическія стремленія этого послѣдняго мы отчасти знаемъ: они были направлены къ тому, чтобы дать утвердиться въ землѣ симпатичной Кіеву династіи Мстислава и установить прочный порядокъ и спокойствіе въ землѣ; но эти стремленія не осуществились. Жизненный интересъ для Кіева представляла также организація обороны и наступательной борьбы съ Тюрками, такъ страшно подрывавшими благосостояніе земли, и князья, обращавшіе въ эту сторону свою энергію, пользовались особенными симпатіями населенія.

Изъ городовъ земли (Вышгородъ, Бѣлгородъ, Юрьевъ, Канаевъ, Торческъ, Овручъ) ни одинъ не выдвинулся настолько, чтобы играть какую нибудь самостоятельную роль. Кіевъ даже и остатками своего богатства, культуры и славы вполнѣ доминировалъ надъ ними. Только погромъ 1240 г. надолго подорвалъ его значеніе, и, какъ было сказано, Кіевская земля, вѣроятно—въ весьма значительной части, разложилась тогда на рядъ обособленныхъ общинъ; связь земли разрушилась.

Иначе сложились отношенія въ старой землѣ Сѣверинъ. Ея наибольшій центръ Черниговъ, подобно Кіеву, также притянулъ территорія съ слабо развитою политическою жизнью— земли Радимичей и Вятичей, которыя, также не играя выдающейся роли въ политической жизни земли, остаются прочно связанными съ Черниговомъ въ продолженіе ряда столѣтій. Но на самой сѣверской территоріи, кромѣ Чернигова, развился другой старинный политическій и культурный центръ—Переяславъ, который оттянулъ къ себѣ южную часть этой территоріи, и она раздѣлилась на княжества Черниговское и Переяславское. Это раздвоеніе восходитъ къ очень давнимъ временамъ: вѣроятно, оно предшествовало вліянію кіевской государственной организаціи и исходило изъ старинныхъ городскихъ организацій. Уже въ разсказахъ о событіяхъ и отношеніяхъ начала X в., въ договорахъ съ Византіею Переяславъ выступаетъ какъ равнозначный съ Черниговомъ пунктъ, а тотъ и другой—какъ наиболѣе важные послѣ Кіева центры въ русской государственной системѣ на югѣ, въ украинскихъ земляхъ, какъ политическіе и культурные очаги. При всякихъ политическихъ комбинаціяхъ они получаютъ своихъ особыхъ князей, и если черниговскіе князья проявляютъ стремленіе присоединить къ черниговскимъ владѣніямъ Переяславское княжество, то переяславское населеніе очевидно не имѣетъ ни малѣйшаго желанія примкнуть къ единоплеменной Черниговской землѣ, хотя колонизаціонныя условія земли заставляли его тяготѣть къ сѣверу, къ болѣе защищеннымъ естественными условіями мѣстностямъ Черниговщины: стремленіе къ политической самобытности сказывается въ немъ слишкомъ сильно и беретъ верхъ надъ интересами экономическими и колонизаціонными.

Переяславскому княжеству историческая судьба вообще очень не благопріятствовала. Расположенное внѣ линіи лѣса, оно было совершенно открыто со стороны Подонья, и со времени миграціи тюркскихъ ордъ, послѣ того какъ украинское населеніе степей отлило отсюда и открыло предстепную по-

лосу нападеніямъ Тюрковъ, положеніе Переяславской земли стало тяжелѣе, чѣмъ какого либо другого княжества. Значеніе Переяслава и Переяславской земли очевидно выросло въ совершенно иныхъ, болѣе благопріятныхъ колонизаціонныхъ условіяхъ, а съ X в., когда эти благопріятныя условія исчезли, видимъ постепенный упадокъ Переяславщины. Временами Переяславское княжество подвергалось такимъ сильнымъ разореніямъ, что пустѣло почти совершенно (напр., въ концѣ XI в.). Поэтому борьба съ Тюрками составляла тутъ еще болѣе жизненный вопросъ, чѣмъ для Кіева, и переяславскіе князья особенно замѣтны на этой аренѣ.

Само по себѣ небольшое *) и ослабленное тюркскимъ натискомъ, Переяславское княжество не могло играть выдающейся роли. Ему приходилось держаться насторожѣ съ одной стороны отъ притязаній черниговскихъ князей, съ другой стороны—отдѣлываться отъ кіевскихъ князей, которые тоже хотѣли держать его въ зависимости отъ себя, такъ что въ первой половинѣ XII в. Переяславъ дѣйствительно попалъ было въ положеніе кіевской провинціи. Избѣгая сферы вліянія какъ тѣхъ, такъ и другихъ, Переяславская община предпочитаетъ брать князей изъ далекой ростово-суздальской династіи, которая въ силу отдаленности своихъ владѣній не могла превратить ее въ свою провинцію. Но превратиться въ замкнутый политическій организмъ Переяславской землѣ не удалось до самаго татарскаго погрома 1240 г., а послѣ этого исчезаютъ здѣсь всякіе слѣды сколько нибудь интенсивной государственной жизни.

Черниговское княжество, наоборотъ, обособилось очень скоро. Земля была достаточно велика и сильна для этого **),

---

*) Если исключить слабо населенныя окраины, пограничныя со степью, Переяславское княжество занимало сѣверо-западную половину нынѣшней Полтавской губерніи и южный край Черниговской.

**) Она занимала нынѣшнюю Черниговскую губернію (кромѣ южной ея части), почти всю Орловскую и значительныя части Могилевской, Калужской, Тульской и Курской.

а династія (потомство сына Ярослава, Святослава) попалась талантливая и достаточно энергическая. Пользуясь несдержанностью Святослава, узурпировавшаго Кіевъ, другія линіи, правда, попробовали было лишить сыновей Святослава отцовскихъ земель по его смерти, но Святославичи, особенно талантливый и энергическій Олегъ, родоначальникъ послѣдующей черниговской династіи, опираясь на сочувствіе земли и беззастѣнчиво пользуясь тюркскими ордами, какъ союзниками противъ князей-обидчиковъ, такъ сильно боролись, причиняли такое безпокойство и такія опустошенія своими союзными ордами, что въ концѣ концовъ Черниговское княжество было возвращено Святославичамъ и осталось въ ихъ рукахъ до конца. Претендуя на Кіевъ и Переяславль и захватывая первый очень часто, вообще придерживаясь весьма агрессивной внѣшней политики, черниговскіе „Ольговичи" не допускали никого изъ другихъ династій въ свои черниговскія земли и умѣли удержать послѣднія въ цѣлости въ исключительномъ своемъ владѣніи.

Династія эта была очень многочисленна (со второй половины XII в. это были исключительно потомки Олега—другія линіи вымерли). Она отличалась довольно значительною солидарностью и выработала, хотя въ очень несовершенномъ видѣ, нѣкоторый порядокъ перехода столовъ, по принципу родовому (т. наз. „лѣствичное восхожденіе"—переходъ, въ порядкѣ старшинства, съ меньшихъ княжествъ на большія). Благодаря этому конфликты и войны между князьями разныхъ линій династіи Олега были сравнительно рѣдки, и земля жила довольно спокойною жизнью. Но съ умноженіемъ династіи земля все болѣе и болѣе дробилась на мелкія княжества, все рѣзче обособлявшіяся и дробившіяся въ свою очередь въ теченіе послѣдующихъ столѣтій на еще болѣе мелкія княжества, переходившія по величинѣ и характеру своему въ большія имѣнія. Такія мелкія княжества развились особенно въ сѣверо-восточной части Черниговскаго княжества, въ старой землѣ Вятичей, куда отливаетъ жизнь изъ южной Черниговщины послѣ монгольскаго нашествія. Чер-

нигов теряетъ значеніе, выдвигается Брянскъ, въ землѣ Вятичей. Изъ другихъ городовъ болѣе важными были Новгородъ Сѣверскій, вторая столица послѣ Чернигова (она не обособилась, такъ какъ новгородскій столъ обыкновенно служилъ только ступенью къ черниговскому), далѣе Любечъ—старый торговый городъ на Днѣпрѣ, игравшій роль въ X в., но позже заглохшій, и Курскъ—центръ юго-восточной части, превратившійся въ пограничный со степью городъ въ періодъ развитія тюркской миграціи.

Волынская земля (старая территорія Дулѣбовъ) *) также отличалась изстари развитіемъ сильныхъ городскихъ центровъ. Однимъ изъ старѣйшихъ среди нихъ былъ городъ Волынь, въ центрѣ Волынской земли, сообщившій ей свое имя, позже совершенно затертый и лишенный значенія возникшимъ въ его сосѣдствѣ городомъ Владиміромъ, основаннымъ, какъ показываетъ его имя, Владиміромъ Вел. Въ южной Волыни—Луцкъ; въ западной—Бужскъ, позже Червень и еще позже Белзъ; въ сѣверной—Берестье и Дорогичинъ. Развитіе нѣкоторыхъ изъ этихъ центровъ, какъ Волыня, Луцка, Червеня, выходитъ совершенно за границы нашихъ свѣдѣній (вообще относительно этой западной части Украины очень скудныхъ); мы видимъ ихъ уже важными центрами въ X в., а развились, по крайней мѣрѣ нѣкоторые изъ нихъ очевидно—значительно раньше. Но такого стремленія къ обособленію, какъ, напр., у Переяславцевъ, у этихъ городскихъ центровъ мы не замѣчаемъ (наиболѣе слабо связана была съ остальною Волынью сѣверная, Берестейско-Дорогичинская область). Несмотря на это, земля представляла собою все время систему ясно обозначенныхъ областей, часто обособлявшихся въ отдѣльныя княжества.

При раздѣлѣ наслѣдства Ярослава Волынь досталась одному изъ младшихъ его сыновей, Игорю, но семьѣ

*) Старая Волынь заключала въ себѣ большую (западную) половину нынѣшней Волынской губ., части губерній: Люблинской, Сѣдлецкой и Гродненской (земли по зап. Бугу) и сѣверо-восточной уголъ нынѣшней Галиціи.

Княжества-земли XI–XIII в.

Границы княжеств.

КАРТОГР ЗАВ А. КЛЬМНА, С.П.Б.

его не удалось удержать въ своихъ рукахъ это владѣніе. Обстоятельства складывались такъ, что волынскія земли отъ времени до времени попадали въ руки кіевскихъ князей и соединялись съ Кіевскою землею. Только въ серединѣ XII в. Волынь обособляется прочно въ рукахъ потомковъ Изяслава Мстиславича, на которыхъ мѣстное населеніе смотрѣло, какъ на свою династію и къ которымъ чувствовало извѣстныя симпатіи. Въ рукахъ внуковъ и правнуковъ Изяслава Волынь раздѣляется на своимъ составнымъ частямъ, на цѣлый рядъ княжествъ, но постепенно эти многочисленныя линіи волынской династіи угасаютъ, и къ серединѣ XIII в. вся земля собирается въ однѣхъ рукахъ—кн. Василька Романовича.

Земля жила сравнительно спокойною жизнью. Устойчивость отношеній, установившихся здѣсь уже со второй четверти XII в., способствовала образованію здѣсь крупныхъ городскихъ центровъ, богатаго мѣщанства и родовитаго, вліятельнаго боярства, въ среду котораго въ XIII в. приливаетъ много служилыхъ князей, малоземельныхъ и безземельныхъ. Такъ слагается могущественное сословіе князей и бояръ, впослѣдствіи (въ вѣкахъ XIV—XVI и позже) сообщающее Волыни характеръ наиболѣе аристократическій среди украинскихъ земель. Натискъ тюркскихъ ордъ не давалъ себя чувствовать здѣсь; фронтъ волынской политики обращенъ больше на сѣверо-западъ, противъ Польши, съ которой при постоянныхъ, очень старыхъ спорахъ за пограничныя земли велись и очень оживленныя сношенія, существовали тѣсныя династическія связи и культурныя вліянія сначала больше со стороны Руси, а позже, съ XIV—XV вв.,—со стороны Польши.

Земля *Галицкая* (нынѣшняя восточная Галиція) обособилась очень рѣзко и рано—уже въ послѣдней четверти XI в. Изъ рукъ старшихъ родственниковъ, завладѣвшихъ этой волостью, отобрали ее князья-изгои Ростиславичи, и ихъ потомство (собственно одного изъ нихъ—Володаря) правило землею въ продолженіе столѣтія. Это была очень энергическая и талантливая династія; она успѣла отстоять свое владѣніе отъ

притязаній окружавшихъ его сосѣдей, развить очень значительныя силы и пріобрѣсть вліятельное положеніе. По отношенію къ прочимъ украинскимъ землямъ и князьямъ политика галицкихъ князей сводилась къ тому, что они зорко слѣдили за волынскими князьями, подозрѣвая у нихъ—конечно, не безъ основанія—планы на Галицію, по старой памяти, и старались поэтому не допустить ихъ усиленія. Въ остальномъ всѣ интересы приковывали вниманіе галицкихъ князей къ западу: съ юга Венгрія, овладѣвъ украинскими землями на югѣ отъ Карпатъ, стремилась перейти за Карпатскій хребетъ и уже съ конца XI в. обнаруживала намѣренія овладѣть Галиціею *); на сѣверо-западѣ галицкіе князья встрѣчались со стремленіями Польши раздвинуть свои границы на счетъ смежныхъ земель Галиціи. Это былъ старый споръ съ Польшею за пограничныя земли, которому много вниманія отдавали Владиміръ В. и Ярославъ, и который теперь достался въ удѣлъ князьямъ галицкимъ и волынскимъ, послѣдніе однако не выступали на этой границѣ солидарно до самаго объединенія Галиціи съ Волынью. Всѣ эти интересы вводили галицкихъ князей въ кругъ европейской политики: противъ Венгріи они, напримѣръ, искали опоры въ союзѣ съ Византіею, въ другихъ случаяхъ обращались къ Германской имперіи и т. п.

Династія Ростиславичей была немногочисленна. Послѣ того, какъ талантливый и беззастѣнчивый сынъ Володаря Володимірко правдами и неправдами объединилъ галицкія волости въ однѣхъ рукахъ, онѣ оставались долго нераздѣльными. Внутреннія войны были здѣсь почти неизвѣстны, и

*) Въ концѣ XII в. и въ началѣ XIII, во время галицкихъ смутъ, венгерскимъ королямъ удавалось нѣсколько разъ, хотя на короткое время, посадить на галицкомъ столѣ своихъ принцевъ. На этомъ основаніи они принимаютъ съ начала XIII в. титулъ „королей Галиціи", и эти историческія права, изложенныя при оккупаціи Галиціи въ 1772 г. въ особомъ оффиціальномъ историческомъ трактатѣ, послужили имп. Маріи Терезіи основаніемъ къ претензіямъ на Галицію при раздѣлѣ Польши.

земля подъ защитой искусной дипломатіи своихъ князей жила такою спокойною жизнью, какъ никакая другая изъ украинскихъ земель. Это дало возможность развиться экономическому благосостоянію земли и особенно повліяло на сформированіе богатаго, могущественнаго и тѣсно-сплоченнаго боярства. Во второй половинѣ XII в. боярство чувствуетъ себя настолько сильнымъ, что открыто стремится къ тому, чтобы держать князя подъ своимъ вліяніемъ, и не останавливается передъ дворцовыми революціями и иными рѣзкими дѣйствіями для достиженія своихъ плановъ *).

Главными центрами Галицкой земли являются сначала Перемышль, Звенигородъ и Теребовль. Владимірко дѣлаетъ своею столицею Галичъ, который сообщаетъ свое имя землѣ. Въ XIII в. въ сосѣдствѣ Звенигорода (который потомъ глохнетъ совершенно) появляется Львовъ, въ XIV в. пріобрѣтающій значеніе новой столицы.

Прекращеніе династіи Володаря въ Галицкой землѣ (въ 1198 или 1199) привело къ соединенію ея съ Владимірскимъ княжествомъ на Волыни, въ рукахъ владимірскаго князя Романа. Онъ еще прежде, во время борьбы галицкихъ бояръ съ послѣднимъ Володаревичемъ Владиміромъ, былъ уже призываемъ на галицкій столъ, но не удержался на немъ. Теперь, по смерти Владиміра, онъ поддержалъ свою кандидатуру военною силою и сѣлъ на галицкомъ столѣ вполнѣ прочно. Это послужило началомъ объединенія Галицкой и Волынской земли въ одно государство и создало на Украинѣ новую политическую силу, которая въ рукахъ такого весьма талантливаго и энергическаго князя, какимъ былъ Романъ, казалось, была призвана

*) Такъ, во второй половинѣ XII в. галицкіе бояре нѣсколько разъ прибѣгаютъ къ дворцовымъ революціямъ, чтобы отдѣлаться отъ нежелательныхъ особъ. Въ началѣ XIII в. призванные галицкими боярами князья Игоревичи (изъ черниговской династіи), раздраженные самовластіемъ бояръ, задумали ихъ вырѣзать, и дѣйствительно много бояръ было убито. Но оставшіеся въ живыхъ обратились за помощью къ Венгріи и, когда нѣкоторые изъ князей-Игоревичей попали въ руки венгерскаго войска, бояре выпросили ихъ и повѣсили, мстя за смерть своихъ товарищей.

занять мѣсто Кіева, ставъ политическимъ центромъ украинскихъ земель.

Несмотря на очень короткую политическую карьеру, Романъ произвелъ глубокое впечатлѣніе на Украинѣ и внѣ ея; чрезвычайно быстро появляются о немъ легенды и пѣсни, остатки которыхъ сохранились донынѣ въ украинской и бѣлорусской народной словесности. На него, очевидно, смотрѣли, какъ на человѣка, призваннаго обновить расшатанный политическій строй Украины. Упорная, острая борьба его съ всесильнымъ галицкимъ боярствомъ доставила ему популярность въ народныхъ массахъ. Когда въ войнѣ со своимъ тестемъ, кіевскимъ княземъ Рюрикомъ, Романъ приступилъ къ Кіеву, Кіевляне открыли ему ворота, очевидно надѣясь, что въ сильныхъ рукахъ Романа Кіевъ достигнетъ снова былой славы и могущества. Но надежды эти не оправдались: Романъ не захотѣлъ оставить за собою Кіевъ, предпочитая держать здѣсь, въ зависимости отъ себя, разныхъ второстепенныхъ князей. Считалъ ли онъ кіевскія отношенія безнадежно запутанными или данный моментъ не представлялся ему удобнымъ для того, чтобы вмѣшаться самому въ эти отношенія, но, во всякомъ случаѣ, онъ предпочелъ обратить все свое вниманіе на Галицію, богатую, не истощенную, и здѣсь укрѣпить свое положеніе. Но безъ Кіева его вліяніе осталось мѣстнымъ: Галицко-Волынское государство было слишкомъ западною окраиною Украины, чтобы изъ Галича или хотя бы даже изъ Владиміра держать въ рукахъ восточно-украинскія отношенія.

Случайная смерть, впрочемъ, прервала дѣятельность Романа прежде, чѣмъ онъ успѣлъ вполнѣ обнаружить свои планы и укрѣпить свое положеніе: онъ былъ убитъ во время похода въ Польшу, въ 1205 г. Послѣ него остались малолѣтніе сыновья: старшему Данилу было три года, младшему Васильку всего годъ. Придавленное Романомъ галицкое боярство поднимаетъ голову. Опасаясь, что сыновья его унаслѣдуютъ стремленія отца къ сильной власти, бояре выдвигаютъ претендентовъ изъ разныхъ княжьихъ династій, играя

ими, какъ пѣшками, и не позволяя прочно утвердиться; была среди бояръ и венгерская партія, предпочитавшая править землею подъ номинальною властью венгерскаго короля; наиболѣе честолюбивые и смѣлые изъ бояръ пробовали захватить не только управленіе, но и княжескую власть въ Галичѣ въ свои руки. Дѣятельное участіе въ этихъ смутахъ принимали также сосѣди—Венгрія и Польша, стараясь захватить что нибудь изъ наслѣдства Романа; въ 1214 году былъ заключенъ между ними договоръ относительно раздѣла галицко-волынскихъ земель, но онъ не получилъ прочнаго реальнаго значенія.

Эти смуты, захватившія и Волынь и проявлявшіяся иногда въ очень острыхъ формахъ, продолжались цѣлыхъ тридцать лѣтъ; только въ 1230-хъ гг. Данило съ братомъ упрочили свое положеніе въ Волыни и затѣмъ начинаютъ замѣтно брать верхъ надъ враждебными партіями и въ Галиціи, проявляя рѣдкую энергію и настойчивость въ этомъ собираніи своей „отчины". Татарскій ураганъ 1240 г. только прервалъ ихъ дѣятельность въ этомъ направленіи. Рѣшительная побѣда подъ гор. Ярославомъ въ 1245 г. надъ послѣднимъ претендентомъ—зятемъ венгерскаго короля Ростиславомъ, княземъ изъ черниговской династіи, обезпечила господство Даниила въ Галиціи. Онъ отдалъ Волынь Васильку, но, благодаря рѣдкой солидарности братьевъ, этотъ раздѣлъ владѣній былъ совсѣмъ не чувствителенъ.

Утвердившись въ Галичинѣ, Данило могъ приступить къ осуществленію болѣе широкихъ плановъ. Онъ несомнѣнно имѣлъ въ виду расширить свое вліяніе на восточную Украину, взявъ въ свои руки Кіевъ. Но на дорогѣ этихъ плановъ стояли Татары и покровительствуемое послѣдними движеніе „людей Татарскихъ", о которомъ упоминалось выше: оно охватило широкою полосою границы Волыни, а по всей вѣроятности широко распространилось и въ ближайшихъ къ Кіеву мѣстностяхъ. Данило очевидно понималъ и принципіальную опасность этого движенія для его власти и всего государственнаго строя, и спеціальное неудобство для Га-

лицко-волынскаго государства—имѣть татарскихъ вассаловъ непосредственно у самой границы. Татары стремились перенести это благопріятное для нихъ движеніе въ галицко-волынскія земли и подчинить ихъ непосредственно своей власти. Вообще, отношенія татарской орды къ Галицко-волынскому государству были довольно неопредѣленны. Восточно-украинскія княжества и общины были приведены въ непосредственную зависимость отъ орды: они платили Татарамъ дань, и князья ихъ обращались въ Орду за утвержденіемъ. Данило, когда Орда обнаружила готовность поддержать одного изъ претендентовъ на галицкій столъ, также явился съ поклономъ въ Орду и призналъ надъ собою власть хана. Но роль татарскаго вассала внушала ему отвращеніе. Непосредственно послѣ своей поѣздки въ Орду онъ увлекается планомъ христіанской лиги для борьбы противъ Татаръ, мысль о которой внушили ему папскіе послы, высланные къ Татарамъ. Онъ входитъ въ сношенія съ папою, сближается съ венгерскимъ королемъ и польскими князьями. Но реальной помощи все это ему не дало. Папа прислалъ ему корону, но его планы крестоваго похода не имѣли успѣха, и Данило прерываетъ свои сношенія и переговоры о церковной уніи.

Не дождавшись помощи отъ католической Европы, онъ собственными силами рѣшается вступить въ борьбу съ Татарами, такъ какъ попытки ихъ—вызвать или поддержать движеніе противъ князей въ сосѣднихъ волынскихъ и галицкихъ земляхъ грозили слишкомъ явною опасностью. Данило начинаетъ рядъ походовъ на территорію „людей Татарскихъ", стремясь терроромъ и опустошеніями подавить опасное движеніе (1254—5). Мягкій отъ природы, онъ тѣмъ не менѣе не останавливался даже передъ разрушеніемъ цѣлыхъ городовъ и массовыми избіеніями, чтобы сломить упорство противниковъ княжеско-дружиннаго уклада. Въ дальнѣйшемъ планѣ, послѣ опустошенія и приведенія къ покорности пограничныхъ областей Случи, Тетерева и Южнаго Буга, Данило имѣлъ въ виду походъ на Кіевъ, но какія-то другія заботы

отвлекли его, а между тѣмъ Орда, обезпокоенная походами Данила и его сношеніями съ папою, двинула къ границамъ Галицко-волынскаго княжества новыя, болѣе значительныя силы подъ предводительствомъ Бурандая. Поддерживая внѣшность добрыхъ отношеній, Бурандай, послѣ нѣсколькихъ рекогносцировокъ, какъ бы мимоходомъ по дорогѣ въ Польшу, вступилъ со своими войсками на волынскую территорію и потребовалъ отъ Данила и Василька разрушенія всѣхъ городскихъ укрѣпленій. Захваченные врасплохъ, Романовичи не рѣшились принять вызова, и цѣлый рядъ укрѣпленій былъ сожженъ и разрушенъ руками самихъ княжьихъ людей (1259).

Это событіе произвело страшное, подавляющее впечатлѣніе. Данило убѣдился въ невозможности борьбы съ Татарами. Рушились планы подавленія „Татарскихъ людей", немедленно сбросившихъ съ себя вынужденную покорность Данилу, исчезла возможность расширенія Галицко-волынскаго государства на востокъ: оно должно было ограничиться предѣлами западной Украины; восточная оставалась замкнутою для него линіей татарскихъ вассальныхъ общинъ, расположенныхъ у восточныхъ и южныхъ границъ Волыни.

Мысль объ этомъ татарскомъ ярмѣ отравила жизнь Данилу. Его широкіе планы относительно расширенія границъ Галицко-волынскаго государства на счетъ польскихъ и литовскихъ владѣній также не увѣнчались особенными успѣхами, если не считать нѣкоторыхъ завоеваній на сѣверѣ (пріобрѣтеніе Люблина отъ Поляковъ, покореніе Ятвяговъ). Одинъ изъ сыновей Данила, уже по его смерти, получилъ великокняжескій столъ въ новосформировавшемся Литовскомъ государствѣ, но это былъ мимолетный успѣхъ, и Данило уже не видѣлъ его: онъ умеръ вскорѣ послѣ погрома Бурандая (1264).

Его наслѣдники не вышли изъ предѣловъ мѣстной, галицко-волынской политики, обращенной, главнымъ образомъ, на западъ. Притомъ съ увеличеніемъ династіи, галицко-волынскія земли на нѣкоторое время раздѣлились на нѣсколько

владѣній, и былая солидарность галицкихъ и волынскихъ князей ослабѣла. Въ началѣ XIV в. онѣ однако собрались снова въ однѣхъ рукахъ—во владѣніи Юрія Львовича. Свѣдѣнія наши объ этомъ государствѣ, впрочемъ, становятся очень бѣдными съ прекращеніемъ послѣдней изъ украинскихъ лѣтописей княжескаго цикла—Волынской. *) Продолжаются стремленія къ расширенію галицко-волынскихъ владѣній, но они не приносятъ никакихъ существенныхъ и прочныхъ результатовъ. Пользуясь ослабленіемъ Польши и ея внутренними смутами, галицкіе князья старались расширить на счетъ ея свои владѣнія; кн. Левъ даже старался добыть краковскій столъ, но безуспѣшно, и успѣлъ овладѣть только нѣкоторыми пограничными округами, впрочемъ скоро отобранными Польшею назадъ. Также незначительны и непрочны были пріобрѣтенія, сдѣланныя на счетъ Венгріи, гдѣ также начинаются смуты съ прекращеніемъ династіи. Участіе Галицко-волынскихъ князей въ литовскихъ дѣлахъ также не приноситъ никакихъ существенныхъ результатовъ, и Литовское княжество съ началомъ XIV в. становится грознымъ сосѣдомъ западно-украинскаго государства. Татарскія отношенія въ свою очередь тяжело тяготѣли на его политикѣ.

При всемъ томъ это было государство довольно сильное и благоустроенное, и ничто не предвѣщало его близкаго конца. Сохранившіяся характеристики его за время Юрія Львовича, внука Данила, подобно своему славному дѣду, также носившаго королевскій титулъ, превозносятъ достоинства его правленія, покой, которымъ пользовалась страна въ его управленіе, и богатство, которымъ она отличалась.

*) Династическія отношенія представляются такъ:

Романъ † 1205.

Данило † 1264 — Василько † 1269

Левъ кн. Галицкій, Мстиславъ кн. волынскій (послѣ Владиміра)

Владиміръ † 1288 князь волынскій

Юрій

Андрей галицкій — Левъ волынскій.

Послѣ смерти Юрія галицкія земли были раздѣлены между его сыновьями. Въ началѣ 1320-хъ годовъ эти послѣдніе представители галицко-волынской династіи умерли, не оставивъ сыновей. Изъ разныхъ претендентовъ галицко-волынское боярство, пользовавшееся и въ это время большимъ вліяніемъ, предпочло одного изъ польскихъ князей, родственника угасшей династіи по матери, галицкой княжнѣ,—Болеслава Тройденовича, принявшаго при этомъ православіе и имя Юрія. Этотъ боярскій ставленникъ однако не поладилъ съ боярами, а его симпатіи къ католицизму и чужеземцамъ-католикамъ, которыми онъ окружилъ себя, подорвали его популярность и въ населеніи и дали возможность боярамъ возбудить послѣднее противъ Юрія-Болеслава. Съ другой стороны, его непрочное положеніе, въ связи съ непріязненною политикою относительно Польши, вызвало планы на Галицкія земли у польскаго правительства. Оно сближается съ Венгріею, по старой памяти считавшей за собою историческія права на Галичину, и между ними состоялось соглашеніе относительно совмѣстныхъ дѣйствій въ галицкихъ дѣлахъ. Но Юрій-Болеславъ не дожилъ до его реализаціи: противъ него организовался заговоръ среди бояръ, и 25 марта 1340 г. онъ погибъ отъ отравы, а пользовавшіеся его покровительствомъ католики подверглись избіенію.

Бояре прочили на его мѣсто его родственника изъ литовской династіи, князя Любарта Гедиминовича, женатаго на галицко-волынской княжнѣ. По смерти Юрія-Болеслава онъ былъ признанъ княземъ въ земляхъ Галицко-волынскаго государства. Но одновременно, при первой же вѣсти о смерти Юрія-Болеслава выступили съ притязаніями на Галицко-волынскія земли Польша и Венгрія, двинувшія свои войска въ Галицію. Начинается упорная борьба за галицко-волынское наслѣдство, открывающая походъ Польши въ украинскія земли, который завершился полнымъ ихъ присоединеніемъ два столѣтія назадъ—въ XVI—XVII вв.

Подробнѣе объ отдѣльныхъ княжествахъ—Исторія Украіни-Руси, т. II, гл. 4—7, исторія Галицко-волынскаго государства—т. III, гл. 1.

VIII.

Несмотря на механическій характеръ связи, соединявшей земли стараго Кіевскаго или Русскаго государства, ея неустойчивость, частые перерывы и затѣмъ раннее обособленіе земель, она оставила глубокіе слѣды въ бытѣ и культурѣ земель, входившихъ въ составъ названнаго государства. Такіе слѣды культурнаго вліянія, какъ распространеніе государственной — христіанской религіи, русско-византійской книжности и искусства, которыми эти земли обязаны были указанной государственной связи, слишкомъ осязательны и очевидны. Менѣе обращало на себя вниманія глубокое проникновеніе въ жизнь земель юридическихъ институтовъ и нормъ, формъ общественной и политической организаціи, выработанныхъ Кіевскимъ государствомъ. Что такое проникновеніе имѣло мѣсто дѣйствительно, это доказывается сходствомъ, часто разительнымъ, юридическихъ отношеній отдѣльныхъ земель и параллелизмомъ въ дальнѣйшемъ развитіи областей сѣверо-восточныхъ, вошедшихъ въ составъ Московскаго государства, и земель украинскихъ и бѣлорусскихъ, вошедшихъ въ составъ вел. княжества Литовскаго и Польши *). Сходство это объясняется общимъ наслѣдствомъ,

*) Въ основаніи государственнаго и частнаго быта Московскаго государства лежатъ такимъ образомъ формы, выработанныя Кіевскимъ государствомъ. Это обстоятельство, вмѣстѣ съ династическою связью, создавало въ правительственныхъ и литературныхъ кругахъ московскихъ сознаніе тѣсной связи съ государствомъ Кіевскимъ, превратившееся наконецъ въ убѣжденіе, что Московское государство является его естественнымъ и непрерывнымъ продолженіемъ и единственнымъ наслѣдникомъ послѣ паденія государственной жизни въ украинскихъ земляхъ. Въ этомъ смыслѣ создаются легенды (напр., сказаніе объ императорскихъ регаліяхъ, принесенныхъ Владиміру Мономаху изъ Византіи и отъ него перешедшихъ къ московскимъ великимъ князьямъ), разрабатывается исторіографическая схема въ московскихъ хроникахъ и лѣтописныхъ компиляціяхъ; этими „историческими правами“ доказываютъ московскіе великіе князья свои права на украинскія и бѣлорусскія земли великаго княжества Ли-

полученнымъ всѣми названными землями отъ Кіевскаго государства. Кругъ общихъ формъ и нормъ, наблюдаемыхъ нами, гораздо шире того, что мы имѣемъ въ сохранившихся сборникахъ кіевскаго права (такъ называемая Русская Правда, въ ея разныхъ редакціяхъ), и сравнительное изученіе политическихъ и общественныхъ отношеній, права и быта этихъ земель открываетъ передъ нами все новыя и новыя общія явленія, восходящія къ упомянутому общему наслѣдству Кіевскаго государства.

Мы бросимъ теперь взглядъ на формы государственныхъ и общественныхъ отношеній, выработанныя столѣтіями государственной жизни украинскихъ племенъ.

Систему земель Кіевскаго государства связывала династическая идея: представленіе, что земли, входившія въ составъ этого государства, составляютъ исключительно владѣніе рода

ловскаго и т. д. Это же представленіе о Московскомъ государствѣ, какъ непосредственномъ, органическомъ продолженіи Кіевскаго, легло въ основу и новѣйшей исторіографіи. Обычная схема „русской исторіи" начинается обозрѣніемъ колонизаціи восточной Европы, захватываетъ исторію Кіевскаго государства, до половины XII в., затѣмъ обыкновенно съ кіевскаго погрома 1169 г., переходитъ къ новосформировавшемуся великорусскому княжеству Ростово-суздальскому, какъ смѣнившему Кіевъ новому политическому центру, и слѣдитъ за исторіею великорусскаго народа или государства, пристегивая къ ней отъ времени до времени тотъ или другой эпизодъ изъ исторіи Украины и Бѣлоруси. Эта схема пустила такіе глубокіе корни, что даже весьма серьезные и чуждые политиканства люди не могутъ отрѣшиться отъ представленія, что исторія украинскаго народа начинается съ XV—XVI в., а вся предшествовавшая жизнь южной группы племенъ принадлежитъ исторіи „общерусской", т. е. великорусской (эти понятія постоянно спутываются въ силу доминирующей роли великорусскаго племени въ новѣйшей исторіи). Только съ трудомъ и очень медленно проникаетъ въ ученую литературу сознаніе того яснаго и совершенно очевиднаго факта, что Кіевское государство, его права, бытъ и культура были созданіемъ украинской народности, а его право и культура у великорусской народности является почти такою же *рецепціею*, какъ право и культура византійская или, напр., польская въ жизни украинскаго народа XVII—XVIII. вв.

св. Владиміра, его монополію. Основу для такого воззрѣнія создалъ Владиміръ В., устранивъ всѣхъ значительныхъ владѣтелей изъ другихъ родовъ и раздавъ важнѣйшіе центры государства своимъ многочисленнымъ сыновьямъ. Потомки Владиміра, за весьма небольшими исключеніями, не ищутъ для себя владѣній внѣ предѣловъ его наслѣдія, но съ другой стороны каждый изъ его потомковъ претендуетъ на владѣніе какою нибудь частью въ этомъ наслѣдіи; „тако ли мнѣ нѣту части въ Русской землѣ?",—является формулою этихъ притязаній; и дѣйствительно, до времени полнаго разложенія кіевскаго государственнаго строя мы почти не находимъ въ потомствѣ Владиміра князей безземельныхъ. На почвѣ этого представленія о коллективныхъ правахъ княжьяго рода на земли Кіевскаго государства возникаетъ сознаніе коллективнаго интереса и обязанности заботиться о цѣлости этого обще-родового достоянія, не позволяя чужеземцу или чужеродцу захватить какую нибудь часть въ „отчинѣ" князей *). Понятно также, что, съ точки зрѣнія этого принципа, жесточайшею и опаснѣйшею ересью должно представляться стремленіе населенія обойтись вовсе безъ князя (такое стремленіе мы видѣли въ народномъ движеніи XIII в.), какъ, съ другой стороны, дикою и предосудительною является въ глазахъ тогдашняго общества попытка галицкаго боярина—сѣсть самому на княжьемъ столѣ. Земля не можетъ быть безъ князя, а княземъ можетъ быть только членъ кіевской династіи св. Владиміра. Такое представленіе принято было въ княжеско-дружинныхъ кругахъ, и не только въ нихъ—оно было усвоено самимъ тогдашнимъ обществомъ, и отступленія отъ этого принципа являются уже симптомомъ разложенія стараго строя.

*) Эта свѣжесть и живучесть родовыхъ отношеній (впрочемъ, больше кажущаяся) среди княжеской династіи, при полномъ упадкѣ родового быта въ народѣ, объясняется или переживаніемъ (сохранившимся у аристократіи, во владѣтельныхъ династіяхъ гораздо живѣе), или реставраціей, за отсутствіемъ иного принципа отношеній, отжившихъ уже родовыхъ понятій.

Всѣ князья, какъ члены одного рода и совладѣльцы, въ принципѣ равноправны. Въ дѣйствительности, конечно, слабѣйшіе князья находились въ очень ощутительной зависимости отъ сильнѣйшихъ, и различіе между ними чувствовалось очень сильно, хотя и покрывалось терминологіей родственныхъ отношеній, которая смягчала дѣйствительность иллюзіей этой родственности: болѣе слабые князья „имѣютъ въ отца мѣсто“ сильнѣйшаго, повинуются ему не какъ суверену, а какъ старшему родственнику. Поэтому между наиболѣе мелкимъ княземъ и наибольшимъ бояриномъ лежитъ непроходимая бездна; особенно въ теоріи, князь не можетъ быть „подручнымъ“, слугою другого князя, какъ бояринъ; всѣ князья—„братья“ между собою (эта терминологія у нихъ въ большомъ ходу, и, какъ таковые, они равноправны, хотя и неравносильны.

Эту видимость патріархальныхъ отношеній старательно поддерживали сами князья, чтобы сглаживать шероховатости своихъ отношеній; усердно подогрѣвали ее публицисты и моралисты, идеею братства и родовой общности стараясь удержать князей отъ внутреннихъ войнъ и развить въ нихъ идею общегосударственнаго интереса. Но она все-таки уже въ XI и XII в. была фикціею, и въ дѣйствительности только прикрывала реальныя отношенія, зависѣвшія отъ большаго или меньшаго могущества, отъ владѣній того или другого князя, а не его положенія въ родословной династіи Владиміра Великаго.

Родовые счеты, конечно, пользовались въ княжескихъ кругахъ извѣстнымъ вниманіемъ. Родовое старшинство давало извѣстныя права на лучшія волости, на старшій столъ; но если его носитель не умѣлъ реализировать этихъ правъ, то старшинство его оставалось пустымъ звукомъ, и въ положеніи старѣйшаго оказывался кто нибудь ниже стоящій въ генеалогіи, но болѣе сильный и ловкій. До упадка Кіева позицію старѣйшаго среди князей давало обладаніе кіевскимъ столомъ: кіевскій князь становился „въ отца мѣсто“ относительно остальныхъ, независимо отъ того, былъ ли онъ стар-

шимъ въ родѣ
валъ преобла
Такой „ст
вей патріарх
вленію совре
надѣлять во
вать отъ ни
зей) и нака
общемъ дост
ставлялась
ея интересо
чтеніе и пос
рукахъ могу
фактически
и только пр
они оставал
Во внутр
великій,—не
шины, вообщ
номъ въ свое
ставить себя
вѣчу.
Княжеско-
вообще сильн
силу земли, о
тико-обществе
существовала,
вѣтомъ, вѣче
государства з
лія. Князь со
тику, судъ и
къ этому, что
въ трудную м

*) Здѣсь я
агентовъ и вно
нихъ дѣлахъ.

рядиться. „Тяжко бяше Княномъ, не сталъ бо ся бяше у нихъ ни единъ князь у Кіевѣ“,—замѣчаетъ мѣстный лѣтописецъ по одному такому случаю. Способности къ управленію землею вѣче города въ украинскихъ земляхъ такъ и не развило *). Не показываетъ оно и охоты ограничивать политическія и административныя компетенціи князя въ свою пользу; но, пользуясь тѣмъ, что упадокъ княжескаго могущества въ періодъ разложенія политической системы заставлялъ князя искать опоры въ самомъ населеніи его волости и прислушиваться къ его голосу, оно поднимало свой голосъ въ обстоятельствахъ необычайныхъ, грозившихъ спокойствію и благосостоянію земли, или при какихъ либо рѣзкихъ аномаліяхъ княжеско-дружиннаго управленія. Въ такіе моменты оно властно, какъ настоящій суверенъ, высказывало свои желанія и требованія князю.

Изъ украинскихъ земель мы имѣемъ наиболѣе подробныя свѣдѣнія о дѣятельности вѣча для Кіева XII в; несомнѣнно, что въ силу исключительныхъ, тревожныхъ условій, въ какихъ находилась Кіевская земля, вѣчевая дѣятельность здѣсь отличалась и наибольшею энергіею. Изъ этихъ свѣдѣній видимъ, что и здѣсь вѣче не пріобрѣло никакихъ опредѣленныхъ формъ, ни постоянныхъ и опредѣленныхъ функцій, а осталось явленіемъ экстраординарнымъ. Оно иногда проявляло свою дѣятельность, когда дѣло шло о замѣщеніи кіевскаго стола новымъ лицомъ: вѣче заявляло свое сочувствіе кандидату на столъ или призывало князя болѣе симпатичнаго, вмѣшивалось въ борьбу претендентовъ или прогоняло неугоднаго князя (такое напряженіе энергіи, впрочемъ, было очень рѣдкимъ). Но еще чаще перемѣны на кіевскомъ столѣ происходили безъ всякаго участія вѣча, когда оно не было особенно заинтересовано никѣмъ изъ данныхъ князей или не чувствовало себя въ силахъ оказать вліяніе на ходъ событій, и хотя князья признавали за вѣчемъ право высказы-

*) Поэтому-то, освобождаясь отъ княжеско-дружиннаго уклада въ XII в., земли распадались на отдѣльныя общины, безъ болѣе широкой организаціи.

ваться въ вопросахъ о князѣ, выбирать себѣ князя, но чаще всего рѣшали эти дѣла между собою, вовсе не справляясь съ желаніемъ вѣча.

Населеніе собиралось на вѣче по приглашенію князя чтобы высказать ему свой взглядъ на политическія дѣла. Чаще всего это имѣло мѣсто, когда князь желалъ знать, можетъ ли онъ расчитывать на моральное и матеріальное содѣйствіе земли въ своихъ планахъ; особенно это практиковалось предъ войною, когда князь хотѣлъ узнать, поддержитъ ли его населеніе всеобщимъ ополченіемъ, и вѣче заявляло ему въ такомъ случаѣ готовность населенія помочь князю или отказывало въ содѣйствіи.

Также собиралось населеніе на вѣче и по собственной иниціативѣ, чтобы обратить вниманіе правительства на какія либо злоупотребленія. Напр., въ 1146 г. Кіяне на вѣчѣ ставятъ Игорю Ольговичу свои требованія относительно улучшенія суда, и подъ условіемъ исполненія этихъ требованій соглашаются признавать его княземъ. Въ другихъ случаяхъ вѣче обращается къ князю съ требованіями, чтобы онъ измѣнилъ политику, прекратилъ опасную войну, покорился сильному противнику и т. п. Вообще вѣче считаетъ себя вправѣ вмѣшиваться во всѣ сферы политической жизни, организаціи или управленія земли, и его право въ этомъ отношеніи признается за нимъ и князьями. Но сдѣлавъ въ существующихъ отношеніяхъ поправку, какая казалась ему необходимою, вѣче возвращало текущее управленіе его обычнымъ хозяевамъ; оно было коррективомъ княжеско-дружиннаго управленія, но не правило само *).

Вѣче не выработало для себя никакихъ опредѣленныхъ формъ. Не существовало ни опредѣленныхъ сроковъ, ни мѣста собраній, ни опредѣленной иниціативы созванія вѣча, ни какихъ либо формъ представительства. Вѣче могло быть собрано и княземъ, и частнымъ человѣкомъ; въ немъ могли при-

*) Гораздо большаго значенія достигло вѣче въ сѣверо-западныхъ общинахъ—Новгородѣ, Псковѣ, отчасти Полоцкѣ, гдѣ оттѣснило князя на второй планъ.

нимать участіе всѣ жители города и его пригородовъ; рѣшающій голосъ имѣли всѣ полноправные граждане, отцы семействъ; рѣшеніе считалось правильнымъ, когда за нимъ заявлялось такое подавляющее большинство, что оно могло игнорировать оппозицію; рѣшеніе города было обязательно для пригородовъ, для всей земли, независимо отъ того, были на вѣчѣ ихъ представители или нѣтъ.

Внѣ вмѣшательства вѣча все управленіе находилось въ рукахъ князя съ его дружиною. Онъ могъ свободно распоряжаться своею волостью—дарить, промѣнивать, выдѣлять изъ нея части для другихъ князей; онъ могъ своею властью начинать войну и заключать миръ, назначить и прекратить походъ—вся военная организація была въ его вѣдѣніи; онъ издавалъ законы и распоряженія, въ его рукахъ была администрація и судъ, который онъ творилъ или самъ непосредственно, или черезъ своихъ чиновниковъ и агентовъ, которыхъ самъ назначалъ; онъ распоряжался доходами земли, налагалъ новыя подати и дани или измѣнялъ прежнія; наконецъ, онъ принималъ весьма дѣятельное участіе въ церковныхъ дѣлахъ. Личность князя пользовалась большимъ уваженіемъ, она считалась почти неприкосновенною, даже въ тяжелыхъ смутахъ и передрягахъ; такіе факты, какъ убійство князя населеніемъ въ Кіевѣ въ 1146 г. или повѣшеніе князей галицкими боярами, озлобленными массовымъ избіеніемъ бояръ, были явленіями исключительными. Но византійское ученіе о богоуставленности власти не успѣло распространиться въ обществѣ.

Непремѣннымъ участникомъ княжьяго управленія былъ совѣтъ бояръ, или, какъ называютъ его въ литературѣ позднѣйшимъ, московскимъ терминомъ,—„дума“. Бояре считали своимъ существеннымъ правомъ быть участниками не только княжьяго управленія, но и плановъ и замысловъ князя, и если послѣдній не исполнялъ своей обязанности „думать съ дружиною“, то это вызывало неудовольствіе, уходъ бояръ со службы или даже возстанія, какъ бывало въ Галиціи, гдѣ бояре слишкомъ глубоко пустили корни въ мѣстной

жизни, чтобы переходить въ другую волость. Но при всемъ томъ боярскій совѣтъ, какъ и вѣче, не выработалъ для себя ни опредѣленныхъ формъ, ни спеціальной компетенціи. Князь совѣтовался съ тѣми боярами, которые были подъ рукою или которыхъ онъ желалъ видѣть на совѣщаніи; составъ совѣта въ виду этого могъ постоянно мѣняться, могъ быть болѣе или менѣе многочисленнымъ. Но опять-таки, подъ опасеніемъ раздражить бояръ, князь не могъ умышленно обходить и исключать изъ своего совѣщанія тѣхъ или другихъ лицъ: его собственный интересъ требовалъ, чтобы его дружина во всякое время была въ курсѣ его дѣлъ, и онъ могъ расчитывать всегда на ея солидарность съ нимъ.

Кромѣ князя и его дружины, органомъ центральнаго управленія былъ также княжій дворъ, въ своей организаціи совмѣщавшій, какъ обыкновенно бывало въ такихъ примитивныхъ государствахъ, функціи государственнаго управленія и княжьяго хозяйства. Должности съ яснѣе выраженнымъ государственнымъ характеромъ—какъ *дворецкій* (начальникъ двора, онъ же, очевидно, judex curiae, надворный судья), и *печатникъ* (канцлеръ) являются довольно поздно, вѣроятно подъ вліяніемъ запада (дворецкій—это palatinus, comes palatii западныхъ государствъ). Многочисленные „тіуны", часто набиравшіеся изъ рабовъ, завѣдывали хозяйствомъ, но они же, какъ и прочіе слуги князя, исполняли разныя порученія государственнаго характера, выступали въ роли княжьихъ агентовъ въ мѣстномъ управленіи и т. д.

Элементы центральнаго и мѣстнаго управленія соединяются въ должности *тысяцкаго*, вѣнчавшей старую десятичную организацію, сохранившуюся въ XI—XII в. какъ архаизмъ въ ослабленныхъ или сильно видоизмѣненныхъ формахъ. Тысяцкихъ, *сотскихъ* и *десятскихъ* назначаетъ уже князь; они имѣли военно-административныя, отчасти финансовыя компетенціи. Впрочемъ, изъ нихъ имѣемъ свѣдѣнія только о тысяцкихъ, являющихся старѣйшими чинами земли и фигурирующихъ очень часто, въ военное и мирное время, какъ замѣстители и представители князя.

Въ меньшихъ административныхъ центрахъ встрѣчаемъ *посадниковъ*, какъ военно-административную власть. Въ качествѣ судебныхъ агентовъ встрѣчаемъ только тіуновъ; техническаго термина для судей не имѣемъ—можетъ быть, эта функція тогда еще не спеціализировалась вполнѣ опредѣленно.

Внѣ этой административной схемы оставалась широкая область самоуправленія сельскихъ и городскихъ общинъ, въ которую княжьи чиновники вмѣшивались очень рѣдко. Широкимъ примѣненіемъ мѣстнаго самоуправленія объясняется, какъ государство могло обходиться съ такимъ несложнымъ административнымъ механизмомъ. Управленіе, собираніе податей, полиція и въ извѣстныхъ размѣрахъ судъ—все это составляло функціи самихъ общинъ, или болѣе сложныхъ ихъ организацій, вродѣ позднѣйшихъ „копъ". Есть основаніе думать, что общины иногда выкупали извѣстною суммою у князя судебныя пошлины своей территоріи, и тогда совершенно освобождались отъ вмѣшательства княжьихъ агентовъ не только въ область управленія, но и суда данной мѣстности. Къ сожалѣнію, о самоуправленіи общинъ источники говорятъ очень мало.

Организацію суда, даже княжескаго, мы знаемъ очень мало; больше извѣстенъ намъ только процессъ, судопроизводство княжьихъ судовъ. Роль судьи въ процессѣ отличалась большою пассивностью. Слѣдствіе производитъ сама сторона, она же исполняетъ и приговоръ. Процессъ имѣетъ строго формальный, регламентированный характеръ, и субъективной оцѣнкѣ судьи остается очень мало мѣста,—явленіе вполнѣ понятное, если вспомнить, что судъ производили часто личные слуги князя (тіуны), иногда несвободные, и притомъ единолично. Въ качествѣ судебныхъ доказательствъ широко употреблялись показанія свидѣтелей и присяга; письменныя доказательства въ юридическихъ сборникахъ XI—XII в. (Русская Правда) еще не фигурируютъ вовсе. Апелляціи не существовало, потому что судья представлялъ особу князя, какъ его замѣститель. Кромѣ суда княжьяго и

общиннаго, существовалъ судъ доминіальный — господина надъ своими рабами и слугами, и судъ церковный—въ извѣстныхъ, соприкасающихся съ религіею дѣлахъ и надъ церковными людьми.

Церковная организація была устроена по византійскому образцу и въ этотъ періодъ стояла въ тѣсной зависимости отъ константинопольскаго патріархата. Даже стремленій къ ослабленію этой зависимости мы не встрѣчаемъ. Митрополиты присылались изъ Греціи, по происхожденію Греки же. Епископы избирались обыкновенно князьями, преимущественно изъ людей мѣстныхъ. Князья принимали вообще близкое участіе въ вопросахъ церковнаго управленія, даже въ религіозныхъ спорахъ, и вообще, какъ въ Византіи, такъ и въ старомъ Русскомъ государствѣ православная церковь имѣла весьма сильно выраженный государственный характеръ, пребывала въ тѣсномъ союзѣ и зависимости отъ правительственной власти и нисколько этимъ не тяготилась, усвоивъ византійское воззрѣніе, что свѣтская власть не только должна оказывать покровительство церкви, но и имѣть надзоръ за церковными дѣлами.

Въ общественной организаціи отличались три категоріи— а) правящій классъ,—люди княжьи, или дружина, б) правимое населеніе—„люди“ въ тѣсномъ смыслѣ, и в) третья, образовавшаяся съ организаціей православной церкви,—люди церковные, духовенство и люди, питавшіеся при церкви или находившіеся подъ ея спеціальнымъ покровительствомъ. Въ каждой изъ этихъ категорій рѣзко отграничены классы людей свободныхъ, полноправныхъ, и несвободныхъ, безправныхъ; но между этими двумя классами создаются экономическими отношеніями группы людей, экономически зависимыхъ и потому въ своихъ гражданскихъ правахъ ограниченныхъ. Среди свободныхъ отличаются *люди лѣпшіи*, лучшіе, и люди меньшіе, также люди городскіе и волостные. Такимъ образомъ дифференціація была довольно значительная, но, если исключить раздѣленіе на свободныхъ и несвободныхъ, она не отличалась рѣзкимъ разграниченіемъ:

отдѣльные классы сближались переходными группами, и передвиженіе изъ одной въ другую вовсе не исключалось.

Имя дружины (отъ *другъ*—товарищи, пріятели) подчеркивало свободныя отношенія ея къ князю, которыя дѣйствительно существовали не только въ теоріи, но въ значительной степени и на практикѣ. Дружинникъ, особенно изъ старшихъ, выдающихся (они называются „княжьими мужами", „боярами", „огнищанами"), считаетъ себя не слѣпымъ слугою, а товарищемъ князя; поэтому онъ долженъ знать его мысли и планы. Ихъ связываетъ свободный договоръ: дружинникъ можетъ во всякое время оставить князя и перейти къ другому. Поэтому дружина слагалась изъ разныхъ этнографическихъ и общественныхъ элементовъ, слѣдовавшихъ за своимъ княземъ изъ волости въ волость. Въ большинствѣ однако, особенно съ тѣхъ поръ, какъ княжьи династіи прочно основались въ отдѣльныхъ земляхъ,—дружина, и спеціально—ея высшій классъ, пріобрѣтаетъ мѣстный характеръ, пополняясь изъ мѣстнаго населенія, преимущественно изъ высшихъ классовъ мѣстнаго общества, часто изъ поколѣнія въ поколѣніе находившихся на службѣ князя и даже по наслѣдству занимавшихъ извѣстныя должности. Въ этомъ была обоюдная выгода: въ интересахъ князя было имѣть на своей службѣ вліятельныхъ мѣстныхъ людей, равно какъ въ интересахъ богатыхъ землевладѣльцевъ и капиталистовъ—стоять ближе къ власти. Но двери въ это сословіе никогда не были закрыты посторонимъ элементамъ. Даже въ наиболѣе сплоченное боярство Галиціи, гдѣ особенно сложились боярскія династіи, все же проникали и достигали высокаго положенія люди „отъ племени смердья", „поповы внуки", хотя на нихъ и смотрѣли косо въ аристократическихъ кругахъ. Прерогативою старшей дружины въ сравненіи съ аристократіею земскою, неслужилою, была высшая, двойная „вира"—выкупъ за голову убитаго.

Содержалась эта старшая дружина и весь составъ ея (такъ наз. отроки, т. е. дѣти, младшіе) на счетъ даней, адми-

нистративныхъ и судебныхъ доходовъ. Слѣдовъ помѣстной практики—вознагражденія за службу землями, мы въ эту эпоху еще не встрѣчаемъ. Выдающіеся бояре содержали отъ себя, на своемъ иждивеніи также болѣе или менѣе значительные отряды „отроковъ". Общая численность дружины зависѣла отъ доходовъ князя; въ концѣ XI в. великій князь можетъ выставить въ поле 800 своихъ отроковъ. Мелкіе князья имѣли, конечно, и дружины очень малочисленныя.

Земская аристократія - бояре (изъ боляринъ, большій) *), первоначально родовая, давно уже превратилась въ аристократію имущественную—классъ богатыхъ купцовъ, капиталистовъ и землевладѣльцевъ, а съ упадкомъ торговли и промышленности въ дальнѣйшихъ столѣтіяхъ все болѣе существеннымъ признакомъ этого класса становится землевладѣніе, и въ XIV—XV в. бояринъ дѣлается синонимомъ привилегированнаго землевладѣльца.

Эта имущественная аристократія, благодаря экономическому преобладанію, занимала вліятельное положеніе въ общественной жизни и, входя въ значительномъ числѣ въ составъ дружины князя, имѣла непосредственное вліяніе и на управленіе. Княжеско-дружинный строй, будучи изначала созданіемъ этихъ богатыхъ классовъ, и позже стоитъ съ ними въ тѣсномъ союзѣ и связи. Исторія кіевскаго народнаго движенія 1113 г., когда низшіе слои населенія, пользуясь смертью князя, принялись грабить дома княжескихъ чиновниковъ, евреевъ, а въ перспективѣ предвидѣлось разграбленіе вообще богатыхъ людей, и боярство единственное спасеніе видѣло въ томъ, чтобы какъ можно скорѣе обзавестись въ Кіевѣ новымъ княземъ, достаточно хорошо иллюстрируетъ эти отношенія. Впрочемъ, самые юридическіе кодексы кіевскіе (Русская Правда) ясно указываютъ на близость правительства къ богатымъ классамъ: охрану ихъ интересовъ они имѣютъ въ виду прежде всего. Демагогія была чужда княжескому правительству.

*) Это было ея исконнымъ именемъ, позже усвоила его старшая дружина.

Единственную юридическую привилегію боярства сравнительно съ прочимъ населеніемъ мы видимъ въ сферѣ наслѣдственнаго права: при отсутствіи сыновей бояре могли передавать свое имущество дочерямъ; князь не бралъ себѣ выморочнаго имущества по смерти бояръ и боярскихъ слугъ, не имѣвшихъ сыновей, какъ бралъ у прочихъ классовъ. Выкупъ за голову земскаго боярина былъ одинаковъ со всѣми, и рядовое мѣщанство и крестьянство было вообще равноправно съ боярствомъ, хотя экономическое преобладаніе приводило крестьянство и мѣщанство въ весьма ощутительную зависимость отъ бояръ.

Среди сельскаго населенія ядро составляли такъ назыв. *смерды*, т. е. свободные и экономически самостоятельные крестьяне, сидѣвшіе на своихъ земляхъ и имѣвшіе собственное хозяйство. Это свободное крестьянство пользовалось всѣми гражданскими правами, самоуправленіемъ и собственнымъ судомъ въ своихъ общинахъ (остатки этого крестьянскаго общественнаго суда сохранились еще въ XVI в. въ такъ наз. копныхъ судахъ, тогда уже эксплуатировавшихся правительствомъ для слѣдственныхъ и полицейскихъ цѣлей). Въ болѣе важныхъ случаяхъ, когда подвергалось сильной опасности благосостояніе и спокойствіе земли, привлекалось оно, несомнѣнно, и къ воинской повинности.

Относительно обложенія его данями и повинностями, за недостаткомъ современныхъ данныхъ, можемъ составить понятіе изъ указаній позднѣйшихъ (XV—XVI в.) о порядкахъ, предшествовавшихъ распространенію крѣпостного права и барщинныхъ работъ. Изъ этихъ указаній видимъ, что основаніемъ обложенія служила крупная хозяйственная единица, называвшаяся *дворищемъ* (на Волыни и въ Галиціи), *землею* (въ Кіевской землѣ), *селомъ* (въ Сѣверской) и заключавшая въ себѣ обыкновенно нѣсколько крестьянскихъ семей; величина ея бывала очень разнообразна и ничѣмъ не регулировалась. Подати отличались большимъ разнообразіемъ, даже въ одномъ и томъ же селѣ; въ основаніи ихъ лежала старинная *дань*, которую платили мѣхами, медомъ,

деньгами (позже данью спеціально называлась дань медовая, денежная же называлась посощиною, а дань хозяйственными продуктами въ Кіевской и Волынской землѣ называлась подымщиною). Другимъ изстариннымъ поборомъ было *полюдье*: первоначально этимъ именемъ обозначалась обязанность населенія содержать князя съ его дружиною при ихъ ежегодныхъ обходахъ за данью; позже она превратилась въ регулярную подать, собиравшуюся независимо отъ того, пріѣзжалъ ли дѣйствительно князь или его агентъ, или нѣтъ, и получила разныя спеціальныя названія: поволовщина или болкуновщина (болкунъ—волъ), поклонъ, станъ. Наконецъ существовали оплаты для разныхъ княжьихъ агентовъ, въѣзжавшихъ на территорію общины за данями. Эти основныя категоріи обложенія современемъ обрастали разными придатками, изъ которыхъ затѣмъ выростали самостоятельныя подати и вносили отмѣченное выше чрезвычайное разнообразіе въ систему податей. Изъ повинностей натуральныхъ извѣстны намъ достовѣрно только городовыя и мостовыя работы: обязанность строить и исправлять городскія укрѣпленія и мосты въ районѣ, къ которому принадлежала данная община. Но рядомъ съ ними очень рано,—возможно, еще во времена Кіевскаго государства,—въ сосѣдствѣ княжьихъ дворовъ окрестные крестьяне начали привлекаться къ различнымъ работамъ: подводамъ, косьбѣ сѣна, уборкѣ хлѣба и т. д.

Кромѣ крестьянъ-собственниковъ, работавшихъ на своемъ хозяйствѣ, существовали крестьяне безземельные, хозяйничавшіе на чужихъ земляхъ, или въ качествѣ батраковъ работавшіе на своего „господина“, за плату или отрабатывая долгъ. Они называются *изгоями*, *сябрами* и *закупами* (подъ этимъ послѣднимъ именемъ выступаютъ они въ постановленіяхъ Русской Правды). Лично они свободны, но ихъ экономическая зависимость отражается и на ихъ гражданскихъ правахъ: закупъ не можетъ, напр., быть свидѣтелемъ въ судебныхъ процессахъ, кромѣ мелкихъ тяжбъ; его „господинъ“ вправѣ наказывать его „про дѣло“. Только очень тонкая граница отдѣляла этихъ экономически-независимыхъ лю-

дей отъ положенія несвободнаго, и они очень легко въ это положеніе попадали. Такъ, закупъ обращался въ рабство за бѣгство отъ господина, за проступокъ—когда съ него нужно было взыскать штрафъ, а онъ не имѣлъ чѣмъ заплатить. Кромѣ этихъ законныхъ поводовъ, закупы обращались въ рабство и незаконными способами: богатые люди безъ церемоніи обращали ихъ въ рабство за упущеніе въ работѣ, за утрату вещей, продавали въ рабство третьимъ особамъ и т. д. Эти злоупотребленія были такъ часты и рѣзки, что даже княжье правительство должно было обратить вниманіе на нихъ и издать—можетъ быть, подъ вліяніемъ того же народнаго движенія 1113 г., которымъ были вызваны ограниченія противъ лихвы,—рядъ постановленій противъ указанныхъ злоупотребленій. Эти постановленія однако въ очень недостаточной степени охраняли закупа отъ злоупотребленій господина.

Тяжелыя условія жизни, упадокъ торговли и земледѣлія подъ вліяніемъ тюркскихъ опустошеній вели къ уменьшенію свободнаго крестьянства, мелкаго свободнаго промысла и къ увеличенію числа безземельныхъ батраковъ и несвободныхъ. Разоренныя крестьянскія хозяйства увеличивали собою имѣнія бояръ, а ихъ хозяева попадали въ безсрочную службу закупничества, съ тѣмъ, чтобы оттуда при первомъ случаѣ быть переведенными въ категорію холопей. Условія кредита были очень тяжелы; 15% считалось очень легкимъ, „христіанскимъ“ процентомъ, а неоплатный должникъ попадалъ въ закупы или неволю. Лишеніе свободы практиковалось даже по закону въ цѣломъ рядѣ случаевъ.

Русская Правда указываетъ слѣдующіе источники рабства: если свободный или свободная вступили въ бракъ съ рабою или рабомъ, не выговоривъ себѣ свободы, или поступали въ дворовую службу безъ такой же гарантіи; если банкротъ признавался обанкротившимся по легкомыслію или недобросовѣстности, его продавали въ рабство, въ пользу кредиторовъ; въ рабство обращались закупы за проступки; туда же попадали лица, которыя были не въ состояніи за-

платить судебнаго штрафа (эти штрафы были очень велики). Наконецъ очень распространеннымъ источникомъ рабства былъ плѣнъ во время войны.

По древнерусскому праву рабъ—„холопъ“ не былъ юридическимъ лицомъ; онъ не могъ быть ни субъектомъ, ни объектомъ преступленія, и законъ имѣлъ въ виду исключительно матеріальный ущербъ, который можетъ быть причинялся рабомъ или въ его лицѣ наносился его господину. Рабъ не несетъ никакой отвѣтственности за свои поступки и не располагаетъ никакими правами. Господинъ имѣетъ надъ нимъ неограниченныя права, и въ эти отношенія законъ не вмѣшивается вовсе.

Подъ вліяніемъ общественнаго прогресса и христіанской проповѣди такой принципіальный взглядъ на раба не былъ однако строго выдержанъ. Дѣлались исключенія для высшихъ категорій несвободныхъ слугъ княжьихъ и боярскихъ; а также замѣтны зачатки вмѣненія рабу его проступка. Изъ случайныхъ указаній видимъ, что въ дѣйствительности рабы часто владѣли собственнымъ имуществомъ, вели торговыя операціи и т. д. Если экономическій процессъ переводилъ въ категорію несвободныхъ все большія массы людей полноправныхъ и экономически самостоятельныхъ, то съ другой стороны улучшалось и повышалось положеніе этого все возраставшаго класса несвободныхъ.

Обращаясь отъ общественныхъ и экономическихъ отношеній къ быту и культурѣ украинскихъ земель XI—XIII в., я остановлюсь лишь на нѣкоторыхъ болѣе характерныхъ сторонахъ ихъ жизни, каковы право, религіозныя идеи, книжность.

Источниками для изученія права служатъ, кромѣ договоровъ съ Византіею X в., юридическіе кодексы, извѣстные подъ общимъ именемъ Русской Правды. Въ нихъ мы можемъ установить три основныя редакціи: древнѣйшую первой пол. XI в., вторую—второй половины XI в. и третью—первой четверти XII в. Всѣ онѣ, очевидно, составлены въ Кіевѣ, частными лицами, но на основаніи судебныхъ рѣ-

шеній и княжескихъ распоряженій. Несмотря на то, что онѣ даютъ картину юридическихъ отношеній только для первой половины разсматриваемаго періода, кіевское право и въ нихъ носитъ уже ясные признаки долгаго развитія и разработки. Къ сожалѣнію, мы встрѣчаемся въ нихъ главнымъ образомъ съ уголовнымъ правомъ и процессомъ и очень мало—съ правомъ гражданскимъ.

Общественное значеніе преступленія признается уже вполнѣ ясно. Въ оцѣнкѣ его преобладаетъ взглядъ матеріальный, по которому проступокъ оцѣнивается по его результатамъ—по степени причиненнаго имъ вреда; но наряду съ этимъ, начиная уже съ древнѣйшей редакціи, замѣчаемъ ясные зачатки и болѣе прогрессивной—субъективной оцѣнки: принимается въ расчетъ напряженіе злой воли въ проступкѣ, сознательность и вмѣняемость его (различается состояніе аффекта отъ состоянія нормальнаго); но понятія рецидива и степени участія въ проступкѣ кіевскому праву на данной ступени развитія еще неизвѣстны.

Въ системѣ наказаній Русской Правды главное мѣсто занимали месть и денежный штрафъ. Месть или слѣдуетъ за приговоромъ, или предшествуетъ ему (послѣднее случалось, вѣроятно, чаще), и судъ только рѣшаетъ, имѣлъ ли право на месть и не подлежитъ ли за нее наказанію мститель. Въ силѣ оставляетъ ее и послѣдняя редакція Русской Правды. Если мстителя не было, или онъ отказывался отъ права мести, преступленіе оплачивалось штрафомъ. Штрафомъ карались и проступки противъ правъ собственности. Кромѣ штрафа въ пользу пострадавшаго, взимался штрафъ въ пользу правительства. Подъ вліяніемъ византійскаго права нѣсколько разъ правительство пыталось ввести смертную казнь, но она всякій разъ отмѣнялась, будучи очевидно слишкомъ противною обычаямъ и правосознанію общества. Тѣлесное наказаніе практиковалось также исключительно только надъ рабами, за которыми человѣческихъ правъ не признавалось.

Изъ сферы гражданскаго права обращаютъ на себя вни-

маніе постановленія о займѣ—что указываетъ на широкое развитіе кредита. Законодательство оказываетъ спеціальное покровительство торговому кредиту, старается свести до minimum'а формальности для кредитныхъ сдѣлокъ между купцами и дѣлаетъ всякія снисхожденія для банкротствъ, происшедшихъ безъ вины даннаго лица. При всемъ томъ проценты были высоки, и только подъ вліяніемъ кіевскаго движенія 1113 г. правительство сдѣлало попытку ограничить слишкомъ вопіющія злоупотребленія лихвы.

Въ наслѣдственномъ правѣ многое остается неяснымъ. Существуетъ наслѣдованіе по закону и по завѣщанію, но кругъ наслѣдниковъ въ обоихъ случаяхъ собственно одинъ и тотъ же: отецъ только правитъ имуществомъ семьи и потому ограниченъ въ распоряженіи имъ. Больше правъ имѣетъ мать относительно своей части. Объ экономическихъ и юридическихъ отношеніяхъ членовъ семьи при жизни отца Р. Правда не говоритъ почти ничего, очевидно—признавая за нимъ весьма широкую патріархальную власть въ семьѣ, но много занимается отношеніями, возникающими по его смерти. Для опредѣленія положенія женщины интересенъ законъ, постановлявшій за ея убійство ту же плату, что и за убійство мужчины; но если убивалъ мужъ виновную жену, то плата опредѣлялась только въ половинномъ размѣрѣ. При жизни мужа жена юридической роли не играетъ, очевидно, никакой, но по его смерти вдова получаетъ большое значеніе, какъ глава семьи и опекунша, и право очень заботливо оберегаетъ ее отъ притязаній дѣтей и родственниковъ.

Въ дѣйствительности и при жизни мужа жена пользовалась, несомнѣнно, большимъ значеніемъ; такъ, мы видимъ, что княгини принимаютъ замѣтное участіе въ управленіи, а Мономахъ въ своемъ поученіи сыновьямъ остерегаетъ ихъ не давать женамъ власти надъ собою. Въ бурную эпоху галицкой жизни первой половины XIII в. боярыни принимаютъ дѣятельное участіе въ политическихъ и партійныхъ отношеніяхъ и ихъ совѣты рѣшаютъ иногда даже чисто

военные вопросы. Вообще въ семейныхъ отношеніяхъ стараго украинскаго быта было много здоровыхъ задатковъ; позднѣйшее вліяніе христіанства содѣйствовало упорядоченію и нѣкоторой идеализаціи этихъ отношеній, но съ другой стороны аскетическое недовѣріе и презрѣніе къ женщинѣ дѣйствовало въ совершенно обратномъ направленіи.

Усвоеніе христіанскихъ идей и византійской церковности было главною чертою духовной жизни этой эпохи. Въ болѣе значительныхъ культурныхъ центрахъ, гдѣ еще предшествовавшія культурныя сношенія подготовили почву новой религіи, христіанизація общества сдѣлала большіе успѣхи въ продолженіе одного столѣтія; въ Кіевѣ уже въ концѣ одиннадцатаго столѣтія видимъ массу домовыхъ церквей, многочисленные монастыри и людей, искренно и сильно преданныхъ христіанскому ученію. Внѣ такихъ центровъ послѣднее, конечно, распространялось медленно и съ количественнымъ умноженіемъ послѣдователей много проигрывало въ своей чистотѣ, приноровляясь къ остаткамъ старой религіи, смѣшиваясь съ ними, и такимъ образомъ превращаясь въ смѣсь элементовъ христіанскихъ и языческихъ, получившую въ старыхъ памятникахъ характерное названіе „двоевѣрія". Языческіе праздники, принявъ имя христіанскихъ или механически присоединенные къ нимъ, существовали далѣе, вплоть до нашего времени; на христіанскихъ святыхъ переносились свойства языческихъ божествъ; къ христіанскимъ обрядамъ присоединялись старые, языческіе (напр., свадебные, поминальные и т. д.).

Но двоевѣріе было только болѣе рѣзкимъ проявленіемъ того соединенія христіанской внѣшности и языческой жизни, которое въ менѣе яркихъ формахъ совершенно ясно выступаетъ и у меньшинства, съ формальной стороны вполнѣ усвоившаго христіанство и получившаго похвальные титулы „благовѣрныхъ", „христолюбцевъ". Обрядъ, внѣшняя набожность, какъ стороны легче усвояемыя, главнымъ образомъ и принимались обществомъ и часто рекомендовались самимъ духовенствомъ такъ усиленно, что отодвигали на

второй планъ нравственное содержаніе христіанства. Построеніе церквей, посѣщеніе богослуженія, постъ, милостыня и приношенія духовенству сдѣлались главными проявленіями благочестія *). Что касается непосредственнаго воздѣйствія на жизнь, то въ этомъ отношеніи христіанской проповѣди удалось повліять на ограниченіе свободы половыхъ отношеній, нѣсколько упорядочить бракъ и сдѣлать кое-что для улучшенія семейныхъ отношеній, хотя въ эту сферу она входила очень мало; несомнѣнно также, что она повліяла на улучшеніе положенія несвободныхъ и, можетъ быть, нѣсколько смягчила крайности лихвы. Успѣхи христіанской проповѣди въ этихъ сферахъ облегчались содѣйствіемъ правительства и законодательства, въ значительной степени подчинившагося ея вліянію.

О силѣ вліянія христіанскаго ученія на наиболѣе искренно отдавшееся ему меньшинство можемъ судить по распространенію аскетизма, по характеру своему совершенно несвойственнаго природѣ первобытнаго Славянина. Христіанизація Русскаго государства совпадаетъ съ эпохою чрезвычайнаго развитія монашества въ Византіи и чрезмѣрнаго уваженія къ нему: монашество признавалось какъ бы нормою христіанской жизни, а всякое благочестіе въ мірѣ—только слабою копіею христіанства. Эти воззрѣнія перешли и въ украинское общество, и со всѣмъ пыломъ неофитовъ были усвоены людьми съ болѣе чуткимъ моральнымъ чувствомъ. Уже въ половинѣ XI в. возникаетъ цѣлый рядъ монастырей въ Кіевѣ. Но настоящимъ творцомъ монашества здѣсь былъ игуменъ Печерскаго монастыря Ѳеодосій изъ Курска. Организованный имъ по византійскимъ образцамъ, Печерскій монастырь сдѣлался главнымъ очагомъ аскетизма и образцомъ для всѣхъ монастырей восточной Европы. Въ XII и XIII в.

*) Характернымъ проявленіемъ этого преобладанія внѣшняго благочестія служатъ споры о томъ, можно ли поститься въ среду и пятницу, если въ этотъ день приходится праздникъ; споры эти весьма сильно волновали духовенство и интеллигенцію украинскихъ и великорусскихъ земель во второй пол. XII в.

монашество получаетъ большое развитіе. Центромъ его остается до полнаго своего упадка Кіевъ, гдѣ въ XII в. знаемъ до 20 монастырей; но они распространяются также и во всѣхъ остальныхъ земляхъ. Основаніе монастыря является почти обязательнымъ дѣломъ для каждаго выдающагося князя. Возникаютъ они и по иниціативѣ самихъ монаховъ. Культурное значеніе ихъ и вліяніе на христіанизацію населенія несомнѣнны. Но самъ по себѣ аскетизмъ имѣлъ и нежелательныя стороны; уже самый принципъ—что только внѣ міра возможно истинное христіанское житіе, заставлялъ относиться къ мірской жизни пренебрежительно и не признавать возможности строгихъ нравственныхъ требованій относительно нея. Это вызывало уже тогда протесты со стороны болѣе дальновидныхъ моралистовъ противъ увлеченія монашествомъ.

Школа и книжность были принесены изъ Византіи, какъ аттрибуты христіанства. Цѣлью обученія являлось расширеніе свѣдѣній о христіанскомъ ученіи, возможность преуспѣвать въ благочестіи. Литературный запасъ, который получила Русь готовымъ — въ видѣ греческихъ оригиналовъ и старо-славянскихъ переводовъ, имѣлъ рѣзко выраженную церковную окраску: преобладала церковно-учительная литература, а то, что сообщалось изъ другихъ областей знанія, также имѣло лишь служебное значеніе по отношенію къ ней или было проникнуто церковностью. Это оказало свое вліяніе и на оригинальное творчество, запечатлѣвъ его на цѣлый рядъ послѣдующихъ столѣтій тѣмъ же религіознымъ характеромъ.

Объ организаціи и пріемахъ обученія намъ извѣстно очень мало. Оно производилось очевидно по византійскому образцу—въ монастырскихъ и каѳедральныхъ школахъ, гдѣ учили такъ наз. дидаскалы и маистры; такія школы должны были появиться и въ украинскихъ земляхъ со временъ Владиміра и Ярослава, о которыхъ лѣтописи сообщаютъ, что они собирали въ большомъ числѣ дѣтей для обученія. Кромѣ такого коллективнаго школьнаго обученія, имѣло, конечно, мѣсто и одиночное, когда желавшій поучиться ученикъ посту-

шалъ въ ученіе къ грамотею, „маистру“ [1]). Большинство учениковъ не шло въ наукѣ далѣе умѣнія читать. Письмо и счетъ были дальнѣйшею ступенью обученія. Всѣ другія свѣдѣнія почерпались изъ переводныхъ византійскихъ учебниковъ и энциклопедій, чтеніе исторіи сопровождалось объясненіемъ учителя, если таковой былъ; наибольшую сумму свѣдѣній они могли дать изъ исторіи (хотя это были сухіе и не всегда достовѣрные факты), меньше и хуже всего — изъ естественныхъ наукъ.

Изученіе греческаго языка, открывавшее двери къ оригинальной византійской литературѣ, было высшею степенью науки, а вѣнцомъ ея считалось литературное образованіе, усвоеніе тайнъ риторики, стиля, чего очень трудно было достигнуть безъ руководства наставника. Мы дѣйствительно встрѣчаемъ въ XI—XIII в. рядъ людей, вполнѣ овладѣвшихъ и литературною манерою, и содержаніемъ византійской образованности, стоявшихъ вполнѣ на ея уровнѣ, какъ митр. Иларіонъ, Кириллъ, еп. туровскій, Климентъ Смолятичъ и нѣкоторые анонимные авторы. Но эти „философы“ составляли меньшинство сравнительно съ людьми, писавшими „по-просту“, т. е. простыми, болѣе или менѣе талантливыми начетчиками.

Объ оригинальной литературѣ этого времени мы вообще располагаемъ очень отрывочными свѣдѣніями. Вслѣдствіе позднѣйшихъ невзгодъ и упадка культурной жизни въ украинскихъ земляхъ послѣдующихъ столѣтій, до насъ дошло главнымъ образомъ то, что сохранилось въ земляхъ сѣверныхъ, великорусскихъ, и такъ какъ до половины XII в. великорусскія земли стояли въ болѣе тѣсной зависимости отъ Кіева, то и сохранились здѣсь главнымъ образомъ произведенія XI и первой половины XII в. Такимъ образомъ, мы имѣемъ очень мало матеріала для сужденія о литературномъ движеніи въ украинскихъ земляхъ во второй половинѣ XII и

---

[1]) Изъ византійскаго «маистръ», magister, ведетъ свое начало слова «мастеръ», какъ назывались въ великорусскихъ земляхъ такіе учителя грамоты.

XIII в., да и для предшествующаго времени ни въ какомъ случаѣ не можемъ положиться на полноту наличнаго матеріала.

Сообразно общему характеру просвѣщенія, наибольшее развитіе получила литература учительная — поученія, въ формѣ проповѣдей и посланій и житія святыхъ. Литература этого рода находилась, конечно, въ тѣсной зависимости отъ византійскихъ образцовъ: даже авторы житій идутъ слѣпо за византійскими шаблонами, заимствуя изъ нихъ не только пріемы, но и факты, или даже просто приспособляя византійскія житія къ своимъ святымъ. Больше оригинальности и свѣжести видимъ въ исторической литературѣ, несомнѣнно, очень развитой, но сохранившейся для насъ только въ видѣ нѣсколькихъ лѣтописныхъ компиляцій XII—XIII вв. Христіанская окраска на ней отразилась въ неодинаковой степени: мы встрѣчаемъ партіи, вышедшія очевидно изъ-подъ пера людей свѣтскихъ или со свѣтскими интересами, участниковъ политическихъ событій и войнъ, и въ нихъ въ полной свѣжести доходитъ до насъ вѣяніе жизни (напр., средняя часть Кіевской лѣтописи XII в., нѣкоторыя части Галицко-волынской). Литературная манера обыкновенно проста, безпритязательна; исключеніе составляетъ вступительная часть Галицкой лѣтописи, въ которой мы имѣемъ очевидно произведеніе тогдашней украинской литературной школы, съ ея красивымъ, образнымъ, иногда слишкомъ изукрашеннымъ и тяжелымъ стилемъ, выработавшимся изъ сліянія элементовъ византійскаго риторства и украинскаго поэтическаго творчества. Къ этой школѣ принадлежитъ цѣлый рядъ произведеній конца XII и начала XIII в.—окончаніе кіевской лѣтописи XII в., Моленіе Даніила и—знаменитое Слово о полку Игоревѣ.

„Слово о полку Игоревѣ" является единственнымъ сохранившимся въ цѣлости произведеніемъ поэтическаго творчества, но оно заключаетъ въ себѣ указанія на цѣлый рядъ произведеній и поэтовъ, да и самою своею техникою, своимъ стилемъ, усвоившимъ въ изобиліи элементы стараго язычества, массою картинъ и образовъ сжатыхъ, сведенныхъ до намековъ, свидѣтельствуетъ о существованіи поэтической

традиціи, очень старой, культивировавшейся въ рядѣ поколѣній, опиравшейся, съ одной стороны, на византійской литературѣ, въ ея славянско-украинскомъ одѣяніи, съ другой стороны—на поэзіи народной. Нѣкоторые обломки этого поэтическаго творчества дошли до насъ также и въ нашихъ лѣтописныхъ компиляціяхъ.

Изъ искусствъ сохранились произведенія архитектуры и живописи (фрески и миніатюры), къ которымъ примыкаютъ также мозаики и эмали, немного рѣзьбы на камнѣ и очень много декорацій на металлѣ, въ ювелирныхъ издѣліяхъ. Въ архитектурѣ и живописи, мозаикѣ и эмальерствѣ украинскіе мастера были непосредственными учениками и подражателями Грековъ. Первые, старѣйшіе мѣстные памятники вышли изъ рукъ греческихъ мастеровъ, но уже во второй половинѣ XI в. появляются свои мѣстные артисты, ученики Грековъ; изъ первой половины XII в. мы имѣемъ уже несомнѣнные памятники работы мѣстныхъ мастеровъ (напр., въ монастырскихъ церквахъ св. Михаила и св. Кирилла въ Кіевѣ). Подражая византійскимъ образцамъ, они вносили и новыя, собственныя особенности въ свои произведенія. Съ теченіемъ времени эта новая примѣсь должна была выступать все рѣзче; но къ сожалѣнію и тутъ, какъ и въ литературѣ, для наиболѣе интереснаго для насъ времени, XIII—XIV вв., мы не располагаемъ почти никакимъ матеріаломъ. Въ жалкихъ остаткахъ церковной архитектуры Галиціи видны слѣды западнаго вліянія; о нихъ говорятъ также литературныя произведенія. Это сочетаніе элементовъ византійскихъ, украинскихъ и западныхъ представляло бы для насъ большой интересъ, но матеріалъ слишкомъ скуденъ, да и тотъ не собранъ и не изученъ достаточно.

Больше интереса и разнообразія представляютъ богатые остатки древняго прикладного искусства—въ издѣліяхъ ювелирныхъ. Тутъ съ вліяніями византійскими изначала смѣшиваются чрезвычайно старыя и сильныя на украинской территоріи вліянія восточныя, причемъ какъ тѣ, такъ и другія, болѣе или менѣе, самостоятельно перерабатываются

украинскими мастерами. Мы встрѣчаемъ здѣсь большое богатство техники, орнаментики (рѣзьба, дутый орнаментъ, оксидировка, эмаль, филигранъ, бисерный орнаментъ), и если для однихъ мотивовъ можемъ указать близкіе образцы въ искусствѣ византійскомъ или восточномъ, то въ другихъ мы имѣемъ очевидно оригинальныя комбинаціи или только очень далекіе отзвуки чужихъ образцовъ. Техника этихъ издѣлій украинскихъ мастеровъ стоитъ очень высоко—гораздо выше аналогическихъ западно-европейскихъ издѣлій XI—XII вв.

Вообще жизнь и культура украинскихъ земель XI—XIII вв. отличается значительнымъ развитіемъ и большимъ разнообразіемъ элементовъ, культурныхъ теченій и ихъ вліяній, встрѣчавшихся на украинской территоріи. Тѣсно примкнувъ съ концомъ X в. къ византійской культурѣ, она съ XIII в. все сильнѣе сближается съ западомъ, и его вліяніе въ галицкихъ памятникахъ первой половины XIV вѣка чувствуется чрезвычайно сильно (князья употребляютъ печать западнаго образца, граматы ихъ канцеляріи пишутся по-латыни и т. п.). Но рабскимъ подражаніемъ не исчерпывалось содержаніе украинской жизни. Въ ней чувствуется внутренняя сила развитія и движенія и она могла дать намъ весьма интересные результаты при болѣе благопріятныхъ условіяхъ развитія. Слабою стороною украинской культуры было то, что она опиралась на слишкомъ незначительное верхнее меньшинство населенія. Паденіе государственной жизни, въ связи съ упадкомъ богатаго городского и землевладѣльческаго боярства, подорвало ее вполнѣ, и изъ нея уцѣлѣли только тѣ жалкіе остатки, какіе могли быть усвоены народными массами да темнымъ сельскимъ духовенствомъ,—остатки, которые не даютъ намъ никакого представленія о богатомъ культурномъ содержаніи и развитіи старой Руси.

Подробнѣе объ общественномъ строѣ и управленіи—„Історія України-Руси", т. III, гл. 3, объ отношеніяхъ экономическихъ, бытѣ и культурѣ—тамъ же, гл. 4 (въ первомъ изданіи т. III, гл. 4 и 5).

IX.

Съ паденіемъ государственной жизни въ восточной Украинѣ, области ея постепенно становятся владѣніями литовскихъ князей.

Галицко-волынскія земли, признавшія въ 1340 г. своимъ княземъ Любарта Гедиминовича, на мѣсто убитаго Юрія-Болеслава, были не единственнымъ пріобрѣтеніемъ литовской династіи на украинской территоріи этого времени. Среднія десятилѣтія XIV вѣка были временемъ чрезвычайно дѣятельнаго и успѣшнаго собиранія земель стараго Русскаго государства, съ ихъ ослабленнымъ или разложившимся вовсе государственнымъ строемъ, литовскими князьями, представителями новой, только что формирующейся политической силы.

Сильно запоздавшая и въ культурномъ и въ общественномъ развитіи своемъ, литовская народность въ XIII в. начинаетъ,—можетъ быть, не безъ вліянія грозившаго ей смертью нѣмецкаго натиска съ Балтійскаго поморья,—чрезвычайно быстро и успѣшно организоваться политически и одновременно притягиваетъ къ себѣ разбитые остатки стараго Русскаго государства. Мендовгъ, считающійся основателемъ Литовскаго государства и въ дѣйствительности только лишь связующій литовскія племена въ болѣе сильную и сплоченную государственную организацію, владѣетъ уже цѣлымъ рядомъ мелкихъ бѣлорусскихъ княжествъ въ бассейнѣ Нѣмана, Припети и Березины и старается распространять свою власть далѣе, въ земли черниговскія, смоленскія, полоцкія (въ серединѣ XIII в.). Галицко-волынскіе князья недружелюбно смотрѣли на эту новую политическую силу, но остановить ея роста не успѣли. Не удались и ихъ династическіе планы—путемъ союзовъ и браковъ провести своихъ князей въ это Литовское государство; одинъ изъ сыновей Даниила, Шварно, дѣйствительно получилъ-было литовскій великокняжескій престолъ отъ сына Мендовга—Войшелка, но умеръ вслѣдъ затѣмъ, и новыя литовскія династіи освобождаются отъ всякаго вліянія галицко-

волынскихъ князей. Съ началомъ же XIV в. въ литовскихъ земляхъ становится прочною ногою династія Гедимина и съ удвоенною энергіею собираетъ бѣлорусскія и украинскія земли *).

Этотъ процессъ собиранія очень мало извѣстенъ въ деталяхъ. Проходилъ онъ большею частью безъ шума и громкихъ конфликтовъ, безъ большихъ войнъ и значительныхъ перемѣнъ въ строѣ присоединяемыхъ земель и потому очень мало оставилъ слѣдовъ въ источникахъ, тѣмъ болѣе, что изъ этихъ земель и не сохранилось для насъ изъ XVI в. никакихъ мѣстныхъ лѣтописей и очень мало актоваго матеріала. Стоя гораздо ниже въ культурномъ и общественномъ развитіи сравнительно съ народностью, украинскою или бѣлорусскою, присоединяемыхъ земель, литовская народность подпадала вліянію славянскаго элемента, его государственныхъ и общественныхъ формъ, религіи, быта, письменности. Бѣлорусскій языкъ сдѣлался языкомъ письменности и дѣлопроизводства в. кн. Литовскаго на все послѣдующее время (литовскій языкъ въ письменности не употреблялся); право

*) Вотъ генеалогія этой династіи (отмѣчаю только интересныхъ для насъ членовъ):

Путуверъ (варіанты: Pucuverus, Lutuverus) † около 1293 г.

Витень † 1315 — Гедиминъ † 1341

Ольгердъ † 1377 — Кейстутъ † 1382 — Коріатъ — Любартъ † ок. 1385. (см. ниже)

Витовтъ † 1430 — Сигизмундъ † 1440 — Юрій подольскіе князья — Александръ — Константинъ — Федоръ — Федоръ † 1431

Линія Ольгерда:

Ольгердъ

Владиміръ кн. кіевскій — Ягайло † 1434 — Свитригайло † 1452

Олелько † ок. 1454 — Владиславъ † 1444 — Казиміръ † 1492

Семенъ † 1470 — Михаилъ † 1481 — Іоаннъ-Альбрехтъ † 1501 — Александръ † 1505 — Сигизмундъ † 1548 — Сигизмундъ-Августъ † 1572.

и политико-общественная схема, выработанная Кіевскимъ государствомъ, легли въ основу государственнаго права в. кн. Литовскаго; сама династія литовская сильно обрусѣла: между ея членами во второй половинѣ XIV в. большинство было православныхъ и совсѣмъ обрусѣвшихъ. Вліяніе оказывала особенно бѣлорусская стихія, такъ какъ бѣлорусскія земли раньше были присоединены и тѣснѣе связаны съ в. кн. Литовскимъ, чѣмъ земли украинскія.

Отчасти въ силу культурной бѣдности Литвы, отчасти изъ политическихъ соображеній, литовскіе князья и позже старались вносить какъ можно меньше перемѣнъ въ строй и отношенія своихъ славянскихъ провинцій: „мы старины не рушаемъ, а новины не уводимъ", было ихъ лозунгомъ. На первыхъ же порахъ литовская оккупація вносила лишь минимальныя перемѣны въ отношеніи присоединяемыхъ земель: нетронутыми оставались всѣ правовыя нормы, общественный строй и жизнь; очень часто оставались по мѣстамъ и прежніе князья (гдѣ они были), и только въ видѣ высшей власти являлся теперь надъ ними какой нибудь членъ литовской династіи, или самъ великій князь, а отношеніе новаго правительства къ новой провинціи ограничивалось, самое большее, требованіемъ войска въ походы. При такихъ отношеніяхъ и при бѣдности нашихъ источниковъ неудивительно, что мы иногда только позже узнаемъ объ этой перемѣнѣ— присоединеніи той или другой земли къ в. кн. Литовскому, а время и обстоятельства этого факта остаются неизвѣстными.

Въ первой четверти XIV в. большинство бѣлорусскихъ земель уже такъ или иначе было связано съ в. кн. Литовскимъ, и литовскіе князья протягивали руки и къ землямъ украинскимъ. Изъ позднѣйшихъ извѣстій и нѣкоторыхъ косвенныхъ указаній выходитъ, что уже тогда, въ первой четверти XIV в. (при послѣднихъ Романовичахъ галицко-волынскихъ, или въ безкняжье время по ихъ смерти), оторвана была отъ Галицко-волынскаго государства и присоединена къ в. кн. Литовскому волость Берестейско-дорогичинская, т. е. земли по среднему теченію Зап. Буга. Позднѣйшее генеало-

гическое сказаніе говоритъ, что одинъ изъ литовскихъ князей, котораго оно называетъ Видомъ и помѣщаетъ между Мендовгомъ и братомъ (и предшественникомъ) Гедимина Витенемъ, присоединилъ къ в. кн. Литовскому значительную часть Древлянской земли, то есть сѣверо-западной Кіевщины. Это извѣстіе заслуживаетъ полнаго вниманія: послѣ того, какъ въ зависимость отъ в. кн. Литовскаго пришла вся Турово-пинская земля (а это случилось, вѣроятно, еще въ концѣ XIII или началѣ XIV в.), литовскіе князья совершенно естественно стали приводить подъ свою власть и ближайшія кіевскія волости, а такими были именно земли старыхъ Древлянъ. При Гедиминѣ уже и Кіевъ стоялъ очевидно въ сферѣ политическаго вліянія Литвы, хотя кіевскій князь (источники называютъ какого-то Федора, маленькаго князька, неизвѣстнаго происхожденія) формально находился еще подъ властью Татарской орды. Подъ власть литовской династіи Кіевъ окончательно перешелъ уже при сынѣ Гедимина, Ольгердѣ, который отобралъ его отъ послѣдняго князя, упомянутаго уже Федора, и посадилъ здѣсь своего сына Владиміра (около 1360 г.). Вмѣстѣ съ Кіевомъ въ зависимость отъ него пришли и огромныя, запустѣвшія пространства на лѣвомъ берегу Днѣпра (земли стараго Переяславскаго княжества и сосѣднія съ послѣднимъ территоріи); съ XV—XVI вв. они причислялись тоже къ Кіеву.

При Ольгердѣ же приведены были въ зависимость отъ великаго князя Литовскаго и земли стараго Черниговскаго княжества, а также край по среднему теченію Днѣстра и Южнаго Буга, который теперь получаетъ имя Подолья. Въ этомъ краѣ первоначально соперничали вліянія Кіева и Галича, позже онъ былъ притянутъ Галицко-волынскимъ государствомъ, но движеніе „татарскихъ людей“ поставило его въ непосредственную зависимость отъ Татарской орды. Когда у Ольгерда, въ 1360-хъ годахъ, произошелъ разрывъ съ Татарами, его племянники, сыновья Коріата Гедиминовича, засѣли въ подольскихъ городахъ, укрѣпили ихъ противъ Татаръ и образовали еще одно княжество, ставшее въ извѣстную зависимость отъ великаго князя Литовскаго.

Въ черниговскія отношенія Ольгердъ вмѣшался по связи ихъ съ смоленскими. Главнѣйшимъ изъ черниговскихъ столовъ—Брянскимъ владѣли тогда смоленскіе князья, и Ольгердъ, старавшійся овладѣть Смоленскомъ, захватилъ Брянскъ въ 1350-хъ годахъ (около 1357—58 гг.). Это было началомъ его дальнѣйшихъ пріобрѣтеній въ черниговскихъ земляхъ; подробностей ихъ не знаемъ, но въ послѣдней четверти XIV в. видимъ всѣ важнѣйшіе столы западной части Черниговской земли (Брянскъ, Новгородъ, Черниговъ, Стародубъ) въ рукахъ нѣсколькихъ князей изъ литовской династіи, а въ восточной—мелкихъ князей изъ старой династіи, приведенныхъ въ зависимость отъ Литвы. Эту зависимость поддерживалъ рядъ крѣпостей, находившихся въ непосредственной власти литовскихъ князей.

Такимъ образомъ вся восточная Украина въ послѣдней четверти XIV вѣка была подчинена великому князю Литовскому. Этотъ блестящій результатъ былъ достигнутъ въ сравнительно непродолжительное время, безъ большихъ хлопотъ и особеннаго напряженія. Населеніе безъ сопротивленія подчинялось великому князю Литовскому; прежніе князья оставались на своихъ мѣстахъ, подъ верховенствомъ князей изъ новой династіи, или были безъ труда смѣщаемы,—слишкомъ были они слабы, чтобы имѣть возможность сопротивляться. Татарская орда, считавшая эти земли своими „улусами", была слишкомъ разстроена и ослаблена во второй половинѣ XIV в., чтобы оказать серьезное противодѣйствіе. Изъ 1360—70-хъ гг. мы имѣемъ извѣстіе о конфликтахъ Литвы съ Татарами, вызванныхъ очевидно этимъ движеніемъ въ украинскія земли (предъ тѣмъ Орда была даже союзникомъ Литвы), но они не могли остановить литовской оккупаціи. Татарскіе ханы и потомъ считали восточную Украину своимъ улусомъ и претендовали на дань; эти претензіи иногда до нѣкоторой степени удовлетворялись, иногда же отражались вооруженною силою, но во всякомъ случаѣ не мѣшали фактической оккупаціи украинскихъ земель литовскими князьями, впрочемъ, совершенно уже ассимилировавшимися и

превратившимися въ украинскихъ князей литовской династіи.

Гораздо большаго напряженія потребовалось отъ литовскихъ князей, чтобы удержать въ своихъ рукахъ западныя земли Украины, и имъ въ концѣ концовъ не удалось задержать ихъ въ своей власти—не удалось собрать въ своихъ рукахъ всю Украину.

Я уже упомянулъ, что еще вѣроятно при жизни Юрія-Болеслава состоялось соглашеніе относительно совмѣстныхъ дѣйствій въ Галицко-волынскихъ земляхъ. Одновременный походъ ихъ въ Галицію, при первой вѣсти о смерти Юрія-Болеслава, наводитъ на мысль, что уже тогда существовало между ними соглашеніе въ галицкомъ вопросѣ. Во всякомъ случаѣ существованіе тамъ соглашенія между ними не подлежитъ сомнѣнію, и если оно не было заключено передъ смертью Юрія-Болеслава, то состоялось немногимъ позже. Это была династическая комбинація въ родѣ компромисса 1214 г., венгерскій король давалъ carte blanche въ Галицко-волынскихъ земляхъ Польшѣ, искавшей реванша на востокѣ послѣ отреченія отъ западныхъ польскихъ земель въ пользу Пруссіи и Чехіи. Польскій король въ случаѣ отсутствія у него мужского потомства обѣщалъ передать послѣ себя польскую корону венгерской династіи *). Въ случаѣ же, если у польскаго короля явились мужскіе потомки, венгерскій король, сохранявшій и впредь свои „историческія права“ на Галицію, выговорилъ себѣ право получить ее отъ Польши за уплатою военныхъ издержекъ.

Въ силу этого соглашенія Казимиръ въ своей борьбѣ за Галицко-волынскія земли находилъ болѣе или менѣе дѣятельную поддержку въ Венгріи; дѣятельнымъ союзникомъ его былъ также папа. Любартъ же главнымъ образомъ долженъ былъ опираться на мѣстныя, украинскія силы Волыни:

*) Въ силу этого соглашенія послѣ Казимира польскимъ королемъ дѣйствительно сталъ Людовикъ изъ венгерской (анжуйской) династіи.

Ольгердъ и прочіе литовскіе князья очень мало ему помогали *). Въ 40—50 гг. помощь Любарту оказывали Татары, но и ихъ временами склонялъ на свою сторону Казимиръ, а позже отношенія ихъ къ литовскимъ князьямъ были и вовсе испорчены. Въ такихъ условіяхъ развилась упорная и чрезвычайно важная своими послѣдствіями, какъ начало оккупаціи Польшею украинскихъ земель, борьба за Галицко-волынскія земли.

Первый походъ Казимира въ 1340 г. не имѣлъ важныхъ результатовъ: Дмитро Дедько, старѣйшій изъ галицкихъ бояръ, правившій отъ имени Любарта Галиціею, призвалъ на помощь Татаръ, и Казимиръ, въ виду грозившаго татарскаго нашествія, въ договорѣ съ Дедькомъ долженъ былъ отказаться отъ дальнѣйшихъ притязаній на Галицію. Онъ ихъ не оставилъ однако. Уже около 1345 г. видимъ въ рукахъ Казимира западную, галицкую окраину—Саноцкую землю, а въ 1349 г., обезпечивъ себѣ нейтралитетъ Татаръ, онъ сильнымъ и внезапнымъ походомъ захватилъ Галицію и значительную часть Волыни. Любартъ, положимъ, немедленно оправился, возвратилъ себѣ Волынь и старался отнять у Казимира Галицію; но здѣсь польская оккупація держалась устойчивѣе. Перемиріе 1352 г. оставило въ фактическомъ владѣніи Казимира Галицію, въ рукахъ литовскихъ князей Волынь, и несмотря на то, что борьба продолжалась послѣ того еще четверть столѣтія, доходя повременамъ до очень сильнаго напряженія, только временами той или другой сторонѣ удавалось подвинуть границу своей оккупаціи въ ту или другую сторону; въ главныхъ же чертахъ владѣнія споря-

*) При своей чрезвычайной экстенсивности Литовское государство и теперь, и позже было слабо организовано: многочисленныя и разноплеменныя земли, собранныя литовскими князьями, не были сконцентрированы въ одинъ сильный организмъ, и къ сильнымъ напряженіямъ эта государственная организація не была способна. Притомъ до самаго XV в. ея силы и вниманіе постоянно были отвлекаемы борьбою съ нѣмецкими рыцарскими орденами, неустанно опустошавшими литовскія земли и стремившимися къ завоеванію сосѣднихъ литовскихъ территорій.

щихъ сторонъ держались устойчиво: Галиція, съ Холмскою землею, оставалась въ оккупаціи польско-венгерской *), волынскія земли—во власти Любарта.

Причину неудачи Любарта въ Галиціи, кромѣ неравенства силъ, нужно видѣть также въ томъ, что боярство, правившее здѣсь отъ имени Любарта, не пользовалось популярностью. Казимиръ же съ первою же оккупаціею постарался конфискаціями и репрессіями ослабить наиболѣе ревностныхъ противниковъ Польши и ввести новые элементы, въ видѣ польскихъ, нѣмецкихъ и иныхъ колонистовъ и землевладѣльцевъ, которые имѣли всѣ поводы благопріятствовать польской оккупаціи. Галиція осталась во власти Польши, Волынь во власти Любарта.

Въ концѣ концовъ эта упорная борьба Польши съ литов-

---

*) До смерти Казимира (1370) Галиція находилась въ фактическомъ владѣніи Польши. Такъ какъ у него не было сыновей, то, на основаніи старыхъ соглашеній, польская корона перешла къ венгерскому королю Людовику, соединившему въ своихъ рукахъ Венгрію и Польшу. Но такъ какъ и у Людовика не было сыновей, а наслѣдованіе по женской линіи не было предусмотрѣно предшествовавшими трактатами и встрѣчало довольно сильныя препятствія, то Людовикъ, не считая польскую корону вѣрною, старался обезпечить Венгріи владѣніе Галиціею и потому сначала (въ 1372 г.) далъ ее во владѣніе своему вѣрному человѣку Владиславу, князю Опольскому (изъ онѣмеченныхъ польскихъ князей Силезіи), какъ венгерскій ленъ, а потомъ обратилъ въ венгерскую провинцію и роздалъ въ управленіе венгерскимъ намѣстникамъ (1379 г.). Только въ 1387 г., устроивъ бракъ кор. Ядвиги съ Ягайломъ, т. е. найдя новую точку опоры противъ Венгріи (которая къ тому была тогда въ чрезвычайно плачевномъ положеніи вслѣдствіе внутреннихъ смутъ), польское правительство снарядило походъ и присоединило Галицію къ Польшѣ. Хотя Венгрія опротестовала это нарушеніе своихъ правъ, но болѣе энергично выступить тогда была не въ состояніи. Вопросъ о правахъ на Галицію подымался на дипломатическихъ конференціяхъ, но рѣшеніе его откладывалось все далѣе и далѣе, и наконецъ дѣло это заглохло въ половинѣ XV в. вовсе. Только когда былъ поднятъ вопросъ о раздѣлѣ Польши въ XVIII в., выступили на свѣтъ Божій снова эти историческія права Венгріи на Галицію, и какъ я упоминалъ, послужили поводомъ къ присоединенію ея къ Австріи, вмѣстѣ съ сосѣдними провинціями.

скими князьями, или, лучше сказать, съ украинскимъ народомъ, который поддерживалъ этихъ князей въ борьбѣ съ польскою оккупаціею *), была прервана неожиданною династическою комбинаціею, которой суждено было имѣть чрезвычайно важное вліяніе на всю дальнѣйшую исторію восточной Европы. Польское правительство, т. е. малопольскіе паны, правившіе Польшею по смерти кор. Людовика, устроили бракъ его наслѣдницы на польскомъ тронѣ, королевы Ядвиги, съ сыномъ и наслѣдникомъ Ольгерда на престолѣ вел. князя литовскаго, Ягайломъ, и Ягайло, очень заинтересованный надеждою соединить подъ своею властью Литву и Польшу, для ея осуществленія далъ согласіе на цѣлый рядъ условій, поставленныхъ ему польскими правителями. Между прочимъ, онъ обѣщалъ присоединить къ Польшѣ на вѣчныя времена земли вел. князя Литовскаго **). Въ этомъ смыслѣ выдана была имъ грамата, 15 августа 1385 г., въ г. Кревѣ (такъ называемая Кревская унія), и затѣмъ въ 1386 г. послѣдовалъ его бракъ съ Ядвигою.

На основаніи Кревскаго акта всѣ земли великаго князя Литовскаго, въ томъ числѣ всѣ украинскія земли (не говоря о Галиціи, которую польскіе правители сами присоединили къ Польшѣ немного позже), должны были превратиться въ

*) Какъ я уже сказалъ, Любартъ велъ войну почти исключительно силами своей Волынской земли, то есть мѣстнаго украинскаго населенія, которое очень стойко держалось Любарта и энергически оборонялось отъ польской оккупаціи (особенно выдаются въ нашихъ небогатыхъ источникахъ двѣ осады польско-венгерскими войсками Велза въ 1352 и 1377 г.г., когда его гарнизоны оказали необыкновенную стойкость и отвагу). Со свойственной литовскимъ князьямъ податливостью для славянской культуры, Любартъ очень скоро приморовился къ мѣстной жизни, и его правленіе было равносильно сохраненію старыхъ общественныхъ и культурныхъ отношеній, между тѣмъ какъ польская оккупація несла смерть имъ подъ напливомъ польской шляхты и польскаго права. Въ виду этого борьба имѣла глубокое народное значеніе.

**) Demum etiam Iagalo sepedictus dux promittit terras suas Litvaniae et Russiae coronae regni Poloniae perpetuo applicare. Въ послѣдующихъ актахъ это выражено яснѣе и полнѣе.

польскія провинціи, а самое великое княжество Литовское, какъ отдѣльный политическій органъ—перестать существовать. Польская дипломатія однимъ ночеркомъ пера пріобрѣтала огромныя пространства, превышавшія территорію самого Польскаго государства. Но этотъ тріумфъ пока оставался только на пергаментѣ, и реализировать такія дипломатическія пріобрѣтенія иногда бываетъ гораздо труднѣе, чѣмъ достигнуть ихъ въ трактатахъ. Такъ было и въ данномъ случаѣ.

Правда, князья, владѣвшіе какими либо землями въ границахъ великаго князя Литовскаго, по приказу Ягайла безпрекословно выдавали граматы, которыми обязывались не только быть вѣрными Ягайлу, его королевѣ и дѣтямъ, но и принадлежать (adherere, pertinere) къ Польскому королевству. Ягайло, сидя на польскомъ престолѣ, соединялъ въ своемъ лицѣ титулы польскаго короля и литовскаго великаго князя и этимъ единствомъ покрывалъ разницу между принадлежностью къ Польшѣ и къ великому княж. Литовскому. Пока въ фактическія отношенія не вносилось никакихъ перемѣнъ, кревское обязательство могло спокойно существовать. Но какъ только польскіе политики захотѣли осуществить на дѣлѣ кое-что изъ кревскаго акта, протестъ былъ неизбѣженъ, и выразителемъ его явился Витовтъ, двоюродный братъ Ягайла, сынъ убитаго имъ Кейстута Гедиминовича.

Витовтъ сначала добивался отъ Ягайла только возвращенія отцовскихъ владѣній. Союзъ съ крестоносцами далъ, однако, ему такое сильное оружіе, что онъ идетъ затѣмъ дальше въ своихъ требованіяхъ. Онъ пріобрѣтаетъ позицію замѣстителя Ягайла въ управленіи великимъ княжествомъ (1392), упрочиваетъ свое положеніе, а въ 1398 г., подъ вліяніемъ раздраженія, которое вызвали среди князей и бояръ вел. кн. Литовскаго претензіи краковскаго двора на нѣкоторые внѣшніе признаки зависимости земель вел. кн. Литовскаго отъ Польши, провозглашается „королемъ литовскимъ и русскимъ". Однако, неудача, которая постигла его вслѣдъ затѣмъ въ большомъ походѣ на Татаръ (1399), за-

ставляетъ его нѣсколько ограничить свои планы. Онъ удовольствовался признаніемъ за собою со стороны Польши титула и значенія великаго князя Литвы и Руси, подъ номинальнымъ верховенствомъ польскаго короля (1400), и только передъ смертью его снова былъ поднятъ вопросъ о коронаціи Витовта королемъ и установленія полной независимости Литвы отъ Польши. Смерть Витовта (1430) прервала и на этотъ разъ эти планы. Но во всякомъ случаѣ политическая самостоятельность великаго княжества Литовскаго, уничтоженная (чисто теоретически, конечно) Кревскимъ актомъ, была всѣмъ этимъ возстановлена и утверждена трактатами (особенно Городельскимъ актомъ 1413 года).

Кревское обязательство потеряло значеніе. Великое княжество Литовское имѣло и впредь существовать совершенно самостоятельно подъ властью отдѣльнаго великаго князя, при чисто номинальномъ или моральномъ супрематѣ польскаго короля. Вмѣстѣ съ тѣмъ теряло всякое значеніе и надежду на осуществленіе и заключавшееся въ Кревскомъ актѣ обязательство присоединенія къ Польшѣ украинскихъ земель—Подолья, Волыни, Кіевщины, Черниговскихъ земель. Присяжныя граматы украинскихъ князей, съ обязательствомъ принадлежать къ Польшѣ, оставались единственнымъ результатомъ этого дипломатическаго тріумфа Польши.

Польское правительство не мирилось съ этою неудачею своихъ плановъ. Скрѣпя сердце дѣлало оно уступки Витовту, но крѣпко держало въ памяти кревское обязательство, надѣясь осуществить его при болѣе благопріятныхъ обстоятельствахъ. Почти на два столѣтія эта идея дѣлается руководящею въ польской политикѣ. Поэтому въ самыхъ трактатахъ, утверждавшихъ политическую самостоятельность великаго княжества Литовскаго (даже въ трактатѣ 1413 г.), польскіедипломаты повторяютъ фразу о присоединеніи къ Польшѣ земель великаго княжества Литовскаго—теперь казалось бы потерявшую значеніе *). Они обставляютъ по возможности всякими не-

*) Въ граматахъ, одновременно съ этими трактатами выданныхъ литовскою аристократіею въ 1401 и 1413 г. и заключавшихъ въ себѣ

ясностями вопросъ о переходѣ великаго княжества отъ одного великаго князя къ другому и очевидно надѣются, что при этомъ польскому правительству удастся улучить удобный моментъ и дѣйствительно превратить земли великаго княжества Литовскаго въ польскія провинціи.

Польское правительство надѣялось осуществить этотъ планъ уже въ моментъ смерти Витовта; для этого была пущена версія, что Витовтъ, умирая, отказалъ великое княжество Ягайлу. Но вопросъ о коронаціи такъ раздражилъ литовскіе правящіе круги, что о низведеніи великаго княжества на степень польской провинціи нельзя было и заикнуться. Великимъ княземъ былъ избранъ братъ Ягайла Свитригайло, и Ягайло долженъ былъ дать на этотъ выборъ свое согласіе. Вслѣдъ затѣмъ вопросъ о Подольѣ (о которомъ я буду говорить ниже) привелъ къ совершенному разрыву между великимъ княжествомъ Литовскимъ и Польшею; началась война, и Свитригайло, оказавшійся очень щекотливымъ на пунктѣ своей политической дѣятельности, и слышать ничего не хотѣлъ о какихъ либо компромиссахъ и подчиненіи верховенству Польши. Польское правительство, послѣ безплодныхъ попытокъ, рѣшилось наконецъ вовсе отдѣлаться отъ Свитригайло и, пользуясь неудовольствіемъ среди литовской аристократіи на Свитригайла за его симпатіи къ „русскимъ“ (бѣлоруссамъ и украинскимъ) элементамъ, подготовило государственный переворотъ (1432 г.). Но превратиться въ подданныхъ Польскаго королевства не имѣли ни малѣйшаго желанія и противники Свитригайла. Поэтому, польское правительство должно было согласиться на выборъ вмѣсто Свитригайла другого великаго князя и ограничиться только надеждами на уступчивость своего ставленника. Литовскія земли, возставъ противъ Свитригайла, провозгласили княземъ брата Витовта, Сигизмунда, и онъ былъ утвержденъ польскимъ правительствомъ въ великокняжескомъ достоинствѣ. Но бѣ-

обѣщаніе вѣрности польскому королю какъ сюзерену о присоединеніи (такъ называемой инкорпораціи) земель великаго княжества Литовскаго къ Польшѣ, наоборотъ, нѣтъ никакихъ упоминаній.

белорусскія и украинскія земли остались вѣрны Свитригайлу, и съ ихъ помощью Свитригайло нѣсколько лѣтъ боролся съ Сигизмундомъ, стараясь возстановить свою власть надъ всѣмъ великимъ княжествомъ (1432—1435).

Пока Свитригайло держался въ земляхъ великаго княжества, Сигизмундъ долженъ былъ показывать всяческую уступчивость по отношенію къ поддерживавшему его польскому правительству, и послушно подписывалъ обязательства, какія оно ему диктовало. Но это была вынужденная покорность, и съ полнымъ паденіемъ Свитригайла (1438) Сигизмундъ сейчасъ же подымаетъ голову, ища опоры въ союзахъ противъ Польши и ея претензій. Онъ погибаетъ впрочемъ вслѣдъ затѣмъ отъ заговора (1440), но по смерти его на великое княжество былъ избранъ младшій сынъ Ягайла Казимиръ, и независимое положеніе Литвы подчеркивается еще яснѣе: Казимиръ, или, вѣрнѣе, руководившіе малолѣтнимъ княземъ литовскіе правители, совершенно разрываютъ сношенія съ польскимъ королемъ Владиславомъ, желавшимъ видѣть въ Казимирѣ только своего намѣстника въ Литвѣ и самовольно здѣсь распоряжаться, и одно время (1448) Литва стояла опять передъ перспективою войны съ Польшею.

Послѣдовавшая вскорѣ затѣмъ гибель Владислава (1444) давала великому княжеству Литовскому прекрасный случай вполнѣ и навсегда разорвать династическую связь съ Польшею. Но въ силу той двойственности, какую вообще проявляла въ отношеніяхъ къ Польшѣ литовская аристократія (объ этомъ я буду говорить ниже), послѣдняя не рѣшилась на такой рѣзкій шагъ. Вмѣсто того, чтобы повліять на Казимира въ смыслѣ отказа отъ всякихъ правъ на польскую корону, литовскіе правители послѣ долгихъ проволочекъ согласились на выборъ Казимира польскимъ королемъ, связали его только различными обѣщаніями относительно сохраненія литовской автономіи и цѣлости земель вел. княжества [1]).

[1]) Остается неяснымъ и спорнымъ, дали ли такія обязательства литовскимъ правителямъ и представители польскаго правительства

Надѣясь и впредь сохранить полное вліяніе на своего воспитанника, они даже не захотѣли обезпечить свою полную самостоятельность выборомъ отдѣльнаго великаго князя. Это было большой ошибкой съ ихъ стороны, такъ какъ поставленный между противоположными стремленіями польской и литовской политики Казимиръ скоро выходитъ изъ-подъ вліянія литовскихъ круговъ и рѣшительно склоняется на сторону Польши, а пользуясь своимъ вліяніемъ въ правящихъ кругахъ Литвы, не допускаетъ выбора отдѣльнаго великаго князя, къ чему стремились потомъ въ великомъ княжествѣ, и ослабляетъ рѣзкую по отношенію къ Польшѣ политику правящаго класса вел. княжества.

До самой смерти (1492) Казимиръ удерживаетъ въ личной уніи, подъ своею властью, Польшу и великое княжество Литовское. Но дальше личной уніи дѣло все-таки не шло: великое княжество остается совершенно отдѣльнымъ и самостоятельнымъ государствомъ, связаннымъ съ Польшею исключительно личностью государя, и раздраженные неуступчивостью польскаго правительства въ вопросѣ о спорныхъ земляхъ и въ переговорахъ о новой формулировкѣ государственныхъ отношеній Литвы и Польши *), литовскіе правители при каждомъ случаѣ умышленно подчеркивали свою полную отдѣльность отъ Польши, хотя и не умѣли пойти дальше довольно безвреднаго будированія.

Встрѣтивъ такія препятствія въ осуществленіи своей программы, выраженной въ Кревскомъ актѣ, польское правительство должно было въ концѣ концовъ убѣдиться, что включеніе въ составъ Польши великаго княжества Литовскаго въ цѣломъ объемѣ—цѣль слишкомъ далекая. Не отрекаясь отъ нея, а только отлагая ея осуществленіе до болѣе благопріятнаго момента, оно рѣшило пока отобрать отъ вел. княжества Литовскаго тѣ земли, которыя привлекали его уже издавна, т. е. украинскія земли стараго Галицко-волынскаго

*) Литовскіе правители хотѣли исключить существовавшія въ прежнихъ трактатахъ фразы о присоединеніи Литвы къ Польшѣ и суренатѣ послѣдней.

государства, которыхъ ей не удалось добыть въ долгой борьбѣ за галицко-владимірское наслѣдіе: Волынь, Подолье и Берестейско-дорогичинскую землю средняго Буга *).

Подолье было на короткое время, въ началѣ XV вѣка, превращено въ польскую провинцію Ягайломъ; но Витовтъ вытребовалъ его себѣ обратно. Въ моментъ смерти Витовта польскіе шляхтичи Галиціи и Подолья, проникшіе сюда особенно во время упомянутаго короткаго господства Польши на Подольѣ, впередъ подготовивъ заговоръ, захватили столицу Подолья—Каменецъ и присоединили Подольскую землю къ Польшѣ. Это именно и привело къ разрыву между Свитригайломъ и Ягайломъ. Ягайло, по настоянію Свитригайла, который задержалъ его у себя въ плѣну, далъ распоряженіе возвратить Подолье великому князю Литовскому, но это исполнено не было. Восточнаго Подолья, по среднему теченію Южнаго Буга, съ городами Браславомъ и Винницею, Полякамъ, впрочемъ, не удалось удержать въ своихъ рукахъ: Свитригайло непосредственно затѣмъ возвратилъ его себѣ; но западное Подолье, пограничное съ Галиціею, гдѣ польская шляхта была уже довольно многочисленна, держалось Польши, и Свитригайлу не удалось отобрать его отъ Поляковъ. Въ 1440-хъ годахъ такое раздѣленіе устанавливается уже прочно; восточное Подолье принадлежитъ великому княжеству Литовскому, западное—Польшѣ, хотя литовское правительство и не мирилось долго съ этою утратою.

Ободренные захватомъ Подольской земли, польскіе политики задумали воспользоваться разрывомъ съ Свитригайломъ, чтобы завладѣть также и Волынью. Лѣтомъ 1431 г. Ягайло съ большими силами двинулся сюда и захватилъ оставленный Свитригайломъ безъ боя Владиміръ. Но на осадѣ Луцка разбились энергія и силы Поляковъ и имъ при-

---

*) Старая Дорогичинская земля, расширенная на сѣверѣ—вѣроятно, колонизаціею ятвяжскихъ земель—носила позже названіе Подляшья, т. е. сосѣдней съ Польшей провинціи.

шлось отказаться отъ своихъ притязаній: заключая перемиріе съ Свитригайломъ, они выговорили себѣ владѣніе западнымъ Подольемъ, но должны были вовсе умолчать о Волыни, и даже потомъ, диктуя разныя условія Сигизмунду Кейстутовичу, не рѣшились требовать у него отреченія отъ Волыни. Но мысли о присоединеніи ея Поляки все-таки не оставляли. Когда Свитригайло, совершенно ослабленный, старался разбить какъ нибудь союзъ Польши съ Сигизмундомъ, въ переговоры съ нимъ вошла галицкая шляхта, которая въ своихъ интересахъ и на свой страхъ особенно сильно поддерживала планъ присоединенія къ Польшѣ сосѣднихъ украинскихъ земель (ея дѣломъ былъ захватъ Подолья, и теперь она очень энергически занялась Волынью). Она обѣщала Свитригайлу поддержку противъ Сигизмунда и Свитригайло въ своемъ отчаянномъ положеніи обѣщалъ за эту цѣну передать Польшѣ Волынь, гдѣ онъ держался. Хотя польское правительство не признало этого условія, не желая разрывать съ Сигизмундомъ, но во всякомъ случаѣ въ польскихъ кругахъ смотрѣли на Волынь, какъ на близкую добычу, и надѣялись по смерти Свитригайла вступить во владѣніе ею. Но Свитригайло, не получивъ изъ Польши никакой поддержки, не считалъ себя ничѣмъ обязаннымъ, и предъ смертью, вѣрный государственной идеѣ великаго княжества Литовскаго, передалъ Волынь не Полякамъ, а тогдашнему великому князю литовскому Казимиру (1452). Это возбудило чрезвычайное негодованіе въ Польшѣ. Поляки готовились къ походу на Волынь, но Казимиръ своимъ вліяніемъ нѣсколько охладилъ этотъ воинственный жаръ Поляковъ.

Въ концѣ концовъ взаимныя притязанія Литвы и Польши, встрѣтившись, нейтрализировались: Волынь осталась за великимъ княжествомъ Литовскимъ, Западное Подолье — за Польшею.

Подробнѣе: Історія України-Руси, т. IV гл. 1 - 3.

X.

Такимъ образомъ единственнымъ реальнымъ пріобрѣтеніемъ Польши изъ той широкой программы, которую она поставила себѣ въ уніи съ Литвою, было пока Западное Подолье. Остальныя украинскія земли входили по-прежнему въ составъ великаго княжества Литовскаго, сохранявшаго свою самостоятельность и стоявшаго только въ шаткой и слабой связи съ Польшею.

Но эта шаткая и слабая связь, эта унія съ Польшей оказывала весьма сильное воздѣйствіе не только на общественный строй и право (о чемъ будемъ говорить ниже), но и на все направленіе внутренней политики великаго княжества Литовскаго. Произведенныя имъ измѣненія создали чрезвычайно опасное раздвоеніе, этнографическій расколъ Руси и Литвы, весьма скоро сказавшійся и чрезвычайно пагубно отразившійся на государственной жизни великаго княжества Литовскаго.

Пока не сказались эти перемѣны во внутреннихъ отношеніяхъ великаго княжества Литовскаго, украинскія, равно какъ и бѣлорусскія, земли чувствовали себя въ немъ какъ дома. Ими правили въ большинствѣ случаевъ вполнѣ обрусѣвшіе, вполнѣ искренно ассимилировавшіеся съ ними князья Гедиминовой династіи. Старый строй земли оставался безъ значительныхъ перемѣнъ. Если въ центральномъ управленіи великаго княжества играли главную роль литовскіе роды, то и они стояли подъ сильнымъ вліяніемъ славянской, старорусской культуры, глубоко проникавшей весь складъ великаго княжества. А главное—центральное управленіе не оказывало особенно ощутительнаго вліянія на жизнь земель, жившихъ своею замкнутою, почти вовсе самостоятельною жизнью подъ управленіемъ своихъ князей. Украина состояла главнымъ образомъ именно изъ такихъ большихъ, почти самостоятельныхъ княжествъ, которыя въ дальнѣйшей эволю-

верженцами и хранителями уніи Литвы съ Польшею. Расчетъ былъ совершенно вѣрный, и съ точки зрѣнія уніи политика эта была совершенно послѣдовательна. Однако въ этомъ же направленіи пошелъ и Витовтъ, хотя былъ противникомъ уніи: вѣроятно, его увлекали фамильныя традиціи, связывавшія его семью ближе съ литовскимъ элементомъ *), и онъ, безъ всякой настоятельной надобности, усиленно старался выдвинуть литовскую аристократію и на ней опереться, въ противовѣсъ православнымъ княжескимъ и боярскимъ родамъ бѣлорусскимъ, украинскимъ и ассимилированнымъ ими литовскимъ. Ягайло и Витовтъ провозглашаютъ уравненіе бояръ-*католиковъ* (т. е. Литвиновъ) въ правахъ съ польскою шляхтою, признаютъ за ними исключительное право на государственныя должности, лишь ихъ допускаютъ до наиболѣе важныхъ государственныхъ актовъ, какъ уніонные трактаты. Витовтъ всюду выдвигаетъ ихъ, оттѣсняя православные роды.

Это, конечно, чувствовалось. Литовская Русь сознавала, что ее оттѣсняютъ на второй планъ, лишая всякаго политическаго значенія; католическая же литовская аристократія входитъ очень скоро во вкусъ своего привилегированнаго положенія и, понимая, что такое исключительное положеніе ея основано на поддержкѣ Польши и уніи, дѣйствительно начинаетъ цѣнить связь съ Польшею. Отсюда начинается та двойственность политики литовской аристократіи, о которой я упоминалъ: правящіе литовскіе круги съ одной

*) Отецъ Витовта Кейстутъ, въ противоположность другимъ Гедиминовичамъ, крѣпко держался литовской національности и представлялъ въ политической системѣ великаго княжества литовскій элементъ. Въ виду такой традиціи, Ягайло упорно не хотѣлъ давать Витовту владѣній въ литовскихъ земляхъ, надѣлялъ его бѣлорусскими и украинскими и даже принудилъ принять православіе (позже Витовтъ снова перешелъ въ католичество). По традиціи и изъ оппозиціи этимъ стремленіямъ Витовтъ тѣмъ болѣе тяготѣлъ къ литовскому элементу, т. е. къ литовскому, крещенному въ католичество боярству, и покровительствовалъ католицизму.

стороны желаютъ сохранить автономію великаго княжества Литовскаго, потому что съ превращеніемъ его въ польскую провинцію они потеряли бы свое значеніе; съ другой стороны, они хотятъ удержать возможно тѣсную связь съ Польшею, такъ какъ, разрывая съ послѣдней, они были бы вынуждены искать опоры въ самомъ великомъ княжествѣ, а въ такомъ случаѣ имъ пришлось бы дать соотвѣтствующее мѣсто въ государствѣ элементамъ славянскимъ, аристократіи украинскихъ и бѣлорусскихъ земель. Эта двойственность и была причиною нерѣшительности литовской политики по отношенію къ Польшѣ и ея слабости. Останавливаясь на полдорогѣ, она тѣмъ самымъ облегчала польскую политику по отношенію къ Литвѣ.

Облегчалъ ее, конечно, и указанный національный расколъ. Когда Свитригайло, занявъ мѣсто Витовта, задумалъ исправить его ошибку и, не лишая значенія литовскихъ вельможъ, хотѣлъ дать соотвѣтствующее мѣсто Литовской Руси, это вызвало чрезвычайное неудовольствіе среди литовской аристократіи. Она не хотѣла дѣлиться своимъ исключительнымъ положеніемъ и пошла навстрѣчу интригамъ польскаго правительства противъ Свитригайла, провозгласивъ великимъ княземъ Сигизмунда Кейстутовича. Это была большая услуга польской политикѣ со стороны литовской аристократіи, не ея вина, если реальныхъ выгодъ изъ этой услуги Польшѣ извлечь тогда не удалось.

Сигизмунда признали литовскія земли; бѣлорусскія и украинскія остались вѣрными Свитригайлу. Этнографическое раздвоеніе стало фактомъ очевиднымъ и было подчеркнуто современниками, которые называютъ Сигизмунда великимъ княземъ литовскимъ, Свитригайла—вел. княземъ русскимъ. Послѣдующая борьба Свитригайла съ Сигизмундомъ должна была рѣшить—останется ли литовская аристократія господствующею, или центръ тяжести передвинется въ сторону элементовъ бѣлорусскихъ и украинскихъ. Послѣдніе это понимали, и потому православные князья и бояре съ чрезвычайной энергіей поддерживали Свитригайла, бывшаго

издавна ихъ союзникомъ и другомъ *). Но при большой энергіи и настойчивости, Свитригайло оказался плохимъ полководцемъ, и дѣло литовской „Руси“ было проиграно; въ 1435 г. Свитригайло потерпѣлъ рѣшительное пораженіе: въ битвѣ надъ р. Святою, около Вилькомира, погибло его войско; однихъ плѣнныхъ князей лѣтописи насчитываютъ 26, а масса было убито...

Впрочемъ, и литовская аристократія въ выборѣ Сигизмунда не была счастлива: онъ оказался врагомъ аристократіи вообще и старался выдвигать людей худородныхъ, а родовитыхъ преслѣдовалъ, какъ говоритъ лѣтописецъ, представитель аристократическихъ воззрѣній. Поэтому Сигизмундъ вскорѣ погибъ отъ руки аристократовъ, составившихъ заговоръ на его жизнь. Зато съ провозглашеніемъ великимъ княземъ малолѣтняго Казимира правленіе перешло въ руки кружка литовскихъ аристократовъ, который захватилъ бразды правленія очень прочно.

Еще на первыхъ порахъ, въ виду тѣхъ трудностей, какія окружали ихъ въ данной моментъ: движеній внутри государства, разрыва съ Польшею, опасностей со стороны другихъ сосѣдей,—литовскіе правители считали нужнымъ кое-что сдѣлать и для удовлетворенія „Руси“. Волынь оставлена въ рукахъ ея героя—Свитригайла; Кіевскую землю отдали сыну бывшаго кіевскаго князя Владиміра—Олельку, очень умѣренному представителю украинскаго княжья, близко стоявшему къ литовской аристократіи. Сынъ и преемникъ Олелька на кіевскомъ столѣ, Семенъ, былъ женатъ на дочери одного изъ виднѣйшихъ литовскихъ вельможъ Гаштовта, бывшаго главы регентства, и въ силу этихъ родственныхъ связей и своей „умѣренности“ былъ даже выставленъ кандидатомъ на постъ великаго князя со стороны литовскихъ правителей. Все это давало нѣкоторую иллюзію національ-

*) Народнымъ массамъ эта борьба осталось чуждой. Она была дѣломъ князей и бояръ, борьбою двухъ аристократій. Народъ былъ только пассивнымъ участникомъ.

ной гармоніи, признанія со стороны литовской аристократіи значенія „Руси“ въ государствѣ.

Но исключительныя обстоятельства скоро прошли, положеніе литовскихъ правителей упрочилось и они уже не находили нужнымъ кокетничать съ бѣлорусско-украинскою аристократіею вел. княжества; поэтому этой послѣдней, какъ и вообще Литовской Руси, пришлось вскорѣ очень ощутительно почувствовать свое униженіе. Когда въ 1470 г. умеръ кіевскій князь Семенъ Олельковичъ, литовскіе правители не согласились на предоставленіе кіевскаго стола его брату Михаилу и потребовали отъ Казимира, чтобы онъ обратилъ Кіевскую землю въ обыкновенную провинцію, а намѣстникомъ туда назначилъ Литвина-католика Гаштовта. Казимиръ исполнилъ ихъ желаніе, и это чрезвычайно огорчило Кіевлянъ. Они заявили, что предпочитаютъ погибнуть, чѣмъ принять намѣстникомъ Литвина, притомъ не княжескаго рода, и усиленно просили Казимира дать имъ въ Кіевъ кого нибудь изъ князей, если не православнаго, то хотя бы даже католика, чтобы поддерживать традицію кіевскаго стола. Но литовскіе правители стояли на своемъ, а съ ними и Казимиръ, и Кіяне въ концѣ концовъ должны были принять Гаштовта.

Разсказывая этотъ эпизодъ, Полякъ-современникъ Длугошъ прибавляетъ, что вражда Руси и Литвы въ это время вообще такъ обострилась, что Казимиръ, опасаясь смутъ, умышленно долго оставался въ вел. княжествѣ. По его словамъ, Кіевляне и вообще Литовская Русь горько жаловались, что Литва—давніе данники Руси—превратилась теперь въ ихъ правителей.

Обойденный кіевскимъ столомъ, Михаилъ Олельковичъ съ нѣсколькими другими князьями составилъ заговоръ. Насколько можно судить изъ скудныхъ извѣстій, цѣлью заговора было завладѣть великокняжескою властью, посадивъ на престолѣ в. кн. Литовскаго одного изъ русскихъ князей, можетъ быть, самого Михаила Олельковича. Заговорщики расчитывали на помощь московскаго вел. князя и намѣрены были заплатить

за нее восточною окраиною вел. княжества Литовскаго. Но заговоръ былъ открытъ; нѣкоторые участники успѣли бѣжать въ Москву, а Михаилъ съ другимъ княземъ были схвачены и казнены (1481).

Въ этомъ эпизодѣ очень интересны отмѣченныя сейчасъ надежды на помощь изъ Москвы. Какъ литовская партія опиралась на вліяніе и силы католической Польши, такъ обойденные украинскіе и бѣлорусскіе аристократы начинаютъ обращать свои взоры въ сторону православной Москвы, этого извѣчнаго соперника вел. княжества Литовскаго въ собираніи земель стараго Кіевскаго государства *). Какъ

*) Московскіе князья, по исторической и династической традиціи, считали себя наслѣдниками Кіевскаго государства и открыто включили этотъ пунктъ въ программу своей политики съ концомъ XV в., какъ увидимъ сейчасъ. Съ другой стороны, вел. князья литовскіе, пока унія съ Польшею не свела ихъ съ этой дороги, сознательно стремились къ объединенію подъ своею властью всѣхъ земель стараго Кіевскаго государства; прусскимъ рыцарямъ Ольгердъ заявлялъ: omnis Russia ad Letwinos debet simpliciter pertinere. Соперничество этихъ двухъ собирателей во второй пол. XIV в. обозначилось вполнѣ ясно, и в. кн. Литовское, проникавшееся все глубже культурнымъ наслѣдіемъ Кіевскаго государства, соперничало съ Москвою въ собираніи его старыхъ провинцій весьма успѣшно, хотя ему и не доставало выдержки московской политики. Перемѣны, произведенныя уніею во внутреннихъ отношеніяхъ в. кн. Литовскаго, убили его притягательную силу, какую имѣло оно для земель стараго Кіевскаго государства, да и вниманіе литовскаго правительства обратилось на иные вопросы. Но пока Московское государство переживало при двухъ Василіяхъ время своего застоя и упадка, замѣтнаго особенно въ сравненіи съ имповзантнымъ правленіемъ Витовта и даже первою половиною правленія Казимира, перемѣна положенія шансовъ старыхъ соперниковъ не была ощутительна. Только въ концѣ правленія Казимира Литва начинаетъ сознавать свою слабость, созданную внутреннимъ раздвоеніемъ. Послѣдующія войны съ Москвою открыли всю глубину упадка Литвы съ ужасающею очевидностью, и московское правительство выступаетъ открыто съ программою присоединенія всѣхъ земель стараго Кіевскаго государства, какъ отчизны московскихъ князей, изъ-подъ литовской власти. Въ 1493 г. в. князь московскій начинаетъ титуловать себя въ сношеніяхъ съ литовскимъ „государемъ всея Руси", а во время переговоровъ

разъ теперь этотъ соперникъ поднимался изъ долговременнаго упадка и, ставъ грознымъ сосѣдомъ Литвы, заявлялъ претензіи на украинскія и бѣлорусскія провинціи в. кн. Литовскаго. Тяготѣніе въ сторону Москвы среди аристократіи этихъ провинцій становилось чрезвычайно опаснымъ явленіемъ. Литовское правительство вполнѣ сознавало опасность Тотъ же Длугошъ говоритъ, что Казимиръ удерживалъ литовскихъ правителей отъ вмѣшательства въ новгородскія дѣла, во время борьбы Новгородцевъ съ Москвою, указывая, что Литовская Русь, на случай войны съ Москвой, можетъ взять сторону послѣдней и обратиться противъ литовской партіи, чтобы свести счеты съ нею.

Съ 1470-хъ гг. начинаетъ ясно сказываться тяготѣніе къ Москвѣ на сѣверо-восточномъ пограничьѣ стараго Черниговскаго княжества, гдѣ издавна соперничали вліянія Литвы и Москвы. Здѣшніе мелкіе князья изъ старой черниговской династіи начинаютъ переходить со своими владѣніями изъ-подъ власти вел. кн. литовскаго подъ власть вел. кн. московскаго. Раньше литовское правительство, сознавая свою притягательную силу, признавало князьямъ, въ своихъ собственныхъ интересахъ, полную свободу перехода; теперь, напуганное этимъ движеніемъ, оно начало отрицать законность такихъ переходовъ. Открылись военныя дѣйствія, но успѣхи московскихъ войскъ, благодаря указанному тяготѣнію, оказались настолько значительными, что литовское правительство поспѣшило прекратить ихъ перемиріемъ. За Москвою признаны владѣнія перешедшихъ князей, но на будущее время рѣшено такихъ переходовъ не допускать (1493).

Они, однако, возобновились вскорѣ (очевидно—не безъ согласія Москвы), въ еще болѣе грозныхъ размѣрахъ. Мотивомъ, опять-таки подсказаннымъ изъ Москвы, выставлено религіозное гоненіе на православныхъ въ вел. кн. Литовскомъ; національная причина была такимъ образомъ подмѣ-

---

1504 г. домогается „Кіева, Смоленска и прочихъ городовъ", грозя не оставить иначе Литвы въ покоѣ.

нена религіозной. Подъ этимъ благовиднымъ предлогомъ Москва продолжаетъ принимать князей, между которыми переходятъ со своими землями уже владѣтели большаго калибра, потомки московскихъ эмигрантовъ—Семенъ Можайскій, державшій отъ вел. князя литовскаго Черниговъ, Стародубъ и пр., и Василій Шемячичъ съ Новгородомъ Сѣверскимъ. Цѣлая Черниговская земля переходила подъ власть Москвы, и вел. кн. московскій поспѣшилъ выслать свои войска, которыя и докончили присоединеніе черниговскихъ земель. Среди полнаго упадка духа литовское правительство заключило въ 1508 г. новый договоръ съ Москвою, которымъ признало за нею всѣ ея пріобрѣтенія, въ томъ числѣ почти всю старую Черниговскую землю, за исключеніемъ небольшой приднѣпровской полосы.

Нѣсколько лѣтъ спустя организуетъ заговоръ и возстаніе, расчитывая на помощь в. князя московскаго и крымскаго хана, украинская княжеская семья Глинскихъ, обиженная новымъ вел. княземъ и королемъ Сигизмундомъ. Во главѣ ея стоялъ Михаилъ Глинскій, чрезвычайно вліятельный любимецъ вел. кн. Александра, попавшій въ немилость при его преемникѣ, представитель русской аристократіи въ вел. кн. Литовскомъ, считавшійся ея вождемъ и главою. Это былъ эпизодъ, аналогичный съ княжескимъ заговоромъ 1481 г., и имѣлъ, очевидно, цѣлью посадить Глинскаго на престолѣ вел. княжества. Но ханъ вовсе не поддержалъ возстанія, а московскій вел. князь весьма слабо, и оно очень скоро было подавлено, не вызвавъ сколько нибудь значительнаго движенія даже среди украинскаго и бѣлорусскаго княжья и боярства, не говоря уже о народѣ. Усилія Глинскихъ поднять Кіевскую землю были безуспѣшны, а сосѣдняя Волынь, эта par excellence княжеская земля—осталась совершенно равнодушной. Вожди заговора ушли на московскую территорію (1508), и единственнымъ ощутительнымъ послѣдствіемъ его для в. кн. Литовскаго была потеря Смоленской земли, занятой московскими войсками въ войнѣ, разгорѣвшейся между обоими государствами при содѣйствіи Глинскаго.

Это возстаніе было послѣдней конвульсіей русской партіи въ вел. кн. Литовскомъ. Оно показало полную неспособность украинскихъ и бѣлорусскихъ магнатовъ къ какому-нибудь энергическому дѣйствію, отсутствіе солидарности, сплоченности, энергіи. Ихъ пѣсня была уже спѣта съ паденіемъ Свитригайла—сами они не въ состояніи были вступить въ борьбу съ литовскою партіею. Ихъ тяготѣніе къ Москвѣ также не имѣло въ себѣ никакого болѣе глубокаго, сознательнаго содержанія, вполнѣ опредѣленной программы; въ лучшемъ случаѣ Москва разсматривалась только какъ союзникъ для переворота въ вел. кн. Литовскомъ. Это были движенія небольшихъ кучекъ, слѣпая реакція безъ опредѣленнаго плана и программы. Большинство князей и бояръ помирилось съ тою второстепенною ролью, какую оставляла ему литовская аристократія (главнымъ образомъ въ мѣстномъ управленіи бѣлорусскихъ и украинскихъ земель), и отложило мысль о борьбѣ. Возбудить національный вопросъ въ Польско-литовскомъ государствѣ должны были иные общественные элементы, но тогда, когда догорала аристократическая фронда, ихъ еще не предчувствовалъ никто.

Впрочемъ, движенія конца XV и начала XVI в. не остались безъ вліянія на литовско-польское правительство: испуганное тѣмъ примѣненіемъ религіозныхъ мотивовъ, какое дѣлалось противниками, въ особенности московскимъ правительствомъ, оно становится болѣе осторожнымъ въ отношеніи украинскихъ и бѣлорусскихъ элементовъ и, напр., оставляетъ занимавшую его передъ тѣмъ мысль объ осуществленіи уніи своихъ православныхъ подданныхъ съ католическою церковью.

Не остались эти событія безъ вліянія и на дальнѣйшую судьбу вел. кн. Литовскаго. Послѣ страшныхъ потерь, понесенныхъ въ борьбѣ съ Москвою (Черниговской и Смоленской земли), Москва дѣлается кошмаромъ вел. кн. Литовскаго. Сознаніе національнаго раздвоенія убиваетъ нравственную силу послѣдняго. Притомъ еще, кромѣ Москвы, выдвинулся и другой сосѣдъ, по отношенію къ которому

литовское правительство почувствовало себя совершенно безсильнымъ,—Крымская орда, показавшая свою страшную разрушительную силу на украинскихъ земляхъ Литвы и Польши одновременно съ завоеваніями Москвы *). Слабость государства, въ виду внутреннихъ и внѣшнихъ опасностей, входитъ въ общее сознаніе правящихъ круговъ вел. кн. Литовскаго, и это обстоятельство въ концѣ концовъ даетъ возможность польскимъ политикамъ осуществить свои завѣтные планы относительно Литвы.

Несмотря на удары, падавшіе на вел. кн. Литовское, литовская аристократія твердо держалась программы, которую диктовали ей ея классовые интересы: поддерживать возможно тѣсную связь съ Польшею, но въ то же время охранять автономію и политическую самостоятельность вел. кн. Литовскаго. Благодаря тому, что великіе князья, бывшіе одновременно и польскими королями—Сигизмундъ и Сигизмундъ-Августъ, также не были сторонниками уніи, Литва долго отклоняла всѣ попытки Поляковъ—привести къ осуществленію свой старый планъ инкорпораціи вел. кн. Литовскаго, такъ что въ продолженіе всей первой половины XVI в. этотъ вопросъ казался совершенно безнадежнымъ. Даже собраться на общій сеймъ съ Поляками, расчитывавшими въ такомъ случаѣ найти союзниковъ среди самыхъ представителей вел.

*) Татарская орда въ Крыму выдѣлилась при разложеніи старой Татарской орды, «Кипчака» и окончательно сформировалась въ половинѣ XV в., подъ владычествомъ Хаджи-герая. Она стояла сначала въ весьма дружественныхъ отношеніяхъ къ в. кн. Литовскому, по происки в. кн. московскаго, стремившагося поссорить ее съ Литвою, и исловкая политика в. князей литовскихъ, особенно ихъ старанія быть одновременно въ союзѣ и съ Крымомъ, и съ злѣйшимъ врагомъ крымскихъ хановъ—Золотою ордою, разбили эту дружбу. Сынъ Хаджи-герая, Менгли-герай, упрочивъ свое положеніе признаніемъ верховной власти Турціи, съ 1482 г. измѣняетъ свои отношенія къ Литвѣ и Польшѣ и начинаетъ своими набѣгами опустошать ихъ земли. Крымъ становится на два столѣтія чрезвычайно важнымъ — отрицательнымъ, разрушительнымъ факторомъ въ исторіи украинской колонизаціи и культуры.

кн. Литовскаго, особенно среди низшаго дворянства—шляхты, литовскіе правители не соглашались подъ разными предлогами *).

Но въ 1560-хъ годахъ начинается поворотъ, неблагопріятный для литовскихъ правителей. Литва неосторожно навлекла на себя войну съ Москвою, вмѣшавшись въ ливонскій вопросъ, и эта война, очень неудачная для Литвы, требовавшая чрезвычайнаго напряженія силъ и огромныхъ расходовъ на военныя нужды и непомѣрно возвысившая обложеніе шляхетскихъ имѣній, вызывала чрезвычайное неудовольствіе, особенно среди низшаго дворянства. Допущенное незадолго передъ тѣмъ къ участію въ представительномъ правленіи вел. княжества, оно постепенно выходитъ изъ-подъ вліянія магнатовъ и начинаетъ подымать голосъ за тѣсную унію вел. кн. Литовскаго съ Польшею, такъ какъ проведеніе ея обѣщало участіе Поляковъ въ войнахъ и иныхъ расходахъ земель вел. кн. Литовскаго, а также расширеніе шляхетскихъ вольностей по польскому образцу и уничтоженіе прерогативъ магнатства, всевластно правившаго въ вел. кн. Литовскомъ. Вел. князь и король польскій Сигизмундъ-Августъ, до сихъ поръ равнодушный къ вопросу объ уніи, подъ вліяніемъ этихъ же и, можетъ быть, еще иныхъ мотивовъ становится также горячимъ сторонникомъ инкорпораціи вел. кн. Литовскаго. Литовскіе магнаты очутились такимъ образомъ въ очень трудномъ положеніи, подвергаясь давленію сверху и снизу. Но такова была сила этой всевластной, тѣсно сплоченной магнатской олигархіи, что она все-таки не уступала этому давленію и держалась своей автономной про-

*) Въ 1499 г., когда Польша хотѣла во что бы то ни стало заручиться содѣйствіемъ Литвы противъ Турокъ, польскіе политики дали даже согласіе на измѣненіе формулы уніи въ духѣ полной равноправности и независимости вел. кн. Литовскаго, какъ желали того литовскіе автономисты. Когда вслѣдъ за тѣмъ вел. кн. литовскій Александръ сдѣлался и польскимъ королемъ, онъ октроировалъ новый актъ уніи въ духѣ польскихъ стремленій, но въ Литвѣ его не считали правосильнымъ.

граммы, не допуская до созванія общаго сейма и удерживая представителей шляхты на конференціяхъ съ Поляками въ полномъ подчиненіи. Даже поколебавшись на первыхъ порахъ и сдѣлавъ рядъ уступокъ на конференціи 1564 г., она затѣмъ взяла ихъ обратно и совершенно затормозила вопросъ объ уніи.

Когда послѣ безплодныхъ сеймовъ 1565—66 гг., по вопросу объ уніи состоялся въ концѣ 1568 г. въ Люблинѣ новый сеймъ, съ участіемъ представителей литовскихъ сословій, литовскіе магнаты и здѣсь умѣли удержать представителей шляхты въ полномъ послушаніи и свели общій сеймъ къ конференціямъ двухъ отдѣльныхъ сеймовъ. Замѣтивъ же, что король намѣренъ энергично поддержать польскія стремленія и подъ вліяніемъ Поляковъ готовъ даже оказать давленіе на представителей Литвы, литовскіе магнаты ночью на 1 марта 1596 г. тайкомъ уѣхали изъ Люблина вмѣстѣ съ представителями прочихъ сословій вел. кн. Литовскаго, надѣясь такимъ образомъ „сорвать“ сеймъ. Но расчетъ ихъ оказался неудачнымъ: Поляки были раздражены долгими безуспѣшными переговорами и теперь, имѣя на своей сторонѣ короля, рѣшили идти напроломъ и покончить съ Литвою. Однако, подъ вліяніемъ энергической оппозиціи литовскихъ магнатовъ, они рѣшили оставить нѣкоторую тѣнь литовской автономіи, но отобрать отъ вел. кн. Литовскаго и присоединить къ Польшѣ спорныя земли, на которыя издавна имѣло виды польское правительство.

Непосредственно по отъѣздѣ литовскихъ представителей, польскіе сенаторы на конференціи съ королемъ, въ присутствіи шляхетскихъ депутатовъ *), выступили съ проектомъ— постановить относительно уніи заочное рѣшеніе, безъ литовскихъ представителей, какъ самовольно и незаконно

*) Польскій сеймъ состоялъ изъ двухъ палатъ—сената, гдѣ засѣдали епископы и высшіе чины, и палаты посольской, гдѣ засѣдали выборные депутаты шляхетскаго сословія.

уѣхавшихъ *), а прежде всего присоединить къ Польшѣ Волынь и Подляшье, немедленно опубликовать граматы объ этомъ присоединеніи и призвать сенаторовъ и шляхетскихъ депутатовъ названныхъ провинцій къ участію въ сеймѣ. Король заявилъ, что находитъ эти предложенія вполнѣ справедливыми и, принимая ихъ, готовъ осуществить ихъ, хотя бы противъ воли литовскихъ представителей. На всякій случай рѣшено было приготовиться къ войнѣ съ Литвою и для этого постараться привлечь на свою сторону Татаръ. О присоединеніи къ Польскому королевству Волыни и Подляшья немедленно были разосланы въ эти провинціи граматы, въ которыхъ сенаторамъ и депутатамъ приказано явиться на сеймъ подъ угрозою отнятія имѣній и должностей. Сеймъ приступилъ къ редакціи постановленій о присоединеніи этихъ земель; они были составлены почти одинаково, съ полнымъ пренебреженіемъ къ историческимъ фактамъ: король, отъ имени котораго эти постановленія писались, заявлялъ, что онъ, памятуя свою обязанность—возвратить Польшѣ принадлежавшія ей издревле земли въ виду напоминаній и просьбъ собранныхъ на сеймѣ представителей **), рѣшилъ присоединить къ коронѣ Польской Подляшье и Волынь, какъ земли, принадлежавшія ей издавна и только во время правленія Казимира Ягайловича, бывшаго одновременно вел. княземъ литовскимъ и королемъ польскимъ, насильственно присоединенныя къ Литвѣ ***). Потомъ, съ участіемъ представителей Подляшья и

*) Въ польской судебной процедурѣ это называлось контумаціей; нечего и говорить, что въ данномъ случаѣ приложеніе этой формы было явною натяжкой.

**) Вслѣдствіе неясной (можетъ быть — умышленно) стилизаціи выходило, будто въ этихъ совѣщаніяхъ и просьбахъ принимали участіе и представители вел. кн. Литовскаго.

***) Въ дѣйствительности въ XII—XIII в. Поляки, во время войнъ за пограничныя территоріи, иногда на короткое время захватывали части Подляшья; при Ягайлѣ оно короткое время было во владѣніи князей мазовецкихъ какъ *литовскій* ленъ, и затѣмъ опять нѣсколько лѣтъ спустя по смерти Сигизмунда Кейстутовича. Поляки же привыкли смотрѣть на Подляшье, какъ на свою провинцію вслѣдствіе

Волыни, редакція этихъ инкорпораціонныхъ хартій подверглась различнымъ измѣненіямъ, но историческая мотивировка оставлена въ томъ же противорѣчіи съ историческимъ фактомъ: такимъ мелочамъ тогда никто не придавалъ значенія, разъ рѣшено было ступить на почву насильственнаго разрѣшенія вѣковыхъ стремленій польской политики.

Сенаторы и депутаты Волыни и Подляшья долго не являлись; главнымъ образомъ ихъ удерживалъ страхъ репрессій со стороны в. кн. Литовскаго, да и притомъ слишкомъ внезапно и страннымъ образомъ все это произошло. Король, наконецъ, приступилъ къ конфискаціи имѣній и должностей ослушниковъ, и эта мѣра оказала ожидаемое дѣйствіе—сенаторы и депутаты явились. Они очень неохотно присягали на вѣрность Польской коронѣ, особенно нѣкоторые волынскіе магнаты, то требовавшіе, чтобы были обезпечены права ихъ народности, религія ихъ, сословныя преимущества *), то просто уклонявшіеся. Но ultima ratio—угроза конфискаціей въ концѣ концовъ сдѣлала свое дѣло: присяга была принесена, и представители новоприсоединенныхъ провинцій заняли среди представителей другихъ польскихъ провинцій „издавна принадлежавшія имъ мѣста", какъ выражались Поляки.

Волынскимъ обывателямъ оказаны были разныя любезности: на Волыни оставлено въ силѣ и на будущее время доселѣ дѣйствовавшее право (въ видѣ второй редакціи Литовскаго статута, получившаго вслѣдствіе этого имя Волын-

---

того, что мелкая мазовецкая шляхта, переселяясь сюда, въ значительной степени полонизирована его уже въ XV в. Объ усиліяхъ Поляковъ захватить Волынь я говорилъ уже; до сихъ поръ всѣ эти попытки безуспѣшны и Польшѣ Волынь не принадлежала никогда.

*) Интересна была рѣчь кн. Вишневецкаго, который требовалъ, чтобы православные роды не были третированы ниже католическихъ, чтобы старинные княжескіе роды оставлены были при своихъ почетныхъ прерогативахъ; онъ указывалъ на то, что украинскіе княжескіе и магнатскіе роды и вообще украинскій народъ не уступаютъ въ благородствѣ и славѣ «никакому другому народу на свѣтѣ».

скаго); мѣстный дѣловой языкъ (собственно — выработанная канцелярскою практикою в. кн. Литовскаго макаронической бѣлорусско-украинско-польская смѣсь) сохраненъ въ мѣстномъ дѣлопроизводствѣ и въ сношеніяхъ центральнаго правительства съ мѣстными учрежденіями (за исключеніемъ только городскихъ общинъ); шляхтѣ „греческой вѣры“ предоставлены одинаковыя права съ католиками, даны обѣщанія назначать православныхъ на всѣ должности; мѣстныя должности должны были раздаваться только мѣстнымъ уроженцамъ. Послѣднее обѣщаніе дано было и Подляшанамъ, въ остальномъ же для этой земли не дѣлалось исключеній, такъ какъ въ ней, вслѣдствіе приникновенія многочисленной польской шляхты, существовали во многомъ уже и раньше польскіе порядки, польское право, польскій языкъ.

Правители в. кн. Литовскаго, со стороны которыхъ опасались вооруженнаго противодѣйствія и польскіе политики и населеніе Волыни и Подляшья, въ концѣ концовъ не рѣшились на энергическій протестъ противъ произведеннаго Польшею захвата. Положеніе ихъ дѣйствительно было незавидное: надъ Литвою продолжала тяготѣть тяжелая война съ Москвою, шляхетское сословіе противилось политикѣ магнатовъ, и даже на солидарность магнатовъ украинскихъ земель, на которыя наложила теперь руку Польша, не могли расчитывать литовскіе олигархи вслѣдствіе исключительности своей политики и стараго раздвоенія Литвы и Руси. И вмѣсто войны, которой ждали отъ нихъ, въ концѣ концовъ депутація литовскихъ правителей явилась на сеймъ съ жалкими словами по поводу присоединенія Волыни и Подляшья и съ заявленіемъ готовности продолжать переговоры объ уніи.

Такой легкій успѣхъ и безнаказанность ободрили польскихъ политиковъ, и шляхетскіе депутаты, вообще болѣе смѣлые въ своихъ планахъ, чѣмъ сенаторы, выступили съ требованіемъ, чтобы къ Польшѣ были присоединены также восточное Подолье, незадолго передъ тѣмъ сформированное въ особое Браславское воеводство, и Кіевская земля. Проектъ

присоединенія Браславскаго воеводства былъ принятъ и сенаторами, и королемъ очень сочувственно; его включили въ постановленіе о присоединенія Волыни, какъ бы часть Волынскихъ земель *), браславскимъ сановникамъ велѣли присягнуть, и въ продолженіе какихъ нибудь двухъ недѣль присоединеніе Браславщины было покончено, не встрѣтивъ никакихъ затрудненій.

Не то съ Кіевскою землею. О правовой сторонѣ, конечно, никто не думалъ. Но эта обширная, малонаселенная, подвергавшаяся непрестаннымъ нападеніямъ Татаръ и порубежная съ страшнымъ Московскимъ государствомъ страна болѣе холоднымъ польскимъ политикамъ представлялась непосильнымъ бременемъ, какимъ и оказалась дѣйствительно для Польши, съ ея чрезвычайно слабой государственной и военной организаціей. Поэтому большинство сенаторовъ съ королемъ во главѣ несочувственно приняли этотъ проектъ шляхетскихъ депутатовъ. Но они настаивали энергично, и ихъ настойчивость увѣнчалась успѣхомъ **). На другой день послѣ присяги браславскаго воеводы (3 іюня) состоялась конференція, на которой посламъ удалось склонить на свою сторону многихъ сенаторовъ и короля. Король заявилъ, что онъ рѣшилъ присоединить къ Польшѣ и Кіевскую землю и прикажетъ кіевскому воеводѣ принести присягу. Тѣмъ же днемъ датирована и грамата о присоединеніи Кіевской земли, являющейся въ этой граматѣ также провинціей, издревле принадлежавшей къ Польшѣ; для успокоенія кіевскихъ обывателей имъ предоставлены были тѣ же гарантіи, что и волынскимъ.

Литовскіе представители, прибывшіе какъ разъ передъ

*) Исторически это было совсѣмъ невѣрно, но въ XVI в. Браславщина стояла въ близкой связи съ Волынью.

**) Слѣдуетъ упомянуть, что ихъ поддерживали Волыняне и Браславляне: новоприсоединенныя къ Польшѣ провинціи имѣли всѣ причины желать, чтобы съ присоединеніемъ не разрывалась ихъ связь съ прочими украинскими землями—чтобы поэтому и онѣ были присоединены къ Польшѣ.

тѣмъ на сеймъ, не имѣли энергіи протестовать противъ этихъ новыхъ захватовъ: они чувствовали, „что у нихъ обрѣзаны крылья", какъ они выразились. Послѣ тщетной и довольно слабой оппозиціи, приняли они октроированную формулу уніи, добившись только незначительныхъ уступокъ въ ней. Прежняя личная унія замѣнена очень тѣсною реальною: Польша и Литва отнынѣ должны составлять одно государство, съ однимъ, сообща избираемымъ главою, съ общимъ сеймомъ; только отдѣльныя министерства сохраняются въ Литвѣ.

Въ половинѣ августа окончился этотъ сеймъ, такъ памятно записавшій свое имя въ исторіи Восточной Европы въ нѣсколько засѣданій на немъ было осуществлено то, чего не могли достигнуть долгія войны и столѣтія дипломатическихъ переговоровъ и ухищреній. Прославляемый позднѣйшими польскими историками, какъ актъ любви и братства въ дѣйствительности онъ былъ цѣпью насилій надъ чужими правами и убѣжденіями, осуществленныхъ давленіемъ правительственной власти и тяжелыхъ обстоятельствъ, какими была война съ Москвою, ослабленіе вел. княж. Литовскаго его внутреннее раздвоеніе, и т. п. Все это, впрочемъ, отнюдь не дѣлаетъ и литовскихъ автономистовъ мучениками идеи: ими руководили также эгоистическіе мотивы—интересы олигархіи, во имя которыхъ они и подавляли оппозицію своей шляхты, стремившейся къ благодатямъ польскихъ шляхетскихъ привилегій.

Итакъ, Польша собрала подъ своею властью почти всѣ украинскія земли. Внѣ границъ ея, кромѣ Руси Угорской и украинскихъ округовъ Молдавіи (Буковины), послѣ 1569 г. оставались только: территорія по среднему Бугу и верхней Припети—земли Брестская и Пинская, составившія Брестское воеводство и оставшіяся къ составѣ вел. кн. Литовскаго—и Черниговщина *). Но вел. кн. послѣ 1569 г. нахо-

*) Административное дѣленіе на воеводства и повѣты, окончательно установившееся предъ 1569 г., раздѣляло украинскія земли

дилось подъ такимъ сильнымъ воздѣйствіемъ польскаго правительства, права и культуры, что упомянутая Берестейско-пинская территорія все равно что принадлежала къ Польшѣ. Черниговская земля съ 1503 г. принадлежала Московскому государству; но въ началѣ XVII в., во время московскаго смутнаго времени, Польша завладѣла этою территоріею и удержала ее за собой, сформировавъ изъ нея особое Черниговское воеводство. Правда, владѣніе этою землею продолжалось недолго, только до великаго возстанія 1648 г. Но все-таки, хоть на время, Польшѣ удалось собрать украинскія земли почти цѣликомъ. (1635

Вел. кн. Литовское послужило для нихъ лишь какъ бы этапомъ въ переходѣ подъ власть Польши, въ сферу вліянія ея государственнаго строя, права и быта.

Подробнѣе: Історія України-Руси, т. VI, гл. 3—4.

XI.

Съ точки зрѣнія соціальной эволюціи, пребываніе украинскихъ земель подъ властью великихъ князей литовскихъ, въ составѣ великаго княжества Литовскаго, послужило для нихъ только этапомъ въ переходѣ въ кругъ вліянія польскаго общественнаго строя и польскаго права. Западная часть украинскихъ земель—Галичина, земли Холмская, Белзская и Подольская, присоединенныя непосредственно къ Польшѣ въ продолженіе второй половины XIV и въ первой половинѣ XV вѣка, уже въ это время подпадаютъ воздѣйствію

на 8 воеводствъ: 1) Русское (Галиція), и въ свою очередь состоявшее изъ четырехъ земель Львовскую, Галицкую, Перемышльскую и Саноцкую 2) столица Львовъ; сюда же номинально причислялась земля Холмская, имѣвшая самостоятельное устройство; воеводство Белзское (столица Белзъ): 3) Подольское Каменецъ; 4) Волынское (Луцкъ). 5) Подляское (земли Дорогичинская, Мельницкая и Бѣльская); 6) Берестейское (Брестъ); 7) Браславское (Винница); 8) Кіевское (Кіевъ). Позже къ нимъ присоединилось девятое, сформированное въ 1635 г.—воеводство Черниговское.

польскаго строя. Центральныя украинскія земли въ продолженіе всего XV и большей части XVI в. находились подъ воздѣйствіемъ юридическаго строя княжества Литовскаго. Но его право, создавшееся на основѣ права древне-русскаго, выработаннаго Кіевскимъ государствомъ, со времени уніи 1385 г. развивалось подъ сильнымъ воздѣйствіемъ права польскаго, особенно во второй половинѣ XV и въ XVI вѣкѣ. Такимъ образомъ пребываніе въ области дѣйствія литовскаго права вводило эти земли въ сферу воздѣйствій права польскаго, съ тѣмъ лишь различіемъ, что черезъ фильтръ литовскаго государственнаго строя эти воздѣйствія проникали сюда въ разжиженномъ видѣ, вліяніе польскаго строя распространялось въ замедленномъ темпѣ. Ту эволюцію, какую западныя украинскія земли совершили во второй половинѣ XIV и въ первой половинѣ XV в., центральныя переживали въ теченіе XVI в., а восточная украина—черниговскія земли, принадлежавшая въ XVI в. Москвѣ, и Переяславщина —лежавшая пустынею весь XVI вѣкъ, вступили въ ея сферу лишь на нѣсколько десятилѣтій XVII в., предшествовавшихъ движенію 1648 г.

Впрочемъ, и западныя украинскія земли, вошедшія въ составъ Польши, не сразу были перестроены по польскому образцу. И въ нихъ оставалось на первыхъ порахъ довольно много отъ прежнихъ порядковъ, такъ что позже это переходное время называлось „временемъ русскаго права“, „tempore juris ruthenicalis“. Полное уравненіе этихъ провинцій съ польскими и введеніе польскаго права было провозглашено въ 1434 г., по смерти Ягайла. Въ вел. княжествѣ Литовскомъ систематическая перестройка по польскому образцу государственнаго строя, администраціи и сословныхъ отношеній падаетъ на середину XVI в., окончательно же центральныя украинскія земли организуются на польскій ладъ и подвергаются глубокому вліянію польскаго быта только съ 1569 г., когда присоединяются непосредственно къ Польшѣ. Эта же дата имѣетъ значеніе и для Брестской земли: хотя формальнымъ образомъ послѣдняя и не вошла въ составъ

Польши, но съ 1569 г. она со всѣми землями в. кн. Литовскаго подпадаетъ весьма сильному воздѣйствію польскаго строя и права. Правда, здѣсь, какъ и на Волыни, въ Браславской и Кіевской земляхъ формально прежнее право оставлено и на будущее время; но его значеніе при массовомъ движеніи польскихъ привилегированныхъ элементовъ въ эти земли и распространенія польскихъ порядковъ становится вскорѣ совершенно призрачнымъ, и можно сказать, что въ послѣдней четверти XVI в. вся Украина по самый Днѣпръ была организована соотвѣтственно польскому праву и польскимъ порядкамъ. Въ первой половинѣ XVII в. польское право и порядки переходятъ и за Днѣпръ, достигая въ своемъ распространеніи до крайнихъ предѣловъ украинской колонизаціи на востокѣ.

Политическій и общественный строй Польши именно въ XIV—XV вв. слагался окончательно. Его характерною особенностью, имѣвшей важное значеніе въ дальнѣйшемъ воздѣйствіи на строй украинскихъ земель, было чрезвычайное развитіе сословности въ связи съ необыкновеннымъ преобладаніемъ дворянства. Послѣ того, какъ городское сословіе было совершенно выдѣлено изъ государственной организаціи и сдѣлалось государствомъ въ государствѣ (объ этомъ ниже), остальное населеніе уложилось въ два рѣзко разграниченныхъ общественныхъ контраста: всевластное дворянство и безправное крестьянство. Подъ вліяніемъ разнообразныхъ условій, о которыхъ здѣсь не мѣсто распространяться, права государства по отношенію къ крестьянину всецѣло переходятъ къ помѣщику: не только права на всякаго рода повинности, поступавшія прежде государству, но функціи публичнаго характера, какъ суда и административная власть. Крестьянство исключается изъ-подъ власти государственныхъ чиновниковъ, права которыхъ переходятъ къ помѣщикамъ; государственная подать ограничивается ничтожною платою 2 грошей съ лана (30 морговъ или 20 десятинъ) обработанной земли. Одновременно съ этимъ шляхта почти вовсе освобождаетъ себя отъ служебныхъ обязанностей по отноше-

нію къ государству, которыя были raison d'être ея сословныхъ привилегій. Самая власть правительства надъ ней, какъ и вообще правящая и исполнительная власть въ Польшѣ, ослабѣваетъ. Судъ переходитъ къ избираемымъ шляхтою судьямъ. Единственнымъ независимымъ отъ нея органомъ являются на первыхъ порахъ такъ наз. старосты—королевскіе чиновники, обладавшіе полицейскими и судебными полномочіями и исполнительною властью, но съ дальнѣйшимъ ослабленіемъ правительственной власти и старосты превращаются въ представителей шляхетскаго класса и его интересовъ *).

Развитіе парламентаризма въ XV в. даетъ шляхтѣ голосъ и вліяніе въ общегосударственныхъ вопросахъ, и въ дальнѣйшемъ развитіи съ одной стороны — ослабляетъ значеніе родовой и служебной аристократіи, пановъ сенаторовъ, съ другой—подрѣзываетъ силу королевской власти. Въ результатѣ этого процесса Польша къ концу XVI в. оконча-

---

*) Старосты сначала, въ XIV в., являются въ качествѣ намѣстниковъ короля въ большихъ провинціяхъ съ весьма широкими полномочіями. Позже число ихъ умножается, и они превращаются въ обыкновенныхъ административно-полицейскихъ правителей небольшихъ округовъ (повѣтовъ), на которые раздѣлялись воеводства и земли, и притомъ почти единственными представителями мѣстнаго управленія, такъ какъ болѣе древнія должности—воеводъ и каштелановъ, превратились почти въ простые титулы. Кромѣ того, позже, въ XVII—XVIII в., старостами называются также «державцы» большихъ коронныхъ имѣній; державцы эти, по тогдашнимъ понятіямъ не были государственными чиновниками, а только арендаторами государственныхъ имуществъ (это такъ называемыя «староства не судебныя»): имъ въ этихъ имѣніяхъ принадлежала только обыкновенная патримоніальная юрисдикція надъ крестьянами, мѣщанами и служилою шляхтою, какая принадлежала помѣщикамъ и державцамъ вообще. Вся юго-восточная Украина состояла изъ крупныхъ староствъ этого послѣдняго типа и большихъ помѣщичьихъ латифундій — она такимъ образомъ фактически исключена была изъ государственной организаціи (каково бы ни было качество этой послѣдней!) и подчинена патримоніальной юрисдикціи помѣщиковъ и державцевъ. Обстоятельство немаловажное для пониманія здѣшнихъ отношеній.

тельно формируется въ шляхетское государство, монархію только по имени, гдѣ правитъ исключительно шляхетское сословіе, прилагающее исключительно къ себѣ имя „народа“ („народъ шляхетскій“). Узурпировавъ всѣ права по отношенію къ прочимъ сословіямъ, шляхта заботливо проводитъ принципъ равенства въ своей средѣ (своеобразный „шляхетскій демократизмъ“) и направляетъ законодательство, общественное устройство и экономическія отношенія исключительно въ интересахъ своего сословія.

Въ этомъ направленіи, подъ непосредственнымъ и посредственнымъ (чрезъ законодательство и практику великаго княжества Литовскаго) вліяніемъ польскаго права, видоизмѣнялся въ XIV—XVII вв. и строй украинскихъ земель. Разнообразіе общественныхъ классовъ и группъ, съ ихъ незамѣтными переходами при отсутствіи рѣзкихъ сословныхъ границъ, отличавшее древнерусскій общественный строй, замѣняется рѣзко ограниченными сословіями—привилегированнымъ шляхетскимъ и безправнымъ крестьянскимъ. Городъ, бывшій прежде центромъ жизни земли и ея представителемъ, исключается изъ земскаго строя и атрофируется. Самоуправляющаяся земля замѣняется самоуправляющеюся шляхетскою кастою *). Аномаліи общественныхъ отношеній усугубляются еще тѣмъ, что привилегированнымъ классомъ въ украинскихъ земляхъ считаются все болѣе и исключительнѣе Поляки, а въ положеніи непривилегированномъ, порабощенномъ оказывается туземное, украинское населеніе. Соціальная несправедливость обостряется національною рознью, со-

*) Въ старомъ самоуправленіи земли, котораго особенно идеализировать тоже не слѣдуетъ, преобладали также правящіе классы. Но это преобладаніе было только фактическое, въ разныхъ обстоятельствахъ далеко не одинаковое, съ принципіальными правами на участіе всего свободнаго населенія; сами правящіе классы не были такъ рѣзко ограничены, не были наслѣдственною кастою какъ шляхта, и ихъ преимущества не были санкціонированы закономъ такъ опредѣленно, какъ безграничныя въ своей исключительности права шляхетскаго сословія Польскаго государства.

знаніемъ національнаго гнета, подмѣниваемымъ чувствомъ совпадающаго съ нимъ гнета религіознаго. Поляки и ополяченные туземцы захватываютъ въ свои руки всю власть, всю силу, всѣ доходы, всѣ земли. Туземная Русь обращена въ польскихъ гелотовъ, въ обнищалую, обобранную презираемую массу польскихъ слугъ и чернорабочихъ; ея культура, религія, правовой и экономическій бытъ доведены до полнаго упадка и униженія этимъ польскимъ господствомъ. Все это придаетъ еще большую жгучесть неудовольствію обдѣленныхъ слоевъ и группъ туземнаго украинскаго населенія и усиливаетъ интенсивность послѣдовавшей борьбы.

Таковы были главныя черты общественнаго процесса, развивающагося въ украинскихъ земляхъ в. кн. Литовскаго и Польши въ XIV—XVII в. Какъ сказано, въ земляхъ, принадлежавшихъ къ в. кн. Литовскому, этотъ процессъ былъ отсроченъ или замедленъ. Но въ большинствѣ случаевъ общественная эволюція в. кн. Литовскаго шла въ направленіи къ польскимъ порядкамъ или болѣе самостоятельнымъ процессомъ, или прямо воспринимая нормы польскаго права—вслѣдствіе уніи съ Польшею.

Общественное устройство в. кн. Литовскаго исходило отъ права и общественнаго строя, выработаннаго Кіевскимъ государствомъ *). Но при всемъ уваженіи къ нимъ литовскаго правительства и принципіальномъ консерватизмѣ его, этотъ старый общественный строй очень рано начинаетъ подвергаться весьма существеннымъ измѣненіямъ подъ вліяніемъ государственнаго процесса, происходившаго въ самомъ великомъ княжествѣ. Это государство съ сильно выраженнымъ военнымъ характеромъ, съ широкими завоевательными планами, окруженное соперниками и врагами, всю энергію внутренней политики обращало на выработку возможно большей военной силы. Оставляя присоединяемымъ украинскимъ и бѣлорусскимъ землямъ ихъ старый строй и порядки, ихъ автономію, оно ставило имъ только одно требованіе—чтобы

*) См. выше, гл. IX.

всѣ эти земли и всѣ сословія ихъ принимали возможно большее участіе въ военныхъ предпріятіяхъ и тягостяхъ государства. Послѣдовательное проведеніе этого принципа—широкаго, насколько возможно привлеченія населенія къ военной службѣ, насколько возможно полной эксплоатаціи его въ военныхъ интересахъ, приводило къ весьма существеннымъ послѣдствіямъ для правовыхъ и общественныхъ отношеній. Основаніемъ для военнаго обложенія была сдѣлана земля, землевладѣніе, и въ интересахъ военной службы послѣднее подвергается чрезвычайно сильной регламентаціи и контролю правительства, что въ результатѣ приводитъ въ концѣ концовъ къ ограниченію самого права собственности и распоряженія недвижимыми имуществами: правительство допускаетъ его лишь въ такомъ объемѣ и постольку, поскольку это согласуется съ интересами военной службы, и собственникомъ земель становится какъ бы само государство. Уже въ XV в., какъ можно видѣть изъ юридическихъ документовъ, владѣніе военнослужебнаго сословія имѣетъ характеръ ограниченный, условный, говоря западно-европейскою средневѣковою терминологіею — характеръ прекарный, и практика землевладѣнія весьма близко напоминаетъ западный феодализмъ *). Владѣлецъ можетъ пользоваться своею землею

*) Вслѣдствіе этого сходства, термины: «феодализмъ», «феодальный» часто прилагаются къ характеристикѣ строя в. кн. Литовскаго, и даже существовала теорія заимствованія феодальнаго права в. кн. Литовскаго съ запада. Въ дѣйствительности такого заимствованія, конечно, не было; прекарныя формы землевладѣнія развились подъ вліяніемъ потребностей государственной организаціи, какъ показываютъ это параллели въ военнослужебномъ землевладѣніи Московскаго государства и въ менѣе яркихъ и скоро преходящихъ формахъ—также и въ землевладѣніи западныхъ украинскихъ земель, находившихся подъ польскимъ правомъ. Указанныя формы не создались и сразу, вслѣдствіе какого нибудь рѣзкаго перелома—по праву завоеванія литовскими князьями этихъ земель, какъ допускали нѣкоторые; перелома въ отношеніяхъ земли литовская оккупація вообще не создавала, какъ мы видѣли выше. Но въ ошибку впадаютъ и противники этихъ взглядовъ, принимая позднѣйшія пре-

только до тѣхъ поръ, пока въ состояніи нести службу, связанную съ этимъ владѣніемъ; онъ можетъ передать наслѣдникамъ или произвести отчужденіе своего имѣнія только съ вѣдома и разрѣшенія правительства, слѣдящаго за тѣмъ, чтобы новый владѣлецъ былъ способнымъ къ службѣ. Эта практика переносится на всѣ роды военнослужебнаго землевладѣнія, будетъ ли то владѣніе, данное правительствомъ подъ условіемъ службы, или унаслѣдованное. То же воззрѣніе переносится также и на землевладѣніе не военнослужебное—крестьянское. Создается убѣжденіе, что крестьянинъ сидитъ не на землѣ своей, а лишь пользуется государственною, подъ условіемъ исправнаго отбыванія связанныхъ съ ней повинностей въ пользу государства или того лица, которому правительство переуступитъ права на крестьянскія повинности взамѣнъ военной службы *). Какія огромныя перемѣны въ общественномъ строѣ производили такія воззрѣнія въ ихъ примѣненіи на практикѣ, увидимъ ниже.

Прежде всего остановимся на эволюціи военнослужебныхъ, привилегированныхъ классовъ.

Въ присоединенныхъ украинскихъ и бѣлорусскихъ земляхъ литовское правительство нашло извѣстные намъ общественные классы: княжескихъ военнослужебныхъ людей, высшая категорія которыхъ носила имя бояръ; земскую, землевладѣльческую аристократію, называвшуюся также боярами **); затѣмъ мѣщанъ, крестьянъ-собственниковъ и другія группы, которыя намъ пока не нужны.

Отмѣтимъ прежде всего, что къ верхнимъ, аристократическимъ слоямъ эволюція в. кн. Литовскаго присоединяетъ

карныя формы за остатки стараго, до-литовскаго строя; наши источники не даютъ указаній на существованіе такихъ формъ въ строѣ Кіевскаго государства, и въ нихъ мы имѣемъ, несомнѣнно результатъ позднѣйшей эволюціи.

*) «Своего ничего не маемъ, одно божье да государево», такъ говорили даже сами крестьяне въ XVI вѣкѣ.

**) Эти двѣ аристократіи—служебная и земская, несомнѣнно, мѣстами слились очень тѣсно.

еще одну, самую верхнюю и аристократическую—классъ князей. Мы уже отчасти знаемъ этотъ классъ и его происхожденіе. Это бывшіе владѣтельные князья изъ старой династіи и потомковъ Гедимина, а также нѣсколько родовъ изъ старыхъ литовскихъ, мѣстныхъ династій, совершенно обрусѣвшихъ. Съ сплоченіемъ в. кн. Литовскаго, особенно послѣ погрома сильнѣйшихъ князей въ 1390-хъ гг., они все болѣе и болѣе превращаются въ крупныхъ вотчинниковъ. Правда, сильнѣйшіе изъ нихъ поддерживаютъ еще нѣкоторыя традиціи—пишутся „божьей милостью", удерживаютъ разные аттрибуты государственной власти, но, вообще говоря, со времени Витовта это только аристократія, а отнюдь не государи (за немногими исключеніями — какъ Свитригайло, Олельковичи кіевскіе). Со времени Витовта же вообще употреблено много стараній для того, чтобы подорвать значеніе этого класса, а окончательно—съ упадкомъ Свитригайла, они теряютъ также и вліяніе на государственное (центральное) управленіе, которое переходитъ къ аристократическимъ не-княжескимъ литовскимъ родамъ, собравшимъ огромныя богатства, въ видѣ огромныхъ латифундій. Вмѣстѣ съ нѣкоторыми украинскими и бѣлорусскими богатыми боярскими родами, эти литовскіе магнаты составляютъ, рядомъ съ князьями, вторую категорію аристократіи в. кн. Литовскаго: „князья и паны",—такъ обыкновенно обозначаются они въ законодательныхъ и иныхъ памятникахъ в. кн. Литовскаго.

Изъ украинскихъ земель гнѣздомъ этой аристократіи была Волынь, кишѣвшая княжескими родами *), такъ что мелкаго дворянства и государственныхъ имѣній было здѣсь чрезвычайно мало. Здѣсь сидѣли княжескіе роды кн. Острожскихъ, Сангушковъ, Черторыйскихъ, Дубровицкихъ, Збаражскихъ, Вишневецкихъ, Порицкихъ и Воронецкихъ, Четвертинскихъ,

*) Она была вообще наиболѣе княжеской землею въ в. кн. Литовскомъ, между тѣмъ какъ гнѣздомъ панскихъ родовъ, менѣе многочисленныхъ, но въ общей сложности болѣе богатыхъ, были литовскія и бѣлорусскія земли бассейна Нѣмана.

Жеславскихъ, Корецкихъ и т. д., и нѣсколько богатыхъ панскихъ родовъ, какъ Боговитины, Монтовты, Кирдеи, Загоровскіе, Семашки. Княжескіе и панскіе роды Волыни, по сохранившейся переписи 1528 г., высылали около трехъ четвертей всего военнаго контингента, выставлявшагося Волынью, и только одна четверть приходилась на долю прочихъ землевладѣльцевъ. Наоборотъ, царствомъ мелкой шляхты было Подляшье (въ особенности сѣверный — Бѣльскій повѣтъ) и кіевское Полѣсье, а въ районѣ верхней Припети — княжествахъ Кобринскомъ и Пинскомъ, рядомъ съ мелкимъ боярствомъ (существовавшимъ и въ другихъ латифундіяхъ) былъ развитъ также классъ государственныхъ крестьянъ—ставшихъ государственными съ тѣхъ поръ, какъ эти княжества, по прекращеніи княжескихъ династій, превратились въ государственныя, „господарскія" волости.

Эта княжеско-панская аристократія, владѣльцы большихъ имѣній, пользовались разными фактическими и даже юридическими прерогативами—въ сферѣ суда и административно-военнаго устройства. Въ ихъ же рукахъ сосредоточено было все управленіе: должности центральнаго управленія распредѣлялись въ тѣсномъ кругу фамилій, преимущественно литовской аристократіи, должности мѣстныя—между аристократіею данной земли (это даже было гарантировано правительствомъ во многихъ уставныхъ земскихъ граматахъ) Но съ середины XVI в. мелкое дворянство выступаетъ противъ преобладанія аристократіи; одновременно и правительство, слѣдуя польскому устройству, проводитъ рядъ реформъ, поднимавшихъ значеніе мелкаго дворянства и уравнивавшихъ послѣднее съ князьями-панами; но фактическаго значенія и преобладанія аристократіи все это, конечно, не уничтожило.

Сословіе мелкаго, рядового дворянства формировалось въ великомъ княжествѣ Литовскомъ подъ вліяніемъ польскаго устройства. Приложеніе польскихъ нормъ не обошлось однако безъ большихъ затрудненій. Литовское правительство прилагало усилія къ тому, чтобы привлечь къ военной службѣ возможно большее число населенія. Не только крупные и

средніе землевладѣльцы, но и мѣщане и болѣе состоятельные крестьяне переводились „на боярскую службу", т. е. освобождались отъ всякихъ иныхъ обязанностей и податей, взамѣнъ которыхъ должны были по первому призыву власти являться въ походъ, на свой счетъ снарядившись и содержа себя во время похода.

При этомъ, конечно, данный классъ военнослужилыхъ людей не отличался большою устойчивостью: въ него входили постоянно новые разночинные элементы и такимъ же образомъ выходили, когда военная служба становилась имъ несподручною, и съ боярской службы переводились на „службу тяглую" или облагались иными повинностями, по собственному желанію или по распоряженію властей, если послѣднія находили данное лицо неспособнымъ къ отправленію „боярской" службы. Кромѣ того, классъ лицъ, несшихъ боярскую службу, былъ связанъ съ крестьянствомъ разными посредствующими категоріями—въ видѣ такъ называемыхъ слугъ, несшихъ военную службу въ нѣсколько меньшихъ размѣрахъ и исправлявшихъ разныя обязанности при замкахъ, различныхъ ремесленниковъ, также привлекавшихся къ походамъ, и т. д. Заключить эту обширную, разношерстную массу въ рѣзко опредѣленныя границы, по образцу польской шляхты, было очень трудно.

Правительство сначала имѣло намѣреніе создать по образцу Польши и въ Литвѣ юридически привилегированное сословіе изъ Литвиновъ-католиковъ и сдѣлало было нѣсколько попытокъ въ этомъ направленіи. Непосредственно послѣ крещенія Литвы въ католичество, въ 1387 г., Ягайло издалъ жалованную грамату для бояръ католическаго исповѣданія (слѣдовательно, литовской народности), которой признавалъ за ними различныя привилегіи, какими обладала польская шляхта. Впрочемъ, грамата эта больше обѣщала правъ, чѣмъ сообщала въ дѣйствительности: очевидно, распространеніе на всю многочисленную категорію бояръ литовскаго происхожденія привилегій польской шляхты нанесло бы слишкомъ чувствительный ударъ государственному обложенію.

Поэтому послѣдующій Городельскій актъ (1413 г.) поставилъ иныя, болѣе тѣсныя границы привилегированному сословію: чтобы пользоваться сословными привилегіями, ближе разъясненными этимъ актомъ, недостаточно было быть бояриномъ-католикомъ, — нужно было сверхъ того имѣть гербъ, что достигалось лишь пожалованіемъ великимъ княземъ и принятіемъ къ своему гербу какимъ нибудь польскимъ шляхетскимъ родомъ. Эти процедуры, однако, вслѣдствіе уже одной своей сложности не привились. При томъ же оказалось, что сформировать такое привилегированное сословіе съ исключеніемъ православныхъ—бѣлорусскихъ и украинскихъ—родовъ невозможно. Поэтому постановленія Городельскаго акта, какъ и граматы 1387 г., въ значительной степени остались мертвою буквою. Желая ослабить Свитригайла и отвлечь отъ него его православныхъ партизановъ, великій князь Сигизмундъ въ 1434 г. опубликовалъ грамату объ уравненіи православныхъ князей и бояръ въ шляхетскихъ привилегіяхъ съ католиками; Русины по этой граматѣ получаютъ право, съ согласія польскихъ шляхетскихъ родовъ, усвоять себѣ гербы ихъ, какъ и Литвины *). Однако планъ

*) Еще раньше, непосредственно послѣ избранія великимъ княземъ Сигизмунда, въ 1432 г. послы Ягайла подписали грамату такого же содержанія, объ уравненіи православной русской шляхты съ литовскою въ пользованіи шляхетскими привилегіями, но неизвѣстно, была ли она утверждена Ягайломъ. Какъ эта, такъ и грамата 1434 г. не устанавливали, однако, полной равноправности Русинъ съ Литвинами: онѣ не отмѣняли и, слѣдовательно, оставляли въ силѣ постановленіе Городельскаго акта, что только католики могутъ занимать государственныя должности. Хотя это постановленіе не вполнѣ соблюдалось, и православные князья и паны всегда занимали должности, главнымъ образомъ въ украинскихъ и бѣлорусскихъ земляхъ (на должности центральнаго управленія и столичныя попадали они очень рѣдко), но все-таки постановленіе Городельскаго акта оставалось въ силѣ, и о немъ иногда вспоминали и примѣняли на практикѣ. Формально это постановленіе было отмѣнено на сеймѣ вел. княжества Литовскаго 1563 г. Этотъ же сеймъ призналъ также и необязательность гербовъ для шляхтичей.

сформированія спеціально гербовой аристократіи, такъ называемыхъ „клейнотниковъ“, не привился, и позднѣйшія граматы о гербахъ, какъ аттрибутѣ шляхетства, уже не упоминаютъ.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, однако, пропадали всякія опредѣленныя рамки для новой привилегированной шляхты. Допустить всю огромную и разношерстную массу землевладѣльческаго сословія, несшаго военную службу, до постепенно возраставшихъ и расширявшихся по польскому образцу сословныхъ привилегій правительство стѣснялось. Земскій привилей 1447 г. освободилъ крестьянъ, сидѣвшихъ на шляхетскихъ земляхъ, отъ юрисдикціи государственныхъ чиновниковъ и подчинилъ ихъ юрисдикціи помѣщика. Практика XV в., засвидѣтельствованная земскими привилеями украинскихъ земель начала XVI в., давала важныя прерогативы членамъ привилегированнаго сословія въ судѣ, какъ право переносить свои тяжбы непосредственно въ судъ великаго князя, судиться съ участіемъ членовъ своего сословія и т. п. Кодифицированное въ Литовскомъ статутѣ 1529 г. право великаго княжества Литовскаго очень настойчиво проводило принципъ юридическихъ преимуществъ шляхтича, разсматривая проступки противъ него или его имущества какъ квалифицированные. Литовскій статутъ въ новой редакціи 1566 г. имѣетъ еще рѣзче выраженныя черты шляхетскаго кодекса, покровительствующаго шляхетскому сословію, и кодифицируетъ весьма важныя права, данныя шляхетскому сословію въ сферѣ государственнаго и мѣстнаго управленія: обязательное участіе шляхетскихъ представителей съ правомъ рѣшающаго голоса въ сеймахъ, провинціальные шляхетскіе сеймики, выборные шляхетскіе суды — учрежденія, вполнѣ приближавшія строй земель, входившихъ въ составъ великаго княжества Литовскаго, къ строю шляхетскаго Польскаго государства. Жалуя шляхетское сословіе такими важными прерогативами, литовское правительство дѣйствительно имѣло причины быть озабоченнымъ точнымъ установленіемъ круга тѣхъ людей, которые могли пользоваться этими преро-

гативами, и искало критерія для опредѣленія границъ этого класса.

Я не буду останавливаться на всѣхъ попыткахъ его; укажу только то, что дѣйствительно имѣло впослѣдствіи значеніе въ процессѣ формированія шляхетскаго сословія. Прежде всего, для утвержденія въ шляхетствѣ признавалась важнымъ аргументомъ давность въ пользованіи боярскими правами; въ первой половинѣ XVI в. такимъ предѣломъ признавалось правленіе Казимира († 1492). Позже важнымъ доказательствомъ шляхетскихъ правъ стала упомянутая перепись обязанныхъ военною службою бояръ 1528 г.—на нее ссылались, какъ на свидѣтельство принадлежности къ военному сословію. Наконецъ, произведенная въ серединѣ XVI в. (разновременно и въ различныхъ формахъ) ревизія государственныхъ земель и правъ на владѣніе выяснила до извѣстной степени наличный составъ привилегированнаго землевладѣльческаго сословія. Такъ, одновременно съ расширеніемъ привилегій дворянства, передъ 1569 г., болѣе или менѣе опредѣлился и составъ его.

Низшія категоріи боярства—малоземельные, захудавшіе роды, или бояре, несшіе кромѣ военной службы разныя другія натуральныя повинности, остались внѣ привилегированнаго сословія, сохранивъ старое имя бояръ: вслѣдствіе слишкомъ широкаго своего объема это имя было признано непригоднымъ для обозначенія привилегированнаго сословія, и уже начиная со второй половины XV в. оно вытѣсняется другими, заимствованными изъ Польши названіями—„земянъ“ и особенно—„шляхты“.

Такимъ образомъ къ 1569 г. шляхетское сословіе в. кн. Литовскаго очень близко подошло уже къ своему образцу—шляхетскому сословію Польши. 1569-й годъ завершилъ эту эволюцію въ центральныхъ украинскихъ земляхъ, принесши окончательное уравненіе съ польскою шляхтою въ двухъ чрезвычайно существенныхъ пунктахъ: освобожденіи шляхетскаго землевладѣнія отъ связывавшихъ его ограниченій и освобожденіи самой шляхты отъ военной службы и государ-

ственныхъ повинностей, какія сохранились еще до тѣхъ поръ.

Этимъ завершилась въ украинскихъ земляхъ, принадлежавшихъ къ в. кн. Литовскому, эволюція шляхетскаго сословія, уже передъ второй половиной XVI в., какъ было уже упомянуто, достигшаго и равноправности съ княжеско-панскимъ магнатскимъ сословіемъ. Гораздо быстрѣе совершился этотъ процессъ въ земляхъ, присоединенныхъ къ Польшѣ непосредственно уже въ XIV и первой половинѣ XV в.

Польское правительство не спѣшило здѣсь вводить польскую систему администраціи и сословныхъ отношеній во всей полнотѣ, хотя съ появленіемъ здѣсь массы привилегированныхъ польскихъ колонистовъ и переходомъ всей высшей администраціи въ руки Поляковъ, польское право и практика стали широко проникать въ мѣстные порядки и отношенія сами собою, даже независимо отъ правительственныхъ мѣръ. Отчасти, можетъ быть, въ виду исключительныхъ условій, въ которыхъ стояли эти земли, отчасти просто въ интересахъ управленія и государственнаго хозяйства правительство не вводило здѣсь (главнымъ образомъ я имѣю въ виду Галицію) шляхетскаго земскаго самоуправленія, держа населеніе въ исключительной власти своихъ намѣстниковъ—воеводъ и старостъ, а въ деталяхъ администраціи и суда оставляя многое изъ старой, галицко-волынской практики. Мѣстная шляхта, безъ различія происхожденія и національности, должна была нести военную службу въ гораздо большихъ размѣрахъ, чѣмъ тѣ, какіе существовали въ польскихъ земляхъ; шляхетское землевладѣніе подвергалось здѣсь разнымъ ограниченіямъ, неизвѣстнымъ въ польскихъ земляхъ (то самое, только въ менѣе сильныхъ и развитыхъ формахъ, что видимъ мы въ в. кн. Литовскомъ).

Конечно, все это очень тяготило шляхту украинскихъ провинцій Польши, особенно шляхту польскую, пришедшую изъ польскихъ провинцій. Въ своихъ сословныхъ интересахъ, безъ различія національности, мѣстные землевладѣльцы были заинтересованы въ полномъ уравненіи этихъ

провинцій съ чисто-польскими и хлопотали передъ правительствомъ въ такомъ направленіи. Ягайло далъ было обѣщанія въ этомъ смыслѣ, но провозглашено было уравненіе украинскихъ провинцій Польши съ провинціями польскими только новымъ королемъ Владиславомъ, въ 1434 г. Шляхта освобождалась теперь отъ мѣстныхъ повинностей, а въ управленіи и судѣ вводились польскіе порядки. Въ дѣйствительности они не сразу были введены въ полномъ объемѣ, но во всякомъ случаѣ во второй половинѣ XV в. Галичина, Подолье и Белзкая земля уже вполнѣ организуются на польскій ладъ, мѣстная шляхта усвояетъ польскіе права и порядки и одновременно въ значительной степени полонизируется.

Туземный, украинскій элементъ оказался здѣсь въ совершенно иныхъ условіяхъ, чѣмъ украинскія провинціи великаго княжества Литовскаго *). Эти послѣднія остались почти совершенно нетронутыми въ своихъ внутреннихъ отношеніяхъ: сюда почти не проникали чуждые въ культурномъ и національномъ отношеніи элементы; управленіе осталось въ рукахъ мѣстныхъ аристократовъ; мѣстное право и культура пользовались полнымъ уваженіемъ власти, и Русь имѣла всякое основаніе считать себя стоящею въ культурномъ и правовомъ развитіи выше, чѣмъ правящая національность. Въ виду этого и позднѣйшія реформы въ духѣ польскаго права, вплоть до присоединенія къ Польшѣ, не наносятъ непосредственнаго ущерба украинской національности: мѣстная украинская жизнь перестраивается на польскій ладъ, не переставая еще быть украинскою; сформированное по образцу польской шляхты шляхетское сословіе, какъ и старая аристократія, не разрываетъ своей связи съ своей національностью, остается украинскимъ.

Совершенно иначе было съ западными украинскими зе-

*) За исключеніемъ Подляшья, которое очутилось во многихъ отношеніяхъ въ условіяхъ, аналогичныхъ съ положеніемъ украинскихъ провинцій въ Польшѣ.

мями. Онѣ вошли въ составъ государства, довольно все-таки почтенной давности, съ выработаннымъ строемъ и порядками, которое поэтому не имѣло поводовъ относиться съ особеннымъ почтеніемъ къ побѣжденной національности. Вся высшая администрація новыхъ провинцій съ самаго же начала сосредоточивается въ рукахъ чужеземцевъ, главнымъ образомъ Поляковъ, склонныхъ смотрѣть на мѣстное право и культуру, какъ на нѣчто низшее, хотя бы безъ всякаго другого основанія, кромѣ того, что это были покоренныя провинціи, право и культура которыхъ имъ не импонировали, какъ Литвѣ. Точно такъ же относилась къ мѣстному украинскому элементу иноземная, главнымъ образомъ польская шляхта и нѣмецко-польское мѣщанство, въ огромномъ количествѣ привлеченное польскимъ правительствомъ въ эти провинціи. Эта колонизація вмѣстѣ съ польской администраціей вносили въ мѣстныя отношенія польское право, польскія воззрѣнія, и благодаря этому польское право, прежде чѣмъ стало фактически господствующимъ, было введено формально; перспектива освобожденія отъ тяжелыхъ государственныхъ повинностей и сильной власти правительственной администраціи дѣлала весьма симпатичнымъ и желательнымъ введеніе польскаго права и польскаго строя даже для украинскихъ землевладѣльцевъ края: сословные интересы заставляютъ ихъ сближаться съ Поляками-пришельцами, сплотиться съ ними въ одну соціальную партію. Впрочемъ, эта украинская шляхта—потомки старыхъ боярскихъ родовъ, была подорвана политическими конфискаціями и отобраніемъ такихъ земель, на которыя владѣльцы не могли доказать своихъ правъ документально (nullo jure possessores); онѣ также переходили въ руки пришлыхъ элементовъ, на основаніи королевскихъ пожалованій, и украинскіе элементы въ землевладѣльческомъ сословіи были ослаблены очень рано.

Благодаря указаннымъ обстоятельствамъ, прежде чѣмъ національные интересы успѣли сплотить остатки украинскаго владѣльческаго сословія, оно уже увидѣло себя зали-

тымъ польскою шляхетскою колонизаціею, оттѣсненнымъ отъ власти, отъ вліянія въ шляхетскомъ самоуправленіи. Вмѣстѣ съ сознаніемъ своего безсилія оно постепенно подпадаетъ и культурному вліянію польскаго элемента, усвояя воззрѣніе Поляковъ на украинскій элементъ и украинскую культуру, какъ на нѣчто низшее въ сравненіи съ польскою, и денаціонализируясь въ весьма сильной степени.

Полный упадокъ украинскаго элемента подъ вліяніемъ этихъ условій обозначился вполнѣ ясно уже въ первой половинѣ XV в. Во второй половинѣ исчезаютъ остатки стараго строя, самая память о немъ. Большинство стараго украинскаго боярства — все, что было въ немъ болѣе богатаго, вліятельнаго, принятаго въ польскую среду, тонетъ и растворяется въ ней. Остатки украинской шляхты остаются въ такомъ меньшинствѣ, что съ нимъ вовсе перестаютъ считаться. Украинскую національность—и то въ видѣ темнаго стихійнаго чувства или сознанія религіозной обособленности—сохраняютъ лишь крестьяне, мелкое мѣщанство и православное духовенство, — сословія, не имѣвшія голоса ни въ государственной жизни, ни въ мѣстномъ управленіи. Единственнымъ вѣдь признаннымъ представителемъ земли служитъ шляхта, а она пріобрѣла уже яркую и довольно цѣльную польскую окраску. Украинское населеніе живетъ въ украинскихъ провинціяхъ Польши только какъ этнографическая масса, а не нація, и православная, „русская“ церковь остается единственнымъ институтомъ, носящимъ національную форму. Это уже совершенно ясно выступаетъ въ XVI в., даже въ началѣ его. „Нѣтъ Руси, есть только попы и хлопы“, могли бы сказать „обыватели“ (т. е. шляхтичи) „Русскаго воеводства“ и въ XVI в., какъ говорили въ XIX в.

1569 годъ широко отворилъ двери изъ западныхъ воеводствъ въ центральныя украинскія земли этой польской шляхтѣ, которая, сидя на украинской землѣ и живя пóтомъ украинскаго крестьянина, привыкла въ то же время игнорировать все туземное, смотрѣть на украинскій народъ, какъ

на гелотовъ польской народности, на его языкъ, культуру, традиціи, право—какъ на нѣчто неизмѣримо низшее сравнительно съ польскимъ, такъ что, по ея глубокому убѣжденію, всему туземному, что хоть нѣсколько поднималось надъ общимъ жалкимъ уровнемъ, была одна дорога — самоскорѣйшаго перехода въ польскій лагерь, перечисленія въ польскую національность. Безконечною вереницею потянулись эти Kulturträger'ы на Волынь, въ Кіевщину и за Днѣпръ, захватывая должности, основываясь на выпрошенныхъ отъ правительства пустыхъ или отобранныхъ отъ „безправныхъ" владѣльцевъ земляхъ и въ полученныхъ за женами въ приданое имѣніяхъ, неся съ собою привычное имъ польское право, культивируя съ наивнымъ высокомѣріемъ людей „высшей расы" презрительное понятіе обо всемъ туземномъ.

Одновременно съ этимъ польскимъ потокомъ, имѣвшимъ чрезвычайно важное значеніе въ процессѣ ополяченія центральныхъ украинскихъ земель, высшіе слои украинскаго общества новоприсоединенныхъ къ Польшѣ (въ 1569 г.) провинцій, уже въ силу своей принадлежности къ Польскому государству, приходили въ соприкосновеніе съ польскимъ обществомъ, польскимъ правомъ и культурою. Это право, уже раньше имѣвшее притягательную силу для шляхты в. кн. Литовскаго благодаря своимъ заманчивымъ шляхетскимъ привилегіямъ и служившее образцомъ для реформъ въ в. кн. Литовскомъ уже передъ уніею; эта культура, находившаяся какъ разъ въ періодѣ своего расцвѣта и какъ и право — шляхетское par exellence *)—начинаютъ овладѣ-

*) Развитіе польской литературы во второй половинѣ XVI в. стояло въ тѣсной связи съ развитіемъ общественной жизни и въ частности—общественнымъ движеніемъ среди шляхты, играющей первую роль въ современной политикѣ Польши. Это былъ золотой вѣкъ польской литературы, золотой вѣкъ польской общественности, золотой вѣкъ парламентаризма, и все это носило печать шляхетскихъ стремленій, шляхетской программы, шляхетскихъ интересовъ. Понятно обаяніе, какое имѣла польская общественная жизнь и лите-

вать украинскою шляхтою новоприсоединенныхъ провинцій очень быстро. Я упоминалъ уже, что, напримѣръ, гарантированное центральнымъ украинскимъ землямъ право Литовскаго статута само собою очень скоро вышло изъ употребленія, замѣнившись правомъ польскимъ. Весь строй жизни и отношенія высшихъ сословій украинскихъ земель полонизируются очень быстро и очень глубоко: въ первой четверти XVII в. мы видимъ этотъ процессъ уже въ полномъ развитіи.

Подробнѣе: Історія України-Руси, т. V гл. I (общая характеристика), организація и управленіе—тамъ же гл. 5, эволюція шляхетскаго сословія—гл. 2.

XII.

Оборотною стороною этого процесса формированія шляхетскаго сословія и его привилегій была эволюція крестьянскаго сословія на Украинѣ, народной массы, за счетъ правъ которой и создавались главнымъ образомъ привилегіи шляхетскаго сословія.

Мы знаемъ, какъ представлялась эта народная масса въ эпоху Кіевскаго государства: основное ядро населенія состояло изъ свободнаго и экономически независимаго крестьянства, истощаемаго однако неблагопріятными экономическими условіями; затѣмъ слѣдуютъ категоріи свободныхъ, но экономически зависимыхъ безземельныхъ, и несвободныхъ, возрастающія за счетъ класса крестьянъ-собственниковъ. Оскудѣніе сословія крестьянъ-собственниковъ и развитіе за ихъ счетъ—съ одной стороны, категорій безземельныхъ и несвободныхъ, съ другой—боярскаго землевладѣнія, распоряжавшагося трудомъ несвободныхъ и безземельныхъ, характеризуютъ эволюцію крестьянскаго сословія въ XII—XIII в. Дальнѣйшая судьба крестьянства, въ XIV—XVI в., сводится

ратура для украинской шляхты, льнувшей къ польскимъ порядкамъ въ силу своихъ сословныхъ, шляхетскихъ интересовъ и введенной въ кругъ польской жизни какъ разъ въ моментъ ея апогея.

къ слѣдующимъ главнымъ моментамъ: несвободные исчезаютъ постепенно, переходя преимущественно въ категорію безземельныхъ, зависимыхъ крестьянъ; положеніе крестьянъ-собственниковъ понижается до уровня тѣхъ же безземельныхъ, экономически зависимыхъ категорій; ихъ личная свобода, гражданскія и имущественныя права подвергаются ряду ограниченій, и рядомъ съ прежними данями развивается издѣльная, барщинная повинность. Одновременно изъ фискальныхъ мотивовъ проводится строгая регламентація крестьянскаго землевладѣнія и хозяйственныхъ отношеній, разрушающая прежнія формы крестьянскаго хозяйства, болѣе сложныя экономическія единицы, и низводящая ихъ къ минимальнымъ—дворамъ-хозяйствамъ, причемъ развитіе господскихъ запашекъ, фольварочнаго хозяйства все болѣе уменьшаетъ величину крестьянскаго участка.

Начнемъ съ несвободныхъ. Когда, послѣ долгаго перерыва, мы получаемъ, въ серединѣ XV в., довольно значительный документальный матеріалъ, въ украинскихъ земляхъ Польши несвободныхъ уже нѣтъ: юридически они не существуютъ, а фактически встрѣчаются только въ видѣ рѣдкихъ исключеній. Въ земляхъ великаго княжества Литовскаго они существуютъ не только въ XV, но и XVI в. (такъ назыв. „паробки", „челядь невольная" или просто „челядь"), и право вполнѣ признаетъ ихъ существованіе, хотя постепенно ограничиваетъ источники рабства. Но жизнь шла впереди законодательства, и XVI в. является временемъ вымиранія рабства на практикѣ; только въ видѣ исключеній встрѣчаемъ мы группы рабовъ на большихъ фольваркахъ въ половинѣ XVI в., въ видѣ дворовыхъ работниковъ, иногда ведущихъ собственное и небольшое хозяйство на господской землѣ; въ это время, при нормированіи участковъ, они переводятся обыкновенно на крестьянскіе участки, въ категорію тяглыхъ крестьянъ. Литовскій статутъ 1588 г., уничтоживъ всѣ иныя категоріи рабовъ, кромѣ взятыхъ на войнѣ невольниковъ, предписываетъ перевести рабовъ другихъ категорій, равно и дѣтей полоненниковъ, на крестьянскіе

участки и считать ихъ за крестьянъ-отчичей (крѣпкихъ землѣ).

Это постановленіе, какъ и вообще практиковавшіеся въ продолженіе XVI в. переводы остатковъ рабовъ на крестьянскіе участки, въ категорію тяглыхъ крестьянъ, объясняютъ намъ ретроспективно, какъ исчезъ когда-то такъ многочисленный классъ несвободныхъ: онъ перешелъ въ категорію крестьянъ, сидѣвшихъ на господскихъ земляхъ. Слѣды прежняго рабскаго состоянія сохранялись иногда въ спеціальныхъ ограниченіяхъ правъ, въ особомъ положеніи и именахъ этихъ переведенныхъ (какъ, напр., люди калайные, „несвободные“ слуги, servi illiberi разныхъ наименованій), но еще чаще они безслѣдно смѣшиваются съ остальною массою крестьянства. Этотъ переходъ многочисленнаго класса несвободныхъ въ категорію крестьянъ безземельныхъ, сидѣвшихъ на господскихъ земляхъ, отравляетъ—позволю себѣ такъ выразиться—рабскими аттрибутами своего юридическаго и экономическаго положенія упомянутую категорію, а по мѣрѣ того, какъ исчезала граница между свободными и экономически независимыми крестьянами-собственниками и крестьянами-безземельными, сидѣвшими на господскихъ земляхъ, аттрибуты несвободнаго и экономически зависимаго состоянія несвободныхъ и безземельныхъ *) переносятся и на эту свободную массу крестьянъ-собственниковъ.

Въ XVI в. въ болѣе чистомъ видѣ это крестьянство сохранилось только мѣстами—именно тамъ, гдѣ не было усиленной земледѣльческой культуры, фольварочнаго хозяйства,

---

*) Положеніе безземельныхъ и экономически зависимыхъ крестьянъ разныхъ категорій, работавшихъ на господскихъ земляхъ имѣло такъ много аналогій съ положеніемъ несвободныхъ сельскихъ работниковъ, что въ разныхъ ограниченіяхъ и степеніяхъ, перешедшихъ отъ нихъ потомъ на крестьянство свободное и экономически независимое, почти невозможно отличить то, что было пережиткомъ несвободнаго или полусвободнаго состоянія. Говоря ниже объ этомъ наслѣдствѣ несвободныхъ, я буду подразумѣвать одновременно и возможные пережитки полусвободнаго состоянія.

господскихъ запашекъ,—въ Полѣсьѣ пинскомъ и волынскомъ, въ Кіевской землѣ и за Днѣпромъ (тамъ, гдѣ существовала осѣдлая колонизація). Здѣсь повинности ограничивались данями, весьма, впрочемъ, значительными; издѣльныхъ работъ не существовало, кромѣ городовыхъ и самое большее „толокъ", т. е. нѣкотораго участія въ полевыхъ работахъ княжескихъ и господскихъ дворовъ, гдѣ послѣдніе существовали; личныя и имущественныя права крестьянъ вообще не подвергались значительнымъ ограниченіямъ. Въ мѣстностяхъ же съ болѣе значительною земледѣльческою культурою все болѣе и болѣе распространялась и возрастала барщина, „панщина", и въ зависимости отъ этого—типъ крестьянъ „работныхъ", „тяглыхъ", обремененныхъ работою и всячески ограниченныхъ въ своихъ прежнихъ правахъ.

Зародышъ „работныхъ" людей слѣдуетъ видѣть въ прежнихъ несвободныхъ—холопахъ и паробкахъ, переведенныхъ на крестьянскіе участки и обложенныхъ постоянною работою при господскомъ хозяйствѣ. Особенно крестьяне малоземельные, сидѣвшіе не на полныхъ участкахъ, а на огородахъ или небольшихъ полевыхъ участкахъ (такъ наз. загородники, огородники, коморники), стоятъ въ ближайшей типологической связи съ такими паробками, сидящими на небольшихъ участкахъ господской земли и работающими на господскомъ дворѣ. Но современемъ это обложеніе панщиною обнимаетъ все болѣе и болѣе широкій кругъ свободнаго крестьянства. Въ великомъ княжествѣ Литовскомъ широко практикуемая раздача крестьянскихъ земель (т. е. собственно переуступка государствомъ правъ на платимыя ему крестьянами дани и повинности лицамъ боярскаго званія, взамѣнъ за боярскую службу, которую обязанъ былъ нести за нихъ ихъ новый владѣлецъ) стираетъ разницу между крестьянами свободными и панскими, сидящими на господскихъ земляхъ, и въ концѣ концовъ пріемы частнаго помѣщичьяго хозяйства, съ панщиною и усиленною регламентаціею хозяйственныхъ и всякихъ иныхъ отношеній села, прилагаются и къ крестьянамъ, оставшимся на земляхъ, не попавшихъ въ частныя руки, а упра-

ваемыхъ непосредственно государственною властью („Устава на волоки", 1557 г.). Въ земляхъ, вошедшихъ въ составъ Польши, на украинское крестьянство были непосредственно перенесены порядки, выработавшіеся въ селахъ собственной Польши XIV—XV в.

XIV—XV вѣка въ Польшѣ были эпохой чрезвычайнаго распространенія нѣмецкаго права въ городскихъ и сельскихъ общинахъ. Оно первоначально было примѣнено въ широкихъ размѣрахъ послѣ опустошеній, произведенныхъ Татарами въ XIII в.: для заселенія опустошенныхъ мѣстностей призывались нѣмецкіе колонисты, а для ихъ привлеченія эти колоніи организовались по образцу только что достигнувшихъ самоуправленія нѣмецкихъ городскихъ общинъ, главнымъ образомъ саксонскихъ, почему право называется по имени ихъ метрополіи магдебургскимъ, „майборскимъ". Общины изъемлются изъ-подъ власти всѣхъ государственныхъ чиновниковъ, права которыхъ переносятся на организатора колоній— „войта" (Vogt, advocatus), управляющаго колоніей при участіи выбранныхъ ею представителей, а всѣ отношенія ея къ государству ограничиваются платою опредѣленнаго въ фундаційной граматѣ „чинша" (census) съ мѣры земли—„лана" (laneus, 30 морговъ, 20 десятинъ).

Эти мѣры дѣйствительно привлекали въ Польшу значительныя массы нѣмецкихъ колонистовъ, а денежный доходъ, который давали чинши (очень цѣнный при тогдашнемъ господствѣ натуральнаго хозяйства и рѣдкости денегъ) такъ приходится по вкусу правительству и частнымъ владѣльцамъ, что на нѣмецкомъ правѣ начинаютъ основываться городскія и сельскія общины уже въ мѣстахъ заселенныхъ и даже—переводятся на это право, т. е. организуются по этому типу, существовавшія уже городскія и сельскія поселенія. Въ XIV—XV вв. нѣмецкое право совершенно перестраиваетъ сельскія отношенія къ собственной Польшѣ, а съ присоединеніемъ украинскихъ земель оно и здѣсь распространяется правительствомъ и частными владѣльцами.

Несмотря на свои, повидимому, либеральныя тенденціи

(широкое самоуправленіе, регламентація отношеній писаннымъ договоромъ), нѣмецкое право въ своей дальнѣйшей практикѣ имѣло вовсе неблагопріятныя послѣдствія для крестьянства. Изъятіе общинъ изъ-подъ власти правительственныхъ чиновниковъ привело въ концѣ концовъ только къ тому, что онѣ оказались въ полной, безконтрольной и безграничной власти помѣщика; изъ самоуправленія ничего не осталось, а должности наслѣдственныхъ войтовъ были скуплены или иными способами уничтожены и лишены значенія. Разорвана была старая традиція, практика, дотолѣ охранявшая до нѣкоторой степени права крестьянъ, а фундаційныя граматы оказались гарантіями очень слабыми, и помѣщики и правительство вовсе не считали нужнымъ строго ихъ придерживаться, особенно по отношенію къ сельскимъ поселеніямъ. Съ концомъ XV в. система чиншей уступаетъ мѣсто усиленному обложенію работой, „панщиной", которая и распространяется одинаково и въ селахъ нѣмецкаго права, и такъ наз. „права русскаго", т. е. не организованныхъ непосредственно по типу нѣмецкаго права, а подвергавшихся воздѣйствію той смѣси польскихъ порядковъ съ формами нѣмецкаго права, какую выработала практика Польши и теперь переносила въ украинскія земли.

Причина такого сильнаго развитія барщины лежала въ усиленномъ распространеніи фольварочнаго хозяйства, господскихъ запашекъ съ конца XV в. Это было время всеобщаго развитія земледѣльческаго хозяйства въ Сѣверной Европѣ, вызваннаго экономическимъ переворотомъ—развитіемъ морской торговли, упадкомъ цѣны денегъ, оживленіемъ оборота капиталовъ. Совершенствуются способы агрикультуры, развивается интенсивное хозяйство и подъ вліяніемъ этихъ условій чрезвычайно расширяется площадь господскихъ запашекъ. Участвуя въ общемъ экономическомъ движеніи, Польша находилась подъ вліяніемъ еще и спеціальныхъ условій, содѣйствовавшихъ оживленію хлѣбной торговли, а слѣдовательно и усиленному распространенію помѣщичьяго хозяйства. Въ 1466 г. она пріобрѣла собственный морской

портъ въ Данцигѣ (Гданскѣ), и это оживило ея вывозную торговлю. Шляхта, которая въ это именно время пріобрѣтаетъ рѣшающій голосъ во внутренней политикѣ и законодательствѣ, проводитъ рядъ законовъ, направленныхъ къ облегченію вывоза продуктовъ своего хозяйства: отмѣняются пошлины на предметы шляхетскаго хозяйства, облегчается торговля и движеніе по сухопутнымъ дорогамъ и т. д. Это сказалось развитіемъ вывоза въ балтійскіе порты (преимущественно въ Данцигъ) продуктовъ сельскаго хозяйства — лѣсныхъ товаровъ, волокна и особенно хлѣба. Цѣны на хлѣбъ растутъ: въ 1514 г. корецъ ржи стоилъ 65 грошей, въ 1564 г.— 186 грошей, между тѣмъ содержаніе монеты уменьшилось за это время только въ $1^1/_2$ раза, значитъ, цѣна хлѣба возрасла за эти пятьдесятъ лѣтъ вдвое. Потребность въ рабочихъ рукахъ приводитъ къ чрезвычайному развитію барщины и, благодаря изъятію крестьянъ изъ-подъ правительственной власти и юрисдикціи, помѣщики очень быстро и легко облагаютъ крестьянъ усиленными работами.

Все это приводитъ къ чрезвычайному оживленію фольварочнаго, господскаго хозяйства въ земляхъ Польши, а затѣмъ и в. кн. Литовскаго. Расширяются запашки; отчасти путемъ обработки новыхъ пространствъ, но еще болѣе—посредствомъ принудительной покупки и отчужденія земли изъ крестьянскихъ рукъ увеличивается площадь господскихъ земель. Число фольварковъ возрастаетъ чрезвычайно быстро. Если прежде существовали на Украинѣ цѣлыя волости, большія группы селъ безъ единаго фольварка, а гдѣ послѣдніе и были, то главнымъ назначеніемъ ихъ, какъ и всего вообще господскаго хозяйства, служило производство для собственнаго потребленія—прокормленія господской семьи и слугъ, то теперь сельское хозяйство имѣетъ въ виду заграничный вывозъ, а фольварки основываются вездѣ, гдѣ скопляется мало-мальски значительное число крестьянскихъ рукъ. Все господское хозяйство ведется крестьянскимъ, крѣпостнымъ трудомъ, и возрастаніе этого хозяйства происходитъ цѣною прогрессивнаго увеличенія панщины, барщинныхъ работъ.

Въ XV в. въ Галиціи, гдѣ эти перемѣны скорѣе и сильнѣе давали себя чувствовать сравнительно съ остальными украинскими землями, еще очень часто встрѣчаемъ весьма небольшую панщину по нѣскольку дней въ годъ; но замѣчаемъ уже еженедѣльную — по одному дню въ недѣлю. Въ концѣ XV в. она начинаетъ сильно возрастать. Шляхта Холмской земли на сеймикѣ 1477 г. постановила, что, кромѣ денежнаго чиншa и хлѣбной дани, крестьянинъ, имѣющій ланъ земли, отнынѣ долженъ во всѣхъ имѣніяхъ работать не менѣе одного дня въ недѣлю для своего помѣщика и кромѣ того исполнять цѣлый рядъ дополнительныхъ работъ, въ общей сложности дающихъ около $^1/_2$ дня еженедѣльно, и столько разъ приходить „на толоку" (работу на господской пищѣ), сколько пожелаетъ помѣщикъ. На сеймахъ 1519 и 1520 гг. шляхтѣ удается провести уже для всего государства, и не только относительно помѣщичьихъ, но также государственныхъ и духовныхъ земель, постановленіе, что крестьяне должны работать на владѣльца minimum одинъ день въ недѣлю, и что отъ этого постановленія могутъ быть свободны только тѣ изъ крестьянъ которые докажутъ письменнымъ документомъ, что панщина была у нихъ переведена на деньги.

Если это постановленіе не было проведено въ такомъ видѣ повсемѣстно, то съ другой стороны въ дѣйствительности, какъ на это намекаютъ самыя сеймовыя постановленія, панщина была уже тогда гораздо выше указанной нормы и далѣе увеличивалась все болѣе и болѣе. Въ половинѣ XVI в., какъ видно изъ правительственныхъ распоряженій, на государственныхъ земляхъ умѣренною, можно сказать — минимальною панщиною считалась двудневная панщина съ лана: въ 1570 г. правительственные ревизоры въ тѣхъ селахъ, гдѣ панщина не дошла еще до этой высоты, вводили двудневную панщину, совершенно не считаясь съ фундаційными граматами и всякими привилегіями. Но очень часто встрѣчается уже трехдневная работа въ недѣлю, и даже ежедневная, но въ послѣднемъ случаѣ крестьянинъ работалъ на помѣщика не цѣлый день. При томъ же, такъ какъ крестьянскіе уча-

стки параллельно съ возрастаніемъ господскихъ запашекъ дробятся и мельчаютъ, двудневная или трехдневная панщина считается уже не съ лана, а съ хозяйствъ полулановыхъ или еще болѣе мелкихъ. И при этомъ, одновременно съ возрастаніемъ панщины и раздробленіемъ хозяйствъ, дани и чинши не только не уменьшались, но также обнаруживали тенденцію къ возрастанію.

Вообще, вторая половина XVI в. была временемъ чрезвычайнаго возрастанія панщины; актовыя книги Галиціи переполнены жалобами государственныхъ (королевскихъ) крестьянъ *) на отягощеніе ихъ работами вопреки прежнимъ порядкамъ и документамъ. Правительство однако оказывало жалобщикамъ очень слабую поддержку; референдарскій судъ, вѣдавшій эти дѣла, былъ слишкомъ тяжелой машиной, да и королевскія распоряженія, запрещавшія старостамъ и державцамъ отягощать крестьянъ, очень плохо исполнялись. Въ украинскихъ же земляхъ, болѣе удаленныхъ отъ правительственныхъ центровъ, крестьяне даже и не пробовали искать защиты у правительства, хотя и здѣсь — болѣе медленно, въ связи съ мѣстными условіями, и съ большими колебаніями — развивался тотъ же процессъ (двудневную панщину съ лана ввелъ въ государственныхъ имуществахъ в. кн. Литовскаго уже „Уставъ на волоки“ 1557 г.).

Параллельно съ этимъ превращеніемъ крестьянина въ рабочую силу помѣщика и въ значительной зависимости отъ тѣхъ же экономическихъ факторовъ, которые приводили къ развитію панщины, происходило ограниченіе личныхъ и имущественныхъ правъ крестьянъ, доканчивавшее ихъ обращеніе въ своего рода помѣщичій инвентарь. Здѣсь можно указать три главныхъ момента: а) изъятіе крестьянъ изъ-подъ власти государственныхъ властей и подчиненіе полной и безапелляціонной власти и юрисдикціи помѣщика; б) ограниченіе личной свободы и права передвиженія; в) ограниченіе или полное уничтоженіе права крестьянина на землю.

*) Крестьяне помѣщичьи не имѣли права приносить жалобъ на своихъ помѣщиковъ, и никакая инстанція не имѣла права ихъ принимать.

Въ Польшѣ изъятіе помѣщичьихъ крестьянъ изъ-подъ правительственной власти и юрисдикціи государственныхъ органовъ было уже совершившимся фактомъ въ то время, когда польское право начало распространяться въ западныхъ украинскихъ земляхъ; этому изъятію посодѣйствовало распространеніе нѣмецкаго права съ его иммунитетомъ, а совершалось оно въ продолженіе XIV в. путемъ частныхъ привилегій и затѣмъ перешло въ общую практику, обобщенную законодательствомъ 1457 г. Въ земляхъ, принадлежавшихъ вел. кн. Литовскому, оно было установлено жалованною граматою Казимира 1449 г. Завершилъ же это изъятіе и подчиненіе крестьянина полной и безконтрольной власти помѣщика принципъ, превозглашенный въ польской правительственной практикѣ уже въ первой половинѣ XVI в.,—что государственные суды не могутъ принимать жалобъ крестьянъ на своего помѣщика и что въ ихъ отношенія не можетъ вмѣшиваться никакая власть, ниже самъ король. Этотъ принципъ былъ усвоенъ практикою и вел. кн. Литовскаго, и право жалобы осталось только за государственными крестьянами, по отношенію къ управителямъ и держателямъ государственныхъ имѣній. Но, какъ я уже упомянулъ, референдарскій судъ, вѣдавшій подобныя дѣла, былъ организованъ крайне бюрократично, и обращеніе къ этой инстанціи было для крестьянъ связано съ такими трудностями, что предоставленное имъ право жалобъ существенной пользы имъ не приносило, а крестьянство центральныхъ и восточныхъ украинскихъ земель и вовсе имъ не пользовалось.

Ограниченіе личной свободы крестьянъ стояло также, съ одной стороны, въ тѣсной связи съ развитіемъ барщины, съ другой—съ вопросомъ о правѣ крестьянина на землю. Въ Польшѣ, гдѣ крестьянинъ считался вообще сидящимъ на господской землѣ, допускалась значительная свобода передвиженія; законодательствомъ Казимира Великаго, въ половинѣ XIV в., передвиженіе было ограничено, но еще не уничтожено. Въ западныхъ украинскихъ земляхъ шляхта въ XV в. допускаетъ передвиженіе крестьянъ, но подъ своимъ контролемъ

и, такъ сказать, въ своей антрепризѣ: крестьянинъ выходитъ не самъ, а его выводитъ помѣщикъ того имѣнія, куда крестьянинъ имѣетъ намѣреніе перейти, и расчитывается за него съ его прежнимъ господиномъ по всякимъ обязательствамъ; такъ сочетала шляхта интересы колонизаціи и владѣнія: крестьянинъ можетъ передвигаться только въ той же сферѣ шляхетскихъ имѣній. Чтобы выйти изъ нея, крестьянину не было другой дороги, кромѣ бѣгства, и послѣднее практикуется очень широко.

Съ концомъ XV в. развитіе панщины ведетъ къ еще большимъ ограниченіямъ крестьянскихъ передвиженій, и къ этой тенденціи польской шляхты вообще присоединяется также шляхта западныхъ украинскихъ земель. До сихъ поръ регулировался выходъ только крестьянъ-хозяевъ; младшими членами крестьянскихъ семействъ законодательство не занималось. Съ распространеніемъ барщины стало выгодно переводить ихъ на мелкіе участки, облагая панщиною, а не выпускать изъ села. Сеймъ 1496 г. постановилъ, что крестьянскіе сыновья могутъ выходить изъ села въ ограниченномъ числѣ и не иначе какъ съ согласія помѣщика; изъ хозяевъ не можетъ выйти изъ села больше одного въ годъ. Сеймъ же 1505 г. вообще обусловилъ всякій выходъ крестьянина изъ села разрѣшеніемъ, „доброю волею“ (bona voluntate) помѣщика.

Въ этомъ же направленіи, хотя и иными дорогами—не путемъ законодательства, а практики—слагались отношенія и въ земляхъ вел. княжества Литовскаго. Уже въ актахъ XV в. рядомъ съ людьми „вольными“, „похожими“ (отъ „ходить“), „не засѣдѣлыми“ мы встрѣчаемъ здѣсь такъ назыв. „отчичей“, или людей „неотхожихъ“. Первые, пока не „засѣдѣли“ своей свободы, могутъ выйти изъ имѣнія съ движимымъ своимъ имуществомъ, оставивъ свою усадьбу и землю,—вторые—этого права не имѣютъ. Несомнѣнно, что это различіе имѣло своею исходною точкою двоякое происхожденіе крестьянъ: свободное и несвободное. Невольная челядь, посаженная „на собственномъ хлѣбѣ“ „за дворомъ“, послужила

первымъ контингентомъ закрѣпощенныхъ, и мы встрѣчаемъ цѣлый рядъ группъ крестьянъ, различныхъ наименованій, крѣпкихъ землѣ и ведущихъ свое начало отъ такихъ несвободныхъ. Но они вмѣстѣ съ тѣмъ послужили образцомъ для закрѣпощенія свободныхъ, и здѣсь несомнѣнно, внѣ вліянія польскихъ порядковъ, сыграли важную роль права крестьянина на землю.

Пока права крестьянина на землю признавались, свободный выходъ крестьянъ, сидѣвшихъ на собственныхъ земляхъ, влекъ за собою чрезвычайныя трудности для владѣльцевъ, получавшихъ отъ правительства этихъ крестьянъ и ихъ земли, какъ источникъ доходовъ взамѣнъ военной службы. Въ интересахъ служилаго землевладѣнія ограничивается право передвиженія крестьянъ-собственниковъ. А такъ какъ граница между крестьянами, сидѣвшими на собственныхъ земляхъ и на земляхъ господскихъ, стерлась, то въ концѣ концовъ были закрѣпощены и тѣ, и другіе *). И какъ давность владѣнія и сумма труда, вложеннаго крестьяниномъ въ его землю, создавали права крестьянина на землю, такъ давность стала критеріемъ закрѣпощенія; терминъ „отчичъ", указывавшій собственно на наслѣдственныя права крестьянина на данный участокъ земли, превратился въ терминъ для обозначенія крестьянина, „засѣдѣвшаго" въ продолженіе нѣсколькихъ поколѣній и потому потерявшаго право выхода. Для такого крестьянина законодательство вел. кн. Литовскаго (уже въ Литовскомъ статутѣ 1529 г.) не дѣлаетъ различія съ „челядиномъ" и совершенно не вмѣшивается въ его отношенія къ „господину".

Такимъ образомъ практика великаго княжества Литовскаго и здѣсь встрѣтилась съ практикою и законодатель-

---

*) Подобную проблему праву предстояло рѣшить и относительно бояръ и вообще служилыхъ людей, земли которыхъ, путемъ пожалованія, входили въ составъ княжескихъ или панскихъ владѣній. Но въ этомъ случаѣ рѣшена была она иначе: бояринъ могъ покинуть службу новому владѣльцу, но въ такомъ случаѣ утрачивалъ право на землю, переходившую въ распоряженіе владѣльца.

ствомъ Польши. То же видимъ и въ вопросѣ о правахъ крестьянина на землю.

На этомъ пунктѣ была значительная разница или даже полный контрастъ между обычнымъ правомъ украинскихъ земель и современнымъ правомъ польскимъ: первое знало крестьянина-собственника, второе—пользователя господскихъ или княжескихъ земель. Эти воззрѣнія встрѣтились въ западныхъ украинскихъ земляхъ, и если практика дѣлала уступки обычному праву туземцевъ *), то de jure за крестьянами признавалось только владѣніе, а не собственность, и въ случаѣ надобности ихъ земли безцеремонно отчуждались, отбирались и т. п. Особенно въ періодъ распространенія господскихъ запашекъ, фольварочнаго хозяйства широко практиковалось принудительное отчужденіе—съ согласія правительства въ государственныхъ земляхъ, волею помѣщика—въ частныхъ, вызывая, конечно, чрезвычайное озлобленіе и развитіе побѣговъ среди крестьянъ, которые не могли разстаться съ воззрѣніемъ на разработанную ими землю какъ на полную свою собственность и даже, принимая въ новопоселяемыхъ селахъ участки для разработки, затѣмъ, разработавъ ихъ, считали своею собственностью, какъ съ удивленіемъ замѣчаютъ королевскіе ревизоры.

Такъ было въ украинскихъ провинціяхъ Польши. Въ земляхъ вел. кн. Литовскаго съ одной стороны права крестьянъ на землю были подкопаны отмѣченнымъ уже прекарнымъ характеромъ землевладѣнія вообще, а съ другой стороны тѣмъ, что раздачами населенныхъ земель стерта была граница между крестьянами-своеземцами и сидѣвшими на господскихъ земляхъ. Крестьяне, правда, твердо сознаютъ свои права, и практика допускаетъ ихъ право распоряженія землями, но законодательство постепенно вырабатываетъ весьма суровый взглядъ на крестьянское владѣніе. Съ полною опредѣлен-

---

*) Не только изъ временъ juris ruthenicalis, но и позже, XV—XVI в., мы имѣемъ довольно много документовъ, гдѣ крестьяне свободно распоряжаются своими землями.

ностью выступаетъ этотъ взглядъ въ документахъ половины XVI в., можетъ быть, не безъ вліянія польскаго права въ своей окончательной формулировкѣ. „Кметь и вся его маетность наша есть“, говоритъ уставъ 1557 года. Литовскій статутъ 1566 г. признаетъ за крестьяниномъ только право на движимую собственность, и то съ ограниченіями, а продажныя сдѣлки допускаетъ только между крестьянами одного и того же имѣнія.

Такимъ образомъ, параллельно съ ограниченіемъ личной свободы ограничены были рѣшительнымъ образомъ и имущественныя права крестьянства.

Этотъ процессъ закрѣпощенія крестьянина, лишенія правъ и превращенія въ рабочій инвентарь помѣщика развивался въ продолженіе XVI в. изъ украинскихъ земель главнымъ образомъ въ земляхъ западныхъ и въ бужско-припетскомъ Полѣсьѣ. Поднѣпровье, до 1569 г. недоступное польской шляхтѣ, со своимъ чрезвычайно слабымъ шляхетскимъ населеніемъ и спеціальными колонизаціонными условіями (о нихъ ниже), этимъ процессомъ до самаго конца XVI в. было весьма мало затронуто. Только 1569 годъ открылъ сюда дорогу польской шляхтѣ, которая съ жадностью бросилась на здѣшніе плодородные пространства, выпрашивая у правительства граматы на „пустыя“ (т. е. не имѣвшія владѣльца съ королевскою граматою, хотя бы и заселенныя) земли, устраивая здѣсь фольварки и пересаживая сюда пріемы барщиннаго хозяйства, эксплоатацію крестьянина и всѣ тѣ понятія о безправности крестьянина, развитіе которыхъ мы только что представили.

Но насажденіе здѣсь шляхетской культуры не легко дается. Мѣстное крестьянство, составившееся изъ бѣглецовъ, которые бросили насиженныя мѣста и ушли въ эти пустынныя пространства, подъ татарскую стрѣлу и арканъ, съ тѣмъ, чтобы избавиться отъ крѣпостныхъ путъ, и среди тревожной и трудной жизни выработало въ себѣ независимость и отвагу,—крайне враждебно встрѣчало всякій намекъ на крѣпостные порядки, грозило бѣгствомъ, объявляло себя козаками,

и всѣ усилія сломить это противодѣйствіе только приготовляли горючій матеріалъ для народныхъ движеній.

Здѣсь приготовлялась соціальная основа народныхъ движеній XVII в., между тѣмъ какъ окраска національной борьбы, усвоенная ими, ведетъ свое начало прежде всего изъ отношеній городскихъ: городъ былъ первымъ очагомъ національной борьбы, слившейся затѣмъ съ массовымъ соціальнымъ движеніемъ крестьянства.

Подробнѣе: Історія України-Руси, т. V, гл. 3 (эволюція крестьянства), тамъ же въ гл. 5—сельское управленіе, въ гл. 7—экономическія условія.

XIII.

Въ жизни украинскихъ городовъ воздѣйствіе польскихъ порядковъ выразилось въ преобразованіи ихъ по типу саксонскихъ общинъ („магдебургскаго права"). Правда, начатки такой организаціи, въ особенности по отношенію къ нѣмецкимъ колоніямъ, мы встрѣчаемъ въ Галицко-волынскомъ государствѣ еще передъ польскою оккупаціею; но только подъ польскимъ господствомъ начинается систематическое преобразованіе старыхъ городскихъ общинъ и основаніе новыхъ по „магдебургскому праву"—отчасти подъ вліяніемъ упомянутаго уже увлеченія этими нѣмецкими формами, отчасти изъ политическихъ видовъ—чтобы ввести въ городское (и сельское) населеніе украинскихъ земель иноплеменныя, расположенныя къ польскому господству колоніи. Въ началѣ XV в. всѣ болѣе значительные города Галиціи и цѣлый рядъ второстепенныхъ, и даже селъ, имѣли уже нѣмецкое устройство. Затѣмъ, изъ тѣхъ же политическихъ мотивовъ и подъ вліяніемъ польскихъ порядковъ, хотя и гораздо медленнѣе, распространяется оно въ земляхъ в. кн. Литовскаго: въ началѣ XV в. въ Побужьѣ, въ XV—XVI в. на Волыни, а въ земляхъ Кіевской и Браславской—главнымъ образомъ уже послѣ 1569 г.

Эта организація по нѣмецкому праву производила коренной переворотъ въ жизни города. Старый украинскій городъ (какъ вообще города въ старомъ славянскомъ бытѣ) былъ тѣсно связанъ съ землею; можно было сказать: городъ—это земля; онъ былъ ядромъ, гдѣ болѣе плотно группировались тѣ же общественныя клѣточки, изъ которыхъ состоялъ и организмъ земли. Въ Германіи же городской бытъ организовался въ формѣ иммунитета, и послѣдній усвоялся теперь украинскими городами. Связь города съ землею, съ общимъ государственнымъ устройствомъ разрывалась этимъ иммунитетомъ совершенно; каждый городъ существовалъ самъ по себѣ, какъ маленькое государство, даже безъ связи съ другими городами.

Внутри самого города исключеніе его изъ общеземской организаціи приводило также къ самымъ печальнымъ результатамъ: обособленныя, лишенныя взаимной связи городскія общины, за исключеніемъ нѣсколькихъ наиболѣе сильныхъ, попали въ полную зависимость отъ старостъ или помѣщиковъ, и скоро отъ иммунитета остался пустой звукъ. Такимъ же пустымъ звукомъ оказалось самоуправленіе, муниципальная свобода, такъ какъ все, что оставалось свободнымъ отъ вмѣшательства мѣстной администраціи (старостъ) или помѣщиковъ, оказывалось или во власти наслѣдственнаго войта, или тѣснаго кружка мѣщанскихъ фамилій, которыя держали въ своихъ рукахъ выборныя должности. Выборныя колегіи райцевъ (consules, административный совѣтъ) и лавниковъ (scabini—судебная коллегія) часто превращались въ ихъ рукахъ въ пожизненныя, замкнутыя корпораціи, пополнявшіяся посредствомъ кооптаціи. Наконецъ, отстраненныя отъ участія въ парламентарной жизни и законодательствѣ государства, подпавъ законодательной власти шляхетскаго сословія, города подвергаются цѣлому ряду тягостныхъ ограниченій и оказываются въ концѣ концовъ въ такихъ условіяхъ, которыя дѣлаютъ вообще невозможнымъ никакое экономическое развитіе.

Въ результатѣ, подъ вліяніемъ этихъ польскихъ поряд-

ковъ, города Украины, особенно западной *), какъ и въ Польшѣ, постепенно хирѣютъ, упадаютъ, утрачивая свое значеніе культурныхъ центровъ, жалкіе остатки торговли и промысла попадаютъ въ руки Евреевъ, несмотря на всѣ направленныя противъ нихъ запрещенія и ограниченія. Какъ элементъ наиболѣе выносливый, умѣвшій приспособиться къ невозможнымъ условіямъ этой городской жизни и обойти стѣснительныя условія разными кружными путями, они даже вытѣсняютъ прочія національности, такъ что города и мѣстечки западной Украины до сихъ поръ имѣютъ преобладающій еврейскій характеръ. Это былъ одинъ изъ ощутительныхъ результатовъ „культурной миссіи" Польши въ украинскихъ земляхъ, о которой такъ любитъ распространяться новѣйшая польская исторіографія.

Въ особенно тяжелыхъ условіяхъ оказался при новыхъ городскихъ порядкахъ туземный, украинскій элементъ. Помимо того, что при введеніи магдебургскаго права послѣднее часто становилось удѣломъ только новой, привилегированной колоніи изъ Нѣмцевъ и Поляковъ **), а туземное населеніе лишалось гражданскихъ правъ и всякаго участія въ муниципальномъ управленіи (это такъ наз. „предмѣщане"),—вообще магдебургское право оказалось весьма неблагопріятнымъ для туземцевъ. Оно основано было на принципѣ вѣроисповѣдномъ: къ участію въ гражданской жизни и муниципальномъ управленіи допускались исключительно христіане, а такъ какъ по средневѣковымъ понятіямъ христіаниномъ былъ только католикъ, то туземное, украинское населеніе, какъ „схизматики", очень часто вовсе не допускалось или очень ограниченно, къ участію въ городскомъ управленіи,

*) Въ городахъ Поднѣпровья дольше концентрировалась народная жизнь, и города на правомъ берегу Днѣпра получили свой позднѣйшій характеръ уже послѣ паденія козачества.

**) Нѣмцы, впрочемъ, вслѣдствіе религіознаго единства съ польскимъ населеніемъ въ концѣ концовъ ополячивались, такъ что вопросъ сводился собственно на отношеніи „Руси" и Поляковъ, не говоря объ Евреяхъ и армянскихъ общинахъ нѣкоторыхъ городовъ.

къ занятію выборныхъ должностей, къ участію въ цехахъ, т. е., говоря иными словами, лишалось права заниматься ремеслами и торговлею или было стѣсняемо разными ограниченіями. Встрѣчаются даже по отношенію къ нимъ, наравнѣ съ Евреями, и запрещенія права жительства внѣ дозволенныхъ кварталовъ, публичнаго отправленія православнаго богослуженія и церковныхъ церемоній.

Конечно, съ этими ограниченіями украинское населеніе старалось бороться и собственными силами, и съ помощью правительства, которое, впрочемъ, вполнѣ сознательно стремилось и само къ тому, чтобы дать въ городахъ возможно благопріятныя условія и перевѣсъ Полякамъ и католикамъ. Въ результатѣ городъ становится очагомъ сознательной и организованной національной борьбы. Въ тѣсныхъ стѣнахъ города, при постоянныхъ сношеніяхъ и совмѣстной жизни съ привилегированными притѣснителями, подвижной и сравнительно интеллигентный мѣщанскій элементъ особенно живо чувствуетъ національное неравенство, національный гнетъ, а привычка къ организаціи, самоуправленію, которую давала муниципальная жизнь и корпоративная цеховая организація, приводитъ къ первымъ попыткамъ національной организаціи. Такимъ образомъ изъ мѣщанскихъ общинъ выходятъ первые кадры въ борьбѣ за права украинской народности.

Обстоятельства сложились такъ, что борьба эта, внѣ чисто сословныхъ и мѣстныхъ интересовъ и стремленій, отлилась прежде всего въ религіозную форму. Это было отчасти слѣдствіемъ того, что и неравенство въ мѣщанскихъ правахъ основывалось на религіозномъ различіи, отчасти сказывалось то обстоятельство, что національное различіе Руси и Польши, вслѣдствіе совпаденія религіознаго различія, вообще подмѣнивалось этимъ послѣднимъ, такъ что споры и борьба національная понимались какъ борьба религіозная,—болѣе понятная для массы благодаря болѣе опредѣленнымъ своимъ признакамъ.

Религіозныя отношенія давали для этого богатый матеріалъ. Съ переходомъ западныхъ украинскихъ земель подъ власть Польши, а въ центральныхъ—съ переходомъ въ като-

личество Ягайла и установленіемъ уніи 1385 г., православная церковь, привыкшая къ роли церкви господствующей, государственной, переходитъ въ положеніе церкви только терпимой, а государственною, господствующею становится церковь католическая. По плану папъ католическая церковь собственно должна была совершенно вытѣснить и замѣнить православную: послѣдняя должна была вовсе прекратить существованіе, послѣ того какъ православныя каѳедры будутъ замѣщены католиками. Но осуществить этотъ планъ оказалось невозможнымъ. Католическія епархіи пришлось организовать въ украинскихъ земляхъ рядомъ съ православными; онѣ были обезпечены отобранными отъ православныхъ имѣніями и новыми пожалованіями. Затѣмъ православную церковь пробовали привести къ соединенію съ католическою подчиненіемъ папѣ и признаніемъ католическихъ догматовъ; эти попытки польскихъ королей и в. кн. литовскихъ, начиная съ конца XIV в. (первую попытку въ этомъ смыслѣ знаемъ въ 1396 г.) идутъ затѣмъ черезъ весь XV в. (во время собора Констанцкаго, Базельскаго, Флорентійскаго, затѣмъ въ 1470-хъ и 90-хъ гг.). Но послѣ того употребленія, какое сдѣлала изъ этихъ стараній и неудовольствія по этому поводу православныхъ Москва, увидѣвшая въ нихъ благовидный предлогъ для вмѣшательствъ во внутреннія отношенія в. кн. Литовскаго, польско-литовское правительство дѣлалось осторожнѣе. Православная церковь осталась далѣе въ положеніи особой, но низшей церкви.

Это низшее положеніе православной церкви и неравноправность православныхъ сравнительно съ католиками давали себя чувствовать на каждомъ шагу. Православные епископы не входили въ составъ сената и сейма, какъ епископы католическіе; православныя должности правительство, замѣщавшее ихъ, разсматривало съ точки зрѣнія не церковной, канонической, а чисто свѣтской; православное духовенство облагалось податями, религіозный культъ подвергался разнымъ стѣсненіямъ—напр., считалось недозволеннымъ, даже съ разрѣшенія правительства, строить новыя православныя

церкви (хотя въ дѣйствительности это обыкновенно и не соблюдалось); переходы католиковъ въ православіе были воспрещены, и смѣшанные браки обставлены были разными стѣсненіями; считалось, что православные не могутъ быть допускаемы къ занятію сенаторскихъ должностей *); о неравноправности въ городскихъ общинахъ я уже говорилъ...

Все это и многое другое давало себя православнымъ чувствовать очень сильно, но православная іерархія, отъ которой прежде всего слѣдовало бы ожидать протеста, показывала полную неспособность къ нему, отсутствіе энергіи къ борьбѣ и иниціативы улучшенію положенія православной церкви. Отчасти это было слѣдствіемъ привычки, укоренившейся среди православной іерархіи, опираться, по старой традиціи, на правительственную власть: внѣ послѣдней, въ самомъ обществѣ она не умѣла найти точки опоры. Отчасти здѣсь сказывались послѣдствія права патроната, присвоеннаго королями и в. князьями относительно православныхъ церковныхъ должностей: высшая іерархія, назначаемая ими по своему усмотрѣнію, чувствовала себя вполнѣ зависимою отъ правительства. Благодаря тому же обстоятельству на высшія должности въ православной церкви попадало множество людей, вовсе для этого неподходящихъ, такъ что церковная администрація пришла въ XVI в. въ сильное разстройство.

Движеніе въ пользу реформы церковныхъ отношеній вышло изъ среды свѣтской, главнымъ образомъ—мѣщанства. Исторія возобновленія галицкой православной каѳедры въ 1530-хъ гг. даетъ первый историческій примѣръ всенароднаго участія въ дѣлахъ церковной организаціи; іерархическій вопросъ дѣлается вопросомъ національнымъ и соединяетъ для солидарной дѣятельности духовенство, православную шляхту и мѣщанъ. Хотя при этомъ духовенство и шляхта

*) Поэтому въ инкорпораціонныхъ граматахъ 1569 г. спеціально было упомянуто, что обыватели новоприсоединяемыхъ украинскихъ провинцій, хотя православные, будутъ тѣмъ не менѣе допускаемы къ занятію высшихъ должностей.

фигурируютъ на первыхъ мѣстахъ, но несомнѣнно главными организаторами, сплотившими вокругъ себя остатки православныхъ шляхетскихъ родовъ, были мѣщане—православная львовская община. Изъ мѣщанства же выходятъ спеціальныя организаціи, посвященныя улучшенію религіозныхъ и іерархическихъ отношеній—такъ наз. братства.

Корни этого любопытнаго явленія идутъ далеко въ глубину; начало ихъ восходитъ къ языческимъ празднествамъ, совершавшимся извѣстною группою родовъ, связанныхъ родовыми традиціями съ даннымъ культомъ. Когда христіанская религія заняла мѣсто языческой, а храмовые праздники—мѣсто языческихъ пировъ, родовыя или территоріальныя группы семей связываются съ извѣстною церковью; жизненнымъ нервомъ этихъ организацій были пиры въ храмовые праздники, гдѣ потреблялось огромное количество меду, а доходы—въ видѣ платы участниковъ, такъ же какъ и постоянные взносы этихъ приходскихъ организацій, „братствъ",—поступали въ пользу церкви. Древнѣйшій уставъ такой организаціи извѣстенъ въ Новгородѣ въ XII в., но въ немъ можно видѣть слѣды вліянія западныхъ гильдій, между тѣмъ какъ сами братства—явленіе вполнѣ туземное. О „братчинахъ", братскихъ пирахъ имѣемъ извѣстія въ лѣтописяхъ XII в. и въ сѣверныхъ былинахъ. Позже—для XV—XVI в., мы имѣемъ объ этихъ братствахъ документальныя данныя, особенно относительно бѣлорусскихъ земель: они варили въ храмовые праздники медъ, имѣли право продавать его безпошлинно, а доходы обращали въ пользу церкви и братства. Несомнѣнно, они были широко распространены и въ украинскихъ земляхъ: во Львовѣ въ XVI в. было ихъ нѣсколько, встрѣчаемъ ихъ и въ провинціальныхъ городахъ: обыкновенно такія свѣдѣнія доходятъ до насъ по случаю утвержденія братскихъ статутовъ церковною или свѣтскою властью, самыя же братства существовали еще раньше. Братчики вносили извѣстную небольшую сумму при вступленіи, затѣмъ платили періодическіе взносы; гости, приглашавшіеся на храмовые пиры, платили также; братство помогало бѣднымъ и

больнымъ и корпоративно провожало умершихъ своихъ членовъ.

Но по мѣрѣ того, какъ церковные вопросы начинаютъ возбуждать интересъ въ обществѣ, братчики не ограничиваются уже тѣснымъ кругомъ вопросовъ, связанныхъ съ праздничными службами и похоронами сочленовъ, а начинаютъ поднимать голосъ въ вопросахъ церковной организаціи, дисциплины и нравственности. Съ другой стороны—подъ вліяніемъ оживленія церковныхъ интересовъ къ братствамъ примыкаютъ православные шляхетскіе, даже наиболѣе знатные роды, сообщаютъ ихъ голосу тѣмъ большій вѣсъ и значеніе.

Этотъ поворотъ въ дѣятельности братствъ совпадаетъ со всеобщимъ интересомъ къ просвѣщенію и литературной дѣятельности, вызваннымъ умственнымъ и религіознымъ движеніемъ современной Европы и отразившимся весьма сильно въ земляхъ Польши и вел. кн. Литовскаго. Религіозная борьба протестантовъ и католиковъ, православныхъ и католиковъ отражается въ культурной жизни усиленнымъ издательствомъ, усиленною литературною производительностью. Школу и просвѣщеніе начинаютъ цѣнить, какъ оружіе религіозной или національной борьбы. Протестанты и іезуиты усиленно занимаются школами, той же дорогою идутъ и православные. Авторъ интереснаго полемическаго трактата „Пересторога“ (его считаютъ галицкимъ мѣщаниномъ, писавшимъ въ началѣ XVII в.) высказываетъ въ сильныхъ выраженіяхъ общее убѣжденіе, что главною причиною печальнаго состоянія православной Руси былъ недостатокъ хорошо организованныхъ школъ. Богатые меценаты, какъ кн. Острожскіе, Ходкевичи, виленскіе мѣщане Мамоничи и др., основываютъ типографіи, поощряютъ литературную производительность. Гор. Острогъ на Волыни въ 1580—90-хъ гг. дѣлается выдающимся центромъ литературы и просвѣщенія: здѣсь основывается православная академія и группируется кружокъ литераторовъ (Гер. Смотрицкій, Бронскій, анонимный клирикъ острожскій и др.), откликающихся на волновавшіе пра-

вославныхъ событія и вопросы; отсюда выходятъ полемическія сочиненія противъ реформы календаря, которой православные не хотѣли принять, какъ новшества, противнаго традиціямъ православной церкви, и десять лѣтъ спустя противъ несравненно болѣе важнаго мѣропріятія—церковной уніи.

На тотъ же путь просвѣтительной и литературной дѣятельности вступаютъ и братства. Львовское братство пріобрѣтаетъ въ 1585 г. типографію, въ 1586 г. организуетъ школу съ славянскимъ и греческимъ языками. Оно признается старѣйшимъ изъ украинскихъ братствъ и служитъ образцомъ для прочихъ, организованныхъ во всѣхъ важнѣйшихъ городахъ (изъ украинскихъ наиболѣе замѣчательны братства въ Луцкѣ и особенно—въ Кіевѣ).

Въ своихъ стремленіяхъ къ очищенію и поднятію уровня религіозной жизни и церковныхъ отношеній братства очень скоро очутились въ натянутыхъ отношеніяхъ къ епископамъ. Во Львовѣ между епископомъ и братствомъ завязалась очень упорная и шумная война. Братства ищутъ опоры у константинопольскихъ патріарховъ, составлявшихъ высшую власть для украинской церкви, и константинопольскіе и другіе патріархи, которые въ это время въ своихъ финансовыхъ нуждахъ начинаютъ предпринимать частыя поѣздки въ украинскія и бѣлорусскія земли, особенно по дорогѣ за московскими подаяніями, и обращаютъ вниманіе на разстроенное состояніе украинской церкви, берутъ сторону братствъ, освобождая ихъ изъ-подъ власти епископовъ и сообщая имъ право такъ наз. ставропигій, подчиненныхъ непосредственно патріарху, и вообще покровительствуютъ братскому движенію. Вмѣстѣ съ тѣмъ они стараются прекратить административными мѣрами и карами непорядки въ церковной жизни, и въ 1589 г. патріархъ даже низлагаетъ тогдашняго митрополита кіевскаго.

Но эти вмѣшательства патріарховъ и оказываемое ими покровительство братствамъ вызываютъ только величайшее неудовольствіе среди епископовъ, и среди нихъ является

мысль—отдѣлаться вовсе отъ патріарховъ. Уже въ 1589 г. львовскій епископъ (Гедеонъ Балабанъ) обратился къ мѣстному католическому архіепископу, заявляя о своемъ желаніи освободиться отъ власти патріарха и перейти въ католическую церковь. Въ 1590 г. четыре украинскихъ епископа (львовскій, луцкій, холмскій и туровскій) на съѣздѣ въ Белзѣ рѣшили присоединиться къ католической церкви, мотивируя это желаніе злоупотребленіями патріарховъ, самовольными ихъ распоряженіями, смѣщеніями епископовъ и покровительствомъ братствамъ; они вошли въ переговоры съ королемъ, который выразилъ полное сочувствіе ихъ намѣренію. Въ ближайшіе годы къ этому соглашенію примкнулъ митрополитъ и два остальные украинскіе епископы (перемышльскій и владимірскій), и въ 1594 г. епископы рискнули уже выступить со своимъ планомъ открыто: въ 1595 г. епископъ луцкій Терлецкій и владимірскій Потій, по порученію остальныхъ, вступили въ открытые переговоры съ королемъ, явившись въ Римъ, чтобы заявить папѣ о своемъ соединеніи съ католическою церковью, а въ октябрѣ 1596 г. созванъ былъ въ Брестѣ соборъ для окончательнаго, торжественнаго провозглашенія уніи украинско-бѣлорусской церкви съ католическою.

Когда первые слухи объ этихъ намѣреніяхъ епископовъ проникли въ украинское общество, они произвели чрезвычайное смятеніе и открытые протесты. Православные магнаты,—во главѣ ихъ кн. Константинъ Острожскій, раньше въ теоріи вполнѣ сочувствовавшій соединенію церквей,—протестовали противъ того, что епископы сами, безъ участія духовенства и мірянъ и безъ соглашенія съ остальной православной церковью, вошли въ единеніе съ Римомъ. Протестовали духовенство и братства. Между тѣмъ какъ православные магнаты и шляхта дѣлаютъ своею ареною сеймъ и, заключивъ союзъ съ протестантами, домогаются удаленія епископовъ съ ихъ каѳедръ,—духовенство и братства развиваютъ агитацію противъ епископовъ и ихъ уніи въ широкихъ кругахъ общества. Созванный для провозглашенія

уніи соборъ въ Брестѣ раздѣлился на два отдѣльныхъ и враждебныхъ собора—православный и уніатскій, и православный соборъ, съ участіемъ патріаршихъ делегатовъ, объявляетъ перешедшихъ въ унію епископовъ низложенными. Но правительство поддерживаетъ епископовъ-уніатовъ, объявляетъ унію правосильною и признаетъ за епископами-уніатами власть надъ протестующимъ православнымъ духовенствомъ.

Этотъ вопросъ о правосильности уніи, о границахъ епископской власти, объ отношеніи къ ней міранъ и собора вызываетъ чрезвычайный интересъ и оживленіе. Возникаетъ небывалая литературная дѣятельность. Такъ, самому Брестскому собору посвящено до десяти полемическихъ сочиненій съ православной и уніатской сторонъ въ 1596—1604 гг.; наиболѣе замѣчательное произведеніе этого періода—„Апокрисисъ" Бронскаго, одного изъ членовъ упомянутаго острожскаго кружка, сочиненіе выдающееся основательнымъ разборомъ церковныхъ вопросовъ, волновавшихъ современниковъ (объ отношеніяхъ паствы и епископовъ, собора и іерархіи и т. п.). Къ этому же времени относится литературная дѣятельность Ивана изъ Вышни (Вышенскаго), замѣчательнаго полемиста, отличающагося необыкновенною искренностью чувства, силою иронии и сарказма, но не всегда умѣющаго оцѣнить запросы времени (напр., онъ довольно неблагопріятно относится къ современнымъ стремленіямъ къ просвѣщенію). Новое оживленіе полемической литературы имѣло мѣсто около 1610 г.—наиболѣе замѣчательное произведеніе этого цикла Θρῆνος, плачъ православной церкви по поводу отступничества отъ нея ея дѣтей, покидающихъ ее для уніи и католичества; оно принадлежитъ одному изъ талантливѣйшихъ писателей этого періода Мелетію Смотрицкому, колебанія котораго между уніею и православіемъ остались краснорѣчивымъ свидѣтельствомъ, какъ нелегко было даже выдающимся людямъ того времени найти выходъ въ запутанныхъ церковныхъ отношеніяхъ. Затѣмъ въ началѣ 1620-хъ гг. появляется новая серія сочиненій, вѣнцомъ ко-

торыхъ является замѣчательный церковно - историческій трактатъ Захаріи Копыстенскаго „Палинодія“, написанный въ 1622 г., но оставшійся не напечатаннымъ въ свое время.

Эта оживленная литературная дѣятельность является показателемъ современной культурной жизни. Украинскія и бѣлорусскія земли покрываются сѣтью братствъ. Въ большомъ числѣ организуются школы и типографіи. Взамѣнъ захваченныхъ уніатами церквей и монастырей, которые теперь получаютъ особенно важное культурное и національное значеніе,—усиленно строятся новые. Движеніе переходитъ все въ болѣе и болѣе широкіе круги общества, переносится на улицу, доводя до вооруженныхъ столкновеній (наиболѣе громкій эпизодъ—убійство во время уличнаго движенія въ 1623 г. полоцкаго уніатскаго архіепископа Кунцевича, озлобившаго православныхъ своими рѣзкими насильственными мѣрами). Вопросъ о сохраненіи православной церкви получаетъ значеніе всенароднаго, національнаго дѣла и надолго сообщаетъ украинской культурной жизни, оживленной этимъ движеніемъ, сильно выраженный религіозный, собственно конфессіонный характеръ. Религіозная полемика и апологетика въ продолженіе всего XVII в. господствуютъ въ ней почти безраздѣльно, и свѣтской украинской литературы почти не существуетъ, за исключеніемъ нѣсколькихъ историческихъ компиляцій и мемуаровъ.

Надежды православныхъ отстоять свою церковь и уничтожить унію законодательнымъ путемъ, чрезъ сеймы, не осуществились. Правда, послѣ долгихъ и безплодныхъ усилій православной шляхтѣ на сеймѣ 1607 г. удалось, благодаря благопріятному стеченію обстоятельствъ (король чувствовалъ себя обязаннымъ православной шляхтѣ за ея лояльность во время враждебнаго ему движенія польской шляхты), достигнуть законодательнаго признанія существованія православной церкви съ отдѣльною іерархіею. Но въ дѣйствительности послѣдняя была осуждена на вымираніе, такъ какъ король не назначилъ православныхъ кандидатовъ на каѳедры, какъ

домогались православные, а между тѣмъ умеръ уже послѣдній изъ двухъ епископовъ, оставшихся на сторонѣ православныхъ *), Гедеонъ Балабанъ, и православной церкви грозилъ полный упадокъ и разложеніе. Положеніе было тѣмъ серьезнѣе, что успѣхи на сеймахъ 1607—9 гг. грозили быть первыми и послѣдними вслѣдствіе чрезвычайно быстраго и широкаго опольченія православной шляхты и магнатовъ.

Я уже упоминалъ, что оживленіе культурной жизни въ Польшѣ во второй половинѣ XVI и началѣ XVII в. обнаружило большую притягательную силу среди высшихъ слоевъ украинскаго общества. Оживленіе католической церкви въ Польшѣ, наступившее въ концѣ XVI в., послѣ реформаціоннаго движенія, и созданное главнымъ образомъ іезуитами, распространившими свои общины и школы также въ украинскихъ и бѣлорусскихъ земляхъ, также не осталось безъ вліянія. Православное, украинское просвѣтительное и культурное движеніе запоздало; старанія пойти за современнымъ польскимъ движеніемъ пришли слишкомъ поздно, чтобы удовлетворить потребности высшихъ слоевъ украинскаго (и бѣлорусскаго) общества въ образованіи и культурной жизни—эти высшіе слои оказались уже увлеченными польскою культурою, когда украинская дѣлала первые шаги въ своемъ возрожденіи.

Воспитываясь въ польскихъ и заграничныхъ католическихъ, часто—іезуитскихъ школахъ, связанные съ польскими шляхетскими родами семейными, брачными связями, увлекаемые польскою государственною и культурною жизнью, представители украинскихъ магнатскихъ и шляхетскихъ родовъ въ концѣ XVI и началѣ XVII в. массами принимаютъ католичество и становятся Поляками. Сыновей ревностныхъ борцовъ за православную церковь 1590-хъ гг. видимъ въ XVII в. ревностными католиками, чуждыми всякихъ націо-

*) Когда обнаружилось всеобщее неудовольствіе православныхъ противъ уніи, епископы львовскій и перемышльскій отстали отъ нея и остались при православныхъ.

нальныхъ украинскихъ интересовъ. Смотрицкій въ своемъ Треносѣ 1610 г. спѣлъ настоящую надгробную пѣснь украинской аристократіи, вычисливъ безконечный рядъ магнатскихъ и шляхетскихъ украинскихъ родовъ, уже оставившихъ свою національность и національную религію.

Безъ магнатовъ-братчиковъ и покровителей, при легализированномъ преобладаніи католиковъ, предоставленныя сами себѣ, мѣщанскія братства оказывались безсильными въ оборонѣ православной церкви и національныхъ интересовъ, противъ союза правительства съ католическимъ обществомъ и ренегатами украинской національности.

И вотъ въ такомъ критическомъ, казалось—безвыходномъ, положеніи борцы за православіе обращаются къ новой силѣ—созданной процессомъ соціальнымъ и экономическимъ—козачеству. Они закрываютъ глаза на соціальный характеръ этой силы, весьма мало имъ симпатичный, и, видя въ ней только оппозиціонную силу, связанную съ ними единствомъ національности и исповѣданія, ищутъ у нея отклика въ этомъ единствѣ. Козачество дѣйствительно откликается на религіозно-національный кличъ. Изъ Львова и Вильны центръ борьбы за старую религію и національность переносится въ Кіевъ, въ ближайшее сосѣдство козачества. При его содѣйствіи кіевское духовенство и мѣщанство даютъ отпоръ уніатской іерархіи. Основывается въ Кіевѣ братство, въ которое козацкій гетманъ вписывается „со всѣмъ войскомъ запорожскимъ“ и которое занимаетъ первенствующее мѣсто въ исторіи культурной и религіозной жизни украинскаго народа; основывается при немъ типографія и школа, изъ которой выростаетъ кіевская академія, служащая въ продолженіе XVII и XVIII в. высшею украинскою школою *). Подъ охраною козацкаго войска возобновляется въ 1620 г. православная іерархія и держится подъ тою же охраною, пока пра-

*) Братство и школа организуются, или реорганизуются (это не совсѣмъ ясно), около 1615 г.

вительство не было принуждено признать ея существованіе, и т. д., и т. д.

Религіозно-національное движеніе сверху, начатое мѣщанствомъ, поддержанное дворянствомъ и духовенствомъ, украшенное блестящими именами первѣйшихъ вельможъ и князей (православныхъ), логикою событій сходится съ движеніемъ снизу, общественнымъ броженіемъ, созданнымъ бездомными бѣглецами, уходившими изъ-подъ гнета панщины и шляхетскаго всевластія. Козачина дѣлается представителемъ и обиженныхъ соціально-экономическимъ процессомъ народныхъ массъ, и разбитыхъ на аренѣ политической, религіозной и національной борьбы духовенства и мѣщанства. Это сліяніе элементовъ соціальной и культурно-національной оппозиціи происходитъ на границѣ первой и второй четверти XVII в., и въ это время входитъ въ новую стадію исторіи украинскаго народа. Ея главнымъ факторомъ становится козачество.

Подробнѣе—о городскихъ отношеніяхъ Історія України-Руси, т. V, гл. 3 и 5, объ отношеніяхъ церковныхъ тамъ же гл. 3 и 6, о современномъ національномъ, религіозномъ и культурномъ движеніи—гл. 8.

XIV.

Козачество—явленіе очень интересное, но весьма сложное. Вслѣдствіе своей оригинальности, а также и благодаря громкой роли, сыгранной имъ въ исторіи восточной Европы, оно обращало на себя вниманіе издавна, имъ занимались немало, но невыясненнаго оставалось въ немъ все же до послѣдняго времени очень много, и въ литературѣ о немъ высказывались и высказываются нерѣдко сужденія очень смутныя и ошибочныя.

Очагомъ козачества было среднее Поднѣпровье, его предстепная полоса, пониже Кіева, входившая въ XIV—XVII в. въ составъ Кіевскаго княжества (позже—Кіевскаго воевод-

ства), а почву для него приготовили колонизаціонныя условія этого края.

Начиная съ половины X в. онъ жилъ тревожною, воинственною жизнью, на границѣ осѣдлой колонизаціи, въ вѣчной борьбѣ съ кочевниками. Къ населенію его какъ нельзя болѣе приложима поэтическая характеристика, данная Словомъ о Полку Игоревѣ порубежникамъ Посемья:

А мои ти Куряне свѣдоми кмети:
Подъ трубами повити—подъ шеломы възлелѣяни—конець копия въскормлени;
Путь имъ вѣдоми, яругы имъ знаеми,
Луки у нихъ напряжени, тули отворени, сабли изъострени.

И слово „козакъ"—тюркское слово, издавна жившее въ устахъ кочевого населенія нашихъ степей, извѣстное уже въ половецкомъ словарѣ (1303 г). въ значеніи „сторожъ"-„воинъ"—вполнѣ приложимо было въ этомъ значеніи къ порубежному населенію, этой передовой стражѣ Украины. Вмѣстѣ съ воинственностью и выносливостью эта порубежная жизнь развивала личность, чувство свободы. Предоставленные княжеско-дружиннымъ правительствомъ своимъ собственнымъ силамъ, эти пограничники очень чутки были къ его притязаніямъ. Въ XIII в. какъ разъ пограничныя со степью территоріи видимъ среди „людей Татарскихъ", и эти пограничныя враги княжеско-дружиннаго строя являются полнымъ прототипомъ козачества, а союзъ ихъ съ Ордою предвосхищаетъ политику вождей козачества XVI—XVIII вв. въ ихъ стремленіяхъ найти въ турецко-татарскихъ силахъ помощь противъ соціально-политическаго строя Польши и централизаціонной политики Москвы.

Съ упадкомъ государственной жизни на Поднѣпровьѣ въ серединѣ XIII в. населеніе этихъ пограничныхъ со степью пространствъ было еще болѣе предоставлено себѣ, а жизнь подъ татарскою протекціею не отличалась спокойствіемъ, особенно въ періодъ разложенія Орды. В. кн. Литовское, присоединивъ эти пространства, также очень мало занималось ими, а возстановленное подъ властью князей Гедими-

новой династіи Кіевское княжество очень слабо насаждало здѣсь привилегированное владѣльческое сословіе и еще слабѣе прививало формы и результаты соціальной эволюціи в. кн. Литовскаго. Страшные, періодическіе набѣги Татаръ Крымской орды Менгли-герая, съ 1482 г. обрушивающіеся на украинскія земли и затѣмъ въ нѣсколько ослабленныхъ формахъ продолжающіеся почти все XVI стол., смели съ лица земли и эти слабые результаты правительственной работы и вмѣстѣ съ ними—всю осѣдлую колонизацію предстепной полосы Поднѣпровья,—вплоть до Кіева, Чернигова, Житомира, Летичева.

Территорія на обѣихъ сторонахъ Днѣпра до Кіева и даже выше его превратилась въ совершенную пустыню и въ такомъ видѣ пролежала до послѣдней четверти XVI в. Единственными осѣдлыми поселеніями были городки, снабженные замками, небольшими гарнизонами и артиллеріею—Кіевъ, Каневъ, Черкасы, Житомиръ, Браславъ—на правой сторонѣ Днѣпра, Остеръ—на лѣвой. Подъ стѣнами этихъ укрѣпленій ютилось все населеніе этихъ обширныхъ пространствъ: здѣсь жили крестьяне сосѣднихъ селъ и отсюда выходили на полевыя работы. Все населеніе жило подъ постояннымъ страхомъ татарскихъ набѣговъ, на военномъ положеніи: мѣщане и крестьяне этихъ пограничныхъ мѣстностей обязаны были имѣть коней и принимать участіе въ походахъ и погонѣ за Татарами, и они дѣйствительно „имѣютъ ружья и умѣютъ хорошо стрѣлять“, какъ свидѣтельствуютъ ревизоры пол. XVI в. Земледѣльческое и всякое другое хозяйство внѣ стѣнъ города велось вооруженною рукою—какъ описываетъ путешественникъ конца XVI в. пограничныхъ крестьянъ Волыни: „выходя на работу, онъ несетъ на плечѣ ружье, а къ боку привѣшиваетъ саблю или мечъ“.

Но природныя богатства этихъ дѣвственныхъ странъ на обѣихъ сторонахъ Днѣпра увлекали населеніе далеко отъ замковъ, въ такъ называемые „уходы“—рыбныя ловли и мѣста охоты, къ устроеннымъ въ степномъ приволѣ бор-

тямъ и пасѣкамъ. Тутъ эти промышленники проживали по долгу, соединяясь въ вооруженныя партіи. Оборона въ этихъ степяхъ, сосѣднихъ съ кочевьями Татаръ, въ районѣ ихъ нападеній, незамѣтно переходила въ нападенія на такихъ же промышленниковъ противной, татарской стороны, въ степныя мелкія войны, „лупленье татарскихъ чабановъ", какъ онѣ технически назывались. Каждый годъ, весною, пограничное населеніе и промышленники изъ болѣе отдаленныхъ мѣстностей, привлекаемые привольемъ и природными богатствами этого края, расползались по этимъ „уходамъ" на десятки миль, до днѣпровскихъ пороговъ, Ворсклы, Орели, Самары и т. п., проживали здѣсь цѣлые мѣсяцы, предоставленные себѣ самимъ, не зная никакой власти, и возвращались въ замки только на зиму. Это подвижное, кочевое, закаленное въ невзгодахъ военно-промышленное населеніе и составило основу козачества.

Первыя такія извѣстія о козакахъ, въ которыхъ можно подозрѣвать козаковъ именно украинскихъ, относятся къ 1470 гг. *). Вполнѣ ясныя документальныя указанія на козаковъ Кіевской территоріи носятъ даты 1492 и 1499 гг. **). Это тюркское слово, означавшее въ тогдашнемъ употребленіи легковооруженнаго добычника, бродягу-воина, только столѣтіемъ позже пріобрѣло значеніе оффиціальнаго, общепринятаго имени для извѣстной группы украинскаго населенія, извѣстнаго сословія. Первоначально оно означало занятіе, родъ жизни, и притомъ, кажется, съ нѣкоторымъ оттѣнкомъ пренебреженія несолидному времяпрепровожденію. Во всякомъ случаѣ, сначала это не сословіе, не классъ людей: это люди, занимающіеся „козачествомъ", ходящіе „въ козаки", а не козацкое сословіе. Для большинства такое „хожденіе въ козаки" не было постояннымъ занятіемъ — ему

*) Имя «козаковъ» прилагалось также къ добычникамъ татарскимъ и къ степному населенію великорусскому, въ бассейнѣ Дона (гдѣ позже формируется донское козачество).

**) Pulaski, Stosunki Polski z Tatarszczyzna с. 223, Акты западной Россіи, I. с. 194.

предавались временами, особенно съ молоду, чтобы потомъ перейти къ другимъ, болѣе спокойнымъ занятіямъ. Оффиціально—оно означало хозяйственные промыслы въ „дикихъ поляхъ", неоффиціально—удалые походы на Татаръ, „лупленье чабановъ", купцовъ и всякихъ проѣзжихъ, и съ этимъ двойнымъ характеромъ выступаетъ имя козаковъ уже въ первыхъ извѣстіяхъ—1492 и 1499 гг.

Среди этихъ степныхъ авантюристовъ встрѣчались люди разныхъ общественныхъ классовъ и національностей. Встрѣчаются люди съ именами восточными—очевидно, разные забулдыги изъ Татаръ же, разные „Москвитины", „Литвины", „Ляхи". Когда козачество пріобрѣло себѣ громкую военную славу, молодые люди шляхетскихъ фамилій принимали участіе въ козацкихъ походахъ, въ этой очаровывавшей своими опасностями и удальствомъ жизни; въ первыхъ козацкихъ движеніяхъ встрѣчаемъ въ качествѣ участниковъ и даже предводителей представителей мѣстныхъ, украинскихъ шляхетскихъ фамилій. Но инородные элементы были лишь сравнительно незначительною примѣсью среди козачества *), а люди изъ высшихъ общественныхъ классовъ—временными гостями; главный и наиболѣе постоянный контингентъ „козаковавшихъ" все время поставляло пограничное украинское крестьянство и мѣщанство—наиболѣе закаленное и выносливое, привычное къ страшнымъ лишеніямъ и неудобствамъ, неразлучно связанныя съ этимъ занятіемъ.

На протяженіи XVI в. очень медленно слагается изъ этихъ „козаковавшихъ" козацкое сословіе. Въ половинѣ XVI в. видимъ только начатки этого процесса; въ главномъ гнѣздѣ козачества—Черкасахъ ревизія 1552 г. записываетъ прихожихъ козаковъ „о полтретьяста" (около 250),—только всего. Но „козакуютъ" мѣстные крестьяне, мѣщане, мелкая шляхта и бояре мѣстнаго происхожденія. Этимъ поясняется

*) Довольно распространенное до сихъ поръ воззрѣніе, что ядро козачества составилось изъ тюркскаго населенія степей, основано на ошибочныхъ извѣстіяхъ и недоразумѣніяхъ.

то обстоятельство, что между тѣмъ какъ эта „Украина“ *) въ XVI в. полна извѣстій о козацкихъ походахъ и своевольствахъ, мы въ современныхъ документахъ почти не можемъ отыскать козаковъ, какъ извѣстную постоянную группу населенія — козацкое сословіе, козацкій классъ. Документы, говорящіе о козацкихъ своевольствахъ и обращающіеся по поводу ихъ къ мѣщанамъ пограничныхъ городовъ, или извѣстія, поясняющія составъ „козацкихъ“ экспедицій, участниками которыхъ оказывается въ концѣ концовъ мелкая украинская шляхта,—разъясняютъ эту загадку: въ это время были въ большомъ числѣ люди козаковавшіе, но почти или и вовсе еще не было козацкаго сословія. Чрезвычайно быстрое возрастаніе козачества и формированіе его въ особое сословіе падаетъ на конецъ XVI и начало XVII в., а повліяли на это—съ одной стороны, колонизаціонный ростъ украинскаго предстепья, а съ другой — образованіе козачьяго иммунитета.

На усиленный приливъ сельскаго населенія въ юго-восточную часть Украины оказало свое дѣйствіе улучшеніе колонизаціонныхъ условій: отпоръ, который козачество дало татарскимъ набѣгамъ, и самое уплотненіе населенія, умноженіе укрѣпленныхъ поселеній. Но главное значеніе имѣли спеціальныя обстоятельства, усилившія бѣгство крестьянъ изъ западной Украины и Полѣсья: ухудшеніе положенія крестьянства въ этихъ областяхъ, развитіе панщины, отбираніе крестьянскихъ земель, а также и та агитація, какую повели черезъ своихъ агентовъ шляхтичи, занявшіеся хозяйствомъ на Украинѣ въ выпрошенныхъ отъ короля имѣніяхъ и озабоченные привлеченіемъ рабочихъ рукъ. Все это вызывало чрезвычайное усиленіе побѣговъ изъ гуще заселенныхъ и вкусившихъ уже всю сладость помѣщичьяго хо-

*) Въ XVI—XVIII вв., и даже позже — у польскихъ писателей спеціально, имя «Украины» носитъ именно Кіевская земля, или воеводство. Такъ какъ эта территорія сдѣлалась центромъ украинской народной жизни, это названіе пріобрѣло болѣе широкое значеніе— *національнаго* имени, какъ раньше имя Руси.

зійства западныхъ и сѣверныхъ территорій Украины. Козацкій же иммунитетъ и самая идея его сложились опять-таки подъ воздѣйствіемъ цѣлаго ряда такихъ условій, какъ вѣчная борьба козаковавшихъ авантюристовъ съ городскими и провинціальными властями, протекція, которую оказывали имъ мѣстные администраторы въ своихъ интересахъ; еще болѣе важное значеніе имѣли пробы организаціи козацкаго сословія самимъ правительствомъ *) и наконецъ—сознаніе собственной силы у самого козачества.

Татарскія опустошенія, превратившіяся въ страшное хроническое бѣдствіе украинскихъ земель съ 80-хъ гг. XV. в., не нашли никакого отпора въ литовско-польскомъ правительствѣ; оно только увѣщевало, задаривало Орду, а къ энергическому противодѣйствію и оборонѣ оказалось совершенно неспособнымъ. Былъ даже проектъ—предложить крымскому хану поголовную подать съ населенія земель Кіевской, Волынской и Подольской, т. е. возобновить данническія отношенія этихъ земель, прекратившіяся со временъ Витовта, чтобы откупиться отъ татарскихъ набѣговъ. Этотъ проектъ не осуществился, но ежегодная дань, хотя не въ такой откровенной формѣ, а подъ мягкимъ именемъ „упоминковъ“ (подарковъ), дѣйствительно стала обязательною въ отношеніяхъ польско-литовскаго правительства къ Крыму. Но эти „упоминки“ не прекращали татарскихъ набѣговъ, и начальники пограничныхъ украинскихъ провинцій, предоставленные центральнымъ правительствомъ ихъ собственному промышленію, приходятъ къ мысли организовать систематическую оборону изъ этихъ „козаковавшихъ“ авантюристовъ, по собственному побужденію занимавшихся мелкою войною съ Татарами. Разновременно, въ большихъ и меньшихъ размѣрахъ такія попытки образованія козачьей милиціи видимъ на протяженіи почти всего XVI в. Эти опыты обращали на себя вниманіе и центральнаго правительства; въ

*) Сначала организаціею козачества занималось главнымъ образомъ литовское, а позже съ 1569 г.—польское правительство.

1524 г. вел. кн. Сигизмундъ поручалъ правительству вел. кн. Литовскаго заняться организаціею постояннаго корпуса изъ козаковъ; напоминая, что онъ не въ первый разъ обращаетъ вниманіе правительства на нихъ, онъ проектируетъ на этотъ разъ навербовать 1.000—2.000 козаковъ, взять ихъ на жалованье и составить изъ нихъ нѣсколько гарнизоновъ по Днѣпру. Но этотъ проектъ не былъ осуществленъ, также какъ и аналогичный проектъ, предложенный позже, въ 1538 г., польскому сейму черкасскимъ старостою Евст. Дашковичемъ уже отъ себя *).

Нѣсколько позже однако жалобы крымскаго правительства на козацкіе набѣги и его объясненія, что татарскія нападенія на украинскія земли служатъ лишь местью за козацкіе погромы, даютъ другой оборотъ отношеніямъ центральнаго правительства къ козакамъ: въ 1541 г. тотъ же в. кн. Сигизмундъ выслалъ своего „дворянина" съ порученіемъ переписать козаковъ кіевскихъ, каневскихъ и черкасскихъ и поручить ихъ усиленному наблюденію мѣстныхъ старостъ. Конечно, изъ этого ничего не могло выйти, уже по тому одному, что козачество вовсе еще не сложилось въ опредѣленную группу. Сигизмундъ-Августъ, въ цѣляхъ обузданія козаковъ, вернулся къ старому проекту отца: взять ихъ на правительственную службу. По его порученію коронный гетманъ **) дѣйствительно навербовалъ изъ

*) Этотъ Дашковичъ и другой пограничный староста Предславъ Лянцкоронскій (староста хмельницкій) попали въ позднѣйшіе реестры козацкихъ гетмановъ на томъ основаніи, что организовали изъ козаковъ экспедиціи на Татаръ.

**) Гетманомъ (отъ нѣмецкаго Hauptmann) назывался главнокомандующій и военный министръ; эта должность почти одновременно появляется въ Польшѣ и великомъ княжествѣ Литовскомъ въ началѣ XVI в. «Польскій гетманъ называется великимъ коронным гетманомъ («корона», «коронный» вообще значитъ «польскій») или просто коронным, его помощникъ—гетманомъ польнымъ, литовскій—найвысшимъ (позже великимъ) литовскимъ, его помощникъ—дворнымъ (позже польнымъ) литовскимъ. По примѣру ихъ, съ сформированіемъ козацкаго войска предводители козаковъ, уже съ 1570-хъ гг.,

козаковъ отрядъ; эти козаки получали изъ казны содержаніе, были освобождены изъ-подъ власти и юрисдикціи всѣхъ иныхъ властей и подчинены назначенному правительствомъ „старшему и судьѣ всѣхъ низовыхъ козаковъ“ (1570)*). Но въ этотъ небольшой отрядъ (всего 300 человѣкъ) вошла только небольшая часть козакующихъ, и его сформированіе не могло имѣть никакого вліянія на „козацкое своеволіе“; козаки продолжали свои походы на Татаръ и на земли, стоявшія подъ властью Турціи. Въ 1577 г. отрядъ такихъ своевольныхъ козаковъ ходилъ походомъ на Молдавію, и такъ какъ она стояла въ вассальныхъ отношеніяхъ къ Турціи, то отвѣтомъ на этотъ походъ былъ набѣгъ на Украину Татаръ (1578) и ультиматумъ Турціи: усмирить козаковъ, вывести ихъ съ „Низу“, взявъ на службу лучшую ихъ часть, а остальныхъ задавивъ репрессіями.

На эти требованія и совѣты новый король польскій Стефанъ Баторій отвѣтилъ скептическими замѣчаніями, но сдѣлалъ все, чтобы показать свою готовность: навербовалъ изъ козаковъ отрядъ въ 500 человѣкъ (онъ воспользовался имъ въ войнѣ противъ Москвы) **), а противъ остального коза-

---

также называются гетманами, не только въ частномъ обиходѣ, но и въ правительственныхъ актахъ; если было одновременно нѣсколько козацкихъ предводителей, ихъ также называли всѣхъ гетманами. Но *оффиціальнымъ* титуломъ козацкихъ предводителей, до самаго Хмельницкаго, было наименованіе «старшій»—«старшій войска его королевской милости низового запорожскаго». Хмельницкому первому польское правительство дало оффиціально титулъ гетмана, при первомъ перемиріи (въ 1648 г.).

*) «Низомъ» называлось нижнее теченіе Днѣпра; такъ какъ козаки занимались промыслами въ этихъ краяхъ, имъ усвоется названіе «низовыхъ».

**) Эти распоряженія Баторія, совершенно аналогичныя съ мѣрами 1570 и 1590 гг. и никакого особеннаго значенія въ исторіи козачества не имѣвшія, въ позднѣйшей исторической традиціи сдѣлались эпохою въ его исторіи: отъ нихъ выводили позднѣйшую организацію козачества, козацкій реестръ изъ 6.000, раздѣленіе на полки и т. д.—все явленія значительно позднѣйшія.

чества издалъ рядъ суровыхъ распоряженій, которыя однако могли служить администраціи только новымъ поводомъ для придирокъ и взятокъ съ козаковъ, но совершенно не остановили „козацкаго своевольства“. Чтобы исполнить правительственныя распоряженія, поручившія ловить и арестовывать участниковъ козацкихъ походовъ, нужна была полицейская и административная власть, которой не было на Украинѣ, гдѣ старосты покровительствовали и дѣлились добычею съ козаками, не говоря уже о низовыхъ просторахъ, куда никакой надзоръ за козаками не могъ проникнуть.

Козачество какъ разъ въ это время начинаетъ сильно возрастать въ численности; появляется рядъ козацкихъ предводителей—гетмановъ, какъ ихъ называютъ. Козаки продолжаютъ свои походы на турецкія и татарскія земли, особенно на Молдавію, принимая участіе въ борьбѣ разныхъ претендентовъ на нее. Турки и Татары грозятъ войною. Перепуганное угрозами польское правительство еще разъ повторяетъ ту же, столько разъ испытанную и оказавшуюся негодной мѣру: поручаетъ организовать козацкій отрядъ изъ 1.000 человѣкъ, позже беретъ на службу еще двѣ или три тысячи ихъ. Эти козаки имѣли очистить „Низъ“ отъ своевольныхъ козаковъ и занять гарнизоны на степномъ пограничьѣ. Но очевидно—не надѣясь на осуществимость такого очищенія Низа, правительство одновременно приказывало не пускать никого на Низъ, хотя бы на промыслы, не впускать въ города и мѣсточки людей, приходящихъ съ Низу, не продавать имъ никакихъ припасовъ, арестовывать тѣхъ, которые будутъ приносить изъ степей какую нибудь добычу, и т. д. (1590).

Всѣ эти правительственныя мѣропріятія, не достигая цѣли, какую имѣли въ виду—т. е. прекращенія козацкихъ походовъ на сосѣднія земли, усмиренія „украиннаго своеволія“, производили эффектъ совсѣмъ иного рода. Выше я упомянулъ, что опыты правительственной организаціи козачества весьма существенно повліяли на сформированіе идеи козацкаго иммунитета. Они дали ей нѣкоторое юридическое

оправданіе. Принимая козаковъ на службу, правительство освобождало ихъ изъ-подъ власти всякихъ „урядовъ“: отнынѣ они подлежали власти и суду только своихъ, козацкихъ властей. И хотя эта привилегія предназначалась только для козаковъ, вписанныхъ въ правительственный реестръ *), на нее претендуютъ всѣ, причислявшіе себя къ козакамъ, всѣ „козаковавшіе“. Они уже и прежде очень неохотно и слабо подчинялись всякимъ властямъ; теперь изъятіе реестровыхъ козаковъ давало иллюзію юридическаго оправданія такимъ стремленіямъ козачества къ полной независимости отъ всякой правительственной или помѣщичьей власти. Создается убѣжденіе, что всякій козакъ eo ipso свободенъ отъ всякихъ властей: отъ власти старосты, если онъ сидитъ на землѣ, входящей въ непосредственное вѣдѣніе правительственныхъ чиновниковъ, отъ власти городского магистрата—если онъ сидитъ на территоріи общины магдебургскаго права, отъ власти помѣщика—если сидитъ на землѣ помѣщичьей; онъ не подлежитъ ихъ юрисдикціи, свободенъ отъ всякихъ даней, оплатъ и работъ на нихъ вмѣстѣ со своимъ хозяйствомъ и семьею. Нужды нѣтъ, внесенъ ли онъ въ реестръ или нѣтъ: вѣдь и въ этомъ послѣднемъ случаѣ онъ не перестаетъ себя считать козакомъ, ничѣмъ не уступающимъ реестровому; всѣ козаки считаютъ себя привилегированнымъ военнымъ сословіемъ, взамѣнъ своей военной пограничной службы освобожденнымъ отъ всякихъ иныхъ обязанностей. Оправданіе такому взгляду даетъ само правительство, такъ какъ въ тѣхъ случаяхъ, когда ему нужны были болѣе значительныя военныя силы, оно безъ разбора привлекаетъ къ участію въ походахъ и военныхъ дѣйствіяхъ реестровыхъ и нереестровыхъ. И если реестровые должны были (de jure, по крайней мѣрѣ) подчиняться своимъ спеціальнымъ властямъ, назначеннымъ отъ правительства, то вся остальная

*) Отсюда терминъ „реестровыхъ“ козаковъ—состоящихъ на правительственномъ жалованіи и легально пользующихся привилегіями козацкаго званія.

этого суровыхъ циркуляровъ и военныхъ экспедицій. Но вполнѣ задавить его было невозможно, потому что козаки уходили въ степи, совершенно недоступныя польскимъ войскамъ. Тамъ устроили они себѣ неприступныя убѣжища на нижнемъ Днѣпрѣ, ниже пороговъ, на островахъ, которые образуетъ здѣсь Днѣпръ; одинаково недоступные и для польскихъ войскъ, и для турецкихъ судовъ, старавшихся иногда проникнуть сюда съ моря, эти острова давали козакамъ вполнѣ безопасное убѣжище *). Также неприступными были и „уходы" въ глубинѣ заднѣпровскихъ пространствъ, откуда въ особенно тяжелыя времена украинскіе козаки уходили даже за границу—на Донъ, въ московскія земли. Такимъ образомъ въ наилучшемъ случаѣ польскимъ войскамъ удавалось очистить отъ своевольнаго украинскаго козачества только заселенныя пространства Поднѣпровья, такъ называемую тогда „волость", но не уничтожить его совершенно.

Съ другой стороны, польское правительство не могло серьезно полагаться на увѣренія Татаръ, что ихъ набѣги прекратятся съ прекращеніемъ козацкихъ нападеній, и такъ какъ собственно единственною защитою восточной Украины отъ Татаръ служили козаки, то правительство полнаго ихъ уничтоженія никогда не желало, и извѣстную часть козачества, болѣе дисциплинированную, всегда хотѣло оставить для государственной службы; по своей дешевизнѣ и сноровкѣ, отвагѣ и выносливости это были незамѣнимыя войска. Эта легальная часть козаковъ, по планамъ правительства, имѣла служить также для обузданія остальной, „своевольной" массы козачества, она должна была удерживать ее въ повиновеніи и не пускать въ походы на чужія земли. Но тутъ

*) На этихъ островахъ устраивались укрѣпленные засѣками городки, такъ называемыя «січи»; они переносились съ острова на островъ; такъ, «січ» разновременно была на о. Хортицѣ, на уроч. Базавлукѣ, Микитномъ Рогѣ, Томаковкѣ. Отъ этихъ убѣжищъ низовые козаки назывались также запорожскими, и въ XVII в. «Запорожское войско» становится ихъ оффиціальнымъ именемъ.

вѣчное безденежье польской казны создавало новыя трудности: правительство не имѣло средствъ взять на жалованье болѣе значительное число козаковъ; оно брало ихъ на службу одну—двѣ тысячи, не больше, да и тѣмъ платило такъ плохо и неисправно, что они должны были искать себѣ иныхъ источниковъ пропитанія. По этой причинѣ даже этихъ служилыхъ, „реестровыхъ“ нельзя было содержать въ послушаніи и дисциплинѣ, а о томъ, чтобы сдѣлать ихъ блюстителями порядка на Украинѣ, нечего было и думать. Съ нѣсколькими сотнями реестровыхъ нельзя было ни организовать обороны Украины, ни тѣмъ менѣе—удержать массы нереестроваго козачества. Въ интересахъ обороны польскіе старосты и военачальники были вынуждены постоянно обращаться къ помощи нереестровыхъ; часто обращалось къ нимъ, какъ было сказано, и само центральное правительство, и это все, конечно, обращало въ пустой звукъ проекты обузданія украинскаго своеволія. Вообще Польша не была ни достаточно сильна, ни достаточно дальновидна, чтобы или уничтожить козачество, или дисциплинировать и организовать его (восточной Украинѣ она вообще очень мало удѣляла вниманія въ своей внутренней политикѣ). Репрессіи и кровопролитія не останавливали роста козачества и лишь раздражали его.

Если значительная часть козаковъ—эти покозачившіеся мѣщане и крестьяне—цѣнили въ козачествѣ его соціальныя и общественныя привилегіи и, состоя подъ козацкимъ „присудомъ“, спокойно хозяйничали на своихъ земляхъ, то для иной, значительной массы козачества война была его настоящею стихіею, главнымъ источникомъ пропитанія, а походы на татарскія и турецкія земли—такимъ же неизмѣннымъ рессурсомъ, какъ рыбные и звѣриные промыслы. Въ интересахъ поддержанія добрыхъ отношеній съ Турціею и Крымомъ польское правительство хотѣло прекратить эти походы. Но въ такомъ случаѣ нужно было дать иной исходъ энергіи этой воинственной части козачества и одновременно нужно было подыскать для нея иной источникъ пропитанія. Безъ этого

удержать козаковъ отъ походовъ не могли и наиболѣе вліятельные вожди козачества. Правительственныя же запрещенія, стѣсненія и преслѣдованія со стороны украинскихъ старостъ и помѣщиковъ только возбуждали въ немъ раздраженіе и ненависть. Чувствуя невозможность при такихъ условіяхъ установить прочныя отношенія къ правительству и понимая, что только фактическая сила козачества не даетъ правительству и шляхтѣ возможности его сломить, вожди козачества стремятся возможно увеличивать его численную силу, расширять его территорію все далѣе и далѣе вглубь осѣдлой колонизаціи, привлекая въ его среду все новыя и новыя массы украинскаго крестьянства. Съ другой стороны, раздраженія на стѣсненія и репрессіи выливаются въ борьбѣ съ пограничными старостами и панами.

Такъ начинаются первыя козацкія войны. Въ нихъ обыкновенно идутъ солидарно козаки реестровые и вся масса вольницы. Правительство, какъ я уже сказалъ, не было въ состояніи дисциплинировать реестровыхъ; притомъ эти послѣдніе чувствовали, что ихъ сила и значеніе лежитъ въ этой массѣ вольницы, стоявшей за ихъ спиной. Поэтому только временами правительству удавалось разъединить эти двѣ категоріи козачества, по большей же части между ними не было никакой ощутительной границы, и самый реестръ очень часто существовалъ только на бумагѣ или даже въ воображеніи.

Подробнѣе происхожденіе и дальнѣйшая исторія козачества будетъ изложена въ VI т. Історії України-Руси. Пока укажу: мои—Примітки до історії козачини въ XXII т. Записокъ Наукового товариства імени Шевченка; Костомарова—Богданъ Хмельницкій, т. I, предисловіе (сводъ фактовъ, не всегда полный, освѣщенія мало); Кулиша—Исторія возсоединенія Руси, т. I (много лишняго и предвзятаго, но не мало и вѣрныхъ соображеній); Стороженка—Стефанъ Баторій и Днѣпровскіе козаки, 1904 (освѣщеніе одностороннее).

XV.

Уже на исходѣ 80-хъ гг. XVI в., послѣ недавнихъ репрессій кор. Стефана Баторія и его попытокъ организовать козачество, подъ шумъ борьбы польскихъ партій по его смерти, учащаются козацкіе походы въ Крымъ, Молдавію и въ турецкія владѣнія на черноморскомъ побережьи (гдѣ взятъ былъ Очаковъ, Тегинь, Козловъ въ Крыму) и одновременно происходятъ наѣзды, мелкая война „на волости", въ смежныхъ съ козацкимъ райономъ частяхъ воеводствъ Кіевскаго и Браславскаго: козачество, очевидно, начинало раздвигать свою территорію на сѣверъ и западъ. Отвѣтомъ были репрессіи 1590 г. и извѣстная уже намъ новая попытка организаціи козачества.

Но уже въ 1591 г. гетманъ козацкій Криштофъ Косинскій, представляющій интересы козаковъ, взятыхъ правительствомъ на службу, такъ называемыхъ позже реестровыхъ, жалуется, что козаки обѣщаннаго жалованья не получаютъ, и поэтому, грозилъ онъ, будутъ сами о себѣ промышлять. Въ концѣ 1591 г. этотъ козацкій предводитель, вѣроятно—украинскій шляхтичъ по происхожденію, незадолго предъ тѣмъ получившій за свою службу въ козачьемъ войскѣ пожалованіе на имѣніе въ южной Кіевщинѣ и изъ-за этого имѣнія столкнувшійся съ кн. Ян. Острожскимъ, владѣвшимъ тогда сосѣднимъ Білоцерковскимъ староствомъ, напалъ съ козацкимъ войскомъ на Білоцерковское староство и затѣмъ въ продолженіе цѣлаго 1592 г. его козаки хозяйничали въ панскихъ имѣніяхъ и державахъ Кіевскаго воеводства и прилегающихъ мѣстностяхъ Волыни. Документальныя свѣдѣнія мы имѣемъ только о разореніи панскихъ имѣній, но современники приписывали Косинскому очень широкіе и радикальные планы: по ихъ словамъ, онъ намѣревался заручиться помощью крымскаго хана и московскаго царя и уничтожить шляхту на Украинѣ. Насколько это справедливо, трудно сказать, такъ какъ дѣятельность Косинскаго слишкомъ ско-

сложилась легенда, что его сожгли въ мѣдномъ быкѣ, какъ Фалариса. Сеймъ объявилъ всѣхъ козаковъ врагами отечества, лишенными охраны законовъ; всѣ привилегіи ихъ были отмѣнены. Но козачество не было уничтожено: низовцевъ, въ ихъ недоступныхъ степяхъ, невозможно было преслѣдовать, и ихъ оставили въ покоѣ.

Впрочемъ, лубенская бойня и на нихъ произвела впечатлѣніе: на нѣкоторое время они притихаютъ, и среди нихъ обозначается партія оппортунистовъ, ставившая цѣлью прежде всего добиться возстановленія козацкихъ привилегій. Это ей удается дѣйствительно, такъ какъ Польшѣ козаки скоро понадобились. Уже въ 1599 г., вмѣшавшись въ молдавскія дѣла, правительство обратилось къ низовому козачеству съ приглашеніемъ принять участіе въ войнѣ. Тѣ потребовали, хотя въ очень мягкой формѣ, полной реабилитаціи, возстановленія status quo и возвращенія привилегій. Ихъ обнадежили, и они приняли участіе въ молдавской войнѣ, а въ 1601 г. сеймъ, имѣя предъ собою новую войну—шведскую—и расчитывая опять-таки на козаковъ, возстановилъ козацкую организацію. И хотя онъ оговорилъ при этомъ, что власть помѣщиковъ и старостъ надъ козаками должна остаться въ силѣ, но эта оговорка не имѣла никакого значенія: козаки, почувствовавъ, что правительство въ нихъ нуждается, становятся снова хозяевами въ юго-восточной Украинѣ, такъ что нѣсколько лѣтъ спустя правительство видитъ себя вынужденнымъ опять публиковать разныя распоряженія „объ обузданіи украиннаго своевольства“ и одновременно констатировать, что эти распоряженія не имѣютъ никакой силы, что козаки не признаютъ власти старостъ и помѣщиковъ, организовали свое собственное выборное управленіе и принимаютъ подъ свою власть и въ свой „присудъ“ не только отдѣльныхъ крестьянъ и мѣщанъ, но и цѣлые города. Участіе польскаго правительства въ московскихъ дѣлахъ такъ наз. смутнаго времени, потребовавшее большихъ военныхъ силъ и затянувшееся въ долгую, хроническую войну, заставляло его въ значительной степени смотрѣть сквозь пальцы

на козачество, такъ какъ оно постоянно нуждалось въ козакахъ для этой войны, и многочисленныя постановленія сейма противъ нихъ издавались больше для успокоенія шляхты украинскихъ земель, сильно терпѣвшей отъ козаковъ.

Они дѣйствительно хозяйничали какъ дома въ шляхетскихъ имѣніяхъ. Судебные акты наполнены жалобами шляхты. Съ другой стороны слышимъ о частыхъ нападеніяхъ ихъ на татарскія и турецкія владѣнія. Не довольствуясь сухопутными походами на Крымъ и турецкіе города на сѣверномъ берегу Чернаго моря, козаки пускаются на своихъ утлыхъ ладьяхъ (такъ наз. чайкахъ) въ далекія морскія экспедиціи, съ невѣроятной отвагой и пренебреженіемъ къ опасностямъ. Второе и третье десятилѣтіе XVII в. было героическою эпохою этихъ морскихъ походовъ, когда козаки держали въ страхѣ все Черное море, „окуривали мушкетнымъ дымомъ“ стѣны Константинополя и Синопа и заставляли дрожать того самаго султана, предъ которымъ дрожала Польша, да и остальная Европа. Въ 1614 г. они разрушили Синопъ и сожгли его цейхгаузъ, причинивъ убытку на 40 мил. Въ началѣ 1615 г. они на 80 ладьяхъ напали на окрестности Константинополя, сожгли гавани Мизевны и Архіока, безнаказанно опустошили мѣстность и ушли, а когда турецкій флотъ нагналъ ихъ около устья Дуная, смѣло бросились на турецкіе корабли, овладѣли ими и сожгли въ виду Очакова. Турки отомстили, выславъ Татаръ на Волынь и Подолье, но турецкій флотъ, отправленный противъ самихъ козаковъ, былъ разбитъ ими въ Днѣпровскомъ лиманѣ, причемъ козаки взяли больше десятка большихъ галеръ и множество болѣе мелкихъ судовъ, а вслѣдъ затѣмъ напали и сожгли Кафу, и т. д., и т. д.

Эти походы и слѣдовавшія за ними угрозы Турокъ и набѣги Татаръ сильно раздражали польское правительство противъ козаковъ, такъ же какъ и хозяйничанье ихъ на Украинѣ; но они были нужны, а главное — не было силъ принудить ихъ къ повиновенію. Въ виду слабости польскихъ военныхъ силъ, экспедиціи на козаковъ, предпринимавшіяся

нѣсколько разъ въ продолженіе второго десятилѣтія XVII в.— такъ наз. комиссіи, оканчивались тѣмъ, что козацкіе вожди давали увѣренія, что походы на Турокъ и Татаръ и нападенія на шляхетскія имѣнія будутъ прекращены, что козаки „на волости“ будутъ вести себя спокойно, исключатъ всѣхъ „своевольныхъ“ изъ своей среды и т. д. Эти увѣренія приходилось принимать за чистую монету, а фактическое положеніе вещей не измѣнялось, и козаки оставались далѣе господами юго-восточной Украины—всей южной части огромнаго Кіевскаго воеводства.

Одновременно съ этимъ небывалымъ доселѣ развитіемъ силъ козачества, его славы и значенія, развивалась его организація и расширялась программа. Первыя козацкія движенія конца XVI в. имѣютъ еще очень хаотическій характеръ: въ немъ трудно видѣть что либо большее, кромѣ оппозиціи шляхетскимъ польскимъ порядкамъ и стихійной экстенсивной силы. Проблески болѣе сознательной программы, вродѣ упомянутыхъ выше плановъ, приписывавшихся Косинскому, трудно считать общимъ мѣриломъ. Болѣе сознательное идейное содержаніе, хотя нѣсколько иное и, можетъ быть, болѣе узкое сравнительно съ тѣми зародышами соціальной программы, которые мы видимъ въ первыхъ козацкихъ движеніяхъ и которые въ такой же эмбріональной формѣ остаются и въ дальнѣйшемъ, — даетъ козачеству упомянутый выше союзъ съ духовенствомъ и вообще украинской интеллигенціею. Этотъ союзъ, заключенный во имя общихъ религіозныхъ и національныхъ интересовъ, причемъ на первомъ планѣ фигурировала именно религія, прикрывая національныя стремленія и интересы, получаетъ свое полное осуществленіе именно въ этомъ періодѣ козацкой силы и славы, во второмъ и третьемъ десятилѣтіяхъ XVII в.

Уже въ движеніи Наливайка видѣли извѣстную связь съ оппозиціею православныхъ противъ уніи, но эта связь очень слаба и сомнительна, хотя противники и прозывали православныхъ „Наливайками“. Болѣе краснорѣчивый эпизодъ, съ опредѣленно выраженнымъ характеромъ сохранили

намъ источники изъ болѣе поздняго времени: въ 1610 г. тогдашній козацкій гетманъ Тискиневичъ, очевидно, подъ вліяніемъ сообщеній изъ кіевскихъ православныхъ круговъ, прислалъ письмо кіевской администраціи съ предостереженіемъ, что если уполномоченный уніатскаго митрополита будетъ препятствовать православнымъ въ свободномъ отправленіи богослуженія, то онъ на такой случай уже далъ приказъ козакамъ убить его „яко пса". Исторія эта окончилась тѣмъ, что упомянутаго уніатскаго администратора козаки дѣйствительно утопили въ Днѣпрѣ.

Благодаря такому заступничеству всесильнаго въ этихъ краяхъ козачества, кіевскіе православные отстояли себя, такъ что уніатскій митрополитъ кіевскій Потій не рѣшался даже показываться здѣсь. Во второмъ десятилѣтіи XVII в. въ Кіевѣ, какъ мы видѣли, организовался подъ покровомъ козачества новый центръ религіозно-національной и просвѣтительной дѣятельности, а въ 1620 г. кіевское духовенство и тогдашній гетманъ Петръ Сагайдачный воспользовались проѣздомъ изъ Москвы іерусалимскаго патріарха Ѳеофана, чтобы возстановить православную іерархію. Сагайдачный сдѣлался вершителемъ ея судебъ и умѣлъ воспользоваться своимъ положеніемъ. Такъ какъ польское правительство и безъ того очень подозрительно относилось къ Ѳеофану, подозрѣвая въ его путешествіи политическіе планы, то Сагайдачный отъ московской границы взялъ его подъ свою спеціальную охрану, и затѣмъ подъ такою же усиленною охраною, съ разными предосторожностями, осенью этого года были посвящены патріархомъ митрополитъ и нѣсколько епископовъ. Такое самовольное, безъ разрѣшенія правительства, востановленіе православной іерархіи было шагомъ очень смѣлымъ, даже и при покровительствѣ козаковъ. Но обстоятельства благопріятствовали ему: Польша въ этотъ моментъ нуждалась въ козакахъ болѣе, чѣмъ когда бы то ни было, и, разъ они сдѣлали изъ возстановленія православной іерархіи свое дѣло, правительство не рѣшилось его уничтожить.

Причина такой сдержанности польскаго правительства

заключалась въ томъ, что какъ разъ въ это время Турція, послѣ неоднократныхъ угрозъ, двинула наконецъ свое войско противъ Польши. Козаки или вовсе не приняли участіе въ войнѣ, или если и приняли, то очень слабое: среди нихъ въ это время одержала побѣду партія крайнихъ, рѣшительно враждебная польскому правительству, Сагайдачный, вождь умѣренныхъ, устранился отъ дѣлъ и не принялъ участія въ кампаніи. Жолкевскій, выступившій навстрѣчу Туркамъ со своимъ малочисленнымъ войскомъ, былъ разбитъ подъ Цецорой и самъ палъ въ битвѣ. Ожидали новаго, еще болѣе грознаго похода Турокъ на слѣдующій годъ, Польша была въ страшной паникѣ, и единственная надежда была на козаковъ. Правительство, уже успѣвшее передъ тѣмъ объявить новопоставленную православную іерархію незаконною, должно было въ концѣ концовъ примириться съ совершившимся фактомъ. Въ чемъ состояли еще другія уступки, цѣною которыхъ было пріобрѣтено согласіе козаковъ на участіе въ войнѣ,—намъ въ точности неизвѣстно. Послѣ значительнаго промедленія, Сагайдачный своимъ вліяніемъ склонилъ козаковъ въ концѣ концовъ къ дѣятельному участію въ новой кампаніи противъ Турокъ: авторитетъ Сагайдачнаго и его партіи превозмогъ оппозицію крайнихъ.

До насъ вообще дошло мало подробностей объ этой выдающейся личности, оставившей такой замѣтный слѣдъ въ исторіи козачества. По происхожденію украинскій шляхтичъ изъ Галиціи, изъ-подъ Самбора, онъ упоминается въ нашихъ источникахъ очень поздно—уже въ качествѣ козацкаго гетмана, предводителя въ смѣломъ морскомъ походѣ 1616 г. Искусный и отважный полководецъ, онъ одновременно показываетъ большіе таланты дипломата и администратора. Очевидно, въ значительной степени благодаря его вліянію, цѣлое десятилѣтіе, на границѣ двадцатыхъ и тридцатыхъ годовъ XVII в., бывшее временемъ наибольшаго развитія козацкихъ силъ и значенія, проходитъ безъ всякихъ серьезныхъ конфликтовъ съ правительствомъ. Будучи представителемъ партіи умѣренныхъ козацкихъ оппортунистовъ, ста-

равшихся избѣгать конфликтовъ съ правительствомъ, Сагайдачный цѣною обѣщаній и внѣшнихъ уступокъ успѣшно охранялъ козацкій status possidendi отъ правительственныхъ репрессій. Онъ ловко лавировалъ между неисполнимыми желаніями правительства—съ одной стороны, и требованіями крайней козацкой партіи—съ другой, стараясь дать исходъ энергіи козацкой вольницы внѣ конфликтовъ съ правительствомъ; правда, что и обстоятельства ему благопріятствовали, такъ какъ Польша въ это время, повторяемъ, очень нуждалась въ козакахъ. Включеніе въ козацкую программу религіозно-національнаго вопроса было, несомнѣнно, въ значительной степени его дѣломъ, что показываетъ въ немъ патріота съ довольно широкимъ кругозоромъ. Роль, какую онъ сыгралъ въ турецкой войнѣ 1621 г., дала ему возможность закрѣпить успѣхи своей политики даже для послѣдующихъ годовъ, и они пережили его смерть, хотя и не надолго.

Въ войнѣ 1621 г., такъ называемой Хотинской кампаніи, козаки подъ предводительствомъ Сагайдачнаго сыграли главную роль. Ему удалось одолѣть вождя крайнихъ—Бородавку и соединить въ своихъ рукахъ всѣ силы козачества. Козаки оказывали чудеса храбрости въ битвахъ, и успѣшное окончаніе этой кампаніи въ Польшѣ открыто признавали заслугою козаковъ. Сагайдачнаго считали спасителемъ Польши отъ страшной опасности, грозившей ей отъ Турокъ. Но онъ только нѣсколькими мѣсяцами пережилъ этотъ тріумфъ, скончавшись отъ раны, полученной во время этой войны.

При Сагайдачномъ сила и значеніе козачества въ Польскомъ государствѣ, еще въ рамкахъ его государственной системы, достигли своего апогея. Преемники власти и политики Сагайдачнаго оказались однако въ трудномъ положеніи. Хотинская побѣда освободила Польшу отъ страха турецкаго нашествія; козаки болѣе не нужны были правительству. Походы же ихъ на турецкія и татарскія земли продолжались по-прежнему, и, когда въ польскихъ кругахъ изгладились первыя впечатлѣнія признательности за хотин-

скую услугу, выдвинулся снова вопросъ объ обузданіи украинскаго своеволія для поддержанія добрыхъ отношеній съ Турціей и успокоенія украинской шляхты, жестоко терпѣвшей отъ усиленія козачества. Сильное раздраженіе въ правительственныхъ сферахъ вызвали вмѣшательства козаковъ въ религіозную борьбу: въ началѣ 1625 г. ихъ посланцы убили кіевскаго войта Ходыку и уніатскаго администратора Юзефовича, которые начали было препятствовать православнымъ въ совершеніи богослуженія, а на сеймѣ того же года, по нѣкоторымъ извѣстіямъ, они выступили съ петиціею о расширеніи козацкихъ привилегій и прекращеніи притѣсненій, испытываемыхъ православными. Это совпало съ убійствомъ въ Полоцкѣ уніатскаго архіепископа Кунцевича и вызвало тѣмъ большее раздраженіе. Козакамъ предъявленъ былъ ультиматумъ: прекратить набѣги на сосѣднія государства и исключить изъ своей среды всѣхъ невписанныхъ въ реестръ. Но это вызвало только взрывъ негодованія въ козацкихъ кругахъ. Снова верхъ взяла партія крайнихъ, гетманомъ былъ выбранъ одинъ изъ ея представителей—Жмайло и, вмѣсто обѣщаній покорности, козаки начали готовиться къ войнѣ. Тогда правительство поручило кор. гетману Конецпольскому двинуть противъ нихъ войска, и осенью 1625 г. онъ дѣйствительно открылъ походъ на козаковъ.

Кампанія 1625 г. служитъ типическимъ образчикомъ козацко-польскихъ войнъ. Козачество было тяжелою машиною. Чтобы стянуть разсѣянныхъ въ степяхъ на промыслахъ низовцевъ, тѣмъ болѣе—чтобы мобилизировать земледѣльческое осѣдлое козачество, жившее въ государственныхъ и частныхъ имѣніяхъ на огромномъ пространствѣ юго-восточной Украины, нужно было много времени. Не успѣла еще мобилизироваться эта козацкая масса, какъ Конецпольскій быстрымъ походомъ, стягивая на пути силы, прошелъ правобережную Украину, остановивъ козацкую мобилизацію и заставивъ мелкіе козацкіе отряды отступить на югъ, къ Запорожью, и, прежде чѣмъ Жмайло съ низовцами „выгребся на волость“, стоялъ уже подъ Черкасами. Жмайло старался

склонить на сторону козаковъ крымскаго хана, но это ему не удалось, и онъ только потерялъ дорогое время. Но козаки, собравшіеся около Черкасъ, постарались переговорами протянуть время, и за это время Жмайло дѣйствительно подоспѣлъ съ Запорожья „съ арматою“ (артиллеріею). Конецпольскій предложилъ ему условія правительства: число козаковъ будетъ ограничено четырехтысячнымъ реестромъ, остальные вернутся въ крестьянское или мѣщанское состояніе; старшій козацкій будетъ назначаться правительствомъ; морскіе походы на будущее время строго запрещаются. Козаки отказались принять эти условія, дѣйствительно неосуществимыя: козаковъ считали до 50.000, и четырехтысячный реестръ въ виду этого былъ просто ироніею! Начались военныя дѣйствія.

Первая битва, около Крылова, очень упорная, окончилась нерѣшительно; козаки отступили и около Курукова озера (теперь Крюковъ) расположились укрѣпленнымъ лагеремъ (устраивать такіе лагери они были мастера). Конецпольскій предпринялъ рядъ штурмовъ козацкаго лагеря, но козаки защищались очень упорно, и Поляки были отбиваемы съ большими потерями. Положеніе Поляковъ становилось очень рискованнымъ, и Конецпольскій возобновилъ переговоры. Подъ вліяніемъ понесенныхъ потерь и среди козаковъ тоже одержали верхъ умѣренные элементы, стремившіеся возстановить добрыя отношенія съ польскимъ правительствомъ, тѣмъ болѣе, что перспектива близкой войны Польши со Швеціею подавала надежду, что осуществить свои требованія въ дѣйствительности правительство не будетъ въ состояніи. Послѣ обоюдныхъ торговъ и уступокъ, козаки согласились на шеститысячный реестръ и дали обѣщаніе не производить походовъ на сосѣднія государства. „Старшимъ“ правительство назначило вождя умѣренной партіи, уже раньше занимавшаго этотъ постъ—Михайла Дорошенка, человѣка, несомнѣнно, способнаго, талантливаго администратора и полководца. Онъ былъ дѣдомъ еще болѣе славнаго гетмана Петра Дорошенка.

Подъ давленіемъ расквартированнаго на Украинѣ польскаго войска Дорошенко составилъ реестръ. Это означало, что изъ десятковъ тысячъ козачества будутъ пользоваться козацкими правами впредь только шесть тысячъ вписанныхъ въ этотъ реестръ, а остальные будутъ „послушными подданными“ своихъ помѣщиковъ и старостъ. Но въ дѣйствительности эта реформа, несомнѣнно, не была проведена сколько нибудь строго, потому что массу „выписчиковъ“, т. е. исключенныхъ изъ реестра козаковъ, взяло на службу для шведской войны само правительство, уничтоживъ такимъ образомъ собственными руками результаты кампаніи 1625 г. Съ другой стороны, Дорошенку удавалось удерживать козаковъ отъ морскихъ походовъ: онъ нашелъ исходъ ихъ энергіи въ крымскихъ междоусобіяхъ. Участіе въ нихъ козаковъ не было противно планамъ польскаго правительства и не грозило конфликтомъ съ послѣднимъ.

Но въ крымскомъ походѣ 1628 г. Дорошенко былъ убитъ. Его преемникъ, Грицько Черный, не обладалъ, очевидно, тактомъ и способностями Дорошенка и не умѣлъ держать въ повиновеніи выписчиковъ, несмотря на благопріятныя условія, созданныя вмѣшательствомъ въ крымскія дѣла самого польскаго правительства. Если Дорошенко, будучи гетманомъ по назначенію, тѣмъ не менѣе, былъ представителемъ національныхъ интересовъ, какъ показываютъ его петиціи въ интересахъ православія, и пользовался большимъ авторитетомъ среди козачества и украинскаго общества вообще, то въ Грицькѣ видѣли лишь правительственную креатуру. Крайніе элементы скоро усилились на Запорожьѣ настолько, что Грицько вынужденъ былъ выйти оттуда „на волость“, а на Низу появляются самовольно выбранные выписчиками гетманы, не признающіе Чернаго. Къ ихъ сторонѣ обращаются и симпатіи украинскаго населенія и интеллигенціи: не къ Черному, а на Запорожье обращается православный митрополитъ за содѣйствіемъ противъ новыхъ мѣръ правительства, предпринятыхъ въ интересахъ уніи.

Крайняя партія—запорожскіе „выписчики“—разрываетъ

съ лояльною политикою Дорошенка, предпринявъ большой морской походъ на малоазіатское побережье и возобновивъ самостоятельныя политическія сношенія. Положеніе достигаетъ еще большаго напряженія, когда съ окончаніемъ шведской войны правительство отпускаетъ на Украину навербованные козацкіе полки и одновременно—гетмана Конецпольскаго съ польскимъ войскомъ. Опираясь на его помощь, Черный дѣлаетъ попытку подавить противную партію, но этимъ только ускоряетъ развязку. Низовцы подъ предводительствомъ своего гетмана Тараса Федоровича *) весною 1630 г. вступаютъ въ предѣлы Кіевскаго воеводства. Черный, прибывшій къ нимъ по ихъ приглашенію, былъ ими убитъ; большинство подчиненныхъ ему козаковъ присоединилось къ низовцамъ. Въ народѣ распространились граматы Тараса, приглашавшія населеніе къ возстанію противъ правительства и присоединенію къ козакамъ. Польскія войска, отказавшіяся по требованію Тараса выйти изъ своихъ квартиръ, подвергались избіеніямъ со стороны возставшихъ козаковъ и крестьянъ.

Возстаніе захватило Конецпольскаго врасплохъ. Онъ однако поспѣшилъ противъ козаковъ, собирая по пути шляхетскія ополченія. При его приближеніи козаки изъ-подъ Кіева отступили за Днѣпръ и расположились лагеремъ около Переяслава. Повторилась кампанія, очень напоминавшая событія 1625 г. Польское войско дѣлало усилія взять козацкій таборъ, но это ему не удалось. Понесши огромныя потери, Конецпольскій принужденъ былъ начать переговоры; положеніе его было тѣмъ затруднительнѣе, что возстаніе отрѣзало ему сообщеніе съ западными провинціями. Но и среди козацкаго войска, очевидно, наступило раздвоеніе—умѣренные элементы начали опять поднимать голосъ. Въ концѣ концовъ козаки согласились принять условія Куруковскаго трактата 1625 г., взамѣнъ чего Конецпольскій долженъ былъ

---

*) Въ позднѣйшей традиціи, вообще очень фантастически обработавшей это возстаніе, Тарасъ носитъ прозвище Трясила.

признать полную амнистію для всѣхъ участниковъ возстанія. Молчаливымъ соглашеніемъ было установлено, что въ фактическія отношенія козаковъ и Украины Конецпольскій не будетъ вмѣшиваться. Выписчики обѣщали разойтись по домамъ. Оффиціальнымъ гетманомъ былъ назначенъ нѣкій Орендаренко.

Такимъ образомъ, если козакамъ и не удалось добиться юридическаго расширенія козацкихъ привилегій, къ которымъ стремился Тарасъ, требуя отмѣны куруковскихъ ограниченій, то фактически они удержали status quo. Нѣкоторыя формальныя уступки также были ими достигнуты, что, можетъ быть, было отвѣтомъ на петицію козаковъ правительству. Реестръ былъ увеличенъ до 8.000, что представляло, впрочемъ, цѣну лишь въ смыслѣ прибавки жалованья, такъ какъ фактическаго значенія реестръ не получилъ; обѣщано „удовлетвореніе какъ относительно ихъ правъ, такъ и въ религіозномъ вопросѣ“.

Война Польши съ Москвою, затѣмъ со Швеціею заставляла правительство дорожить козаками: выписчики были снова приняты на службу. Но болѣе дальновидные въ политическомъ отношеніи представители козачества не удовлетворяются уже этой фактической свободой отъ правительственныхъ ограниченій, а стремятся легализировать ее и доставить козачеству вліяніе на государственную жизнь Польши. Эту программу особенно ясно видимъ у тогдашняго (1631—32) гетмана Петражицкаго-Кулаги. Во время безкоролевья по смерти Сигизмунда III (1632) козаки выступаютъ съ требованіемъ о допущеніи ихъ къ участію въ выборѣ короля и съ своей стороны заявляютъ сыну Сигизмунда Владиславу, что готовы поддерживать его кандидатуру даже вооруженною силою. При этомъ они выступаютъ не какъ представители только своихъ сословныхъ интересовъ, а какъ представители украинскаго народа: въ петиціяхъ, присланныхъ на избирательный сеймъ 1632 г., они на первомъ мѣстѣ ставятъ требованія, чтобы „народъ нашъ русскій пользовался принадлежащими ему правами и привилегіями“,

а православное духовенство нигдѣ не подвергалось ограниченію въ свободномъ отправленіи своихъ функцій и пользованіи церковными имуществами и не терпѣло притѣсненій отъ уніатовъ. Для себя козаки ходатайствовали только о прибавкѣ жалованья и обезпеченіи правъ козаковъ, проживавшихъ въ помѣщичьихъ имѣніяхъ. Нужно сказать, что эти столкновенія козачьихъ „вольностей" съ помѣщичьими правами составляли одинъ изъ наиболѣе щекотливыхъ пунктовъ въ общественныхъ отношеніяхъ юго-восточной Украины: помѣщики никакъ не хотѣли отречься вполнѣ отъ своихъ правъ по отношенію къ „покозачившимся" подданнымъ, и вопросъ этотъ постоянно всплывалъ при опредѣленіи козачьихъ отношеній.

Козацкія петиціи, поддержанныя вдобавокъ нѣкоторыми вооруженными манифестаціями, не остались вполнѣ безплодными. Несомнѣнно, что онѣ сильно повліяли на благопріятное рѣшеніе вопроса о православной іерархіи, какъ онъ былъ поставленъ въ такъ называемыхъ „статьяхъ объ успокоеніи русскаго народа", выработанныхъ сеймовою комиссіею. Этими статьями, подтвержденными присягой новоизбраннаго короля Владислава, оффиціально признавалась рядомъ съ уніатскою возстановленная православная іерархія и православная церковь, свободное исповѣданіе православія и т. д.

Миръ однако не былъ продолжителенъ. Крайніе элементы были такъ сильны, что съ ними трудно было совладать. Кулага-Петражицкій, напр., скоро навлекъ на себя упреки въ излишней уступчивости правительству, хотя въ дѣйствительности этого за нимъ вовсе не замѣтно. Онъ былъ смѣненъ, а потомъ и убитъ; главной причиною неудовольствій были его усилія удержать козаковъ отъ морскихъ походовъ, которые предпринимались низовцами и грозили испортить отношенія къ правительству и воспрепятствовать осуществленію лояльной программы умѣренныхъ. Послѣднимъ однако удалось еще продержаться нѣсколько лѣтъ. Въ 1635 г. у низовцевъ дошло до конфликта съ правительствомъ: набѣги козаковъ на турецкія земли вызвали рядъ сеймовыхъ

постановленій противъ нихъ; между прочимъ, рѣшено было построить крѣпость на Днѣпрѣ, чтобы воспрепятствовать ихъ походамъ на море; такая крѣпость была построена у перваго порога—Кодацкаго (и по его имени названа Кодакомъ), но козацкая экспедиція, возвращавшаяся съ моря подъ предводительствомъ Сулимы, встрѣтивъ эту новую крѣпость на дорогѣ, разорила ее, а гарнизонъ избила. Партія умѣренныхъ была еще настолько сильна, что не допустила разгорѣться возстанію: реестровые удержали низовцевъ и заставили выдать предводителей—Сулиму и другихъ, которые были отосланы въ Варшаву и казнены.

Но броженіе все усиливалось и начало охватывать даже реестровыхъ. Съ окончаніемъ московской и шведской кампаній отпущены были по домамъ, на Украину, козаки, а наемныя польскія войска располагаются въ юго-восточной Украинѣ на квартиры. Въ такіе моменты вообще скоплялся здѣсь горючій матеріалъ: расквартированіе польскихъ войскъ приводило къ утѣсненію украинскаго населенія и вызывало среди него крайнее озлобленіе, переходившее очень часто въ ссоры, схватки и стычки. Козаки были раздражены тѣмъ, что за цѣлый рядъ лѣтъ имъ не было выплачено жалованье; притомъ возвращеніе по домамъ большого числа козаковъ придало новую остроту вопросу о козацкой осѣдлости, отношеніяхъ къ помѣщикамъ, старостамъ и пр. Организованный однимъ изъ участниковъ похода Сулимы Павлюкомъ (полное имя его было Павло Бутъ, но онъ извѣстенъ подъ этимъ уменьшительнымъ именемъ) походъ въ Крымъ нѣсколько ослабилъ напряженіе: это вмѣшательство въ крымскія смуты не было противно политикѣ правительства, а между тѣмъ отвлекало вниманіе козаковъ. Умѣренные, во главѣ которыхъ стоялъ гетманъ Томиленко, старались петиціями склонить правительство къ удовлетворенію козацкихъ претензій и жалобъ, но оно совсѣмъ не кстати стало неуступчивымъ: уменьшило жалованье, не согласилось удовлетворить просьбы козаковъ относительно нѣкоторыхъ правъ ихъ—между про-

чимъ, злобою дня было воспрещеніе помѣщиками козакамъ свободнаго винокуренія для собственнаго потребленія.

Когда Павлюкъ, вернувшись изъ крымскаго похода весною 1637 г., началъ агитацію въ духѣ крайней оппозиціи, это направленіе начало одерживать верхъ. Козацкую „армату" сторонники Павлюка насильно забрали изъ Черкасъ и перевезли въ Запорожье, гдѣ начало организоваться движеніе противъ правительства. Правительственная партія ускорила развязку, смѣнивъ Томиленка, подозрѣваемаго въ сочувствіи Павлюку, и выбравъ новаго гетмана Кононовича. Отвѣтомъ была прокламація Павлюка, объявлявшая Кононовича и его сторонниковъ измѣнниками и приказывавшая арестовать ихъ. Кононовичъ со всею старшиною были арестованы и приведены въ лагерь Павлюка; нѣкоторыхъ изъ нихъ козаки казнили, другихъ подвергли наказаніямъ. Отряды Павлюковыхъ козаковъ, разсѣявшись по юго-восточной Украинѣ, принялись разорять панскія имѣнія, возбуждая населеніе къ возстанію. Были распространены воззванія, приглашавшія всѣхъ исповѣдующихъ „благочестивую (т. е. православную) вѣру" къ возстанію противъ Поляковъ, замышляющихъ уничтожить козаковъ и обратить всѣхъ въ своихъ невольниковъ. Вездѣ формировались отряды возставшихъ, такъ что шляхта принуждена была спасаться бѣгствомъ.

Ея жалобы понудили наконецъ правительство обратиться къ рѣшительнымъ мѣрамъ. Польскій гетманъ Потоцкій получилъ приказъ отправиться для усмиренія возставшихъ. Ему удалось пройти до Днѣпра раньше, чѣмъ изъ Запорожья прибылъ съ низовцами и арматою Павлюкъ, который между тѣмъ старался привлечь на свою сторону Крымъ и упустилъ моментъ, когда могъ овладѣть территоріею Кіевскаго воеводства. Часть реестровыхъ присоединилась къ войску Потоцкаго; среди самихъ возставшихъ не было единства плана и рѣшимости продолжать борьбу во что бы то ни стало. Перейдя р. Рось у Днѣпра, Потоцкій встрѣтилъ Павлюка у с. Кумеекъ, и здѣсь 16 декабря н. ст. произошла битва. Козаки ударили на Поляковъ, окруживши себя подвижною

стѣною возовъ (такъ наз. таборомъ); но ихъ нападеніе было отбито, и Поляки перешли сами въ наступленіе. Козаки начали отступать; польское войско пошло по ихъ слѣдамъ. Заставъ оставленныхъ козаками въ Мошнахъ раненыхъ и отставшихъ и перебивъ ихъ, оно настигло около Боровицы войско Павлюка. Понесенныя козаками значительныя потери подорвали энергію въ козацкомъ войскѣ. Какъ говоритъ польскій дневникъ похода, козаки выслали депутацію къ Потоцкому съ просьбой о мирѣ, затѣмъ по его требованію выдали Павлюка и Томиленка, обѣщали сжечь чайки и выгнать изъ Запорожья своевольную „чернь". На этихъ условіяхъ состоялся миръ. Польскіе комиссары составили реестръ; Потоцкій, чиня жестокія экзекуціи надъ возставшими—казня и сажая на колъ, прошелъ по Украинѣ, и для поддержанія спокойствія расположилъ здѣсь свое войско на зимнія квартиры.

Но изъ Запорожья козаковъ выбить не удалось; туда укрылись разсѣянные отряды, и тамъ производились дѣятельныя приготовленія къ новой войнѣ. Гетманомъ выбрали Острянина. Съ наступленіемъ весны (1638 г.) онъ двинулся изъ Запорожья и перенесъ на этотъ разъ театръ возстанія на лѣвый берегъ Днѣпра. Обойдя Потоцкаго, старавшагося преградить ему дорогу, Острянинъ прошелъ до впаденія Голтвы въ Псіолъ и окопался на чрезвычайно удобной позиціи. Потоцкій предпринялъ нѣсколько попытокъ атаковать его, но въ концѣ концовъ вынужденъ былъ отступить съ огромными потерями. Увлеченный успѣхомъ, Острянинъ пошелъ за нимъ слѣдомъ, надѣясь во время похода соединиться съ отрядами козаковъ, которые подходили ему на помощь. Но здѣсь его постигла неудача: подходившіе отряды вмѣсто арміи Острянина натыкались на Поляковъ и были разгромлены, а Острянинъ, вступившій въ битву подъ Лубнами безъ подкрѣпленій, потерпѣлъ большой уронъ и началъ отступать на юго-западъ, къ Днѣпру. Послѣ новой неудачной битвы, Острянинъ бѣжалъ изъ козацкаго войска,

боясь въ случаѣ окончательной неудачи быть выданнымъ Полякамъ *).

На его мѣсто былъ выбранъ Дмитро Гуня. Онъ ухитрился отступить къ Днѣпру и окопался здѣсь въ очень удобной позиціи. Это отступленіе и послѣдовавшая затѣмъ шестинедѣльная осада составляютъ одну изъ замѣчательнѣйшихъ страницъ козацкихъ войнъ и завершили славу Гуни какъ замѣчательнаго вождя, прославившагося уже въ предшествовавшей войнѣ искуснымъ отступленіемъ изъ-подъ Кумеекъ. Козаки чрезвычайно стойко выдерживали канонаду, отбивали приступы и терпѣливо переносили недостатокъ припасовъ, надѣясь на подкрѣпленія и транспортъ, которые велъ изъ-за Днѣпра полковникъ Филоненко. Но Поляки перехватили въ дорогѣ этотъ транспортъ, и Филоненко пробился къ осажденнымъ съ пустыми руками. Это рѣшило участь кампаніи. Козаки должны были принять тяжелыя условія, которыя поставилъ имъ сеймъ; они надѣялись, впрочемъ, что, можетъ быть, депутація ихъ, высланная къ королю, что нибудь измѣнитъ въ нихъ въ ихъ пользу, но надежда оказалась напрасною. Единственно, чего достигли они своимъ упорнымъ сопротивленіемъ—это полной амнистіи для участниковъ возстанія (поскольку, впрочемъ, не перерѣзали ихъ въ предшествующихъ битвахъ Поляки, обнаружившіе въ этой войнѣ вообще крайнюю жестокость и вѣроломство). Но въ общемъ положеніе козачества сравнительно съ предшествующимъ ухудшилось сильно вслѣдствіе этого неудачнаго возстанія.

Козаки потеряли свое самоуправленіе—всѣ высшія должности въ ихъ войскѣ стали замѣщаться по назначенію, и притомъ польскими шляхтичами, относившимися къ козачеству весьма недружелюбно. Было включено также немало постороннихъ козачеству элементовъ и въ реестръ, возвращенный къ старому шеститысячному составу. Козакамъ разрѣшено

---

*) Послѣ этихъ неудачъ Острянинъ, съ большимъ числомъ земляковъ, эмигрировалъ за московскую границу, въ такъ наз. Слободскую Украину.

было жить только въ предѣлахъ староствъ Черкасскаго, Корсунскаго и Чигиринскаго, и всѣ невошедшіе въ реестръ были фактически исключены изъ козачьяго званія. Козачество такимъ образомъ было локализировано и поставлено подъ строгій контроль. Возобновленный Кодакъ преградилъ имъ дорогу на Запорожье; безъ паспортовъ отъ своего начальства козаки не должны были пропускаться въ степь и на Запорожье. Расквартированныя на Украинѣ польскія войска имѣли слѣдить за поддержаніемъ этого порядка и спокойствія.

Благодаря тому, что въ польской внѣшней политикѣ наступило довольно продолжительное затишье и ни войска, ни козаковъ правительству не требовалось, ему удалось въ первый разъ выдержать характеръ и поддержать такой порядокъ довольно долго—въ теченіе цѣлыхъ десяти лѣтъ. Король Владиславъ, мечтавшій объ организаціи европейской лиги противъ Турокъ, имѣлъ, правда, планы направить противъ Турціи козаковъ, чтобы впутать Польшу въ войну съ Турціею и принудить сеймъ, враждебно относившійся къ воинственнымъ планамъ короля, къ ассигнованію кредита на войну. Онъ даже вошелъ по этому вопросу въ секретныя сношенія съ козаками; но козацкая старшина была настолько придавлена, что не рѣшилась откликнуться на эти секретныя приглашенія короля *).

Но всѣ описанныя репрессіи были осуществлены слишкомъ поздно. На Украинѣ скопилось столько горючаго матеріала, предшествовавшія войны такъ расколыхали народныя массы, что нуженъ былъ только толчокъ, чтобы привести ихъ снова въ движеніе. И этотъ толчокъ былъ сдѣланъ въ 1648 г. человѣкомъ, съ именемъ котораго связано величайшее козацкое и народное движеніе Украины, произведшее переворотъ въ ея жизни и въ политическихъ отношеніяхъ всей Восточной Европы. Это былъ чигринскій сотникъ Богданъ Хмельницкій.

Подробнѣе—статьи Доманицкаго: Козачина на переломі XVI—XVII вв. въ Запискахъ Наук. товариства Шевченка, т. 60—64. Руд-

*) Эти сношенія короля съ козаками однако сыграли роль впослѣдствіи въ агитаціи Хмельницкаго.

ницкаго: Козацько-польска война р. 1625 и Українські козаки въ рр. 1625—30, тамъ же т. 17 и 33. Костомарова: Богданъ Хмельницкій, введеніе. Голубевъ: Митр. Петръ Могила, I—II (церковныя отношенія).

XVI.

Украинскій мемуаристъ (такъ назыв. Самовидецъ), описавшій великое украинское народное движеніе XVII в. по личнымъ воспоминаніямъ и представляющій взгляды украинской буржуазіи, стоявшей въ сторонѣ отъ чисто-козацкихъ интересовъ, указываетъ слѣдующія причины возстанія: недовольство своимъ положеніемъ козаковъ-выписчиковъ, обращенныхъ въ крѣпостныхъ крестьянъ и слугъ; гнетъ и несправедливости, испытываемыя реестровыми подъ управленіемъ польскихъ шляхтичей въ роли старшины; раздраженіе крестьянъ — „хотя богато жившихъ", по его словамъ—на „вымыслы" помѣщиковъ, старостъ и арендаторовъ-Евреевъ, и наконецъ—притѣсненіе православія и распространеніе уніи и католичества въ восточной Украинѣ, послѣ подавленія козачества.

Указанія сдѣланы довольно полно и вѣрно, хотя сравнительное значеніе этихъ причинъ авторъ не старался оцѣнить. Главную массу участниковъ возстанія дало крестьянство, которое сильно возрасло численно (это было время наибольшаго развитія крестьянской колонизаціи въ юго-восточной Украинѣ) и съ развитіемъ шляхетскихъ польскихъ порядковъ среди десятилѣтняго затишья на Украинѣ проникло особенно острымъ раздраженіемъ противъ польско-шляхетскаго господства. Горючій матеріалъ дала масса выписчиковъ, лишенныхъ козацкихъ правъ и особенно живо чувствовавшихъ на себѣ давленіе польскихъ порядковъ. Буйства и притѣсненія расквартированныхъ на Украинѣ польскихъ солдатъ доставляли вѣчно новую и обильную пищу этому раздраженію. Религіозныя притѣсненія дали кличъ, объединившій въ борьбѣ противъ польскихъ порядковъ всѣхъ недовольныхъ ими, безъ различія сословныхъ и экономическихъ интересовъ, во имя

ныхъ гетмановъ, призывала ихъ къ репрессіямъ противъ готовящагося возстанія. Король въ своихъ письмахъ совѣтовалъ гетманамъ не доводить до войны, пустить козаковъ „на море", чтобы ихъ энергія нашла исходъ въ походѣ на Турцію. Великій гетманъ Ник. Потоцкій принималъ мѣры предосторожности—отбиралъ оружіе у украинскаго населенія, разставилъ реестровыхъ козаковъ по южной границѣ украинской осѣдлости и одновременно велъ переписку съ Хмельницкимъ, призывая его къ покорности. Но требованія, поставленныя Хмельницкимъ—отмѣна ординаціи 1638 г. и выводъ изъ Украины польскихъ войскъ, были признаны гетманомъ невозможными, оскорбительными, и война была рѣшена *).

Въ половинѣ апрѣля 1648 г. оба гетмана—великій (Потоцкій) и польный (Калиновскій) двинулись со всѣми силами на Хмельницкаго. Впередъ былъ посланъ сынъ Ник. Потоцкаго Стефанъ съ отрядомъ польскаго войска и реестровые козаки подъ предводительствомъ своего комиссара Шемберга; другой отрядъ козаковъ съ польскими войсками былъ посаженъ въ лодки и посланъ по Днѣпру. Но реестровые козаки перешли на сторону Хмельницкаго, двинувшагося съ своей стороны навстрѣчу Потоцкому; сначала возмутились они въ отрядѣ, плывшемъ по Днѣпру, а затѣмъ въ отрядѣ Потоцкаго и Шемберга. Присоединились къ Хмельницкому и навербованные изъ украинскаго населенія драгуны **). Оставленные ими Потоцкій и Шембергъ защищались нѣкоторое время въ своемъ укрѣпленномъ лагерѣ на р. Желтыхъ водахъ отъ окружившихъ ихъ войскъ Хмельницкаго,

---

*) Позже разсказывались анекдоты о самонадѣянности Потоцкаго, не придававшаго, дескать, значенія возстанію; но эти разсказы неосновательны: Потоцкій очень серьезно смотрѣлъ на дѣло, вопреки королю.

**) Natione Roxolani, ritu Graeci, habitu Germani, какъ описываетъ ихъ современникъ—народности украинской, вѣры греческой, а въ обмундировкѣ нѣмецкой.

затѣмъ пробовали отступать, но тутъ ихъ отрядъ былъ снятъ и совершенно уничтоженъ; Потоцкій былъ взятъ въ плѣнъ, Шембергъ убитъ. Покончивъ съ передовымъ отрядомъ, Хмельницкій двинулся противъ главныхъ польскихъ силъ, которыя, почувствовавъ опасность, хотя вѣсти отъ передового отряда до нихъ и не доходили, тѣмъ временемъ начали отступать, разрушая города и мѣстечки, „чтобъ не достались врагамъ". Подъ Корсунемъ настигъ ихъ Хмелницкій съ Татарами; отступая, польская армія попала въ устроенные козаками на ея пути рвы и засѣки и была совершенно уничтожена (26 мая); Потоцкій и Калиновскій попали въ плѣнъ и были отданы Татарамъ.

Корсунская битва лишила всякой защиты польско-шляхетскій режимъ Украины,—войска были уничтожены, вожди въ плѣну. Возстаніе безпрепятственно охватило правобережныя земли и лѣвобережныя, значительно колонизированныя въ предшествовавшее десятилѣтіе. Ватаги возставшихъ крестьянъ, подъ предводительствомъ выписчиковъ, расправлялись съ ненавистною шляхтою, Евреями-арендаторами и со всѣми причастными ненавистному режиму и присоединялись къ козацкимъ войскамъ. Уцѣлѣвшая шляхта спасалась бѣгствомъ. Іеремія Вишневецкій, самый крупный магнатъ лѣвобережной Украины (измѣнившій своей народности потомокъ стараго волынскаго рода), организовалъ сильный отрядъ и съ энергіею и безпощадностью, прославившею его въ польскихъ кругахъ, пытался терроромъ подавить возстаніе, но не былъ въ состояніи совладать съ массой возставшаго крестьянства и едва успѣлъ пробраться въ Кіевское Полѣсье, а оттуда на Волынь. Въ какой нибудь мѣсяцъ вся восточная Украина — воеводства Кіевское, Черниговское и Браславское — была вполнѣ охвачена возстаніемъ и находилась во власти Хмельницкаго, о которомъ ходили слухи, что онъ замышляетъ образовать новое государство, украинскую монархію, принявъ титулъ великаго князя, и тому под.

Но такихъ плановъ Хмельницкій тогда вовсе еще не

имѣлъ. Мы знаемъ, какія условія ставилъ онъ Потоцкому передъ возстаніемъ; только отказъ Потоцкаго привелъ его къ войнѣ. Разгромъ польскихъ войскъ могъ столько же радовать Хмельницкаго, сколько и безпокоить: это былъ ударъ слишкомъ сильный сравнительно съ его цѣлью—произвести на польское правительство давленіе для отмѣны ординаціи 1638 г. Онъ могъ раздражить польское правительство и затруднить разрѣшеніе вопроса. Послѣ Корсунской битвы Хмельницкій остановился подъ Бѣлою Церковью и отсюда пишетъ письма къ вліятельнымъ въ Польшѣ особамъ, оправдывая свое возстаніе и прося для козаковъ защиты отъ притѣсненій. Въ петиціи, посланной правительству отъ козацкаго войска, послѣднее проситъ увеличенія реестра до 12 тыс., уплаты задержаннаго жалованья и отмѣны ординаціи 1638 г. относительно замѣщенія высшихъ должностей въ козацкомъ войскѣ Поляками. Какъ видимъ, желанія скромныя, очень скромныя *),—но нужно помнить, что полувѣковая практика научила козаковъ въ сношеніяхъ съ правительствомъ довольствоваться малымъ—на бумагѣ.

На бѣду, какъ разъ въ это время (20 мая) умеръ король Владиславъ, къ которому питали большое довѣріе какъ самъ Хмельницкій, такъ и козаки вообще. Ни временное правительство, ни сеймъ не имѣли въ ихъ глазахъ достаточно авторитета, и Хмельницкій съ козаками не имѣли желанія вступать съ ними въ переговоры. Чувствуя эту недостаточность своего авторитета, временное правительство и сеймъ отлагали рѣшеніе казацкаго вопроса до выбора короля, а тѣмъ временемъ, не получая никакого опредѣленнаго отвѣта изъ Варшавы, Хмельницкій, чтобы предотвратить разложеніе своихъ силъ, принужденъ былъ двигаться на западъ, поддерживая динамику возстанія.

Когда польскія войска, наново организованныя и пору-

*) Увеличеніе реестра до 12 тыс. проектировалъ король въ своихъ планахъ войны съ Турціею, и это, вѣроятно, послужило основаніемъ для петиціи (Хмельницкому планъ короля долженъ былъ быть извѣстенъ).

ченныя одному изъ бездарнѣйшихъ волынскихъ магнатовъ—ки: Доминику Заславскому (также украинскаго происхожденія), съ своей стороны перешли въ наступленіе, произошла новая катастрофа. 20 сентября польское войско напало на Хмельницкаго подъ Пилявцами (въ южной Волыни), но послѣ перваго же сраженія, довольно неудачнаго для Поляковъ, въ польскомъ лагерѣ среди приготовленій къ отступленію распространилась паника, и въ безграничномъ страхѣ это довольно значительное войско разбѣжалось, куда глаза глядятъ. Польша опять очутилась безъ войска. Волынь и почти вся Подолія оказались во власти возстанія. Движеніе скоро распространилось и въ Галичинѣ *). Хмельницкій по инерціи двигался далѣе на западъ, приступилъ ко Львову и прекратилъ его осаду, получивъ незначительный окупъ; затѣмъ двинулся къ Замостью и осадою послѣдняго занялъ на нѣсколько недѣль вниманіе своего войска въ ожиданіи окончанія безкоролевья. Наконецъ выбранъ былъ король—братъ Владислава Янъ-Казимиръ, кандидатуру котораго поддерживалъ также и Хмельницкій, хотя, какъ оказалось, худшаго выбора онъ не могъ сдѣлать. Хмельцкій, получивъ отъ новоизбраннаго короля увѣдомленіе объ избраніи, воспользовался этимъ поводомъ, чтобы прекратить походъ и вернуться въ Кіевъ, куда должны были прибыть королевскіе послы для установленія новыхъ отношеній.

До сихъ поръ движеніе, вызванное Хмельницкимъ, только своими размѣрами и небывалымъ дотолѣ успѣхомъ отличалось отъ предшествующихъ козацкихъ движеній. Оно исходило изъ интересовъ козачьяго сословія и, хотя оперировало крестьянскими массами, обращалось все еще въ рамкахъ козацкой сословной программы, съ нѣкоторымъ

*) Здѣсь, въ западной Украинѣ,—на Волыни, Подольѣ и въ Галичинѣ,—возстаніе имѣло, впрочемъ, преходящій успѣхъ: не поддержанное съ достаточной энергіей козаками, оно не развило значительныхъ силъ и было затѣмъ подавлено шляхтою. Во власти Хмельницкаго осталась только восточная Украина—Кіевское, Браславское и Черниговское воеводства.

только оттѣнкомъ общенаціональныхъ требованій, сообщеннымъ ей уже со временъ Сагайдачнаго. Мы видѣли требованія возставшихъ—они не выходили за границы чисто-козацкихъ интересовъ; позже Хмельницкій присоединилъ къ нимъ еще требованіе отмѣны уніи, но собственно окончательною цѣлью движенія оставалась отмѣна стѣсненій, введенныхъ въ 1638 г., и возстановленіе козачьихъ льготъ, такъ что Хмельницкій пока являлся только непосредственнымъ преемникомъ Сагайдачнаго, Дорошенка, Тараса Федоровича и др. Только въ Кіевѣ, по возвращеніи изъ побѣдоносной кампаніи, почувствовалъ онъ разницу въ положеніи; его подхватила волна небывалаго народнаго воодушевленія и подъ вліяніемъ послѣдняго происходитъ переломъ въ его взглядахъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ входитъ въ новый фазисъ и все освободительное движеніе.

Хмельницкаго въ Кіевѣ встрѣтили не какъ простого козацкаго вождя, а какъ національнаго героя. „Весь Кіевъ" оказывалъ ему почести гораздо большія, чѣмъ какому либо воеводѣ; депутаціи отъ кіевскихъ школъ привѣтствовали его какъ „украинскаго Моисея", освободителя отъ „лядской неволи", посланнаго Богомъ и въ знакъ того „Богданомъ названнаго"; высшее духовенство, во главѣ съ гостившимъ тогда въ Кіевѣ іерусалимскимъ патріархомъ, встрѣчало его знаками глубокаго уваженія... И вотъ среди этого общаго энтузіазма, подъ вліяніемъ бесѣдъ съ высшими представителями интеллигенціи тогдашняго культурнаго центра Украины, мысли Хмельницкаго начинаютъ выходить за горизонтъ чисто-козацкихъ интересовъ. Конечно, на сцену выступалъ прежде всего религіозный вопросъ—тогдашнее боевое національное знамя; но на немъ мысли Хмельницкаго не останавливались и, разъ выйдя изъ атмосферы чисто-козацкихъ движеній, шли гораздо дальше. Передъ его взоромъ подымались образы возрожденія украинскаго народа, совершенно освобожденнаго отъ польскаго господства и устроеннаго на новыхъ началахъ, подъ охраною козацкаго войска. Онъ начиналъ сознавать возможность созданія иныхъ политическихъ и обществен-

ныхъ отношеній. Трудно безъ волненія слѣдить за подъемомъ политической и общественной мысли у этого даровитаго человѣка, олицетворявшаго въ себѣ современное ему украинское общество, весь украинскій народъ, неожиданно вырвавшійся изъ связывавшихъ его вѣковыхъ путъ политическаго, экономическаго и національнаго порабощенія и съ восторгомъ и смятеніемъ созерцавшаго открывшіеся передъ нимъ горизонты и открывавшаго въ нихъ возможность совершенно новыхъ, немыслимыхъ передъ тѣмъ общественныхъ и политическихъ отношеній.

Когда въ февралѣ 1649 года прибыли къ Хмельницкому королевскіе комиссары, чтобы вручить ему знаки гетманскаго достоинства, впервые признаннаго за козацкимъ вождемъ, и установить новую козацкую ординацію, — вмѣсто увѣреній въ вѣрности и преданности королю и Рѣчи Посполитой Польской, которыя такъ щедро расточалъ Хмельницкій въ прошломъ году, они услышали отъ него совершенно иныя рѣчи. Онъ не хотѣлъ уже вступать ни въ какіе договоры, заявлялъ рѣшимость „выбить изъ лядской неволи весь украинскій народъ“, опершись на крестьянствѣ и для охраны его организовавъ многотысячное козацкое войско. Онъ называлъ себя главою Руси, „русскимъ самодержцемъ“, упоминалъ объ украинскомъ государствѣ—„по Львовъ, Холмъ и Галичъ“ и грозилъ прогнать Поляковъ за Вислу. Въ этихъ словахъ, вырывавшихся у гетмана въ минуты возбужденія, конечно, нельзя искать какого либо вполнѣ опредѣленно, окончательно обдуманнаго плана. Его и не было еще у Хмельницкаго. Онъ и его сподвижники постоянно сбивались съ этихъ широкихъ плановъ на старую козацкую программу, ограничивавшуюся интересами козачества и православной церкви,— но все же было теперь ясно видно желаніе выйти изъ рамокъ польско-шляхетскаго режима и козацкихъ ординацій и поискать новыхъ условій существованія для всего украинскаго народа.

Отказавшись отъ переговоровъ, Хмельницкій дѣятельно приготовлялся къ войнѣ. Въ Польшѣ также почувствовали,

что это будетъ борьба не на жизнь, а на смерть. Самъ король двинулся въ походъ. Но перевѣсъ силъ и таланта былъ несомнѣнно на сторонѣ Хмельницкаго. Театромъ войны оказалась южная Волынь. Неосторожно двинувшіяся противъ него польскія войска Хмельницкій окружилъ подъ Збаражемъ, въ очень неудобной для нихъ позиціи, и довелъ до крайности, а когда на отчаянный призывъ осажденныхъ двинулся на выручку король во главѣ шляхетскаго „посполитаго рушенія" (всеобщаго ополченія), онъ попалъ въ руки Хмельницкаго. Послѣдній слѣдилъ за движеніями короля и, перерѣзавъ ему путь недалеко отъ Збаража, подъ Зборовымъ, поставилъ короля съ его арміею въ безвыходное положеніе. Но въ этотъ моментъ, когда Хмельницкій готовился уже диктовать королю свои условія, всѣ планы его разбились объ измѣну Татаръ: Полякамъ удалось подкупить хана, находившагося со своею ордою въ лагерѣ Хмельницкаго; послѣдній очутился между двухъ огней и долженъ былъ пойти на уступки. Подъ Зборовымъ, въ половинѣ августа 1648 г., заключенъ былъ трактатъ между Хмельницкимъ и королемъ. Козацкій реестръ установлялся въ размѣрѣ 40 тыс., въ него могли быть вписаны козаки, жительствовавшіе въ коронныхъ и помѣщичьихъ имѣніяхъ воеводствъ Кіевскаго, Браславскаго и Черниговскаго; на территорію этихъ воеводствъ не могли быть вводимы польскія войска, въ нихъ не могли жить ни Евреи, ни іезуиты. Православная церковь должна была получить удовлетвореніе въ своихъ жалобахъ на уніатовъ на ближайшемъ сеймѣ; православный митрополитъ получалъ мѣсто въ сенатѣ; на всѣ должности въ упомянутыхъ трехъ воеводствахъ впредь должны были назначаться только православные.

Все это было огромнымъ тріумфомъ, если сравнить съ первоначальными требованіями Хмельницкаго, но полнымъ фіаско—въ сравненіи съ тѣми болѣе широкими планами, для осуществленія которыхъ онъ возобновилъ войну. Если въ Польшѣ были возмущены чрезмѣрностью уступокъ, сдѣланныхъ Зборовскимъ трактатомъ козакамъ, то на Украинѣ онъ

возбудилъ негодованіе противъ Хмельницкаго, какъ измѣна цѣлямъ возстанія. Дѣйствительно, трактатъ возвращалъ все къ старой программѣ козацкихъ движеній: обезпечивались права козачьяго сословія, весьма тщательно оговоренныя въ трактатѣ, а также интересы православной религіи, — и совершенно игнорировались интересы крестьянства, которое должно было вернуться къ прежнимъ отношеніямъ къ помѣщикамъ. Народныя массы, такъ дружно двинувшіяся на призывъ Хмельницкаго, почувствовали себя обманутыми и отвернулись отъ него. Можно сказать, что со Зборовскимъ договоромъ Хмельниччина теряетъ характеръ свободнаго народнаго движенія, народной войны. Хотя народная масса принимаетъ участіе и въ дальнѣйшихъ войнахъ подъ вліяніемъ вражды къ Полякамъ, подъ давленіемъ обстоятельствъ, иногда даже по прямому принужденію,—въ ней нѣтъ уже того одушевленія, и во время послѣдующихъ войнъ Хмельницкаго развивается массовая колонизація украинскаго населенія на востокъ,—подальше отъ Польши, за московскую границу, въ Слободскую Украину.

Хмельницкій нѣкоторое время дѣлалъ возможное для выполненія Зборовскаго трактата: составилъ реестръ, оставшійся, впрочемъ, только на бумагѣ, опубликовалъ универсалъ противъ „своевольныхъ бунтовщиковъ"—крестьянъ и т. п., но очень скоро долженъ былъ убѣдиться въ невозможности выполнить его въ дѣйствительности, т. е. возстановить прежній польско-шляхетскій режимъ. Война была неизбѣжна, тѣмъ болѣе, что и съ польской стороны не было искренняго желанія установить какія либо сносныя отношенія. Но Хмельницкій не рѣшался опереться исключительно на народныя силы—тѣмъ болѣе, что перемѣна въ настроеніи массъ для него не была секретомъ, и потому искалъ помощи извнѣ. Онъ замышляетъ очень сложную систему союзовъ противъ Польши: входитъ въ непосредственныя сношенія съ Портою и, признавъ себя вассаломъ султана, заручается оттуда наказомъ для крымскаго хана—помогать Хмельницкому противъ Польши. Кромѣ того, старается втянуть въ войну съ Польшею Москву, а

нѣсколько позже съ подобными же цѣлями входитъ въ сношенія съ Молдавіею, съ энергическимъ владѣтелемъ Трансильваніи Юріемъ Ракочи и со Швеціею.

Но онъ вынужденъ былъ разорвать отношенія къ польскому правительству раньше, чѣмъ эти дипломатическіе ходы доставили ему реальное содѣйствіе новыхъ союзниковъ. Война возобновилась уже въ 1650 г. Единственнымъ союзникомъ Хмельницкій имѣлъ только хана, да и тотъ помогалъ ему неохотно, лишь подчиняясь распоряженіемъ султана; у него были иные планы — онъ замышлялъ войну съ Москвою, въ союзѣ съ Польшею и Хмельницкимъ, и снова испортилъ кампанію Хмельницкому.

Начало кампаніи было очень благопріятно для Хмельницкаго, ознаменовавшись погромомъ подъ Винницею гетмана Калиновскаго, который неосторожно, безъ приготовленій, вступилъ на козацкую территорію. Хмельницкій, исподволь приготовлявшійся къ войнѣ, готовился дать жестокій урокъ Польшѣ, но медленность хана, котораго онъ поджидалъ на помощь, заставила его упустить удобный моментъ для войны. Когда ханъ наконецъ явился и Хмельницкій, соединившись съ татарскимъ войскомъ, готовился дать рѣшительное сраженіе Полякамъ подъ Берестечкомъ (въ сѣверной Волыни), Татары ушли отъ Хмельницкаго въ критическій моментъ и вдобавокъ ханъ захватилъ и самого Хмельницкаго, когда онъ прибылъ въ татарскій лагерь, чтобы уговорить хана принять участіе въ сраженіи. Оставшись безъ предводителя, козацкое войско начало отступать и было почти уничтожено при переправѣ черезъ болота. Кампанія закончилась Бѣлоцерковскимъ трактатомъ, который представлялъ собою ухудшенную, обрѣзанную копію Зборовскаго и, конечно, еще меньше могъ установить прочныя отношенія, чѣмъ послѣдній.

На этотъ разъ Хмельницкій не могъ, конечно, имѣть ни минуты иллюзій относительно возможности установленія отношеній на основаніи этого договора, но воевать не рѣшался въ виду отсутствія союзниковъ и сильнаго ослабленія и апатіи народныхъ массъ. Онъ снова принужденъ былъ

политиканить и лицемѣрить передъ Польшею. Снова составляется реестръ, производятся экзекуціи надъ непокорными крестьянами, не мирившимися съ возвращеніемъ на Украину шляхты и съ возобновленіемъ постоя польскихъ войскъ, и, послѣ нѣсколькихъ мѣсяцевъ такого невыносимаго мира— снова война. Военныя дѣйствія возобновились лѣтомъ 1652 г. Холодное ожесточеніе смѣнило былое воодушевленіе. Обѣ стороны, утомленныя безплодною борьбою, напрягали послѣднія силы, стараясь добить противника. Однако ни та, ни другая сторона не осмѣливалась сдѣлать первый шагъ къ рѣшительной битвѣ, и почти два мѣсяца стояли обѣ арміи на Подоліи въ бездѣйствіи, пока измѣна Татаръ (6 декабря 1653 г.) не прервала еще разъ кампаніи. На этотъ разъ однако Хмельницкій не придавалъ уже значенія такому обороту: его дипломатическія комбинаціи начинали приносить плоды—въ это именно время, послѣ долгихъ колебаній, рѣшилась вмѣшаться въ его борьбу съ Польшею Москва. Объ установленіи отношеній къ Польшѣ Хмельницкій больше не думалъ.

Хмельницкій вошелъ въ сношенія съ Москвою почти въ самомъ началѣ своего возстанія. Когда онъ рѣшился начать съ Польшей борьбу на жизнь и на смерть, онъ всячески старался втянуть въ эту борьбу и Москву, направивъ послѣднюю на Польшу, и не щадилъ для этого обѣщаній и возможно соблазнительныхъ для московскаго правительства перспективъ. Онъ предлагалъ признать надъ собою верховную власть царя (какъ онъ уже призналъ, для той же цѣли, власть султана), завоевать для него Крымъ и т. п. Но Москва не рѣшалась нарушить свой миръ съ Польшей и вступать въ рискованную войну и отвѣчала на всѣ предложенія Хмельницкаго ничего не стоющими комплиментами. Однако обстоятельства скоро заставили ее призадуматься. Съ одной стороны польскіе политики обнаруживали намѣреніе направить козаковъ и Татаръ противъ Москвы, чтобы отвлечь ихъ силы въ ту сторону, и Москва имѣла всѣ основанія опасаться, что Хмельницкій при всемъ желаніи въ концѣ концовъ не бу-

детъ въ состояніи воспрепятствовать такому плану. Съ другой стороны неудачи, которыя терпѣла Польша въ борьбѣ съ козаками, возбуждали въ московскихъ политикахъ желаніе воспользоваться ея затруднительнымъ положеніемъ, чтобы вознаградить себя за утраты, понесенныя въ періодѣ „Смутнаго времени". Подъ вліяніемъ этихъ соображеній московское правительство рѣшило наконецъ выйти изъ своего нейтральнаго положенія, и созванный по этому вопросу „земскій соборъ" вполнѣ одобрилъ его намѣреніе—принять Украину подъ свою протекцію и объявить по этому поводу войну Польшѣ. О принятомъ рѣшеніи немедля извѣстили изъ Москвы Хмельницкаго, а вслѣдъ затѣмъ было выслано на Украину чрезвычайное посольство—привести населеніе Украины къ присягѣ на вѣрность московскому царю.

Мы не знаемъ, какъ представлялъ себѣ Хмельницкій свои отношенія къ Москвѣ, но можно сильно сомнѣваться въ томъ, чтобы онъ думалъ о созданіи какой либо прочной и тѣсной связи съ нею. Союзъ съ Москвою, къ которому онъ стремился, былъ только составною частью цѣлой системы союзовъ, которую онъ приготовлялъ противъ Польши. Такъ какъ Москва представляла себѣ этотъ союзъ не иначе, какъ въ формѣ присоединенія Украины къ Московскому государству, то Хмельницкій, стараясь попасть ей въ тонъ, высказывалъ готовность признать надъ собою власть московскаго царя, обѣщалъ ему доходы съ украинскихъ земель и заявлялъ готовность предоставить московскому правительству подобную же роль относительно внутреннихъ отношеній Украины, какая ранѣе принадлежала правительству польскому. Ближайшею цѣлью Хмельницкаго было—втянуть московское правительство въ войну съ Польшею, и для достиженія ея онъ не находилъ нужнымъ считаться съ обѣщаніями и заглядывать въ далекое будущее. Но когда, наконецъ, московское правительство рѣшилось на этотъ шагъ, Хмельницкому пришлось весьма скоро убѣдиться, что онъ сдѣлалъ очень двусмысленное пріобрѣтеніе для осуществленія своихъ плановъ.

Недоразумѣнія возникли на первыхъ же порахъ, когда

конституціонныя привычки украинскаго населенія столкнулись съ самодержавными принципами Москвы. Когда козацкая старшина приносила, по желанію московскаго правительства, присягу на вѣрность царю, она потребовала, чтобы царскіе послы также присягнули отъ имени царя въ исполненіи принятыхъ имъ на себя обязательствъ по отношенію къ Украинѣ. На это послѣдовалъ отказъ: послы заявили, что царь, какъ самодержецъ, не связываетъ себя присягою по отношенію къ своимъ подданнымъ. Это заявленіе привело старшину въ полное недоумѣніе, такъ какъ совершенно противорѣчило ихъ понятіямъ о государственныхъ (конституціонныхъ) отношеніяхъ—они ссылались на примѣръ польскихъ королей, приносившихъ присягу при избраніи, но въ концѣ концовъ принуждены были отказаться отъ своего требованія. Правда, это была пока формальность, а формальностямъ въ козацкихъ кругахъ не привыкли придавать значеніе, но вслѣдъ за тѣмъ начали обнаруживаться противодѣйствія уже вполнѣ реальныя.

Жизнь украинскаго общества шла впереди теорій. Идея автономнаго украинскаго государства, замкнутой украинской территоріи, только начинала формироваться въ умахъ украинскихъ вождей, но фактически уже нѣсколько лѣтъ Хмельницкій былъ главою государства, обнимавшаго восточно-украинскія земли и жившаго вполнѣ самостоятельною жизнью. Эти фактическія отношенія Хмельницкій и козацкая старшина хотѣли оставить въ силѣ и подъ московскою протекціею, хотя и не ставили этого требованія вполнѣ опредѣленно *). Но московскіе политики схватились за заявленіе Хмельницкаго, неосторожно сдѣланное имъ въ томъ смыслѣ, что московское правительство должно утвердить сословныя привилегіи—козачества, шляхты и православнаго духовенства, а въ остальномъ можетъ свободно править на Украинѣ,

*) Въ своихъ переговорахъ съ Москвою они ссылались впрочемъ на примѣры вассальныхъ государствъ Турціи — Молдавіи и Валахіи.

и не хотѣли дать никакихъ гарантій автономіи Украины. Московское правительство прежде всего распорядилось поставить въ Кіевѣ сильный гарнизонъ, устроивъ для него отдѣльную крѣпость, цѣлый особый городокъ, и посадить воеводу, который являлся непосредственнымъ представителемъ московской власти на Украинѣ. Такихъ воеводъ оно намѣревалось ввести и во всѣ болѣе значительные города Украины, передавъ имъ администрацію и сборъ налоговъ.

Когда Хмельницкій и козацкая старшина уяснили себѣ эту перспективу, понравиться имъ она никакъ не могла, но, дорожа союзомъ съ Москвою и не желая сразу же портить свои отношенія къ ней, они не рѣшились рѣзко поставить вопросъ. Когда вслѣдъ за приведеніемъ Украины къ присягѣ царю, пришлось выяснить дальнѣйшій modus vivendi Украины подъ московскою протекціею, и московскіе послы направили украинскую старшину къ центральному правительству *), Хмельницкій со старшиною въ петиціяхъ, предложенныхъ московскому правительству (въ мартѣ 1654 г.), не ставя вопроса по существу, хотѣли обойти его и рядомъ оговорокъ по возможности свести на нѣтъ участіе московскаго правительства во внутреннемъ управленіи Украины. Но въ Москвѣ оказались очень несговорчивыми относительно этого пункта и хотя по московской осторожности въ виду заявленій козацкой старшины отложили дальнѣйшее осуществленіе своихъ плановъ на управленіе Украиною, но отвѣтили отказомъ на всѣ тѣ желанія козацкой старшины, которыя имѣли цѣлью ограничить роль Москвы во внутреннихъ отношеніяхъ Украины.

Эти мартовскія резолюціи на петиціи Хмельницкаго и старшины, подъ именемъ „статей Богдана Хмельницкаго", сыграли весьма важную роль, ставъ основою устройства Украины въ теченіе цѣлаго столѣтія. Но такая роль припала имъ совершенно незаслуженно: петиціи не заключали въ

*) Они совѣтовали явиться въ Москву самому Хмельницкому, но тотъ уклонился подъ предлогомъ грозящей войны съ Поляками.

себѣ никакой продуманной программы, были составлены наскоро (о весьма существенныхъ вещахъ козацкимъ посламъ высланы были наказы уже въ догонку), многое вошло сюда просто по традиціи изъ договоровъ съ польскимъ правительствомъ. Такой традиціонный характеръ въ значительной степени имѣютъ пункты о козачьемъ войскѣ, которому посвящено въ этихъ петиціяхъ главное вниманіе—всѣ эти подробности о козацкомъ реестрѣ (установленномъ въ размѣрѣ 60 тыс.), о правахъ козачьихъ семействъ, о содержаніи козацкихъ чиновъ и т. п., вопросы вовсе второстепенные въ сравненіи съ тѣми, какіе въ дѣйствительности выдвигалъ жизнь: объ общегосударственной власти гетмана, объ автономіи Украины и т. п. Этой послѣдней сферы касаются только немногіе пункты, содержащіе слѣдующія постановленія: гетмана выбираетъ войско и только извѣщаетъ царское правительство объ избраніи, гетманъ и войско могутъ сноситься съ прочими государствами и извѣщаютъ царское правительство только о томъ, что могло бы ему повредить. Высказано было желаніе, чтобы московское правительство получало извѣстную дань съ Украины въ круглой суммѣ,—въ такомъ случаѣ гетманъ удержалъ бы въ своихъ рукахъ управленіе страною, и не было бы надобности въ московскихъ воеводахъ *). Затѣмъ есть нѣсколько пунктовъ, касающихся отдѣльныхъ сословій—о сохраненіи правъ сословій свѣтскихъ и духовнаго, о сохраненіи за шляхтою, которая принесетъ присягу царю, всѣхъ преимуществъ и сословныхъ учрежденій, какія существовали при польскомъ управленіи, о сохраненіи въ городахъ выборнаго управленія. Все это дало бы очень печальное свидѣтельство объ уровнѣ политическаго развитія козацкихъ правящихъ круговъ, если бы

*) Этотъ пунктъ, впрочемъ, былъ поставленъ очень неясно, такъ что разъясняется лишь устными петиціями козацкихъ пословъ, кромѣ того обставленъ былъ разными оговорками на случай несогласія московскаго правительства, и дѣйствительно не нашелъ у него сочувствія.

мы хотѣли искать въ этихъ петиціяхъ полнаго образа ихъ политическихъ стремленій.

Вообще, благодаря недомолвкамъ съ обѣихъ сторонъ, между Украиною и Москвою этими мартовскими статьями 1654 года устанавливались довольно неопредѣленныя отношенія. Въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ за гетманомъ были признаны права верховной, суверенной власти (напр., право сношеній съ иностранными государствами); фактически оставлены были за нимъ функціи общегосударственнаго управленія *). Но московское правительство принципіально оставляло за собою право непосредственнаго управленія и осуществляло дѣйствительно такіе акты, которые входили въ эту сферу. И при этомъ, въ противоположность стремленіямъ козацкой старшины къ расширенію и упроченію украинской автономіи, оно имѣло въ виду именно расширять современемъ свое непосредственное участіе во внутреннихъ отношеніяхъ Украины, превращая ее постепенно въ обыкновенную провинцію Московскаго государства.

Самъ Хмельницкій очень скоро почувствовалъ тяжесть своей зависимости отъ Москвы. Этотъ искусный игрокъ-дипломатъ, получивъ карту, которой такъ долго желалъ, неожиданно замѣтилъ, что она совершенно запутала ему игру. Этимъ объясняется загадочное на первый взглядъ поведеніе Хмельницкаго послѣ осуществленія союза съ Москвою. Вмѣсто того, чтобы съ новыми силами, при помощи Москвы, рѣшительно ударить на Польшу, онъ избѣгаетъ войны, уклоняется отъ походовъ, проектируемыхъ московскимъ правительствомъ, или ведетъ себя въ нихъ вовсе двусмысленно.

Театромъ войны сдѣлалась Бѣлоруссія, которой московское правительство задумало овладѣть. Въ оккупаціи Бѣлоруссіи принималъ участіе и козацкій корпусъ, высланный Хмельницкимъ по требованію московскаго правитель-

*) Опираясь на эти признаки, новѣйшіе историки считаютъ Украину государствомъ, связаннымъ съ Москвою только личною уніею, (см. у Сергѣевича «Лекціи и изслѣдованія по древней исторіи русскаго права», изд. 1903, стр. 106—7).

ства, но на этой почвѣ возникъ дипломатическій конфликтъ, улаженный только по смерти Хмельницкаго: козаки занятыя ими въ сосѣдствѣ съ Украиною бѣлорусскія земли хотѣли оставить въ своемъ владѣніи, а московское правительство на это не хотѣло согласиться. Одновременно съ оккупаціей Бѣлоруссіи оно поручило Хмельницкому открыть также военныя дѣйствія на Украинѣ и соединиться съ московскою арміею, дѣйствовавшею въ Бѣлоруссіи, но Хмельницкій этого порученія не исполнилъ и подвергся упрекамъ со стороны Москвы. Только наступленіе польскихъ войскъ на Браславщину, зимою 1654 года, принудило его къ отпору, но, отразивъ ихъ (въ битвѣ подъ Охматовымъ, въ началѣ 1655 г.), онъ не воспользовался удобными обстоятельствами и прекратилъ военныя дѣйствія. Подчиняясь усиленнымъ требованіямъ московскаго правительства, лѣтомъ 1655 г. онъ двинулся вмѣстѣ съ московскимъ войскомъ на Подолію, оттуда въ Галичину, но дѣйствовалъ чрезвычайно вяло и, наконецъ, покинувъ московское войско, вернулся назадъ. Съ начальниками московскаго войска онъ находился въ открытой враждѣ, а во время осады Львова соединенными козацкими и московскими силами генеральный писарь Выговскій, человѣкъ очень близкій къ Хмельницкому, совѣтовалъ львовскимъ мѣщанамъ не сдаваться на царское имя.

Одновременно съ такимъ апатичнымъ отношеніемъ къ военнымъ планамъ Москвы, Хмельницкій дѣятельно продолжалъ свои дипломатическія сношенія, ища новыхъ союзниковъ, новыхъ политическихъ комбинацій, на которыхъ онъ могъ бы опереться и противъ Польши, и противъ Москвы. Онъ возобновляетъ свой союзъ съ Турціею (1655), потомъ съ Крымомъ; въ концѣ 1656 г. заключаетъ союзъ съ Ракочи; еще большее значеніе имѣли отношенія къ Швеціи, которая въ это время начала войну съ Польшею. Переговоры со Швеціей, имѣвшіе цѣлью разграничить сферу интересовъ Украины, Швеціи и Трансильваніи и установить условія о раздѣлѣ Польши между ними, Хмельницкому не удалось довести вполнѣ до конца—окончательный договоръ былъ под-

писанъ уже послѣ смерти Хмельницкаго, но въ 1556—57 гг. онъ уже чувствовался вполнѣ осязательно, и Хмельницкій по соглашенію съ новыми своими союзниками начинаетъ въ 1657 г. войну съ Польшею. Такая политика шла совершенно вразрѣзъ съ политикою Москвы, которая тѣмъ временемъ заключила съ Польшею перемиріе и затѣмъ даже начала, въ союзѣ съ Польшею же, войну со Швеціею. Поляки подали надежду царю Алексѣю, что онъ будетъ избранъ польскимъ королемъ и въ надеждѣ на осуществленіе личной уніи московское правительство хотѣло щадить Польшу и протестовало противъ поведенія Хмельницкаго. Но послѣдній рѣшительно заявилъ, что не разорветъ союза со Швеціею.

Противъ союза Москвы и Польши составился такимъ образомъ союзъ Украины, Трансильваніи и Швеціи. Разрывъ былъ неизбѣженъ, и Хмельницкій сознательно шелъ навстрѣчу ему. Весною 1657 г. выслано было козацкое войско въ Галичину для совмѣстныхъ дѣйствій съ Ракочи противъ Польши. Кампанія эта не удалась, главнымъ образомъ потому, что Польша опять перетянула на свою сторону Татаръ. Но самъ по себѣ имѣлъ значеніе разрывъ съ Москвою. Заручившись новыми союзниками, Хмельницкій, очевидно, рѣшилъ освободиться отъ своей зависимости отъ Москвы и занять положеніе вполнѣ самостоятельнаго государя. Настойчивость, съ какой московское правительство, не обращая вниманія на давленіе гетмана и старшины, стремилось къ осуществленію своей централистической политики на Украинѣ, чрезвычайно раздражала гетмана и дѣлала отношенія невыносимыми въ виду стремленій гетмана и старшины къ полной автономіи. Очень характерна для положенія дѣлъ на Украинѣ грамата, данная Хмельницкимъ въ это время (въ іюнѣ 1657 г.) шляхтѣ Пинскаго повѣта, признавшей надъ собою власть Хмельницкаго, а не московскаго правительства, производившаго оккупацію Бѣлоруссіи,—это настоящая конституціонная хартія, которая показываетъ, что Хмельницкій въ это время считалъ себя уже вполнѣ государемъ Украины.

Но среди этихъ плановъ, въ критическій моментъ отношеній къ Москвѣ, Хмельницкій умеръ отъ апоплексіи 27 іюля 1657 года.

Для этихъ событій—мой этюдъ: Хмельницький і Хмельниччина, 2-е изд. Львовъ, 1901. Изъ остальной, довольно многочисленной литературы назову: Костомаровъ—Богданъ Хмельницкій, I—III (наиболѣе полный сводъ фактовъ, написанный весьма увлекательно, но безъ освѣщенія и съ весьма малою долею критики); Kubala Szkice historyczne, I—II, 2 изд. 1896, Краковъ; Статьи Томашівскаго—о движеніяхъ въ Галиціи, и Терлецкаго—о бѣлорусской оккупаціи въ XIX и XXIV тт. Записокъ Наук. тов. ім. Шевченка.

XVII.

Хмельницкій оставилъ своимъ сподвижникамъ и преемникамъ очень мудреное наслѣдство. Уже одно управленіе такимъ слабоорганизованнымъ механизмомъ, какимъ была тогдашняя Украина, требовало отъ нихъ очень большихъ талантовъ. Если съ одной стороны можно удивляться организаціонному генію народа, экспромтомъ создавшаго извѣстную организацію огромнаго края и двигавшаго ее, то съ другой стороны, необходимы были выдающіяся дарованія для того, чтобы управлять ею. Ни въ чемъ, можетъ быть, не сказался такъ ясно выдающійся административный талантъ Хмельницкаго, какъ въ томъ, что онъ эти малокультурныя, недисциплинированныя народныя массы, вырвавшіяся изъ рамокъ одного общественнаго и государственнаго строя и создававшія, руководясь только неяснымъ инстинктомъ, новыя формы общественности и государственныхъ отношеній,—умѣлъ держать въ извѣстномъ порядкѣ, координировать ихъ, править ими, притомъ — среди очень сложныхъ и затруднительныхъ внѣшнихъ условій и при глубокомъ раздвоеніи внутри самого національнаго организма Украины.

Внѣшнія политическія отношенія заключали въ себѣ огромныя трудности. Хмельницкій оставилъ неразвязаннымъ узелъ, которымъ онъ связалъ такъ поспѣшно Украину съ

Москвою,—конфликтъ внѣшней политики и еще болѣе серьезный конфликтъ на почвѣ государственныхъ отношеній. Политическій кругозоръ козачьей старшины быстро расширялся, со дня на день она выростала политически, и въ умахъ сподвижниковъ Хмельницкаго первоначальныя неясныя представленія вырисовывались все яснѣе, слагаясь въ идею автономнаго государства, выраженную уже довольно ясно годъ спустя въ Гадяческомъ трактатѣ съ Польшею. Въ этомъ государствѣ, обнимающемъ всю этнографическую территорію Украины и организованномъ на конституціонныхъ, выборныхъ началахъ, гетманъ являлся государемъ—главою всесословной, государственной организаціи, главою всего народа, а не только козачьяго войска. Отношенія этого автономнаго государства къ московскому правительству, московскому царю, могли быть только отношеніями вассальности, признанія верховенства, протектората. Московское же правительство хотѣло воспользоваться смертью Хмельницкаго, чтобы ввести на Украинѣ свое управленіе, водворивъ здѣсь своихъ воеводъ и финансовыхъ агентовъ, ограничить власть гетмана сферою козачьей администраціи и подчинить московскому патріарху украинскую церковь, до сихъ поръ вполнѣ автономную, признававшую надъ собою только верховенство константинопольскаго патріарха. Весь строй украинскаго управленія съ его принципомъ свободнаго выбора, суверенности народа и отвѣтственности передъ нимъ, былъ противенъ строго монархическому строю Московскаго государства, съ его безпощадной централизаціей, и поэтому съ точки зрѣнія московской бюрократіи подлежалъ перестройкѣ и упраздненію.

Встрѣчаясь съ такими стремленіями московской политики, украинскіе автономисты, отъ Выговскаго до Мазепы, поочередно старались опереться на тѣ же политическія силы, въ которыхъ искалъ опоры уже Хмельницкій: Турціи и Крымѣ, Польшѣ, Швеціи. Въ союзѣ съ ними носители идеи украинской автономіи пробовали сбросить съ себя зависимость отъ Москвы и обезпечить автономію Украины. Но у Москвы ока-

залась мертвая хватка. Такъ нерѣшительно принявъ протекцію надъ Украиною, она потомъ, когда присоединеніе Украины стало совершившимся фактомъ, держалась за нее упорно. Убѣдившись, что всей Украины она удержать не въ силахъ, Москва отказалась отъ земель на западъ отъ Днѣпра (правобережныхъ), оставивъ ихъ Польшѣ, къ великому негодованію украинскихъ патріотовъ, роптавшихъ на это раздѣленіе украинской и тѣснѣе — козачьей территоріи, тѣмъ болѣе, что этотъ важный шагъ московское правительство сдѣлало безъ ихъ участія и вѣдома. Зато лѣвобережной Украины (на востокъ отъ Днѣпра) и Кіева Москва не выпускаетъ изъ рукъ и при этомъ настойчиво и неуклонно, ни передъ чѣмъ не останавливаясь и ничѣмъ не смущаясь, ведетъ политику ограниченія украинской автономіи, стѣсненія самоуправленія, а въ виду сопротивленія козачьей старшины, чтобы подорвать ея силу и оппозицію, пользовалась внутреннимъ раздвоеніемъ, антагонизмомъ старшины и народныхъ массъ.

Намъ нужно познакомиться здѣсь, хотя въ общихъ чертахъ, съ новымъ строемъ Украины, формировавшимся въ это время, и съ ея общественными отношеніями, такъ какъ это даетъ намъ ключъ къ пониманію многаго въ событіяхъ этого времени. Мы должны только помнить, что имѣемъ дѣло съ отношеніями, еще не опредѣлившимися вполнѣ, формами, еще не отвердѣвшими и во многомъ такъ и неразвившимися до полной опредѣленности вслѣдствіе неблагопріятныхъ обстоятельствъ.

Начнемъ съ организаціи Украины. Основаніемъ ея послужило старое устройство козачьяго войска, выработавшееся на протяженіи XVI—XVII вв., только въ болѣе широкомъ масштабѣ, сообщенномъ ему Хмельниччиною.

Мы знаемъ, что къ козацкому войску, къ козацкому „присуду“ издавна причисляли себя значительныя массы крестьянскаго и мѣщанскаго населенія, и только репрессіи и ограниченія польскаго правительства сдерживали ихъ возрастаніе. Теперь эти ограниченія исчезли; цифры реестра

оставались на бумагѣ. Потребность въ военныхъ силахъ заставляла, наоборотъ, всячески покровительствовать увеличенію числа козаковъ, причисленіемъ къ козачьему званію, и всѣ имѣвшіе средства снарядиться въ походъ и предпочитавшіе свободное состояніе козака „писались въ козаки".

Одновременно съ такимъ расширеніемъ границъ козачества козацкое устройство превращается въ администрацію болѣе общаго характера. Затянувшійся конфликтъ съ польскимъ правительствомъ держитъ край на военномъ положеніи въ продолженіе ряда лѣтъ, и это временное положеніе начинаетъ превращаться въ норму. Начальникъ козацкаго войска гетманъ со своимъ штабомъ, представлявшій также временное правительство края, превращается въ постоянное и заступаетъ мѣсто исчезнувшей администраціи польской. Край, находящійся подъ гетманскимъ „региментомъ", раздѣляется на полки, и территорія, изъ которой комплектуется данный полкъ, переходитъ подъ власть полковника, являющагося не только начальникомъ своихъ полковъ, какъ военныхъ контингентовъ, но и правителемъ приписанныхъ къ нимъ территорій, заступая мѣсто польскихъ старостъ. Въ связи съ военными и политическими обстоятельствами, конечно, число полковъ мѣнялось, мѣнялись ихъ имена и территоріи; при Хмельницкомъ было 16 полковъ: на правомъ берегу Днѣпра Чигиринскій, Черкасскій, Каневскій, Корсунскій, Бѣлоцерковскій, Уманскій, Браславскій, Кальницкій и Кіевскій, на лѣвомъ — Переяславскій, Кропивенскій, Миргородскій, Полтавскій, Прилуцкій, Нѣжинскій и Черниговскій. Они охватывали территорію прежнихъ воеводствъ Кіевскаго, Браславскаго и Черниговскаго (западная Украина осталась въ status quo, во владѣніи Польши). Подраздѣленіями полковъ были сотни, во главѣ которыхъ стояли сотники съ тѣми же военно-административными компетенціями. Города и мѣстечки впрочемъ пользовались самоуправленіемъ по типу нѣмецкаго права и только косвенно зависѣли отъ козацкой администраціи, замѣстившей по отношенію къ нимъ польскихъ старостъ, державцевъ и помѣщиковъ.

Центральное управленіе сосредоточивается въ рукахъ гетмана и его штаба, носящаго названіе „генеральной старшины". Это—генеральный обозный, генеральный судья, генеральный есаулъ, генеральный писарь; они носятъ титулъ генеральныхъ для отличія отъ такихъ же „полковыхъ" чиновъ, существующихъ въ каждомъ полку и составляющихъ штабъ и совѣтъ полковника. Генеральная старшина имѣетъ характеръ совѣта министровъ при гетманѣ, полковая — административнаго совѣта полковника.

Принципы выборности и коллегіальности козацкихъ чиновъ, широкаго участія въ ихъ управленіи массъ, могущихъ въ каждую минуту потребовать отъ нихъ отчета, смѣнить и подвергнуть суровой отвѣтственности — республиканскіе принципы, выработанные въ козацкихъ кругахъ долголѣтней жизнью козацкой республики, были, въ теоріи, перенесены вполнѣ на это военно-народное управленіе и должны были соблюдаться во всей полнотѣ. Гетманъ избирается свободнымъ выборомъ козацкой войсковой „рады" — собранія козаковъ, не знавшаго, какъ и его прототипъ — старорусское вѣче, никакихъ спеціальныхъ нормъ представительства: въ радѣ принимали участіе всѣ явившіеся на нее козаки, голосуя каждый за себя, и хотя позже обращалось вниманіе на то, чтобы, для правосильности рѣшенія рады, въ ней принимали участіе представители всѣхъ полковъ (отсутствіе этого условія давало поводъ не признавать рѣшенія рады тѣмъ полкомъ, козаки котораго не принимали въ ней участія), однако никакихъ нормъ пропорціональнаго представительства, порядка избранія или представительскихъ полномочій не существовало ни теперь, ни позже. Войсковой радѣ принадлежало рѣшеніе и наиболѣе важныхъ вопросовъ политической жизни. Въ принципѣ собственно ея рѣшенію подлежали всѣ важнѣйшіе вопросы текущаго управленія, войны и мира, но съ тѣхъ поръ, какъ козачество стало такою огромною массою, разсѣянною на такой огромной территоріи, войсковая рада стала механизмомъ тяжелымъ, функціонированіе ея осложнялось разными формальностями, не получив-

шими никогда вполнѣ опредѣленнаго разрѣшенія, и потому обсужденіе и рѣшеніе вопросовъ текущаго управленія и политики переносилось въ совѣтъ старшины, а за войсковою радою остались только наиболѣе кардинальные вопросы: выборъ или смѣщеніе гетмана, установленіе отношеній къ сюзеренному государству: признаніе его верховенства, санкція формъ зависимости отъ него. Все остальное отошло къ совѣту старшины, въ концѣ концовъ оттѣснившему и лишившему всякаго значенія войсковую раду.

„Рада старшины“ имѣла своимъ ядромъ совѣтъ генеральной старшины, т. е. ближайшій штабъ и совѣтъ министровъ гетмана, но кромѣ того сюда входили полковники и „значныя“ лица, хотя не занимавшія должностей генеральныхъ или полковницкихъ, но по своему вліянію въ войскѣ, по своимъ заслугамъ, связямъ и т. п. занимавшія видное положеніе въ немъ (то, что обозначается позже выработавшимся терминомъ: „значный войсковой товарищъ“). Болѣе или менѣе полный составъ этой рады, собиравшейся по приглашенію гетмана или по собственной иниціативѣ, зависѣлъ отъ большей или меньшей важности вопросовъ, подлежавшихъ обсужденію, и отъ тѣхъ обстоятельствъ, въ которыхъ происходило совѣщаніе. Сфера вліянія и значеніе рады зависѣло отъ положенія, занимаемаго гетманомъ, и отъ степени зависимости или независимости отъ него старшинъ. Въ теоріи старшина и ея рада были отъ него независимы: старшину, какъ и гетмана, должно было избирать войско. Козаки сотни должны были выбирать своего сотника, козаки полка—своего полковника, полковники и прочая старшина должны были выбирать генеральную старшину. Такимъ образомъ рада старшины, какъ и гетманъ, должна была служить органомъ суверенной воли народа-войска, состоя изъ его избранниковъ и представителей, органомъ только болѣе устойчивымъ: между тѣмъ какъ гетманъ могъ быть смѣненъ въ каждую минуту, рѣшеніемъ войсковой рады, измѣненіе состава старшины требовало процесса болѣе сложнаго и продолжительнаго, и рада старшины такимъ образомъ являлась коррективомъ возможной неустой-

чивости гетманской власти, также точно случайности и измѣнчивости рѣшеній войсковой рады, и должна была придавать политикѣ народа-войска большую устойчивость.

Съ этой точки зрѣнія перенесеніе изъ сферы вѣдѣнія войсковой рады въ раду старшины вопросовъ текущаго управленія и текущей политики не нарушало бы рѣзко интересовъ народовластія. Но дѣло въ томъ, что практика уже далеко разошлась съ теоріею, съ принципами демократическаго строя козачьяго войска, и въ дѣйствительности конкурренція войсковой рады съ радою старшины получала характеръ борьбы козацкаго демоса съ старшинскою олигархіею. Старшина, сложившись въ довольно рѣзко выраженный общественный классъ, съ опредѣленными сословными, экономическими и политическими стремленіями, отодвигая на второй планъ войсковую раду, вообще стремится устранить рядовое козачество, козацкую „чернь“ отъ всякаго вліянія на политику и управленіе. Она старается захватить въ свои руки выборъ гетманскаго уряда, подчинить своему вліянію замѣщеніе должностей генеральной старшины, полковниковъ и другихъ войсковыхъ чиновъ и такимъ образомъ сосредоточить фактически въ своихъ рукахъ все управленіе, устранивъ или ослабивъ до простыхъ формальностей выборную систему, козацкое народовластіе, какъ съ другой стороны старается освободиться отъ вмѣшательствъ въ управленіе и внутреннія отношенія Украины со стороны московскаго правительства. Но эта борьба на два фронта оказывается непосильною для нея. Козацкія массы поддерживаютъ московское правительство противъ старшины. Съ другой стороны козацкая „чернь“ находитъ сочувствіе и поддержку въ народныхъ массахъ, такъ какъ политическая борьба козацкой „черни“ съ старшиной усложнялась борьбой чисто-классовой, на почвѣ чисто-экономическихъ и общественныхъ отношеній, и эта ожесточенная борьба только расшатываетъ въ ихъ основахъ конституціонныя формы украинскаго устройства—и безъ того не особенно прочныя.

Какъ видно уже изъ предшествующаго краткаго очерка

въ козацкомъ устройствѣ были весьма цѣнныя основы конституціоннаго (республиканскаго) строя, но онѣ требовали весьма тщательнаго приспособленія къ требованіямъ общегосударственнаго управленія, искусной разработки и нормировки ихъ формъ, а ничего этого не было сдѣлано, и противорѣчія, въ которыя вошло это козачье устройство съ первыхъ шаговъ, не устраненныя своевременно, исказили весьма существенно эти цѣнныя основы конституціоннаго строя.

Уже самое соединеніе республиканскихъ формъ съ чисто-военнымъ характеромъ устройства заключало въ себѣ огромныя трудности. Военная организація требуетъ большой дисциплины, субординаціи органовъ и сильной, почти диктаторской власти вождя. Удивительный духъ организаціи, вообще поражающій насъ въ козачествѣ—этой полудикой ордѣ, на взглядъ многихъ нынѣшнихъ изслѣдователей, умѣлъ сочетать эти два почти несовмѣстимые принципа: строгой военной дисциплины и неограниченнаго народовластія. Пока къ вождю, къ его талантамъ и честности, питали довѣріе, его не стѣсняли—онъ пользовался почти диктаторской властью въ военное время, въ походѣ, во время кампаніи, и обращался къ голосу рады, когда самъ находилъ это нужнымъ. Его не стѣсняли въ переговорахъ, въ назначеніяхъ, во всякаго рода распоряженіяхъ, и онъ дѣйствовалъ на свой страхъ и рискъ почти такъ широко, какъ самъ того хотѣлъ.

Такою диктаторскою властью пользовался Хмельницкій среди хронической, перемежающейся борьбы съ Польшею, требовавшей чрезвычайнаго напряженія. Къ такой широкой власти стремились его преемники. Но такіе періоды военныхъ диктатуръ, состоянія ex lege не могли благопріятно отражаться на конституціонномъ развитіи отношеній. Гетмановъ тяготитъ контроль войсковой рады и даже старшины. Они предпочитаютъ обходиться безъ нихъ, править съ участіемъ тѣснаго круга довѣренныхъ приверженцевъ. Они замѣщаютъ отъ себя, безъ войскового выбора, должности полковниковъ и генеральной старшины, и этимъ стараются упрочить свое положеніе и свою власть.

Въ этомъ же смыслѣ дѣйствовало и другое противорѣчіе, крывшееся въ новомъ устройствѣ. Будучи по своему существу войсковымъ, т. е. обнимая собою лишь одно военное, козацкое сословіе, гетманское правленіе превратилось фактически въ общегосударственное и стремится сохранить за собою это значеніе. Гетманъ разсматриваетъ себя какъ главу государства, и разсматривается какъ таковая украинскимъ населеніемъ; за нимъ и его министры—генеральная старшина и рада старшины смотрятъ на себя какъ на высшіе органы общаго управленія. Имъ дѣйствительно приходилось заниматься вопросами, далеко выходившими за границы чисто-козацкихъ интересовъ, касавшимися другихъ сословій, между тѣмъ какъ войсковая рада представляла только козацкое сословіе и собственно не могла имѣть голоса въ вопросахъ, касавшихся другихъ сословій. Сознаніе этого противорѣчія проявляется въ гадячской конституціи, принятой въ 1658 г.: гетманъ имѣлъ избираться всѣми сословіями Украины—войскомъ, шляхтой и духовенствомъ (существованія крестьянскаго сословія еще не подозрѣвали). Но конституція эта не нашла своего осуществленія на практикѣ, и указанное противорѣчіе продолжало существовать. Несомнѣнно, оно не осталось безъ вліянія на постепенное ослабленіе значенія войсковой рады.

Къ минимуму сводило его и участіе въ украинскихъ дѣлахъ московскаго правительства. Правленіе украинскаго демоса такъ глубоко противорѣчило всему государственному складу Москвы, что въ сферѣ вліянія этой послѣдней ему не могло быть мѣста. Москва поддерживала иногда гетмана, если имѣла къ нему довѣріе, иногда держала сторону старшины, если не довѣряла гетману; но съ демосомъ она не могла имѣть ничего общаго, хотя онъ и старался иногда найти въ ней содѣйствіе въ своей борьбѣ со старшиною, и Москва пользовалась его призракомъ, чтобы терроризировать старшину. Признавъ по традиціи за нимъ, т. е. за войсковою радою, право выбора гетмана, Москва вообще вполнѣ игнорировала его, и старшина съ гетманомъ, имѣя поддержку

у московской бюрократіи, игнорировали его также. Поэтому со времени капитуляціи старшины передъ Москвою (въ послѣдней четверти XVII в.) войсковая рада теряетъ всякое значеніе, и все переходитъ въ руки старшины. Но это была довольно сомнительная побѣда: плоды борьбы старшины съ козацкимъ демосомъ собралъ московскій централизмъ, подчинивъ къ тому времени старшину своему контролю и ограничивъ ее такъ, что ей собственно осталась только иллюзія управленія: правила Украиною уже московская бюрократія.

Старые принципы козацкаго демократизма удержались въ полной силѣ и чистотѣ только на Запорожьѣ, т. е. у козаковъ, жившихъ внѣ полкового устройства Украины, въ степныхъ пространствахъ нижняго Днѣпра. Они имѣли свою особую организацію, центромъ которой былъ „кіш"— січ на Днѣпрѣ, и свое управленіе, во главѣ котораго стоялъ кошевой атаманъ, избираемый войсковою радою. Существовало издавна извѣстное соперничество между козачествомъ запорожскимъ, гдѣ группировались наиболѣе радикальные элементы, и козачествомъ „городовымъ", жившимъ въ осѣдлыхъ мѣстностяхъ Поднѣпровья, организованныхъ теперь въ полковомъ устройствѣ. Сохранивъ у себя вполнѣ старое народовластіе, правленіе войсковой рады, Запорожье, очень неодобрительно смотрѣло на старанія украинской старшины захватить власть въ свои руки, оттѣснивъ на второй планъ козацкій демосъ, и поддерживало этотъ послѣдній въ его борьбѣ со старшиною. Запорожье претендуетъ на руководящую роль въ украинскихъ дѣлахъ, чтобы гетманы, въ томъ числѣ и Хмельницкій, выбирались на Запорожьѣ, и кошевые часто отказываютъ въ повиновеніи гетману, особенно если послѣдній являлся ставленникомъ старшины, къ которой Запорожье относилось весьма враждебно.

Эти противорѣчія въ устройствѣ Украины, несовершенства ея строя, конкурренція разныхъ элементовъ и треніе различныхъ органовъ управленія не давало себя такъ чув-

ствовать во время управленія Хмельницкаго, подъ его сильною рукою. Благодаря своему высокому авторитету и обаянію своего имени въ козачествѣ, смотрѣвшемъ на него какъ на своего прирожденнаго вождя и героя, онъ при своихъ выдающихся дарованіяхъ правителя умѣлъ стирать шероховатости отношеній и двигать этотъ тяжелый, неприглаженный механизмъ. Это было нелегко, и Хмельницкому измѣняли не разъ средства нравственнаго воздѣйствія и онъ обращался къ террору, а отъ людей, внушавшихъ ему опасенія, отдѣлывался безъ церемоній. Его преемники не обладали ни его обаяніемъ, ни его талантами и ни предъ чѣмъ не останавливающейся энергіей, и внутреннія коллизіи украинскаго строя начали выходить наружу, усложняясь соціальными отношеніями—столкновеніемъ старшины съ козацкимъ демосомъ и еще болѣе широкими массами народа на почвѣ соціально-экономическихъ отношеній. Объ этомъ соціально-экономическомъ антагонизмѣ, оказавшемъ весьма сильное вліяніе на дальнѣйшую судьбу Украины, я долженъ сказать здѣсь нѣсколько словъ.

Мы видѣли, что козачество съ началомъ XVII в. сложилось въ общественный классъ, полупривилегированное военное сословіе. Сословныя идеи были усвоены особенно верхними слоями его—родовитымъ козачествомъ, занимавшимъ высшія должности въ войскѣ, отличавшимся достаткомъ и гордившимся заслугами своими и своихъ фамилій. Оно смотрѣло на себя, какъ на высшее, привилегированное сословіе. Хотя оно боролось противъ польско-шляхетскаго режима, но въ его представленія общественныя отношенія укладывались не иначе, какъ по типу того же сословнаго государства, Польши прежде всего, въ порядкахъ которой они выросли. Начиная съ Хмельницкаго и кончая послѣднимъ украинскимъ демагогомъ Петрикомъ (конца XVII в.), украинская интеллигенція вообще и козацкая старшина спеціально не представляла себѣ общественнаго строя безъ сословныхъ привилегій, безъ подданныхъ и господъ, и ихъ чувство оскорблялось только тѣмъ, что господами

были Поляки, люди чужой народности и вѣры, или тѣмъ, что претендовали на панство люди худородные, не заслуженные. „Кто козакъ—будетъ вольность козацкую имѣть, а кто пашенный крестьянинъ—тотъ будетъ должность обыклую царскому величеству отдавать“,—гласитъ въ великорусскомъ переводѣ одна изъ статей, предложенныхъ правительствомъ Хмельницкаго московскому правительству въ 1654 г. А его послы—представители козацкой старшины—во время переговоровъ выпрашивали у московскаго правительства для себя граматы на имѣнія и домогались, чтобы въ нихъ было спеціально упомянуто о неограниченныхъ правахъ ихъ надъ крестьянами, какіе окажутся въ этихъ имѣніяхъ или будутъ ими на-ново поселены.

Характерно въ высшей степени, что граматъ этихъ послы Хмельницкаго не рѣшились никому предъявить на Украинѣ, и онѣ остались въ секретѣ. Въ этомъ обнаружилось сознаніе противорѣчія такихъ сословныхъ стремленій старшины со стремленіями и настроеніемъ народныхъ массъ. Ко всему, что напоминало хотя бы отдаленно шляхетско-панщинные порядки, эти народныя массы относились чрезвычайно подозрительно и враждебно. Нужно было время, чтобы сломить эту силу народнаго сопротивленія, и потому процессъ созданія новаго господствующаго сословія изъ козацкой старшины и закрѣпощенія крестьянства начинаетъ развиваться вполнѣ осязательно только съ конца XVII в., когда старшина нашла для своихъ сословныхъ стремленій опору въ московскомъ правительствѣ. Но существованіе сословныхъ и крѣпостническихъ тенденцій у своей интеллигенціи, у козацкой старшины украинскій народъ почуялъ очень скоро. До нашего времени сохранилась прекрасная народная дума, одна изъ лучшихъ по своимъ поэтическимъ достоинствамъ и свѣжести историческаго колорита, „О запорожскомъ гетманѣ Ганжѣ Андыберѣ“, изображающая контрастъ аристократничествующей старшины, которую дума называетъ „дуками-сріблениками“ и даже „ляхами“, и козацкой „голоты“ (голи) или

„черни“ *). Представителями „дукъ“ выступаютъ въ думѣ историческія лица довольно ранняго времени — дѣятели 1660-хъ гг.; они запечатлѣлись въ народной памяти уже какъ типическіе представители панскихъ тенденцій старшины.

Дѣйствительно, въ историческихъ фактахъ контрастъ старшины и „черни“ выступаетъ вполнѣ осязательно уже непосредственно по смерти Хмельницкаго, но главнымъ образомъ пока въ сферѣ политики. Партія старшины стремится оттѣснить гетмана, избраннаго войсковою радою, провести своего человѣка и вообще оттѣснить войсковую раду и козацкую „чернь“ на второй планъ. Въ защиту козацкихъ массъ и войскового правленія выступаетъ Запорожье и агитируетъ среди черни. Противники старшины ищутъ поддержки у московскаго правительства, которое и пользуется этимъ раздвоеніемъ въ своихъ видахъ, чтобы сбить старшину съ позиціи, сломить ея стремленія къ автономіи и принудить къ уступкамъ въ вопросахъ политики за цѣну неприкосновенности сословныхъ интересовъ. Вопросы сословные и экономическіе еще не выступаютъ въ полной опредѣленности;

---

*) Дума рисуетъ сцену въ степной „корчмѣ“, гдѣ пьютъ „три ляхи дуки-сріблянники“: Гаврило Довгополенко переяславскій, Війтенко нижевскій и Золотаренко черниговскій (полковники). Туда же приходитъ оборванный козакъ-петяга; „дуки“ издѣваются надъ нимъ, но затѣмъ оказывается, что этотъ оборвышъ—гетманъ „запорожскій“ Ганжа Андыберъ, въ лицѣ котораго дума изображаетъ, вѣроятно, Брюховецкаго, выставленнаго ультра-демократическимъ Запорожьемъ противъ представителя старшины—переяславскаго полковника Сомка (Довгополенко думы). На призывъ Ганжи къ „рікам низовим, помощницям дніпровим“ приносятъ ему козаки дорогіе уборы и знаки власти. Дуки, послѣ такого превращенія, приглашаютъ Ганжу въ свою компанію, но тотъ ими пренебрегаетъ, а его козаки, для лучшаго вразумленія, „потягають у три березини“ ихъ, приговаривая:

Ей дуки, дуки, за вами всї луги и луки,
вїде нашому брату, козаку петязї, стати—
й коня попасти.

мы встрѣтимся съ ними въ такой вполнѣ опредѣленной формѣ только спустя четверть столѣтія. Но самое противоставленіе „пановъ“ и „черни“ даетъ понять, что уже въ этой борьбѣ, начинающейся въ концѣ 1650-хъ годовъ и продолжающейся затѣмъ въ 1660-хъ, участвовали интересы классовые и экономическіе, придававшіе политической борьбѣ ея жгучесть и упорство.

Отъ этихъ общихъ замѣчаній переходимъ къ событіямъ, исходною точкою которыхъ послужила смерть Хмельницкаго.

Его смерть не была полною неожиданностью—онъ чувствовалъ ея приближеніе и предложилъ войску выбрать ему преемника. Изъ уваженія къ его заслугамъ, къ его имени—„аби була тая слава, що Хмельницкий гетьманом“, войсковая рада преемникомъ объявила его малолѣтняго сына Юрія. Но большинство старшины не сочувствовало этому выбору и по смерти Богдана Хмельницкаго она подъ разными предлогами обошла Юрія и выбрала гетманомъ Ивана Выговскаго, долгое время занимавшаго постъ войскового писаря. Это былъ мелкій кіевскій шляхтичъ по происхожденію, человѣкъ довольно интеллигентный и образованный для своего времени, но болѣе ловкій, чѣмъ талантливый.

Выборъ Выговскаго былъ исключительнымъ дѣломъ старшины и произведенъ былъ безъ настоящаго участія козачьей рады, такъ какъ козацкая масса стояла за Юріемъ Хмельницкимъ и старшина опасалась встрѣтить съ ея стороны противодѣйствіе кандидатурѣ Выговскаго. Эта предосторожность однако ему мало помогла; противъ Выговскаго, какъ противъ ставленника старшины, шляхтича и человѣка безъ военныхъ заслугъ, немедленно возникла оппозиція на Запорожьѣ, представлявшемъ, какъ мы знаемъ, наиболѣе демократическую, радикальную часть козачества, и въ южныхъ лѣвобережныхъ полкахъ—Полтавскомъ и Миргородскомъ, которые, въ силу сосѣдства, состояли въ наиболѣе тѣсныхъ и близкихъ сношеніяхъ съ Запорожьемъ и находились подъ его вліяніемъ. Этимъ движеніемъ воспользовался полтавскій

полковникъ Мартинъ Пушкарь, надѣясь, по всей вѣроятности, при поддержкѣ этихъ радикальныхъ элементовъ занять мѣсто Выговскаго, какъ это нѣсколькими годами позже удалось Брюховецкому. Отъ Пушкаря и отъ запорожскаго кошевого пошли въ Москву донесенія, что Выговскій избранъ неправильно, безъ участія войсковой рады, что войско гетманомъ имѣть его не желаетъ, что онъ склоняется къ Польшѣ и замышляетъ измѣну противъ Москвы и т. п.

Обвиненія эти не имѣли основаній, кромѣ упрека въ нарушеніи формальности выбора. Чтобы загладить эту неформальность, Выговскій созвалъ войсковую раду и былъ на ней еще разъ избранъ; московское правительство признало вполнѣ законность выбора. Однако противники его не унимались, продолжая свои сношенія съ Москвою и агитируя противъ Выговскаго среди народныхъ массъ, обнадеживая помощью изъ Москвы и т. п. Все это, конечно, очень раздражало Выговскаго; онъ требовалъ, чтобы московское правительство прекратило сношенія съ его противниками, какъ бунтовщиками, отреклось отъ нихъ и помогло ему подавить враждебное движеніе. Московское правительство однако не хотѣло выдать ему головою своихъ корреспондентовъ, афишировавшихъ чрезвычайную преданность Москвѣ. Оно посылало только увѣщательныя граматы и самого Выговскаго удерживало отъ вооруженныхъ репрессалій, а между тѣмъ, пользуясь затруднительнымъ положеніемъ гетмана, спѣшило выполнить задуманныя реформы: ввести воеводъ въ украинскихъ городахъ, передать имъ управленіе и сборъ налоговъ и подчинить кіевскую митрополію московскому патріарху.

Сначала Выговскій, скрѣпя сердце, покорно исполнялъ эти домогательства московской политики, надѣясь, что московское правительство съ своей стороны его поддержитъ, но въ концѣ концовъ двоедушная и своекорыстная политика московскаго правительства вывела его изъ терпѣнія и онъ, потерявъ надежду на Москву, началъ дѣйствовать собственными средствами. Онъ откликается на предложенія, шедшія непрерывно, еще со временъ Хмельницкаго, изъ Польши съ

приглашеніемъ вернуться подъ власть польскаго короля, одновременно возобновляетъ сношенія съ Крымомъ и получаетъ оттуда подкрѣпленія. Въ маѣ 1658 г. онъ съ татарскою ордою двинулся на своихъ противниковъ; подъ Полтавою произошла битва, въ которой Пушкарь былъ убитъ, а его партія разгромлена и Полтава сожжена. За это Выговскій получилъ выговоръ изъ Москвы и, раздраженный поведеніемъ московскихъ воеводъ и самого правительства, считая отношенія испорченными безповоротно, рѣшаетъ возобновить связи съ Польшею.

Послѣ предварительныхъ переговоровъ къ Выговскому были высланы польскимъ сеймомъ делегаты, которые 16 сентября н. ст. 1658 г. заключили съ нимъ въ Гадячѣ трактатъ (такъ наз. Гадячская комиссія). Украина по этому трактату возвращалась подъ власть польскаго короля, но не какъ простая провинція. Воеводства Кіевское, Браславское и Черниговское должны были составить вел. кн. Русское (по образцу в. кн. Литовскаго), со своими особыми министрами, казною, монетою и съ гетманомъ во главѣ. Гетманъ избирается сословіями в. княжества Русскаго, точнѣе — утверждается королемъ изъ кандидатовъ, предложенныхъ ему сословіями. Козацкій реестръ опредѣлялся въ 30 тыс., кромѣ 10 тыс. наемнаго гетманскаго войска. Православная религія на всей территоріи, заселенной Русью, сравнивалась въ правахъ съ католическою; всѣ имѣнія, принадлежавшія православной церкви, должны быть ей возвращены; православный митрополитъ и четыре епископа получали мѣста въ сенатѣ. Кіевская академія уравнивалась въ правахъ съ краковскимъ университетомъ и, кромѣ того, сословіямъ Украины предоставлялось право заложить въ одномъ изъ городовъ Украины еще одну академію.

Хотя условія эти не были осуществлены, они интересны какъ выраженіе стремленій украинской старшины *). Въ пе-

*) Въ первоначальномъ видѣ Гадячскаго трактата мы, впрочемъ, не имѣемъ, и въ нѣкоторыхъ пунктахъ лишь приблизительно мо-

тиціи, высланной на сеймъ 1659 г., сдѣланы были въ нихъ нѣкоторыя существенныя поправки; наиболѣе важная—чтобы въ составъ в. кн. Русскаго были включены также воеводства Волынское, Подольское и Русское (Галичина), т. е. почти вся украинская территорія.

Еще раньше, чѣмъ окончились переговоры съ польскимъ правительствомъ, Выговскій перешелъ къ военнымъ дѣйствіямъ противъ Москвы: онъ попробовалъ выбить московскій гарнизонъ изъ Кіева, но это ему не удалось. Московское правительство объявило его измѣнникомъ и распорядилось произвести выборъ новаго гетмана. Но извѣстіе о заключеніи Выговскимъ трактата съ польскимъ правительствомъ чрезвычайно смутило московскихъ политиковъ; въ первый и послѣдній разъ они поколебались и готовы были пойти на уступки въ своей централистической политикѣ: воеводѣ Трубецкому поручено было войти въ переговоры съ Выговскимъ, обѣщать ему полную амнистію и согласиться на уступки примѣнительно къ его трактатамъ съ Польшею, въ крайности даже на выводъ московскаго воеводы изъ Кіева.

Положеніе Выговскаго было тоже достаточно тяжелое: изъ Польши значительной поддержки онъ не имѣлъ, такъ какъ, изнуренная тяжелою войною, Польша сама разсчитывала на козацкія силы. Между тѣмъ связь съ нею была въ высокой мѣрѣ непопулярна среди украинскихъ массъ. Враждебное Выговскому движеніе въ лѣвобережной Украинѣ ожило, какъ только московское правительство выступило противъ гетмана. Выговскій колебался нѣкоторое время, но рѣшеніе разорвать съ Москвою превозмогло: онъ не вѣрилъ уже искренности московскаго правительства и въ его предложеніяхъ видѣлъ только хитрую уловку.

Въ началѣ 1659 г. Выговскій выступилъ за Днѣпръ противъ московской партіи. Навстрѣчу ему двинулся москов-

---

жемъ судить о его содержаніи. Оффиціальные тексты подверглись позднѣйшимъ сокращеніямъ въ наиболѣе существенныхъ пунктахъ—относительно в. кн. Русскаго.

скій воевода Трубецкой, соединившись со своими украинскими партизанами. Выговскій ретировался назадъ за Днѣпръ, чтобы подождать подкрѣпленій отъ союзниковъ, а Трубецкой между тѣмъ двинулся въ Сѣверщину, которая держалась стороны Выговскаго, и осадилъ нѣжинскаго полковника Гуляницкаго въ Конотопѣ. Осада тянулась два съ половиною мѣсяца; положеніе осажденныхъ сдѣлалось отчаяннымъ, но сдаваться московскому войску они не хотѣли. Гуляницкій бомбардировалъ Выговскаго просьбами о помощи; Выговскій поджидалъ Татаръ. Наконецъ прибылъ самъ ханъ съ ордою, и Выговскій двинулся съ нимъ подъ Конотопъ. Московскіе воеводы не имѣли точныхъ свѣдѣній о его силахъ и, когда навстрѣчу Выговскому изъ-подъ Конотопа выслано было войско, оно очутилось между двухъ огней, между козаками Выговскаго и Татарами. Произошла неслыханная катастрофа: московское войско уничтожено цѣликомъ; двое окольничьихъ *) попало въ плѣнъ. Трубецкой поспѣшилъ снять осаду и отступилъ за московскую границу.

Московская партія утратила всякую энергію и отвагу. Шансы Выговскаго поднялись неизмѣримо; но онъ или не сумѣлъ, или не успѣлъ воспользоваться благопріятными обстоятельствами. Московскіе гарнизоны въ лѣвобережныхъ городахъ удержались. Запорожскій кошевой Сирко, врагъ Выговскаго, какъ и все Запорожье, пользуясь отсутствіемъ Татаръ, помогавшимъ Выговскому, произвелъ удачный набѣгъ на Ногайскую орду **) и затѣмъ двинулся на Чигиринъ. Эта диверсія заставила Выговскаго выйти изъ лѣвобережной Украины раньше, чѣмъ были уничтожены московскіе гарнизоны, а съ его уходомъ московская партія начала вновь поднимать голову. Даже въ Сѣверщинѣ обнаружилось движеніе, враждебное Польшѣ и Выговскому; расквартированныя здѣсь вспомогательныя польскія войска, присланныя на

*) Очень высокій боярскій чинъ (второго класса).

**) Это было первое громкое дѣло знаменитаго въ исторіи Сѣчи вождя, славнаго воина, но совершенно лишеннаго способностей политика.

помощь Выговскому, по старой памяти возбуждали такую ненависть въ украинскомъ населеніи, что ихъ въ концѣ концовъ перерѣзали *). Примѣръ Запорожья и лѣвобережныхъ полковъ началъ вліять и на правобережные: рядъ полковниковъ заявили, что они не желаютъ признавать власти Польши. Уманскій полковникъ Ханенко соединился съ войскомъ Сирка и двинулся къ Кіеву, гдѣ въ то время находился Юрій Хмельницкій—его, какъ лицо, выбранное уже разъ гетманомъ и только оттѣсненное Выговскимъ, противники послѣдняго съ разныхъ сторонъ выдвигали и прочили теперь на гетманство.

Въ первыхъ числахъ сентября 1659 г. подъ м. Германовкой, недалеко отъ Бѣлой Церкви, стали другъ противъ друга оба лагеря—Юрія Хмельницкаго и Выговскаго. Съ Выговскимъ былъ только отрядъ Поляковъ и остатки его „затяжцевъ", наемнаго войска; козаки всѣ перешли къ Хмельницкому, да и Поляки и затяжцы начали разбѣгаться отъ него. 11 сентября состоялась козацкая рада; козаки рѣшительно заявили, что они не хотятъ сражаться противъ Москвы; общее раздраженіе противъ Выговскаго проявилось такъ сильно, что его едва не убили. Онъ долженъ былъ удалиться изъ рады, которая вслѣдъ затѣмъ провозгласила гетманомъ Юрія Хмельницкаго. Выговскій послѣ этого счелъ свою роль, какъ козацкаго гетмана, оконченною и отослалъ Хмельницкому знаки гетманской власти. Однако, не оставляя своего плана—оторвать Украину отъ Польши, онъ старался вліять въ этомъ направленіи и на новаго гетмана, и дѣятельность его въ этомъ направленіи не была безплодна. Но окончилась она очень плачевно: нѣсколько лѣтъ спустя онъ былъ разстрѣлянъ польскимъ полевымъ судомъ по обвиненію въ измѣнѣ, выразившейся въ намѣреніи произвести возстаніе противъ Польши. Обвиненіе было, несомнѣнно, совершенно неосновательно, да и съ формальной точки зрѣнія самый

*) Въ этой рѣзнѣ погибъ и одинъ изъ выдающихся представителей партіи старшины Юрій Немиричъ; его считаютъ истиннымъ авторомъ Гадячскаго трактата.

полевой судъ надъ такимъ важнымъ лицомъ, носившимъ послѣ гетманства титулъ кіевскаго воеводы, былъ вопіющею безправностью и характернымъ проявленіемъ полной дезорганизаціи польскаго управленія.

Въ виду рѣзко выраженнаго массой козачества, въ движеніи его противъ Выговскаго, нерасположенія къ Польшѣ старшина не рѣшалась поднимать вопроса объ осуществленіи Гадячскаго трактата и польской протекціи, хотя многіе—въ интересахъ украинской автономіи—ей несомнѣнно сочувствовали. Но, рѣшаясь, подъ давленіемъ массъ, возстановить зависимость Украины отъ Москвы, украинскіе автономисты хотѣли по крайней мѣрѣ обезпечить въ будущемъ автономію Украины, принудивъ московское правительство къ нѣкоторымъ существеннымъ уступкамъ. Подъ ихъ вліяніемъ Хмельницкій, принявъ гетманство, увѣдомилъ объ этомъ только переяславскаго полковника Цыцюру, выдвинувшагося на первый планъ въ лѣвобережной Украинѣ во время предшествующаго движенія, и этимъ ограничился, не входя ни въ какія сношенія съ московскими воеводами. Придвинувшись къ Днѣпру со своимъ войскомъ, онъ выжидалъ перваго шага съ ихъ стороны. Когда воевода Трубецкой обратился къ нему съ призывомъ — признать власть московскаго царя по-старому, на старыхъ правахъ и вольностяхъ, Хмельницкій и старшина отвѣтили ему предложеніемъ условій, на которыхъ они согласны признать власть Москвы.

Они домогались, чтобы московскихъ воеводъ и гарнизоновъ не было нигдѣ, кромѣ Кіева, какъ было при Богданѣ Хмельницкомъ; чтобы московскія войска, присылаемыя на Украину, находились подъ командою гетмана; чтобы гетмана выбирало само войско, безъ вмѣшательства московскаго правительства и его воеводъ, и выбранный гетманъ былъ признаваемъ московскимъ правительствомъ безъ всякихъ ограниченій; чтобы оно не сносилось помимо гетмана съ старшиною и войскомъ, не принимало никакихъ писемъ, не контрасигнованныхъ гетманомъ и войсковою печатью, и вообще чтобы административныя и судебныя права гетмана не под-

вергались никакимъ исключеніямъ и ограниченіямъ; право сношеній съ иностранными державами должно остаться за нимъ вполнѣ, московское же правительство при дипломатическихъ переговорахъ, касающихся Украины, должно приглашать къ участію представителей гетманскаго правительства, съ правомъ голоса; украинская церковь остается подъ властью константинопольскаго патріарха; школы „всякаго языка“ могутъ свободно основываться и впредь.

Эти условія были отвѣтомъ на событія послѣднихъ лѣтъ и обнаружившіяся въ нихъ стремленія московской политики къ ограниченію украинской автономіи и самобытности. Безъ такихъ поправокъ украинская интеллигенція - старшина считала зависимость отъ Москвы невозможною, и этимъ объясняется, почему всѣ участники изложенной формулы соглашенія, когда Москва ея не приняла, оказались потомъ врагами Москвы.

Трубецкой, получивъ эти условія, промолчалъ о томъ, что онъ имѣетъ отъ московскаго правительства совершенно иныя инструкціи, и пригласилъ Хмельницкаго со старшиною явиться къ нему для переговоровъ и принесенія присяги. Хмельницкій не рѣшался ѣхать къ нему, опасаясь ловушки, требовалъ заложниковъ и только, когда одинъ изъ московскихъ бояръ переѣхалъ на правый берегъ, тогда и онъ явился въ Переяславль со старшиною, въ числѣ которой былъ Сирко, Дорошенко и др. Но опасенія козацкой старшины оказались справедливыми: это была ловушка. Трубецкой теперь отъ переговоровъ о предложенныхъ условіяхъ уклонился, а заявилъ, что долженъ прежде всего созвать въ Переяславлѣ раду для выбора гетмана и принятія „статей“. Это былъ рѣшительный ударъ, противъ котораго Хмельницкій со старшиною не протестовали только потому, что были въ рукахъ Трубецкого. Какъ я упоминалъ, на радѣ представительства не существовало, какъ и на старорусскомъ вѣчѣ, и мѣсто, гдѣ собиралась рада, рѣшало и составъ ея; поэтому на радѣ въ Переяславлѣ подавляющее большинство должны были дать козаки изъ лѣвобережныхъ полковъ, враждебно настроенные уже противъ

партіи старшинъ-автономистовъ и исходившей отъ нихъ оппозиціи Москвѣ. Кромѣ того, Трубецкой привелъ съ собою свое войско, прибылъ также и другой московскій воевода Ромодановскій съ другою арміею и сторонникъ Москвы Безпалый со своими козаками. Трубецкой, очевидно, разсчитывалъ, что при такой обстановкѣ автономисты не осмѣлятся и рта разинуть, и предложилъ имъ „статьи", приготовленныя московскимъ правительствомъ.

Здѣсь къ статьямъ Богдана Хмельницкаго были сдѣланы, между прочимъ, слѣдующія дополненія и поправки: гетманъ долженъ безпрекословно посылать войско по распоряженію московскаго правительства и напротивъ—безъ его наказа не посылать никуда; смѣнять гетмана безъ царскаго указа войско не можетъ; московскихъ партизановъ—Безпалаго, Цыцюру и др.—гетманъ не долженъ подвергать взысканіямъ безъ слѣдствія, произведеннаго московскимъ правительствомъ; люди, близкіе къ Выговскому, подъ страхомъ смертной казни, лишаются права впредь занимать какія либо должности въ войскѣ, а также участвовать въ радѣ; кромѣ Кіева, московскіе воеводы имѣютъ быть введены въ Переяславль, Нѣжинъ, Черниговъ, Браславль и Умань.

Старшина дѣйствительно не рѣшилась протестовать; только противъ переданнаго Трубецкимъ желанія московскаго правительства, чтобы Сѣверщина, принадлежавшая въ XVI в. къ Московскому государству, была изъята изъ гетманскаго управленія и обращена въ московскую провинцію,—выступила даже московская партія, и отъ этого требованія Трубецкой отказался.

Въ остальномъ предложенныя Трубецкимъ статьи были приняты на радѣ 7 (17) октября (такъ называемыя переяславскія статьи). Хмельницкій былъ вновь избранъ и принесъ присягу въ соблюденіи этихъ новыхъ статей. Объ отмѣнѣ нѣкоторыхъ, наиболѣе тяжелыхъ изъ нихъ, онъ ходатайствовалъ вслѣдъ за тѣмъ передъ московскимъ правительствомъ чрезъ депутацію, но просьба эта не была принята во вниманіе.

Переяславская рада 1659 г. сомкнула окончательно заколдованный кругъ, въ которомъ очутилась Украина послѣ своего великаго возстанія, кругъ разрыва съ Польшею и подданства Москвѣ. Рѣшенный уже Б. Хмельницкимъ, въ виду противорѣчія политики украинской и московской, разрывъ съ Москвою былъ осуществленъ Выговскимъ, но слишкомъ неискусно, неловкою рукою недоучившагося ученика великаго мастера дипломатіи: Хмельницкій не хотѣлъ возврата къ Польшѣ, онъ желалъ создать такую политическую комбинацію, которая могла бы обезпечить Украинѣ совершенно независимое положеніе, и для этого опирался главнымъ образомъ на Швецію. Но въ 1659 г. на Швецію опереться было уже труднѣе. Выговскій упростилъ планъ, вернувшись къ Польшѣ, и—тѣмъ его совершенно испортилъ.

Польшѣ можно было ставить условія,—чувствуя себя слишкомъ слабой, она готова была на уступки, по крайней мѣрѣ временныя, какъ она надѣялась. Но народныя украинскія массы не хотѣли и слышать о возвратѣ къ Польшѣ, и въ средѣ самой старшины обнаружилось раздвоеніе. Принужденные этимъ къ возвращенію подъ власть Москвы, автономисты—то есть все, что было болѣе порядочнаго и политически развитого въ средѣ старшины,—хотѣли путемъ обоюдныхъ уступокъ создать сносный modus vivendi подъ верховенствомъ Москвы. Но московское правительство, разсчитывая на слабость автономистовъ, рѣшило съ ними не церемониться и угрозою вооруженной силы заставило ихъ принять свои условія. Но за это игнорированіе стремленій украинской интеллигенціи московская политика была наказана годами войнъ и безпокойствъ, потерей правобережной Украины и того импозантнаго положенія во внѣшней политикѣ, которое создалъ ей союзъ съ украинскимъ козачествомъ, и наконецъ—призракомъ украинскаго сепаратизма, съ этихъ поръ тяготѣющаго надъ политикой Москвы.

Украинскіе автономисты не могли отказаться отъ своихъ требованій, не могли помириться съ ролью безгласныхъ исполнителей распоряженій московской бюрократіи и—мета-

лись въ своемъ заколдованномъ кругѣ, стараясь найти точку опоры противъ московскаго централизма. Событія 1657—59 гг. не открыли имъ глазъ на дѣйствительную причину ихъ слабости, не обратили ихъ лицомъ къ народнымъ массамъ и ихъ стремленіямъ. Обезпечивая Гадячскимъ трактатомъ автономію Украины, они оставляли безъ вниманія нужды и интересы этихъ народныхъ массъ и соглашались на возстановленіе на Украинѣ шляхетскаго режима, вызвавшаго это великое народное движеніе. Съ такимъ же непониманіемъ интересовъ и стремленій массъ строили они и свои дальнѣйшіе планы, разбивавшіеся неизмѣнно объ это отсутствіе солидарности передового, правящаго меньшинства съ народомъ, съ его задушевными, хотя и неясными, не поддающимися формулировкѣ стремленіями къ установленію общественныхъ отношеній „без холопа і без пана“.

Пользуясь этимъ раздвоеніемъ, московское правительство неизмѣнно поражаетъ украинскихъ автономистовъ во всѣхъ ихъ попыткахъ противостать централистической политикѣ, пока не приводитъ ихъ къ полному отчаянію, къ тому, что они махнули рукою на всякую политику и занялись, при благосклонномъ участіи московскаго правительства, устройствомъ своего сословнаго благополучія — т. е. пошли всею компаніею по той дорогѣ, на которую отдѣльныхъ лицъ политическая деморализація начала увлекать уже съ первыхъ же событій по смерти Б. Хмельницкаго.

Факты 1657—59 гг. собраны въ статьяхъ Костомарова: Гетманство Выговскаго и Гетманство Юрія Хмельницкаго (въ его Монографіяхъ); болѣе мелкія статьи: J. Rolle (dr. Antoni J.) о семьѣ Б. Хмельницкаго, Выговскомъ, Юріѣ Немиричѣ и др.—въ его сборникахъ Opowiadania historyczne и Biblioteka Warszawska, 1893; Д. Коренца о Выговскомъ—въ Запискахъ наук. тов. ім. Шевченка, т. XXXVIII; В. Герасимчука о событіяхъ 1659—60 гг.—тамъ же въ т. LIX і LX; Фотинскаго о Немиричѣ—въ I т. Волынскаго церк археол. сборника.

XVIII.

Подробно слѣдить за исторіею дальнѣйшей смуты, попытокъ автономистовъ вырваться изъ тисковъ московскаго централизма и ихъ неудачъ было бы долго и утомительно. Мы остановимся только на болѣе интересныхъ моментахъ этой борьбы.

Вынужденная покорность Юрія Хмельницкаго и кружка автономистовъ не могла быть искреннею, и ихъ раздраженіе противъ московской политики готово было прорваться наружу при первомъ же испытаніи. Критическій моментъ не заставилъ себя долго ждать. Лѣтомъ 1660 г. московское правительство задумало большую кампанію противъ Поляковъ въ Галичинѣ, чтобы отвлечь польскія силы отъ Бѣлорусскихъ земель, гдѣ вели въ то время операціи московскія войска. Воевода Шереметевъ съ лѣвобережными козаками двинулся на Волынь, Хмельницкій съ правобережными шелъ южною границею, чтобы охранять Украину отъ Татаръ. Польскіе гетманы, получивъ значительную помощь изъ Крыма, отрѣзали армію Шереметева отъ сообщенія съ Хмельницкимъ и подвергли блокадѣ; она очутилась въ отчаянномъ положеніи. Пользуясь этимъ, Поляки начали переговоры съ Хмельницкимъ, убѣждая его порвать союзъ съ Москвой и возобновить Гадячскій трактатъ; въ этомъ же направленіи вліялъ на него и Выговскій. Хмельницкій колебался; не успѣвъ пробиться и соединиться съ арміею Шереметева, онъ въ концѣ концовъ согласился на переговоры. Но возобновить Гадячскій трактатъ полностью Поляки, пользуясь выгодами своего положенія, уже не соглашались—изъ него были вычеркнуты наиболѣе существенныя постановленія — о „вел. княжествѣ Русскомъ“.

Такое искалѣченное изданіе трактата не могло, конечно, разсчитывать на долговѣчность, но при данныхъ условіяхъ Хмельницкій не считалъ возможнымъ упорствовать, и трактатъ былъ принятъ съ указанными измѣненіями. Цыцюрѣ

было сообщено объ этомъ, и онъ попытался вырваться изъ лагеря Шереметева, но это ему не удалось. Шереметевъ, осажденный подъ Чудновымъ, въ концѣ концовъ капитулировалъ на весьма унизительныхъ условіяхъ и сорвалъ сердце на козакахъ Цыцюры: онъ выдалъ ихъ головой Полякамъ, а тѣ передали ихъ Татарамъ. Этотъ поступокъ возбудилъ на Украинѣ чрезвычайное омерзеніе въ народѣ и раздраженіе противъ московской власти.

Возобновленіе Гадячскаго трактата, да еще въ такомъ искалѣченномъ видѣ, большинству козаковъ казалось актомъ вынужденнымъ, и они не имѣли серьезнаго намѣренія признавать эту новую зависимость отъ Польши. Хотя послѣ вѣстей о чудновской катастрофѣ во многихъ мѣстностяхъ Заднѣпровья обнаружились народныя движенія противъ московскихъ людей и воеводъ, успѣвшихъ заявить себя населенію съ весьма несимпатичной стороны (буйствами, притѣсненіями, высокомѣрнымъ отношеніемъ) *), но серьезныхъ послѣдствій это движеніе противъ Москвы не имѣло. Поляки не поддержали его достаточно энергично, а ихъ походы на лѣвый берегъ Днѣпра, предпринятые съ этою цѣлью, скорѣе имѣли обратное дѣйствіе, еще болѣе оттолкнувъ населеніе отъ Польши. Шуринъ Хмельницкаго Сомко и другой его родственникъ, нѣжинскій полковникъ Золотаренко, объявившіе себя сторонниками Москвы въ надеждѣ получить гетманскую булаву при этой оказіи, подавили это враждебное Москвѣ движеніе, несмотря на то, что ошеломленное чудновскою катастрофою московское правительство съ своей стороны довольно слабо ихъ поддерживало. Послѣ недолгаго колебанія лѣвобережная Украина вернулась подъ власть Москвы.

И въ правобережной Украинѣ верховенство Польши не пользовалось популярностью. Особенно постои вспомогательныхъ польскихъ войскъ и крымскихъ ордъ, приходившихъ

*) Ср. Розыскъ 1666 г. о злоупотребленіяхъ московскихъ ратныхъ людей въ Малороссіи—Кіевская Старина, 1895 г., XII.

въ помощь Хмельницкому даже безъ его приглашеній, возбуждали сильнѣйшее раздраженіе въ народѣ и приводили къ переселенію значительныхъ массъ населенія за Днѣпръ. У крымскаго хана возникъ даже планъ обратить Украину въ подвластную провинцію, и эта комбинація находила сторонниковъ и среди старшины, недовольной на польское правительство, не имѣвшее ни энергіи — закрѣпить за собою Украину, ни желанія—удовлетворить требованія старшины. Но народъ былъ страшно раздраженъ опустошеніями, которыя постоянно производили эти союзники, и о татарской власти съ нимъ и говорить было нечего. Въ концѣ концовъ противъ Ю. Хмельницкаго возникло общее неудовольствіе, и этотъ больной и лишенный способностей человѣкъ нѣсколько разъ намѣревался отречься отъ гетманства. Въ началѣ 1663 г. онъ дѣйствительно сложилъ гетманскую булаву и принялъ монашество, а на его мѣсто избранъ былъ правобережными полками его зять, Павелъ Тетеря, беззастѣнчивый эгоистъ, о которомъ говорили, что онъ получилъ гетманство путемъ подкупа старшины.

Въ лѣвобережной Украинѣ, остававшейся подъ верховенствомъ Москвы, соперничали за гетманскую булаву между тѣмъ Сомко и Золотаренко, и вслѣдствіе этого соперничества, а также въ надеждѣ, что, можетъ быть, удастся еще склонить къ возвращенію подъ верховенство Москвы Хмельницкаго съ правобережною Украиною, московское правительство не спѣшило выборомъ гетмана. Среди этихъ проволочекъ на сценѣ появился новый кандидатъ—запорожскій кошевой Иванъ Брюховецкій. Этотъ беззастѣнчивый карьеристъ и интриганъ задумалъ повторить планъ Пушкаря. Противъ Сомка и Золотаренка, въ виду кандидатуры Брюховецкаго, примкнувшаго къ Сомку, Брюховецкій обращается къ демагогіи—выдвигаетъ противъ нихъ, какъ представителей старшинскихъ круговъ, украинскій демосъ: играетъ на демократическихъ струнахъ, на нерасположеніи „черни“ къ старшинѣ и на соперничествѣ Запорожья съ городовыми козаками, выдвигая вопросъ объ участіи запорожцевъ въ избраніи гетмана. Одно-

временно онъ старается пріобрѣсть расположеніе московскаго правительства, распространяя слухи о неблагонадежности Сомка и стараясь представить себя сторонникомъ Москвы болѣе усерднымъ, а главное—болѣе податливымъ на ея желанія, чѣмъ Сомко. Это ему удается, такъ какъ Сомко своими жалобами на самоуправства и злоупотребленія московскихъ воеводъ успѣлъ вооружить ихъ противъ себя, испортивъ впечатлѣніе и въ правительственныхъ кругахъ.

На окончательную раду, назначенную на іюнь 1663 г. подъ Нѣжиномъ, Брюховецкій привелъ ватаги запорожцевъ и „черни“ изъ южныхъ полковъ, державшихъ сторону Запорожья. Сомко въ виду этого пришелъ также съ отрядомъ козаковъ и даже артиллеріею. Рада перешла въ схватку и была прервана, но затѣмъ Брюховецкому удалось перетянуть на свою сторону козаковъ Сомка; тѣ подняли бунтъ, Сомко съ товарищами долженъ былъ укрыться въ московскомъ лагерѣ, гдѣ ихъ и арестовали. Послѣ этого на вновь составленной радѣ Брюховецкій былъ объявленъ гетманомъ; московскій делегатъ утвердилъ этотъ выборъ, а Сомко, Золотаренко и ихъ сторонники подвергнуты были суду по обвиненію въ измѣнѣ; четверо были казнены, а остальные отправлены въ ссылку, въ Москву.

Такимъ образомъ Украина формально раздѣлилась—правобережная имѣла своего гетмана, лѣвобережная—своего; первая подъ верховенствомъ Польши, вторая подъ верховенствомъ Москвы. И тамъ и здѣсь наверхъ всплыли беззастѣнчивые интриганы, дѣлавшіе собственную карьеру среди этихъ страшно запутанныхъ отношеній. Но положеніе было слишкомъ серьезно для того, чтобы можно было держаться однѣми интригами—и Тетерѣ и Брюховецкому долго удержаться на гетманствѣ не удалось. Первымъ кончилъ Тетеря. Свое гетманство онъ началъ съ совѣтовъ королю предпринять походъ за Днѣпръ для присоединенія лѣвобережной Украины. Въ концѣ 1663 г., послѣ долгихъ проволочекъ, король дѣйствительно двинулся и прошелъ за Днѣпръ до Глухова, но успѣха не имѣлъ никакого, и это послѣднее

усиліе Польши вернуть себѣ лѣвобережную Украину окончилось полнымъ фіаско. Когда Брюховецкій съ московскими войсками въ отвѣтъ на него предпринялъ походъ въ правобережныя земли, здѣсь обнаружилось сильное движеніе противъ Польши. Московское правительство не поддержало его, да и движеніе это собственно не обнаруживало особаго тяготѣнія къ Москвѣ, но польская власть въ правобережной Украинѣ была имъ подорвана. Несмотря на жестокія экзекуціи надъ возставшими (особенно выдавался своими жестокостями извѣстный польскій полководецъ Чарнецкій), движеніе продолжалось. Одинъ изъ предводителей его на-голову разбилъ Тетерю, а когда вслѣдъ за тѣмъ, весною 1665 г., были выведены изъ Украины польскія войска, въ которыхъ представлялась настоятельная надобность въ другихъ мѣстахъ, Тетеря счелъ свое дѣло безнадежнымъ и уѣхалъ изъ Украины. Онъ сходитъ послѣ этого со сцены.

Брюховецкій, какъ я уже сказалъ, старался снискать себѣ поддержку Москвы угодливостью московской политикѣ. Этой тактики онъ держался и послѣ своего выбора: съѣздилъ на поклонъ въ Москву, чего не хотѣлъ сдѣлать, несмотря на желаніе московскаго правительства, ни одинъ изъ его предшественниковъ, изъявилъ намѣреніе жениться на московской боярышнѣ, выразилъ желаніе, чтобы въ Кіевъ прислали митрополита изъ Москвы и, наконецъ, исполняя волю московскаго правительства, во время своего пребыванія въ Москвѣ подалъ петицію о введеніи московской администраціи на Украинѣ. Московское правительство за это пожаловало Брюховецкому боярскій чинъ и немедля приступило къ переписи Украины и къ введенію новаго податного оклада. Но это возбудило величайшее неудовольствіе среди населенія, и безъ того уже чрезвычайно недовольнаго московскими воеводами и ратными людьми; масла въ огонь подлилъ и самъ Брюховецкій, постаравшись до введенія московскаго оклада собрать съ населенія возможно больше въ свою казну. Со всѣхъ сторонъ поднимались неудовольствія на него и на московское правительство. Духовенство было раздражено

проектомъ подчиненія украинской церкви московскому патріарху. Старшина негодовала за введенную Брюховецкимъ систему—отправлять неугодныхъ ему лицъ въ ссылку въ Москву. Запорожье гнѣвалось на своего ставленника за обремененіе населенія и введеніе московскаго оклада. Всеобщее негодованіе вызвало также совпавшее съ этимъ соглашеніе Москвы съ Польшею (оформленное потомъ перемирнымъ трактатомъ 1667 г.) объ уступкѣ Польшѣ правобережной Украины, которая какъ разъ передъ тѣмъ, какъ мы видѣли, собственными силами снова освободилась было отъ польской власти.

Брюховецкій сначала хотѣлъ заглушить эти неудовольствія терроромъ—ссылалъ старшину, а непокорныя села и мѣстечки совѣтовалъ московскому правительству жечь и избивать. Но движеніе становилось сильнѣе. Это почувствовалъ Брюховецкій и съ легкостью настоящаго карьериста рѣшилъ повернуть въ противоположную сторону. Движеніе противъ Москвы казалось ему теперь настолько сильнымъ, что онъ замышляетъ самъ примкнуть къ нему, тѣмъ болѣе, что на поддержку московскаго правительства онъ, судя по нѣкоторымъ признакамъ, не могъ особенно разсчитывать: если бы Украина обратилась рѣшительно противъ него, московское правительство не стало бы его отстаивать. Брюховецкій приготовляетъ возстаніе противъ Москвы и входитъ въ союзъ съ Дорошенкомъ, который въ это время сталъ во главѣ правобережной Украины.

Фактически освободившись отъ всякой зависимости отъ Польши, правобережная Украина, какъ я уже сказалъ, не спѣшила признать верховенство и Москвы. Заявлялъ притязаніе на нее крымскій ханъ, и сотникъ Опара былъ первымъ, который пошелъ навстрѣчу этимъ планамъ: онъ принялъ отъ хана утвержденіе въ званіи гетмана, съ обязательствомъ зависимости. Но очень скоро Татары арестовали его и предложили козакамъ въ гетманы болѣе крупную личность—Петра Дорошенка. Это былъ родовитый козакъ, „з прадіда козак“, какъ онъ о себѣ говорилъ, внукъ гетмана Ми-

хайла Дорошенка. Онъ былъ полковникомъ уже при Хмельницкомъ, игралъ видную роль по его смерти въ кругахъ украинскихъ автономистовъ и теперь выдвигается на первый планъ, являясь въ продолженіе цѣлаго десятилѣтія, можно сказать, центромъ украинской политики. Человѣкъ несомнѣнно способный, съ желѣзною энергіею, при болѣе благопріятныхъ условіяхъ онъ могъ бы создать нѣчто крупное, при данныхъ же—только довелъ положеніе дѣлъ до крайности, до абсурда. Это—настоящій герой безвременья, вызывающій трагизмомъ своего положенія и силой духа глубокій интересъ и сочувствіе.

Устраняя Опару, Дорошенко имѣлъ въ виду планъ болѣе широкій. Пользуясь поддержкою Крыма и Турціи, онъ разсчитывалъ создать себѣ прочную основу въ правобережной Украинѣ, свободной отъ вліяній и Москвы и Польши. Опираясь на нее, онъ надѣялся снова соединить воедино правобережную и лѣвобережную Украину, а такъ какъ послѣднюю слишкомъ было трудно, какъ показали послѣднія событія, поставить внѣ зависимости отъ Москвы, то Дорошенко имѣлъ въ виду верховенство Москвы, но подъ условіемъ прочныхъ гарантій украинской автономіи, къ которымъ онъ надѣялся принудить Москву страхомъ своего союза съ Турціею и Крымомъ.

Провозглашенный на войсковой радѣ гетманомъ подъ протекціею крымскаго хана, въ августѣ 1665 г., Дорошенко входитъ затѣмъ въ непосредственныя сношенія съ Турціею (1666). Разбивъ оставшіеся польскіе отряды, онъ овладѣваетъ Браславщиною. Московскихъ партизановъ въ правобережной Украинѣ Дорошенко также разсѣялъ и старался овладѣть лѣвобережною. Съ Брюховецкимъ онъ вошелъ въ сношенія и подавалъ ему надежду, что оставитъ ему гетманство, но одновременно упрекалъ Москву, что она поддерживаетъ подобныхъ авантюристовъ—причину украинскихъ смутъ. Очевидно, противъ Брюховецкаго Дорошенко считалъ всякій способъ борьбы позволительнымъ.

Разсчитывая на Дорошенка и Татаръ, Брюховецкій съ

началомъ 1668 г. поднялъ возстаніе противъ Москвы. Старшина приняла въ немъ участіе, московскіе гарнизоны изгонялись или избивались. Но самъ Брюховецкій сдѣлался слишкомъ ненавистенъ на Украинѣ, чтобы его могъ спасти этотъ поворотъ въ политикѣ. Когда прибылъ изъ-за Днѣпра Дорошенко и потребовалъ, чтобы Брюховецкій сложилъ гетманство, козаки объявили Брюховецкому, что не желаютъ сражаться изъ-за него съ Дорошенкомъ, разграбили его лагерь, самого арестовали и привели къ Дорошенку, и тутъ,— какъ разсказываетъ современникъ,—по ошибочно понятому жесту Дорошенка, бросились на Брюховецкаго и растерзали его. Послѣ этого Дорошенко, соединившись съ татарскою ордою, которая прибыла было на помощь Брюховецкому противъ Москвы, двинулся противъ московскаго войска, вступившаго, подъ предводительствомъ Ромодановскаго, въ границы Украины для подавленія возстанія. Ромодановскій въ виду силъ, которыми располагалъ Дорошенко, отступилъ, и Украина, за исключеніемъ нѣсколькихъ пунктовъ, гдѣ держались еще московскіе гарнизоны, оказалась въ рукахъ Дорошенка.

Это былъ единственный по своему значенію моментъ въ политической дѣятельности Дорошенка. Трудно угадать, удалось ли бы ему удержать Украину въ своемъ вліяніи, наэлектризовать утомленную двадцатилѣтнею борьбою массу, взять въ руки расшатанную и въ значительной степени деморализованную старшину. Достаточно сказать, что этимъ благопріятнымъ стеченіемъ обстоятельствъ Дорошенку воспользоваться не удалось. Какъ разъ въ эту минуту наибольшаго успѣха онъ бросилъ армію и уѣхалъ въ Чигиринъ, какъ передаетъ современникъ—вслѣдствіе извѣстія объ измѣнѣ жены. Воспользовавшись его уходомъ, Ромодановскій двинулся въ Сѣверскія земли. Архіепископъ черниговскій Лазарь Барановичъ выступилъ съ проповѣдью покорности Москвѣ; оставленный Дорошенкомъ въ качествѣ замѣстителя („наказнаго гетмана") Демьянъ Многогрішный съ мѣстною старшиною рѣшилъ вернуться къ московской власти. Но при этомъ и старшина и Барановичъ хотѣли добиться уступокъ—

вывода воеводъ, возвращенія къ статьямъ Богдана Хмельницкаго, и Многогрішный ставидъ ультиматумъ: или московское правительство возстановитъ „козацкія вольности", или онъ пойдетъ въ подданство Туркамъ. При этомъ онъ выступалъ уже не какъ представитель Дорошенка, а какъ самостоятельный „гетманъ сѣверскій".

Выводъ воеводъ былъ, несомнѣнно, всеобщимъ желаніемъ на Украинѣ. Въ томъ смыслѣ, что это было общее желаніе украинскаго населенія, доносилъ и воевода Шереметевъ: „Черкасы" желаютъ непремѣнно, чтобы „русскихъ" людей не было на Украинѣ въ городахъ, и жить съ ними не хотятъ. Вообще это былъ моментъ, когда стремленія гарантировать Украину отъ вмѣшательства московскаго правительства и администраціи проявились особенно сильно и широко въ украинскомъ обществѣ. Возможно, что ихъ популярностью — это было всеобщее conditio sine qua non,—объясняется та значительная твердость, съ которою Многогрішный и старшина отстаивали свои требованія. Но московское правительство, очевидно, возлагало надежды на этотъ расколъ, выразившійся въ отдѣленіи Многогрішнаго отъ Дорошенка, и рѣшило все-таки не уступать украинскимъ требованіямъ. Оно позондировало Дорошенка, котораго продолжали еще держаться южные лѣвобережные полки, но когда и Дорошенко поставилъ то же требованіе—о выводѣ воеводъ, московское правительство рѣшило держаться Многогрішнаго, въ надеждѣ, что онъ въ своемъ фальшивомъ положеніи между Дорошенкомъ и Москвою окажется уступчивѣе и, не имѣя духу отказаться отъ гетманской булавы, отступится отъ своего ультиматума. Дѣйствительно, уже къ марту 1669 г. Многогрішный уступилъ. На радѣ въ Глуховѣ, хотя и не безъ значительной оппозиціи, были приняты „статьи"— договоръ между Украиною, собственно — украинскою старшиною, и московскимъ правительствомъ, составленный въ стилѣ международнаго трактата, и затѣмъ Многогрішный былъ еще разъ подтвержденъ на гетманствѣ и получилъ знаки власти отъ московскаго делегата.

Въ окончательно принятой редакціи этихъ глуховскихъ статей постановлялось, что московскіе воеводы, кромѣ Кіева, будутъ назначаться въ Переяславль, Нѣжинъ, Черниговъ и Остеръ, но они не будутъ имѣть права вмѣшиваться въ судъ и управленіе,—имъ будутъ подчиняться только московскіе ратные люди ихъ гарнизоновъ. Такимъ образомъ, послѣ обнаруженнаго народомъ неудовольствія московское правительство отказалось отъ введенія московской администраціи и податного оклада на Украинѣ. За гетманомъ не признавалось право сношеній съ иностранными государствами, но оставлялось на будущее время участіе козацкихъ делегатовъ въ московскихъ дипломатическихъ конференціяхъ.

Это былъ очень чувствительный ударъ для плановъ Дорошенка, но онъ не смутилъ его, и—къ чести Дорошенка нужно сказать — онъ не сталъ тратить силъ и энергіи на борьбу съ Многогрішнымъ. Хотя онъ смотрѣлъ на послѣдняго свысока, какъ на самочиннаго „покутнаго гетманчика", но поддерживалъ съ нимъ добрыя отношенія, тѣмъ болѣе, что и безъ того имѣлъ достаточно заботъ, а общность національной программы сближала его съ Многогрішнымъ: мы уже видѣли, что ихъ стремленія относительно московской политики были одинаковы. Вопросъ о передачѣ Польшѣ Кіева, перемиріемъ 1667 г. оставленнаго только на два года подъ властью Москвы, возбуждалъ тогда большую тревогу на Украинѣ. Москву обвиняли въ пренебреженіи къ національнымъ интересамъ Украины, излишней уступчивости относительно Польши. Подозрѣнія росли тѣмъ болѣе, что козацкіе делегаты, вопреки обѣщаніямъ, не были допущены къ конференціямъ, происходившимъ между уполномоченными Москвы и Польши. Эти общія заботы и огорченія сближали Дорошенка съ Многогрішнымъ, очень огорченнымъ поведеніемъ московскихъ политиковъ. Между тѣмъ, жалобы на поведеніе московскаго правительства, которыя позволялъ себѣ Многогрішный, послужили также поводомъ къ скорому его паденію.

Многогрішный вообще не умѣлъ поставить себя въ хо-

ронія отношенія къ старшинѣ. Послѣдняя была склонна смотрѣть на него свысока, какъ на человѣка новаго, „мужичьяго сына", и притомъ довольно простодушнаго. Постоянно подозрѣвая ее въ интригахъ, онъ позволялъ себѣ временами рѣзкія выходки противъ нея. Недовольные дѣйствительно устроили заговоръ въ мартѣ 1672 г., и по соглашенію съ московскимъ отрядомъ, находившимся при гетманѣ, схватили его и отослали въ Москву, обвиняя въ измѣнѣ московскому правительству и прося разрѣшенія выбрать новаго гетмана. Обвиненія были совершенно ложны, а насколько все это имѣло характеръ личной интриги, доказываетъ страхъ заговорщиковъ, что войско и населеніе выступятъ противъ нихъ: поэтому раду для выбора новаго гетмана они не рѣшились даже устроить на украинской территоріи, а перенесли за московскую границу, подъ охрану московскаго войска (на урочищѣ Козацька діброва). Но, несмотря на очевидную ложность обвиненій, московское правительство сочло за лучшее придать имъ значеніе. Надъ Многогрішнымъ былъ наряженъ въ Москвѣ судъ; гетмана подвергли пыткамъ, и хотя никакихъ уликъ противъ него не найдено, тѣмъ не менѣе его съ семьею и ближайшими сторонниками сослали въ Сибирь, гдѣ Многогрішный въ весьма тяжелыхъ матеріальныхъ условіяхъ жилъ еще въ первыхъ годахъ XVIII в.

Среди всеобщаго возмущенія и паники, вызванной на Украинѣ такимъ произволомъ и жестокостью, кружокъ заговорщиковъ, съ разрѣшенія московскаго правительства, благоволеніе котораго онъ старался пріобрѣсти угодливостью и сервилизмомъ, поспѣшилъ подъ охраною московскаго войска произвести выборъ новаго гетмана. Избранъ былъ генеральный судья Самойловичъ, настоящій кандидатъ старшины, исполнитель ея соціально-экономической программы, человѣкъ ловкій, искательный, но ничѣмъ особеннымъ себя не загрязнившій, а по отношенію къ Москвѣ очень лояльный. Онъ также былъ человѣкомъ новымъ—сынъ священника, онъ и позже носилъ кличку „Поповича", которою хотѣли подчеркнуть его позднѣйшія аристократическія замашки и вы-

сокомѣріе, возбуждавшее всеобщее неудовольствіе. При избраніи его возобновлены были глуховскія статьи 1669 г., за исключеніемъ только права участія украинскихъ делегатовъ въ дипломатическихъ конференціяхъ: это право, составлявшее послѣднюю тѣнь государственной самостоятельности Украины было отмѣнено теперь. Кромѣ того, старшина выговорила себѣ разныя гарантіи отъ гетманскаго самовластія.

Съ Дорошенкомъ Самойловичъ не поддерживалъ уже такихъ тѣсныхъ и солидарныхъ отношеній, какъ Многогрішный, и раздвоеніе Украины *) чувствовалось вполнѣ осязательно. Самойловичъ боялся, что московское правительство можетъ пожертвовать имъ для соглашенія съ Дорошенкомъ, поэтому старался разсорить его съ Москвою и по возможности ослабить. Московское правительство дѣйствительно было очень озабочено Дорошенкомъ и не находило способа поладить съ нимъ. Южные полки все еще стояли большею частью внѣ зависимости отъ Москвы, тяготѣя къ Дорошенку или къ гетманамъ, которые одинъ за другимъ всплывали на Запорожьѣ. Съ другой стороны московское правительство было озабочено союзомъ Дорошенка съ Турціею, который пріобрѣталъ все болѣе осязательное значеніе и начиналъ тревожить сильно и Москву.

Я упоминалъ, что въ сношенія съ Турціею Дорошенко вошелъ уже вскорѣ послѣ того, какъ сталъ гетманомъ. Въ 1669 г. онъ вступаетъ въ окончательный договоръ съ Портою, признавъ себя вассаломъ султана, за что Порта обѣщала ему помощь для освобожденія Украины въ ея этнографическихъ границахъ—по Перемышль и Самборъ, до Вислы и Нѣмана, Сѣвска и Путивля (московской границы). Но этотъ союзъ съ Турціею и Крымомъ, даже помимо признанія ихъ верховенства (свое подданство султану Доро-

*) Была еще собственно и третья политическая группа—Запорожье съ сосѣдними южными территоріями, на обѣихъ сторонахъ Днѣпра, не подчинявшееся большею частью ни Самойловичу, ни Дорошенку, а выставлявшее своихъ собственныхъ гетмановъ.

шенко по возможности маскировалъ передъ народными массами), былъ весьма непопуляренъ среди козачества: ему претили союзныя отношенія съ „невѣрными“, вѣковѣчными врагами, тѣмъ болѣе, что приходъ на Украину „союзниковъ“-Татаръ сопровождался опустошеніями самой союзной территоріи и уводомъ въ плѣнъ жителей, хотя Дорошенко въ своемъ трактатѣ съ Турціей и поставилъ условіемъ, что такія безчинства впредь не должны имѣть мѣста. Среди населенія правобережной Украины начинается формальное бѣгство: эмиграція въ лѣвобережную Украину все усиливается, а противъ самого Дорошенка выставляются разные претенденты, особенно изъ Запорожья, враждебнаго союзу съ Крымомъ (между прочимъ, и кандидатура Юрія Хмельницкаго). Въ 1669 – 72 гг. Дорошенку приходилось вести постоянную борьбу съ такими запорожскими гетманами—Суховіенкомъ, Ханенкомъ.

Но, несмотря на эту непопулярность и тревожные симптомы, Дорошенко упорно держался союза съ Турціею. При помощи ея онъ прежде всего хотѣлъ окончательно покончить съ претензіями Польши на Украину и призывалъ турецкое правительство къ походу. Но его не легко было склонить къ этому, и Дорошенко между тѣмъ, не рѣшаясь съ собственными силами вступить въ открытую борьбу съ Польшею, заключалъ трактаты, тянулъ переговоры, подавалъ надежды на подданство, пока наконецъ польское правительство не потеряло терпѣнія и, такъ какъ Дорошенко ставилъ очень высокія требованія, не обратилось къ Ханенку. Съ этимъ болѣе податливымъ авантюристомъ оно заключило въ 1670 г. договоръ, признавъ его гетманомъ; Ханенко удовлетворился такими ничего не стоющими обѣщаніями, какъ свобода православной религіи, неприкосновенность козацкихъ земель, но самый договоръ имѣлъ очень мало значенія, такъ какъ Ханенка признавали гетманомъ только небольшія территоріи въ южной части правобережной Украины. Зато Дорошенку этотъ договоръ не могъ внушить добрыхъ чувствъ

къ Польшѣ, и онъ продолжаетъ со всею энергіею понуждать турецкое правительство къ походу на Украину.

Наконецъ султанъ Магометъ IV рѣшилъ двинуться на Польшу. Въ концѣ 1671 г. онъ началъ готовиться къ походу и выслалъ польскому правительству извѣщеніе, что вслѣдствіе нападеній Поляковъ на территорію его вассала Дорошенка, онъ, султанъ, рѣшилъ предпринять походъ на Польшу. Въ маѣ 1672 г. султанъ, дѣйствительно, двинулся въ походъ съ огромною арміею. Ханъ со своею ордою высланъ былъ впередъ и вмѣстѣ съ Дорошенкомъ разсѣялъ находившіеся на Украинѣ польскіе отряды и козаковъ Ханенка. Турецкая армія осадила Каменецъ, плохо вооруженный и сдавшійся послѣ недолгой осады, затѣмъ двинулась въ Галичину и осадила Львовъ. Никто въ Польшѣ не думалъ о сопротивленіи; польскіе комиссары, прибывшіе въ турецкій лагерь во время осады Львова, согласились на всѣ условія Турокъ, уступивъ Турціи Подолію и обязавшись кромѣ того платить ежегодную дань. „Украина въ давнихъ границахъ“ отдавалась Дорошенку, и польскіе гарнизоны, какіе еще тамъ оставались, польское правительство должно было вывести оттуда. На этихъ условіяхъ былъ подписанъ договоръ подъ Бучачомъ, 7 октября 1672 г., и турецкая армія, занявъ Подолію, ушла обратно.

Такимъ образомъ первая половина плана Дорошенка по внѣшности была осуществлена. Недалекимъ казалось и его дальнѣйшее осуществленіе. Московское правительство, озабоченное союзомъ Дорошенка съ Турціею и предостереженіемъ, какое давало это нашествіе Турокъ на Польшу *), готово было сдѣлать ему значительныя уступки, лишь бы обезопасить себя отъ Турокъ. Правительство и земскій соборъ рѣшили принять Дорошенка съ правобережною Украиною подъ московскую протекцію въ виду того, что по Бучацкому

*) По Украинѣ распространился въ 1672 г. слухъ, что визирь обѣщалъ на слѣдующій годъ привести войско для покоренія лѣвобережной Украины, и это вызвало здѣсь общую панику.

договору Польша отказалась отъ правъ на правобережную Украину, и перемиріе съ Польшею не связываетъ больше московское правительство по отношенію къ ней. Московское правительство готово было пойти на уступки требованіямъ Дорошенка. Каковы были условія Дорошенка, узнаемъ изъ одного нѣсколько болѣе поздняго его письма (1678): на всей Украинѣ, въ предѣлахъ Кіевскаго, Браславскаго и Черниговскаго воеводствъ долженъ быть одинъ гетманъ; его власти подчиняется Запорожье, а также и Кіевъ, то есть московскіе воеводы должны быть выведены даже изъ Кіева, и ихъ нигдѣ не должно быть; но московское правительство беретъ на себя обязательство охранять Украину. Это было повтореніемъ программы 1668 г., и она была теперь очень близка къ осуществленію. Но успѣхъ Дорошенка былъ весьма непроченъ, такъ какъ былъ результатомъ только преходящей паники, наведенной Турками, и его непрочность не замедлила обнаружиться.

Прежде всего планы московскаго правительства встрѣтили препятствіе со стороны Польши. Польское правительство заявило, что оно не отказывается отъ правъ на правобережную Украину, и не намѣрено исполнять Бучацкаго договора, а поэтому принятіе Дорошенка подъ московскую протекцію сочтетъ нарушеніемъ перемирія. Дѣйствительно, оно не вывело своихъ гарнизоновъ изъ правобережной Украины и поддерживало Ханенка противъ Дорошенка. Это остановило Москву. Между тѣмъ страхъ, наведенный Турками, скоро разсѣялся. На слѣдующій годъ Турки похода не повторили, Польша осмѣлилась перейти въ наступательную войну, и подъ Хотиномъ Собѣскій одержалъ надъ Турками побѣду. Самойловичъ, старавшійся всѣми мѣрами помѣшать соглашенію московскаго правительства съ Дорошенкомъ, такъ какъ оно лишило бы гетманства его самого, совѣтовалъ не довѣрять Дорошенку и дѣйствовать оружіемъ. Московское правительство въ концѣ концовъ рѣшилось послѣдовать этому совѣту. Въ началѣ 1674 г. Самойловичъ и Ромодановскій двинулись за Днѣпръ. Имъ было поручено дѣйствовать ору-

жіемъ только въ такомъ случаѣ, если бы не удалось прійти къ соглашенію съ Дорошенкомъ, но Самойловичъ умышленно не вступалъ съ нимъ ни въ какіе переговоры, а постарался привлечь на свою сторону правобережное войско и населеніе.

Дѣйствительно, почти все населеніе правобережной Украины перешло на сторону Самойловича, когда онъ явился здѣсь со своими и московскими войсками. Обстановка, въ которой происходилъ турецкій походъ 1672 г.,—превращеніе христіанскихъ церквей Подоліи въ мечети, наборъ мальчиковъ въ янычары, случаи насильственнаго обращенія въ магометанство,—еще болѣе обострила негодованіе противъ Дорошенка за его союзъ съ Турціею, такъ что оно проявлялось даже среди его приближенныхъ. За отсутствіемъ Турокъ, единственною опорою и надеждою Дорошенка были Татары, но и они не пришли на его призывъ, такъ какъ ханъ былъ недоволенъ, что Дорошенко помимо его вошелъ въ непосредственныя сношенія съ Турціей, и неохотно исполнялъ приходившіе оттуда приказы—помогать гетману. Когда явились войска Самойловича, полное отсутствіе сочувствія къ Дорошенку, собственно къ его политикѣ, обнаружилось во всей наготѣ, и въ реакціи все обратилось къ Самойловичу и Москвѣ.

Дорошенко увидѣлъ себя оставленнымъ всѣми. Въ его резиденціи—Чигиринѣ съ окрестностями, осталось съ нимъ, какъ говорили, всего 5.000 козаковъ, среди которыхъ также было много недовольныхъ. Самойловичъ занялъ гарнизонами Поднѣпровье, депутаты десяти правобережныхъ полковъ, явившись къ нему, признали верховенство Москвы. По приглашенію Самойловича, который послѣ оккупаціи Поднѣпровья возвращался за Днѣпръ, они явились въ Переяславль, и здѣсь, по предложенію Ромодановскаго, признали гетманомъ правобережной Украины Самойловича и еще разъ приняли протекцію Москвы. На этой же радѣ сложилъ знаки гетманскаго достоинства Ханенко, и они были переданы также Самойловичу, который такимъ образомъ былъ при-

знакъ единымъ гетманомъ для всей Украины (15 августа 1674 г.).

Самъ Дорошенко поколебался и готовъ былъ капитулировать, но его удержалъ Сирко, который съ тѣхъ поръ, какъ побывалъ въ московской ссылкѣ, проникся ненавистью къ Москвѣ и въ этомъ же направленіи вліялъ на Запорожье.

Когда по уходѣ московскаго войска пришла на помощь Дорошенку Крымская орда, онъ попытался вернуть отпавшую Украину, дѣйствуя терроромъ и экзекуціями. Но его пріобрѣтенія были утрачены снова, когда появился здѣсь отрядъ, высланный Самойловичемъ. Наконецъ пришли Турки, на которыхъ возлагалъ всю надежду Дорошенко, но они не двинулись на Кіевъ и лѣвобережную Украину, а занялись экзекуціями въ Подоліи и Браславщинѣ, такъ что и этотъ походъ ихъ не принесъ желательныхъ для Дорошенка результатовъ, и страхъ передъ Турціею окончательно исчезъ. Но и предпринятый Самойловичемъ съ Ромодановскимъ новый походъ въ правобережную Украину не отличался энергіею. Слѣдующій (1675) годъ прошелъ также въ мелкой войнѣ. Къ экзекуціямъ Самойловича и Дорошенка, московскимъ, татарскимъ и турецкимъ присоединились еще и польскія: Польша, сначала не опротестовавшая присоединенія правобережной Украины къ лѣвобережной, выступила теперь съ претензіями и выслала свои войска.

Эта безтолковщина, экзекуціи со всѣхъ сторонъ, постои Татаръ и т. п. привели наконецъ населеніе къ полному отчаянію. Когда оказалось, что и московское верховенство не доставило покоя и безопасности, населеніе правобережной Украины начинаетъ поголовно выселяться; эмиграція, которая начала развиваться уже съ 1660-хъ гг., переходитъ въ массовую въ 1674—76 гг. Правобережное Поднѣпровье и Браславщина совершенно опустѣли; движеніе охватило и территорія, лежавшія далѣе къ западу; Поляки и Дорошенко напрасно старались его остановить. Дорошенку это запустѣніе Украины наносило послѣдній ударъ; напрасно онъ прибѣгалъ къ крайнимъ мѣрамъ террора — разбивалъ ватаги

переселенцевъ, отдавалъ ихъ въ неволю Татарамъ — эмиграція шла со стихійною силою, и уже въ 1675 г. Самойловичъ доносилъ въ Москву, что за Днѣпромъ осталось очень мало населенія. Такъ какъ въ лѣвобережныхъ полкахъ уже было мало свободныхъ земель, то переселенцы шли дальше, за московскую границу, въ округа Ахтырскій, Сумскій и др.

Дорошенко окончательно созналъ безнадежность своего положенія. Необычное зрѣлище представлялъ этотъ „послѣдній козакъ", всѣми оставленный, безъ войска и запасовъ сидѣвшій на своей Чигиринской горѣ и все еще служившій предметомъ тревогъ для сосѣднихъ государствъ, дипломатическихъ переговоровъ и политическихъ комбинацій. Дорошенко пытался теперь добиться у московскаго правительства признанія гетманства хотя на части Украины; но московское правительство уже упорно стало на томъ, что единственнымъ гетманомъ украинскихъ земель долженъ быть Самойловичъ, и Дорошенку ничего не обѣщало, кромѣ амнисіи. Но признать „региментъ" Самойловича ни Дорошенку, ни Сирку— его единственной опорѣ на Украинѣ, не хотѣлось. Сирко выступилъ съ теоріей, что выборъ гетмана принадлежитъ Запорожской січі, Дорошенко сложилъ предъ ея представителями свои гетманскіе „клейноты"—знаки власти, и Сирко носился съ планомъ созвать новую раду для выбора гетмана. Переговоры объ этомъ затянулись на нѣсколько мѣсяцевъ. Наконецъ, послѣ долгихъ проволочекъ, Самойловичъ съ Ромодановскимъ, двинулись по порученію московскаго правительства снова къ Днѣпру. Дорошенко призывалъ на помощь Турокъ и Татаръ, но они не пришли. Передовой корпусъ украинско-московской арміи подошелъ къ Чигирину. Дорошенко рѣшилъ, что часъ его пробилъ: онъ вышелъ навстрѣчу передовому полку со старшиною и духовенствомъ и принесъ присягу, а затѣмъ съ 2.000-мъ оставшимся при немъ отрядомъ явился въ лагерь Самойловича и Ромодановскаго, расположенный на лѣвомъ берегу Днѣпра, и сложилъ клейноты, которые и были переданы Самойловичу (сентябрь 1676 г.).

Этимъ закончилась политическая карьера Дорошенка. Онъ

имѣлъ намѣреніе жить на Украинѣ, въ качествѣ частнаго человѣка, но его скоро потребовали въ Москву. Самойловичъ пытался противиться, видя въ этомъ нарушеніе своей присяги Дорошенку относительно свободы и неприкосновенности его личности, но московское правительство настояло, и Дорошенко вынужденъ былъ повиноваться. Изъ Москвы на Украину, несмотря на всѣ его просьбы, Дорошенка уже не отпустили, а держали въ почетномъ заключеніи; позже онъ былъ назначенъ воеводою въ Вятку, а по окончаніи службы получилъ помѣстье Ярополче, въ Волоколамскомъ уѣздѣ, гдѣ и окончилъ свои дни (ум. въ 1698 г.).

Вопросъ о правобережной Украинѣ былъ законченъ спустя нѣсколько лѣтъ послѣ капитуляціи Дорошенка. Турція не хотѣла отказаться отъ нея и, не поддержавъ во-время Дорошенка, послѣ его капитуляціи начала готовиться къ походу, а на мѣсто Дорошенка выставила гетманомъ Юрія Хмельницкаго; схваченный турецкими войсками на Украинѣ и присланный въ Константинополь въ 1672 г., онъ содержался здѣсь въ заключеніи; теперь султанъ приказалъ патріарху снять съ него монашество и выслалъ на Украину въ качествѣ своего вассала.

Лѣтомъ 1677 г. турецкая армія, имѣя съ собою Хмельницкаго, прибыла на Украину и осадила Чигринъ, гдѣ послѣ капитуляціи Дорошенка былъ поставленъ московскій гарнизонъ. На выручку двинулись изъ-за Днѣпра Самойловичъ съ Ромодановскимъ, и Турки, снявъ осаду, ушли, но въ слѣдующемъ (1678) году повторили походъ снова. Такая настойчивость Турціи испугала московское правительство, и оно, посылая снова Самойловича съ Ромодановскимъ, въ тайной инструкціи послѣднему, тайкомъ отъ Самойловича, который не соглашался на отреченіе отъ правобережной Украины, поручило Ромодановскому разрушить Чигринъ, населеніе вывести и войти съ Турками въ соглашеніе, чтобы правобережное Поднѣпровье оставить пустымъ и безъ укрѣпленій. Кампанія 1678 г. дѣйствительно окончилась тѣмъ, что послѣ упорной обороны московскій гарнизонъ вышелъ изъ Чигрина

по приказу Ромодановскаго, а чигринскій замокъ былъ взорванъ порохомъ. Остатки населенія изъ приднѣпровскихъ мѣстностей были насильно переганы за Днѣпръ въ 1679 г.— такъ называемый въ народной традиціи „згін.“ Самойловичъ проектировалъ поселить этихъ Заднѣпрянъ въ слободской Украинѣ, передавъ послѣднюю въ гетманское управленіе, но московское правительство на это не согласилось, и заднѣпровскіе переселенцы въ концѣ концовъ были поселены на юго-восточной окраинѣ, на сѣверъ отъ р. Орели.

Старанія Юр. Хмельницкаго укрѣпить свое положеніе на Украинѣ съ помощью Татаръ и Турокъ между тѣмъ не удались. Подъ вліяніемъ Сирка нѣкоторое время колебалось еще Запорожье—не присоединиться ли къ Хмельницкому, но въ концѣ концовъ и Сирко не захотѣлъ связывать себя съ Турками. Надежда Турокъ, что имя Хмельницкаго привлечетъ къ нему населеніе, совершенно не оправдалась, и въ 1681 г. онъ былъ отозванъ.

Борьба за правобережную Украину успѣла между тѣмъ утомить и Турцію и Москву, и между ними начались переговоры о мирѣ. Польша, заключившая въ 1680 г. съ Москвою трактатъ, по которому за 200 тыс. рублей отказалась навсегда отъ Кіева, считавшагося до сихъ поръ только во временномъ владѣніи московскаго правительства, — предлагала послѣднему союзъ противъ Турціи, и московское правительство, въ виду этой дилеммы, обратилась за совѣтомъ къ Самойловичу. Тотъ совѣтовалъ не входить въ союзъ съ Польшею, а помириться съ Турціею, но выговорить себѣ земли между Днѣпромъ и Днѣстромъ, или по крайней мѣрѣ— до Южнаго Буга. Московское правительство приняло эту точку зрѣнія и старалось придти къ соглашенію съ Турціей. Но крымскій ханъ рѣшительно воспротивился уступкѣ правобережнаго Поднѣпровья, и московское правительство согласилось признать Днѣпръ границей, съ тѣмъ, чтобы край между Днѣпромъ и Юж. Бугомъ остался незаселеннымъ. На этихъ условіяхъ заключенъ трактатъ 1681 г. Однако при ратификаціи его въ Константинополѣ турецкимъ правительствомъ

была исключена оговорка о томъ, что Поднѣпровье должно остаться пустынею, и добавлено, что переселеніямъ изъ лѣвобережной Украины на правый берегъ не должны ставиться препятствія. Эти измѣненія вызвали большое неудовольствіе Самойловича и вообще на Украинѣ, но было уже поздно—трактатъ былъ подписанъ.

Первое мѣсто въ литературѣ для этихъ годовъ остается за монографіями Костомарова: Гетманство Юрія Хмельницкаго и Руина (до низложенія Самойловича). Мало даютъ болѣе новыя работы: Эварницкаго—Исторія Запорожскихъ козаковъ, т. II, 1894, и Волкъ-Карачевскаго—Борьба Польши съ козачествомъ во 2-ой пол. XVII и нач. XVIII в., 1899 г. Изъ болѣе спеціальныхъ упомяну: о кампаніи 1660 г. Czermak Szczliwy rok (Przeglad polski 1886, 1887, 1893), о Брюховецкомъ—статья Е. С. въ „Кіевской Старинѣ" 1885, о Нѣжинской радѣ—Востокова тамъ же 1888, о Дорошенкѣ Целевича въ Запискахъ Н. тов. ім. Шевченка, т. XXV; кромѣ того: Эйнгорнъ—Сношенія малорусскаго духовенства съ московскимъ правительствомъ, 1899.

XIX.

Капитуляція Дорошенка была очень важнымъ симптомомъ въ украинскихъ отношеніяхъ. Это былъ послѣдній сподвижникъ Хмельницкаго, послѣдній представитель кружка автономистовъ, взлелеявшихъ идею самостоятельнаго украинскаго государства. Своей настойчивостью и непреклонностью онъ свелъ, въ глазахъ современниковъ, эту идею до абсурда. Необходимость помириться съ тѣсною зависимостью отъ Москвы и подчиниться московской политикѣ—для огромнаго большинства украинскаго общества стала очевиднымъ фактомъ. Гетманство Самойловича, представителя полной лояльности въ отношеніи московскаго правительства, воплощало это сознаніе. Когда московскимъ политикамъ понадобилось сдѣлать Самойловича козломъ отпущенія своихъ неудачъ, и онъ былъ принесенъ въ жертву этой нѣкоторымъ образомъ „государственной необходимости", занявшій его мѣсто новый гетманъ Иванъ Мазепа пошелъ вполнѣ по стопамъ Самой-

ловича — и во внутренней политикѣ и въ отношеніяхъ къ московскому правительству, требованія и желанія котораго онъ исполнялъ, всячески стараясь доказать свое усердіе, хотя они часто больно задѣвали интересы Украины и гетманской власти. Больше тридцати лѣтъ „Гетманщина" (такъ называлась лѣвобережная Украина) тихо плыла, безъ всякихъ конфликтовъ и пертурбацій, на буксирѣ московской политики, пока неожиданныя политическія комбинаціи не увлекли Мазепу съ его лояльнаго пути. Но и эта пертурбація не измѣнила ничего въ общемъ направленіи политическаго и соціально-экономическаго процесса лѣвобережной Украины—только ускорила его темпъ.

Будучи ставленникомъ старшины, Самойловичъ вѣрою и правдою служилъ ея сословнымъ и экономическимъ интересамъ, усиленно поручая крестьянскому населенію „послушенство" по отношенію къ помѣщикамъ и тщательно преграждая дорогу къ козацкому званію „жителямъ тяглымъ". Это не могло доставить ему популярности въ народныхъ массахъ, раздраженныхъ также введеніемъ косвенныхъ налоговъ на разные предметы потребленія и сборовъ продуктами на военныя нужды и издержки управленія. Особенное неудовольствіе—не только массъ, но и зажиточной буржуазіи возбуждало введеніе правительственной монополіи винокуренія, продажи табаку и дегтя, отдававшейся на откупъ („оранда"). Были недовольны также его стремленіями проводить на высшія должности своихъ родственниковъ, жаловались на его корыстолюбіе и взяточничество, на панскія замашки. Все это особенно непріятно поражало въ выскочкѣ, не помнившемъ, по словамъ современника, „на подлость своего рожаю" (своего низкаго происхожденія), собственно же гетманъ и его семья были лишь типичными представителями старшинскаго класса. Нерасположеніе народныхъ массъ къ Самойловичу, какъ представителю интересовъ старшины, выражалось и въ недружелюбномъ отношеніи къ нему Запорожья, отражавшаго довольно точно настроеніе массъ: оффиціально подчиненное гетману, оно вѣчно пререкалось

и отказывало въ покорности Самойловичу, какъ и преемнику его булавы и политики Мазепѣ.

Наученный горькимъ опытомъ своего предшественника, Многогрішнаго, влачившаго подневольное существованіе въ Сибири, „скитаясь межъ дворовъ и помирая голодною смертью", по его собственнымъ словамъ, Самойловичъ усиленно старался не подать московскому правительству никакого повода къ неудовольствію. Онъ не отказалъ въ своемъ содѣйствіи осуществленію давнишняго плана, занимавшаго московское правительство со временъ Хмельницкаго и теперь снова поставленнаго на очередь—подчиненія украинской церкви московскому патріархату. По настоянію московскаго правительства, Самойловичъ провелъ на кіевскую митрополію человѣка, изъявившаго готовность принять посвященіе отъ московскаго патріарха и признать его власть надъ собою. Это былъ свойственникъ Самойловича, Гедеонъ, кн. Святополкъ-Четвертинскій, епископъ луцкій. Самойловичъ поставилъ однако условіемъ, что московское правительство само уладитъ дѣло съ константинопольскимъ патріархомъ, т. е. получитъ отъ него отреченіе отъ власти надъ кіевскою митрополіею. Но константинопольскій патріархъ съ другими патріархами не пожелалъ на это согласиться, и московское правительство обратилось къ содѣйствію визиря. Тотъ дѣйствительно заставилъ патріарховъ исполнить требованіе Москвы. Такимъ не особенно благочестивымъ способомъ было достигнуто „великое дѣло церковнаго возсоединенія восточной и западной Россіи", какъ называетъ его московскій историкъ *), а въ автономной жизни Украины сдѣлана была еще одна немаловажная брешь.

Московское правительство должно было цѣнить эту непоколебимую лояльность Самойловича, покладистость въ виду требованій московской политики и его собственную разсчетливую, осторожную политику, и Самойловичъ, разсчитывая на благосклонность Москвы, во вторую половину своего пра-

*) Соловьевъ, Исторія Россіи, III, стр. 986.

вленія начинаетъ устранять старшину отъ участія въ управленіи—поступаетъ самовластно, безъ участія рады, старшины, какъ жаловалась на него старшина (конечно, не безъ преувеличеній), когда пробилъ часъ его паденія: „все самъ дѣлаетъ, никого къ думѣ не призываетъ", „старшинѣ генеральной нѣтъ у него чести належащей ни безопасенія: больше отъ гнѣва и похвальныхъ его словъ мертвы бываютъ, нежели покойны живутъ" *).

Двумъ сыновьямъ онъ далъ полковничьи должности, дочь выдалъ за московскаго боярина и устроилъ его назначеніе воеводою въ Кіевъ. Располагая такими связями, онъ вѣроятно очень надѣялся передать гетманскую булаву послѣ себя одному изъ сыновей и упрочить своей семьѣ первенствующее положеніе. Это возбуждало сильнѣйшее неудовольствіе противъ него старшины, которая и пробовала на немъ отъ времени жало доноса и интриги и не замедлила повалить зазнавшагося выскочку, какъ только измѣнилось къ нему отношеніе московскаго двора. Вообще въ душной атмосферѣ произвола и безправія, установившейся на Украинѣ подъ московскимъ режимомъ, интриги, подкупы и доносы начинаютъ пріобрѣтать первенствующее значеніе въ мѣстной „политикѣ", и исторія паденія Многогрішнаго и его преемника Самойловича даютъ яркія иллюстраціи тогдашнихъ отношеній.

Возможность низвергнуть Самойловича дала старшинѣ внѣшняя политика. Очень лояльный и покладистый относительно московской политики вообще, Самойловичъ не могъ никакъ помириться съ сближеніемъ съ Польшею, которое происходило въ московской политикѣ въ 1680-хъ гг. Онъ былъ въ этомъ случаѣ выразителемъ воззрѣній украинской старшины, въ особенности лѣвобережной, очень недоброжелательной Польшѣ, не мирился съ отреченіемъ отъ правобережной Украины и не скрывалъ своего неудовольствія,

*) Источники малорос. исторіи, собр. Бантышемъ-Каменскимъ т. I стр. 302.

когда московское правительство, подъ вліяніемъ тогдашняго временщика Вас. Голицына, рѣшительно перешло на почву союзныхъ отношеній къ Польшѣ. Въ 1686 г. былъ заключенъ съ послѣдней вѣчный миръ; по этому миру польское правительство окончательно отказалось отъ Кіева съ его округомъ *) и отъ власти надъ Запорожьемъ; Самойловичъ, который поставилъ это требованіе относительно Запорожья, домогался, чтобы Польша уступила подъ московскую протекцію также земли между Кіевомъ и Чигриномъ, и московскіе уполномоченные поставили это требованіе, но Поляки не согласились, и было рѣшено оставить этотъ край незаселеннымъ впредь до новаго рѣшенія.

Ставъ союзницею Польши, Москва вошла въ образованный противъ Турціи союзъ, въ которомъ кромѣ Польши участвовала Германская имперія (точнѣе Австрія) и Венеція. Свое участіе въ общей борьбѣ съ Турціей московское правительство рѣшило осуществить походомъ на Крымъ, предводительство въ которомъ взялъ на себя Голицынъ, а гетманъ Самойловичъ долженъ былъ участвовать также самолично съ козацкимъ войскомъ. Несмотря на свое несочувствіе къ этому походу, старый гетманъ не устранился отъ участія въ походѣ и далъ рядъ дѣльныхъ указаній относительно условій, которыя должны были обезпечить его успѣхъ. Эти указанія однако не были приняты въ разсчетъ Голицынымъ, и снаряженный съ большою помпою крымскій походъ 1687 г. окончился полнымъ фіаско. Это грозило сильно пошатнуть положеніе Голицына и его покровительницы—правительницы Софьи, и ему во что бы то ни стало нужно было сложить вину неудачи на кого либо другого. Самойловичъ, какъ самое важное лицо въ походѣ послѣ Голицына, могъ для этого послужить лучше, чѣмъ кто либо, а его извѣстное нерасположеніе къ антитурецкой лигѣ давало поводъ обвинить его въ недоброжелательномъ отношеніи къ походу. Убѣдившись, что съ этой стороны обвиненія на Самойловича будутъ благопріятно приняты московскимъ

*) Москва зато еще разъ выплатила ей денежную сумму—146 т. р.

правительствомъ, старшина на возвратномъ пути изъ крымскаго похода подала на Самойловича доносъ, гдѣ обвиняла его въ недоброжелательномъ отношеніи къ московскому правительству и въ томъ, что онъ, будучи противникомъ похода въ Крымъ, сдѣлалъ все для того, чтобы онъ не удался.

Этотъ доносъ былъ благосклонно принятъ московскимъ правительствомъ, хотя оно, очевидно, само не вѣрило этимъ обвиненіямъ Самойловича въ измѣнѣ. Голицыну было поручено, въ виду общаго нерасположенія къ Самойловичу украинской старшины и войска, во избѣжаніе какихъ либо волненій, устранить Самойловича, выслать его съ родственниками въ Москву и произвести выборъ новаго гетмана. Самойловичъ и его сыновья были немедленно арестованы. Старшина заявила при этомъ, что они терпѣли отъ Самойловича разныя притѣсненія и незаконности, но ни слѣдствія, ни суда по всѣмъ обвиненіямъ не было произведено—его съ сыномъ Яковомъ, стародубскимъ полковникомъ, безъ суда сослали въ Сибирь, а имущество ихъ было конфисковано. Другого сына Самойловича, Григорія, черниговскаго полковника, постигла еще болѣе страшная участь: такъ какъ мѣстный воевода донесъ, что Гр. Самойловичъ „бунтовалъ", т. е. старался избѣжать показаній при крестѣ, явились на него подозрѣнія въ нерасположеніи къ Москвѣ, то его подвергли суду, и, хотя серьезныхъ винъ собственно никакихъ за нимъ не оказалось, онъ былъ приговоренъ боярскою думою къ смертной казни и въ томъ же году приговоръ былъ исполненъ. Григорію Самойловичу отрубили голову въ Сѣвскѣ, а имущество его конфисковали. Старикъ Самойловичъ, сосланный въ Тобольскъ, умеръ тамъ два года спустя.

Такъ какъ при вѣсти объ арестѣ гетмана на Украинѣ начались волненія, направленныя противъ старшины, „людей значныхъ", откупщиковъ и т. п., то считали нужнымъ поспѣшить съ выборомъ новаго гетмана и приступили къ нему немедля, въ томъ же лагерѣ, на возвратномъ пути изъ Крыма,

гдѣ произошелъ арестъ Самойловича. Всесильный Голицынъ рекомендовалъ старшинѣ генеральнаго есаула Ивана Мазепу. Позже открылось, что за эту рекомендацію Мазепа долженъ былъ заплатить Голицыну 10 тыс. рублей и выплатилъ ихъ послѣ своего избранія, вѣроятно, изъ имущества своего предшественника (половина имущества Самойловича была забрана въ царскую казну, а половина въ войсковую). Этотъ подкупъ и рекомендація всесильнаго временщика рѣшили выборъ: старшина приняла къ свѣдѣнію желаніе московскаго правительства.

1687 Избирательной радѣ предшествовала ревизія украинской конституціи—установленіе „статей". Политическая автономія Украины была уже и предшествующими ограниченіями и практикою введена въ очень скромныя рамки; теперь къ старымъ (глуховско-конотопскимъ) статьямъ 1672 г. московскимъ правительствомъ прибавлены были еще новыя ограниченія. Постановлено было, что не только гетманъ не можетъ быть низложенъ, но и генеральная старшина не можетъ быть смѣщена „безъ воли и указу" царскаго. Тогда же поручено „гетману и старшинѣ народъ малороссійскій всякими мѣрами и способы съ великороссійскимъ народомъ соединять и въ неразорванное и крѣпкое согласіе приводить супружествомъ и инымъ поведеніемъ,—чтобъ никто голосовъ такихъ не испущалъ, что Малороссійскій край гетманскаго регименту, а отзывались бы вездѣ единогласно ихъ царскаго величества самодержавной державы гетманъ и старшина, народъ малороссійскій обще съ великороссійскимъ народомъ" *). Зато сдѣлано было нѣсколько постановленій въ сословныхъ и экономическихъ интересахъ старшины: подтверждены имѣнія, розданныя гетманами и старшиною; рѣзко отграничено козацкое сословіе отъ мѣщанскаго и крестьянскаго; имѣнія старшины и монастырей освобождены отъ налоговъ на содержаніе войска. За отказъ отъ автономіи московское прави-

*) Акты выбора Мазепы у Бантыша-Каменскаго. Источники малорос. исторіи т. I, стр. 318.

тельство вознаграждало старшину содѣйствіемъ на почвѣ ея классовыхъ матеріальныхъ интересовъ, идя навстрѣчу стремленіямъ старшины къ превращенію въ наслѣдственно-привилегированное владѣльческое сословіе и само дѣятельно работая въ этомъ же направленіи.

После установленія статей послѣдовало избраніе гетмана—оно было простою формальностью въ виду вышесказаннаго. Впрочемъ, новый гетманъ былъ вполнѣ вѣрнымъ выразителемъ сословныхъ и политическихъ стремленій старшины, и съ этой стороны старшина не могла ничего имѣть противъ него.

Мазепа по происхожденію былъ кіевскій шляхтичъ, изъ среднихъ фамилій. Свою молодость онъ провелъ при польскомъ дворѣ въ качествѣ пажа; позже употреблялся для дипломатическихъ порученій на Украинѣ. Затѣмъ, въ 1660-хъ гг. онъ оставилъ придворную службу, — какъ предполагаютъ, вслѣдствіе романическаго приключенія, получившаго громкую огласку и въ болѣе или менѣе украшенныхъ фантазіею формахъ воспѣтаго рядомъ знаменитыхъ поэтовъ (Байрономъ, Пушкинымъ, Словацкимъ). Затѣмъ онъ выступаетъ въ козацкомъ войскѣ—сначала подъ региментомъ Дорошенка, затѣмъ, когда его шансы начали падать, переходитъ къ Самойловичу и занимаетъ видное положеніе въ „войскѣ его царскаго величества запорожскомъ", какъ оффиціально называлась козацкая организація гетманщины.

Шляхтичъ по рожденію и воспитанію, выросшій въ атмосферѣ интригъ королевскаго двора періода упадка Польши въ эпоху народныхъ войнъ Украины противъ польско-шляхетскаго режима, довольно случайно очутившійся въ козацкомъ войскѣ и едва ли искавшій въ немъ что либо, кромѣ личной карьеры, новый гетманъ, подобно своему предшественнику, былъ очень сомнительнымъ пріобрѣтеніемъ для гетманщины въ ея тогдашнемъ очень серьезномъ положеніи. Человѣкъ способный и честолюбивый, но слишкомъ уклончивый и осторожный, слишкомъ учитывающій всякій рискъ и опасность для своего „я", бюрократъ и дипломатъ

по складу понятій и темпераменту, онъ мало годился для самостоятельной, отвѣтственной роли правителя. Подобно своему предшественнику, онъ ставилъ своею первою и главною цѣлью поддерживать хорошія отношенія съ московскимъ правительствомъ во всѣхъ обстоятельствахъ и за какую угодно цѣну, и это ему удавалось. Неудача новаго крымскаго похода, предпринятаго Голицынымъ на слѣдующій годъ и окончившагося также фіаско, не повредила Мазепѣ. Его покровитель Голицынъ палъ, но новое правительство Петра приняло ласково Мазепу, поспѣшившаго самолично съѣздить въ Москву, чтобы устроить свои отношенія. Пользуясь этимъ, Мазепа предъявилъ на Голицына жалобу за взятую съ него взятку и постарался такимъ образомъ возвратить себѣ „издержки производства". Съ возобновленіемъ военныхъ дѣйствій въ 1695 г. Мазепа очень предупредительно исполнялъ военныя порученія Петра, заявляя при всякомъ случаѣ свое сочувствіе его планамъ, и снискалъ его прочное расположеніе.

Но эта предупредительность, съ которою Мазепа шелъ навстрѣчу Петру, не жалѣя людей и издержекъ, высылая козацкіе полки то противъ Турокъ и Татаръ, то на сѣверъ, противъ Шведовъ, то въ Польшу, противъ сторонниковъ кор. Станислава Лещинскаго,—эти безпрерывные, ежегодные далекіе походы въ войнахъ, не затрагивавшихъ совершенно интересовъ Украины, бывшіе для Украины совершенною новостью, столкновенія съ великорусскими начальниками и вся вообще неприглядная обстановка петровской солдатчины, возбуждала на Украинѣ сильное неудовольствіе не только противъ московскаго правительства, но и противъ не въ мѣру усерднаго приспѣшника его, гетмана, и безъ того очень непопулярнаго. Если Самойловича не любили какъ высокомѣрнаго выскочку, то на Мазепу смотрѣли подозрительно, какъ на человѣка чужого, „Поляка", и доносы на него, начиная съ первыхъ лѣтъ его гетманства, почти не прекращались за все время его правленія. Независимо отъ того, въ народѣ не любили его, какъ представителя старшины, представителя и виновника все возраставшей зависимости кре-

стьянскаго населенія и рядового козачества отъ помѣщиковъ-старшинъ, все усиливавшагося обложенія, отягощенія прямыми и косвенными налогами, натуральными повинностями и барщиною. Характернымъ симптомомъ этихъ отношеній является агитація послѣдняго украинскаго демагога Петрика Иваненка, бѣглаго канцеляриста гетманской канцеляріи, пытавшагося въ 1690-хъ гг. вызвать народное движеніе въ гетманщинѣ противъ гетмана, старшины и московской власти. Этотъ загадочный человѣкъ разсчитывалъ опереться на враждебномъ Мазепѣ Запорожьѣ и на помощи Крымскаго хана, отъ котораго онъ получилъ титулъ украинскаго гетмана. Онъ говорилъ о себѣ: „я стою за посполитый народъ, за самыхъ бѣдныхъ и простыхъ людей; Богданъ Хмельницкій избавилъ народъ малороссійскій изъ неволи лядской, а я хочу избавить его отъ новой неволи Москалей и своихъ пановъ". Освобожденіе Украины изъ-подъ ярма московскаго въ его глазахъ непрерывно соединялось съ соціальнымъ переворотомъ, направленнымъ противъ старшины; онъ ставилъ на видъ запорожцамъ, что московское правительство умышленно содѣйствуетъ закрѣпощенію украинскаго населенія, позволяетъ гетману раздавать старшинѣ населенія имѣнія, „записывать нашу братію себѣ и дѣтямъ своимъ въ вѣчность", „работая будто невольниками своими",—чтобы затѣмъ обратить Украину въ обыкновенную свою провинцію, „осадить своими городами", когда украинское населеніе „чрезъ такія излишнія подати и тяжести замужичѣетъ и оплошаетъ".

Онъ былъ увѣренъ, что это угнетенное населеніе, озлобленное на гетмана и старшину, на московское правительство и воеводъ, гетманскихъ старостъ и откупщиковъ, не замедлитъ присоединиться къ нему, лишь только онъ явится съ войскомъ въ предѣлы Украины. „Пане кошовый,— говорилъ онъ запорожскому кошевому, уговаривая принять участіе въ походѣ, — развѣ не помогутъ намъ наши братья „голоколѣнки", съ бѣдными людьми, которыхъ сердюки (гетманская гвардія), арендари (откупщики) да тѣ дуки, что имъ

цари маетности понадавали, едва живымъ не ѣдятъ? Они какъ услышатъ, что ты съ войскомъ двинешься изъ Січи, то они сами тѣхъ чертей-пановъ подавятъ, и мы придемъ на готовый ладъ!" *). Съ крымскими Татарами и небольшими партіями запорожцевъ (всю Січ ему не удалось привлечь на свою сторону) Петрикъ въ 1692—96-хъ гг. три раза предпринималъ походы на Украину, надѣясь вызвать здѣсь возстаніе, но надежды его обманули: украинскія массы были слишкомъ удручены, а небольшія силы, которыя приводилъ съ собою Петрикъ, отнюдь не внушали населенію надеждъ на успѣхъ возстанія.

Совершенно безплодный, этотъ эпизодъ интересенъ главнымъ образомъ агитаціонными рѣчами самого Петрика, единственными по своей рѣзкости и силѣ: онѣ впервые бросаютъ яркій свѣтъ на общественный процессъ, развивающійся въ гетманщинѣ со второй половины XVII в. и кристаллизующійся именно на рубежѣ XVII и XVIII вв. Какъ разъ среди политическаго затишья и лояльной покорности старшины подъ регментомъ Самойловича и Мазепы закладываются крѣпкія основы сословныхъ правъ козацкой старшины и помѣщичьяго владѣнія на Украинѣ, развивающихся затѣмъ параллельно съ постепеннымъ уничтоженіемъ автономіи и формъ выборнаго козацкаго правленія. Представивъ тѣ политическія условія, среди которыхъ зарождался и развивался этотъ соціально-экономическій процессъ, я долженъ здѣсь нѣсколько подробнѣе остановиться на немъ.

Хотя предводители движенія XVII в., сами проникнутые сословными понятіями Польскаго государства, въ которомъ они выросли, соовсѣмъ не имѣли въ виду соціальнаго переворота и, наоборотъ, на каждомъ шагу въ ихъ дѣятельности сквозитъ эта непоколебимая увѣренность въ томъ, что старый соціальный строй долженъ существовать и впредь **),

*) Документы у Эварницкаго—источники для исторіи запорожскихъ козаковъ, т. I, с. 324, 420—2, и у Костомарова—Мазепа, с. 107.

**) См. выше, гл. XVII.

тѣмъ не менѣе, Хмельниччина оказалась соціальною революціею, и не только въ представленіяхъ народа, который шелъ на кличъ ея вождей именно для перестройки общественныхъ и экономическихъ отношеній, но и фактически, по своимъ результатамъ. Изъ многочисленныхъ трактатовъ польскаго правительства съ козаками, имѣвшихъ цѣлью цѣной уступокъ въ политической и культурной сферѣ вернуть восточную Украину шляхетскому землевладѣнію, возвративъ изгнаннымъ польскимъ шляхтичамъ ихъ имѣнія,—отъ Бѣлоцерковскаго трактата 1649 г. до договора съ Ханенкомъ 1670,—ни одинъ не могъ осуществиться, прежде всего—вслѣдствіе непобѣдимой оппозиціи народныхъ массъ и ихъ рѣшимости — не допускать „лядского панованиня". Только очень незначительная горсть шляхетскихъ родовъ, перешедшихъ подъ козацкій региментъ, осталась на Украинѣ при своихъ имѣніяхъ. Вообще же позже существовало убѣжденіе, что во время Хмельниччины всѣ документы на владѣніе были „козацкою шаблею скасованы". Владѣніе изъ привилегированнаго, опиравшагося на граматахъ и документахъ, превратилось въ фактическое, основанное на реальномъ владѣніи или такъ называемой „заимкѣ", оккупаціи.

„Когда при помощи Божіей Малороссіяне съ гетманомъ Богданомъ Зиновіемъ Хмельницкимъ кровію своею освободили Малую Россію отъ ярма лядскаго и отъ державы польскихъ королей, — въ ту пору на обѣихъ сторонахъ Днѣпра вся земля была для Малороссіянъ „сполная и общая", пока эти земли не были заняты отдѣльными хозяйствами и селеніями—и послѣ этого всѣ земли перешли въ собственность „черезъ займы"; „оные же займы Малороссіяне разными означали способами: одни опахивали, иные окружали „копцами" или рвомъ, означали знаками на деревьяхъ, и на этихъ заимкахъ устраивали, что хотѣли: ростили рощи, заводили сады, хутора, слободы и деревни заселяли на свое имя". Это показаніе украинскихъ козаковъ, данное въ одномъ процессѣ за владѣніе (въ концѣ XVIII в.), довольно вѣрно представляетъ отношенія послѣ Хмельниччины, и даже эта

картина какъ бы новаго заселенія Украины, которую даетъ оно, только односторонне преувеличена, но не ложна. Хотя весьма значительная часть земель была и осталась безъ перемѣны въ фактическомъ владѣніи крестьянъ, мѣщанъ, козаковъ, церквей и монастырей, но огромная масса шляхетскихъ земель послѣ бѣгства шляхты сдѣлалась никому не принадлежащими; значительная масса земель сдѣлалась свободною вслѣдствіе большой убыли населенія во время этихъ страшныхъ народныхъ войнъ, а также массовыхъ движеній на востокъ,—всей этой гигантской перетасовки населенія, которою сопровождались движенія XVII в. Благодаря этому оказалось очень много свободныхъ, никому не принадлежавшихъ земель, цѣлыя огромныя пространства, на которыхъ первый встрѣчный могъ поселяться и заимкою и обработкою обращать занятый участокъ въ свою собственность. Заимкѣ представлялось широкое поле.

Такимъ образомъ во второй половинѣ XVII в. землевладѣніе восточной Украины (говорю главнымъ образомъ о лѣвобережной, такъ какъ въ правобережной въ концѣ концовъ возстановлено было шляхетское землевладѣніе) вернулось какъ бы къ первобытнымъ условіямъ и ему, казалось, предстоялъ длинный путь соціально-экономической эволюціи. Въ дѣйствительности однако землевладѣніе и вообще соціально-экономическія отношенія Гетманщины прошли этотъ путь чрезвычайно быстро, въ продолженіе нѣсколькихъ—не столѣтій, а десятилѣтій. Причиною было то обстоятельство, что въ общественномъ и экономическомъ строѣ ея оказались готовые факторы, съ необыкновенною быстротою возстановившіе, хотя и въ измѣненномъ видѣ, разрушенныя формы сословныхъ и экономическихъ отношеній.

Традиціи привилегированнаго землевладѣнія и крѣпостническаго хозяйства были непосредственно сохранены землевладѣніемъ церквей и монастырей, которые послѣ паденія польской власти поспѣшили выхлопотать себѣ подтвержденіе на свои имѣнія отъ гетмановъ и московскаго правительства, а также и уцѣлѣвшихъ, немногихъ, впрочемъ, шляхетскихъ

родовъ. Правящій классъ—козацкая старшина, и интеллигенція вообще выросли поголовно въ тѣхъ же традиціяхъ, и самый радикальный выводъ, какой они были въ состояніи сдѣлать изъ пережитаго, былъ только тотъ, что мѣсто польской шляхты должно занять новое привилегированное сословіе изъ родовъ, ознаменовавшихъ себя заслугами въ козацкомъ войскѣ. Мы видѣли уже, что сподвижники Хмельницкаго въ самый разгаръ освободительнаго движенія обнаруживаютъ стремленія превратиться въ привилегированныхъ землевладѣльцевъ въ духѣ польской шляхты — это были общія стремленія, которыя ждали только благопріятныхъ условій для того, чтобы заявить себя съ полною опредѣленностью. И эти условія дала вскорѣ связь Украины съ Московскимъ государствомъ—зависимость отъ послѣдняго и вліяніе московскаго общественнаго уклада, съ его крѣпостнымъ строемъ и привилегированнымъ землевладѣніемъ.

Этотъ укладъ вліялъ и самъ собою—своимъ примѣромъ, черезъ своихъ служилыхъ людей, приходившихъ на Украину въ московскихъ ратяхъ, назначаемыхъ на должности воеводъ позже—и полковниковъ. Въ томъ же направленіи дѣйствовало и московское правительство, предлагая старшинѣ, за ея уступки въ сферѣ автономіи, подтвержденіе за нею правъ на пріобрѣтенныя имѣнія, практикуя въ широкихъ размѣрахъ раздачу новыхъ—„за службу великому государю“ и вообще санкціонируя всѣмъ своимъ вліяніемъ, всею силою своей централизированной государственной машины, всею грозою своей исполнительной власти перемѣны, произведенныя старшиною въ общественныхъ и экономическихъ отношеніяхъ Гетманщины. Всѣмъ этимъ московско-петербургскій факторъ сыгралъ чрезвычайно важную роль въ перестройкѣ украинской жизни,—облегчая, поддерживая работу старшины и наконецъ запечатавъ законодательными актами произведенную ею перестройку общественнаго строя и сообщивъ ея фактическимъ пріобрѣтеніямъ полную опредѣленность и неизблемую прочность. Роль тѣмъ болѣе интересная, что въ продолженіе всего XVIII в. петербургское правительство не

переставало, какъ мы еще будемъ имѣть случай видѣть, заигрывать на демократическихъ и даже демагогическихъ струнахъ и заговаривать о неправедныхъ пріобрѣтеніяхъ козацкой старшины, смертельно пугая ее этимъ,—такъ какъ она сознавала хорошо, какъ непрочны, безъ поддержки петербургскаго правительства, всѣ ея благопріобрѣтенія, всѣ сословныя права.

Общественный строй восточной Украины послѣ ея освобожденія отъ польскаго режима отличался большой неустойчивостью. Сословія существовали, но между ними не было никакихъ прочныхъ и рѣзкихъ границъ. Козаки—военно-служилый классъ—были привилегированнымъ, свободнымъ отъ податей сословіемъ, но совершенно не замкнутымъ. Вопросъ о реестрѣ фигурировалъ въ „статьяхъ" и трактатахъ, но не имѣлъ никакого реальнаго значенія: при сильномъ, хроническомъ напряженіи военныхъ силъ каждый желающій могъ быть козакомъ. „Можнѣйшіе пописались въ козаки, а подлѣйшіе (бѣдные) остались въ мужикахъ", какъ потомъ вспоминали. Въ козачій „компутъ" (compte, реестръ) можно было такъ же свободно вписаться, какъ и выписаться изъ него и перейти въ сословіе мѣщанское, крестьянское или духовное. Какъ прежде польское правительство, такъ теперь московское и сама старшина, какъ мы видѣли, исходя изъ фискальныхъ и хозяйственныхъ соображеній, старались прекратить эти переходы и такимъ образомъ отграничить козачество отъ крестьянства, но это удалось только позже—въ XVIII в.; тогда въ козачьи „компуты" могли попадать обыкновенно только дѣти козаковъ, и такъ какъ въ этомъ замѣшаны были экономическіе, владѣльческіе интересы правящаго сословія, старшины, то за компутомъ слѣдили строго, и если выйти изъ козачьяго званія было легко, то попасть туда, напротивъ, было очень трудно.

Изъ общей массы козачества выдѣлялся верхній слой его, правящій классъ—старшина. По происхожденію своему это аристократія должностная. Въ принципѣ должности эти имѣли характеръ избирательный и должны были замѣщаться

свободнымъ выборомъ козаковъ, но фактически выборъ очень рано началъ замѣняться назначеніемъ или имѣлъ значеніе чисто формальной процедуры, и должности распредѣлялись между членами правящаго класса, стремившагося къ тому, чтобы превратиться въ наслѣдственно-привиллегированное сословіе. Въ Гадячскомъ трактатѣ это было оформлено въ постановленіи, что ежегодно извѣстное число лицъ козацкаго сословія будетъ нобилитовано, т. е. получитъ шляхетскія права. Въ отношеніяхъ къ московскому правительству старшина уже въ концѣ XVII в. (въ статяхъ 1687 г.) приравниваетъ себя къ наслѣдственному, служилому дворянству и настойчиво проводитъ этотъ взглядъ въ продолженіе всего XVIII в., пока дѣйствительно не добивается этого признанія. Должности и связанная съ ними власть даютъ возможность этимъ старшинскимъ фамиліямъ собирать въ своихъ рукахъ значительныя средства и особенно земли, и онѣ вскорѣ превращаются во владѣльческое сословіе, классъ крупныхъ землевладѣльцевъ. Къ нимъ примыкаютъ богатыя фамиліи мѣщанскаго и духовнаго происхожденія: ихъ представители очень часто пріобрѣтаютъ патенты на разныя дѣйствительныя или титулярныя войсковыя должности, число которыхъ очень умножается въ XVIII в., чтобы дать мѣсто въ войсковой іерархіи возможно большему числу членовъ старшинскихъ фамилій, и такимъ образомъ переходятъ въ составъ войсковой старшины.

Такъ формируется новое привилегированное сословіе настойчиво величающее себя „шляхетскимъ". Оно создаетъ современемъ традицію своего преемства и связи со шляхтой предреволюціонною, выводитъ себя отъ разныхъ польскихъ шляхетскихъ фамилій, принимаетъ ихъ гербы, усердно ищетъ случая породниться съ настоящими шляхетскими родами, хотя бы и захудалыми. Употребляя по старой традиціи уже со второй половины XVII в. въ качествѣ юридическаго кодекса Литовскій Статутъ, оно усвояетъ и прилагаетъ къ себѣ тѣ права привилегированнаго сословія, которыя этотъ старый шляхетскій кодексъ признаетъ за шлях-

тою. Оно проявляетъ при этомъ сильное стремленіе къ образованію и усвоенію внѣшней культуры, и въ этомъ отношеніи оно стояло несомнѣнно выше общаго уровня современнаго великороссійскаго дворянства. Но главная основа его силы и значенія, его raison d'être—это его богатство, въ частности—земельное, крупное землевладѣніе.

Основою старшинскаго, какъ и всякаго землевладѣнія была занимка; только старшина производила эту занимку въ несравненно болѣе обширныхъ размѣрахъ, въ масштабѣ не крестьянскаго, а помѣщичьяго хозяйства, къ созданію котораго она усиленно стремилась. Одновременно, уже въ XVII в., выпрашиваетъ она себѣ земли, „маетности", отъ гетмана и московскаго правительства. Эта раздача земель—преимущественно населенныхъ или занятыхъ,—незанятыя, пустыя не нуждались въ пожалованіи и просто присваивались занимкою,—съ теченіемъ времени практикуется все въ болѣе широкихъ размѣрахъ. Раздаютъ земли не только гетманы (не говоря о московскомъ правительствѣ), но и полковники и генеральная старшина. Но такъ какъ такія гетманскія и старшинскія пожалованія не считались правосильными, то закрѣпленіе ихъ дѣлается однимъ изъ существеннѣйшихъ пунктовъ въ политикѣ старшины относительно московскаго правительства. Уже при выборѣ Мазепы (1687) взамѣнъ сдѣланныхъ московскому правительству уступокъ старшина ходатайствовала, чтобы земли, полученныя отъ гетмана и старшины, а также купленныя, безпрепятственно утверждались московскимъ правительствомъ за владѣльцами; но московское правительство не хотѣло дать такого общаго обѣщанія и предоставило каждому отдѣльно добиваться для себя „жаловальной граматы". И старшина старалась добиться—„заслугами передъ великимъ государемъ".

Кромѣ „займанщинъ" и пожалованій, имѣнія старшины расширялись „скуплею", выкупомъ земель крестьянскихъ и козачьихъ. Особенно въ XVIII в., когда уже исчерпались свободныя земли и не осталось мѣста для занимки, выкупъ практиковался весьма широко: пожалованія могли получать

главнымъ образомъ люди, бывшіе на виду у правительства, „скуплю“ могли практиковать всѣ, стоящіе такъ или иначе у власти, хотя бы очень мелкой—сотницкой, напримѣръ, или имѣвшіе связи въ правящихъ сферахъ. Связи и административное вліяніе были нужны потому, что покупка очень часто была принудительною: скупщики не только пользовались тяжелыми матеріальными обстоятельствами собственниковъ, но прибѣгали и къ давленію административной власти и даже ничѣмъ не прикрытому насилію. При этомъ, такъ какъ выкупъ козачьихъ земель былъ ограниченъ или даже вовсе запрещенъ, чтобы козаки, обѣднѣвъ, не становились неспособными къ службѣ, практиковался, подъ покровомъ власти, насильственный или добровольной, но все-таки незаконный, переводъ изъ козаковъ въ крестьяне: козаки вычеркивались изъ „компутовъ“ и т. п. *).

Всѣми этими путями создана была въ продолженіе столѣтія огромная площадь привилегированнаго землевладѣнія старшины—огромныя латифундіи и имѣнія средней руки разныхъ gentes minores. На займанщинахъ и всякихъ пустыхъ земляхъ оселялись прихожіе люди, огромныя массы которыхъ давало особенно развившееся во второй половинѣ XVII в. и еще разъ повторившееся во второмъ десятилѣтіи XVIII в. массовое переселеніе народа изъ правобережной Украины. Отношенія владѣльца къ такимъ новопоселяемымъ на его землѣ крестьянамъ, или такъ называемымъ „нідсусідкам“, нормировались или договоромъ, или общею практикою. Гораздо щекотливѣе были отношенія владѣльца къ крестьянамъ заселенныхъ уже имѣній, пріобрѣтавшихся

*) Подробно перечисляетъ такія несправедливости и эксплоатацію козаковъ старшиною петиція, приготовленная сотниками и сотенною старшиною Черниговскаго полка для подачи имп. Елисаветѣ во время путешествія ея на Украину въ 1744 г. (опубликована въ Кіевской Старинѣ 1894, IV). Самый фактъ заступничества за козаковъ со стороны представителей той же старшины, хотя и низшей, показываетъ, что помѣщичьи стремленія не успѣли деморализировать ее до конца.

пожалованіемъ или попадавшихъ въ руки старшины въ качествѣ „ранговыхъ“, т. е. связанныхъ съ извѣстною должностью и предназначавшихся на содержаніе занимавшаго эту должность лица *). По отношенію къ нимъ не было даже такого средняго термина, какимъ былъ договоръ для новопоселенцевъ, и тутъ контрастъ стремленій и воззрѣній владѣльцевъ-старшины и крестьянъ выступалъ въ полной наготѣ.

Старшина стремится превратить и ихъ, какъ и подсусѣдковъ, въ своихъ крѣпостныхъ и дѣйствительно успѣваетъ въ этомъ и легализируетъ ихъ крѣпостное состояніе. Для достиженія этого она всѣми мѣрами содѣйствуетъ возможно рѣзкому отграниченію козаковъ отъ крестьянъ (такъ называемыхъ „посполитыхъ“) и дѣлаетъ для послѣднихъ невозможнымъ переходъ въ козацкое званіе. Посполитые, первоначальные собственники, обезземеливаются всякими способами: покупкою или захватомъ земли или всякими притѣсненіями принуждаются къ выходу, причемъ земли ихъ, согласно Литовскому Статуту, помѣщики въ такомъ случаѣ берутъ себѣ и поселяютъ на нихъ вполнѣ отъ себя зависимыхъ подсусѣдковъ. Оставшихся посполитыхъ и переведенныхъ въ ихъ категорію козаковъ они облагаютъ повинностями по образцу подсусѣдковъ, примѣняя къ нимъ принципы шляхетскаго права.

Гетманство Самойловича было временемъ, когда „обыклое послушенство подданныхъ“ по отношенію къ землевладѣльцамъ-старшинѣ впервые начинаетъ усиленно пропагандироваться гетманскою властью и подкрѣпляться ея престижемъ. Тогда это „послушенство“, т. е. повинности крестьянина по отношенію къ помѣщику, выражалось въ обязанности помогать при уборкѣ сѣна, устройствѣ гатей и т. п. Но уже въ первой четверти XVIII в. видимъ панщину настоящую и сильно развитую; въ одномъ универсалѣ 1701 г. гетманъ Мазепа признаетъ законною двудневную панщину въ

*) Эти ранговыя имѣнія современемъ сдѣлались очень значительны и позже часто присваивались старшиною.

недѣлю, и кромѣ нея дань овсяную, и это для крестьянъ, сидѣвшихъ на своихъ земляхъ, а не подсусѣдковъ. Въ общемъ, къ половинѣ XVIII в. крѣпостная зависимость крестьянъ и владѣльческія права по отношенію къ нимъ въ лѣвобережной Украинѣ достигаютъ размѣровъ, вполнѣ аналогичныхъ съ прежнимъ шляхетско-польскимъ режимомъ,— имъ не достаетъ только нѣсколькихъ штриховъ для полной законченности.

Конечно, среди народной массы, сохранявшей живую память о великомъ движеніи, „скасовавшемъ“ шляхетскій режимъ, этотъ процессъ новаго закрѣпощенія вызывалъ сильнѣйшее неудовольствіе. Если одно лишь предчувствіе или подозрѣніе въ шляхетскихъ тенденціяхъ въ первые годы послѣ этого движенія давало поводъ для народной оппозиціи (противъ Выговскаго, Сомка и Золотаренка, да и самого Богдана Хмельницкаго), и народъ клеймилъ представителей этой старшины ненавистнымъ именемъ „Ляховъ“, то можно судить о чувствахъ, какія питалъ онъ къ сословію, явно и открыто возстановлявшему на Украинѣ „панщину“ и всѣ панскіе порядки. Правда, на какое нибудь смѣлое, рѣзкое движеніе противъ этихъ „новыхъ Ляховъ“ у народныхъ массъ уже не было энергіи: онѣ устали отъ предшествовавшихъ тяжелыхъ и безплодныхъ усилій, извѣрились въ успѣхѣ, потеряли довѣріе и къ демагогамъ, призывавшимъ къ борьбѣ съ панами, и къ московской политикѣ, въ которой онѣ надѣялись найти опору и которая въ дѣйствительности поддерживала панскую программу старшины (это разочарованіе должно было особенно сильно подѣйствовать на народъ). Глубокій упадокъ духа, отсутствіе вѣры и даже возбудимости въ народныхъ массахъ живо иллюстрируютъ упомянутые попытки послѣдняго украинскаго демагога—Петрика, разсчитывавшаго произвести возстаніе на Украинѣ съ помощью Крыма и Запорожцевъ. Его надежды, что появленіе его отрядовъ вызоветъ возстаніе простого народа противъ „дуків і панів“, совершенно не оправдались—народъ не шелохнулся.

Но глухое недовольство народа на „пановъ“, на всю си-

стему, ими созданную, было сильно и всеобще. Оно прорывалось въ волненіяхъ, избіеніяхъ пановъ при смѣнѣ гетмановъ, въ отдѣльныхъ вспышкахъ, очень острыхъ иногда, вызванныхъ злоупотребленіями того или другого пана *). Всеобщее недовѣріе встрѣчали всякія административныя и финансовыя мѣры, выходившія отъ этого ненавистнаго панскаго правящаго сословія—въ нихъ видѣли только посягательство на свободу и имущество массы. Такъ, какъ я уже упоминалъ, чрезвычайное недовольство встрѣчали косвенные налоги, введенные въ концѣ XVII в.—на винокуреніе, производство и продажу табаку, дегтя и т. п.

Это раздраженіе массъ чувствовалось правящимъ классомъ очень живо. Не довѣряя козачьему войску, такъ какъ козаки наравнѣ съ посполитыми терпѣли отъ экономической политики старшины, гетманы и старшина завели наемныя войска, набиравшіяся изъ всякаго сброда — такъ называемыхъ сердюковъ, компанейцевъ, а при всякой опасности народнаго движенія взывали о помощи къ московскому правительству, требуя присылки московскаго войска—какъ и во время движеній Петрика.

Это отчужденіе отъ народа, это „средостѣніе“ между правящими классами и народными массами Украины было ахиллесовою пятою украинской старшины. Даже наиболѣе выдающіеся, горячіе украинскіе патріоты, вродѣ Полуботка, были грѣшны общимъ грѣхомъ въ своей экономической политикѣ по отношенію къ посполитымъ и козакамъ, и это

---

*) Ихъ можетъ иллюстрировать бунтъ въ с. Турбаяхъ, описанный Ал. Ефименко (Южная Русь, т. II): крестьяне, «искавшіе козачества» (терминъ для подобныхъ, очень многочисленныхъ процессовъ), т. е. доказывавшіе, что они неправильно переписаны были изъ козаковъ въ посполитые, добились рѣшенія, что потомки лицъ, нѣкогда вписанныхъ въ компутъ, должны быть возстановлены въ козацкомъ званіи. Опасеніе, что власти, взявшія сторону помѣщиковъ, постараются повернуть дѣло въ пользу послѣднихъ, привело крестьянъ въ такое возбужденіе при объявленіи имъ рѣшенія, что они перебили всю помѣщичью семью.

подрывало ихъ силу и стойкость въ защитѣ политическихъ интересовъ, въ борьбѣ за автономію Украины.

Центральное правительство пользовалось этою слабою стороною старшины очень искусно. Какъ увидимъ ниже, при всякой атакѣ на автономію Украины, оно ударяло по струнамъ народныхъ интересовъ, поднимало вопросъ о злоупотребленіяхъ старшины и необходимости ихъ разслѣдованія и пресѣченія, объ охранѣ народа отъ этой старшинской эксплоатаціи и т. п., и старшина всегда уступала, боясь своимъ сопротивленіемъ толкнуть центральное правительство еще дальше по тому же пути разрушенія ея благосостоянія. Тѣ же факторы вліяли и на дѣятельность отдѣльныхъ представителей украинскаго „шляхетства“: уступчивые и угодливые могли разсчитывать на пожалованіе обширнымъ имѣніемъ, подтвержденіе своихъ благопріобрѣтеній и покрытіе покровомъ снисхожденія своихъ грѣховъ по отношенію къ населенію; строптивыхъ и упорныхъ пугала перспектива слѣдствія о неправильно захваченныхъ земляхъ, о несправедливомъ закрѣпощеніи „ищущихъ козачества“ и т. п. Повторяю, едва ли кто либо изъ украинской старшины не чувствовалъ себя уязвимымъ на пунктѣ этихъ общесословныхъ грѣховъ.

Въ результатѣ украинская старшина, хотя и не безъ сопротивленій, не безъ оппозиціи, помирилась въ концѣ концовъ съ утратою автономіи, самоуправленія и превращенія Украины въ обыкновенныя губерніи. Взамѣнъ она получила права россійскаго дворянства (въ 1781 и окончательно—въ 1785 г.), ея экономическія и сословныя пріобрѣтенія были санкціонированы и нашли охрану въ сильной полицейской организаціи имперіи; крѣпостное право было формально утверждено (такое окончательное значеніе имѣли указы 1763 и 1783 гг., запрещавшіе крестьянамъ переходить изъ имѣнія въ имѣніе). Центральное правительство помирилось на этой почвѣ съ „малыми тираннами“, какъ называла украинскихъ помѣщиковъ имп. Екатерина, издавшая эти важные указы,—цѣною интересовъ народа, которому

петербургскіе политики оказывали такое сочувствіе, когда нужно было терроризовать старшину, а въ остальномъ покровительствовавшіе и насаждавшіе на Украинѣ принципы „кормленія“ и крѣпостническихъ отношеній, которыми былъ проникнутъ строй тогдашней Россіи.

Литература для внѣшнихъ событій конца XVII в.: Рунна Костомарова, замѣтки Востокова къ „Кіев. Старинѣ“ за 1886, 1889 и 1890 г.; литература гетманства Мазепы—при слѣдующей главѣ. Для внутреннихъ отношеній: Л. Ч. Україна після 1654 г. въ Запискахъ Н. тов. ім. Шевченка, т. 29 и 30 (полезный компилативный очеркъ). А. Ефименко: Малорусское дворянство и его судьба—Южная Русь, т. I. Д. Миллеръ: Превращеніе козацкой старшины въ дворянство. 1879. Лазаревскій: Малороссійскіе посполитые крестьяне (1648—1783), 1866 (украинскій переводъ въ XXII т. Руської історичної бібліотеки). В. Мякотинъ: Прикрѣпленіе крестьянства въ лѣвобережной Малороссіи въ XVIII ст. (Русское Богатство 1894, II—IV).

XX.

Изобразивъ тѣ соціальныя отношенія, на фонѣ которыхъ происходило уничтоженіе автономіи лѣвобережной Украины, представлю перипетіи этого процесса превращенія ея въ простую провинцію Россійской имперіи.

Постепенно ограничивая автономію Украины и гетманскаго управленія, объединительная политика Россіи встрѣтила удобный поводъ для ускоренія этого процесса—въ переходѣ гетмана Мазепы на сторону Швеціи.

Самъ по себѣ этотъ поступокъ Мазепы и его единомышленниковъ не представлялъ собою ничего чрезвычайнаго, ничего новаго. Это была только одна изъ попытокъ найти опору въ какой нибудь внѣшней силѣ, чтобы освободиться изъ путъ московскаго централизма. Швеція была въ числѣ тѣхъ державъ, на которыя пробовала опереться Украина еще при Хмельницкомъ, и только благодаря перерыву въ этой политикѣ—тридцатилѣтней лояльности украинской старшины—поступокъ Мазепы и его товарищей показался чѣмъ-то

особеннымъ. Центральное правительство постаралось возможно раздуть это событіе, воспользовавшись имъ, чтобы произнести смертный приговоръ всему старому строю Гетманщины, ея автономіи и козацкому самоуправленію, якобы дискредитировавшимъ себя „измѣною“ Мазепы. Въ дѣйствительности, эта „измѣна“ дискредитировала только централистическую политику правительства, безъ конца испытывавшую терпѣніе даже самыхъ лояльныхъ и нетребовательныхъ представителей украинской старшины, украинскаго населенія вообще.

Въ болѣе глубокихъ причинахъ и ближайшихъ мотивахъ для поступка Мазепы не было недостатка. Лояльность его и старшины подвергалась частымъ испытаніямъ, особенно съ тѣхъ поръ, какъ царь Петръ съ незнавшею удержу и мѣры энергіею и рѣшительностью принялся за пересозданіе Московскаго государства. Онъ распоряжался козацкими войсками совершенно какъ своими, посылая ихъ безустанно въ далекіе походы, гдѣ они не только несли большія потери въ сраженіяхъ и отъ непривычнаго климата, но и подвергались всякимъ притѣсненіямъ и оскорбленіямъ отъ великорусскихъ и чужеземныхъ офицеровъ, употреблялись на тяжелыя крѣпостныя работы и т. п. Даже генералы Петра позволяли себѣ безцеремонно распоряжаться украинскими войсками и самимъ Мазепою, что не разъ приводило его въ крайнее раздраженіе. Украинская автономія стала совсѣмъ призрачною. Населеніе стонало подъ бременемъ этихъ тяжелыхъ походовъ, изнывало отъ притѣсненій московскихъ войскъ и воеводъ, отъ тяжелыхъ работъ и поборовъ; все болѣе „отпадало у него сердце къ великому государю“, по выраженію современника, и это неудовольствіе падало также и на Мазепу, вѣрнаго и услужливаго царскаго приспѣшника. А одновременно въ безпокойной головѣ царя появлялись проекты, грозившіе полнымъ переворотомъ Украинѣ: то онъ думалъ о замѣнѣ козацкаго войска рекрутскимъ наборомъ, то намѣревался выкроить изъ нея княжество для герцога

Марльборо, а Мазепу намѣревался вознаградить княжескимъ титуломъ Римской имперіи *). Въ вопросѣ о правобережной Украинѣ, о которомъ скажу ниже, также рѣшительно столкнулись интересы Украины и Мазепы съ планами Петра и т. д., и т. д.

Все это должно было вызывать сильныя сомнѣнія въ душѣ стараго гетмана, особенно по мѣрѣ того, какъ Сѣверная война принимала, какъ казалось, все болѣе неблагопріятный для Россіи оборотъ и придвигалась къ границамъ Украины. Шведскій король разгромилъ Саксонію, смялъ саксонскую партію въ Польшѣ и перешелъ въ Литву, приближаясь къ украинской территоріи. Положеніе становилось критическимъ. Но нерѣшительный, неспособный на смѣлый рискъ, старый гетманъ не могъ отважиться на рѣшительный шагъ. На всякій случай, въ виду возможнаго рѣшительнаго пораженія Россіи, онъ велъ переговоры со шведскимъ союзникомъ, королемъ польскимъ Станиславомъ Лещинскимъ (уже съ 1707 г.), но не рѣшался открыть карты и, опасаясь доноса, посвятилъ въ свои планы только очень небольшой кружокъ старшины. Онъ только старался уклоняться отъ высылки за границы Украины украинскихъ войскъ по требованіямъ Петра, но никакихъ приготовленій къ разрыву не сдѣлалъ. Когда въ 1707—08 гг. на границахъ Украины вспыхнуло весьма опасное для московскаго правительства возстаніе донскихъ козаковъ подъ предводительствомъ атамана Булавина, Мазепа, чтобы не подать повода къ подозрѣніямъ, занялся вмѣстѣ съ московскими войсками его усмиреніемъ и такимъ образомъ наканунѣ своего разрыва съ Москвою убилъ весьма цѣннаго союзника. Онъ разсчитывалъ на общее нерасположеніе народа къ „Москалямъ“, на сильнѣйшее неудовольствіе на московское отягощеніе, но забывалъ, что до сихъ поръ ничѣмъ не отдѣлялъ себя отъ этого московскаго режима; онъ надѣялся на свою сильную власть на Украинѣ, но ни-

*) Петръ дѣйствительно выхлопоталъ тогда для Мазепы титулъ имперскаго князя, и его княжескій гербъ доселѣ фигурируетъ въ гербовникахъ.

чего не сдѣлалъ, чтобы снискать и обезпечить довѣріе народа. Для подготовленія возстанія онъ ничего не предпринялъ. Наоборотъ, наканунѣ разрыва, въ виду жалобъ Мазепы на „непостоянность и малодушіе“ украинскаго народа, Петръ распорядился послать въ центръ Украины—въ Нѣжинъ—московское войско, а самъ гетманъ, чтобы усыпить подозрѣнія, отправилъ по требованію Петра отряды козаковъ въ Бѣлоруссію и въ Западную Украину, на территорію Польши.

Полная неподготовленность замысловъ Мазепы обнаружилась вполнѣ, когда обстоятельства принудили его, наконецъ, къ рѣшительному шагу.

Осенью 1708 г. шведская армія Карла XII двинулась на Украину. Петръ требовалъ, чтобы Мазепа прибылъ въ его главную квартиру для совмѣстныхъ дѣйствій. Нужно было рѣшиться, и Мазепа отвѣтилъ Петру, что по болѣзни не можетъ прибыть, а Карлу написалъ, прося двинуться за Десну, вглубь Украины, и обѣщая присоединиться къ нему съ 20-тысячнымъ войскомъ. 24 октября с. ст., оставивъ гарнизонъ въ своей резиденціи, Батуринѣ, онъ съ кружкомъ посвященныхъ въ его планы и 4.000 козаковъ (больше онъ не приготовилъ!) явился къ Карлу. Какой договоръ былъ заключенъ между ними, на какихъ условіяхъ Мазепа присоединялся къ Карлу, мы не имѣемъ достовѣрныхъ данныхъ, и потому можемъ судить только по позднѣйшимъ актамъ, составленнымъ при выборѣ преемника Мазепы кружкомъ его товарищей, оставшихся при шведскомъ королѣ (1710 г.); въ этихъ статьяхъ, утвержденныхъ Карломъ XII, значилось, что Украина составляетъ самостоятельное государство, въ границахъ по р. Случь (т. е. на территоріи старыхъ воеводствъ Кіевскаго, Браславскаго и Черниговскаго), только *подъ протекціею* шведскаго короля.

Вѣсть о переходѣ Мазепы къ Карлу немедленно дошла до Петра. Войска его, подъ предводительствомъ Меньшикова, тотчасъ осадили Батуринъ; вслѣдствіе измѣны одного изъ Батуринцевъ городъ былъ взятъ и совершенно разоренъ, а жители поголовно вырѣзаны. Одновременно разосланы гра-

маты, призывавшія населеніе оставаться вѣрнымъ царю; старшина получила приглашеніе собраться въ Глуховъ для выбора новаго гетмана, причемъ Меньшикову поручено было обращаться съ нею возможно ласково. Онъ поспѣшилъ донести, что ни въ средѣ старшины, ни въ народѣ не замѣчаетъ никакого сочувствія Мазепѣ. Дѣйствительно, населеніе, застигнутое поступкомъ Мазепы совершенно врасплохъ и видя передъ собою московскія войска, осталось совершенно безучастнымъ; только обычные эксцессы противъ старшины повторились мѣстами. Старшина также въ началѣ ноября съѣхалась въ Глуховъ, и здѣсь послѣ церемоній заочнаго низложенія Мазепы *) ей предложено было выбрать новаго гетмана. Въ виду того, что почти вся высшая старшина ушла съ Мазепою, кандидатовъ было собственно два: старый и неспособный стародубскій полковникъ Скоропадскій и молодой, талантливый нѣжинскій полковникъ Полуботокъ. По одному вполнѣ правдоподобному извѣстію, Петръ заявилъ, что не хочетъ видѣть гетманомъ Полуботка, потому что онъ слишкомъ способный человѣкъ: „изъ него можетъ выйти другой Мазепа". Въ виду этого избрали Скоропадскаго, а Полуботку въ утѣшеніе Петръ пожаловалъ огромныя имѣнія (Любечъ съ цѣлымъ рядомъ селъ). Получили большія помѣстья также и другіе старшины, оставшіеся вѣрными Россіи.

За незначительными исключеніями лѣвобережная Украина признала единодушно гетманомъ Скоропадскаго, правобережная также. Запорожье колебалось нѣкоторое время, но подъ вліяніемъ своего новаго кошевого Костя Гордіенка, горячаго автономиста, склонилось на сторону Мазепы, и въ мартѣ 1709 г. депутація съ Гордіенкомъ во главѣ явилась въ лагерь Карла. Это было единственнымъ успѣхомъ Мазепы, который теперь уже ясно убѣдился въ неудачѣ своего замысла: кромѣ приведенныхъ имъ козаковъ, онъ не располагалъ болѣе никакими силами, да и изъ пріѣхавшихъ съ

*) Мазепа былъ повѣшенъ in effigie и подвергнутъ торжественной анаѳемѣ; въ первую недѣлю поста на него до недавняго еще времени произносилась анаѳема по всей Россіи.

нимъ старшинъ многіе возвращались къ Скоропадскому, пока Шведы не взяли подъ бдительный надзоръ оставшихся. Самъ Мазепа заявилъ Петру о своемъ желаніи вернуться и даже обѣщалъ захватить Карла, но затѣмъ раздумалъ, очевидно не разсчитывая на хорошій пріемъ у царя.

Для самого Карла украинскій эпизодъ его войны имѣлъ очень печальныя послѣдствія. По совѣту Мазепы, для котораго это являлось послѣдней доской спасенія, Карлъ остался зимовать на Украинѣ, чѣмъ сильно повредилъ себѣ, позволивъ отрѣзать свою армію отъ подкрѣпленій, ослабивъ ее тяжелой зимовкой, причинившей большія потери, и потерявъ напрасно время. Весною онъ, по совѣту того же Мазепы, двинулся еще далѣе на югъ, чтобы войти въ непосредственное сообщеніе съ Запорожьемъ, и осадилъ Полтаву. Пока онъ былъ занятъ этою осадою, войска Петра отрѣзали его отъ Січи, осадили самую Січ, уговорили січевиковъ сдаться на капитуляцію, обезпечивъ присягою ихъ неприкосновенность, и затѣмъ подвергли обезоруженныхъ січевиковъ жесточайшимъ казнямъ съ тѣмъ мастерствомъ террора, которое усвоили себѣ „птенцы“ Петра. Вслѣдъ затѣмъ Петръ со свѣжими войсками напалъ на ослабленную, деморализованную армію Карла и нанесъ ей рѣшительное пораженіе подъ Полтавою, 27 іюня. Карлъ и Мазепа съ небольшими отрядами шведскихъ драбантовъ, козаковъ и Запорожцевъ успѣли бѣжать за Днѣпръ; остатки шведской арміи были настигнуты надъ Днѣпромъ и капитулировали. Значительная часть бывшей съ Мазепою старшины перешла на сторону Петра еще передъ Полтавскою битвою и непосредственно послѣ нея,—послѣднихъ отправляли въ ссылку. Взятыхъ въ плѣнъ козаковъ отпускали, но Запорожцевъ подвергали казнямъ или также ссылали.

Мазепа съ Карломъ и свитою едва спаслись отъ преслѣдованія на турецкую территорію, въ Бендеры, гдѣ Карлъ оставался затѣмъ нѣсколько лѣтъ. Петръ предлагалъ визиру 300 тыс. талеровъ за выдачу Мазепы, и хотя его не выдали, но боязнь такой перспективы доконала старика, и безъ того

убитаго тревогами и неудачами, и онъ вслѣдъ затѣмъ умеръ (22 августа 1709 года). Украинская старшина, оставшаяся при Карлѣ, послѣ долгихъ совѣщаній, выбрала послѣ Мазепы гетманомъ генеральнаго писаря Филиппа Орлика (1710). При выборѣ была составлена интересная хартія, опредѣлявшая международное положеніе Украины и внутреннюю ея политику: здѣсь между прочимъ видимъ вполнѣ опредѣленные начатки представительнаго правленія (періодическія собранія войсковой рады трижды въ годъ, въ которой участвуютъ не только полковники, сотники и полковая старшина, но и депутаты отъ полковъ и запорожскаго козачества); указывается на необходимость прекращенія разныхъ притѣсненій козаковъ и населенія со стороны старшины и т. п. *). Но принципамъ этимъ не суждено было осуществиться. Карлъ, утверждая эту хартію, обязался не заключать мира съ Россіею, не добившись предварительно возстановленія независимости Украины, но звѣзда его уже закатилась. Силы же самой старшины были ничтожны,—съ нею было 3—4 тыс. козаковъ и Запорожцевъ,—и она возлагала надежды лишь на поддержку Швеціи, Турціи и другихъ державъ.

Весною 1711 г. Орликъ съ Татарами и шведскими сторонниками изъ Польши двинулся на правобережную Украину. Населеніе перешло на его сторону, и онъ имѣлъ сначала успѣхъ, но неудача подъ Бѣлою Церковью заставила его отступить, а обычные грабежи Татаръ оттолкнули отъ него населеніе. Неудачный походъ Петра въ Молдавію въ 1711 г., когда онъ со своей небольшой арміей попалъ въ руки Турокъ и долженъ былъ принять продиктованныя ему послѣдними условія, оживилъ было надежды Орлика и его партіи:

---

*) Pacta et consuetudines legum libertatumque exercitus Zaporowiensis inter illustr. d. d. Ph. Orlik neoelectum ducem exercitus Zaporowiensis et inter generales, colonellos necnon eundem exercitum Zaporowiensem publico utriusque partis laudo conventa—Чтенія моск. общ. ист. и др. 1847.

договоръ долженъ былъ обезпечить между прочимъ независимость Украины. Но Петру удалось подкупить визиря, и пунктъ относительно Украины былъ стилизированъ въ договорѣ такъ неясно, что правительство Петра отказалось понимать здѣсь Украину, находившуюся подъ властью Россіи. Порта, положимъ, приняла толкованіе Орлика, что Петръ отказался отъ всякихъ притязаній на Украину, находившуюся подъ властью Москвы, и объявила Петру войну; но подкупъ снова все измѣнилъ: договоръ былъ возобновленъ, и спорный пунктъ истолкованъ такъ, что Россія отказывается только отъ правобережной Украины. Но на эту послѣднюю заявила претензіи Польша, и Орликъ со своею партіею остались не при чомъ; Орликъ попытался вступить на территорію правобережной Украины, но его небольшой отрядецъ былъ безъ труда разсѣянъ польскими войсками. Большинство сторонниковъ Орлика оставило его. Запорожцы, послѣ погрома 1709 г. перенесшіе было Січ на территорію крымскаго ханства, также начали хлопотать передъ русскимъ правительствомъ о разрѣшеніи вернуться, что и было позволено имъ только позже, въ 1733 г., а передъ тѣмъ Россія боялась столкновенія съ Турціей, которое могло выйти изъ-за Запорожья. Орликъ напрасно пытался найти себѣ какую либо поддержку въ Европѣ — нигдѣ не находилъ онъ отклика.

Такъ окончилась эта послѣдняя громкая вспышка украинскаго автономизма. Весь этотъ эпизодъ показывалъ собственно, что украинское общество уже потеряло энергію борьбы, что населеніе ничего не хочетъ, кромѣ покоя,—словомъ, что украинскій сепаратизмъ потерялъ всякую опасность. Но центральное правительство, какъ я уже сказалъ, воспользовалось этимъ моментомъ, чтобы окончательно превратить Украину въ свою провинцію. Неспособность Скоропадскаго, компрометировавшаго себя потачкою злоупотребленіямъ своихъ родственниковъ, не умѣвшаго ни устроить порядокъ во внутреннихъ отношеніяхъ, ни даже держать себя съ достоинствомъ, значительно облегчала этотъ планъ.

Когда улеглась шведская буря, Скоропадскій обратился къ Петру съ просьбою о подтвержденіи украинскихъ правъ и устраненіи на будущее время вмѣшательствъ въ украинское управленіе со стороны россійскихъ чиновниковъ и офицеровъ, какія имѣли мѣсто во время войны. Петръ подтвердилъ права, но съ цѣлымъ рядомъ оговорокъ относительно этого невмѣшательства, а на практикѣ украинская автономія и вовсе потеряла всякое значеніе: центральное правительство непосредственно само стало назначать и смѣщать полковниковъ и генеральныхъ старшинъ. На полковничьи должности оно начало назначать Великороссіянъ *). Къ самому гетману приставленъ былъ для надзора сначала одинъ, а потомъ два правительственныхъ комиссара, которые связывали его по рукамъ и ногамъ; гетманская резиденція перенесена была въ Глуховъ, на границу Украины съ имперіей, и здѣсь поставленъ гарнизонъ изъ двухъ россійскихъ полковъ.

Наконецъ, въ 1722 г. произведена была реформа, окончательно лишавшая гетмана и генеральную старшину всякаго значенія. При гетманѣ учреждена была коллегія (такъ наз. „малороссійская коллегія"), составленная изъ шести великороссійскихъ штабъ-офицеровъ, изъ гарнизоновъ, стоявшихъ въ украинскихъ городахъ, подъ предсѣдательствомъ бригадира Вельяминова. Коллегія эта имѣла назначеніемъ принимать жалобы на всѣ судебныя и административныя учрежденія Украины, кончая генеральнымъ судомъ и войсковою (гетманскою) канцеляріею; надзирать за сборомъ всякаго рода налоговъ и пошлинъ, собирать ихъ и расходовать (между прочимъ выплачивать содержаніе сердюкамъ и компанейцамъ), представляя отчетность въ россійскій сенатъ;

---

*) Первымъ такимъ полковникомъ былъ Петръ Толстой, любимецъ имп. Петра, за котораго Скоропадскій, по желанію царя, выдалъ свою дочь и котораго усыновилъ; въ 1719 г. императоръ назначилъ его нѣжинскимъ полковникомъ, якобы во вниманіе къ заслугамъ Скоропадскаго.

слѣдить, чтобы отъ старшины не было утѣсненія козакамъ и посполитымъ и принимать противъ этого мѣры по соглашенію съ гетманомъ; имѣть наблюденіе за правильнымъ дѣлопроизводствомъ въ войсковой канцеляріи и контролировать входящія и исходящія бумаги; о всякихъ замѣченныхъ безпорядкахъ она должна была относиться въ сенатъ. Учрежденіе ея Петръ въ своемъ указѣ гетману мотивировалъ безпорядками и злоупотребленіями въ генеральномъ судѣ, предсѣдателемъ котораго былъ зять гетмана Чарнышъ, и прочихъ судебныхъ инстанціяхъ, въ войсковой канцеляріи, въ собираніи доходовъ, а также злоупотребленіями, какія позволяетъ себѣ старшина по отношенію къ козакамъ и посполитымъ, отнимая у нихъ земли, принуждая къ панщиннымъ работамъ, обращая въ своихъ крѣпостныхъ и т. п.

Эта реформа, понятное дѣло, превращала украинскую автономію въ лишенный содержанія призракъ и настоящимъ правителемъ Украины дѣлала предсѣдателя коллегіи; такъ дѣйствительно и понялъ свою роль бригадиръ Вельяминовъ. Напрасно Скоропадскій „всепокорственно со слезами“ просилъ отъ имени „всѣхъ малороссійскихъ людей“ возвратить Украину къ прежнимъ порядкамъ и увѣрялъ, что жалобы на безпорядки—интриги враговъ. Петръ остался непреклоненъ, а чтобы дать благопріятное освѣщеніе реформѣ въ глазахъ массы населенія, распорядился распространить по Украинѣ печатный указъ, гдѣ пояснялось, что коллегія учреждена „не для чего иного токмо для того, дабы малороссійскій народъ ни отъ кого какъ неправедными судами, такъ и отъ старшины налогами утѣсняемъ не былъ“, и въ доказательство того при указѣ напечатана была инструкція коллегіи, указывавшая сферу ея вѣдѣнія.

Отъ огорченія Скоропадскій заболѣлъ и умеръ еще прежде пріѣзда Вельяминова. Смерть его дала поводъ Петру сдѣлать еще одинъ шагъ—онъ рѣшилъ фактически отмѣнить гетманскую власть. Исправленіе обязанностей гетмана сенатъ поручилъ нѣжинскому полковнику Полуботку съ генеральною старшиною, но съ тѣмъ, чтобы во всѣхъ дѣлахъ

онъ совѣщался съ Вельяминовымъ; при этомъ Украина изъ вѣдомства коллегіи иностранныхъ дѣлъ, которая вѣдала ее доселѣ, переведена въ вѣдомство сената, какъ обыкновенная провинція. На просьбу же старшины — разрѣшить произвести выборъ гетмана, Петръ, послѣ долгихъ проволочекъ, отвѣтилъ въ 1728 г. указомъ, гдѣ объявлялось, что правительство озабочено пріисканіемъ на гетманскій урядъ надежнаго человѣка, въ виду того, что всѣ гетманы, за исключеніемъ перваго — Хмельницкаго и послѣдняго — Скоропадскаго, оказывались измѣнниками, и такъ какъ текущее дѣлопроизводство обезпечено, то правительству не слѣдуетъ докучать выборомъ гетмана. Такимъ образомъ вопросъ откладывался на неопредѣленное время.

Между тѣмъ правительство систематически назначало на полковничьи должности Великороссіянъ, приготовляло введеніе общеимперскихъ законовъ въ украинскія учрежденія, а бригадиръ Вельяминовъ командовалъ генеральною старшиною какъ своими подчиненными. Украинскіе козаки тысячами гибли на далекихъ работахъ — при устройствѣ Ладожскаго канала, гдѣ они вымирали отъ непривычнаго холода и сырости, на постройкѣ крѣпости св. Креста, около Дербента, гдѣ убивали ихъ южныя лихорадки, и т. п., такъ что изъ партій въ 5 — 10 тыс. человѣкъ на этихъ работахъ вымирало до 30 и даже до 50%, и въ общей сложности эти рабочіе походы 1721 — 1725 гг. стоили Украинѣ не меньше 20 тыс. козаковъ, не говоря о возвратившихся полуживыхъ и обнищавшихъ, безъ лошадей и аммуниціи *). Одновременно населеніе страшно разоряли и удручали постои и переходы великороссійскихъ войскъ, а старые налоги начали сильно возрастать со введеніемъ великорусскаго управленія.

Никто не осмѣливался возвысить голоса противъ этого положенія дѣлъ. Полуботокъ въ роли временнаго (наказного)

*) См. объ этомъ статью въ Запискахъ Н. тов. ім. Шевченка, т. XII: Ол. Радакова, Українські козаки на Ладожськім каналї.

гетмана въ тѣсныхъ рамкахъ того вліянія, какое еще оставили ему новыя реформы, старался упорядочить украинскую администрацію и тѣмъ устранить аргументъ Петра—злоупотребленія старшины. Онъ воспретилъ старшинѣ подъ страхомъ тяжкихъ наказаній употреблять козаковъ для своихъ надобностей, ввелъ коллегіальность въ суды полковые, сотенные и сельскіе, установилъ порядокъ апелляціи и реформировалъ генеральный судъ. Но Петръ въ сущности имѣлъ въ виду лишь „Малую Россію къ рукамъ прибрать", какъ характеризовалъ его намѣренія его сподвижникъ Толстой, злоупотребленія старшины служили ему только предлогомъ, и поэтому дѣятельность Полуботка по искорененію этихъ злоупотребленій и безпорядковъ украинскаго управленія была ему вовсе непріятна. На донесенія Вельяминова, что Полуботокъ противится его дѣйствіямъ, Петръ поспѣшилъ расширить власть и компетенцію президента коллегіи, Полуботка же съ нѣкоторыми другими выдающимися старшинами рѣшилъ удалить изъ Украины и вызвалъ ихъ въ Петербургъ, а во избѣжаніе какого либо сопротивленія распорядился вывести украинскіе полки на южную границу—подъ предлогомъ охраны отъ Татаръ.

Въ Петербургѣ Полуботокъ подалъ Петру петицію отъ имени старшины, гдѣ ходатайствовалось о возстановленіи прежняго управленія, но одновременно поступила, подстроенная, какъ объяснилъ Полуботокъ, Вельяминовымъ, петиція отъ пограничнаго съ Великороссіей Стародубскаго полка о введеніи великорусскаго суда и назначеніи полковникомъ Великороссіянина. Петръ выслалъ на Украину одного изъ своихъ довѣренныхъ людей Румянцева, произвести опросъ, желаютъ ли козаки великороссійскихъ полковниковъ и учрежденій и солидаризуются ли съ поданной Полуботкомъ петиціей, а также собрать матеріалъ о злоупотребленіяхъ старшины. Такимъ образомъ ревизія эта имѣла цѣлью получить нѣчто вродѣ плебисцита за введеніе великороссійскаго управленія и вмѣстѣ съ тѣмъ—обвинительный актъ противъ старшины.

Полуботокъ, узнавъ о миссіи Румянцева и совершенно справедливо опасаясь, что онъ своимъ вліяніемъ понудитъ при опросѣ давать такіе отвѣты, какіе были желательны правительству, выслалъ изъ Петербурга инструкціи на Украину,— какъ держать себя относительно ревизіи и какіе давать отвѣты. По его же иниціативѣ собранные на южныхъ границахъ Украины старшина и козаки прислали изъ лагеря на р. Коломакѣ петиціи, въ которыхъ жаловались на отягощеніе козаковъ и населенія постоями, походами, поборами коллегіи, и просили разрѣшить имъ избраніе гетмана. Эта скромная попытка противодѣйствія еще болѣе раздражила Петра. Онъ распорядился арестовать Полуботка и бывшихъ съ нимъ старшинъ, а также схватить и прислать въ Петербургъ составителей коломацкихъ петицій. Противъ Полуботка было возбуждено дѣло о злоупотребленіяхъ по управленію и частному хозяйству—общихъ всей тогдашней старшинѣ злоупотребленіяхъ по отношенію къ козакамъ и посполитымъ, въ которыхъ онъ былъ виноватъ столько же, сколько и всякій другой. Не дождавшись суда, онъ умеръ въ заключеніи въ Петропавловской крѣпости, въ концѣ 1724 г. Для украинской старшины онъ сдѣлался героемъ-мученикомъ. Въ позднѣйшей легендѣ онъ произноситъ передъ Петромъ смѣлую обличительную рѣчь, упрекая въ утѣсненіи Украины; передъ смертью Полуботка Петръ навѣщаетъ его въ крѣпости, ищетъ примиренія, но Полуботокъ отказываетъ, говоря, что Петра (императора) и Павла (Полуботка) разсудитъ Богъ.

Итакъ, старшина передала свою тяжбу съ центральнымъ правительствомъ на судъ Божій; выдающіеся ея представители были арестованы въ Петербургѣ; правительство могло безпрепятственно производить перестройку украинскихъ отношеній по централистической программѣ. Но двѣ непослѣдовательности, явившіяся отступленіями отъ плана, поставленнаго правительствомъ Петра, замедлили сліяніе Украины съ прочими провинціями имперіи.

Первое отступленіе имѣло мѣсто съ восшествіемъ на престолъ внука Петра I—Петра II въ 1727 г. Еще нѣсколько

ранѣе, въ виду перспективы войны съ Турціей, въ правительственныхъ кругахъ считали нужнымъ сдѣлать что нибудь для „удовольства и приласканія" Украины,—чтобы недовольная старшина,—энергію которой вообще склонны были сильно преувеличивать въ петербургскихъ кругахъ,—пользуясь войною, не произвела возстанія. Предполагалось разрѣшить произвести выборъ гетмана, возстановить прежній, украинскій составъ въ судебныхъ учрежденіяхъ и сложить съ украинскаго населенія нововведенные налоги. Но традиціи петровской политики были еще слишкомъ свѣжи, и одинъ изъ „птенцовъ" Петра, наиболѣе посвященный въ украинскую политику покойнаго императора, П. Толстой, прямо протестовалъ противъ либеральныхъ проектовъ новаго правительства, ссылаясь на то, что „бл. памяти е. и. в. въ томъ намѣреніи гетмана въ Украинѣ не учинилъ и у полковниковъ и старшинъ власти убавилъ, дабы Малую Россію къ рукамъ прибрать, и чрезъ тотъ способъ полковники и старшины съ подданными пришли уже въ немалую ссору" *). Эти традиціи возобладали. Но съ воцареніемъ Петра II вліяніе временщика Меншикова, очень неблагопріятно настроеннаго для малороссійской коллегіи, а позже партіи сторонниковъ старыхъ, до-петровскихъ порядковъ, подчинившихъ себѣ молодого императора, взяло верхъ надъ петровскимъ курсомъ въ украинскихъ отношеніяхъ. Это сказалось сейчасъ же по вступленіи на престолъ Петра II. Новые налоги были сложены (но все-таки украинское населеніе должно было и впредь содержать девять кавалерійскихъ великорусскихъ полковъ); Вельяминова потребовали къ отчету по жалобамъ на неправильности въ его дѣятельности; украинскихъ старшинъ, сидѣвшихъ въ Петербургѣ со времени полуботковской исторіи, отпустили на Украину; надано запрещеніе Великорусамъ покупать земли на Украинѣ и т. п. Наконецъ, дано разрѣшеніе и на выборъ гетмана.

Правительство имѣло уже готоваго кандидата—въ лицѣ

*) Сборникъ историч. общества, т. 55, стр. 60.

престарѣлаго и предшествующими событіями достаточно умудреннаго полковника миргородскаго Даніила Апостола, и правительственному комиссару Наумову, отправленному для участія въ избраніи, поручено было не допускать до выбора иного лица. Опасенія были напрасны: умудренная долговременнымъ сидѣньемъ въ Петербургѣ, старшина безпрекословно приняла правительственнаго кандидата; Апостолъ былъ избранъ и утвержденъ въ гетманскомъ достоинствѣ (1 сентября 1727 г.). О какихъ либо статьяхъ не было уже и разговора, но Украина снова была переведена въ вѣдомство коллегіи иностранныхъ дѣлъ, малороссійская же коллегія упразднена, тѣмъ болѣе, что въ ея управленіи дѣйствительно обнаружилось немало злоупотребленій. Взамѣнъ ея реформировали въ новомъ духѣ генеральный судъ, съ отмѣною малороссійской коллегіи, долженствовавшій служить высшею апелляціонною инстанціею: теперь онъ долженъ былъ состоять поровну изъ членовъ украинскихъ и великороссійскихъ (по три). Финансами должны были завѣдывать два подскарбія — одинъ изъ Украинцевъ, другой изъ Великороссіянъ. Кромѣ того, при гетманѣ учреждена должность резидента, на которую, назначенъ упомянутый Наумовъ, и гетману вмѣнено въ обязанность совѣщаться съ нимъ въ дѣлахъ управленія. Въ военныхъ дѣлахъ онъ былъ подчиненъ фельдмаршалу россійскихъ войскъ.

Установленный въ 1727 г. порядокъ продержался однако всего нѣсколько лѣтъ. Правительство имп. Анны вернулось къ традиціямъ политики Петра I также по отношенію къ Украинѣ, и возвращеніе къ его реформамъ было только дѣломъ времени: въ виду все еще угрожавшей войны съ Турціей, событій польскаго безкоролевья и происковъ агентовъ Лещинскаго и Орлика на Украинѣ и на Запорожьѣ, правительство считало несвоевременными какія либо рѣзкія перемѣны. Благовидный предлогъ дала для нихъ болѣзнь Апостола, разбитаго параличемъ (1733): правительство не позволило ему передать управленія генеральной старшинѣ, а поручило правленіе своему резиденту съ коллегіею, составленной поровну изъ Великороссіянъ и Украинцевъ.

Когда вскорѣ затѣмъ Апостолъ умеръ (1734), правительство поручило правленіе Украиною коллегіи изъ шести членовъ,—трехъ Великороссіянъ и трехъ Украинцевъ (назначенныхъ правительствомъ), съ правительственнымъ резидентомъ Шаховскимъ и генеральнымъ обознымъ Лизогубомъ во главѣ. Правленіе это было организовано якобы временно, до выбора гетмана, но въ инструкціи Шаховскому объяснялось, что о выборѣ гетмана упомянуто только во избѣжаніе волненій: правительство не имѣло въ виду его вовсе выбирать. Украина снова перешла въ вѣдомство сената, а фактическимъ правителемъ ея сталъ первоприсутствующій малороссійской коллегіи кн. Шаховской. Правительство, поручая ему самое бдительное наблюденіе за благонадежнымъ поведеніемъ украинской старшины, предоставило ему право смѣщать украинскихъ членовъ малороссійской коллегіи, если бы за ними оказалось что либо подозрительное, подвергать аресту старшинъ, заподозрѣнныхъ въ какой либо „противности", и назначать на вакантныя мѣста кандидатовъ по своему усмотрѣнію, „усматривая во всякихъ обхожденіяхъ, кто изъ старшинъ и изъ козаковъ къ намъ и къ сторонѣ нашей доброжелательны", и въ случаѣ надобности не связывать себя даже данной инструкціей. Эти широкія полномочія однако еще не удовлетворяли новаго правителя и въ представленіи своемъ петербургскому правительству онъ рекомендовалъ отмѣну коллегіальнаго управленія и учрежденіе единоличнаго правленія назначеннаго правительствомъ намѣстника, имѣя въ виду по всей вѣроятности свою особу. Но правительство не рѣшилось на такой рѣзкій шагъ и въ отвѣтъ Шаховскому успокаивало его, что участіе украинскихъ членовъ въ коллегіи не можетъ вліять на ходъ дѣлъ, а полное устраненіе украинской старшины отъ всякаго участія въ управленіи могло бы привести „малороссійскій народъ въ какое сумнѣніе"; при этомъ установленная форма управленія отнюдь не имѣла въ себѣ чего либо постояннаго, и императорское правительство предоставляло себѣ отмѣнить его и ввести но-

вую организацію, какая будетъ признана соотвѣтствующею „для интересовъ е. и. в.“ *).

Въ инструкціи Шаховскому поручалось обращать вниманіе на то, чтобы должности великороссійскихъ членовъ малороссійской коллегіи и генеральнаго суда занимали лица достойныя, которыя бы могли внушать украинскому населенію выгодное понятіе о великорусской администраціи, „дабы оный малороссійскій народъ правосудіемъ тѣхъ великороссійскихъ судей былъ доволенъ и пріобыкалъ къ великороссійскому правленію“,—предостереженіе, внушенное горькимъ опытомъ, такъ какъ полковники изъ Великороссіянъ и другіе представители великорусской администраціи на Украинѣ далеко не оказывались на высотѣ своего положенія и отнюдь не были способны внушить хорошаго мнѣнія о великорусскомъ „благоустройствѣ“.

По старой традиціи рекомендовалось внушать населенію (главнымъ образомъ низшимъ слоямъ), что реформы, ограничивающія украинскую автономію, имѣютъ въ виду интересы массъ и защиту ихъ отъ злоупотребленій старшины, а все неустройство сваливать на гетманское управленіе, чтобы охладить стремленія къ его возстановленію.

Въ видахъ обрусѣнія, Шаховской долженъ былъ „секретно подъ рукою особенно трудиться Малороссіанъ съ Смольняны (ополяченною смоленскою шляхтою) и съ Поляки и съ другими зарубежными жителями отводить, а побуждать ихъ искуснымъ образомъ приводить въ свойство съ великороссійскими“. Въ своемъ надзорѣ за благонамѣренностью старшины правительство шло такъ далеко, что приказывало обыскивать и арестовывать бумаги даже наиболѣе высокопоставленныхъ и совершенно ни въ чемъ не заподозрѣнныхъ лицъ, какъ, напр., обозного Лизогуба, первоприсутствующаго изъ украинской старшины **). Поводовъ къ такимъ подозрѣніямъ старшина, совершенно терроризованная этою ломкою старыхъ отношеній, не подавала никакихъ, но грозный при-

*) Сборникъ истор. общества, т. 108, стр. 55—56.

**) Сборникъ истор. общества, т. 108, стр. 117, 209, 228 и др.

зракъ украинскаго сепаратизма неизмѣнно преслѣдовалъ правительство и великорусскую администрацію въ ихъ трудахъ, направленныхъ къ уничтоженію остатковъ старой украинской автономіи, и дѣлалъ ихъ еще болѣе нетерпимыми и неразборчивыми въ средствахъ уничтоженія этихъ остатковъ всего, что говорило объ особности этого края. Для характеристики этой неразборчивости приведу одинъ примѣръ: въ 1737 г. тогдашній правитель Украины (первоприсутствующій малороссійской коллегіи) кн. Барятинскій, придравшись къ какому-то поводу, арестовалъ въ полномъ составѣ кіевскій магистратъ и при этой оказіи забралъ граматы г. Кіева, въ томъ расчетѣ, что если эти документы задержать болѣе продолжительное время, то въ концѣ концовъ привилегіи г. Кіева выйдутъ изъ памяти, „и ссылаться имъ будетъ въ вольностяхъ не на что" *).

Отъ этого направленія правительство отступило еще разъ, благодаря личнымъ симпатіямъ новой императрицы Елисаветы. Любимцемъ ея былъ украинскій козакъ изъ с. Лемешей (Черниговской губ.) Алексѣй Разумовскій, котораго она возвела въ фельдмаршалы, давъ ему титулъ графа Римской имперіи. Онъ внушилъ и императрицѣ свои симпатіи къ Украинѣ, и хотя она вообще слѣдовала традиціямъ своего отца Петра I, но была склонна сдѣлать нѣкоторыя уступки желаніямъ украинской старшины. Когда во время путешествія ея въ Кіевъ въ 1744 г. генеральная старшина и полковники подали ей петиціи о выборѣ гетмана, она приняла эту просьбу благосклонно. Кандидатъ на гетманство былъ у нея намѣченъ въ лицѣ младшаго брата ея любимца Кирилла Разумовскаго; но онъ былъ еще слишкомъ молодъ тогда (родился въ 1728 г.), только оканчивалъ образованіе, а потому выборъ былъ отложенъ. Въ 1747 г. императрица дала указъ сенату о возстановленіи гетманскаго правленія на тѣхъ основаніяхъ, на какихъ оно существовало при Скоропадскомъ, но самый выборъ былъ произведенъ только въ 1750 г. Старшина,

*) Сборникъ истор. общества, т. 117, стр. 567.

которой, конечно, не были тайною виды императрицы, заявила единодушно, что желаетъ имѣть гетманомъ Кирилла Разумовскаго; для утвержденія онъ ѣздилъ въ Петербургъ и возвратился на Украину въ 1751 г. Учрежденія возстановлены болѣе или менѣе въ томъ видѣ, въ какомъ они существовали передъ реформою 1722 г. Особою граматою подчинена была власти гетмана Запорожская Січ, и Украина снова переведена въ вѣдомство иностранной коллегіи. Но Разумовскій, поссорившись съ президентомъ ея, самъ просилъ потомъ перевести его въ вѣдомство сената, что и было исполнено.

Безъ малаго пятнадцать лѣтъ продолжалось правленіе этого послѣдняго гетмана. Самъ онъ вполнѣ отличался отъ прежнихъ гетмановъ: воспитанный въ средѣ петербургской аристократіи и за границей, женатый на великороссійской аристократкѣ (Нарышкиной), онъ скучалъ въ своей украинской резиденціи и жилъ большей частью въ Петербургѣ. На Украинѣ онъ держалъ себя en grand seigneur и устроилъ въ своей резиденціи въ Глуховѣ копію петербургскаго двора въ миніатюрѣ. Краемъ правила украинская старшина, имѣя дѣло только съ центральнымъ правительствомъ. Хлопоты Разумовскому доставляли только Запорожцы: съ сѣвера стѣснила ихъ новая оборонительная линія, сооруженная правительствомъ; дѣлать нападенія на польскія и турецкія владѣнія имъ запрещалось, а такъ какъ подчинить этой регламентаціи січевую братію Запорожской старшинѣ не удавалось, то гетманъ безъ конца получалъ напоминанія изъ Петербурга объ умиротвореніи Запорожцевъ.

Этимъ періодомъ сравнительно значительной власти и вліянія украинская старшина воспользовалась не только для своего обогащенія и закрѣпленія своихъ сословныхъ преимуществъ (надъ этимъ она, подъ покровительствомъ и при благосклонномъ содѣйствіи русскаго правительства, работала неустанно), но также и для упорядоченія административно-судебной организаціи края. Конкурренція великорусской администраціи и централистическая политика правительства,

враждебная старому украинскому строю, до сихъ поръ очень сильно мѣшали такому упорядоченію; достаточно вспомнить, что Полуботокъ за свою очень раціональную реформу судопроизводства подвергся обвиненію въ самовластіи, а реформа была отмѣнена. Между тѣмъ, первоначальное военное устройство Украины, очень примитивное, приноровленное болѣе къ потребностямъ военной мобилизаціи, чѣмъ администраціи, настоятельно требовало дальнѣйшей организаціонной работы и, лишенное ея, давало широкій просторъ самовластію и всякаго рода злоупотребленіямъ, а конкурренція великорусской администраціи производила еще большій сумбуръ, тѣмъ болѣе, что качества послѣдней отнюдь не были высоки: взяточничество и произволъ были въ ея средѣ распространены чрезвычайно сильно.

Въ центральномъ управленіи Гетманщины изъ первоначальной организаціи развилось собственно два вполнѣ опредѣленно сформировавшихся учрежденія—генеральная или войсковая канцелярія, во главѣ которой стоялъ войсковой писарь, и генеральный судъ—верховный, единоличный судъ генеральнаго судьи. При избраніи Апостола выдѣлены были въ отдѣльное вѣдомство финансы, находившіеся въ прежнія времена въ непосредственномъ распоряженіи гетмана, и для завѣдыванія ими учреждены должности двухъ подскарбіевъ, но должности эти остались, кажется, въ значительной степени титулярными. Кромѣ того, генеральная старшина по-прежнему составляла совѣтъ гетмана, участвовавшій во всѣхъ важнѣйшихъ дѣлахъ управленія. Войсковая же рада съ послѣдней четвертью XVII в. вовсе перестаетъ функціонировать, и ее замѣщаетъ рада старшины.

Это центральное правленіе было общимъ для всего населенія—ему подчинялась и козацкая администрація, и города исключеніе составляла только церковь: духовенство зависѣло непосредственно отъ синода, замѣстившаго московскаго патріарха.

Провинціальнымъ дѣленіемъ остались полки. Гетманщина (лѣвобережная Украина) дѣлилась на десять полковъ—Ста-

родубскій, Черниговскій, Кіевскій, *) Нѣжинскій, Прилуцкій, Переяславскій, Лубенскій, Гадячскій, Миргородскій и Полтавскій. Съ тѣхъ поръ какъ назначеніе полковниковъ присвоило себѣ правительство и оно запретило смѣщать ихъ безъ указу, значеніе и власть полковниковъ чрезвычайно усилились. Ихъ зависимость отъ гетмана стала очень слабою. Хотя существовалъ штатъ полковой старшины, подобный старшинѣ генеральной, но въ управленіи она не принимала участія, и полковникъ правилъ самовластно. Сотниковъ полковники очень часто фактически назначаютъ сами. Города съ магдебургскимъ правомъ хотя подчиняются непосредственно гетману, но также стоятъ въ сильной зависимости отъ полковника, а иногда попадаютъ и въ полное „послушаніе" ему. Козацкое населеніе стояло въ полной зависимости отъ него. Крестьяне „посполитые", подсусѣдки подчинялись власти и юрисдикціи своихъ помѣщиковъ и державцевъ.

У козаковъ осталось самоуправленіе лишь въ границахъ ихъ сельскихъ „громадъ", во главѣ которыхъ стояли атаманы, подчинявшіеся сотнику. Участіе въ замѣщеніи сотничьей должности, признававшееся за ними, не всегда могло осуществляться, да и въ такомъ случаѣ представляла кандидатовъ полковнику на сотничество собственно „полковая старшина" **). Вообще принципъ козацкаго самоуправленія совершенно выродился, вся власть перешла въ руки старшины, и, поскольку не ограничивала ее конкурренція великороссійской администраціи и центральное правительство, управленіе имѣло характеръ аристократическій, старшинскій.

---

*) Большая часть Кіевскаго полка лежала на лѣвой сторонѣ Днѣпра, на правой—Кіевъ съ его окрестностями.

**) Въ одной инструкціи гетманъ Разумовскій возстановляетъ законный порядокъ выбора сотника въ слѣдующемъ видѣ: сотня выбираетъ двухъ или трехъ кандидатовъ, полковникъ съ полковою старшиною предлагаетъ ихъ со своими отзывами гетману для утвержденія одного изъ нихъ. Но изъ той же инструкціи, видно, что выборъ кандидатовъ долженъ былъ производиться собственно «сотенной старшиной».

Наиболѣе слабую сторону устройства гетманщины составлялъ судъ. Судебныхъ инстанцій было много, но всѣ эти суды были организованы плохо, не было ни опредѣленнаго порядка инстанцій, ни границъ компетенцій каждаго рода суда: минуя суды сельскіе и сотенные, можно было начинать дѣло не только въ полковомъ, но и прямо въ генеральномъ судѣ, или даже у самого гетмана; высшія инстанціи часто вмѣшивались въ дѣла, которыя велись въ низшихъ, суды козацкіе и городскіе (ратушные) конкуррировали между собой, хотя впрочемъ очень часто эта конкурренція разрѣшалась тѣмъ, что эти суды функціонировали совмѣстно. Въ судахъ царилъ крайній произволъ и взяточничество, тѣмъ болѣе, что за неимѣніемъ своего кодекса употреблялись польскія изданія Литовскаго Статута и Магдебургскаго права— мало понятныя и по духу своему совершенно чуждыя мѣстной жизни и отношеніямъ. Правда, при возстановленіи гетманства въ 1727 г. центральное правительство поручило гетману составить сводъ дѣйствующаго въ Гетманщинѣ права (1728), и сводъ этотъ былъ дѣйствительно составленъ комиссіею украинскихъ юристовъ, но изъ того же Литовскаго Статута и изъ Магдебургскаго права въ польскихъ обработкахъ. Работа была закончена въ 1743 г., но сводъ этотъ не получилъ утвержденія *). Независимо отъ этого Лит. Статутъ и Магдебургское право и позже сохранили свое значеніе въ судахъ, по старой, или, вѣрнѣе сказать—возобновленной традиціи. И ни въ чемъ, быть можетъ, не обнаружился такъ ярко крахъ предпринятой украинскимъ народомъ соціальной революціи XVII в., какъ въ этомъ возвращеніи къ жизни сословныхъ кодексовъ польскаго режима.

Послѣ неосуществившейся реформы Полуботка украинское судоустройство было реформировано по возстановленіи гетманства при Апостолѣ. Генеральный судъ получилъ кол-

---

*) Онъ изданъ, какъ историческій памятникъ, въ 1879 г. проф. Кистяковскимъ п. н. Права, по которымъ судился малороссійскій народъ (это названіе сводъ носитъ въ оригиналѣ).

легіальное устройство, его предсѣдателемъ сталъ гетманъ. Въ томъ же духѣ коллегіальности реформированы были инструкціею Апостола 1730 г. суды полковые, сотенные и сельскіе, установленъ былъ порядокъ апелляціи сотенныхъ судовъ въ полковые, изъ полковыхъ въ генеральный, который становился инстанціею исключительно апелляціонною; сдѣланы были позже указанія относительно разграниченія компетенціи судовъ войсковыхъ и ратушныхъ и упорядоченія судопроизводства вообще *). Эта инструкція дѣйствительно дѣлала шагъ впередъ въ упорядоченіи судопроизводства. Дальнѣйшею реформою его занялась старшина при Разумовскомъ. Инициатива принадлежала одному изъ образованнѣйшихъ украинскихъ юристовъ Фед. Чуйкевичу, который въ своемъ разсужденіи „Судъ и расправа въ правахъ малороссійскихъ" (1750 г.), посвященномъ Разумовскому, указалъ на недостатки украинскаго судоустройства и предложилъ проектъ его реформы. Образцомъ для него, впрочемъ, послужило польское судоустройство, и въ этомъ духѣ въ послѣдніе годы правленія Разумовскаго была произведена реформа: генеральный судъ былъ дополненъ выборными депутатами отъ полковъ, введены были суды подкоморскіе и земскіе для поземельныхъ тяжбъ и гражданскихъ дѣлъ, съ выборнымъ шляхетскимъ персоналомъ; суды полковые переименованы въ городскіе; Украина раздѣлена на 20 повѣтовъ.

Эта реформа, дѣлавшая послѣдній шагъ къ возвращенію дореволюціоннаго строя, была, конечно, логическимъ послѣдствіемъ примѣненія дореволюціонныхъ юридическихъ кодексовъ—Литовскаго Статута прежде всего. Но она оказалась недолговѣчною — дни гетманства были уже сочтены, и въ программѣ центральнаго правительства стоялъ на очереди вопросъ о полной отмѣнѣ стараго строя Гетманщины, а не развитіи его.

Имп. Екатериною его отмѣна была рѣшена уже съ первыхъ шаговъ правленія. Представляя въ своей инструкціи

*) Инструкція 1730 г. издана въ „Кіевской Старинѣ" 1887, кн. I.

оберъ-прокурору программу правительственной политики, она высказываетъ рѣшеніе привести къ „обрусѣнію“ провинціи, имѣющія свои мѣстные законы—Украину, Лифляндію и Финляндію, и въ частности относительно Украины считаетъ необходимымъ принять мѣры къ тому, „чтобъ вѣкъ и имя гетмановъ исчезло, не токмо бъ персона какая была произведена въ оное достоинство“.

Но Кир. Разумовскій былъ однимъ изъ вѣрнѣйшихъ партизановъ Екатерины; она многимъ ему была обязана еще предъ своимъ воцареніемъ, и едва ли подняла бы на него руку, если бы случай не далъ къ тому повода. Въ концѣ 1763 г. императрицѣ донесено было изъ Кіева, что среди старшины собираются подписи для петиціи объ учрежденіи наслѣдственнаго гетманства въ родѣ Разумовскаго; просьба мотивировалась испытанною вѣрностью этого рода и примѣромъ Хмельницкаго, при жизни котораго былъ выбранъ гетманомъ его сынъ. Разумовскій если не былъ иниціаторомъ этой петиціи, то во всякомъ случаѣ принималъ въ ней участіе, склоняя старшину къ подписямъ. Генеральная старшина, предчувствуя опасность, петиціи не подписала; поддержали ее только полковники, вслѣдствіе чего петиція и не была подана. Но Екатеринѣ она дала поводъ покончить съ Разумовскимъ. Къ тому же подоспѣлъ еще меморіалъ бывшаго воспитателя Разумовскаго и его довѣреннаго factotum'а Г. Теплова „О непорядкахъ, которые происходятъ отъ злоупотребленія правъ и обыкновеній, граматами подтвержденныхъ Малороссіи“; здѣсь былъ собранъ богатый, хотя и не всегда вѣрный матеріалъ о грѣхахъ старшинскаго управленія. Императрица предложила Разумовскому отречься отъ гетманства.

Разумовскій однако не имѣлъ къ этому желанія и медлилъ прошеніемъ. Въ концѣ концовъ ему, кажется, пригрозили обвиненіемъ въ противогосударственныхъ замыслахъ, что повлекло бы за собою смѣщеніе и опалу, и онъ уступилъ, подавъ прошеніе объ увольненіи отъ „столь тяжелой и опасной должности“, и взамѣнъ просилъ милости къ своей

„многолюдной фамиліи". Просьба была немедленно исполнена: 10 ноября 1764 г. опубликованъ манифестъ „малороссійскому народу", извѣщавшій объ увольненіи Разумовскаго отъ гетманскихъ обязанностей, а вмѣсто того, въ видѣ временной мѣры, „пока время и опытъ дастъ намъ о его (малороссійскаго народа) благѣ лучшій учинить промыселъ", учреждавшій правленіе малороссійской коллегіи. Разумовскому пожалована пенсія въ 60 тыс. рублей и огромныя имѣнія на Украинѣ: Гадячскій ключъ, со временъ Хмельницкаго предназначенный на содержаніе гетмана, и Быковская волость, пожалованная на гетманское содержаніе при Скоропадскомъ.

Малороссійская колегія, которой передавалось управленіе, составлена была изъ четырехъ членовъ-Украинцевъ и четырехъ Великороссіянъ, съ предсѣдателемъ и прокуроромъ изъ Великороссіянъ же, причемъ велѣно было великороссійскимъ и малороссійскимъ членамъ сидѣть на засѣданіяхъ вперемежку, по старшинству, а не такъ, какъ было прежде, согласно инструкціи имп. Анны, что Великороссіяне сидѣли по правую, а Малороссіяне по лѣвую сторону стола, „что утверждало въ Малороссіянахъ развратное мнѣніе, по коему поставляютъ себя народомъ отъ здѣшняго совсѣмъ отличнымъ".

Малороссійская коллегія учреждалась, впрочемъ, больше для формы; въ настоящіе правители Украины собственно предназначался ея предсѣдатель—гр. Петръ Румянцевъ, талантливый генералъ, обнаруживший и недюжинныя административныя способности въ осуществленіи программы Екатерины по отношенію Украины.

Въ инструкціи, данной ему императрицею, обращалось вниманіе на то, что имперія доселѣ не получала доходовъ съ этой провинціи, въ виду этого ему поручалось произвести ревизію и перепись Украины; указывались недостатки управленія и общественныхъ отношеній — особенно свобода перехода крестьянъ отъ помѣщика къ помѣщику казалась нестерпимою, и Румянцеву поручалось ее прекратить; над-

зору правителя поручалось духовенство, въ которомъ просвѣщенный абсолютизмъ Екатерины вообще подозрѣвалъ опаснаго врага, но особенное вниманіе обращалось на „внутреннюю ненависть“ Украины, особенно старшины противъ великороссійскаго народа. Чтобы отнять почву для противодѣйствія, императрица рекомендовала Румянцеву тщательно слѣдить за настроеніемъ старшины и снискивать расположеніе народныхъ массъ, такъ чтобы онѣ чувствовали себя централистическими мѣрами правительства „избавленными отъ мучившихъ его вдругъ многихъ маленькихъ тирановъ“, т. е. старшины и помѣщиковъ; мы знаемъ уже традиціонную политику правительства.

Для народныхъ массъ эта реформа однако никакого облегченія и на этотъ разъ въ дѣйствительности не принесла. Румянцевъ, получивъ большія имѣнія на Украинѣ, самъ вошелъ въ кругъ общественныхъ и экономическихъ интересовъ старшины; произведенная имъ „генеральная опись Малороссіи“ (весьма важный памятникъ для изученія края) до нѣкоторой степени остановила дальнѣйшее расхищеніе ранговыхъ земель и закрѣпощеніе козаковъ, но съ другой стороны утвердила за старшиною ея пріобрѣтенія—землями и людьми. Нѣкоторыя мѣры правительства, какъ прекращеніе свободныхъ переходовъ, признаніе дворянскихъ правъ за старшиною—прямо укрѣпляли крѣпостное право на Украинѣ, и вообще непосредственное вліяніе великороссійскаго законодательства и практики, воспитанной на крѣпостномъ правѣ, отнюдь не улучшило, а ухудшило положеніе народныхъ массъ на Украинѣ.

Больше усердія показывалъ Румянцевъ въ преслѣдованіи украинскаго „сепаратизма“. Много хлопотъ доставилъ ему 1767 годъ, когда украинскія сословія были призваны, вмѣстѣ съ прочими провинціями имперіи, выбрать своихъ депутатовъ въ такъ называемую комиссію уложенія и снабдить ихъ инструкціей, „наказомъ“, въ которомъ избиратели должны были изложить свои нужды и желанія. При этомъ въ украинскомъ обществѣ съ неожиданной силой и единодушіемъ про-

явились стремленія къ возстановленію украинской автономіи. Не только въ инструкціяхъ старшины, но даже мѣщанъ и козаковъ, почти безъ исключенія, высказывались весьма опредѣленно желанія, чтобы Украина была возстановлена въ своихъ старыхъ правахъ — по статьямъ Богдана Хмельницкаго, чтобы былъ возобновленъ выборъ гетмановъ и т. п. На пунктѣ возстановленія украинской автономіи сошлись желанія всѣхъ сословій; даже маленькія захолустныя мѣстечки во главу тѣхъ мѣръ, которыя могли бы привести ихъ къ процвѣтанію, ставили возстановленіе условій, на которыхъ „гетманъ Богданъ Хмельницкій со всѣмъ малороссійскимъ народомъ приступилъ подъ державу всероссійскую". Не отставало отъ другихъ сословій и украинское духовенство, также домогаясь возстановленія старыхъ порядковъ. Напрасно Румянцевъ пускалъ въ ходъ „начальническій тонъ", какъ онъ выражался, старался непосредственно и черезъ разосланныхъ офицеровъ вліять на выборъ депутатовъ и составленіе наказовъ, подвергалъ цензурѣ, кассировалъ и конфисковалъ инструкціи, въ которыхъ автономныя стремленія проявлялись особенно сильно, привлекалъ наиболѣе горячихъ сторонниковъ автономіи къ отвѣтственности, — общій тонъ наказовъ остался вполнѣ опредѣленнымъ, и въ этихъ наказахъ 1767 г. Украина дала единодушный протестъ централистической политикѣ правительства, а дѣйствіе тѣхъ немногихъ лицъ изъ старшины, которыя старались вліять въ духѣ Румянцева, встрѣчены были въ обществѣ съ всеобщимъ осужденіемъ и негодованіемъ.

Наиболѣе рѣзкій эпизодъ въ этомъ конфликтѣ новой администраціи съ общественнымъ мнѣніемъ Украины извѣстенъ намъ въ Нѣжинскомъ полку. Нѣжинское „шляхетство" избрало депутатомъ нѣкоего Селецкаго, но этотъ депутатъ, одинъ изъ немногихъ „резонабельныхъ" представителей политики Румянцева, не согласился принять инструкціи, написанной въ духѣ автономіи и ходатайствовавшей о возстановленіи гетманства и стараго строя; тогда шляхетство выбрало другого депутата. Румянцевъ нарядилъ военный судъ

надъ принимавшими участіе въ составленіи наказа и отрѣшенія Селецкаго, и этотъ судъ приговорилъ 33 лица ни болѣе и ни менѣе какъ—къ смертной казни! Этотъ драконовскій приговоръ впрочемъ былъ смягченъ—смертная казнь была замѣнена 8-мѣсячнымъ тюремнымъ заключеніемъ.

Екатерина вообще отнеслась къ этому проявленію украинскихъ стремленій гораздо спокойнѣе Румянцева. Въ отвѣтъ на его жалобы на украинское „коварство и своевольство", „фальшивыя и имъ несвойственныя республиканскія мысли", она не придавала особаго значенія этимъ „умоначертаніямъ прежнихъ временъ". Она надѣялась, что „желанія къ чинамъ, а особливо къ жалованію" побѣдятъ эти стремленія къ самоуправленію, къ особности, и не ошиблась: дезидераты 1767 г. остались преходящимъ явленіемъ и, встрѣтившись съ непреклоннымъ рѣшеніемъ правительства—покончить съ украинскими старыми порядками, украинская старшина удовольствовалась предоставленными ей сословными правами и выгодами и помирилась съ утратою автономіи.

Шагъ за шагомъ правительство разрушало старый строй украинскихъ земель. Въ 1764 г., одновременно съ уничтоженіемъ гетманства, организованы губерніи—Слободская, изъ полковъ Слободской Украины, т. е. находившихся внѣ границъ Гетманщины, на московской территоріи, и состоявшихъ, какъ мы уже знаемъ, изъ украинскихъ эмигрантовъ, главнымъ образомъ XVII в., и Новороссійская, основаніе которой составили городки и поселенія укрѣпленныхъ пограничныхъ линій, но въ которую включены были также и значительныя пространства запорожскихъ земель. Участь Запорожья была предрѣшена. Несмотря на то, что его кошевой Петръ Калнышевскій, талантливый администраторъ, тщательно старался удерживать Січовиковъ отъ всякихъ конфликтовъ съ правительственною политикою, колонизировалъ запорожскія земли и содѣйствовалъ переходу Січи къ сельскохозяйственнымъ занятіямъ, правительство, раздражаемое участіемъ Запорожцевъ въ правобережныхъ движеніяхъ (о которыхъ ниже)

и вообще видя въ немъ препятствія для своихъ плановъ *), рѣшило задавить его вооруженною рукою. Въ 1775 г. разосланы были военные отряды, которые должны были разоружить, заставъ врасплохъ, Запорожцевъ, находившихся на промыслахъ, а ген. Текели, съ значительными силами, обступивъ Січ, объявилъ Запорожцамъ, 5 іюня 1775 г., что запорожское козачество упраздняется. Послѣ нѣкотораго колебанія среди Запорожцевъ верхъ одержали сторонники покорности, съ кошевымъ Калнышевскимъ во главѣ: Січ покорилась и была разрушена. Калнышевскаго же и нѣкоторыхъ другихъ старшинъ правительство распорядилось отправить въ ссылку,—вѣроятно опасаясь съ ихъ стороны какого либо противодѣйствія своимъ планамъ въ будущемъ; Калнышевскій—человѣкъ, достойный всякаго уваженія и ничѣмъ передъ правительствомъ не провинившійся, содержался тѣмъ не менѣе въ ужасающей обстановкѣ одиночнаго заключенія въ Соловецкомъ монастырѣ до самой смерти (1801 г.). Запорожцы зачислены частью въ козаки, частью въ крестьяне. Но значительная часть Запорожцевъ ушла въ Турцію и заложила Січ на устьяхъ Дуная подъ властью Порты. Позже, уступая увѣщаніямъ русскаго правительства, большинство ихъ заявило желаніе вернуться и въ 1792 г. было поселено на Кубани, положивъ начало кубанскому козачеству, и на низовьяхъ Дуная остались только небольшіе остатки (просуществовавшіе до послѣдняго времени).

Къ 1780-мъ годамъ правительство считало Гетманщину уже достаточно приготовленною къ окончательному преобразованію по великорусскому образцу и приступило къ послѣднимъ реформамъ. Въ концѣ 1781 г. объявлено введеніе въ Гетманщинѣ губернскихъ учрежденій. Самая реформа произведена была въ 1782 г.; малороссійская коллегія и козацкое правленіе отмѣнено; Гетманщина раздѣлена на три намѣстничества—Кіевское, Черниговское и Новгородсѣверское; введены губернскія учрежденія. Въ 1783 г. украинскіе ко-

*) Перечень неудобствъ, происходящихъ отъ Запорожцевъ, см. въ безыменной запискѣ, Кіев. Старина 1889, XII.

зацкіе полки преобразованы въ регулярные, имперскаго типа. Въ 1785 г., съ дарованіемъ жалованной грамоты дворянству, дворянскія учрежденія введены и въ Гетманщинѣ, а козацкіе чины переименованы въ ранги имперіи.

Эта нивелляція вызвала, несомнѣнно, сильное недовольство. Въ болѣе смѣлыхъ головахъ бродили мысли о борьбѣ съ правительствомъ, оживали старые планы искать поддержки противъ Россіи въ другихъ державахъ. Такъ, напр., въ 1791 г. въ Берлинъ явился одинъ изъ выдающихся представителей украинской интеллигенціи Капнистъ и, получивъ аудіенцію у министра Герцберга, заявилъ ему, что присланъ своими земляками, доведенными до отчаянія „тиранніей русскаго правительства и кн. Потемкина"; отъ имени ихъ онъ спрашивалъ, могутъ ли разсчитывать на протекцію Пруссіи на случай ихъ возстанія, если они попытаются сбросить съ себя „русское ярмо"? По его словамъ, козацкое войско, лишенное своихъ старыхъ вольностей и привилегій и преобразованное въ регулярные общеимперскіе полки, очень недовольно своимъ положеніемъ и страстно желаетъ возстановленія стараго строя, ancienne constitution des Cosaques. Герцбергъ далъ на это уклончивый отвѣтъ и вообще не показалъ желанія вести дальнѣйшія сношенія съ украинскимъ эмиссаромъ. Капнистъ въ виду этого уѣхалъ, заявивъ, что дальнѣйшія сношенія, если бы въ нихъ представилась надобность, могутъ вестись черезъ его брата, путешествовавшаго тогда по Европѣ *).

Но ни къ какому серьезному противодѣйствію это недовольство не привело. „Желаніе къ чинамъ и особливо къ жалованію, къ карьерѣ и пожалованіямъ, расширенію и укрѣпленію сословныхъ преимуществъ—всѣ эти перспективы, которыя открывало передъ украинскою старшиною центральное правительство, преодолѣвали „умоначертанія прежнихъ временъ", какъ выражалась имп. Екатерина, и большинство среди этихъ нивелляційныхъ реформъ было озабочено главнымъ образомъ тѣмъ, чтобы протиснуться въ верхія прови-

*) Документы въ Zródła do dziejów drugiego i trreciego rozbioru Polski. I (1902), с. 375—6.

легированныя сферы той организаціи, въ которую эти реформы ввели Гетманщину.

Правленіе преемника Екатерины, имп. Павла, въ связи съ общею реакціею направленію предшествующаго царствованія, имѣло въ виду возстановить старую организацію въ аннектированныхъ провинціяхъ. По отношенію къ Украинѣ правительство возвратилось также къ козацкому управленію (это объясняли также вліяніемъ одного изъ довѣреннѣйшихъ министровъ императора—Безбородька, родомъ Украинца). Но эта реакція была очень непродолжительна: со смертью имп. Павла (1801) все вернулось къ екатерининскимъ порядкамъ. По ироніи судьбы, наиболѣе прочнымъ наслѣдіемъ стараго строя оказалось статутовое право: гражданское право Литовскаго Статута осталось въ силѣ и послѣ реформы, а въ нѣкоторомъ объемѣ сохранилось и до настоящаго времени.

Для времени Мазепы: Костомарова—Мазепа и Мазепинцы, Умапа—Гетманъ Мазепа, 1897, и замѣчанія Лазаревскаго въ «Кіев. Старинѣ» 1898. Для послѣдующаго времени нѣтъ такихъ цѣльныхъ работъ. Старая Исторія Малой Россіи Бантыша-Каменскаго, доведенная до 1764 г. (т. IV), совсѣмъ устарѣла. Отношенія русскаго правительства къ Украинѣ эпизодически изложены въ Исторіи Россіи Соловьева (до 1767 г.). Много замѣтокъ въ журналѣ „Кіевская Старина". Болѣе крупныя статьи: о Полуботкѣ—Костомарова (Монографіи, т. XIV), Лазаревскаго (Русскій Архивъ 1880) и Шульгина («Кіев. Старина», 1890, XII); объ отношеніяхъ 1720—1730-хъ гг. Джиджоры въ Запискахъ Н. тов. ім. Шевченка, т. LXI: Нові причинки до історії відносин россійского правительства до України в 1720-х і 1730-х роках; о Разумовскомъ—Васильчикова—Семейство Разумовскихъ; о Румянцевѣ, какъ правителѣ Украины—Лазаревскаго въ «К. Старинѣ» 1896, XII; о наказахъ 1767 г. статья Теличенка—Сословныя нужды и желанія Малороссіянъ въ эпоху Екатерининской комиссіи, тамъ же 1890—91; о Запорожьѣ—Надхина (Чтенія московскія, 1876, III), о Калнышевскомъ—Ефименка («Рус. Старина», 1875. XII). По исторіи устройства—Лазаревскаго Описаніе старой Малороссіи, I—III, его же—Сотники (Русскій Архивъ, 1873); Д. Миллера—Суды земскіе, гродскіе и подкоморскіе въ XVIII в., 1896, Лазаревскаго—Суды въ старой Малороссіи, «Кіев. Стар», 1898, VII. За недостаткомъ новыхъ изслѣдованій можетъ быть полезнымъ кое въ чемъ и старое «Описаніе Черниговскаго намѣстничества» А. Шафонскаго.

XXI.

Еще несравненно скорѣе, чѣмъ въ лѣвобережной Украинѣ, исчезли слѣды народнаго движенія на правомъ берегу Днѣпра.

Уже во время „руины“ 1660—70-хъ гг., какъ называется это время въ народной традиціи, козачество и вообще населеніе въ правобережной Украинѣ очень уменьшилось численно и ослабѣло. Съ капитуляціей Дорошенка и переходомъ остатковъ козаковъ и прочаго населенія изъ Приднѣпровья на лѣвый берегъ, законченнымъ Самойловичевскимъ „згономъ“ 1679 г., козачество прекратило свое существованіе въ правобережной Украинѣ, за исключеніемъ Кіева съ его округомъ, принадлежавшимъ къ лѣвобережной Гетманщинѣ. Но это былъ только недолгій перерывъ.

Старанія Москвы—оставить правобережное Приднѣпровье въ состояніи незаселенной пустыни, не увѣнчались успѣхомъ: Турція не согласилась на это требованіе при ратификаціи трактата 1681 г., а хотя при заключеніи „вѣчнаго мира“ 1686 г. съ Польшею московское правительство выговорило, что впредь до рѣшенія вопроса о приднѣпровской полосѣ она должна остаться незаселенною *), но польское правительство вовсе не придавало серьезнаго значенія этому условію.

Турки вслѣдъ за трактатомъ 1681 г. сдѣлали было попытку возобновить гетманство и колонизацію Приднѣпровья, но эта попытка имѣла очень эфемерное значеніе, хотя зазывы на слободы привлекали значительное количество поселенцевъ изъ лѣвобережной Украины: правобережные эмигранты, не найдя въ лѣвобережной Украинѣ свободныхъ земель и встрѣчаясь съ притязаніями зарождавшагося помѣщичьяго класса и крѣпостными отношеніями, въ большемъ числѣ уходили назадъ на правый берегъ; шли и старые по-

*) Въ трактатѣ было постановлено оставить правый берегъ Днѣпра незаселеннымъ впредь до новаго рѣшенія, но такого рѣшенія не состоялось, такъ что этотъ край долженъ былъ оставаться незаселеннымъ.

селенцы. Эту перспективу предвидѣлъ Самойловичъ, и потому при заключеніи трактата съ Турціей такъ горячо возражалъ противъ требованія Турціи, чтобы лѣвобережному населенію не ставились препятствія для перехода за Днѣпръ, но Турція настояла тогда на своемъ. Удержать подъ своею властью этой колонизаціи она однако не сумѣла. Польское правительство, перешедшее уже передъ тѣмъ въ наступательную борьбу противъ турецкой оккупаціи, разрушило турецкія попытки козацкой организаціи и тогда же, въ 80-хъ гг., онѣ прекратились. Больше значенія имѣли попытки возобновленія козачества со стороны Польши.

Такія попытки польское правительство начало дѣлать съ самаго возобновленія борьбы съ Турціей, послѣ Бучацкаго трактата, цѣня въ козакахъ незамѣнимый военный элементъ, особенно въ борьбѣ съ Турками и Татарами. Въ извѣстномъ походѣ Собѣскаго для освобожденія Вѣны 1683 г. навербованные козацкіе отряды сыграли очень выдающуюся роль. Отъ вербованья такихъ козацкихъ полковъ Собѣскій перешелъ къ возобновленію осѣдлаго козачества. Его стараніями сеймъ 1685 г. издалъ конституцію, возстановлявшую козачество и обѣщавшую ему возвращеніе давнихъ вольностей. Собѣскій указалъ для этого новаго козачества земли на югъ отъ р. Роси; онъ разослалъ универсалы, обѣщавшіе всякія льготы поселенцамъ, и выслалъ агентовъ въ Запорожье.

Этотъ призывъ Собѣскаго нашелъ живой откликъ. Появились люди съ организаціонными талантами, которые дѣйствительно начали успѣшно возстановлять колонизацію запустѣвшаго Приднѣпровья и Побожья, привлекая въ большомъ числѣ поселенцевъ и изъ украинскихъ земель, находившихся подъ властью Польши, и изъ-за Днѣпра. Таковы были полковники (какъ они себя титуловали)—Зах. Искра въ Корсунѣ, Самусь Ивановичъ въ Богуславѣ, Абазинъ на Побожьѣ, и особенно Семенъ Палій, наиболѣе популярный изъ нихъ, расположившійся на сѣверъ отъ Роси въ мѣстеч. кѣ Фастовѣ. Опустѣлыя пространства заселялись быстро. Изъ лѣвобережной Украины, особенно изъ сосѣднихъ пол-

ковъ: Гадяцкаго, Миргородскаго, Лубенскаго—посполитые шли массами, несмотря на разставленныя надъ Днѣпромъ заставы. „У всѣхъ одна мысль—идти за Днѣпръ",—доносили въ Москву. Это была реакція противъ панскихъ порядковъ Гетманщины, противъ экономической политики старшины,—реакція, которая очень тревожила послѣднюю. Палій рисовался въ представленіи народныхъ массъ идеальнымъ козакомъ, сверхъестественнымъ героемъ, носителемъ народныхъ идеаловъ справедливаго устройства общества, и противоставлялся съ этой точки зрѣнія „Поляку" Мазепѣ *), такъ что послѣдній считалъ его небезопаснымъ соперникомъ.

Быстрый ростъ колонизаціи въ правобережномъ Поднѣпровьи давалъ значительныя силы полковникамъ этого возрожденнаго правобережнаго козачества. Они оказывали цѣнныя услуги польскому правительству въ борьбѣ съ Татарами, и оно склонно было относиться къ нимъ снисходительно и мимо ушей пропускало жалобы шляхты сосѣднихъ земель, терпѣвшей отъ нападеній этой возрожденной козачины, „козаченья" ихъ подданныхъ и побѣговъ крестьянъ. Но конфликтъ былъ неизбѣженъ. Вся эта возрожденная козачина и колонизація проникнута была величайшимъ нерасположеніемъ къ Польшѣ и шляхтѣ, и это нерасположеніе раздѣляли и вожди ея. Уже въ 1688 г. Палій обращается къ гетману Мазепѣ съ просьбою взять на себя посредничество въ переговорахъ съ московскимъ правительствомъ, чтобы оно приняло подъ свою протекцію его Фастовщину. Но московское правительство тогда было уже въ союзѣ съ Польшей и не хотѣло портить отношеній: оно предложило Палію перейти со своими козаками на Запорожье и оттуда на лѣвый берегъ, если хочетъ находиться подъ московскою протекціею. Такого проекта Палій принять, конечно, не могъ: ему хотѣлось сохранить территорію.

*) Онъ остался излюбленнымъ героемъ народныхъ пѣсенъ и разсказовъ; вѣроломный захватъ его Мазепою (см. ниже) одѣлся легендарными и сказочными подробностями и доселѣ въ этомъ видѣ живетъ въ народной традиціи.

Сношенія Палія однако стали извѣстны Полякамъ; онъ былъ арестованъ, но успѣлъ бѣжать. Послѣ этого онъ переходитъ уже къ болѣе открытымъ дѣйствіямъ противъ Польши, хотя до поры до времени старается избѣгать рѣзкихъ конфликтовъ. Онъ повторяетъ старую козацкую тактику—старается расширить возможно больше территорію козацкихъ поселеній за счетъ сосѣдней помѣщичьей колонизаціи; крестьяне „козачатся", прогоняютъ помѣщиковъ и начинаютъ поговаривать о томъ, что „Ляховъ нужно прогнать за Вислу, чтобъ и ноги ихъ не осталось". Польское правительство пыталось остановить Палія, посылало противъ него отряды—особенно съ тѣхъ поръ, какъ послѣ прекращенія войны съ Турками (окончательно законченой Карловицкимъ трактатомъ 1699 г., возвратившимъ Подолье обратно Польшѣ) ненужною стала борьба съ Татарами. Сеймъ рѣшилъ упразднить съ 1700 года козацкое войско. Это былъ открытый вызовъ—и козаки не замедлили перейти къ наступательнымъ дѣйствіямъ.

Обстоятельства имъ благопріятствовали—польское войско было занято войною со Шведами. Палію удалось овладѣть важной крѣпостью—Бѣлой Церковью, въ то время составлявшей опору польской власти на Украинѣ; онъ перенесъ сюда свою резиденцію. Самусь взялъ другую важную позицію—Немировъ. Возстаніе распространилось на Подолье. Но здѣсь на югѣ козацкая колонизація была довольно слаба, и когда въ 1703 г. двинулось на Подолье польское войско подъ начальствомъ польнаго гетмана Сенявскаго, ему безъ труда удалось разсѣять слабые отряды Абазина и Самуся. Абазинъ былъ казненъ, Немировъ взятъ, Подолье залито кровью возставшихъ. Но на Кіевщину, на Палія Сенявскій напасть не отважился, удовольствовавшись дешевыми лаврами подольской кампаніи.

Зато на Палія пришла бѣда оттуда, откуда онъ менѣе всего могъ ея ожидать. Онъ съ прочими полковниками продолжалъ просить русское правительство о принятіи его подъ свою протекцію, и Мазепа поддерживалъ эту просьбу, желая

присоединить подъ свой региментъ правобережныя земли. Но русское правительство каждый разъ отказывало, а съ тѣхъ поръ, какъ Польша стала союзникомъ Россіи противъ Шведовъ, внушало Палію покорность по отношенію къ Польшѣ и, наконецъ, уступая просьбамъ Поляковъ объ усмиренія Палія, даже обѣщало имъ, въ 1704 г., принудить его къ покорности. Тогда Мазепа, не желая упускать правобережную Украину изъ своихъ рукъ, а съ другой стороны— опасаясь Палія, какъ небезопаснаго демагога, далъ дѣлу совсѣмъ неожиданный оборотъ. Онъ находился тогда за Днѣпромъ, въ походѣ противъ шведскихъ партизановъ въ Польшѣ; пригласивъ къ себѣ въ лагерь Палія, онъ распорядился его арестовать, а полковникомъ въ Бѣлую Церковь, на мѣсто Палія, послалъ своего родственника Омельченка. Паліевы козаки, большая часть которыхъ, впрочемъ, въ моментъ этого неожиданнаго удара находилась въ войскѣ Мазепы, хотѣли было сопротивляться, но бѣлоцерковскіе мѣщане, не ожидая отъ этого сопротивленія ничего хорошаго для себя, сдали городъ, и Омельченко сталъ править Фастовщиною. Передъ Петромъ Мазепа, совершенно неосновательно, обвинилъ Палія въ сношеніяхъ съ шведскою партіею въ Польшѣ. Палій былъ сосланъ въ Сибирь (въ Тобольскъ) и возвращенъ оттуда только послѣ перехода Мазепы на сторону Швеціи. По своемъ возвращеніи разбитый ссылкой старикъ не игралъ уже никакой роли.

Хотя Мазепа поступилъ въ этомъ случаѣ совершенно несогласно съ намѣреніями Петра *), но, благодаря тогдашнимъ смутамъ въ Польшѣ, его поступокъ не вызвалъ неудовольствія у Петра. На требованіе польскаго правительства, чтобы правобережное Поднѣпровье было передано ему, Петръ отвѣтилъ, что это было бы несвоевременно въ виду существованія сильной шведской партіи среди польскихъ магна-

*) Это былъ первый случай, гдѣ онъ позволилъ себѣ явно разойтись съ планами центральнаго правительства.

товъ. Козачина не только сохранила свою территорію, но даже расширила ее: не только кіевскіе и браславскіе полки перешли подъ регментъ Мазепы, но и Поднѣстровье окозачилось и примкнуло къ нимъ; мы видимъ здѣсь полки—Бѣлоцерковскій, Корсунскій, Богуславскій, Чигиринскій, Браславскій и Могилевскій, хотя и съ численно слабымъ населеніемъ и очень небольшими козачьими контингентами. Мазепа очень дорожилъ этимъ пріобрѣтеніемъ, и когда Петръ, на конференціи съ польскими магнатами въ Жолковѣ, въ 1707 г., далъ обѣщаніе немедленно вернуть правобережныя земли Польшѣ и велѣлъ Мазепѣ передать Бѣлую Церковь польскимъ войскамъ, Мазепа подъ разными предлогами не исполнилъ этого распоряженія и удержалъ эти земли подъ своею властью до конца.

Послѣ избранія Скоропадскаго правобережные полки, какъ я упоминалъ, также признали его гетманомъ. Но Скоропадскій не обладалъ достаточною энергіею, чтобы отстоять эту правобережную Украину, какъ отстаивалъ ее Мазепа. Въ 1711 г., послѣ неудачнаго Прутскаго похода, Петръ отказался отъ правобережной Украины. Турція предназначала ее для независимой Украины Орлика, но—какъ мы знаемъ—не поддержала Орлика энергично и дала завладѣть правобережной Украиной Польшѣ, непосредственно заявившей на нее свои притязанія. Отказываясь однако отъ правобережныхъ полковъ въ пользу Польши, Петръ возвратился къ старому плану: опустошить ихъ и перегнать населеніе въ лѣвобережную Украину. Объ этомъ было объявлено населенію еще осенью 1711 г. и затѣмъ, въ продолженіе 1711—14 гг., воинскія команды выселяли и переводили за Днѣпръ населеніе правобережныхъ полковъ. По окончаніи выселенія, въ 1714 г. сдана была Полякамъ Бѣлая Церковь, и Поляки вступили окончательно во владѣніе правобережнымъ Поднѣпровьемъ.

Козачество здѣсь было уничтожено теперь окончательно. Небольшіе контингенты, возобновленные позже въ приднѣпровскихъ староствахъ и сохранившіеся въ нихъ до второй

половины XVIII в. *), не имѣли значенія; тѣмъ менѣе могутъ идти въ счетъ „надворные козаки“: такъ назывались вооруженные отряды, содержавшіеся каждымъ магнатомъ, вообще каждымъ значительнымъ помѣщикомъ для надобности „двора“; такіе отряды „дворовыхъ козаковъ“, рекрутировавшіеся изъ мѣстнаго населенія, вооруженные и одѣтые по-козацки, появляются уже въ концѣ XVI в. и существуютъ до конца XVIII. Планы возстановленія настоящаго козачества, козацкой организаціи всплывали, какъ увидимъ, во время народныхъ движеній XVIII—XIX в., но осуществить ихъ не удавалось.

Потомки и наслѣдники шляхтичей-землевладѣльцевъ могли наконецъ безпрепятственно вернуться въ свои имѣнія и заняться возстановленіемъ разрушеннаго хозяйства. Кіевскія, браславскія, подольскія земли покрылись „слободами“, куда обѣщаніемъ долголѣтней свободы отъ повинностей и всякими льготами спеціальные агенты зазывали крестьянъ изъ населенныхъ мѣстностей, а такъ называемыя „выкотцы“ сманивали и вывозили этотъ рабочій инвентарь въ новооснованныя имѣнія. Массы народа двинулись снова—главнымъ образомъ изъ Полѣсья и Западной Украины,—и очень скоро, уже во второй четверти XVIII в., правобережныя земли обладали очень значительнымъ населеніемъ. Возобновилось помѣщичье хозяйство, а съ истеченіемъ льготныхъ сроковъ вошли въ силу помѣщичьи порядки, панщина и т. п.; впрочемъ, въ виду тѣхъ смутъ, о которыхъ я буду говорить ниже, и вообще непрочности здѣшнихъ отношеній, помѣщичья власть и эксплоатація крестьянскаго труда все-таки были здѣсь значительно слабѣе, чѣмъ въ Западной Украинѣ **), и только

*) О нихъ статья В. Щербины въ Трудахъ XI археол. съѣзда, т. II.

**) Такъ, напр., въ Житомирскомъ поѣтѣ, т. е. мѣстности, сравнительно удаленной отъ границы и театра движеній, еще въ третьей четверти XVIII в. панщина часто ограничивается двумя днями въ недѣлю съ хозяйства, при небольшихъ сравнительно денежныхъ и натуральныхъ даняхъ.

по переходѣ этихъ земель подъ власть Россіи достигли такого, какъ тамъ, напряженія и силы.

Это возобновленіе шляхетскаго господства не обошлось безъ своеобразнаго народнаго протеста, выразившагося въ народныхъ движеніяхъ, которыя получили общее названіе „гайдамачины". Этимъ именемъ называли съ начала XVIII в. разбойничьи ватаги, рекрутировавшіяся преимущественно изъ крестьянъ. Такія ватаги не переводились въ украинскихъ земляхъ—подъ именемъ дейнекъ, левенцовъ, опрышковъ, также козаковъ, а въ правобережномъ Поднѣпровьѣ XVIII в. ихъ обыкновенно называютъ гайдамаками *). Подобно южнославянскимъ гайдукамъ и ускокамъ, они послѣ исчезновенія козачества служили выраженіемъ народной оппозиціи ненавистному общественному строю и потому находили широкое сочувствіе въ народныхъ массахъ. Съ 1730-хъ гг., когда Січ, перейдя изъ татарскихъ владѣній на старыя мѣста, придвинулась къ границамъ правобережной Украины, гайдамацкія ватаги находятъ въ ней сильную опору; отсюда онѣ выходятъ и сюда въ случаѣ нужды укрываются, и Запорожцы принимаютъ участіе въ большомъ числѣ въ гайдамацкихъ отрядахъ.

Вступая въ правобережныя земли, эти гайдамацкіе „загоны" находили широкое сочувствіе и пособничество; къ нимъ присоединялись не только авантюристы изъ разнаго рода бездомныхъ людей всѣхъ сословій, но и масса крестьянъ. Жажда добычи и приключеній смѣшивалась съ мотивами національной и соціальной борьбы и мести. Изъ такихъ же національно-религіозныхъ мотивовъ дѣятельными пособниками гайдамакамъ являлись кіевскіе мѣщане и монахи кіевскихъ и иныхъ православныхъ монастырей. Благодаря слабости администраціи и отсутствію войскъ, эти гайдамацкія движенія въ правобережномъ Поднѣпровьѣ во второй и третьей четверти XVIII в. стали хроническимъ явленіемъ, а временами проявляли очень значительною силу, обнимая большія

*) Значеніе названія неясно—производятъ это слово отъ арабско-турецкаго *гада, гайде-мак*, въ значеніи: смутьянить, гнать.

территоріи и приводя въ движеніе большія массы крестьянскаго населенія. Какъ я упомянулъ, они служили сильнымъ препятствіемъ къ развитію шляхетскаго хозяйства и крѣпостныхъ отношеній.

Въ первый разъ гайдамацкое движеніе приняло широкіе размѣры въ 1734 г. Безкоролевье по смерти кор. Августа II († 1733), сопровождавшееся вооруженною борьбою партій на польской территоріи съ участіемъ иностранныхъ войскъ (въ правобережную Украину были введены русскія и украинскія войска Гетманщины), междоусобныя смуты среди Поляковъ, образованіе въ пользу кандидатуры Стан. Лещинскаго на польскую корону конфедераціи (вооруженной лиги) въ воеводствахъ Кіевскомъ, Подольскомъ, Браславскомъ и Волынскомъ, сопровождавшееся вооруженными наѣздами шляхты на своихъ противниковъ и полною анархіею,—все это весьма благопріятствовало гайдамакамъ. Въ Кіевскомъ, Браславскомъ и Подольскомъ воеводствахъ вспыхнуло крестьянское возстаніе; особенно сильно было оно въ Браславщинѣ. Тутъ нѣкто Верланъ, начальникъ дворовыхъ козаковъ кн. Любомирскаго, ссылаясь на грамоту имп. Анны, будто бы призывающую крестьянъ истреблять Ляховъ и Евреевъ и формироваться въ козацкіе полки,—вызвалъ чрезвычайно сильное и довольно организованное движеніе. Конецъ возстанію положило только прекращеніе безкоролевья, когда русскія войска, въ качествѣ союзниковъ новаго правительства (короля Августа III), занялись усмиреніемъ возставшихъ. Верланъ и полковники сформированныхъ имъ козацкихъ полковъ ушли въ Молдавію.

Новое напряженіе гайдамацкихъ движеній имѣло мѣсто въ 1750 г. На этотъ разъ оно не имѣло внѣшнихъ благопріятныхъ условій, а было результатомъ прогрессивнаго усиленія гайдамацкихъ ватагъ, послѣ 1734 г. почти непрерывно вторгавшихся въ правобережную Украину, при полномъ отсутствіи обороны. Въ продолженіе почти всего 1750 года Кіевское и Браславское воеводства, на всемъ почти протяженіи—до границъ Полѣсья, были во власти гайдамацкихъ

ватагъ и возставшихъ крестьянъ. Цѣлый рядъ городовъ и замковъ, даже болѣе значительныхъ, какъ Умань, Винница, Летичевъ, Фастовъ, Радомысль, были взяты и разграблены гайдамацкими отрядами. Только отсутствіе организаціи въ возстаніи было причиною, что оно само собою отшумѣло и улеглось, не встрѣтивъ никакого отпора ни со стороны правительства, ни со стороны мѣстной шляхты.

Но наиболѣе сильно было движеніе 1768 г.—такъ наз. Колійщина (отъ слова: колій, колійй, какъ назывались отряды возставшихъ) *). Почва для его развитія на этотъ разъ была приготовлена опять внѣшними событіями. Такъ наз. радомская конфедерація, созданная при участіи Россіи противъ короля и его партіи (въ интересахъ диссидентовъ), призвала на помощь Россію, которая снова ввела свои войска въ границы Польши, въ правобережныя земли; противъ этой конфедераціи, диссидентовъ и Россіи создана была другая конфедерація въ Барѣ, на Подоліи. Настала полная анархія, особенно дававшая себя чувствовать въ украинскихъ провинціяхъ Польши, и среди этой сумятицы широко разыгралось народное движеніе. Диссидентскій вопросъ, который послужилъ Россіи поводомъ для вмѣшательства въ польскія дѣла, борьба между православнымъ и уніатскимъ духовенствомъ, происходившая въ это время въ Кіевскомъ воеводствѣ и сопровождавшаяся притѣсненіями и истязаніями сопротивлявшихся православныхъ,—придали движенію религіозную окраску. Выдающуюся роль въ мѣстномъ религіозномъ движеніи игралъ игуменъ Мотронинскаго монастыря (около Чигрина) Мельхиседекъ Значко-Яворскій, бывшій наблюдателемъ православныхъ приходовъ правобережной Украины, и его же считали однимъ изъ иниціаторовъ народнаго движенія, во главѣ котораго сталъ запорожецъ Максимъ Зелизнякъ, проживавшій, въ качествѣ послушника, въ томъ же монастырѣ. Для привлеченія народа, какъ и въ 1734 г., пу-

*) Обыкновенно производятъ отъ слова „колоть", колоть—такъ сказать, „колотель", избиватель.

щенъ былъ слухъ о „золотой граматѣ“ имп. Екатерины, призывавшей къ возстанію. Сохранившіяся копіи этой граматы подложны, и самое движеніе, съ точки зрѣнія политики правительства Екатерины, было нежелательно; но это не исключаетъ возможности, что со стороны россійскихъ властей и войскъ дѣйствительно допущены были выходки и рѣчи, которыя содѣйствовали движенію и вселяли убѣжденіе, что ему сочувствуетъ сама императрица.

Движеніе охватило южную часть Кіевскаго и Браславскаго воеводства; возставшіе избивали шляхту, Евреевъ, уніатскихъ и католическихъ священниковъ. Кульминаціоннымъ моментомъ возстанія было взятіе Умани, тогда наиболѣе значительнаго города Браславщины; оно произошло благодаря тому, что къ возстанію присоединился Иванъ Гонта, сотникъ (начальникъ) надворныхъ козаковъ владѣтеля Умани Потоцкаго. Тутъ убито было много Поляковъ и Евреевъ, укрывшихся сюда, какъ въ наиболѣе безопасный пунктъ; впрочемъ, размѣры этой рѣзни, несомнѣнно, сильно преувеличены въ мемуарахъ, на которыхъ главнымъ образомъ опираются наши свѣдѣнія объ этомъ, все еще не разъясненномъ достаточно эпизодѣ. Наконецъ, польское правительство, испуганное этимъ движеніемъ и совершенно безсильное среди анархіи, обратилось къ русскому правительству съ просьбою— подавить движеніе. Екатерина отозвалась на это съ полною готовностью, такъ какъ движеніе это не отвѣчало ея планамъ, а вдобавокъ она хотѣла очистить себя отъ подозрѣній въ изданіи агитаціонной граматы. Русскія войска обращены были на усмиреніе возстанія, и оно было залито кровью и закончилось массовыми казнями предводителей и участниковъ: захваченные русскими войсками или укрывшіеся на территорію украинскихъ провинцій имперіи, въ надеждѣ на покровительство русскихъ властей, участники движенія были выдаваемы польскимъ властямъ и подвергались казнямъ, нерѣдко изысканно-мучительнымъ (такъ, напр., съ Гонты, по словамъ очевидца-Поляка, живьемъ сдирали кожу). Польская военно-судная комиссія, засѣдавшая въ

Коднѣ (въ Житомирскомъ пов.), оставила страшную память въ населеніи.

Это было послѣднее массовое движеніе. Правда, въ 1785 г. распространились слухи, что на Украинѣ готовится новая „коліївщина", и навели большой страхъ на шляхту: были учреждены судебныя комиссіи, арестовавшія и даже казнившія множество людей; но эти слухи въ концѣ концовъ оказались ложными *). Польско-русскій терроръ 1768 г. возмѣлъ очевидное дѣйствіе. Съ переходомъ же правобережной Украины подъ власть Россіи, массовыя народныя движенія не могли уже имѣть мѣста. Въ Галиціи также только австрійское правительство положило конецъ разбоямъ „опрышковъ", ватаги которыхъ гнѣздились въ Карпатскихъ горахъ, разбивали проѣзжихъ купцовъ, шляхту и Евреевъ и, благодаря этому, а также своей смѣлости и разнымъ приключеніямъ, пользовались сочувствіемъ и популярностью у народа; главнымъ героемъ опрышковъ былъ Олекса Довбушъ, воспѣтый въ пѣсняхъ, опоэтизированный въ преданіяхъ, — онъ былъ убитъ въ 1745 г.

Въ концѣ XVIII в. правобережное Подпѣпровье и западныя украинскія земли вышли изъ-подъ власти Польши. По первому раздѣлу Польши, въ 1772 г., присоединены были къ Австріи воеводство Русское, т. е. земли Львовская, Галицкая, Перемышльская и Сяноцкая, и почти все воеводство Белзское, съ сосѣдними частями земли Холмской, Волыни и Подолья. Въ 1793 г., по второму раздѣлу Польши, отошли къ Россіи воеводства Кіевское, Волынское, Подольское и Браславское. Окончательно же украинскія провинціи Польши раздѣлены были между Россіею и Австріею постановленіемъ Вѣнскаго конгреса 1815 г.; изъ украинскихъ земель, кромѣ воеводствъ, пріобрѣтенныхъ въ 1793 г., къ Россіи отошло еще Побужье и Холмская земля. Въ промежутокъ

*) Объ этой фальшивой тревогѣ и безсмысленныхъ преслѣдованіяхъ и казняхъ, произведенныхъ перепуганной шляхтой, см. актовый матеріалъ и статью проф. Антоновича въ ч. III т. V Архива Юго-Западной Россіи.

между первымъ и вторымъ раздѣломъ Польши, по Кучукъ-Кайнарджійскому трактату 1774 г., Австрія пріобрѣла еще отъ Турціи Буковину, съ ея украинскими округами, и такъ установилось нынѣшнее политическое дѣленіе украинской территоріи.

Польскаго правленія не стало. Но сословныя отношенія, помѣщичій режимъ, власть и господство шляхты, созданныя польскими порядками, остались въ цѣлости и силѣ. И даже гораздо болѣе: отъ перехода украинскихъ провинцій изъ состава Польскаго королевства, съ его хроническимъ отсутствіемъ полицейской и исполнительной власти, въ составъ государствъ съ очень сильною центральною властью и полицейскою организаціею, какими были Австрія и Россія—гдѣ правительство смотрѣло на помѣщика, какъ на блюстителя порядка—какъ на „полицмейстера", по выраженію кн. Павла, и въ охраненіи престижа помѣщичьей власти, въ покорности крестьянъ видѣло одну изъ существеннѣйшихъ своихъ задачъ,—шляхетскій режимъ только выигралъ. Воинскія команды охраняли его безопасность отъ проявленій недовольства народныхъ массъ, и помѣщичье „хозяйство" могло процвѣтать свободно.

Впрочемъ, австрійское правительство, особенно во время недолгаго правленія Іосифа II (1780 — 1790), сдѣлало нѣсколько попытокъ къ ограниченію власти помѣщика надъ крестьяниномъ, къ освобожденію личности послѣдняго и къ ослабленію его экономической зависимости отъ помѣщика. Правда, реформы Іосифа,—между ними нѣкоторыя очень цѣнныя,—были сильно урѣзаны при ихъ осуществленіи на практикѣ и заглохли при послѣдующемъ, реакціонномъ правительствѣ. Все же нѣкоторое благожелательное настроеніе къ русинскому крестьянству (точнѣе—неблагопріятное настроеніе по отношенію къ шляхетскому самовластію и всевластію) чувствовалось и позже въ правительственныхъ сферахъ, и нѣмецкая бюрократія, правившая Галиціей до 1850 хъ гг., представляла извѣстную сдержку шляхетскому самовластію; крестьянское землевладѣніе, крестьянскія по-

винности по отношенію къ помѣщику находились подъ контролемъ государственной власти и гарантировались не только въ теоріи, но до нѣкоторой степени и на практикѣ отъ правонарушеній со стороны помѣщика.

Въ Россіи же, при общемъ напряженіи крѣпостническихъ отношеній въ имперіи, при весьма низкихъ качествахъ введенной въ краѣ великорусской администраціи (несомнѣнно—гораздо худшей сравнительно съ нѣмецкою администраціею Галиціи), при царившихъ среди нея подкупности, взяточничествѣ и произволѣ,—польская шляхта властвовала въ краѣ безгранично и безконтрольно. При малѣйшемъ проявленіи какой либо оппозиціи среди крестьянъ или вполнѣ законнаго протеста на крайнія злоупотребленія помѣщичьей властью, преходившія мѣру долготерпѣнія даже здѣшняго многострадальнаго крестьянина, полиція и воинскія команды были къ услугамъ помѣщика, если онъ исправно исполнялъ свои „обязанности“ по отношенію къ предержащей власти, и по мановенію его готовы были со всусердіемъ засвидѣтельствовать права „кичливаго Ляха“ на спинѣ „вѣрнаго Росса“, выражаясь терминологіей извѣстной пушкинской оды. Благодаря этому, крѣпостное право въ правобережной Украинѣ въ это время россійскаго владѣнія достигло такого напряженія и развитія, какого здѣшнее крестьянское населеніе не знало никогда раньше и какого никогда не достигли крѣпостныя отношенія восточной Украины.

Только польское возстаніе 1831 г., вызвавъ со стороны правительства рядъ репрессивныхъ мѣръ противъ польской шляхты, побудило его обратить вниманіе и на отношенія помѣщиковъ къ крестьянамъ. Считали нужнымъ сдѣлать кое-что для облегченія участи крестьянъ, чтобы расположить ихъ къ правительству и Россіи и этимъ путемъ ослабить силу польской шляхты. Съ этой цѣлью изданы были такъ наз. инвентари, нормировавшіе крестьянскія повинности по отношенію къ помѣщикамъ. Но подкупность администраціи лишила значенія и эти скромныя попытки облегченія участи крестьянъ.

Крымская война и формированіе крестьянскихъ ополченій вызвали въ Кіевской губерніи, гдѣ свѣжа еще была память о козачествѣ, своеобразное народное движеніе съ цѣлью освободиться отъ крѣпостного гнета путемъ возстановленія козачества. Чтеніе въ церквахъ манифестовъ, въ которыхъ правительство призывало населеніе къ участію въ оборонѣ государства, вызвало во многихъ мѣстностяхъ Кіевской губерніи коллективныя заявленія со стороны крестьянъ: они изъявляли свою готовность идти на защиту Россіи и для этого просили записать ихъ въ козаки. Въ качествѣ козаковъ они надѣялись, по старой традиціи, освободиться отъ власти помѣщиковъ и администраціи, отъ барщины и другихъ повинностей; прорывались и болѣе радикальные планы перестройки общественныхъ и политическихъ отношеній. Администраціи, которая пыталась доказать неумѣстность этихъ желаній, крестьяне не вѣрили и подозрѣвали, что она затаивала „царскую грамату“ (какъ въ 1734 и 1798 гг.!), поголовно призывавшую народъ въ козаки. Мѣстами дошло въ концѣ концовъ до кровавыхъ сценъ и битвъ съ войсками.

Въ лѣвобережной Украинѣ правительство вызывало еще болѣе реальныя, надежды на возобновленіе козачества прибѣгая въ трудныя минуты къ набору козацкихъ полковъ, причемъ для привлеченія населенія мѣстная администрація подавала ему надежды на возстановленіе стараго козацкаго устройства, уничтоженіе податей, рекрутскаго набора и т. п., но затѣмъ все оставалось по-старому. Это имѣло мѣсто во время войны 1812 года и затѣмъ во время польскаго возстанія 1830 г. Но этотъ послѣдній эпизодъ окончился для козаковъ очень печально: правительство, недовольное, вѣроятно, козацкими мечтами, распорядилось перечислить этихъ козаковъ-добровольцевъ въ регулярную службу (на 18 лѣтъ!). Нѣсколько полковъ было отправлено на Кавказъ и тамъ эти козаки должны были остаться на жительство.

Наконецъ 1848 годъ въ Австріи, 1861 въ Россіи освободили крестьянина отъ власти помѣщика. Однако и эта эмансипація не обезпечила крестьянину экономической и

гражданской свободы. И въ Галиціи и въ „юго-западномъ краѣ“ Россіи формально освобожденный и полноправный крестьянинъ остался въ чрезвычайно тяжелой экономической и всякой иной зависимости отъ привилегированнаго сословія—той же шляхты.

Литература: Антоновичъ—Послѣднія времена козачества на правомъ берегу Днѣпра, 1868 (Архивъ Юго-Зап. Рос. III, т. 2), его же статья—О гайдамацкихъ движеніяхъ въ Архивѣ Юго-Зап. Россіи III, т. 3, 1877. Я. Шульгинъ—Очеркъ коліивщины, 1890. Объ опрышкахъ статьи Ю. Целевича—онѣ собраны въ XIX т. Руської історичної бібліотеки (тамъ же въ т. XVII—XX упомянутыя изслѣдованія Антоновича и Шульгина, въ переводѣ). О положеніи крестьянъ въ XVIII в. статья Антоновича въ Архивѣ, VI т. II (переводъ въ XXII т. Рус. іст. біб.). О „козацкомъ“ движеніи 1855 р.—Томашівський Київска козачина 1855 р. Літерат.-наук. бібліотека видавничої спілки кн. 55, 1902.

XXII.

Итакъ, чрезвычайныя усилія, предпринятыя украинскими народными массами въ XVII в., чтобы разбить сковывавшія народную жизнь соціальныя и національныя путы, какъ мы видѣли, ни къ какимъ существеннымъ улучшеніямъ въ сферѣ соціальныхъ отношеній не привели. Національныя и культурно-религіозныя стремленія, связывавшіяся съ этимъ народнымъ движеніемъ, также не выиграли въ общей сложности ничего: если въ нѣкоторыхъ пунктахъ и былъ извѣстный успѣхъ (напр., восточная Украина ушла отъ уніи и насильственнаго ополяченія), то въ другихъ отношеніяхъ положеніе дѣлъ еще болѣе ухудшилось, и даже весьма существенно.

Западную Украину — Галичину, Подолію, Волынь, Побужье—народное движеніе XVII в. только задѣло, или пронеслось тутъ мимолетною бурею, и въ результатѣ уже непосредственно за нимъ обнаружилось съ полною очевидностью ослабленіе украинскаго элемента, ухудшеніе условій его

жизни. Движеніе ослабило здѣсь украинскій элементъ, какъ кровопусканіе. Все болѣе энергичное въ немъ было увлечено возстаніемъ, ушло туда, гдѣ кипѣла рѣзкая борьба; то, что осталось, подверглось еще большему гнету восторжествовавшихъ польско-шляхетско-католическихъ элементовъ. Эти элементы выступаютъ теперь съ большей еще силой и нетерпимостью. Народныя движенія даютъ имъ богатый арсеналъ подозрѣній и аргументовъ противъ украинскаго населенія, противъ признанія за нимъ какихъ либо правъ. Украинскіе же элементы, утративъ ту моральную поддержку, какую давала имъ восточная Украина, не пользуются у правительства даже тѣмъ небольшимъ вниманіемъ и защитою, какую они находили, когда за ихъ плечами стояло козачество и населеніе восточныхъ провинцій. Впрочемъ, тѣ остатки православной шляхты и мѣщанства, которые не примкнули къ козацкому движенію, отолкнутые рѣзкими формами его, сами, въ значительной степени, примыкаютъ тѣснѣе къ господствующей, польской національности. А личности, болѣе живо чувствовавшія свою національность и ея униженія, продолжали и позже отливать туда, гдѣ украинская національность жила полнѣе и свободнѣе.

Въ результатѣ, начиная съ половины XVII в., западная Украина въ верхнихъ слояхъ своего населенія ополячивается чрезвычайно скоро и сильно. Если уже въ 1610 г. авторъ Треноса оплакивалъ утрату цѣлаго ряда выдающихся православныхъ магнатскихъ родовъ, то къ концу XVIII в. даже на Волыни осталась только небольшая горсть православныхъ шляхетскихъ родовъ, а въ Галичинѣ и на Подоліи они исчезли почти безъ остатка,—уцѣлѣли только нѣкоторые мелкіе роды, бытомъ и достаткомъ стоявшіе ближе къ крестьянству, чѣмъ къ шляхтѣ. Это было очень неблагопріятное обстоятельство, такъ какъ голосъ въ государствѣ имѣла вѣдь только шляхта. Рѣдѣютъ и ряды мѣщанъ—ополячиваются зажиточные, вліятельные роды большихъ городовъ, отстаивавшіе права своей національности; остается безпомощная и безгласная misera plebs. Представителями украинской на-

родности остается главнымъ образомъ крестьянская масса, инертная и темная, сохраняющая свою національность именно только силою этой темноты и косности, и почти такое же темное сельское духовенство. Все, что хотя нѣсколько поднималось надъ этимъ уровнемъ, увлекалось потокомъ полонизаціи. Національное самосознаніе понизилось до неяснаго инстинкта или подмѣнялось религіознымъ признакомъ—вмѣсто различія національностей, фигурировало различіе религій—православной и католической, такъ что переходъ изъ православія въ католичество понимался какъ отреченіе отъ своей національности,--да такимъ онъ и былъ въ дѣйствительности, такъ какъ перешедшій въ католичество принималъ обыкновенно польскій языкъ и культуру, становился Полякомъ самъ и въ томъ же направленіи воспитывалъ и свое потомство.

Культурное оживленіе, литературное и просвѣтительное движеніе, проявившееся въ концѣ XVI и въ началѣ XVII в., заглохло, не успѣвъ выйти изъ тѣснаго круга чисто-религіозныхъ, полемическихъ интересовъ. Какъ ни жизненны были въ свое время вопросы религіозной полемики, ихъ было недостаточно, чтобы эта литература стала мощнымъ двигателемъ національной культуры. Даже народнаго языка не ввело оно въ литературу, довольствуясь макароническимъ церковно-славянскимъ, съ примѣсью народныхъ — украинскихъ, бѣлорусскихъ и польскихъ элементовъ, а частью пользовалось и польскимъ языкомъ—въ интересахъ болѣе успѣшной полемики. Со второго десятилѣтія XVII в., какъ мы уже знаемъ, литературная работа сосредоточилась главнымъ образомъ въ Кіевѣ, въ западной Украинѣ она глохнетъ, а между тѣмъ Кіевъ съ 1648 года выходитъ изъ Польскаго государства, и связи съ нимъ западныхъ украинскихъ земель постепенно ослабѣваютъ все болѣе и болѣе. Здѣшнія братства, державшіяся шляхтою и родовитымъ мѣщанствомъ, съ ополяченіемъ тѣхъ и другихъ, приходятъ въ упадокъ, и вообще культурная и общественная жизнь среди украинскихъ элементовъ постепенно глохнетъ все болѣе и болѣе.

Церковная унія, такъ дружно отраженная въ началѣ XVII в. и приведенная на край гибели, такъ какъ во время переговоровъ польскаго правительства съ козаками (1649—1658) ей грозило даже полное уничтоженіе, въ концѣ XVII в. прочно вводится въ западныхъ епархіяхъ, благодаря интригѣ, искусно проведенной небольшимъ кружкомъ людей. Первую роль среди нихъ сыгралъ Іосифъ Шумлянскій, епископъ львовскій, занявшій каѳедру въ качествѣ православнаго и затѣмъ, когда почва была достаточно приготовлена—заявившій свою принадлежность къ уніи (1694). Еще раньше то же сдѣлалъ епископъ перемышльскій Винницкій, также старательно приготовивъ почву (1692). Это провозглашеніе уніи только спорадически встрѣчало какой либо замѣтный протестъ среди подавленнаго, впавшаго въ апатію украинскаго населенія и въ началѣ XVIII в. распространяется во всѣхъ украинскихъ земляхъ, входившихъ въ составъ Польши, за исключеніемъ только приднѣпровской полосы. Главнымъ аргументомъ за унію служила надежда, что переходъ въ унію избавитъ украинскую церковь и украинское духовенство отъ тѣхъ униженій, какія оно испытывало въ католической Польшѣ, но эти надежды не оправдались: унія не избавила украинское духовенство и ея паству отъ притѣсненій и униженій, отъ жалкаго прозябанія.

Уровень культуры украинской жизни сильно понижается. Книжность служитъ преимущественно потребностямъ обряда, богослуженія: книги выходили главнымъ образомъ богослужебныя, рѣже каноническаго или религіозно-нравоучительнаго содержанія; о свѣтской литературѣ нечего и говорить. Культурное содержаніе этой книжности было чрезвычайно невелико. Самымъ популярнымъ—и единственнымъ популярнымъ продуктомъ ея былъ сборникъ кантовъ религіознаго содержанія съ нотами, въ первый разъ изданный въ Почаевѣ уніатскими монахами, такъ наз. базиліанами *), подъ названіемъ Богогласника и много разъ издававшійся впослѣд-

*) Базиліанами назывались уніатскіе монахи, такъ какъ считались „чиномъ св. Василія“.

ствіи; благодаря своей близости къ народному пѣснетворчеству и устной литературѣ нѣкоторые изъ этихъ кантовъ пріобрѣли неумирающую популярность. Вообще на линіи соприкосновенія книжности и устной литературы главнымъ образомъ и теплился огонекъ національной культурной традиціи, а въ безыменномъ творчествѣ и неустанной эволюціи народной литературы, пѣсенной и прозаической, находила себѣ выраженіе духовная жизнь народа—коллективная жизнь, единству которой не ставили преграды политическія границы и разстоянія, не разрывавшія обмѣна въ сферѣ произведеній этой литературы. Не подлежитъ сомнѣнію, что это глухое столѣтіе было временемъ высокаго развитія народной пѣсни, и потомъ въ ея богатомъ репертуарѣ и въ его высокихъ поэтическихъ достоинствахъ черпали начинатели національнаго возрожденія свою увѣренность въ духовныхъ силахъ народа и возможности его возрожденія.

Но съ книжностью и книжнымъ просвѣщеніемъ дѣло стояло плачевно. Книга становилась не только мало содержательною, но и мало доступною. Церковный (славяно-русскій) языкъ дѣлался все менѣе понятнымъ, и уже въ первой четверти XVIII в. былъ изданъ въ Супрасли словарикъ славянскихъ словъ съ переводомъ на польскій языкъ, въ виду того, какъ объясняютъ издатели, что изъ священниковъ едва сотый понимаетъ по-славянски. Народный же языкъ не успѣлъ завоевать себѣ права гражданства ни въ книжности, ни въ школѣ. Школы уцѣлѣли въ концѣ концовъ только сельскія—гдѣ училъ дьячекъ. Нѣсколько лучшія монастырскія (базиліанскія) были сильно ополячены, какъ и сами базиліане вообще. И вообще все хотя немного образованное среди украинскаго общества—даже не разорвавшее со своею національностью—говорило и писало по-польски: это былъ „культурный языкъ“ самого украинскаго населенія. По-польски или латыни писали даже наиболѣе патріотически настроенные люди второй половины XVIII и первой половины XIX стол.; на польскомъ языкѣ обращались духовныя власти къ украинскому духовенству; даже знаніе русскаго алфавита

въ чтеніи и письмѣ не было удѣломъ всего духовенства! И что всего хуже—даже никакого выхода изъ этого убійственнаго положенія не предвидѣлось. „Я совершенно свыкся съ мыслью,—писалъ одинъ изъ представителей уніатскихъ духовныхъ круговъ въ моментъ перехода Галичины подъ власть Австріи,—что скорѣе Русь погибнетъ, чѣмъ мы достигнемъ чего нибудь... Жаль, что конфедератамъ не удалось насъ (уніатское духовенство) перерѣзать—тогда бы успокоились, а такъ бьютъ, а не убьютъ“ *).

Но немногимъ въ лучшемъ положеніи оказалась и восточная Украина, вышедшая изъ состава Польскаго государства. Избѣгнувъ ополяченья, верхніе слои украинскаго населенія подвергаются здѣсь сильному обрусѣнію, развивавшемуся тѣмъ легче еще, что оно не встрѣчалось съ внѣшними отличіями, какія по отношенію къ Полякамъ давала религія, книжность. Наоборотъ, эти моменты сближали украинское населеніе съ великороссійскимъ и затирали національную разницу, между тѣмъ какъ слабое развитіе національной украинской культуры облегчало вліяніе великорусскаго элемента, подъ вліяніемъ реформъ Петра, съ началомъ XVIII в., вступившаго въ стадію весьма интенсивнаго развитія, и въ своемъ воздѣйствіи на украинскую жизнь имѣвшаго на своей сторонѣ преимущества лучшихъ культурныхъ средствъ и политическій перевѣсъ, и наконецъ непосредственное воздѣйствіе центральнаго правительства. Послѣднее, не довольствуясь добровольнымъ тяготѣніемъ украинскаго общества къ великорусской жизни, развивающимся въ продолженіи XVIII в., старается воздѣйствовать въ томъ же направленіи всѣми силами государственнаго механизма. Разрушивъ политическую обособленность Украины, оно стремится стереть особенности мѣстной жизни и культуры, ея національной обликъ, обезличить и слить съ великорусскою народностью и воздѣйствуетъ въ такомъ смыслѣ ограничительными и запретительными мѣрами, дѣйствительно весьма сильно

*) Галичанинъ, 1872, I, ст. 140—1.

подрывающими мѣстную культурную жизнь и усиливающими „обрусѣніе“ украинскаго общества.

Центромъ украинской культуры и послѣ перехода восточной Украины подъ верховенство Москвы по-прежнему оставался Кіевъ. Во второй половинѣ XVII в. и первыхъ десятилѣтіяхъ XVIII онъ былъ источникомъ просвѣщенія и для Московскаго государства — отсюда выходили піонеры культуры, насаждавшейся московскимъ правительствомъ и духовенствомъ, отсюда шла книжность и образцы школьной организаціи и, несмотря на недружелюбное вообще отношенія къ представителямъ и произведеніямъ украинской учености *), она оказала весьма замѣтное воздѣйствіе на подъемъ культурной жизни Москвы.

Главный очагъ кіевской культурной жизни—кіевская коллегія—въ третьей четверти XVII в. пережила періодъ упадка, причиненнаго тогдашними безпрерывными войнами, и московскіе политики, вообще довольно недоброжелательно относившіеся къ украинскимъ школамъ, хотѣли даже воспользоваться этимъ, чтобы вовсе закрыть ее (1666), но должны были отказаться отъ этого намѣренія въ виду неудовольствія, какое могло бы возбудить это на Украинѣ. Въ 1670-хъ гг. коллегія организовалась наново, расширила свою программу, присоединивъ къ преподаваемымъ ранѣе наукамъ курсы философіи и богословія, и получила, наконецъ, права и титулъ „академіи“ (1694). Время Мазепы, усерднаго покровителя культуры (какъ ее разумѣли въ тѣхъ кругахъ), было временемъ ея процвѣтанія. Изъ нея вышелъ рядъ видныхъ церковныхъ и общественныхъ дѣятелей. Она служила почти до половины XVIII в. школою, гдѣ получала образованіе украинская интеллигенція вообще—не только духовная, но и свѣтская. Гетманъ Апостолъ, подтверждая за нею ея маетности въ 1728 г., называетъ ее „всему обще-

*) Кіевскія книги, напримѣръ, довольно часто подвергались болѣе или менѣе строгимъ запрещеніямъ въ Москвѣ, а при патріархѣ Іоакимѣ въ 1670—80-хъ гг. послѣдовало настоящее гоненіе на произведенія украинской книжности.

ству нашему благопотребною, гдѣ малороссійскіе сыны въ наукахъ свободныхъ имѣютъ наставленіе", и дѣйствительно, въ сохранившемся „реестрѣ" учениковъ академіи 1727 г. находимъ среди нихъ представителей почти всѣхъ важнѣйшихъ старшинскихъ семей. Число учениковъ было очень велико: въ среднихъ десятилѣтіяхъ XVIII в. оно переходило за тысячу *), и большинство учениковъ было изъ свѣтскаго званія. По ея образцу организовались высшія школы въ земляхъ великорусскихъ (начиная съ московской академіи) и украинскихъ—коллегіи и семинаріи въ Черниговѣ, Переяславлѣ, Полтавѣ, Харьковѣ, и рядъ менѣе значительныхъ. Но при всемъ томъ и академія съ организованными по ея образцу коллегіями, и ихъ ученость все болѣе и болѣе оставались такъ сказать за флагомъ—потребности времени и запросы жизни обгоняли ихъ все замѣтнѣе.

Кіевская академія была организована по образцу польскихъ, главнымъ образомъ іезуитскихъ школъ. Ея наука носила преобладающій церковный, богословскій характеръ, и притомъ въ формахъ схоластическихъ. Ея ученость опиралась на средневѣковыхъ методахъ и знаніяхъ и для XVII—XVIII вв. была совершенно устарѣвшею. Въ богословіи до начала XVIII в. и даже позже господствовалъ здѣсь Ѳома Аквинскій, въ философіи—средневѣковые комментаторы Аристотеля, и бывшій профессоръ философіи въ академіи Георгій Конисскій, уже по выходѣ изъ состава ея преподавателей, случайно ознакомившись съ новыми западно-европейскими учебниками философіи, выражалъ сожалѣніе, что онъ еще въ 1740-хъ гг., преподавая философію, терялъ время „на смѣшныхъ интерпретовъ Аристотелевыхъ". Тѣ же схоластическія формы господствовали въ преподаваніи риторики и піитики,—предметовъ, игравшихъ важную роль въ программѣ академіи. Все вообще образованіе, которое давала академія и основывавшіяся по ея образцу коллегіи, имѣло чисто

*) Вотъ нѣсколько цифръ: въ 1742 г. учениковъ было 1243, въ 1744 г.—1160, въ 1751 г.—1193, въ 1765 г.—1059.

формальный характеръ: давало возможность своему воспитаннику пустить тучу своего художества по всякому поводу и безъ повода, не оставить безъ отвѣта, хотя бы чисто формальнаго, никакого возраженія, говорить рѣчисто, высокопарно, но реальныхъ знаній давало чрезвычайно мало, да и тѣ были невысокаго качества, такъ какъ академія совершенно не слѣдила и не шла за движеніемъ европейской науки.

То же самое было и съ книжностью. Мы встрѣчаемъ выдающихся богослововъ и полемистовъ (какъ Іоанникій Голятовскій, Иннокентій Гизель, Димитрій Туптало, Ѳеофанъ Прокоповичъ, Георгій Конисскій), но тѣ времена, когда религіозные и полемическіе вопросы царили надъ умами, для лѣвобережной Украины, гдѣ православіе господствовало спокойно и прочно, прошли безвозвратно. А внѣ религіозныхъ вопросовъ эта книжность давала очень мало. Единственная историческая книга, удостоившаяся печати,—Синопсисъ (1674), краткая исторія Руси, написанная чрезвычайно мертвенно и сухо; достаточно сказать, что въ ней совершенно пройдено молчаніемъ козачество и національная борьба съ Польшею, хотя она составила эпоху въ исторіи народа и памятью о ней полна была современная Украина. Богатая историческая письменность, посвященная этой борьбѣ, между ними чрезвычайно интересные мемуары, какъ такъ наз. Львовская лѣтопись, лѣтопись Самовидца, оригинальный памфлетъ Величка, многочисленные хронографы, историческія компиляціи и хроники (какъ такъ наз. Супрасльская, Густынская, и др.), цѣлый рядъ козацкихъ лѣтописей, какъ Грабянки, Лизогуба, Лукомскаго и др.,—всѣ эти произведенія, болѣе или менѣе отражавшія біеніе пульса украинской жизни, не удостоивались вниманія книжниковъ, располагавшихъ издательскими средствами.

Безъ вниманія остался и превосходный историческій эпосъ, слагающійся въ продолженіи XVII в. изъ взаимодѣйствія элементовъ книжныхъ и народнаго пѣснетворчества, вырабатывающаго для него и новую форму „думы“. Онъ сохранился только въ остаткахъ, задержавшихся въ народной

памяти (главнымъ образомъ циклъ Хмельничины, въ значительной мѣрѣ вытѣснившій изъ обращенія болѣе старыя произведенія) и составляющихъ настоящую гордость украинскаго народа, благодаря своимъ высокимъ поэтическимъ достоинствамъ и живому историческому колориту. Немногое изъ поэтическихъ произведеній тогдашнихъ „литературныхъ" круговъ, удостоенное печати, отличается большею частью крайней безжизненностью: и здѣсь произведенія, болѣе близкія къ жизни и ея интересамъ, большею частью не удостаивались печати. Правда, даже болѣе жизненныя произведенія этой схоластической литературы производятъ болѣе выгодное впечатлѣніе только по сравненію съ полною безжизненностью большинства—разныхъ панегирическихъ произведеній, виршъ религіознаго или нравоучительнаго содержанія и схоластическихъ школьныхъ драмъ, подражавшихъ давно отжившимъ образцамъ латино-польской схоластики.

Впрочемъ, тутъ сказывалась не только схоластическая отсталость и односторонность школы, но и неблагопріятное отношеніе правительства, чувствовавшееся на Украинѣ очень живо и отражавшееся на литературѣ весьма сильно. Рѣдко касалась она темъ болѣе живыхъ, общественныхъ и національныхъ, да и касаясь ихъ, обыкновенно держалась безобидныхъ общихъ фразъ, не грозившихъ конфликтомъ съ политическими и общественными стремленіями правящихъ и руководящихъ сферъ, и обрабатывала эти темы съ тою же вялостью и напыщенностью, вообще характерными для схоластической манеры. Это приходится сказать даже о лучшихъ произведеніяхъ эпохи, какъ, напр., довольно талантливо и сравнительно живо написанное драматическое дѣйствіе: „Милость Божія, Украину отъ неудобь носимыхъ обидъ лядскихъ черезъ Богдана Зѣновія Хмельницкаго свободившая", неизвѣстнаго автора, вызванное возстановленіемъ гетманства въ 1728 г., оживившаго надежды украинскаго общества на лучшее будущее, не говоря о несравненно слабѣйшей аналогической „Трагедокомедіи" Ляскоронскаго, 1729 г., написанной для прославленія Петра II и верховнаго тайнаго совѣта. Бытовыми

и общественными элементами наиболѣе (опять-таки—сравнительно) богата драма Конисскаго „Воскресеніе мертвыхъ“ (1747). Большею жизненностью отличались шутливыя интермедіи, вставлявшіяся въ антрактахъ школьныхъ драмъ для развлеченія удрученныхъ напыщенною схоластикою слушателей, сатирическія произведенія, стихи легкаго содержанія, пародіи. Въ такихъ произведеніяхъ часто употреблялась чистая народная рѣчь, на которую вообще смотрѣли не серьозно: „настоящія“ литературныя произведенія писались макароническимъ языкомъ, все болѣе и болѣе подпадавшимъ вліянію великорусскаго. Впрочемъ, со второго десятилѣтія XVIII в. перестаютъ появляться въ печати даже такія „серьозныя“ произведенія: произведенія украинской книжности вообще не печатаются больше; они остаются въ рукописяхъ, и самая производительность неизбѣжно ослабѣваетъ. Причиною были цензурныя стѣсненія россійскаго правительства.

Уже въ XVII в. въ Москвѣ смотрѣли вообще недоброжелательно на украинскую книгу, подвергали ограниченіямъ ея распространеніе, и съ подчиненіемъ украинской церкви московскому патріархату подчинили также московской цензурѣ украинскія изданія. При Петрѣ пошли еще дальше въ этомъ направленіи, осудивъ на смерть вообще украинскую книгу. Въ 1720 г. издано правительственное распоряженіе, запрещавшее печатать на Украинѣ какія либо книги, кромѣ церковныхъ, съ прежнихъ изданій, „а и оныя церковныя старыя книги съ такими же церковными книгами справливать, прежде печати, съ тѣми великороссійскими печатьми, дабы никакой розни и особаго нарѣчія не было“ *). И этого распоряженія правительство держалось очень строго; особо учрежденный цензоръ занимался исправленіемъ украинскихъ текстовъ и только послѣ такой процедуры книги разрѣшались къ печатанію. Когда въ 1726 г. одинъ изъ кіевскихъ игуменовъ ходатайствовалъ о разрѣшеніи напечатать акаѳистъ св. Варварѣ, написанный кіевскимъ митрополитомъ, на это

*) Пекарскій—Наука и литература при Петрѣ II, стр. 193.

дано было разрѣшеніе подъ условіемъ, что акаѳистъ будетъ для изданія переведенъ „на великороссійское нарѣчіе". То же повторялось и позже. Въ 1769 г. кіевская лавра ходатайствовала предъ синодомъ о разрѣшеніи напечатать украинскій букварь, въ виду того, что московскіе буквари на Украинѣ не покупаются, но синодъ въ разрѣшеніи отказалъ. Даже старыя церковныя книги украинской печати было приказано епархіальному начальству отбирать и замѣнять книгами московской печати.

Какое вліяніе оказывали на литературное творчество эти условія, легко себѣ представить. Одновременно украинская книжность и украинскій языкъ вытѣснялись также и изъ школы.

Съ послѣдней четверти XVIII в. кіевскіе митрополиты, слѣдуя видамъ и желаніямъ правительства, вводятъ великорусскій языкъ въ преподаваніе кіевской академіи, и она служитъ въ этомъ отношеніи примѣромъ для другихъ духовныхъ школъ. Особенную ревность объ успѣхахъ великорусскаго языка проявлялъ въ 1780-хъ гг. митр. Самуилъ Миславскій, вводившій въ преподаваніе академіи великорусскіе учебники, выписывавшій великорусскихъ преподавателей и прилагавшій всяческія старанія къ тому, чтобы преподаваніе происходило на чистомъ великорусскомъ языкѣ. Было отправлено нѣсколько студентовъ въ московскій университетъ для возможно лучшаго усвоенія великорусскаго языка для преподаванія. Какъ полстолѣтія предъ тѣмъ преподаватели-украинцы въ великорусскихъ школахъ пріучали учениковъ къ украинскому произношенію—къ большому ихъ неудовольствію, такъ теперь прилагаются попеченія къ усвоенію великорусскаго произношенія въ украинскихъ школахъ. Украинское произношеніе подвергается гоненію: печатаются спеціальныя руководства, даются инструкціи преподавателямъ въ этомъ отношеніи. Епархіальное начальство слѣдитъ, чтобы священники и дьячки читали по-церковнославянски съ соблюденіемъ великорусскаго, а не украинскаго произношенія. По присоединеніи правобережной Укра-

ины къ Россіи особенное вниманіе было обращено также на то, чтобы священники произносили молитвы „голосомъ, свойственнымъ россійскому нарѣчію“.

При такихъ условіяхъ, конечно, не могло быть и рѣчи о какомъ либо развитіи украинской національной культуры и жизни.

Старая школа разлагалась, старая литература вымирала. Такая школа и такая литература не могли удовлетворять украинскую интеллигенцію. Начиная уже со второй четверти XVII в., украинскіе юноши не только аристократическихъ, но и просто зажиточныхъ фамилій нерѣдко отправляются въ заграничные школы и университеты (особенно геттингенскій), а когда во второй половинѣ XVIII в. организуются порядочныя училища въ Петербургѣ, туда въ большомъ числѣ направляется и украинская молодежь. Желали основанія такихъ же школъ и на Украинѣ. Въ сохранившейся петиціи, поданной отъ гетмана Разумовскаго и старшины имп. Екатеринѣ, между прочимъ ходатайствуется объ открытіи взамѣнъ кіевской академіи университета съ богословскимъ факультетомъ и другого университета—въ Батуринѣ, безъ богословскаго факультета, а также свѣтскихъ гимназій, однимъ словомъ—заявляются стремленія къ полной секуляризаціи образованія. А въ ожиданіи осуществленія этихъ пожеланій украинская молодежь во множествѣ отправлялась въ Великороссію. Великорусская школа и литература, имѣвшія совершенно свѣтскій характеръ, съ предпочтеніемъ знаній практическихъ, прикладныхъ (такой характеръ получила она подъ вліяніемъ реформъ Петра), подходила гораздо лучше къ потребностямъ времени, чѣмъ богословско-схоластическое направленіе старыхъ украинскихъ школъ, и кто могъ послать своихъ дѣтей куда нибудь дальше, обыкновенно дѣлалъ это.

Украинская аристократія вообще очень цѣнила образованіе. Людей съ европейскимъ образованіемъ среди нея уже въ половинѣ XVIII в. было немало. Кромѣ чисто-культурныхъ запросовъ, здѣсь сказывалось и желаніе этого свѣжеиспеченнаго „шляхетства“ придать себѣ возможно полнѣе

„благородный“ лоскъ, подчеркнуть свое различіе отъ сѣрой козацкой массы, изъ которой оно такъ недавно выдѣлилось. Поэтому оно не цѣнило въ культурности національныхъ элементовъ, которые могли бы тѣснѣе привязать его къ почвѣ, къ народу. Наоборотъ, тѣмъ болѣе цѣнили образованіе, чѣмъ болѣе оно отдѣляло отъ народа; отдавали дѣтей даже въ польскіе коллегіумы, хотя они по существу не отличались отъ украинскихъ школъ и ничѣмъ ихъ не превосходили. Въ результатѣ образованіе, культурные интересы довершали рознь этой интеллигенціи съ народомъ. А такъ какъ изъ всѣхъ чужихъ культуръ у украинской интеллигенціи, и спеціально старшины, было болѣе всего разныхъ связей съ культурою великорусскою, то въ концѣ концовъ она подпадаетъ весьма сильному вліянію этой послѣдней и постепенно „русѣетъ“. Ища опоры своимъ сословнымъ стремленіямъ у русскаго правительства, стремясь добиться уравненія въ правахъ съ великорусскимъ дворянствомъ, гоняясь за карьерой—съ уничтоженіемъ украинской автономіи—въ великорусскихъ правительственныхъ кругахъ и учрежденіяхъ, она все болѣе и болѣе втягивалась въ теченіе великорусской культурной жизни, тѣмъ болѣе, что въ этомъ же направленіи воздѣйствовало на нее цѣлымъ рядомъ мѣръ и само правительство, сознательно стремившееся на „обрусѣнію“ Украины.

То же было и съ духовенствомъ, которое, какъ мы знаемъ, еще въ послѣдней четверти XVII в. утратило свою автономію и было непосредственно подчинено великорусскимъ церковнымъ властямъ. Съ началомъ XVIII в. множество духовныхъ лицъ изъ Украины разошлось по всей Россіи на всякія должности, включая и самыя высшія и вліятельныя въ церковномъ управленіи, такъ какъ правительство Петра и его преемниковъ предпочитало Украинцевъ болѣе консервативнымъ представителямъ великорусскаго духовенства. Благодаря этому Украинцы почувствовали себя какъ дома въ великорусскихъ земляхъ, смотрѣли на церковное управленіе имперіи какъ на свою сферу. Но въ концѣ концовъ это сближеніе тоже

повліяло на обрусѣніе украинской церкви и школы. Въ срединѣ XVIII в. великорусское духовенство выходитъ изъ роли учениковъ Украинцевъ, и эти послѣдніе оказались въ очень тѣсной зависимости отъ его и подъ тѣснымъ вліяніемъ великорусской культуры.

Еще въ началѣ XVIII в. воспитанники кіевскихъ школъ играли роль проводниковъ просвѣщенія и культуры въ великорусскихъ земляхъ, прививая здѣсь многое изъ своей украинской культуры, и еще во второй четверти XVIII в. такой крупный въ исторіи великорусской литературы дѣятель, какъ Кантемиръ, колебался въ своихъ стихахъ между произношеніемъ украинскимъ и великорусскимъ. Но во второй половинѣ XVIII в. украинская книжность пошла въ хвостѣ великорусской. И по мѣрѣ того, какъ изъ-подъ церковнаго языка у великорусскихъ писателей постепенно выступала живая великорусская рѣчь, ее перенимали и писатели изъ Украинцевъ, бросая свою книжную макаронпческую рѣчь— добровольно и недобровольно, подъ вліяніемъ цензурныхъ запрещеній, тяготѣвшихъ на украинской рѣчи. Общность церковныхъ элементовъ рѣчи великорусской и украинской послужила мостикомъ, который незамѣтно переводилъ украинскихъ писателей къ великорусской письменности.

Съ половины XVIII в. великорусская канцелярская рѣчь господствуетъ въ дѣлопроизводствѣ на Украинѣ. Книжная рѣчь рѣшительно сближается съ великорусской. Старая макаронпческая рѣчь вымираетъ въ половинѣ XVIII в. Она держится нѣкоторое время еще въ домашней перепискѣ, въ средѣ людей, вышедшихъ изъ мѣстныхъ школъ. Пишутъ народнымъ языкомъ, но больше въ шутку: веселыя интермедіи, непритязательныя пародіи, шуточныя и сатирическія стихотворенія. Какъ я уже сказалъ, на него смотрятъ, не серьезно, онъ представлялся „просвѣщеннымъ“ Украинцамъ провинціализмомъ, не имѣющимъ никакой будущности—„простонародное старинное здѣшнее, съ польскимъ и славянскимъ смѣшанное нарѣчіе“, какъ величалъ его кіевскій митрополитъ Гавр. Кременецкій, находившій необходимымъ даже

историческіе украинскіе памятники переводить „на чистый россійской слогъ“. Болѣе внимательнымъ наблюдателямъ народный украинскій языкъ представлялся интереснымъ, но вымирающимъ явленіемъ, и авторъ первой грамматики народнаго языка Павловскій (изд. въ 1818 г.) мотивировалъ свой трудъ чисто-антикварными мотивами, называя украинскій языкъ „ни живымъ, ни мертвымъ“, „исчезающимъ нарѣчіемъ“.

Сознаніе своей особности было довольно сильно, но своеобразно. Не было недостатка въ людяхъ, которые „при всѣхъ наукахъ и въ чужихъ краяхъ обращеніяхъ остались козаками“, какъ атестовалъ одного изъ нихъ Румянцевъ, и питали горячую любовь къ „своей собственной націи“ и „сладкой отчизнѣ“. При всей зависимости отъ вѣликорусской культуры и народности, они были о себѣ высокаго мнѣнія. „Эта небольшая частица людей,—писалъ въ 1760-хъ годахъ раздраженный Румянцевъ,—никако не отзывается, что они изъ всего свѣта отличные люди, и что нѣтъ ихъ сильнѣе, нѣтъ ихъ храбрѣе, нѣтъ ихъ умнѣе, и нигдѣ нѣтъ ничего хорошаго, ничего полезнаго, ничего прямо свободнаго, что-бъ имъ годиться могло, и все, что у нихъ есть—то лучше всего“. Подчиняясь авторитету россійскаго правительства, Украинцы отнюдь не признавали первенства великорусской народности предъ своею и склонны были смотрѣть на великороссовъ свысока.

„Не думай, чтобы ты сама была мой властитель,
Но государь твой и мой—общій повелитель“,—

говоритъ Великороссіи Украина въ діалогѣ „Разговоръ Великороссіи съ Малороссіей“, сочиненномъ въ 1762 г. „въ честь и славу и защищеніе всей Малороссіи“ чиновникомъ войсковой канцеляріи.

Очень жива была скорбь объ утраченныхъ правахъ, о потерѣ автономіи. Болѣе смѣлые, какъ мы видѣли, возвращались къ старымъ планамъ автономистовъ. Но все это не было достаточно серьезнымъ, не мѣшало имъ идти по дорожкѣ, указанной изъ Москвы, и, какъ надѣялась Екате-

рина, стремленіе къ карьерѣ и сословному благосостоянію преодолѣвало „умопачертаніе прежнихъ временъ“. Изъ школы Румянцева вышелъ рядъ чиновниковъ, которымъ ихъ романтическія мечты не мѣшали ревностно тащить государственную колесницу. Украинскіе патріоты ревностно трудились надъ развитіемъ великорусской культуры; извѣстный намъ Капнистъ, съ такою смѣлою миссіею являвшійся въ Берлинъ, составилъ себѣ имя, какъ видный великорусскій писатель, и вообще со второй половины XVIII в. выступаетъ въ великорусской литературѣ цѣлый рядъ болѣе и менѣе замѣтныхъ писателей-украинцевъ (какъ Рубанъ, Максимовичъ-Амбодикъ, Козицкій, Бантышъ-Каменскій, Хмѣльницкій, Сохацкій, Богдановичъ, и т. д., и т. д.), немало потрудившихся для нея, въ большинствѣ ничѣмъ не заявляя своего украинскаго происхожденія.

Представителемъ этого національнаго упадка выступаетъ предъ нами и наиболѣе крупная фигура украинской культурной жизни второй половины XVIII в.—украинскій философъ Григорій Сковорода. Воспитанникъ кіевской академіи, окончившій свое образованіе за границею, онъ въ самой формѣ своихъ произведеній является характернымъ представителемъ этого переходнаго времени, пиша смѣсью стараго макароническаго языка съ великорусскимъ. Время крушенія стараго строя отразилось на немъ равнодушіемъ къ національнымъ и соціальнымъ вопросамъ, полнымъ отсутствіемъ національнаго сознанія и исторической традиціи, и этотъ „гражданинъ всемірный“ несомнѣнно отражаетъ въ этомъ отношеніи настроеніе большинства.

Историческая традиція вообще была очень слаба. Живо помнили борьбу съ Польшею, хотя украинскому „шляхетству“ она представлялась также своеобразно — какъ борьба благороднаго (шляхетскаго) козацко-русскаго народа съ шляхтою польскою за свои сословныя привилегіи. Памятны были главнымъ образомъ войны Хмельницкаго, воспѣвавшіяся народными пѣвцами—кобзарями въ циклѣ думъ, своею популярностью заглушившихъ не только болѣе древній

эпосъ, но даже, въ значительной степени, думы болѣе ранней козачины. За этою героическою эпохою совершенно поблѣднѣла память о болѣе древней исторіи и ею очень мало интересовались. Уже авторъ популярнаго „Синопсиса“ черпаетъ свѣдѣнія о древней исторіи Руси изъ польскихъ компиляцій, а XIV—XVI вѣка украинской исторіи для него, можно сказать, не существуютъ. Такъ какъ исторію древней Руси между тѣмъ включили въ свои компиляціи московскіе компиляторы, то и на Украинѣ вслѣдъ за ними привыкаютъ смотрѣть на эту старую Русь, какъ на часть исторіи Москвы. Утрачено было въ связи съ этимъ и національное имя: послѣ нѣкоторыхъ колебаній въ терминологіи принимается для украинскаго народа имя „малороссійскаго“, навѣянное отношеніями къ Московскому государству—„Великой Россіи“, и подъ „русскимъ“, „россійскимъ“ народомъ начинаютъ разумѣть не Украинцевъ, какъ раньше, а Великороссіянъ.

Такимъ образомъ украинскому народу, повидимому,—судя по его верхнимъ слоямъ,—угрожало окончательное превращеніе въ аморфную этнографическую массу, обреченную на денаціонализацію. Національная смерть, казалось, уже вѣяла надъ нимъ. Но народныя массы нашли въ себѣ неисчерпаемую силу возрожденія, и то же XVIII столѣтіе, которое видѣло наибольшій упадокъ украинскаго народа послѣ предшествующаго подъема, принесло съ концомъ своимъ начатки возрожденія... Правда, они были такъ слабы, что получаютъ свое значеніе лишь въ сопоставленіи съ позднѣйшимъ возрожденіемъ.

Литература: П. Житецкаго: Очеркъ литературной исторіи малорусскаго нарѣчія въ XVII в., 1883, Мысли о малорусскихъ думахъ 1893, Энеида Котляревскаго въ связи съ обзоромъ малорусской литературы XVIII в., 1900 (въ этихъ книгахъ много свѣдѣній о культурной жизни Украины въ XVII—XVIII вв.). Кіевская академія имѣетъ значительную литературу; назову Петрова Кіевская академія во второй пол. XVII в., 1895, Вишневскаго Кіевская академія съ пол. XVIII в., 1904, Серебренникова Кіевская академія съ полов. XVIII в., 1897. Матеріалы и замѣтки по исторіи культуры и быта Галичаны XVIII и начала XIX в. въ V т. Збірника історично-фільософічної секції Наукового товариства ім. Шевченка.

XXIII.

Я отмѣтилъ уже выше, что, несмотря на обрусѣніе высшихъ классовъ Украины, у нихъ оставался извѣстный областной патріотизмъ, скорбь по гетманщинѣ, романтическія воспоминанія о былой славѣ козачества. Легкость, съ которою теряли они свой національный обликъ, не исключала извѣстной національной гордости, а отчужденіе отъ народа не мѣшало имъ съ симпатіею относиться къ особенностямъ, хотя бы и внѣшнимъ, украинскаго быта, къ украинской народной словесности и ея языку. Такія мѣстныя симпатіи у обрусѣвшей интеллигенціи восточной Украины сами по себѣ однако не имѣли особаго значенія—не болѣе, чѣмъ подобныя же мѣстныя симпатіи у ополяченной и польской интеллигенціи западныхъ украинскихъ земель, выразившіяся въ извѣстной этнографической и антикварной литературѣ и въ опытахъ поэтической обработки мотивовъ украинской народной словесности. Эти симпатіи получаютъ значеніе только съ обращеніемъ подобныхъ украинофиловъ къ народному языку.

Употребленіе этого народнаго языка не прерывалось въ продолженіе всего XVIII в. Къ нему обращались изъ практическихъ соображеній — въ интересахъ удобопонятности для простого народа; такъ, въ руководствахъ для священниковъ мы встрѣчаемъ наставленіе приноравливаться даже къ діалектическимъ особенностямъ мѣстныхъ говоровъ, такъ какъ они „на Волыни иншіи, на Подолю и на Украинѣ иншіи, въ Полѣсю иншіи“ *). Съ другой стороны, самыя руководства поэтики рекомендовали въ извѣстныхъ родахъ творчества, для достиженія комическаго эффекта, выводить какъ простонародныя фигуры, такъ и просто народную рѣчь. Уже начиная съ первой половины XVII в. намъ извѣстны комическія сцены изъ украинскаго простонароднаго

*) Науки парохіальныя. 1794.

быта, вводившіяся въ школьныя представленія, для ихъ оживленія; старѣйшія принадлежатъ 1619 г.—два комическихъ діалога украинскихъ крестьянъ при трагедіи о смерти Іоанна Крестителя, сочиненные галицкимъ Полякомъ Гавватовичемъ. Изъ первой половины XVIII в. имѣемъ рядъ интермедій въ пьесахъ Митрофана Довгалевскаго (1730-хъ гг.) и Георгія Конисскаго (1740-хъ гг.), интересныхъ не только языкомъ, но и комическими типами и положеніями, составляющими прототипъ позднѣйшихъ украинскихъ опереттъ и комедій XIX в. Въ тѣсной связи съ этими школьными интермедіями стоитъ широко распространенная украинская вертепная драма представляющая рождество Христово въ лицахъ и рядомъ съ кантами церковными вводящая также сцены и канты на языкѣ народномъ. Наконецъ болѣе или менѣе на народномъ языкѣ, а очень часто—и на чистомъ народномъ, слагаются стихотворенія различнаго содержанія: религіозно-нравственныя произведенія въ духѣ болѣе старыхъ, макаронических кантовъ, лирика личнаго чувства, стихотворныя обработки новеллистическихъ сюжетовъ, посланія и привѣтственныя стихотворенія, сатиры и пародіи слагаются то для забавы, щеголяя народнымъ языкомъ и простонародными формами, какъ комическимъ средствомъ, соотвѣтствующимъ комическому содержанію, то обращаясь къ народному языку, какъ болѣе близкому и въ своей безыскусственности и непосредственности болѣе искреннему и сильному орудію для выраженія своего чувства.

Эта послѣдняя сфера творчества, заключающая въ себѣ, подобно драматической, также зародыши позднѣйшаго литературнаго творчества (XIX в.), была особенно широка, но мы совершенно не имѣемъ возможности дать понятія о ея размѣрахъ и развитіи. Впрочемъ, вообще вся эта литература на народномъ языкѣ, оставаясь неизданною, осужденною на распространеніе устное, а самое большее—въ рукописныхъ копіяхъ, гибла и утрачивалась очень скоро. Мы встрѣчаемъ эти произведенія въ рукописныхъ сборникахъ стихотвореній, начиная съ наиболѣе старыхъ—XVII и начала XVIII в.

Множество ихъ перешло въ устную традицію народа, смѣшавшись съ его поэтическимъ репертуаромъ и утративъ современемъ первоначальныя, болѣе замѣтныя черты литературнаго, книжнаго сочиненія. Въ огромномъ большинствѣ эта литература осталась анонимною; сохранились лишь немногія имена вродѣ козака Климовскаго (первой пол. XVIII в.), сочинителя лирическихъ стихотвореній, изъ которыхъ мы имѣемъ лишь одно (извѣстное: Іхавъ козак за Дунай) *), Некрашевича, священника изъ окрестностей Кіева, второй половины XVIII в., произведенія котораго отчасти сохранились (діалоги и стихотворныя посланія), и случайно переданныя въ сборникахъ имена вродѣ Ник. Мазилевскаго, сельскаго дьячка изъ Черниговщины, и др. Эти указанія на сословное положеніе авторовъ вводятъ насъ въ ту среду, въ которой развивалось это творчество, — то была та же линія соприкосновенія книжности и народности, народнаго творчества. Подвизаются на ней представители низшаго духовенства, дяки-бакаляры, учителя сельскихъ школъ и болѣе зажиточные представители мѣщанскаго и козачьяго сословій, вкусившіе школьной науки. Вообще старая школа была гораздо демократичнѣе нынѣшней, и въ кіевской академіи, до ея превращенія въ спеціально-духовное учебное заведеніе (къ концу XVIII в.), въ ея тысячахъ учениковъ большинство составляли представители козачьяго и мѣщанскаго сословій; сельскія же школы съ преподавателями дяками въ XVIII в. были болѣе распространены, чѣмъ нынѣшнія министерскія и земскія школы, какъ показываютъ цифры старыхъ переписей: каждое село обыкновенно имѣло школу, хотя села эти были гораздо меньше нынѣшнихъ **). Искав-

*) Никакихъ достовѣрныхъ свѣдѣній о Климовскомъ доселѣ однако не удалось собрать (см. статью о немъ проф. Перетца въ Извѣстіяхъ отд. рус. языка 1903, I).

**) По переписямъ 1740—1748 гг., въ семи полкахъ Гетманщины было 866 школъ на общее число 35 городовъ, 61 мѣстечекъ, 792 селъ, 206 деревень. По Румянцевской описи, въ Черниговскомъ полку было 142 села и 143 школы. Интересно сравнить съ нынѣшнимъ состоя-

шіе образованія ученики, не имѣвшіе средствъ отправиться въ высшія учебныя заведенія, учились по многу лѣтъ въ такихъ „дяковкахъ“ и нерѣдко „выполировывались“ очень порядочно. Такимъ образомъ школы высшія и низшія создавали очень значительную среду, гдѣ развивались и распространялись начатки народнаго творчества XVIII в.

Во второй половинѣ этого столѣтія употребленіе народнаго языка дѣлается еще болѣе значительнымъ, такъ какъ послѣдній не встрѣчаетъ уже соперника въ украинскомъ книжномъ (макароническомъ) языкѣ, замирающемъ въ срединѣ XVIII в. подъ вліяніемъ цензурныхъ гоненій. Изъ этихъ двухъ непризнанныхъ языковъ народный, конечно, имѣлъ въ себѣ гораздо болѣе жизненности, чѣмъ искусственный продуктъ школы—языкъ книжный, и по мѣрѣ того, какъ послѣдній вытѣснялся изъ школы языкомъ великороссійскимъ, онъ постепенно выходилъ изъ употребленія вовсе. Тотъ, кто желалъ придать своему произведенію мѣстный, украинскій характеръ, долженъ былъ теперь обращаться къ народному языку.

Послѣдній находитъ также извѣстную поддержку благодаря псевдоклассическимъ теченіямъ, господствующимъ во второй половинѣ XVIII в. въ великорусскомъ и украинскомъ обществѣ. Самъ по себѣ вообще враждебный народности, псевдоклассицизмъ однако признавалъ простонародный элементъ въ комическомъ и идиллическомъ родѣ, а его неизбѣжными спутниками являлись пародія и передѣлки псев-

---

ніемъ: на пространствѣ нынѣшнихъ Черниговскаго, Городенскаго и Сосницкаго у. въ 1768 г. было 134 школы, причемъ одна школа приходилась на 746 душъ населенія, а въ 1875 г. было на этой территоріи 52 школы, изъ которыхъ одна приходилась на 6730 душъ См. статьи Лазаревскаго въ Основѣ 1863, кн. V, Павловскаго въ Кіев. Старинѣ 1904, кн. I, также Земскій Сборникъ Черниговъ. губ. 1877, кн. II. Паденіе старой школы въ Гетманщинѣ было вызвано регламентаціей, введенною въ мѣстныя отношенія центральнымъ правительствомъ: введеніемъ церковныхъ штатовъ, закрѣпленіемъ за приходами дьяковъ и стѣсненіемъ ихъ свободнаго передвиженія

вдоклассическихъ сюжетовъ на простонародный ладъ. Эти роды творчества прививаются также и на украинской почвѣ. Знаменитая пародія Котляревскаго далеко не была ни единственнымъ, ни самымъ раннимъ произведеніемъ этого рода. Такъ, мы случайно узнаемъ изъ письма одного изъ представителей новой украинской интеллигенціи Аѳанасія Лобысевича къ Георгію Конисскому (1794), что онъ написалъ передѣлку Буколикъ Виргилія на украинскій ладъ: Лобысевичъ посылаетъ Конисскому своихъ „Виргиліевыхъ пастуховъ, въ малороссійскій кобенякъ переодѣтыхъ", и проситъ взамѣнъ копію украинскихъ интермедій, слышанныхъ имъ въ бытность въ кіевской академіи въ 1740-хъ гг. Онъ ставитъ очень высоко эти интермедіи и намѣренъ ихъ опубликовать. „Какъ во всякомъ покроѣ платьевъ,—пишетъ онъ,—такъ во всякомъ нарѣчіи языковъ есть своя красота, а къ тому когда и дымъ отечества сладокъ, то сія вонь благоуханія мыслей отечественныхъ есть наисладчайшая; для чести націи, матери нашей, всегда у себя природою и ученостью великихъ людей имѣвшей, столько свѣтилъ выпустившей,—для любителей своего отечества, для знающихъ подъ корою просторѣчія находить драгоцѣнность мыслей, прошу ваше преосвященство велико одолжить меня — интермедіи, Танскаго то или Ваши, приказавъ списать, по почтѣ мнѣ въ Санктпетербургъ доставить, да изыдетъ въ свѣтъ, да дастъ величіе отечеству своему нашъ Плавтъ, нашъ Мольеръ, ежели что не болѣ *); ибо я помню нѣкоторые стихи: описаніе Великодня, бѣгство сатаны и смерти, смерть Іуды — прекрасныя описанія!"

---

*) Въ другомъ мѣстѣ онъ называетъ этого Танскаго, автора интермедій (очевидно—вовсе не дошедшихъ до насъ, если только онъ не былъ авторомъ интермедій, вставленныхъ въ пьесу Конисскаго), „славнымъ, природнымъ стихотворцемъ, во вкусѣ площадномъ, во вкусѣ Плавтовомъ". Письмо Лобысевича въ т. II Сборника документовъ, относящихся къ исторіи Сѣверозап. Руси. Подробности о Лобысевичѣ въ статьѣ Петрова въ I т. сборника: Статьи по славяновѣдѣнію, 1904.

Этотъ интересный отзывъ пріобрѣтаетъ еще болѣе значенія, если мы примемъ въ соображеніе личность его автора. Это представитель высшаго слоя современной украинской интеллигенціи, не только по своему званію полковника русской службы, но и по образованію: онъ закончилъ свое образованіе въ петербургскомъ „академическомъ университетѣ", довольно долго „вояжировалъ" за границей, сотрудничалъ въ великороссійскихъ изданіяхъ. Съ другой стороны, онъ представитель украинскаго патріотическаго круга, какъ человѣкъ, служившій въ гетманскомъ управленіи, близкій къ послѣднему гетману Разумовскому. Въ его лицѣ мы, такимъ образомъ, видимъ сліяніе старыхъ традицій Гетманщины съ новыми культурными теченіями, внушающими уваженіе и вниманіе къ проявленіямъ украинской національной жизни,— сліяніе, вообще характеризующее начатки украинскаго возрожденія. Отзывъ Лобысевича объ украинскихъ интермедіяхъ показываетъ, что среди украинскаго образованнаго общества, въ большинствѣ склоннаго смотрѣть на произведенія на украинскомъ языкѣ какъ на вещи только забавныя, а не настоящую литературу, существовали уже люди, смотрѣвшіе на нихъ серьезнѣе и глубже, какъ на произведенія, не уступающія классическимъ образцамъ и могущія составить славу украинскаго „отечества". Если его оцѣнка литературныхъ достоинствъ украинскихъ произведеній преувеличенна, то увѣренность, что въ этомъ направленіи могутъ быть созданы вещи, могущія занять мѣсто рядомъ съ европейскими образцами, была, конечно, вполнѣ справедлива, и первое произведеніе, изданное и доступное широкой публикѣ *), должно было поддержать эту увѣренность и на-

*) Насколько важнымъ тормазомъ развитія украинскаго творчества было отсутствіе печатныхъ изданій (созданное старыми цензурными запрещеніями и затѣмъ державшееся или въ силу инерціи, или въ силу цензурныхъ препятствій—трудно рѣшить), показываетъ примѣръ того же Лобысевича, съ такимъ трудомъ старавшагося достать копію такого громкаго произведенія, какъ пьеса Кониссскаго. По этому можно судить, какъ слабо было распространеніе произведеній на украинскомъ языкѣ и какъ легко они утрачивались.

учить широкую публику смотрѣть серьезнѣе на творчество на украинскомъ народномъ языкѣ.

Рядъ талантливыхъ произведеній на народномъ украинскомъ языкѣ дѣйствительно появляется въ послѣднихъ годахъ XVIII и первыхъ десятилѣтіяхъ XIX в. и создаетъ новое отношеніе къ украинскому слову: къ нему обращаются все болѣе и болѣе серьезно, какъ къ наиболѣе подходящему органу выраженія украинофильскихъ симпатій, какъ наилучшему средству общенія со своимъ народомъ, своими земляками.

Такой поворотъ имѣлъ чрезвычайно важное значеніе. Народный языкъ, утраченный уже интеллигенціей и сохраненный только народомъ, обратилъ, послѣ вѣкового отчужденія, украинскую интеллигенцію лицомъ къ народу и, научивъ цѣнить и уважать его, послужилъ могущественнымъ средствомъ взаимнаго сближенія. Языкъ рѣшилъ судьбу украинскаго возрожденія, возстановивъ разорванную связь интеллигенціи съ народомъ, открывъ дорогу къ народной душѣ, къ общенію съ нею. Отсюда оригинальное содержаніе, характеризующее эту новую украинскую литературу уже съ первыхъ шаговъ ея—народныя темы творчества, реализмъ и демократизмъ. Языку обязана Украина тѣмъ, что украинофильство не окончилось собираніемъ произведеній народной словесности, составленіемъ грамматикъ и словарей, а перешло въ настоящее національное возрожденіе. Съ этой точки зрѣнія первыя литературныя произведенія, вызвавшія серьезное вниманіе къ народному языку и послужившія началомъ литературной обработки его, составили эпоху въ исторіи украинскаго народа.

Нѣсколько позже этотъ поворотъ къ народному украинскому языку, въ значительной степени еще стихійный, мало сознательный, находитъ свое истолкованіе и санкцію въ идеяхъ народности, въ романтическомъ увлеченіи послѣднею, распространяющемся со второй четверти XIX в. въ украинскомъ, такъ точно какъ въ великорусскомъ и польскомъ обществѣ и въ отзвукахъ славянскаго возрожденія.

Нелегко установить моментъ, съ какого начинается воздѣйствіе этихъ идей на украинское возрожденіе, но значеніе ихъ въ исторіи послѣдняго вполнѣ несомнѣнно. Начавшееся въ Англіи, еще въ первой половинѣ XVIII в., обращеніе къ народности начинаетъ воздѣйствовать на славянскія земли съ концомъ XVIII в. (главнымъ образомъ чрезъ посредство германской среды, въ которой идеи народности начинаютъ культивироваться преимущественно съ послѣдней четверти XVIII в.) и встрѣчаются въ нихъ съ подобными полустихійными національными теченіями, какія мы видимъ на Украинѣ конца XVIII и начала XIX в. Въ этомъ же направленіи воздѣйствуетъ затѣмъ національное движеніе наполеоновской эпохи, и еще позже—начинаютъ взаимно воздѣйствовать симптомы національнаго пробужденія у разныхъ славянскихъ народностей. Вліяніе балладъ Перси, Макферсонова Оссіана, „Идей" Гердера встрѣчается съ первыми попытками собраній славянскихъ пѣсенъ, начинающимися съ концомъ XVIII в., и болѣе серьезными трудами первой четверти XIX в. (сборникъ сербскихъ пѣсенъ Караджича, и немногимъ позднѣйшіе сборники украинскихъ пѣсенъ и статьи Ходаковскаго, Цертелева и др.) *). Развивается небывалый дотолѣ интересъ къ народной словесности, къ этнографіи, къ историческимъ традиціямъ, къ національнымъ особенностямъ. „Народность" становится боевымъ кликомъ культурнаго движенія, предметомъ восторженнаго культа. Въ ея идеяхъ находитъ себѣ подкрѣпленіе и—такъ сказать—теоретическое оправданіе и обращеніе къ народной стихіи, развивающееся среди украинскаго общества, и примѣръ другихъ славян-

---

*) Старѣйшій изъ сборниковъ украинскихъ пѣсенъ—Ходаковскаго, собранный главнымъ образомъ въ 1814—1817 гг., не былъ своевременно изданъ (о немъ новая работа Доманицкаго въ LXV т. Записокъ Н. тов. ім. Ш.), такъ что первымъ печатнымъ сборникомъ былъ Опытъ собранія старинныхъ малорос. пѣсней Цертелева, 1819 г. За нимъ послѣдовалъ первый сборникъ Максимовича (1827), «Запорожская Старина» Срезневскаго (съ 1833 г.) и второй сборникъ Максимовича (1834).

скихъ народностей помогаетъ ему оріентироваться въ задачахъ и потребностяхъ національнаго возрожденія.

Обращеніе къ народной словесности, къ изученію народной жизни на украинской почвѣ имѣло также чрезвычайно важныя послѣдствія для украинскаго возрожденія въ самомъ широкомъ значеніи этого слова. Украинская народная поэзія, за исключеніемъ сербской, не имѣетъ соперника среди народовъ Европы, а народная жизнь вообще отличается чрезвычайнымъ разнообразіемъ, богатствомъ и колоритностью содержанія. Богатство и высокія качества украинской народной словесности поражали первыхъ собирателей народныхъ произведеній. Украинскій народъ оказывался обладателемъ несравненныхъ сокровищъ поэзіи, творцомъ произведеній, которыя по силѣ и красотѣ можно было смѣло поставить на ряду съ наилучшими образцами народной поэзіи Европы, сопоставить съ выдающимися произведеніями не только народнаго, а и вообще поэтическаго творчества. И этимъ творцомъ, по тогдашнимъ понятіямъ, была именно сѣрая, безыменная народная масса, порабощенное и угнетенное простонародье, на которое была склонна такъ свысока смотрѣть украинская интеллигенція съ высоты своего невысокаго европеизма! Какой переворотъ должно было произвести это открытіе въ болѣе чуткихъ и вдумчивыхъ представителяхъ украинской интеллигенціи! Народъ въ ихъ глазахъ становится носителемъ правды и красоты жизни; возможное приближеніе къ нему становится руководящею идею ихъ творчества, а народная словесность — неистощимою сокровищницею, изъ которой они черпали мотивы и краски своего творчества.

Съ концомъ 20-хъ гг. это теченіе начинаетъ проявляться уже вполнѣ опредѣленно у представителей украинской интеллигенціи. „Наступило, кажется, то время, когда познаютъ истинную цѣну народности“, пишетъ Максимовичъ въ предисловіи къ первому своему сборнику украинскихъ пѣсенъ (1827). „Знаете ли,—пишетъ въ открытомъ письмѣ къ нему въ томъ же году другой собиратель произведеній

украинской народной поэзіи, Цертелевъ,—что сію безыскусственную поэзію (народную) предпочитаю я большей части нашихъ романовъ, балладъ и (слушайте, слушайте!) даже многимъ романтическимъ нашимъ поэмамъ". Благодаря своей оригинальности и колоритности, украинская народная жизнь и прошлое украинскаго народа возбуждаютъ большой интересъ и среди великорусскаго общества; молодой Гоголь, пріѣхавъ въ Петербургъ въ концѣ 20-хъ гг., съ удивленіемъ замѣтилъ настоящую моду на все украинское среди петербургскаго общества и бомбардировалъ своихъ родныхъ требованіями присылки этнографическихъ и историческихъ матеріаловъ. Этотъ интересъ въ великорусской литературѣ, несомнѣнно, также поощрялъ и ободрялъ Украинцевъ въ ихъ обращеніи къ народной жизни, народному творчеству, народному языку.

Начавшееся такимъ образомъ на почвѣ языка и литературнаго творчества сближеніе съ народными массами вводило представителей украинской интеллигенціи въ пониманіе соціальныхъ условій народной жизни. Традиціи козацкой эпохи, жившія среди интеллигенціи и весьма живучія въ то время также среди народа, съ ихъ амальгамою національно-политическихъ и соціальныхъ мотивовъ, сослужили тутъ также немалую службу. Затѣмъ воздѣйствовало западно-европейское наслѣдіе великой французской революціи—соціальныя теоріи первой половины XIX в., и идеи національнаго освобожденія. Проблески участія къ тяжелому соціальному положенію народныхъ массъ, встрѣчающіеся съ первыхъ страницъ возрождающейся украинской литературы, съ концомъ второй четверти начинаютъ переходить въ вполнѣ сознательные взгляды на соціальное и политическое положеніе народныхъ массъ и кладутъ первыя основы соціальной и политической программѣ украинства.

Таковы были общія условія, подъ вліяніемъ которыхъ складывалось и развивалось украинское движеніе. Долгое время оно было почти исключительно литературнымъ, и ростъ народной литературы создавалъ его этапы.

Какъ я уже сказалъ, появленіе нѣсколькихъ талантливыхъ произведеній на рубежѣ XVIII и XIX вѣка, заставившихъ болѣе вдумчиво и серьезно отнестись къ народному языку и народной стихіи въ литературѣ, было первымъ такимъ этапомъ.

Первымъ произведеніемъ въ этомъ рядѣ была пародированная Энеида Ивана Котляревскаго. Авторъ ея происходилъ изъ небогатой дворянской (т. е. признанной въ дворянскихъ правахъ при послѣднихъ реформахъ) семьи и принадлежалъ къ образованному украинскому обществу. Свою пародію онъ написалъ въ молодости, подражая подобной же великорусской пародіи и едва ли преслѣдуя при этомъ какія либо цѣли, кромѣ простой шутки. Однако на нее обратилъ вниманіе одинъ изъ образованныхъ и богатыхъ его земляковъ и безъ вѣдома автора издалъ ее въ Петербургѣ въ 1798 г. Пародія нашла успѣхъ и дѣйствительно имѣла полное право на вниманіе; авторъ обнаружилъ въ ней большой литературный талантъ, непринужденный юморъ. Но что главнымъ образомъ создало популярность пародіи Котляревскаго—это талантливые штрихи и цѣлыя картины украинской жизни, которыми авторъ наполнилъ свое произведеніе, представивъ Энея и его спутниковъ въ видѣ ватаги украинскихъ бродягъ-козаковъ *), а также чистый и прекрасный народный языкъ, которымъ оно было написано. Такой большой и талантливой вещи еще не видѣла Украина—въ печати вдобавокъ! **) Изъ-за пародированной фабулы Энеиды показалась картина украинской жизни, какой не знала украинская письменность—картина небывалая по широтѣ, реализму и арти-

*) Такіе бездомные козаки были предъ глазами—въ видѣ Запорожцевъ разрушенной Січи.

**) Ранѣе Энеиды Котляревскаго изъ произведеній на народномъ языкѣ, не говоря о народныхъ пѣсняхъ, включавшихся въ пѣсенники, напечатана была только небольшая пѣсня основателя Кубанскаго войска А. Головатаго—«Пѣсня черноморскаго войска, по полученіи на землю высочайшихъ граматъ», напечатанная въ 1792 г., какъ выраженіе лояльныхъ чувствъ кубанскихъ Запорожцевъ.

стической работѣ. „Перелицьована Енеіда“ быстро разошлась и потребовала новаго изданія.

Это внушило Котляревскому желаніе продолжить свое произведеніе: первое изданіе заключало только три пѣсни, и онъ впослѣдствіи присоединилъ къ нимъ новыя три. Кромѣ того, онъ написалъ для сцены оперетту „Наталка-Полтавка“ *) и водевиль „Москаль-Чаривныкъ“, гдѣ рядомъ съ талантливымъ изображеніемъ украинской жизни мы встрѣчаемъ уже сознательное стремленіе автора выдвинуть положительныя стороны народнаго быта и симпатичныя черты народнаго характера. Пьесы эти имѣли огромный и прочный успѣхъ,— онѣ не сошли съ репертуара до сихъ поръ.

Несмотря на громкій успѣхъ Энеиды, мы не видимъ однако, чтобы она вызвала какое либо литературное движеніе непосредственно уже однимъ своимъ появленіемъ (хотя и встрѣчаются отдѣльныя произведенія, навѣянныя ею). Павловскій, составитель первой украинской грамматики, изданной въ 1818 г., т. е. двадцать лѣтъ послѣ появленія Энеиды, все еще называетъ украинскій языкъ „исчезающимъ нарѣчіемъ“. Впервые то, что можно уже назвать украинскимъ литературнымъ движеніемъ, видимъ мы въ концѣ второго десятилѣтія XIX в., и то не на родинѣ Котляревскаго—въ Полтавѣ, а внѣ границъ старой Гетманщины: въ столицѣ слободской Украины—Харьковѣ, который съ основаніемъ здѣсь университета (1805), а потомъ женскаго института становится первымъ культурнымъ центромъ восточной Украины, тѣмъ болѣе, что названныя просвѣтительныя учрежденія были созданы усиліями и матеріальными жертвами самого мѣстнаго общества, а не просто открыты правительствомъ. Въ связи съ этимъ развивается здѣсь весьма оживленная для того времени литературная дѣятельность.

Но и эти школы, и это движеніе были великорусскими, съ очень слабою мѣстною окраскою. Культура, которая развивалась въ этомъ украинскомъ центрѣ, была также велико-

*) На сценѣ появилась впервые въ 1819 г.

русской. Украинское же теченіе проявляется очень скромно, въ видѣ нѣсколькихъ украинскихъ книгъ и брошюръ, раздѣленныхъ годами, отдѣльныхъ украинскихъ стихотвореній и разсказовъ, помѣщаемыхъ въ мѣстныхъ журналахъ и альманахахъ, издаваемыхъ на великорусскомъ языкѣ. Рядомъ съ „настоящею" великорусскою культурою, къ которой серьезно относилось не только правительство, но и мѣстное украинское общество, это украинское теченіе выглядитъ еще мелкимъ провинціализмомъ, забавою или капризомъ этнографовъ и антикваріевъ.

Все же, хоть и въ скромныхъ размѣрахъ, это былъ первый литературный украинскій кружокъ, первая „школа". Въ Харьковѣ одинъ за другимъ выступаетъ рядъ писателей съ большими или меньшими дарованіями, пишущихъ по-украински въ харьковскихъ изданіяхъ: Петръ Гулакъ-Артемовскій, авторъ нѣсколькихъ прекрасныхъ стихотвореній (балладъ, сатирическихъ разсказовъ и лирическихъ произведеній, печатавшихся съ 1817 г.), Григорій Квитка—авторъ первыхъ украинскихъ повѣстей, Амвросій Метлинскій и Николай Костомаровъ—украинскіе поэты и этнографы; сюда же принадлежатъ и такіе дѣятели, какъ авторъ первой украинской грамматики Павловскій (1818), издатель историческихъ украинскихъ пѣсенъ Срезневскій (1833) и др. Въ концѣ 1820-хъ и въ 1830-хъ гг. тутъ уже дѣйствительно есть украинская группа. Въ чисто-литературномъ отношеніи она дѣлаетъ большой шагъ впередъ и въ отношеніи разнообразія творчества, и въ смыслѣ серьезности и сознательности его. Появляются теоретическія оправданія писательства на народномъ языкѣ (Квитки, въ 1833 г.). Украинскіе писатели подаютъ руку славянскому возрожденію и романтическимъ интересамъ къ народности. Но болѣе широкой національной украинской идеи здѣсь еще нѣтъ; не только политической, но и опредѣленно выраженной общественной окраски въ произведеніяхъ этой школы мы еще не видимъ.

Появленіе между украинскими писателями съ конца тридцатыхъ годовъ такого первостепеннаго дарованія, какъ

Тарасъ Шевченко (первое изданіе его „Кобзаря“ вышло въ 1840 г.), завершаетъ образованіе украинской народной литературы. Для украинскаго возрожденія такое быстрое—въ сорокъ лѣтъ спустя послѣ первыхъ серьезныхъ шаговъ возрожденія народной литературы—появленіе геніальнаго поэта было большимъ счастьемъ. Уже оно одно давало полное оправданіе новой литературѣ—для тѣхъ, кому такое оправданіе было нужно, и полагало прочное основаніе не только народной литературѣ, но и народному возрожденію. Въ тѣхъ чрезвычайно тяжелыхъ условіяхъ, въ какихъ стояла украинская народность, состоявшая изъ безгласной, закрѣпощенной и темной народной массы съ одной стороны, и денаціонализованной, потерявшей національное чувство и историческую традицію интеллигенціи—съ другой, появленіе Шевченка, повторяю, было чрезвычайнымъ счастьемъ.

Этотъ крѣпостной козачекъ (мальчикъ для посылокъ) и малярскій ученикъ *), не получившій никакого правильнаго образованія, но геніальною интуиціею восполнявшій пробѣлы своихъ знаній—составляетъ единственное въ своемъ родѣ явленіе во всемірной литературѣ. Какъ лирическій поэтъ, глубиною, непринужденностью и непосредственностью чувства и изяществомъ формы онъ не уступаетъ никому, но при этомъ остается уникатомъ по своей народности. Его творчество—это творчество народа, достигающаго сразу, безъ посредствующихъ степеней, высокаго интеллектуальнаго развитія и индивидуальнаго сознанія и соединяющаго въ своихъ созданіяхъ непосредственность народной поэзіи съ сознательностью литературнаго творчества. Въ украинскую литературу Шевченко внесъ новое содержаніе, цѣлый рядъ новыхъ мотивовъ. Укажу только наиболѣе выдающіяся стороны—обращеніе къ прошлому, невиданное предъ тѣмъ одушевленіе народными войнами XVII—XVIII вв. и козачествомъ, въ идеализаціи ко-

*) Онъ родился въ 1814 г. въ Звенигородскомъ уѣздѣ Кіевской губерніи; въ 1838 г. выкупленъ былъ на свободу покровителями его поэтическаго и художественнаго дарованія (онъ былъ также и даровитымъ художникомъ).

тораго, согласно народной традиціи, онъ отыскиваетъ мотивы, созвучные его идеаламъ общественной справедливости, свободы и независимости; протестъ противъ крѣпостного права, вытекающій изъ тѣхъ же идеаловъ, и по силѣ и напряженію не имѣетъ ничего равнаго ему; такой же протестъ противъ политическаго гнета и всякаго посягательства на свободу и достоинство человѣческой личности.

Въ 1845 г., находясь въ зенитѣ своего творчества, Шевченко переселяется въ Кіевъ, гдѣ встрѣчается съ другими двумя корифеями украинскаго возрожденія—историкомъ Костомаровымъ и этнографомъ, позже также выдающимся поэтомъ и историческимъ писателемъ, Пантелеймономъ Кулишемъ. Вокругъ основаннаго незадолго передъ тѣмъ кіевскаго университета *) собирается кружокъ украинофиловъ, организующихъ такъ наз. Кирилло-меѳодіевское братство. Оно просуществовало недолго, но въ исторіи украинскаго народа имѣетъ то важное значеніе, что здѣсь мы впервые видимъ попытки теоретическаго формулированія украинской идеи, съ характеромъ политическимъ и общественнымъ, въ духѣ прогресса и свободы. Програма Кирилло-меѳодіевскаго братства заключала въ себѣ такіе пункты, какъ образованіе славянской федераціи автономныхъ, самоуправляющихся народностей, уничтоженіе рабства во всѣхъ видахъ, упраздненіе сословныхъ преимуществъ, осуществленіе вѣротерпимости и религіозной свободы, свободы мысли и печатнаго слова.

Въ литературѣ програма кружка не успѣла проявиться. Въ 1847 г., по доносу одного студента кіевскаго университета, кружокъ былъ открытъ, участники арестованы и подверглись болѣе или менѣе тяжелымъ наказаніямъ. Шевченко былъ отданъ въ солдаты и сосланъ на азіатскую границу, съ воспрещеніемъ писать и рисовать; Костомаровъ и Кулишъ были

*) Кіевскій университетъ былъ открытъ въ 1834 г. взамѣнъ польскаго университета въ Вильнѣ и такого же лицея въ Кременцѣ (на Волыни), закрытыхъ во время возстанія 1831 г., и сначала носилъ очень оффиціозный характеръ, отъ котораго только современемъ освободился.

высланы, съ воспрещеніемъ литературной дѣятельности, и тому под. Въ развитіи украинской литературы и народнаго возрожденія наступаетъ невольный перерывъ. Только въ концѣ 1850-хъ гг. кирилло-меѳодіевскіе братчики получаютъ возможность собраться въ Петербургѣ и вернуться къ литературнымъ и ученымъ занятіямъ. Здѣсь въ 1861 и 1862 гг. этотъ украинскій кружокъ, во главѣ котораго стояли Кулишъ и Костомаровъ (Шевченко умеръ въ началѣ 1861 года), издаетъ „Основу", первый украинскій журналъ. Но полнаго развитія идеи Кирило-меѳодіевской программы въ дѣятельности этого петербургскаго кружка не нашли, и сдержанность „Основы" во многихъ пунктахъ политическихъ и культурно-общественныхъ отношеній нельзя объяснять одними цензурными стѣсненіями. Идея полнаго и всесторонняго культурнаго развитія украинской народности, очевидно, еще не представлялась съ полною ясностью кружку „Основы".

Самый фактъ, что центромъ украинскаго движенія конца 50-хъ и начала 60-хъ годовъ сдѣлался Петербургъ—правительственный центръ, расположенный въ 1500 верстахъ отъ украинской территоріи, показываетъ, какъ слабо было еще это движеніе, какъ связано съ дѣятельностью немногихъ единицъ. Но самъ по себѣ этотъ петербургскій періодъ остается свѣтлымъ моментомъ въ его развитіи въ томъ отношеніи, что украинское движеніе, подготовившее въ своей литературѣ вопросъ объ освобожденіи крестьянъ гораздо раньше и глубже, чѣмъ это было сдѣлано въ литературѣ великорусской, въ этотъ моментъ, когда освобожденіе крестьянъ стало злобою дня для всей интеллигенціи въ Россіи (конецъ 50-хъ и начало 60-хъ годовъ), очутилось въ первыхъ рядахъ прогрессивнаго, освободительнаго движенія и въ тѣсномъ общеніи съ нимъ. Въ усиліяхъ, направленныхъ къ просвѣщенію народныхъ массъ, украинская интеллигенція шла даже впереди великорусской, напр., въ развитіи воскресныхъ школъ, въ проведеніи народнаго языка въ начальномъ обученіи, и находила сочувствіе и поддержку въ

тогдашнихъ великорусскихъ дѣятеляхъ народнаго образованія *).

Вообще это время отличается отрадною близостью и солидарностью представителей украинскаго и великорусскаго прогрессивнаго движенія **) и съ этой точки зрѣнія перерывъ, произведенный цензурными стѣсненіями и разсѣявшій петербургскій кружокъ, былъ вдвойнѣ неблагопріятенъ для украинскаго движенія. Интеллигенція великорусская, а съ нею и украинская (въ Россіи) жила въ эти годы кипучею жизнью; время выдвигало одинъ за другимъ новые вопросы политическаго и общественнаго характера. Украинское движеніе, прерванное въ своемъ органическомъ развитіи почти десятилѣтнимъ антрактомъ, когда получило возможность проявить признаки жизни, начало съ того, на чемъ его представители остановились во время „Основы", т. е. историко-этнографическихъ интересовъ, да довольно неясныхъ народническихъ стремленій. Вслѣдствіе этого оно оказалось въ глазахъ прогрессивной части общества какимъ-то анахронизмомъ и съ тѣхъ поръ сдѣлалось для нея предметомъ снисходительнаго сожалѣнія или даже извѣстной непріязни.

Дѣятельность кружка „Основы" была прекращена въ 1863 г., когда на украинофиловъ было брошено подозрѣніе

---

*) Петербургскій комитетъ грамотности ходатайствовалъ въ 1862 г. о введеніи въ народныхъ школахъ Украины преподаванія на украинскомъ языкѣ. Въ его спискѣ рекомендованныхъ для народнаго чтенія книгъ этого года число украинскихъ книгъ почти равнялось числу великорусскихъ. Но въ изданіи списка 1867 г., когда направленіе комитета измѣнилось, украинскихъ книгъ уже не было. (Протопоповъ, Исторія с.-петерб. комитета грамотности).

**) Въ „Основѣ" принимали участіе и великорусскіе ученые и писатели. Съ другой стороны, петербургскій украинскій кружокъ принималъ участіе въ предпріятіяхъ и манифестаціяхъ прогрессивнаго характера, предпринимаемыхъ великорусскими писателями. Такъ, напр., имена Шевченка, Костомарова, Кулиша, Марка Вовчка и др. виднѣлись среди подписей подъ протестомъ противъ юдофобскихъ выходокъ извѣстной части печати въ 1858 г. (Эпизодъ этотъ недавно напомнилъ С. Ефремовъ въ „Рус. Богатствѣ", 1905, I).

въ связяхъ съ польскимъ движеніемъ, и „польская интрига“ стала съ тѣхъ поръ для извѣстной части печати въ Россіи обычнымъ оружіемъ борьбы противъ украинскаго движенія *). Подвергаются запрещенію такіе вполнѣ невинные украинофильскіе органы, какъ „Черниговскій Листокъ“. Изданіе украинскихъ учебниковъ сопровожается затрудненіями. Подвергаются гоненію воскресныя школы. Цѣлый рядъ представителей украинскаго движенія подвергся административнымъ высылкамъ и разнымъ преслѣдованіямъ. Наконецъ, на украинскую литературу обрушивается полная проскрипція. Министръ внутреннихъ дѣлъ (Валуевъ), ссылаясь на мнѣніе „большинства Малороссіянъ“, которые якобы „весьма основательно доказываютъ, что никакого особеннаго малороссійскаго языка не было, нѣтъ и быть не можетъ“, и подозрѣвая въ украинскомъ движеніи вліяніе „политическихъ замысловъ Польши“, а въ распространеніи грамотности и просвѣщенія среди народа лишь благовидный предлогъ для политической пропаганды, предложилъ цензурному вѣдомству разрѣшать къ печати только беллетристику на украинскомъ языкѣ, а книгъ учебныхъ, популярно-научнаго и религіознаго содержанія и вообще предназначаемыхъ для народа, не разрѣшать **) впредь до сношенія министра съ другими вѣдом-

*) Этихъ глашатаевъ „польской интриги“ не смущало и не смущаетъ то обстоятельство, что въ разгаръ украинофильскаго движенія въ началѣ 1860-хъ гг. польскіе помѣщики Кіевской губ. засыпали администрацію доносами на украинофиловъ, обвиняя ихъ въ стремленіи ниспровергнуть существующій строй, а галицкіе Поляки считаютъ дѣйствительное украинское движеніе интригою австрійскаго правительства и усердно стараются вооружить это послѣднее противъ представителей украинскаго движенія, обвиняя ихъ въ анархизмѣ и тяготѣніи къ Россіи.

**) „Чтобы къ печати дозволялись только такія произведенія на этомъ (малороссійскомъ) языкѣ, которыя принадлежатъ къ области изящной литературы, пропускомъ же книгъ на малороссійскомъ языкѣ какъ духовнаго содержанія, такъ учебныхъ и вообще назначаемыхъ для первоначальнаго чтенія народа, пріостановиться“. (Отношеніе министра въ книгѣ М. Лемке: Эпоха цензурныхъ реформъ, стр. 302).

ствами. И хотя министръ народнаго просвѣщенія (Головинъ) рѣшительно возсталъ противъ такого огульнаго воспрещенія и находилъ неумѣстнымъ походъ противъ украинскаго языка, проектированный министромъ внутреннихъ дѣлъ *), тѣмъ не менѣе, распоряженіе Валуева осталось въ силѣ, было очень энергично поддержано со стороны духовнаго вѣдомства, наложившаго въ это время свое veto на изданіе священнаго писанія на украинскомъ языкѣ, а не въ мѣру ретивая цензура перестала разрѣшать къ печати вообще все написанное на украинскомъ языкѣ—даже и беллетристику.

Литературная работа была опять задавлена и остановлена почти на цѣлое десятилѣтіе.

Только съ началомъ семидесятыхъ годовъ цензура стала нѣсколько умѣреннѣе: книги на украинскомъ языкѣ начали понемногу пропускаться, и стала возможною нѣкоторая литературная дѣятельность. Центромъ украинскаго движенія въ это время становится снова Кіевъ. Здѣсь создается спеціальный органъ для изученія Украины, въ видѣ кіевскаго отдѣленія географическаго общества (1872), собравшаго вокругъ себя плеяду выдающихся научныхъ силъ, организуется этнографическая экспедиція Чубинскаго, давшая богатѣйшее, единственное въ своемъ родѣ собраніе этнографическихъ и этнологическихъ матеріаловъ, начинаетъ оживать литературная дѣятельность, украсившаяся рядомъ болѣе и менѣе крупныхъ талантовъ, какъ авторы прекрасныхъ повѣстей—Нечуй-Левицкій, П. Мирный, Ал. Кониссскій, поэтъ и переводчикъ Мих. Старицкій; полагаются начатки серьезной разработки народной музыки и украинской оперы (сборники Н. Лысенка и его же опера Різдвяна ніч).

*) „Сущность сочиненія, мысли, изложенныя въ ономъ, и вообще ученіе, которое оно распространяетъ, а отнюдь не языкъ или нарѣчіе, на которомъ оно написано, составляютъ основаніе къ запрещенію или дозволенію той или другой книги, и стараніе литераторовъ обработать грамматически каждый языкъ или нарѣчіе и для сего писать на немъ и печатать—весьма полезно въ видахъ народнаго просвѣщенія и заслуживаетъ полнаго уваженія“ (тамъ же, стр. 305).

Но эта передышка была непродолжительна—продолжалась всего нѣсколько лѣтъ, и была прервана новыми репрессіями. Правительство было обезпокоено донесеніями объ успѣхахъ украинской идеи, которыми его засыпалъ особенно тогдашній предсѣдатель кіевской археографической коммиссіи, Мих. Юзефовичъ, взявшій на себя роль блюстителя государственныхъ интересовъ на Украинѣ. Въ началѣ 1875 г. правительствомъ было организовано особое совѣщаніе, съ участіемъ Юзефовича. Въ виду представленій Юзефовича, видѣвшаго въ украинскомъ національномъ движеніи измышленіе австрійско-польской интриги и замаскированный соціализмъ *), и донесеній цензурнаго вѣдомства, усматривавшаго въ украинофильствѣ стремленіе къ обособленію и „скрытое посягательство на государственное единство Россіи", совѣщаніе рѣшило употребить всѣ усилія къ тому, чтобы остановить украинское движеніе. Кіевское отдѣленіе географическаго общества было закрыто, надъ учебными заведеніями украинскихъ губерній установленъ особый надзоръ, а относительно литературы были выработаны весьма строгія стѣсненія, утвержденныя въ 1876 г. и извѣстныя по имени своего иниціатора подъ названіемъ закона Юзефовича; ими воспрещалась всякая литература на украинскомъ языкѣ, кромѣ беллетристики, запрещалось исполненіе украинскихъ пьесъ, печатаніе нотъ съ украинскимъ текстомъ и т. п. **).

*) Это сопоставленіе соціализма съ австрійской интригой получаетъ необыкновенную пикантность, если вспомнить, какой воистину безграничный страхъ въ австрійскихъ административныхъ сферахъ того времени чувствовали предъ всѣмъ, могущимъ хотя бы отдаленно напоминать соціализмъ.

**) Такъ какъ это распоряженіе не утратило дѣйствующей силы до сихъ поръ, небезынтересно будетъ привести его цѣликомъ.

„Государь Императоръ 18 минувшаго мая Всемилостивѣйше повелѣть соизволилъ:

1. Не допускать ввоза въ предѣлы Имперіи безъ особаго разрѣшенія главнаго управленія по дѣламъ печати какихъ бы то ни было книгъ и брошюръ, издаваемыхъ на малороссійскомъ нарѣчіи.

2. Печатаніе и изданіе въ Имперіи оригинальныхъ произведеній и переводовъ на томъ же нарѣчіи воспретить, за исключеніемъ лишь:

*

Хотя это распоряженіе не воспрещало украинской беллетристики, но и на этотъ разъ, какъ послѣ запрещенія 1863 г., цензурная практика шла гораздо дальше буквы распоряженія, и никакія украинскія книги, если не считать нѣкоторыхъ случайныхъ появленій, совершенно не пропускались цензурою. Доходило до неимовѣрныхъ курьезовъ, вродѣ вычеркиванія украинскихъ словъ изъ разсказовъ, писанныхъ по-великорусски, требованія, чтобы при исполненіи на концертахъ украинскихъ пѣсенъ или романсовъ слова были переведены на великорусскій или французскій языкъ и т. д. Только въ связи съ общимъ смягченіемъ цензурныхъ условій время принесло нѣкоторое облегченіе этихъ стѣсненій. Генералъ-губернаторы—кіевскій (Чертковъ) и харьковскій (Дондуковъ-Корсаковъ) возбудили вопросъ объ отмѣнѣ ограниченія украинскаго слова, указывая на то, что распоряженіе 1876 г., не подавляя національнаго движенія, своими ничѣмъ не оправдываемыми крайностями вызываетъ лишь ненужное раздраженіе среди украинскаго общества; ген. Чертковъ считалъ необходимымъ, для возстановленія нормальныхъ отношеній, освободить украинское слово вообще отъ всякихъ спеціальныхъ ограниченій, поставивъ его въ одинаковыя условія съ великорусскимъ.

Въ виду этихъ компетентныхъ представленій въ 1881 г. было образовано новое совѣщаніе, которое, однако, не нашло возможнымъ отмѣнить ограниченіе украинскаго языка и слова и ограничилось лишь нѣкоторыми частичными льго-

---

а) историческихъ документовъ и памятниковъ,

б) произведеній изящной словесности.

Но съ тѣмъ, чтобы при печатаніи историческихъ памятниковъ безусловно удерживалось правописаніе подлинниковъ, въ произведеніяхъ же изящной словесности не было допускаемо никакихъ отступленій отъ общепринятаго русскаго правописанія и чтобы разрѣшеніе на печатаніе произведеній русской словесности давалось не иначе, какъ по разсмотрѣніи въ главномъ управленіи по дѣламъ печати,—и

3. Воспретить различныя сценическія представленія и чтенія на малорусскомъ языкѣ, а равно и печатаніе на таковомъ же текстовъ къ музыкальнымъ нотамъ".

тами: разрѣшило печатать украинскіе словари, представлять украинскія пьесы, исполнять произведенія на украинскомъ языкѣ. Впрочемъ, и эти украинскіе спектакли были обставлены цѣлымъ рядомъ стѣсненій. Циркуляръ 1881 г. требовалъ для каждаго спектакля особаго разрѣшенія губернатора или генералъ-губернатора и запрещалъ организацію спеціальныхъ украинскихъ театровъ и труппъ. Въ виду этого, напримѣръ, разрѣшали ставить украинскія пьесы только съ тѣмъ, чтобы кромѣ украинской пьесы въ тотъ же вечеръ была дана и великорусская пьеса, притомъ не меньшей величины. Начальникамъ губерній поручалось внимательно слѣдить за украинофилами, „избравшими сцену орудіемъ своей пропаганды“ *). Долгое время всякія украинскія представленія были совершенно воспрещены въ предѣлахъ кіевскаго генералъ-губернаторства, къ которому принадлежали тогда губерніи: Кіевская, Подольская, Волынская, Черниговская и Полтавская, т. е. большая часть украинской территоріи Россіи, и украинскія труппы „для пропитанія“ принуждены были скитаться по великорусскимъ городамъ и т. п. По отношенію ко всякаго рода украинскимъ произведеніямъ цензурѣ внушалась особенная строгость, даже и по отношенію къ беллетристикѣ, и давалась свобода совершенно безграничному усмотрѣнію, такъ какъ цензорамъ поручалось не только запрещать все противорѣчащее общимъ цензурнымъ правиламъ, „но при малѣйшемъ къ тому поводѣ сократить число такихъ произведеній въ цѣляхъ чисто-государственныхъ“ **). И цензура усердно дѣйствовала въ этомъ направленіи.

Конечно, въ подобныхъ условіяхъ сколько нибудь правильное развитіе украинской литературы и украинскаго движенія было немыслимо. Оно, правда, обнаруживало свою жизненность очень сильно. Въ продолженіе 1870-хъ и 1880-хъ

*) Циркуляръ 1884 г.

**) Предложеніе петербургскому цензурному комитету отъ 8 января 1892 г.—см. въ запискѣ петербургской академіи (цитирована при гл. XXVI).

годовъ появился цѣлый рядъ крупныхъ изслѣдованій, касающихся Украины; созданъ былъ спеціальный органъ для ея изученія взамѣнъ закрытаго въ 1876 г. кіевскаго географическаго отдѣла (Кіевская Старина, съ 1882 г.); выступилъ цѣлый рядъ талантливыхъ беллетристовъ и драматурговъ; развился украинскій театръ, пріобрѣвшій, несмотря на всѣ стѣсненія, широкую популярность въ цѣлой Россіи; явилась украинская музыка. Но никакое правильное развитіе было невозможно тамъ, гдѣ появленіе украинской книги было счастливой случайностью; гдѣ изъ беллетристическихъ произведеній большинству не суждено было увидѣть свѣта и именно—наиболѣе серьезнымъ, идейнымъ вещамъ; гдѣ не допускалось изданіе на украинскомъ языкѣ сочиненій научныхъ, популярныхъ книгъ для народа и т. п.; гдѣ даже сочувствіе украинству, участіе въ украинской литературѣ—хотя бы въ формахъ самыхъ невинныхъ, доставляло непріятности, иногда даже очень серьезныя.

Въ виду этихъ условій сторонники культурнаго и литературнаго развитія украинской идеи, уже послѣ перваго запрещенія украинскаго слова—въ 1863 г., начинаютъ постепенно переносить свою дѣятельность въ Галичину, гдѣ къ этому времени начинаетъ расти народное украинское движеніе и понемногу развивается литературная дѣятельность.

Литература: о начаткахъ литературы на народномъ языкѣ упомянутая работа П. Житецкаго объ „Энеидѣ", также В. Перетца, „Историко-литературныя изслѣдованія и матеріалы" I, 1900, Н. Петрова, „Очеркъ изъ исторіи украинской литературы XVIII в.", 1880. Для литературы XIX в.: Н. Петровъ, „Очерки украинской литературы XIX в.", 1884, и обширный разборъ этой книги (часто болѣе цѣнный, чѣмъ самая книга) Н. Дашкевича въ отчетѣ о 18 присужденіи премія Уварова петербургской академіей. Огоновскій, „Исторія литературы рускои", Львовъ, II—IV, 1886—1894.

XXIV.

Въ западной Украинѣ, входящей въ составъ Австро-Венгріи, первые симптомы движенія изъ культурнаго и національнаго упадка связаны съ мѣрами, принятыми австрійскимъ правительствомъ для подъема украинской (русинской) народности вообще, а въ частности ея духовенства. Отчасти по принципамъ просвѣщеннаго абсолютизма, которыми руководились тогда въ правительственныхъ сферахъ, отчасти изъ желанія противоставить польской шляхтѣ, естественно тяготѣвшей къ Польшѣ, австро-русинскую національность, австрійское правительство старалось поднять эту послѣднюю. Объ эмансипаціонныхъ реформахъ по отношенію къ крестьянству я уже упоминалъ; кромѣ того, приняты были мѣры по организаціи народныхъ школъ — низшаго и высшаго типа, причемъ преподаваніе должно было вестись на „мѣстномъ“ языкѣ (Landes-Volk- und Nationalsschprache). и къ поднятію образованія уніатскаго духовенства. Эти послѣднія заботы начались съ Угорской Руси, гдѣ имп. Марія-Терезія немало сдѣлала для мукачевской уніатской епархіи и мѣстнаго уніатскаго духовенства (между прочимъ для образованія его былъ основанъ особый лицей въ Мункачѣ). Въ 1774 г., два года спустя послѣ присоединенія Галиціи, она учреждаетъ въ Вѣнѣ духовную семинарію для уніатовъ Австріи (такъ называемую Barbareum). Десять лѣтъ спустя, при ея сынѣ, имп. Іосифѣ, учреждена была семинарія также во Львовѣ, а основывая въ 1784 г. львовскій университетъ, правительство имп. Іосифа учредило нѣсколько каѳедръ русинскихъ и при университетѣ лицей спеціально для приготовленія русинской молодежи къ университетскимъ курсамъ. Религіозный фондъ, составленный изъ имуществъ упраздняемыхъ монастырей, долженъ былъ служить для улучшенія положенія и подъема сельскаго духовенства.

Но благія намѣренія правительства относительно Русинъ, не говоря уже о томъ, что осуществлялись не всегда удачно, просуществовали недолго. Они скоро заглохли среди общей реакціи, начавшейся въ Австріи со смертью Іосифа (1790 г.). Польская шляхта успѣла пріобрѣсти вліяніе на галицкую администрацію, а чтобы воспрепятствовать возрожденію мѣстной украинской народности, начала уже въ 90-хъ гг. XVIII в. пугать правительство призракомъ россійской ирреденты, стараясь убѣдить его, что русинскій языкъ—нарѣчіе великорусскаго, что Русины-уніаты тяготѣютъ къ православію и т. п.—пѣсенка, которая съ неослабѣвающимъ успѣхомъ поется и до сихъ поръ. О томъ, какъ парализовано было всѣми этими причинами освобожденіе крестьянства отъ помѣщичьяго режима, я уже упоминалъ; подобнымъ образомъ затормозилась и организація школьнаго дѣла. Шляхта здѣсь играла также видную роль; подъ ея вліяніемъ вводится польскій языкъ вмѣсто русинскаго въ народныхъ школахъ—сначала высшихъ типовъ, а затѣмъ (1816) и въ сельскихъ начальныхъ училищахъ. Въ виду ходатайства митрополита сдѣлана была только та уступка, что предоставлено сельскимъ обществамъ, буде пожелаютъ, заводить себѣ параллельныя школы съ русинскимъ языкомъ, причемъ, однако, духовенству преподавался совѣтъ не вліять на населеніе въ этомъ смыслѣ, чтобы не причинять ему излишнихъ тратъ, и т. д.

Была вина, впрочемъ, и самой русинской интеллигенціи—она была ослаблена слишкомъ долгою летаргіею и не умѣла воспользоваться и тѣмъ немногимъ, что дѣлало или готово было сдѣлать для нея правительство. Народный языкъ—„простый и посполитый“ казался ей слишкомъ низкимъ, и она не воспользовалась открывавшеюся возможностью его употребленія и развитія. Профессора новооснованныхъ каѳедръ и лицеевъ старались читать и писать возможно высокимъ стилемъ, мертвеннымъ макароническимъ „языціемъ“, которое само по себѣ сковывало всякое просвѣтительное движеніе. Вскорѣ (1808) русинскія каѳедры

львовскаго университета были и вовсе закрыты—по желанію самого русинскаго духовенства, въ виду того, что правительство смотрѣло на воспитанниковъ ruthenici studii, какъ на менѣе образованныхъ сравнительно съ слушавшими лекціи на латинскомъ языкѣ, и давало имъ потомъ меньшее содержаніе.

Въ концѣ концовъ нѣкоторое улучшеніе осталось лишь въ положеніи крестьянъ и въ подъемѣ образованія духовенства, которое проходитъ теперь черезъ университетъ, каковъ бы онъ ни былъ, и изъ котораго вырастаетъ постепенно новая галицкая интеллигенція. Растетъ эта интеллигенція очень медленно; выигравъ въ образовательномъ, культурномъ цензѣ, она много проиграла въ своихъ отношеніяхъ къ народности: простонародная масса казалась слишкомъ грубою для „культурныхъ" вкусовъ новоиспеченныхъ „образованныхъ" русинскихъ круговъ и, не будучи достаточно культурными для того, чтобы культивировать свою народность, они шли за Поляками, какъ элементомъ болѣе культурнымъ. Польскій языкъ царствовалъ среди этой новой „интеллигенціи". Были такіе священники, которые не умѣли читать славянскаго письма.

Но все же извѣстный ростъ несомнѣнно существовалъ, нѣкоторая ферментація давала себя чувствовать. Извѣстное культурное и литературное движеніе замѣчаемъ прежде всего въ Угорской Руси, раньше подвергшейся воздѣйствію австрійскаго правительства. Вокругъ тогдашняго мукачевскаго епископа Андрея Бачинскаго (1772—1809), организатора мукачевскаго лицея и основателя значительной библіотеки, группируется небольшой кружокъ дѣятелей на поприщѣ народнаго просвѣщенія и литературы. Угорская Русь даетъ первыхъ профессоровъ-Русинъ львовскому университету и людей, замѣтныхъ на иныхъ поприщахъ. Національный характеръ въ этомъ небольшомъ движеніи даетъ себя чувствовать, хотя ясностью это національное сознаніе не отличается.

Въ Галиціи наличность извѣстнаго культурнаго и національнаго роста даетъ себя почувствовать лишь во второмъ де-

сятилѣтіи XIX в., когда вопросъ о преподавательскомъ языкѣ въ народныхъ школахъ очень существенно задѣлъ національные интересы Русинъ. Въ 1816 г. митрополитъ Левицкій, по иниціативѣ своего каноника Могильницкаго (одного изъ представителей наростающаго культурно-національнаго движенія), обратился къ правительству съ ходатайствомъ о введеніи преподаванія на русинскомъ языкѣ во всѣхъ народныхъ школахъ. Когда же комиссія по школьному вопросу постановила уже извѣстное намъ рѣшеніе о введеніи въ народныхъ школахъ преподаванія на польскомъ языкѣ, онъ внесъ протестъ противъ этого. Нѣсколько позже (1822) Могильницкій предложилъ меморіалъ въ защиту полноправности и важности русинскаго (украинско-русскаго) языка; выраженныя тутъ мысли были затѣмъ развиты имъ въ трактатѣ, изданномъ въ 1829 г. по-польски, по адресу польской шляхты, подъ названіемъ: „Rozprawa o języku ruskim"; это былъ первый ученый трактатъ въ защиту языка и поэтому перепечатывался много разъ. По иниціативѣ Могильницкаго же основано было въ Перемышлѣ въ 1816 г. первое русинское общество для распространенія просвѣщенія среди народа. Впрочемъ, несмотря на свой очень скромный, клерикальный характеръ, общество это встрѣтило сильнѣйшее противодѣйствіе со стороны польскаго духовенства и базиліанъ и сразу же заглохло.

Со второй четверти XIX в. начинаютъ возникать мысли о необходимости обращенія къ чистому народному языку, вмѣсто книжнаго, которымъ пользовалось старшее поколѣніе галицкихъ и угорскихъ Русинъ. Могильницкій въ своей оставшейся неизданной, недавно отысканной „Граматыкѣ языка словено-руского", составленной въ 1820-хъ гг., еще не ставитъ этого вопроса, хотя образцы беретъ изъ народнаго языка. Принципіальнымъ и жгучимъ вопросъ дѣлается въ 1830-хъ гг., когда народный языкъ получаетъ убѣжденныхъ и сильныхъ сторонниковъ. Тутъ сказывалось уже непосредственное вліяніе и славянскаго возрожденія, одинъ изъ видныхъ дѣятелей котораго Б. Копитаръ спеціально

интересовался украинскою народностью и усиленно совѣтовалъ галицкимъ Русинамъ развивать книжный языкъ на чистой основѣ народнаго. Еще болѣе вліяли, конечно, первыя пробы литературной обработки народнаго языка въ восточной Украинѣ. Начинается полемика между защитниками церковнаго книжнаго языка и народнаго говора. Авторъ одной изъ первыхъ галицкихъ грамматикъ Іосифъ Лозинскій уже довольно рѣшительно стоитъ (не безъ непосредственнаго вліянія Копитара) на почвѣ народнаго языка (1833—34). Еще болѣе рѣшительно становится на народную почву кружокъ молодыхъ богослововъ, образовавшійся въ львовской семинаріи въ 1830-хъ гг., и подъ вліяніемъ указанныхъ выше факторовъ, а также тогдашней революціонной польской пропаганды въ Галиціи, развившій въ своей средѣ народническіе и вообще прогрессивные взгляды. Во главѣ его стояла такъ называемая „русская троица“ *), отъ которой выводится обыкновенно національное возрожденіе галицкихъ Русинъ: Маркіанъ Шашкевичъ, Яковъ Головацкій и Иванъ Вагилевичъ, въ началѣ 30-хъ гг. слушавшіе философію и богословіе во Львовѣ. Подъ вліяніемъ первыхъ литературныхъ произведеній и опытовъ народоизученія въ восточной Украинѣ, кружокъ этотъ занимается также изученіемъ исторіи и словесности украинскаго народа, собираетъ этнографическій матеріалъ и пробуетъ свои силы на народномъ языкѣ, который стремится провести въ церковную проповѣдь и практику.

Но эти первыя попытки были встрѣчены въ офиціальныхъ кругахъ очень неблагопріятно: настроеніе здѣсь измѣнилось съ 1780-хъ годовъ радикально. Мѣстная австрійская администрація очень подозрительно отнеслась къ новому движенію; имѣя достаточно хлопотъ съ польскимъ національнымъ движеніемъ, она опасалась новыхъ затрудненій съ

*) Я напоминаю еще разъ, что въ Галиціи удержалась и доселѣ традиція русскаго имени, и тутъ и Поляки, и Русины называютъ „русскимъ“ языкъ и племя украинское (въ отличіе отъ „великорусскаго“ или „россійскаго“).

оживленіемъ русинскаго общества. Въ тонъ ей отозвались русинскія духовныя власти и находившаяся въ рукахъ послѣднихъ цензура русинскихъ книгъ. Первый альманахъ „Зоря", составленный кружкомъ Шашкевича, былъ запрещенъ цензурою (1834). Свой новый альманахъ—„Русалка Днестрова", составленный изъ народныхъ пѣсенъ и собственныхъ произведеній, еще болѣе осторожно, чѣмъ „Зоря", кружокъ Шашкевича, чтобы избѣжать австрійской цензуры, издалъ въ Пештѣ, но, когда книгу прислали во Львовъ, всю ее конфисковала цензура, и только въ 1848 г. добились ея выдачи. Совершенно невинныя книги—церковнаго содержанія, оды въ честь царствующаго дома конфисковались потому, что были написаны недостаточно архаическимъ церковнымъ языкомъ или напечатаны не церковнымъ, а гражданскимъ шрифтомъ. Кружокъ Шашкевича подвергся всяческимъ гоненіямъ. Самъ Шашкевичъ—талантливый писатель, первый національный поэтъ Галицкой Руси, умеръ отъ лишеній черезъ нѣсколько лѣтъ на „голодовкѣ" *). Вагилевичъ также не вынесъ этихъ преслѣдованій. Все затихло.

Движеніе было придавлено. Но національная идея не умерла, тѣмъ болѣе, что среди этихъ гоненій на галицкихъ народниковъ крѣпла и выходила на широкую дорогу народная украинская литература въ восточной Украинѣ, служа постояннымъ стимуломъ галицкому народничеству. Гробовое молчаніе реакціи, которая погребла первые начатки галицкаго возрожденія, нарушила буря 1848 г. Но галицкая Русь была слишкомъ задавлена, слишкомъ окоченѣла, чтобы принять участіе въ освободительномъ движеніи. Къ тому же революціонное движеніе въ Галиціи представляли Поляки, а цѣлью ихъ было возстановленіе Польши въ историческихъ границахъ, чему Русины, разумѣется, не могли сочувствовать. Правительство искало въ нихъ опоры противъ Поляковъ, и они откликнулись на этотъ призывъ съ полною го-

*) Такъ называются приходы со скудными доходами, безъ жалованія—его Шашкевичъ не дождался до смерти.

товностью. Не безъ участія тогдашняго австрійскаго намѣстника Стадіона (о которомъ долго потомъ Поляки говорили, что онъ „изобрѣлъ“ Русинъ въ Галиціи), началась организація ихъ: основанъ политическій клубъ „Головна рада“, и начала выходить газета „Зоря Галицька“. Отчасти вслѣдствіе такой поддержки правительства, отчасти изъ оппозиціи Полякамъ, русинское движеніе 1848 г. получило характеръ чрезвычайно лояльный и консервативный — австрійскій. И хотя устами политической репрезентаціи Русинъ и созваннаго осенью того же года „Собора рускихъ ученыхъ“ были поставлены нѣкоторые весьма раціональные требованія и взгляды, которые предвосхищали во многомъ позднѣйшую програму галицкаго возрожденія, какъ, напр., требованіе, чтобы Галиція была раздѣлена на двѣ провинціи—восточную, съ украинскимъ населеніемъ (старыя воеводства Русское и Белзкое), и западную, т. е. присоединенныя къ ней во время раздѣловъ Польши польскія провинціи съ г. Краковомъ; чтобы въ школахъ былъ введенъ русинскій языкъ; чтобы было организовано просвѣтительное учрежденіе по образцу чешской „Матицы“; чтобы установлена была единообразная грамматика и правописаніе для „рускаго“ (т. е. украинскаго) языка и онъ былъ ясно отграниченъ отъ польскаго и великорусскаго (соборъ, какъ и вообще все это движеніе, стремился къ отграниченію украинской народности и отъ польской и отъ великорусской),—но въ общемъ вышли наверхъ изъ русинской интеллигенціи элементы крайне консервативные, реакціонные, и движеніе не оказало возрождающаго вліянія на русинское общество. А когда правительство, послѣ подавленія революціоннаго движенія, переставъ нуждаться въ Русинахъ, перестало оказывать имъ свою поддержку, русинское движеніе падаетъ и глохнетъ.

Клерикально-консервативные элементы, игравшіе роль вождей и представителей русинскаго народа, его единственная тогда „интеллигенція“, на $^{9}/_{10}$ состоявшая изъ священниковъ и смотрѣвшая на митрополита съ его соборнымъ капитуломъ, какъ на вождей народа, почувствовали себя

безсильными и безпомощными безъ правительственной поддержки. Они остались пассивными зрителями важныхъ перемѣнъ, совершавшихся во внутреннихъ отношеніяхъ Галиціи среди затишья реакціи, воцарившейся во всей Австріи послѣ бурь 1848 г. На ихъ глазахъ реакціонные, клерикально-шляхетскіе элементы, выплывшіе наверхъ и среди польскаго общества, снискиваютъ довѣріе центральнаго правительства и получаютъ край въ свое полное, безраздѣльное и безконтрольное управленіе. Правительство головою выдаетъ польской шляхтѣ своихъ вѣрныхъ слугъ, „восточныхъ Тирольцевъ", какъ называли Русинъ за оказанную въ 1848 г. вѣрность Австріи.

Должность намѣстника Галиціи начинаетъ замѣщаться по рекомендаціи польскихъ аристократовъ; вся администрація переходитъ въ руки шляхты; польскій языкъ становится языкомъ дѣлопроизводства и сношеній, вводится въ гимназіяхъ и университетѣ для всѣхъ предметовъ. Русины увидѣли себя во власти своихъ вѣковѣчныхъ враговъ, которые пошли на службу правительству за цѣну безконтрольнаго господства въ Галиціи и приступили къ систематической работѣ (praca organiczna) надъ подавленіемъ русинскаго народа, осмѣлившагося имъ показать рога въ 1848 г., надъ превращеніемъ его въ аморфный строительный матеріалъ будущей, возобновленной Польши.

Русины немного выиграли и отъ введенія конституціи, представительнаго правленія и самоуправленія провинцій, начатаго октябрьскимъ патентомъ 1860-го и законченнаго австро-венгерскимъ соглашеніемъ 1867 г. Наоборотъ, при представительномъ образѣ правленія польская шляхта, захватившая въ свои руки представительство Галиціи, могла оказать правительству еще болѣе цѣнныя услуги, а потому и разсчитывать съ его стороны на еще большую поддержку во внутреннемъ переустройствѣ Галиціи. Задержавъ въ своихъ рукахъ управленіе краемъ, получивъ подавляющее большинство въ новоучрежденномъ галицкомъ сеймѣ, польская шляхта отгораживаетъ Галицію непроницаемой стѣною отъ

всякихъ вмѣшательствъ центральнаго правительства и парламента и, не считаясь ни съ законами, ни съ конституціей, которую на галицкой почвѣ она сводитъ къ чистой пародіи, стремится къ тому, чтобы превратить Русинъ въ своихъ гелотовъ.

Русинская интеллигенція долго ограничивалась вздохами и глухими жалобами на это усиливающееся польское господство. 1850-ые года, когда начинается эта перестройка галицкихъ отношеній, были глухимъ и темнымъ періодомъ въ жизни русинскаго общества. Начатки народничества были чрезвычайно слабы. Сравнительно смѣлыя требованія и взгляды 1848 года были забыты. Въ литературѣ и публицистикѣ, чрезвычайно жалкихъ и бѣдныхъ, снова возникли споры между сторонниками сближенія съ народомъ и его языкомъ и приверженцами „книжнаго“ языка и „высшей“ культуры, образцомъ которой являлась то старорусская книжность, то великорусская—преимущественно XVIII вѣка. И эти споры велись такъ вяло и съ такимъ слабымъ культурнымъ аппаратомъ, что совершенно не подвигали вопроса. Вопросъ объ очищеніи уніатскаго обряда занималъ умы русинскихъ интеллигентовъ-священниковъ гораздо сильнѣе. Но вообще сколько нибудь активная политика ихъ пугала, такъ какъ Русины боялись усилить шансы Поляковъ, прогнѣвивъ центральное правительство, въ ихъ глазахъ все еще остававшееся единственнымъ якоремъ спасенія.

Наконецъ, такъ называемая „азбучная война“, возгорѣвшаяся въ 1859 г. по поводу предложенія намѣстника Галиціи гр. Голуховскаго—ввести латинскій алфавитъ въ русинскую письменность, вывела Галицкую Русь изъ оцѣпенѣнія. Введеніе латинскаго „абецадла“ казалось заупокойнымъ звономъ по русинской душѣ. Съ большимъ единодушіемъ, забывъ свои распри, Русины выступили противъ этого проекта и успѣли убить его: встрѣтивъ рѣшительный моментъ, правительство не настаивало на немъ.

Этотъ эпизодъ яснѣе поставилъ передъ глазами русинской интеллигенціи опасность, грозившую имъ отъ возро-

ждающейся Польши. Бездѣйствіе грозило гибелью, нужно было искать выхода. Къ активной борьбѣ, къ организаціи русинскаго народа противъ польскаго господства священники и чиновники были неспособны. Имъ нужна была внѣшняя опора. Извѣрившись въ австрійскомъ правительствѣ, они все сильнѣе начинаютъ обращать свои взоры къ исконному сопернику Польши—Россіи.

Этотъ поворотъ подготовлялся постепенно. Приверженцы высшей культуры и „салоннаго языка", за неимѣніемъ таковаго на мѣстѣ, давно уже стали обращаться къ великорусской книжной рѣчи, и свое „язычіе" уподоблять этой послѣдней. Это тяготѣніе было поддержано сношеніями съ нѣкоторыми русскими панславистами, особенно Погодинымъ. За чисто литературнымъ тяготѣніемъ пошло и политическое. Русское вмѣшательство въ венгерскую кампанію надолго оставило импозантное впечатлѣніе въ Галиціи, черезъ которую проходили русскія войска. Они напомнили о существованіи въ могущественномъ сосѣднемъ государствѣ „русской вѣры" и „русскаго языка" (сумароковскаго типа), довольно близкаго къ книжнымъ упражненіямъ Галичанъ. Вздыхая подъ гнетомъ польской шляхты, галицкіе „патріоты" съ удовольствіемъ останавливали свои мечты на русскомъ царствѣ, такъ рѣзко и безпощадно подавившемъ у себя стремленія Поляковъ къ возстановленію исторической Польши. Николаевская Россія рисовалась мечтающимъ Галичанамъ—священникамъ и чиновникамъ—въ идеальныхъ чертахъ. Мечты о ней подогрѣлъ погромъ Австріи подъ Садовой. Ожидали близкаго разрушенія Австріи, и русская оккупація Галиціи казалась уже близкою.

Въ такихъ обстоятельствахъ представители „москвофильскаго" теченія (какъ оно было названо) выступили въ львовской газетѣ „Слово" 27/VII 1866, подъ впечатлѣніемъ Кениггреца, съ новымъ credo, которое затѣмъ было разработано въ подробностяхъ: галицкіе Русины—одинъ народъ съ Великоруссами; нѣтъ никакихъ Русинъ, есть только одинъ „русскій" народъ, отъ Карпатъ до Камчатки; украин-

ская рѣчь—говоръ „русскаго языка“, отличающійся только произношеніемъ, и „въ одинъ часъ“ Галичанинъ можетъ научиться говорить по-великорусски—подъ такимъ заглавіемъ вышло тогда и руководство: „Въ одинъ часъ выучиться Малорусину по-великорусски“. Поэтому трудиться надъ созданіемъ народной украинской литературы—праздная затѣя: вѣдь есть готовая великорусская литература, которую нужно только усвоить.

Въ этомъ направленіи пошло большинство галицкаго общества, въ числѣ его и люди, такъ недавно (на Соборѣ 1848 г. и въ тогдашнихъ изданіяхъ) защищавшіе самобытность и отдѣльность украинскаго языка, необходимость національнаго развитія Русинъ на народной основѣ и тѣсныхъ связей съ Украиною. Во главѣ ихъ оказался одинъ изъ представителей „Тройцы“ Яковъ Головацкій, занявшій новооткрытую кафедру украинскаго языка и литературы во Львовскомъ университетѣ и возвеличившій тогда украинскій языкъ громкою фразою, получившею значительную популярность *). Теперь и его, какъ многихъ другихъ, подхватила москвофильская волна. Къ консервативнымъ, бюрократическимъ симпатіямъ этой священнической и чиновничьей „интеллигенціи“ какъ нельзя больше подходила дореформенная Россія (прогрессивная Россія 60-хъ и послѣдующихъ годовъ была и осталась имъ неизвѣстною и чуждою), а ея общественной инерціи и лѣности мысли какъ нельзя болѣе благопріятствовала москвофильская постановка русинскаго вопроса. „Патріотамъ“ этого калибра она удивительно облегчала положеніе: несомнѣнно, легче было признать

*) «Бандтке называетъ его прекраснѣйшимъ изъ славянскихъ, Мицкевичъ—изъ русскихъ языковъ, Бодянскій превозноситъ его поэтичность и музыкальность и ставитъ наравнѣ съ греческимъ и итальянскимъ, Коубекъ и Мацеевскій считаютъ его лучшимъ чешскаго, Раковецкій сожалѣетъ, что онъ не сдѣлался господствующимъ во всей Россіи, а знаменитый великорусскій писатель Даль-Луганскій признаетъ ему первенство предъ великорусскимъ народнымъ и книжнымъ языкомъ». («Розправа о языцѣ южнорусскомъ», 1850).

положеніе Галиціи безвыходнымъ и возложить надежду на оккупацію ея Россіею *), чѣмъ работать надъ организаціею народныхъ силъ, развитіемъ просвѣщенія и экономическаго благосостоянія народа и бороться, вступая въ борьбу за его интересы съ Поляками и правительствомъ.

Но рядомъ съ этимъ клерикально-бюрократическимъ большинствомъ выступаетъ меньшинство—особенно изъ тогдашней молодежи, которому украинское движеніе въ Россіи, оживившееся какъ разъ тогда (съ конца 50-хъ годовъ), было симпатичнѣе, а народная украинская литература съ ея демократическимъ и народническимъ направленіями и романтическими мечтами о козачинѣ—ближе и понятнѣе и по языку, и по содержанію, чѣмъ великорусская литература „временъ очаковскихъ и покоренья Крыма", къ которой отсылали ихъ москвофилы (иначе „староруссы" или „твердые" Русины). Эта молодежь находила болѣе достойнымъ работать надъ улучшеніемъ положенія своей порабощенной народности, чѣмъ желать расплыться въ „русскомъ морѣ", и предпочитала обрабатывать народный языкъ—„языкъ пастуховъ и свинопасовъ", какъ его презрительно называли приверженцы „салоннаго" языка, чѣмъ „штокать" и „какать" съ изучившими „въ одинъ часъ" великорусскій языкъ своими „твердыми" земляками **). Среди этой молодежи широко распространяется идеализація козачины (студенты и гимназисты даже одѣвались „по-козацки"), Украина для нихъ является священною землею, „Кобзарь" Шевченка—евангеліемъ. Представители этого направленія стараются прибли-

*) Русскій путешественникъ, посѣтившій въ 1860-хъ гг. Львовъ, разсказываетъ о галицкихъ патріотахъ, встрѣченныхъ имъ на замковой горѣ: они объяснили ему, что на своихъ прогулкахъ высматриваютъ, не приближаются ли освободители—русскія войска!..

**) Это изученіе ограничивалось обыкновенно усвоеніемъ нѣсколькихъ словъ, употреблявшихся гдѣ попало, когда «изучившій» хотѣлъ щегольнуть своимъ образованіемъ. Вслѣдствіе этого великорусскій языкъ «твердыхъ» Галичанъ сдѣлался притчею во языцѣхъ Только въ самое послѣднее время москвофильская молодежь нѣсколько болѣе усвоетъ великорусскій языкъ.

зиться къ языку украинскихъ писателей, какъ образцовой обработкѣ народнаго языка, и въ своей литературной дѣятельности примыкаютъ къ украинскому литературному движенію получивъ и названіе „Украинцевъ“ или „народовцевъ“.

Въ 1862 г. выходитъ первый литературный органъ этого направленія — „Вечерницї“, литературный еженедѣльникъ, въ значительной степени заполненный перепечатками украинскихъ поэтовъ и прозаиковъ. Но кружокъ народовцевъ былъ еще слишкомъ слабъ; „Вечерницї“ не просуществовали и года, а журналы, основывавшіеся взамѣнъ ихъ (Мета, Нива, Русалка, 1863—66), были еще менѣе долговѣчны, и только съ 1867 г. налаживается журналъ „Правда“ и издается потомъ до 1880 г. Такъ какъ въ Россіи украинскія періодическія изданія не могли выходить вовсе, то „Правда“ до нѣкоторой степени служила органомъ всеукраинскимъ, насколько это возможно было при цензурныхъ стѣсненіяхъ, не допускавшихъ ее, какъ и другихъ галицкихъ украинофильскихъ изданій, въ Россію.

Это было именно время, когда поборники національнаго развитія украинской народности въ Россіи, встрѣтясь съ категорическими запрещеніями правительства, приходятъ къ сознанію необходимости перенести свою дѣятельность въ Галицію, создавъ изъ нея своего рода духовный украинскій Пьемонтъ, пріютъ, гдѣ бы украинство могло двигаться и развиваться въ ожиданіи прекращенія стѣсненій въ Россіи. Между тѣмъ какъ правительственные и офиціозные круги Россіи поддерживали москвофильскія изданія и организаціи Галиціи *), приверженцы украинскаго возрожденія въ Россіи приходятъ на помощь неокрѣпшимъ медленно развивавшимся побѣгамъ народовства въ Галиціи. Матеріальною и мо-

*) Такъ, напр., извѣстное намъ особое совѣщаніе по вопросу объ украинствѣ 1875 г., вырабатывая запретительныя мѣры противъ украинства въ Россіи, одновременно признало необходимымъ субсидировать «Слово»—главный органъ галицкихъ москвофиловъ, для противодѣйствія развитію украинства въ Галиціи.

ральною поддержкою, личнымъ вліяніемъ, перепиской, сочиненіями, сотрудничествомъ въ галицкихъ изданіяхъ они содѣйствуютъ развитію національнаго движенія въ Галиціи и создаютъ почву, на которой могли осуществлять свою національную программу въ культурной, соціальной, политической сферѣ. Конечно, это развитіе украинства въ Галиціи, плоды котораго обыкновенно оставались совершенно недоступными для болѣе широкихъ круговъ въ Россіи, далеко не вознаграждало за лишеніе возможности работать въ этомъ направленіи у себя дома, непосредственно для украинскаго населенія Россіи, но все же давало возможность движенія, прогресса, и поэтому наиболѣе дѣятельные и энергическіе приверженцы украинскаго движенія переносятъ свою дѣятельность въ Галицію, особенно въ періоды наиболѣе рѣзкихъ и полныхъ запрещеній украинскаго слова въ Россіи.

Уже послѣ перваго запрещенія украинской литературы въ Россіи (1863 г.) многіе украинскіе писателя входятъ въ сношенія съ народовскими кружками Галичины, принимаютъ участіе въ ихъ изданіяхъ, оказываютъ имъ моральную и матеріальную поддержку, особенно необходимую на первыхъ порахъ, когда народовство опиралось на небольшихъ кружкахъ, преимущественно молодежи. Въ этомъ первомъ періодѣ, 60-хъ и начала 70-хъ годовъ, особенно дѣятельное участіе въ галицкихъ изданіяхъ принималъ и пользовался здѣсь вліяніемъ и авторитетомъ П. Кулишъ. Его занимали особенно національныя отношенія Украины, такъ сказать ликвидація національныхъ споровъ съ Польшею и Москвою, и онъ дѣлаетъ въ Галиціи попытки устроить союзъ украинства съ правящею польскою партіею. Эти попытки, какъ можно было предвидѣть, окончились полной неудачей: украинское возрожденіе и польская шляхта, вѣрная идеѣ исторической Польши,—это были элементы несоединимые, и Кулишъ самъ въ концѣ концовъ въ этомъ убѣдился (1882); но независимо отъ этого его дѣятельность имѣла большое значеніе въ исторіи галицкаго возрожденія 1860—70-хъ гг. Кромѣ него, усердно работаютъ въ галицкихъ изданіяхъ дру-

гіе писатели изъ россійской Украины, какъ Кониcкій, Нечуй-Левицкій и пр. При слабости культурныхъ силъ народовства эта поддержка возрожденной галицкой литературѣ была чрезвычайно цѣнна. Въ 80-хъ годахъ пріобрѣтаетъ важное значеніе дѣятельность украинскаго эмигранта, бывшаго профессора кіевскаго университета Драгоманова. Поселившись въ Вѣнѣ, затѣмъ въ Женевѣ, онъ поддерживаетъ отсюда живыя сношенія съ галицкою интеллигенціею и галицкими изданіями и оказываетъ большое вліяніе на галицкихъ народовцевъ, хотя и въ совершенно иномъ смыслѣ, чѣмъ, напримѣръ, Кулишъ. Собственно національныя отношенія занимали Драгоманова довольно мало; онъ былъ неустаннымъ и очень рѣзкимъ проповѣдникомъ европеизаціи народовства и украинофильства, сообщенія ему прогрессивнаго характера, соціальнаго содержанія, въ духѣ умѣреннаго („постепеновскаго") соціализма, и въ этомъ смыслѣ оставилъ глубокіе слѣды въ исторіи украинскаго, спеціально галицкаго возрожденія, которое дѣйствительно нуждалось въ воздѣйствіи въ такомъ направленіи.

Выросши изъ кружковъ молодежи 60-хъ годовъ, народовство въ 70-хъ годахъ становится уже значительною силою. Это—меньшинство въ сравненіи съ представителями „твердаго" или москвофильскаго направленія, но меньшинство сильное, жизненное, привлекавшее къ себѣ все болѣе живое въ обществѣ. Въ то время, какъ партія „твердыхъ" коснѣла и разлагалась въ своемъ реакціоперствѣ и отчужденіи отъ народа, народовство крѣпло и разрасталось. Начавъ съ дѣятельности литературной (журналъ „Правда", общество Просьвіта для изданія книжекъ для народа съ 1868 г., Товариство імени Шевченка, основанное на капиталъ, собранный Украинцами въ Россіи), оно съ конца 70-хъ годовъ начинаетъ принимать участіе и въ политической жизни края. Однако одновременно со своимъ внѣшнимъ ростомъ оно пріобрѣтаетъ „рутенскую", какъ ее называютъ, клерикально-бюрократическую окраску, хотя и не такую глубокую, какъ у „твердыхъ". Политическій союзъ народовцевъ

съ партіей „твердыхъ", заключенный для борьбы съ Поляками въ 1880-хъ годахъ, также не прошелъ безъ нѣкотораго неблагопріятнаго вліянія на прогрессивность народовства.

Въ борьбѣ съ этимъ галицкимъ „рутенствомъ" и состоитъ заслуга Драгоманова, который входитъ съ 1876 г. въ сношенія съ львовскою молодежью и позже основываетъ въ Женевѣ журналъ „Громаду" для пропаганды прогрессивныхъ идей въ галицкихъ и украинскихъ кругахъ. Въ Россію его изданія, по внѣшнимъ условіямъ, проникали меньше, но въ Галиціи публицистическая дѣятельность его и его союзниковъ, какіе нашлись среди галицкой молодежи (особенно Остапа Терлецкаго и Ивана Франка), имѣла большое вліяніе.

Около 1890 г. вожди народовцевъ разорвали свой союзъ съ москвофилами и вошли въ союзъ съ правительствомъ, привлеченные обѣщаніемъ существенныхъ національныхъ уступокъ. Этотъ оппортунизмъ былъ очень несочувственно принятъ галицкимъ обществомъ, такъ какъ на дѣлѣ это оказалось союзомъ съ польскою шляхтою, представляющею правительство для Галиціи. Кружокъ Драгоманова, незадолго передъ тѣмъ отдѣлившійся отъ народовцевъ и организовавшійся въ отдѣльную партію такъ называемыхъ радикаловъ, нашелъ живое сочувствіе своею критикою народовскаго оппортунизма (т. н. новой эры), и это много содѣйствовало успѣхамъ новой партіи. Какъ партія, впрочемъ, она не процвѣла, но имѣла немалое значеніе какъ стимулъ прогрессивности для народовцевъ, лѣвое крыло которыхъ она представляла. Въ продолженіе 1890-хъ годовъ народовцы подвинулись такъ сильно влѣво, что въ концѣ 1900 года могло произойти ихъ сліяніе съ радикалами: народовская партія приняла всѣ главные пункты радикальной программы— соціальнаго и прогрессивнаго характера. Хотя нельзя сказать, чтобы эти принципы глубоко проникли въ массу народовской партіи—которая послѣ этой своей реформы принимаетъ оффиціальное названіе „національно-демократиче-

ской", но само оффиціальное принятіе этихъ принциповъ въ ея программу было интереснымъ симптомомъ. Радикальная партія послѣ этого существуетъ только по имени; ея мѣсто на лѣвомъ крылѣ заступаетъ соціально-демократическая партія, имѣющая значительную популярность среди молодежи, но въ общемъ пока также не преуспѣвающая, такъ какъ массу народа составляютъ мелкіе собственники-крестьяне, а городской пролетаріатъ сильно денаціонализированъ.

Эта эволюція украинскихъ націоналистовъ Галиціи въ 90-хъ годахъ имѣла значеніе не только мѣстное, но и болѣе широкое—для украинскаго возрожденія вообще, потому что въ послѣднее десятилѣтіе XIX в. Галиція сдѣлалась центромъ украинскаго движенія для всѣхъ украинскихъ земель и задавала тонъ украинскому возрожденію. Тяготѣніе украинскихъ писателей къ Галиціи, начавшееся уже съ 1860-хъ гг., все усиливается по мѣрѣ того, какъ національное движеніе въ Галиціи крѣпло и изъ наивнаго козакофильства переходило къ разрѣшенію проблемъ культурнаго, соціальнаго и политическаго развитія народа. Въ 1873 г. кружокъ украинофиловъ въ Россіи собираетъ небольшой (около 9.000 гульд.) капиталъ для основанія въ Галиціи постояннаго учрежденія для содѣйствія развитію украинской литературы; на эти деньги была основана небольшая типографія и этимъ положено начало „Товариству імени Шевченка",—учрежденію, которому—хотя значительно позже—дѣйствительно суждено было стать первостепеннымъ очагомъ украинскаго возрожденія и превзойти самыя смѣлыя надежды основателей. На первыхъ порахъ, вслѣдствіе незначительности своего основного капитала и слабости культурныхъ силъ Галиціи, это учрежденіе только прозябало. Интенсивный ростъ его начинается въ 90-хъ годахъ, когда въ немъ начинаетъ организоваться научная работа и кладутся прочныя основы для украинской науки.

Такъ какъ въ Россіи научная литература на украинскомъ языкѣ была абсолютно воспрещена, то къ организованной

въ Товариствѣ Шевченка научной работѣ примкнули и писавшіе по-украински ученые изъ Россіи, и оно получило значеніе представителя украинской науки вообще. Еще прежде примкнули Украинцы изъ Россіи къ литературнымъ изданіямъ Товариства Шевченка. Съ 1885 г. Товариство взяло на себя изданіе литературнаго еженедѣльнаго журнала „Зоря". До 1894 г. это изданіе допускалось въ Россію и въ 90-хъ годахъ получило довольно широкое распространеніе. Основанный Товариствомъ Шевченка въ 1898 г. взамѣнъ „Зори", литературно-научный журналъ, по типу европейскихъ revue—„Літературно-Науковий Вістник", допускавшійся въ продолженіе трехъ лѣтъ въ Россію довольно свободно, имѣлъ для россійской Украины еще большее значеніе въ томъ же смыслѣ: „Зоря" и „Л.-Н. Вістник" оживили литературную дѣятельность среди Украинцевъ въ Россіи, подняли ея уровень, расширили кругозоръ, вообще дали сильный толчокъ украинству. Даже чисто-политическая, партійная жизнь Галиціи возбуждала живое участіе Украинцевъ изъ Россіи; галицкія изданія радикальной партіи 90-хъ годовъ выходили на средства, доставлявшіяся изъ Россіи, и галицкая политика возбуждала живѣйшій интересъ здѣсь, среди того затишья, на которое было обречено украинство въ Россіи.

Въ виду сказаннаго будетъ вполнѣ понятно, почему эволюція украинства въ Галиціи, получившей значеніе украинскаго центра,—была эволюціей украинства вообще. Изъ скромныхъ народническихъ опытовъ и начатковъ изученія Украины, въ которыхъ обращалось украинство 1860-хъ и начала 1870-хъ гг. въ Россіи (не говоря уже о Галиціи), оно выросло, благодаря соединеннымъ усиліямъ галицкихъ и украинскихъ дѣятелей на галицкой почвѣ, до размѣровъ настоящаго національнаго движенія, развившаго во всей широтѣ національную программу и вступившаго на путь ея осуществленія. Развитіе на національной украинской основѣ различныхъ партій—съ болѣе умѣренными и съ крайними программами и требованіями, политическая, экономическая

и просвѣтительная организація народныхъ массъ, начатки политической и національной борьбы, сильный культурный ростъ, сказавшійся въ успѣхахъ научной дѣятельности на народномъ языкѣ и расцвѣтѣ литературы,—все это должно было внушить иныя понятія объ украинствѣ и разсѣять много ошибочныхъ мнѣній о немъ у чужихъ и своихъ. Должны были вполнѣ исчезнуть предубѣжденія тѣхъ, которые смотрѣли на украинство, какъ на романтическій архаизмъ, несовмѣстимый съ прогрессивнымъ движеніемъ, и страхи тѣхъ украинофиловъ, которые хотѣли оградить украинскіе круги отъ вліянія современныхъ прогрессивныхъ теченій, боясь, что увлеченіе ими будетъ имѣть результатомъ равнодушіе къ украинскому національному вопросу и украинской національности. Мотивы, руководившіе украинскими дѣятелями 1860—1890-хъ гг., переносившими центръ тяжести украинскаго движенія на галицкую почву, вполнѣ оправдали себя, и ихъ энергія и средства, вложенныя въ развитіе украинства въ Галиціи, принесли желанные плоды.

Литература: кромѣ названнаго въ предыдущей главѣ труда Огоновскаго (Исторія литературы рускои, т. II—IV) и V т. Збірника історично-фільософічної акції Наукового товариства ім. Шевченка, еще: Ост. Терлецький—Літературні стремлїння галицьких Русинів (въ журналѣ Житє і Слово, 1894), и его же Галицко-руське письменство 1848—1865 (Львовъ, 1903) (книга даетъ больше, чѣмъ обѣщаетъ заглавіе, заключая въ себѣ очеркъ жизни галицкаго общества). Для исторіи борьбы за языкъ въ 1850-хъ гг. новая работа К. Студинскаго: Кореспонденция Якова Головацького, 1905. Для 1870—1890 гг. Ів. Франко З останнїх десятолїть XIX-го віку, въ журналѣ Літературно-Науковий Вістник, 1901, VII—IX, и рядъ литературныхъ портретовъ тамъ же, за разные годы.

XXV.

Моя задача не была бы исполнена, если бы къ обзору историческихъ судебъ украинской народности я не присоединилъ очерка ея положенія въ данный моментъ. Конечно,

очеркъ этотъ можетъ быть только кратокъ и неполонъ, но онъ необходимъ здѣсь хотя бы въ самой сжатой формѣ.

Я долженъ начать свой обзоръ съ Галичины, которая шла во главѣ украинскаго національнаго движенія въ послѣднемъ десятилѣтіи и представляла собою центръ украинскаго возрожденія. Такое положеніе ея однако представляетъ совершенную аномалію. Общественныя и экономическія условія Галиціи вовсе не благопріятствуютъ такой первенствующей роли ея, не говоря уже о томъ, что географическій центръ украинскихъ земель—на Днѣпрѣ, и историческій центръ ихъ—въ Кіевѣ. Только внѣшнія стѣсненія могли заставить передвинуться центръ тяжести украинскаго движенія изъ его естественнаго центра въ эту западную окраину, несмотря на тяжелыя условія своего существованія еще разъ сослужившую великую службу украинскому народу въ качествѣ хранилища украинской жизни и культуры.

Многовѣковое господство Поляковъ въ Галиціи разорило этотъ несчастный край, не давъ ему взамѣнъ ничего хорошаго. Старые украинскіе боярскіе роды, владѣльческій классъ ополячился всецѣло. Города и мѣстечки заполнены Евреями, оттѣснившими туземцевъ отъ торговли и ремесла. Въ болѣе значительныхъ городахъ мѣщане Русины ополячились также. Своей народности остались вѣрны только крестьяне и отчасти мелкіе мѣщане менѣе значительныхъ городовъ и мѣстечекъ. Ихъ въ общей сложности около трехъ съ половиною милліоновъ—но въ какомъ плачевномъ экономическомъ положеніи!

Господствуя неограниченно, захвативъ въ свои руки земли—этотъ главный капиталъ края, польская шляхта (въ рукахъ которой еще теперь находится около двухъ пятыхъ воздѣлываемой земли)*) ограничивалась хищническимъ, вар-

*) Послѣдній ударъ крестьянскому землевладѣнію и хозяйству нанесенъ былъ шляхтою крестьянамъ уже подъ властью Австріи; благодаря близорукости австрійскаго правительства, помѣщики присвоили лѣса и пастбища, находившіеся въ общемъ владѣніи помѣщиковъ съ крестьянами. Процессы за эти сервитуты окончились для крестьянъ полной неудачей, разоривъ ихъ еще болѣе.

варскимъ расхищеніемъ природныхъ богатствъ этого края, описываемаго старыми писателями, какъ роскошная, текущая медомъ и млекомъ земля. Шляхта вырубила лѣса, истощила почву, превратила крестьянина въ нищаго, ничему не научивъ его, не насадивъ въ краѣ прогрессивныхъ формъ земледѣлія, не прививъ промышленности, кромѣ винокуренныхъ заводовъ, продуктомъ которыхъ она спаивала крестьянъ, арендуя отъ себя монопольную продажу водки Евреямъ *). Ничего не сдѣлало для улучшенія хозяйства и развитія фабричной и заводской промышленности и австрійское правительство, получившее въ Галиціи по наслѣдству отъ Польскаго государства большія государственныя земли. Край въ настоящее время совершенно лишенъ фабричной и заводской промышленности, и развитіе ея теперь встрѣчаетъ уже чрезвычайныя трудности не только въ инертности господствующаго класса и въ политиканствѣ мѣстной (польской) администраціи, но и въ невозможномъ фискализмѣ австрійской податной системы и въ конкурренціи другихъ провинцій Австріи, отстаивающихъ свои экономическіе интересы, между тѣмъ какъ шляхетскіе представители Галиціи стремятся только къ сохраненію своего господства въ краѣ и совершенно равнодушны къ интересамъ населенія. Впрочемъ, поддержаніе нищенскаго состоянія крестьянъ лежитъ даже въ интересахъ шляхетскихъ аграріевъ, и выходъ крестьянъ на заработки (особенно крестьянъ-Русиновъ, изъ восточной Галиціи) встрѣчается съ всевозможными трудностями и придирками со стороны администраціи **).

*) Эта водочная монополія во второй пол. XIX в. была выкуплена у помѣщиковъ правительствомъ, но оно, въ свою очередь, сдаетъ эту монополію въ аренду помѣщикамъ и Евреямъ. Крестьянство, оплативъ стоимость выкупа, по-прежнему содержитъ сословіе арендаторовъ и кабатчиковъ (крестьянскимъ обществамъ администрація въ аренду водочной монополіи не даетъ).

**) Въ прошломъ (1905) г. были опубликованы извѣстія о противозаконныхъ стѣсненіяхъ, дѣлаемыхъ Русинамъ-крестьянамъ при выходѣ на заработки въ Пруссію. Раньше всевозможныя затрудненія дѣлались эмигрантамъ, направлявшимся въ Америку. Администрація дѣйствовала въ интересахъ польскихъ аграріевъ Галиціи.

Свыше 75% населенія Галиціи живетъ земледѣліемъ. Но не больше 10—12% крестьянскихъ хозяйствъ имѣетъ такіе участки, которые бы могли, при весьма примитивныхъ способахъ хозяйства и низкихъ цѣнахъ на продукты, создаваемыхъ конкурренціею сосѣднихъ земледѣльческихъ странъ (Россіи и Венгріи), содержать крестьянскую семью и удовлетворять чрезвычайно неприхотливымъ потребностямъ ея. Средняя величина крестьянскихъ участковъ (исключая горныя области, съ очень слабо развитымъ земледѣліемъ), колеблющаяся между 3 и 5 моргами (отъ двухъ до трехъ десятинъ), совершенно недостаточна для содержанія крестьянской семьи. Огромная, преобладающая масса крестьянства должна искать постороннихъ заработковъ. При отсутствіи промышленности и препятствіяхъ, какія ставятся администраціею отхожимъ промысламъ, за заработкомъ приходится обращаться къ помѣщикамъ; но эти послѣдніе, имѣя рабочія руки въ изобиліи, не опасаясь конкурренціи, а притомъ и хозяйничая очень плохо, — держатъ цѣны на чрезвычайно низкомъ уровнѣ: во время полевыхъ, напр., работъ поденная плата во многихъ мѣстностяхъ восточной Галиціи и теперь колеблется между 25 и 75 крейцеровъ (отъ 20 до 60 копѣекъ) на своихъ харчахъ, а въ остальные мѣсяцы понижается до 15—20 кр. Крестьянскія стачки, организованныя въ 1902 г., квалифицировались какъ преступленіе, по самымъ маловажнымъ поводамъ и безъ всякихъ поводовъ влекли аресты, процессы, обвинительные приговоры, и были подавлены такимъ образомъ.

Стремленія къ поднятію народнаго благосостоянія вообще встрѣчаютъ тяжелыя препятствія; интересы правящаго класса шляхетскихъ аграріевъ усугубляются стремленіями къ поддержанію полнаго и безраздѣльнаго господства польской народности надъ украинскою, и всякое усиленіе русинскихъ народныхъ массъ, всякій прогрессъ — экономическій, культурный, политическій—встрѣчается съ явнымъ или тайнымъ противодѣйствіемъ правящаго польскаго класса, имѣющаго къ своимъ услугамъ администрацію и неограниченный

кредитъ у центральнаго правительства. Подъ пятивѣковымъ господствомъ этой польской шляхты Галичина стала ославленнымъ краемъ нищеты, безправія и эпидемій, широко популярнымъ съ этой стороны у ближнихъ и дальнихъ сосѣдей,—краемъ, наиболѣе запущеннымъ, темнымъ и бѣднымъ во всей западной Европѣ, лишеннымъ промышленности и торговли, совершенно пассивнымъ въ своемъ балансѣ, — и русинское крестьянство въ этихъ невыносимыхъ условіяхъ, усугубляемыхъ національнымъ гнетомъ и препятствіями во всѣхъ усиліяхъ къ улучшенію своего положенія, хронически бѣднѣетъ, теряетъ всякую возможность человѣческаго существованія и массами эмигрируетъ, главнымъ образомъ въ Сѣв. Америку. Нѣтъ населенія въ Европѣ болѣе несчастнаго, чѣмъ галицкіе (и угорскіе) Русины. Прежде съ ними соперничала Ирландія, теперь—когда Ирландіи улыбается лучшее будущее, Галиціи грозитъ перспектива сдѣлаться уникатомъ въ Европѣ, и нѣтъ ей выхода изъ этого положенія, пока не будетъ сломлено нынѣшнее господство польской шляхты.

Русинская интеллигенція все еще очень слаба. Первые кадры ея составило духовенство, съ повышеніемъ его образовательнаго ценза въ началѣ XIX в. Только въ послѣдней четверти XIX в. появляется сколько нибудь значительная свѣтская интеллигенція, преимущественно изъ чиновниковъ и отчасти—лицъ свободныхъ профессій. Но интеллигенція эта, вышедшая изъ среды сельскаго духовенства и крестьянства, бѣдна и зависима. Большая часть чиновниковъ, боясь преслѣдованій со стороны высшихъ властей, принимаетъ слабое участіе не только въ политической, но и въ культурной жизни, такъ какъ даже на культурное движеніе среди русинскаго населенія польская администрація края смотритъ недоброжелательно. Главную часть работы въ политическомъ и культурномъ освѣдомленіи народныхъ массъ, въ политической и національной борьбѣ до послѣдняго времени несло на себѣ сельское духовенство, которое все еще, несмотря на всѣ старанія оторвать его отъ народа, не утратило своей

связи съ народною массою и даетъ большое число стойкихъ защитниковъ его интересовъ, друзей его прогресса.

Сколько нибудь вліятельныя должности для Русиновъ закрыты. Администрація вся въ рукахъ Поляковъ и заботливо служитъ сохраненію господства польской народности и въ частности польской шляхты. Выборы депутатовъ проходятъ подъ сильнѣйшимъ давленіемъ мѣстной администраціи, со всякими злоупотребленіями, вплоть до открытаго насилія и кражи голосовъ изъ избирательныхъ урнъ. Благодаря этому, представительство Русинъ въ парламентарныхъ учрежденіяхъ совершенно незначительно. Въ мѣстномъ сеймѣ (лавдтагѣ) Русины не имѣютъ и 10 представителей, свободно ими выбранныхъ, на 161 общаго числа; въ вѣнскомъ парламентѣ они имѣютъ всего 6—7 депутатовъ (вмѣстѣ съ Буковиною), между тѣмъ какъ Поляки, представляющіе почти равное по численности населеніе, имѣютъ до 70. Имѣя въ польскихъ депутатахъ вѣрныхъ слугъ, правительство совершенно не считается съ голосомъ Русинъ и отдаетъ ихъ въ полное распоряженіе Поляковъ.

Подъ давленіемъ администраціи, школа въ Галиціи также служитъ польскимъ національнымъ цѣлямъ. Организаціею народныхъ школъ Галиція вообще не можетъ похвалиться; изъ отчета за 1903—4 годъ выходитъ, что около 36% сельскихъ обществъ не имѣло школъ; изъ 7.317 тысячъ населенія Галиціи по послѣдней переписи (1900 г.) 4.660 тысячъ не умѣли ни читать, ни писать. Но украинское населеніе края поставлено еще въ далеко худшія условія, чѣмъ польское. Въ мѣстностяхъ съ украинскимъ (русинскимъ) населеніемъ процентъ обществъ, не имѣющихъ школъ, или имѣющихъ ихъ только на бумагѣ, значительно больше, чѣмъ въ западной Галиціи, съ ея сплошнымъ польскимъ населеніемъ; значительный процентъ украинскихъ дѣтей принужденъ посѣщать польскія школы; народныя школы высшихъ типовъ въ восточной Галиціи, съ ея преобладающимъ кореннымъ украинскимъ населеніемъ, исключительно польскія. Школы низшихъ типовъ съ преподаваніемъ на украинскомъ

языкѣ хотя довольно многочисленны *), но въ дѣйствительности ихъ далеко нельзя назвать украинскими, и культурныя потребности украинскаго населенія обслуживаются ими очень плохо.

Хотя обученіе польскому языку должно быть необязательно, онъ въ дѣйствительности не только обязателенъ, но преподавателямъ поручается обращать даже главное вниманіе на его усвоеніе; на эту сизифову работу уходитъ вся энергія преподавателей и учениковъ, и реальныхъ свѣдѣній школа даетъ мало. Притомъ зачастую преподавательскія мѣста въ украинскихъ школахъ замѣщаются Поляками и Польками, совершенно не знающими украинскаго языка, и тогда „преподаваніе на русинскомъ языкѣ“ превращается уже въ совершенную пародію, и дѣтямъ вовсе ужъ мудрено чему нибудь научиться въ такой школѣ. Между тѣмъ, подготовка преподавательскихъ силъ поставлена такъ, что украинскихъ силъ не достаетъ все болѣе и болѣе: украинскихъ семинарій нѣтъ, есть польскія и нѣсколько такъ называемыхъ утраквистическихъ (съ преподаваніемъ якобы на обоихъ языкахъ, но въ дѣйствительности на польскомъ), а благодаря политикѣ, господствующей въ семинаріяхъ, число кандидатовъ и кандидатокъ украинской народности въ нихъ сравнительно невелико **), и если украинскому обществу не удастся помочь дѣлу учрежденіемъ частныхъ учительскихъ семинарій, или если не прекратится нынѣшняя

*) Въ 1903—4 гг. ихъ было 2086 (польскихъ было 2303).

**) По переписи 1900 г. въ Галиціи было 2773 учителей-Поляковъ, 1316 учителей-Русинъ (вѣрнѣе уніатовъ, такъ какъ статистика по національностямъ въ Галиціи замѣняется статистикою по исповѣданіямъ), 3424 учительницъ-Полекъ, 387 учительницъ-Русинокъ (хотя число русинскихъ школъ, особенно на бумагѣ, какъ мы видѣли, превосходило число польскихъ). Между тѣмъ въ учительскихъ семинаріяхъ число учащихся украинской народности не превосходитъ 25—30% и не имѣетъ шансовъ увеличиться: сравненіе цифръ за нѣсколько лѣтъ указываетъ на существованіе для кандидатовъ и кандидатокъ украинской народности извѣстныхъ опредѣленныхъ нормъ, ихъ же не прейдеши.

система, то въ будущемъ украинскимъ школамъ грозитъ потеря и того слабаго украинскаго характера, который онѣ еще имѣютъ.

Еще болѣе осязательно и открыто выступаетъ не знающая удержу и мѣры національная политика польскаго правящаго класса въ сферѣ средняго образованія, гдѣ принимаются всѣ мѣры къ тому, чтобы предохранить край отъ страшнаго бѣдствія — перепроизводства русинской интеллигенціи. Когда нѣмецкій преподавательскій языкъ въ среднихъ школахъ рѣшено было замѣнить мѣстными языками (въ 1848 г.), въ среднія школы восточной Галиціи долженъ былъ быть введенъ языкъ русинскій, но Поляки, получивъ рѣшающій голосъ въ дѣлахъ края, добились того, что при осуществленіи этой реформы въ концѣ 1860-хъ гг. въ среднихъ школахъ восточной, какъ и западной Галиціи, былъ введенъ языкъ польскій, а Русинамъ удалось отстоять только одну гимназію во Львовѣ, ведшую свою традицію отъ учрежденнаго въ XVIII в. русинскаго лицея. Мало того, чтобы обезпечить польскій характеръ средней школѣ и на будущее время, польское большинство галицкаго сейма провело, несмотря на энергическую оппозицію русинскаго меньшинства, законъ, по которому на будущее время введеніе русинскаго языка въ какой либо средней школѣ или открытіе такой школы съ преподаваніемъ на русинскомъ языкѣ можетъ состояться не иначе, какъ съ разрѣшенія галицкаго сейма. Этотъ законъ, санкціонированный правительствомъ въ угоду польскому парламентарному клубу, отдалъ въ руки правящаго польскаго класса ключъ къ культурному развитію галицкихъ Русинъ, и онъ, ревниво охраняя преобладаніе польскаго элемента, сдѣлалъ какъ можно большее употребленіе изъ этого исключительнаго права (не имѣющаго ничего подобнаго въ жизни другихъ провинцій Австріи). Усиленно добиваясь новыхъ польскихъ школъ и получая ихъ, польское представительство всячески тормозило правительственные проекты, направленные къ увеличенію школъ съ языкомъ русинскимъ. Происходили цѣлыя войны, уходили годы борьбы,

всяческихъ усилій съ русинской стороны и всевозможныхъ увертокъ и прямыхъ отпоровъ со стороны польской, прежде чѣмъ удавалось склонить польское большинство сейма къ согласію на открытіе еще одной гимназіи съ преподаваніемъ на русинскомъ языкѣ.

Исторія послѣдней изъ этихъ гимназій (въ Станиславовѣ) является чрезвычайно характернымъ показателемъ этихъ отношеній. Въ виду значительнаго числа учащихся-Русинъ въ Станиславовѣ, по школьнымъ правиламъ, должна была быть образована параллельная русинская гимназія, и правительство уже внесло въ свой бюджетъ суммы на этотъ предметъ, но польскій парламентарный клубъ наложилъ свое veto, потребовалъ перенесенія этого вопроса на рѣшеніе галицкаго сейма, и, когда это было сдѣлано, польское большинство рѣшительно не хотѣло дать своего согласія, несмотря на вліяніе правительства и на желаніе, выраженное даже самимъ императоромъ, обыкновенно не вмѣшивающимся въ эти отношенія. Станиславская гимназія выросла до значенія вопроса первостепенной важности, привела къ поголовной сецессіи изъ сейма депутатовъ-Русинъ, и въ слѣдующей сессіи (1904 г.) получила санкцію сейма только въ видѣ вознагражденія за сдержанность русинскихъ пословъ по разнымъ вопросамъ, интересовавшимъ польское большинство.

Въ результатѣ—въ восточной Галиціи, съ ея 70% украинскаго и около 16% польскаго населенія, существуетъ въ настоящее время 25 среднихъ школъ съ польскимъ языкомъ 2 съ нѣмецкимъ, а съ русинскимъ—*пять* (считая и зародышъ станиславовской гимназіи, которая даже и послѣ санкціи сейма все еще встрѣчалась съ разными „непредвидѣнными“ препятствіями къ открытію). Одна польская средняя школа приходится здѣсь приблизительно на 30 тыс. польскаго населенія, одна украинская — на 820 тыс. населенія украинскаго. Изъ числа польскихъ дѣтей среднія школы съ преподаваніемъ не на польскомъ языкѣ посѣщаетъ *два* процента, изъ числа дѣтей украинскихъ обучается въ среднихъ школахъ

съ не роднымъ языкомъ 55%. Нужно ли говорить, какое значеніе это имѣетъ въ культурномъ развитіи обѣихъ народностей? Я только укажу, что до введенія польскаго языка въ среднія школы, когда преподаваніе въ нихъ шло на нѣмецкомъ языкѣ, число учениковъ-Русинъ въ среднихъ школахъ восточной Галиціи превышало число учениковъ-Поляковъ. Теперь число учениковъ-Поляковъ превышаетъ здѣсь почти вдвое число учениковъ-Русинъ *).

Я долженъ былъ представить общую картину положенія украинской народности въ Галиціи, чтобы можно было надлежащимъ образомъ оцѣнить пріобрѣтенія здѣсь украинства. Притомъ нужно помнить, что Русины имѣютъ еще и внутренняго врага въ видѣ такъ наз. москвофиловъ. Теченіе это оскудѣваетъ съ культурнымъ подъемомъ русинской народности, но все еще имѣетъ достаточно силъ, чтобы тормозить организаціонную работу національныхъ украинскихъ группъ, тѣмъ болѣе, что „москвофилы“ получаютъ извѣстную помощь изъ Россіи, а въ послѣднее время пользуются поддержкой и польской шляхты. Въ своемъ отрицаніи украинства они предпочитаютъ школы польскія украинскимъ, культуру польскую своей національной; впрочемъ, культурныя лишенія всякаго рода они сносятъ легко, отличаясь вообще болѣе чѣмъ скромными культурными требованіями. Какъ элементъ консервативный, реакціонно-клерикальный, они пользуются сочувствіемъ правящей польской партіи, и дѣйствительно стараются, въ угоду ей, вліять на народныя массы въ духѣ интересовъ шляхты (такъ, въ 1902 г. они отклоняли крестьянъ отъ стачекъ). Еще цѣннѣе они для Поляковъ, какъ союзники противъ украинскаго національнаго движенія и политическаго развитія русинской народности; въ этомъ направленіи они дѣйствуютъ съ полною беззастѣнчивостью ренегатовъ.

Если тѣмъ не менѣе въ такихъ несказанно тяжелыхъ усло-

*) Цифровыя данныя въ моихъ статьяхъ: Къ польско-украинскимъ отношеніямъ Галиціи.

віяхъ въ Галиціи сдѣлано въ смыслѣ украинскаго національнаго развитія въ короткое время очень много, и то главнымъ образомъ своими силами, съ небольшой сравнительно поддержкою изъ россійской Украины, то это служитъ краснорѣчивымъ свидѣтельствомъ жизненности и выносливости украинской народности, не выродившейся подъ пяти-вѣковымъ гнетомъ, и ея старой культурности, не утраченной среди упадка и рабства.

Это особенно осязательно сказывается въ культурномъ движеніи, въ литературѣ, въ наукѣ. Границы движенія раздвинулись широко, въ смыслѣ всестороннаго развитія націи и удовлетворенія духовныхъ потребностей ея; это цѣль, къ которой неуклонно движется украинское національное движеніе, несмотря на всѣ препятствія. Въ короткое время развилась значительная изящная литература, вытѣснившая польскую книгу изъ украинскаго общества. Основанная семь лѣтъ тому назадъ, въ столѣтнюю годовщину украинскаго возрожденія (появленія Энеиды Котляревскаго, 1798—1898), „Українсько-руська Видавнича Спілка", несмотря на свои очень скромныя средства, выпустила свыше двухсотъ названій, произведеній оригинальныхъ и переводныхъ, беллетристическихъ, публицистическихъ и научныхъ; это наиболѣе крупное книгоиздательство, рядомъ съ которымъ дѣйствуетъ цѣлый рядъ другихъ. Литературный журналъ—„Літературно-Науковий Вістник", несмотря на то, что до самаго послѣдняго времени ему былъ прегражденъ доступъ въ Россію, держится мѣстною подпискою вполнѣ прочно; онъ выходитъ ежемѣсячными книжками по типу европейскихъ revue и знакомитъ своихъ читателей съ выдающимися явленіями европейской литературной и культурной жизни. Около него группируются всѣ выдающіяся литературныя силы Галиціи, а въ значительной степени—и россійской Украины.

Въ области художественной литературы девяностые года выдвинули цѣлый рядъ новыхъ талантовъ, которые внесли въ нее большое разнообразіе и оживленіе. Новелласты, какъ Нечуй-Левицкій, Франко, Кобылянская, Стефаныкъ (я говорю

только о живущихъ писателяхъ австрійской и россійской Украины и притомъ не имѣю намѣренія пересчитывать всѣхъ талантливыхъ писателей—что было бы слишкомъ долго), драматурги, какъ Кропивницкій и Тобилевичъ, поэты, какъ Франко и Самійленко, были бы замѣтны во всякой литературѣ. Талантливыхъ писателей и поэтовъ можно бы считать десятками. У нихъ много разнообразія въ манерѣ, выборѣ и обработкѣ темъ, и притомъ весь этотъ литературный мірокъ имѣетъ свою оригинальную прелесть въ сравненіи съ европейскими литературами. Въ немъ много оригинальнаго содержанія—укажу хотя бы на типы и картины изъ народной жизни, какихъ, за исключеніемъ, можетъ быть, великорусской литературы, не имѣетъ *ни одна* изъ европейскихъ литературъ; оригиналенъ и самъ колоритъ, тонъ этой литературы. Найди она талантливаго и популярнаго истолкователя, какимъ былъ для великорусской де-Вогюе, для Скандинавовъ Брандесъ, Европа получила бы новый источникъ литературнаго наслажденія.

Средоточіемъ научной работы является „Наукове Товариство імени Шевченка“ въ Львовѣ. Я упоминалъ уже объ обстоятельствахъ его основанія. Оно долго прозябало и только въ 90-хъ годахъ начинаетъ развиваться. Въ 1892 и затѣмъ 1898 гг. оно было подвергнуто кореннымъ реформамъ, придавшимъ ему строго-ученый характеръ. Оно представляетъ собою теперь родъ академіи наукъ и собственно должно бы носить этотъ титулъ, но такъ какъ для сообщенія этого титула нужно, чтобы былъ изданъ особый законъ, назначены субсидіи изъ государственныхъ средствъ и кто либо изъ императорской фамиліи принялъ на себя протекторатъ новой академіи, то „Товариству“ приходится ограничиться лишь фактически академической организаціей, отложивъ попеченіе о титулѣ. Товариство состоитъ изъ трехъ секцій (историко-юридическо-философской, филологической и наукъ математическихъ, естественныхъ и медицинскихъ) и пяти комиссій (археографической, этнографической, лингвистической, юридической и медицинской). Каж-

дая секція издаетъ ежегодно сборники своихъ трудовъ („Збірник секції"). Кромѣ того, издается общій бюллетень— „Хроніка наукового товариства ім. Шевченка", по-украински и нѣмецки, и ученый журналъ, посвященный историко-филологическимъ наукамъ—„Записки Наукового Товариства ім. Шевченка". Послѣдній выходитъ книжками чрезъ каждые два мѣсяца (вышло по конецъ 1905 г. 68 томовъ) и состоитъ изъ изслѣдованій и матеріаловъ, хроники и критико-библіографическаго отдѣла, составляющаго славу этого изданія. Отдѣльныя серіи изданій посвящены болѣе спеціальнымъ публикаціямъ матеріаловъ и изслѣдованій, ихъ девять: Fontes historiae ukraino-russicae (6 томовъ), Monumenta linguae necnon litterarum ukraino-russicarum (5 томовъ), Історична Бібліотека (24 тома), Українсько-руська бібліотека (заключаетъ изданія важнѣйшихъ украинскихъ писателей съ научнымъ аппаратомъ, новая публикація, 4 тома), Етнографічний Збірник (17 томовъ), Матеріали для українсько-руської етнольогії (7 томовъ), Часопись правнича і економічна (17 томовъ), Правнича бібліотека (3 тома), Лікарський збірник (8 выпусковъ). Всего выходитъ ежегодно до 20-ти томовъ научныхъ публикацій, не считая бюллетеней. Это же общество издавало упомянутый литературный журналъ—Літ.-Наук. Вістник *), до прошлаго года, когда взяла его на себя Видавнича Спілка.

Несмотря на недавнее сравнительно существованіе „Наук. Товариства", изданія его пріобрѣли уже почетную репутацію среди спеціалистовъ. Главнымъ образомъ они посвящены, конечно, изученію прошлаго и настоящаго украинскаго народа и его территоріи—исторіи, археологіи, этнологіи, фольклора, языка и литературы. Вѣдь „Наук. Товариство" является единственнымъ національнымъ ученымъ учрежденіемъ и естественно—должно обращать особое вниманіе на

*) Обзоръ ученой дѣятельности Н. Товариства ім. Ш. въ моихъ статьяхъ въ „Журналѣ Мин. Нар. Просв.", 1904, II, въ Archiv für Slavische Philologie, 1905, о Вид. Спілкѣ—Літ.-Наук. Вістник 1906, II,

разработку вопросовъ, наиболѣе близко связанныхъ съ судьбами украинскаго народа и имѣющихъ для него не только чисто-научное, но также и національное и общественное значеніе.

Отсутствіе украинскихъ высшихъ учебныхъ заведеній является крупнымъ препятствіемъ для развитія науки. Въ эпоху благихъ намѣреній—въ 1848 году австрійское правительство предназначало для Русинъ львовскій университетъ (тогда еще нѣмецкій, какъ всѣ университеты Австріи); какъ въ среднихъ школахъ восточной Галиціи, такъ и въ университетѣ нѣмецкій языкъ тогда былъ объявленъ временнымъ, пока найдутся профессора, способные преподавать на „мѣстномъ" (т. е. украинскомъ) языкѣ. Но, заявивъ это благое намѣреніе, правительство ничего не сдѣлало для подготовки „способныхъ и соотвѣтственно приготовленныхъ" профессоровъ, и когда между тѣмъ Поляки вошли въ силу и въ мѣстномъ управленіи и въ центральныхъ сферахъ, оно дало имъ возможность замѣстить каѳедры своими кандидатами и фактически превратить львовскій университетъ въ польскій. На всѣхъ факультетахъ оказалось только шесть разновременно учрежденныхъ каѳедръ, относительно которыхъ существовали спеціальныя постановленія о преподаванія на русинскомъ языкѣ *), внѣ ихъ преподаваніе ведется по-польски, и Русины на эти остальныя каѳедры вовсе перестали попадать со времени полонизаціи университета. Люди съ научными задатками и склонностями къ академической дѣятельности принуждены были уходить въ чужіе университеты или обращаться къ другимъ занятіямъ, потерпѣвъ неудачу во львовскомъ университетѣ. Такое положеніе дѣлъ стало серьезно безпокоить галицкое общество съ ростомъ его культурныхъ запросовъ и научныхъ силъ, но всѣ старанія объ увеличеніи

*) Перечисляю ихъ въ порядкѣ времени учрежденія: каѳедра языка и литературы на философскомъ, пастырскаго богословія на богословскомъ, гражданскаго и уголовнаго права на юридическомъ, всеобщей исторіи и вторая каѳедра языка и литературы (главнымъ образомъ для литературы церковной) на философскомъ.

числа украинскихъ каѳедръ въ львовскомъ университетѣ или постепенномъ учрежденіи отдѣльнаго украинскаго университета разбивались о противодѣйствіе польскихъ сферъ— университетскихъ, парламентскихъ, административныхъ. Отношенія натянулись и обострились.

Осенью 1901 г. студенты-Русины выступили съ требованіями расширенія правъ украинскаго языка въ университетѣ и увеличенія числа украинскихъ каѳедръ; встрѣтивъ рѣзкій отпоръ со стороны университетскихъ властей (Поляковъ), они устроили сецессію, поголовно выписавшись изъ университета (въ числѣ 600) и перейдя въ другіе университеты. Это событіе вызвало большую сенсацію въ Галичинѣ и за предѣлами ея. Украинское населеніе Галиціи безъ различія сословій и партій чрезвычайно сильно и дружно отозвалось на солидарную манифестацію студенчества, собирая деньги для сецессіонистовъ и домогаясь основанія отдѣльнаго университета, въ виду враждебнаго отношенія нынѣшняго львовскаго университета къ національнымъ требованіямъ Русинъ. Но эти манифестаціи и домогательства не принесли пока никакихъ положительныхъ результатовъ. Поляки поставили въ правительственныхъ сферахъ категорическое требованіе, чтобы Русинамъ не было сдѣлано никакихъ уступокъ въ университетскомъ вопросѣ, и правительство не отважилось пойти противъ ихъ требованія. Весь этотъ инцидентъ только обострилъ университетскій вопросъ и польско-украинскія отношенія вообще.

Отсутствіе необходимыхъ учрежденій не даетъ возможности украинской народности заявить себя надлежащимъ образомъ и въ сферѣ искусства. Изъ украинскаго народа вышло немало талантливыхъ художниковъ, немало ихъ подвизается съ честью и теперь, но, за отсутствіемъ академій художествъ и національныхъ организацій художниковъ, они примыкаютъ къ чужимъ школамъ—русскимъ, польскимъ, нѣмецкимъ, и теряются въ нихъ. Художественная выставка, организованная во Львовѣ въ началѣ 1905 г. „Товариством прихильників української літератури, науки і штуки“ и встрѣ-

ченная очень сочувственно художественной критикой, показавъ наличность серьезныхъ дарованій, съ другой стороны наглядно иллюстрировала эту разобщенность украинскихъ художественныхъ силъ, проистекающую изъ недостатка собственныхъ школъ. Относительно художественныхъ задатковъ украинской народности, давно засвидѣтельствованныхъ, впрочемъ, превосходнымъ орнаментомъ въ вышивкахъ, писанкахъ, коврахъ, гончарныхъ надѣліяхъ,—упомянутая выставка дала чрезвычайно краснорѣчивое свидѣтельство въ артистическихъ, въ полномъ смыслѣ слова, работахъ гуцульскихъ мастеровъ-самоучекъ — высоко-художественныхъ и оригинальныхъ въ замыслѣ и исполненіи издѣліяхъ изъ дерева: рѣзьбы и инкрустаціи деревомъ же, стекломъ, металломъ и пр. *).

Тотъ же недостатокъ національныхъ школъ и національныхъ учрежденій даетъ себя чувствовать въ сферѣ музыки. Отсутствіе большихъ, постоянныхъ національныхъ театровъ и консерваторій не даетъ возможности развиться оперной и симфонической музыкѣ, хотя украинскій народъ отличается чрезвычайною музыкальностью. Народныя украинскія пѣсни славятся не только поэтическими достоинствами и удивительнымъ богатствомъ, но и высокою музыкальностью, ими пользовались композиторы не только украинскіе, но и великорусскіе и польскіе. У себя же дома музыка находитъ примѣненіе пока главнымъ образомъ въ опереттѣ и небольшихъ вокальныхъ композиціяхъ, а украинскіе пѣвцы подвизаются въ разныхъ чужихъ краяхъ.

---

*) Гуцульщина—карпатская горная область по теченію верхняго Прута, благодаря особымъ условіямъ мѣстной жизни (преобладанію пастушескаго хозяйства, сравнительному достатку, впрочемъ быстро исчезающему теперь), вообще отличается богатствомъ кустарнаго промысла и значительнымъ развитіемъ художественныхъ запросовъ въ населеніи. Но зародившаяся здѣсь во второй половинѣ XIX в. артистическая школа художественной рѣзьбы и инкрустаціи (Юра Шкрибляк и его три сына—Василь, Микола и Федиръ, и Марко Мегеденюк, съ многочисленными подражателями) возвышается надъ уровнемъ кустарнаго промысла безъ всякаго сравненія.

Такъ какъ въ Россіи, со времени извѣстнаго намъ циркуляра 1881 г., украинскіе спектакли и концерты терпимы, то въ развитіи драмы, сценическаго искусства и музыки Украина россійская идетъ впереди маленькой и бѣдной Галиціи. Въ Галиціи нѣтъ значительныхъ городскихъ центровъ съ большимъ украинскимъ населеніемъ, съ многочисленною буржуазіей и интеллигенціей (во Львовѣ—главномъ очагѣ украинства, украинское населеніе составляетъ всего около 10%, и не болѣе 10% среди него—интеллигенція и буржуазія). Поэтому украинскій театръ, не пользующійся такими субсидіями, какъ театръ польскій, не имѣющій богатыхъ покровителей-меценатовъ, принужденъ вести кочевую жизнь, странствуя круглый годъ по городамъ и мѣстечкамъ, что, конечно, не можетъ не отражаться и на сценической постановкѣ и на характерѣ репертуара. Въ послѣднее время галицкое общество очень живо занимала мысль объ устройствѣ постояннаго театра во Львовѣ; собрана и небольшая сумма (около 80 тыс. гульденовъ) на постройку театра во Львовѣ. Но содержаніе постояннаго театра здѣсь требовало бы такихъ значительныхъ (сравнительно со средствами галицкаго населенія) денежныхъ затратъ, что было бы грѣхомъ обращать на этотъ предметъ всѣ свободныя средства при существованіи гораздо болѣе насущныхъ потребностей.

На первомъ планѣ среди послѣднихъ стоитъ, конечно, экономическая помощь населенію, подъемъ просвѣщенія и гражданскаго и политическаго сознанія и образованія среди него. То, что дѣлается или сдѣлано до сихъ поръ въ этихъ направленіяхъ, конечно, можно считать значительнымъ въ сравненіи съ недостаточными средствами, которыми располагаетъ убогое украинское населеніе Галиціи, и препятствіями, которыя направленная къ этимъ цѣлямъ дѣятельность встрѣчаетъ со стороны правящихъ польскихъ классовъ, руководимой ими администраціи и земскаго (автономическаго) строя (который, подъ руководствомъ польскаго большинства галицкаго сейма, представляетъ также одну сплошную полонизирующую ма-

шину). Но въ сравненіи съ дѣйствительными потребностями это все еще очень и очень недостаточно.

Укажу кое-что сдѣланное въ этомъ направленіи. Общество „Просьвіта“, старѣйшее изъ просвѣтительныхъ обществъ, издало около 300 книжекъ для народнаго чтенія; около 6.000 членовъ получаетъ его изданія за небольшой ежегодный взносъ (1 гульденъ); до конца 1904 г. было основано около полуторы тысячъ читаленъ, находившихся въ завѣдываніи этого общества; въ нихъ числилось около 75 тысячъ членовъ; при многихъ такихъ читальняхъ были сберегательныя кассы и потребительскія лавки. Общество содержало агронома, періодически объѣзжавшаго читальни и читавшаго общедоступныя лекціи по сельскому хозяйству. Планы основанія бюро труда для отправляющихся на заработки или въ эмиграцію, чтобы положить предѣлъ эксплоатаціи ихъ разными подозрительными агентами, встрѣтились съ непреодолимыми препятствіями: администрація рѣшительно отказала, изъ своихъ соображеній, въ разрѣшеніи такихъ бюро, и въ концѣ концовъ другое общество „Народна Рада“, занявшееся вопросомъ объ организаціи рабочей эмиграціи для подъема крестьянскаго благосостоянія, учредило свою контору для руководства рабочей эмиграціей на границѣ Пруссіи и Австріи, но уже на прусской территоріи.

Нѣсколько лѣтъ тому назадъ былъ поднятъ вопросъ о содѣйствіи крестьянамъ въ покупкѣ земель отъ помѣщиковъ. Предполагалось организовать нѣчто вродѣ крестьянскаго банка для продажи мелкими участками (парцелляціи) помѣщичьихъ имѣній, но дѣло не наладилось: земскій банкъ отказалъ въ кредитѣ, занялся самъ этимъ дѣломъ съ спеціальною цѣлью облегчить переходъ въ восточную Галицію крестьянамъ-Полякамъ изъ западной, т. е. колонизацію Поляками восточной Галиціи, какъ это дѣлаютъ въ Пруссіи Нѣмцы по отношенію къ польскимъ провинціямъ. Въ украинскихъ кругахъ это дѣло, имѣющее не только экономическое, но и политическое значеніе, въ виду привилегій, связанныхъ съ крупнымъ помѣщичьимъ землевладѣліемъ, ведется

отдѣльными банками и адвокатами. Затѣмъ улучшеніемъ экономическихъ условій занимаются еще общества: „Кредитовий Союз“, ставящій цѣлью развитіе украинскихъ ссудо-сберегательныхъ кассъ и мелкихъ банковъ, между прочимъ и для того, чтобы освободить мѣщанское и крестьянское населеніе отъ вліянія кассъ польскихъ, пользующихся этимъ вліяніемъ также для политическихъ цѣлей, и „Народна Торговля“, имѣющая цѣлью подготовку торговцевъ—для возрожденія среди украинскаго населенія торговаго класса, совершенно заглохшаго подъ наплывомъ Евреевъ.

Содѣйствіе народному образованію ставитъ своею цѣлью „Педагогічне товариство“. Оно издаетъ два журнальчика—одинъ педагогическій, другой дѣтскій, выпустило довольно много книгъ для дѣтей (свыше ста небольшихъ изданій); въ послѣднее время оно приступило къ основанію частныхъ украинскихъ школъ—содержитъ ихъ нѣсколько, но для болѣе широкой дѣятельности въ этомъ направленіи нужно больше средствъ, да и больше энергіи.

Организація украинскаго крестьянства, развитію солидарности, національнаго и корпоративнаго духа посвящены гимнастическія общества—„Соколи“, „Січи“. Послѣднія своими формами козацкой организаціи приходятся очень по вкусу крестьянамъ и поэтому возбудили-было жестокую тревогу среди шляхты и рѣзкія репрессіи со стороны администраціи, хотя не дали къ тому никакихъ поводовъ.

Я подробнѣе остановился на Галиціи, въ виду того значенія, какое она пріобрѣла въ послѣдніе годы для украинства вообще. Жизнь двухъ остальныхъ частей австрійской Украины не выходитъ пока изъ сферы чисто-мѣстныхъ интересовъ и о нихъ рѣчь моя будетъ коротка.

Угорская Русь представляетъ собою въ настоящее время самую запущенную, самую несчастную часть украинской территоріи и населенія; вмѣстѣ съ тѣмъ она является страшнымъ образомъ той пропасти, въ которую вела украинское населеніе проповѣдь „единства русскаго народа“, провозгла-

шавшаяся платными и безплатными проповѣдниками оффиціальной русской народности.

Оторванная очень давно отъ остальной украинской территоріи и поставленная въ совершенно отличныя политическія и національныя отношенія, Угорская Русь жила особнякомъ отъ остальной Украины и утратила то чувство національнаго единства, которое поддерживалось въ другихъ частяхъ ея. Ея не задѣли сильнѣе ни великія народныя движенія XVII в., ни культурное движеніе XVI—XVII вв., ни національное возрожденіе XIX в., и та неясность на пунктѣ національности, которая одинаково характеризуетъ культурное пробужденіе и Галиціи, и Угорской Руси въ концѣ XVIII и началѣ XIX ст., но въ Галиціи уступила скоро мѣсто вліяніямъ украинскаго возрожденія, въ Угорской Руси осталась на все послѣдующее время. Войдя въ болѣе тѣсныя сношенія съ Галичиной въ продолженіе столѣтней политической связи *), угро-русская „интеллигенція", состоявшая, подобно галицкой, главнымъ образомъ изъ священниковъ, примкнула къ болѣе консервативной части галицкаго общества и въ большинствѣ осталась и до нынѣ непоколебимо вѣрною „образованному языку" временъ очаковскихъ и „единству русскаго народа", вполнѣ увѣровавъ въ инсинуацію галицкихъ москвофиловъ, что украинское движеніе создали Поляки на погибель Руси.

Результаты оказались самые печальные. Оставшись при „образованномъ" языкѣ, но очень слабо имъ владѣя, при платоническомъ тяготѣніи къ „россійской" литературѣ, но совершенно внѣ сферы прогрессивныхъ теченій жизни Россіи—такъ далекой и чуждой, отвернувшись и отъ живыхъ, прогрессивныхъ направленій сосѣдней Галичины—наиболѣе близкой по условіямъ жизни, угро-русская интел-

*) Съ 1772 г., когда къ Австріи была присоединена Галиціи, и до 1867 г., когда Венгрія изъ простой австрійской провинціи превратилась почти въ самостоятельное государство, и эта особность снова ослабила связи Угорской Руси съ Галичиной.

лигенція въ теченіе XIX в. почти не пошла дальше начатковъ культурнаго движенія временъ Бачинскаго и застыла въ культурной неподвижности. Пренебрегая языкомъ народа, но не имѣя возможности привить ему ту культуру, о которой мечтала (совершенно, впрочемъ, платонически), она пришла въ концѣ концовъ къ полному отчужденію отъ народныхъ массъ. Такъ какъ ея панруссизмъ никакого живого культурнаго содержанія ей самой не давалъ, а съ другой стороны возбуждалъ подозрительное, недоброжелательное отношеніе со стороны угорскаго правительства (со временъ 1848 г. и той роли, которую Россія сыграла тогда въ угорскихъ дѣлахъ, проникнувшагося враждою и подозрительностью ко всему, что напоминало о Россіи), то младшее поколѣніе угро-русской интеллигенціи, выросшее въ условіяхъ, созданныхъ дуализмомъ 1867 г., централизмомъ и шовинизмомъ новой Венгріи, стало вообще охладѣвать къ своей народности, бросая свой языкъ и превращаясь въ настоящихъ и искреннихъ мадьяръ (мадьяроновъ, какъ ихъ называютъ). Такъ создалось настоящее положеніе дѣлъ въ Угорской Руси, гдѣ органомъ угорско-русской интеллигенціи служитъ мадьярская газета „Kelet", гдѣ лишь единицами встрѣчаются люди, пишущіе или читающіе по-русски или украински и гдѣ мадьяризація проникаетъ до мозга костей этой интеллигенціи, по признанію ея собственныхъ представителей.

Это дезертирство угро-русской интеллигенціи—сначала въ сторону панруссизма, затѣмъ въ сторону мадьяризаціи, имѣло очень печальныя послѣдствія для народныхъ массъ. Оставшись безъ всякаго руководительства, безъ всякихъ просвѣтительныхъ средствъ, которыя были возможны только при родномъ языкѣ, поставленное кромѣ того въ весьма тяжелыя экономическія условія, благодаря неудачному осуществленію крестьянской эмансипаціи—напр., лишенное сервитутовъ, игравшихъ весьма важную роль въ крестьянскомъ хозяйствѣ, между прочимъ права выпаса скота на пастбищахъ, находившихся въ общемъ владѣніи крестьянъ и помѣщиковъ,—крестьянство очутилось въ неописуемо тяжеломъ положеніи. Огромныя

массы крестьянства очутились въ положеніи безвыходныхъ батраковъ Евреевъ-ростовщиковъ, практикующихъ безнаказанно утонченные виды сельскохозяйственной „лихвы", скупившихъ крестьянскія земли и владѣющихъ иногда $^2/_3$ или $^3/_4$ головъ сельскаго скота, который они отдаютъ въ пользованіе крестьянамъ на ужасныхъ условіяхъ. Изъ этой настоящей крѣпостной зависимости „отъ своего Жида", въ которой крестьянскія семьи стоятъ по отношенію къ этимъ ростовщикамъ и которая поддерживается настоящимъ терроромъ со стороны послѣднихъ, нѣтъ вовсе выхода при недостаткѣ дешеваго кредита, при полномъ отсутствіи заводской или фабричной промышленности и какихъ либо промысловъ. Кто только имѣетъ какую либо возможность собрать деньги на дорогу, эмигрируетъ, и среди эмигрантовъ въ Сѣверную Америку угро-русское крестьянство даетъ сравнительно очень высокія цифры.

Это тяжелое положеніе угро-русскаго населенія наконецъ обратило вниманіе правительственныхъ сферъ Венгріи, вообще довольно недоброжелательно настроенныхъ къ своимъ украинскимъ согражданамъ, благодаря панруссизму угро-русской интеллигенціи. Министерство земледѣлія въ 1897 г. занялось разслѣдованіемъ причинъ экономическаго упадка угро-русскаго крестьянства и въ послѣдніе годы приступило къ мѣрамъ улучшенія его быта. Основываются читальни, потребительскія лавки, учрежденія дешеваго кредита, раздается на льготныхъ условіяхъ инвентарь и т. п.; издается, тѣмъ же министерствомъ земледѣлія, популярная газета для крестьянъ, на довольно чистомъ (сравнительно) народномъ языкѣ. Еще раньше, уже съ 80-хъ годовъ, министерство народнаго просвѣщенія рѣшило ввести въ школахъ, гдѣ еще удержалось преподаваніе на родномъ языкѣ (или по крайней мѣрѣ—преподаваніе этого послѣдняго), вмѣсто употреблявшейся тутъ тарабарщины—языкъ народный и начало изданіе учебниковъ на народномъ языкѣ.

Конечно, въ подобныхъ предпріятіяхъ однѣми бюрокра-

тическими мѣрами успѣха достигнуть мудрено *). Необходимо содѣйствіе самого общества. А угро-русская интеллигенція частью настолько искренно мадьяризовалась, что потеряла, въ качествѣ ренегатовъ, всякій интересъ къ народнымъ массамъ, частью держится все еще идей панруссизма, относится несочувственно къ интересамъ развитія народнаго языка и въ своихъ изданіяхъ (малочисленныхъ и жалкихъ) старается держаться „язычія". Только появленіе новаго поколѣнія, проникнутаго народолюбивыми и народными стремленіями, могло бы измѣнить дѣло къ лучшему,—но пока его еще нѣтъ.

Въ гораздо лучшихъ условіяхъ находится третья провинція австрійской Украины—Буковинская Русь. Край этотъ до своего присоединенія къ Австріи въ 1774 г. входилъ въ составъ Молдавіи, подъ верховенствомъ Турціи. Въ своемъ культурномъ и общественномъ развитіи онъ отсталъ еще больше, чѣмъ Галичина, но иммиграція сюда изъ Галичины (съ которою Буковина, послѣ перехода подъ власть Австріи, была довольно тѣсно связана различными административными связями) новой русинской интеллигенціи, воспитанной въ прогрессивныхъ и народническихъ стремленіяхъ галицкаго возрожденія, даетъ съ 1880-хъ гг. рѣшительный перевѣсъ національнымъ и демократическимъ элементамъ надъ мѣстнымъ реакціоннымъ москвофильствомъ и связываетъ тѣсными узами „Буковинскую Русь" съ дальнѣйшимъ культурнымъ и національнымъ движеніемъ Галичины. И хотя среди Буковинской Руси и теперь нѣтъ недостатка сторонниковъ теоріи „Буковина для Буковинцевъ", не симпатизирующихъ вліянію Галичанъ на жизнь Буковины,

---

*) Тѣмъ болѣе, что правительственныя сферы, боясь панруссизма, не желали бы и панукраинизма и хотѣли бы удержать Угорскую Русь въ полной особности; поэтому онѣ избѣгаютъ обращаться къ тѣмъ культурнымъ средствамъ, которыя могла бы дать Угорской Руси Галичина, заселенная тѣми же украинскими разновидностями, въ тѣхъ же условіяхъ быта и культуры.

и въ послѣднее время это теченіе прорывается съ значительной силой, но, несомнѣнно, послѣдняя уже прочно связана съ общимъ украинскимъ движеніемъ, и изъ этихъ связей ни въ какомъ случаѣ не выйдетъ.

Здѣшнія отношенія однако во многомъ отличаются отъ галицкихъ. Прежде всего, здѣсь нѣтъ тѣхъ готовыхъ кадровъ интеллигенціи, какіе дало Галичинѣ уніатское духовенство. Православная церковь, къ которой принадлежитъ коренное украинское и румынское населеніе Буковины, находится въ рукахъ Румынъ, и послѣдніе пользуются ею какъ средствомъ для румынизаціи украинскаго населенія. Украинское движеніе поддерживается главнымъ образомъ свѣтскими элементами—чиновничествомъ, народными учителями. Крестьянство до послѣдняго времени отличалось крайнею инертностью, слѣпо слѣдуя инструкціямъ своихъ „капитановъ"— уѣздныхъ начальниковъ, такъ что мѣстная администрація (нѣмецкая) являлась полнымъ хозяиномъ края, и мѣстное представительство имѣло весьма мало значенія (всякаго рода выборы происходили по указаніямъ администраціи). Украинскіе политики Буковины долго ограничивались ходатайствами и представленіями по адресу правящихъ сферъ и только въ послѣднее десятилѣтіе пошли „въ народъ", организуя крестьянъ при посредствѣ читаленъ, популярныхъ газетъ, собраній (віча), „січей", сберегательныхъ кассъ. Дѣятельность эта, если будетъ продолжаться достаточно энергично и настойчиво, несомнѣнно, не останется безплодной, и нѣкоторые симптомы повышенія общественнаго и политическаго сознанія у буковинскихъ крестьянъ замѣтны уже и теперь.

Здѣшнее крестьянское населеніе поставлено вообще въ лучшія экономическія условія, чѣмъ галицкое, не говоря объ угрорусскомъ. Румынское землевладѣльческое дворянство (бояре) не имѣетъ такого вліянія у центральнаго правительства, какъ польская шляхта Галичины, а въ краѣ должно дѣлить свое вліяніе съ нѣмецкой бюрократіей, старающейся по старой памяти держать край въ своихъ рукахъ и поддерживать нѣмецкій элементъ въ этомъ послѣднемъ прибѣжищѣ германизма на

юго-востокѣ *). Въ этихъ видахъ послѣдняя даетъ поддержку то украинскому элементу противъ румынскаго, то этому послѣднему противъ украинскаго, и буковинскіе Русины такимъ образомъ не встрѣчаютъ на своемъ пути такой непроницаемой стѣны, какую представляетъ господство польской шляхты въ Галиціи, оставленной въ ея безконтрольное распоряженіе центральнымъ правительствомъ. Въ прошломъ году русинскіе депутаты, соединившись съ демократическими и либеральными представителями румынскаго, нѣмецкаго и еврейскаго населенія въ одинъ „Свободомыслящій союзъ", получили даже первенствующую роль въ мѣстномъ сеймѣ и провели нѣсколько весьма существенныхъ постановленій. Правда, „Союзъ" долго не прожилъ въ этомъ составѣ и черезъ нѣсколько мѣсяцевъ остался въ меньшинствѣ, а проведенные имъ законы (между прочимъ избирательная реформа въ прогрессивномъ, демократическомъ духѣ) въ виду этого не получили правительственной санкціи, но, какъ симптомъ, этотъ эпизодъ представляетъ немалый интересъ.

„Зеленая Буковина" **), какъ ее называютъ, имѣетъ всѣ шансы будущаго развитія, и даже теперь, занятая своими мѣстными интересами, только лишь начиная двигаться, она вноситъ уже и въ сокровищницу украинскаго движенія свои вклады. Старшее поколѣніе Буковинцевъ дало украинской литературѣ новеллиста и поэта Осипа Федьковича—наибольшій талантъ, какого вообще дала австрійская Украина, до послѣдней четверти XIX в., и популярнаго поэта и композитора Исидора Воробкевича. Новое поколѣніе съ честью представляется въ ней талантливою беллетристкою Ольгою Кобылянскою. Для маленькой Буковинской Руси это не мало!

*) Для поддержки въ Буковинѣ нѣмецкаго элемента, представляемаго нѣсколькими десятками тысячъ чиновничьихъ семей и городской буржуазіи, въ 1870-хъ гг. былъ даже учрежденъ здѣсь университетъ, когда во львовскомъ университетѣ прекратилось преподаваніе на нѣмецкомъ языкѣ. Онъ и доселѣ остается однимъ изъ самыхъ маленькихъ университетовъ Австріи.

**) Ея названіе обыкновенно выводится отъ буковыхъ лѣсовъ ее покрывавшихъ; отсюда этотъ эпитетъ.

Таковъ національный и политическій балансъ украинскихъ земель Австро-Венгріи, съ которымъ вошла она въ новое столѣтіе. Таковы ихъ культурныя и національныя пріобрѣтенія, сдѣланныя въ тяжелыхъ условіяхъ ихъ возрожденія. За послѣдніе мѣсяцы, въ концѣ 1905 г. и въ началѣ 1906 г., передъ ними блеснула надежда на измѣненіе этихъ условій къ лучшему, на выходъ изъ угнетенія и пренебреженія, въ которыхъ жили они до сихъ поръ. Правда, эти надежды пока ничего опредѣленнаго въ себѣ не заключаютъ; но эта перспектива лучшаго будущаго и опасенія, чтобы враждебные элементы не убили этой возможности лучшаго, такъ сильно взволновали украинское населеніе Австріи, и самая возможность улучшенія, если бы она осуществилась, настолько важна, что я долженъ въ заключеніе этого обзора посвятить нѣсколько строкъ этому послѣднему моменту изъ общественной жизни австрійской Украины.

Исходными точками послужили: съ одной стороны, политическій кризисъ Венгріи, съ другой — тѣ освободительныя вѣянія, которыя отъ революціонныхъ движеній Россіи могущественными токами прошли по остальнымъ странамъ европейскаго континента.

Венгерскій кризисъ выросъ на почвѣ стремленій правящей венгерской аристократіи и буржуазіи къ уничтоженію послѣднихъ реальныхъ связей, соединяющихъ Венгрію съ Австріею, и превращенію этой уніи въ чисто личную, династическую. По нѣкоторымъ вопросамъ, связаннымъ съ обособленіемъ венгерской арміи, эти стремленія нашли отпоръ у „венгерскаго короля“ (австрійскаго императора), и, такъ какъ ни та, ни другая сторона не хотѣла уступить, это привело къ конфликту, съ 1904 г. уже принимающему довольно острую форму. Для устрашенія венгерской оппозиціи, король въ 1905 г. пригрозилъ перспективою октроированія въ Венгріи всеобщаго избирательнаго права, на мѣсто нынѣшняго, дающаго привилегированное положеніе венгерской аристократіи и денежной буржуазіи за счетъ рабочихъ массъ—съ одной стороны, и за счетъ подавленныхъ венгерскимъ господ-

ствомъ прочихъ народностей Венгріи—съ другой. Но такая „угроза“ по отношенію къ Венгріи неизбѣжно поставила на очередь вопросъ о введеніи всеобщаго избирательнаго права въ земляхъ самой Австріи (Цислейтаніи), также лишенныхъ до сихъ поръ этого права. Среди демократическихъ элементовъ и подавленныхъ народностей Австріи, недовольныхъ нынѣшнею избирательною системою (дающею огромныя преимущества куріямъ землевладѣльцевъ и капиталистовъ и фактически почти исключающей отъ представительства земледѣльческія и рабочія массы), началось сильное броженіе. Все усиливаясь, оно не прекратилось и тогда, когда стало яснымъ, что серьезныхъ намѣреній ввести въ Венгріи всеобщее избирательное право правительство вовсе не имѣетъ. Успѣхи освободительнаго движенія въ Россіи, первая желѣзнодорожная забастовка, изданіе манифеста 17 октября и т. д. еще болѣе усилили движеніе въ пользу избирательной реформы и произвели сильное впечатлѣніе и на правительственныя сферы. Еще въ сентябрѣ 1905 г. правительство Австріи высказывалось противъ рѣзкихъ скачковъ и признавало возможность только постепеннаго расширенія избирательнаго права; послѣ октябрьскихъ событій и грандіозныхъ манифестацій, предпринятыхъ сторонниками реформы въ Австріи, оно рѣшило пойти навстрѣчу этому требованію, „пока не поздно“.

Это рѣшеніе, высказанное вполнѣ опредѣленно, испугало всѣхъ beati possidentes нынѣшняго режима. Съ ихъ стороны начались всяческіе происки противъ реформы, пробы парламентарскаго давленія и т. п., а когда правительство и самъ императоръ все-таки заявили, что проведеніе всеобщаго избирательнаго права считаютъ съ своей стороны дѣломъ рѣшеннымъ, начались съ ихъ стороны старанія сохранить привилегированное положеніе своихъ народностей и общественныхъ классовъ при помощи созданія мѣстныхъ исключеній или искусственнаго распредѣленія избирательныхъ округовъ (такъ называемое „избирательное землемѣріе“).

Особенно энергическія и неразборчивыя старанія въ этомъ направленіи обнаружилъ польскій парламентарный клубъ

вмѣстѣ съ господствующими польскими шляхетскими и вообще всякими заинтересованными въ удержаніи польскаго господства въ Галиціи кругами. Въ свою очередь, эти происки вызвали среди украинскаго общества и народныхъ украинскихъ массъ энергическое движеніе въ защиту всеобщаго, равнаго и прямого голосованія *). Конецъ 1905 и начало 1906 г. прошли въ Галиціи среди небывалаго политическаго оживленія, особенно среди украинскаго населенія. Сотни митинговъ (віч) были устроены по городамъ, мѣстечкамъ и селамъ, по иниціативѣ политическихъ организацій и самого населенія, самихъ крестьянъ, необыкновенно сознательно отнесшихся къ важности момента и опасности, грозящей со стороны господствующихъ группъ, и обнаружившихъ небывалую предъ тѣмъ самодѣятельность. Безуспѣшными оказались старанія польской администраціи и шляхты задавить это движеніе запрещеніями или провоцировать крестьянскія массы, вызвать среди нихъ движеніе противъ Евреевъ, чтобы затѣмъ воспользоваться такими вспышками для введенія военнаго положенія и при его помощи подавить это движеніе (для этого шляхетская и націоналистическая польская пресса усиленно распускала фальшивыя вѣсти о еврейскихъ погромахъ, приготовленіяхъ къ рѣзнѣ и т. п., въ дѣйствительности не существовавшихъ, ужасахъ). Несмотря на ставившіяся ему препятствія, движеніе развивалось съ необыкновенною силою, съ необыкновенною выдержкою, въ строгихъ предѣлахъ конституціонной законности. Въ большихъ городахъ устраивались грандіозныя манифестаціи, привлекавшія десятки тысячъ крестьянъ изъ окрестностей; на віче, устроенное во Львовѣ, явилось до 50.000 населенія.

Насколько это движеніе парализовало происки польскихъ охранителей, трудно сказать. Ихъ старанія, чтобы Галиція была исключена изъ реформы, или чтобы въ ней удержаны были двухстепенные выборы депутатовъ отъ сельскихъ округовъ, пока остались безуспѣшными. Но все же правительство въ своемъ проектѣ реформы сдѣлало все возможное (даже

*) Тайность при голосованіи введена уже раньше.

невозможное), въ интересахъ своей шляхетской гвардіи, чтобы сохранить для польскаго элемента возможно привилегированное положеніе. Этотъ проектъ, предложенный уже парламенту *), создаетъ избирательные округа вдвое меньшіе въ западной, польской, Галиціи, вдвое большіе въ восточной, украинской ея части, выдѣляетъ городскіе округа, гдѣ Поляки при помощи Евреевъ надѣются проводить своихъ кандидатовъ, присоединяетъ пограничные украинскіе округа къ польскимъ, осуждая ихъ на безвыходное меньшинство, наконецъ вводитъ (только въ Галиціи, и то лишь въ сельскихъ округахъ) представительство меньшинства, въ надеждѣ, что, при помощи администраціи и тѣхъ фокусовъ, какіе практикуются при галиційскихъ выборахъ, Поляки и тамъ, гдѣ процентъ ихъ вовсе ничтоженъ, сумѣютъ добыть себѣ треть голосовъ, необходимую для такого представительства меньшинства. Въ результатѣ, по разсчетамъ самого правительства, украинское населеніе Галиціи, равняющееся по численности съ польскимъ (собственно превосходящее его), можетъ разсчитывать имѣть 27 представителей, Поляки—61, а въ дѣйствительности, пока у дѣлъ будетъ нынѣшняя администрація, а шляхта будетъ господствовать по-нынѣшнему, даже эта цифра 27 является очень оптимистической.

И все же, даже въ такой препарированной въ польскихъ интересахъ формѣ, реформа создала бы значительное улучшеніе въ положеніи украинскаго населенія. Создались бы болѣе благопріятные шансы для борьбы; число представителей украинскаго населенія увеличилось бы вдвое; шляхтѣ пришлось бы подѣлиться мѣстами съ представителями болѣе прогрессивныхъ теченій (пока еще слабыхъ) въ польскомъ населеніи. Но предъ реформою лежитъ еще долгій путь: нынѣшній парламентъ едва ли приметъ ее, она будетъ предложена новому, который будетъ выбранъ осенью, и неизвѣстно, будетъ ли парламентомъ принята эта реформа и не потерпитъ ли она при этомъ значительныхъ измѣненій, которыя ухудшатъ ее еще болѣе.

*) 10 февраля 1906 г.

Въ Венгріи правительство, въ своей борьбѣ съ правящей венгерской аристократіей и буржуазіей, также пока не сдѣлало ничего для улучшенія положенія рабочихъ массъ вообще и не-венгерскихъ спеціально, что могло бы улучшить положеніе и Угорской Руси.

Итакъ, нынѣшнее положеніе дѣлъ въ Австро-Венгріи чревато различными возможностями улучшенія въ тѣхъ невыносимо тяжелыхъ условіяхъ, въ которыхъ живетъ теперь австрійская Украина, но ничего положительнаго оно пока не принесло. Единственнымъ утѣшеніемъ до сихъ поръ могло служить лишь то, что этотъ кризисъ проходитъ здѣсь безъ тѣхъ ужасныхъ жертвъ, какими сопровождается освободительное движеніе въ Россіи. Но теперь и это утѣшеніе начинаетъ печатать: провокація народныхъ массъ переходитъ всякія границы, усиливаются аресты, войска начинаютъ стрѣлять въ безоружныхъ и совершенно спокойныхъ крестьянъ—словомъ, и здѣсь фундаментъ для лучшаго будущаго также начинаетъ поливаться кровью.

Литература. Мои статьи—Къ польско-украинскимъ отношеніямъ Галиціи, Кіевъ, 1905. В. Варвінський—Досліди в поля статистики (новое изданіе — Літ.-Наук. бібліотека Видавничої Спілки, 1901). В. Будзиновский—Хлопска посїлість, 2 изд. 1901 (Бібліотека Видавничої Спілки)—экономическія отношенія Галичины. В. Лукичъ—Угорська Русь, Львовъ, 1887 (краткій очеркъ). Е. Еган Економічне положенне руських селян в Угорщині (Літ.-Наук. бібліотека Видавничої Спілки, 1901)—оффиціальная записка, представленная чиновникомъ, командированнымъ министерствомъ земледѣлія. С. Смаль-Стоцкій - Буковиньска Русь, 1897. Kaindle—Das Unterthanswesen in der Bukovina. 1899. О современномъ положеніи австрійской Украины—ежемѣсячные обзоры М. Лозинскаго въ Літературно-науковомъ Вістникѣ за 1906 г.

XXVI.

Если въ украинскихъ земляхъ Австро-Венгріи національное развитіе украинской народности, de jure обладая полною свободою, встрѣчаетъ большія препятствія въ тяжелыхъ экономическихъ, общественныхъ и политическихъ ус-

ловіяхъ, дѣлающихъ успѣшное движеніе его почти невозможнымъ, такъ что Галицкая Русь съ большимъ трудомъ несетъ на себѣ тяжесть даже нынѣшней національной работы и должна разрѣшить цѣлый рядъ весьма сложныхъ политическихъ проблемъ, чтобы достигнуть свободы самоопредѣленія,—то въ Россіи, вообще говоря, дѣло находится въ обратномъ положеніи: украинская народность сдерживается въ своемъ развитіи *только* внѣшними стѣсненіями и воспрещеніями, при наличности всѣхъ условій и потребностей развитія.

Огромный край, обладающій въ общемъ очень хорошими физическими условіями, весьма значительными и неистощенными еще, хотя и нераціонально эксплоатируемыми природными богатствами, хорошею, а въ значительной части даже отличною почвою, богатыми мѣсторожденіями цѣнныхъ минераловъ и металловъ, особенно желѣза и угля, большимъ асортиментомъ культурныхъ растеній, возможностью различныхъ промысловъ, располагающій уже задатками значительнаго развитія фабричной и заводской промышленности *) и торговли, съ весьма важными транзитными путями и прилегающимъ моремъ,—Украина имѣетъ всѣ шансы матеріальнаго, а затѣмъ и культурнаго развитія. Населеніе отличается большою физическою жизненностью, какъ показываетъ высокій процентъ прироста населенія и еще болѣе высокій процентъ рождаемости, обладаетъ большою экстенсивною энергіею и ассимилирующею силою массы. На свѣжей памяти исторіи въ сравнительно недавнее время, безъ всякой сторонней помощи, стихійною силою самого населенія была возобновлена или заново создана украинская колонизація огромныхъ пространствъ восточной и южной Украины и продолжаютъ создаваться новыя украинскія колоніи (укажу, напр., на украинскую колонизацію Уссурійскаго края), между тѣмъ какъ совершенно расплылись въ украинскомъ элементѣ искусственно введенныя въ довольно значительномъ

*) Достаточно напомнить, что въ послѣднее время Украина давала почти половину металла, добываемаго въ Россіи.

количествѣ поселенія Сербовъ и Болгаръ въ Новороссіи *). Пущенное въ широкій оборотъ представленіе о врожденной неспособности украинскаго племени къ организаціи стоитъ въ рѣзкомъ противорѣчіи съ фактами исторіи, что же касается дарованій, то о народности, давшей Гоголя, Шевченка и безконечный рядъ болѣе или менѣе яркихъ талантовъ въ разныхъ сферахъ культуры, не можетъ быть никакихъ сомнѣній.

При такихъ условіяхъ, занимая сплошную территорію, безъ чуждыхъ элементовъ, настолько значительныхъ, чтобы они могли нарушить національное единство территоріи, украинская народность имѣетъ всѣ шансы для развитія выдающейся національной культуры. Значительную чуждую примѣсь составляютъ Евреи, но созданію національной культуры, конечно, не представляютъ препятствія. Болѣе значенія могутъ имѣть Поляки, въ такъ называемыхъ юго-западныхъ губерніяхъ и сосѣднемъ Побужьѣ составляющіе высшіе, привилегированные классы, весьма вліятельные при полномъ отсутствіи украинской интеллигенціи и обладающіе огромною экономическою силою въ видѣ сосредоточеннаго въ ихъ рукахъ землевладѣнія. Но ихъ сила и преобладаніе держатся главнымъ образомъ условіями стараго режима Россіи, хотя послѣдній, повидимому, такъ горячо ратоборствовалъ съ польскимъ элементомъ или воображалъ, что ратоборствуетъ.

Налетъ обрусенія, осѣвшій на интеллигентныхъ классахъ и городской буржуазіи Украины, не разорвалъ ихъ связи съ народными массами. Даже наиболѣе обрусѣвшіе, наиболѣе офиціозные представители ея не перестаютъ обыкновенно считать себя „тоже Малороссами". Національныя манифестаціи — вродѣ открытія памятника

*) Къ сожалѣнію, оффиціальная статистика Россіи въ послѣднихъ десятилѣтіяхъ, обыкновенно не выдѣляетъ украинскую народность въ особую категорію (говоря все о «русскомъ» племени), и это сильно затрудняетъ наблюденія надъ украинскою колонизаціею.

Котляревскаго въ Полтавѣ въ 1908 году или юбилейныхъ торжествъ послѣдующихъ годовъ находятъ въ средѣ этой, повидимому вполнѣ обрусѣвшей, интеллигенціи живые и сочувственные отклики. То же самое нужно сказать о многочисленныхъ петиціяхъ, адресахъ, манифестаціяхъ послѣдняго года по вопросу о раскрѣпощеніи украинскаго слова. Если болѣе культурные классы находятся теперь подъ полнымъ вліяніемъ культуры великорусской, то это потому, что нѣтъ и не можетъ существовать въ нынѣшнихъ условіяхъ культуры украинской. Украинскій театръ долго являлся почти единственнымъ проявленіемъ ея, и его широкая и устойчивая популярность, несмотря на бѣдность репертуара (о причинахъ которой ниже) и другія неблагопріятныя условія, и живое сочувствіе къ нему въ этихъ интеллигентныхъ и буржуазныхъ сферахъ является весьма краснорѣчивымъ симптомомъ. Мнѣ лично приходилось встрѣчать людей, вполнѣ, повидимому, оторвавшихся отъ украинской народности и мало сознательныхъ, которые въ дорогѣ дѣлали большой кругъ, чтобы заѣхать въ городъ, гдѣ можно было попасть хоть на одинъ спектакль „къ Малороссамъ". Украинская книга пользуется весьма значительнымъ спросомъ—хотя все еще является полузапретнымъ плодомъ. Кобзарь Шевченка, сочиненія Котляревскаго расходятся въ сотняхъ тысячъ. Разрѣшенная цензурою въ 1898 году хрестоматія избранныхъ украинскихъ писателей „Викъ"—нѣкоторый суррогатъ исторіи литературы—разошлась въ нѣсколько мѣсяцевъ, несмотря на довольно высокую цѣну и значительную величину выпуска (нѣсколько тысячъ). Когда съ началомъ 1906 г. появилась первая ежедневная газета на украинскомъ языкѣ, розничная продажа ея въ нѣкоторыхъ городахъ сразу достигла нѣсколькихъ тысячъ экземпляровъ (пока—очень скоро впрочемъ—не послѣдовало запрещенія ея) и т. п.

Все сказанное даетъ мнѣ право съ полнымъ убѣжденіемъ говорить, что съ прекращеніемъ внѣшнихъ стѣсненій украинская народность несомнѣнно вступитъ въ стадію

широкаго національнаго развитія, подготовленнаго уже культурными успѣхами украинской національности въ Галиціи.

Всѣ стѣсненія, запрещенія, репрессіи, направленныя противъ украинства, не убиваютъ, а только тормозятъ и отсрочиваютъ его развитіе, тормозя и задерживая вмѣстѣ съ тѣмъ свободное развитіе культурныхъ силъ тридцатимилліоннаго украинскаго населенія Россіи, съ огромнымъ ущербомъ для него, а съ тѣмъ, конечно, и для самого государства.

Отношеніе правительства Россіи къ украинской народности вообще было одною сплошною исторіей репрессій. Поставивъ своей цѣлью достиженіе внѣшняго единообразія вмѣсто внутренняго единодушія, по выраженію одного изъ современныхъ государственныхъ людей Россіи, оно, какъ мы видѣли, съ энергіею и послѣдовательностью, достойными лучшихъ цѣлей, стремилось къ тому, чтобы сгладить, вытравить историческія формы украинской жизни и національныя особенности, ослабить все, что выдѣлялось сравнительно съ жизнью великорусскаго народа и общимъ тономъ отношеній имперіи.

Сначала оно направляетъ свою энергію на уничтоженіе политической особности и автономіи Украины, мѣстныхъ формъ политическихъ и общественныхъ отношеній и осуществляетъ эти стремленія, не справляясь съ желаніями и стремленіями украинскаго общества и народа, не обращая вниманія на отчаянное сопротивленіе, глубокое неудовольствіе, не считаясь со своими обѣщаніями и обязательствами. Затѣмъ оно стремится ввести ту же нивелляцію и въ культурную и въ духовную жизнь Украины, вытравить традиціи ея прошлой жизни и не только подчинить, но и вполнѣ ассимилировать ее великорусской культурѣ. Языкъ—этотъ первый и самый важный показатель національной особности, обращаетъ на себя главное вниманіе политиковъ нивелляціи, и мы видѣли, какъ уже въ первой четверти XVIII в. правительство ставитъ требованіе, чтобы въ украинской литературѣ „никакой розни и особаго нарѣчія не было“. Подавивъ, дѣйствительно, всякую

литературу на мѣстномъ языкѣ цензурными репрессіями въ XVIII в., правительственная политика становится въ XIX в. на той точкѣ зрѣнія, что украинскаго языка „не было, нѣтъ и быть не можетъ“, какъ выразился въ своемъ циркулярѣ министръ Валуевъ, солидаризуясь съ жалкими измышленіями, что украинскій языкъ представляетъ собою лишь искаженіе русскаго языка, „испорченный русскій языкъ“, и т. п. *). Врожденное, совершенно естественное, стихійное стремленіе украинской народности къ проявленію своего національнаго содержанія представляется правительствомъ, со словъ охранительной печати, какъ искусственно привитые посторонними вліяніями, враждебные государству, подлежащіе преслѣдованію и искорененію политическіе замыслы, результаты интриги польской, австрійской и Богъ знаетъ еще какой. „Сепаратизмъ“ становится страшнымъ крикомъ, вѣщающимъ всевозможныя бѣды, и подъ понятіе его подводятся самыя невинныя проявленія любви къ родному краю и народу, его языку и прошлому **). И, усердно создавая своими репрессіями всѣ

*) Указывая на нежелательность украинскихъ книгъ для народа, министръ, со словъ кіевскаго цензурнаго комитета, ссылается на мнѣнія «большинства Малороссовъ», якобы высказанныя въ печати: «они весьма основательно доказываютъ, что никакого малороссійскаго языка не было, нѣтъ и быть не можетъ, и что нарѣчіе ихъ, употребляемое простонародьемъ, есть тотъ же русскій языкъ, только испорченный вліяніемъ на него Польши; что общерусскій также понятенъ для Малороссіянъ и даже гораздо понятнѣе, чѣмъ теперь сочиняемый для нихъ нѣкоторыми Малороссіанами и въ особенности Поляками такъ называемый украинскій языкъ; лицъ того кружка, который усиливается доказывать противное, большинство самихъ Малороссовъ упрекаетъ въ сепаратистскихъ замыслахъ, враждебныхъ къ Россіи и гибельныхъ для Малороссіи». Нужно ли говорить, что это «большинство Малороссовъ» въ дѣйствительности никѣмъ никогда не было опрошено и никогда не высказывалось въ этомъ смыслѣ? Наоборотъ, опросы и анкеты по этому вопросу, гдѣ они производились, какъ увидимъ еще, давали совершенно противоположные результаты.

**) Уже въ 1850-хъ гг. существовало распоряженіе, требовавшее отъ цензуры строжайшаго отношенія ко всему связанному съ украинскимъ языкомъ и народностью, «не давая перевѣса любви къ

поводы для неудовольствія, для „сепаратизма“, съ другой стороны во имя призрака этого сепаратизма лишали огромное украинское населеніе имперіи самыхъ элементарныхъ образовательныхъ средствъ, удовлетворенія первѣйшихъ потребностей духовной жизни человѣка—употребленія родного языка и творчества на немъ.

Невозможность осуществить въ дѣйствительности смертный приговоръ, произнесенный украинскому слову въ Россіи, однако не могла не быть замѣчаема руководителями внутренней политики. Огромность насилія, которое должно было быть произведено для этой цѣли надъ десятками милліоновъ украинской народности, не могла не смущать ихъ, тѣмъ болѣе, что апокрифичность мнѣній „большинства Малороссовъ“, на которыя дѣлались ссылки въ подлежащихъ случаяхъ, не могла быть для нихъ тайною. Стихійная привязанность украинскаго населенія къ особенностямъ своей жизни и своему языку, сдѣлавшаяся общимъ мѣстомъ въ литературѣ, была извѣстна и имъ. Поэтому мы замѣчаемъ извѣстныя колебанія, характеристическую половинчатость въ осуществленіи правительственной программы по отношенію къ украинской народности. Она колеблется между принципами полнаго отрицанія украинскаго языка и признанія украинскаго языка и украинской народности въ качествѣ этнографическаго провинціонализма, въ извѣстныхъ тѣсныхъ границахъ. Противъ стремленій Украинцевъ къ созданію національной культуры въ полномъ значеніи этого слова выдвигаются соображенія, что украинская народность можетъ оставаться въ чисто-этнографическихъ своихъ проявленіяхъ, что украинскій языкъ можетъ оставаться въ сферѣ „домашняго употребленія“, для потребностей людей, не усвоившихъ великорусскаго языка, но служить для удовлетворенія высшихъ культурныхъ потребно-

---

родинѣ надъ любовью къ отечеству», и цензура вычеркивала изъ историческихъ памятниковъ мѣста, въ которыхъ усматривала «пристрастіе къ малороссійской народности». Такъ было изувѣчено цензурою въ 1853 г. изданіе лѣтописи Грабянки (Цензура въ царствованіе имп. Николая—Рус. Старина, 1904, II, с. 441—2).

стой, быть языкомъ интеллигентнаго класса, литературы, науки — долженъ только языкъ великорусскій, или, какъ совершенно неосновательно его называютъ при этомъ — языкъ общерусскій *). Этими аргументами, которые съ голоса офиціозной печати иногда повторяются и разными „умѣренными" людьми украинскаго происхожденія, мотивировались и по нынѣшній день мотивируются остающіяся по большей части въ силѣ запрещенія научныхъ книгъ и научныхъ чтеній на украинскомъ языкѣ, переводной литературы и даже сценическихъ и беллетристическихъ произведеній, гдѣ выводятся люди образованнаго класса, также воспрещеніе къ обращенію въ Россіи научныхъ и беллетристическихъ сочиненій, выходящихъ за границею (въ Галиціи главнымъ образомъ).

Но, стремясь сохранить роль культурнаго языка исключительно за языкомъ великорусскимъ, эта національная политика съ другой стороны не рѣшается разрѣшить украинскій языкъ къ свободному обращенію и въ средѣ „домашняго употребленія", низшей, такъ сказать, культуры, допустить его въ начальную школу, въ церковную проповѣдь, въ популярную беллетристическую и научную литературу. Тутъ, очевидно, дѣйствовало сознаніе стихійной силы украинства и пугало рѣшающія сферы: являлось соображеніе, что, пока украинская книжка обращается въ тѣсномъ кругу интеллигенціи, она не представляетъ ничего серьезнаго, но если она войдетъ въ крестьянскую среду, если послѣдняя, воспитавшись на украинскомъ словѣ, найдетъ въ немъ свой органъ культурнаго развитія, то она со стихійною силою шагъ за шагомъ раздвинетъ всѣ границы, какія будутъ поставлены правитель-

---

*) На полную неосновательность этого ходячаго термина указала вполнѣ опредѣленно въ своей недавней запискѣ петербургская академія наукъ. «Нашу литературную рѣчь, рѣчь образованныхъ классовъ и письменности всѣхъ родовъ, должно назвать вполнѣ великорусскою», говоритъ она. «Основаній назвать теперь эту рѣчь общерусскою мы не видимъ, ибо она не представляетъ изъ себя амальгамы, въ которой бы, хотя и неравномѣрно, отразились особенности всѣхъ живыхъ русскихъ нарѣчій» (с. 15).

ствомъ украинскому слову *). Представлялась страшная для централистической политики бюрократіи перспектива культурнаго обособленія громаднаго народа, который въ оффиціальныхъ сферахъ все еще упорно включается въ понятіе „русскаго" и служитъ строительнымъ матеріаломъ для великорусской культуры и государственности. Эти соображенія заставляли преграждать украинскому слову пути „въ народъ" такъ же старательно, какъ и въ сферу „высшей культуры".

Но съ другой стороны и на полную проскрипцію украинскаго слова (которая собственно соотвѣтствовала ихъ планамъ) правительственныя сферы не рѣшаются, боясь слишкомъ обострить вопросъ. Отсюда эти непослѣдовательности, полумѣры, единственная цѣль которыхъ—всячески задерживать, во что бы то ни стало, развитіе украинской литературы и національности, не давать ей выйти изъ стадіи прозябанія. Такой смыслъ имѣетъ эта неопредѣленность цензурной и административной практики, гдѣ никогда не знаютъ напередъ, что будетъ дозволено и что запрещено, эта система „исключеній" и передышекъ между обостреніями запретительныхъ мѣръ и рядомъ съ ними негласныя преслѣдованія всего и всѣхъ, что заявляетъ чѣмъ нибудь свое сочувствіе къ украинству. Эти средства дѣйствительно оказываютъ свое вліяніе, задерживая до нѣкоторой степени развитіе украинства, но одновременно приводятъ къ обостренію отношеній, а съ другой стороны чрезвычайно тяжело отзываются на культурномъ и экономическомъ положеніи народныхъ массъ, лишенныхъ всякихъ средствъ развитія, благодаря запрещеніямъ, лежащимъ на украинскомъ словѣ.

Циркуляръ 1863 г. и подтвердившій и развившій его законъ 1876 г. преграждали дорогу украинскому слову въ сферу и высшей и низшей культуры **); смягченные затѣмъ нѣсколько распоряженіемъ 1881 г., они допускали ее въ

*) Эта мысль была развита особенно опредѣленно (изъ доступныхъ намъ документовъ) въ запискѣ генералъ-губернатора кн. Дондукова-Корсакова.

**) См. выше, гл. XXIV.

сферѣ беллетристики и сценическихъ представленій, т. е. въ сферѣ, считавшейся наименѣе серьезной и опасной, но и здѣсь къ ней примѣнялся рядъ ограниченій, исключавшихъ ее изъ общихъ цензурныхъ нормъ и требовавшихъ по отношенію къ украинскимъ пьесамъ и произведеніямъ печати особой строгости, вплоть до предложенія цензурѣ „сокращать въ цѣляхъ чисто государственныхъ" число украинскихъ произведеній даже независимо отъ ихъ содержанія *). По отношенію къ украинскимъ произведеніямъ введена была двойная цензура—кромѣ цензурныхъ комитетовъ еще вторичная цензура въ главномъ управленіи по дѣламъ печати, а цензурная практика развивалась въ направленіяхъ, указанныхъ упомянутыми распоряженіями: не дать возможности развиться украинскому языку до степени органа высшей культуры, всячески сузить сферу его существованія и свести до минимума вообще количество украинскихъ книгъ.

Какъ я уже упоминалъ, въ духѣ этихъ тенденцій вводились періоды совершенныхъ воспрещеній украинскаго слова, довольно продолжительные, длившіеся по нѣскольку лѣтъ, когда не пропускалось вовсе ничего на украинскомъ языкѣ, или почти ничего — такъ наз. антракты украинскаго слова, въ 1864—1870 и 1876—1880 гг. Снявъ безусловное воспрещеніе, цензурная практика въ 1880—90 гг. обставляла украинскія произведенія, даже и беллетристическія, рядомъ ограниченій.

Запрещались, какъ я упомянулъ уже, произведенія изъ жизни интеллигенціи и театральныя пьесы такъ наз. сюртучныя, гдѣ выступали представители интеллигенціи: этимъ имѣли въ виду задержать украинскій языкъ въ положеніи полу-этнографическаго явленія, рисующаго бытъ лишь простого народа, а не культурнаго органа. Такой же характеръ имѣло гоненіе

*) Предложеніе петербургскому цензурному комитету 1892 г. Ср. циркуляръ начальникамъ губерній 1884 г., внушавшій имъ бдительное наблюденіе и всяческую осторожность при разрѣшеніи украинскихъ спектаклей. Записка академіи наукъ.

на „неологизмы“, нарушающіе, дескать, чистоту народнаго языка и вводящіе новыя, культурныя понятія въ языкъ: цензура по этимъ филологическимъ соображеніямъ также запрещала украинскія произведенія. Въ 1895 г. главное управленіе по дѣламъ печати предложило цензурнымъ комитетамъ не дозволять къ печати книгъ и сборниковъ на украинскомъ языкѣ, предназначенныхъ для дѣтскаго чтенія, „хотя бы по существу содержанія они и представлялись благонамѣренными“ *).

Запрещались пьесы и произведенія печати съ соціальною подкладкою, сочиненія съ содержаніемъ національно-патріотическимъ и историческимъ. Цензура вычеркивала даже такія слова, какъ: Україна, Січ, козак, или запрещала произведенія, говорившія о такихъ сюжетахъ. Долго не пропускались сборники и альманахи, составлявшіеся какъ суррогатъ украинскаго журнала: цензура не хотѣла допускать этого суррогата, въ виду того, что изданіе газетъ и журналовъ на украинскомъ языкѣ не допускалось (о нихъ законъ 1876 г., положимъ, ничего не говорилъ, но на практикѣ исходили изъ того же принципа: не допустить украинскаго языка до значенія культурнаго органа). Не допускались переводы беллетристическихъ произведеній и стихотвореній съ другихъ языковъ на украинскій.

Наконецъ не допускались болѣе значительныя произведенія, просто потому, что они уже по своимъ размѣрамъ являлись бы слишкомъ виднымъ пріобрѣтеніемъ для осужденной „на небытіе“ украинской литературы.

Благодаря изобрѣтательности цензуры въ усматриваніи „малѣйшихъ поводовъ“ къ запрещенію—то усиливавшейся, то ослабѣвавшей соотвѣтственно указаніямъ свыше, цензура для украинскихъ книгъ временами становилась настоящею лотереею: одно и то же произведеніе въ одномъ случаѣ запрещалось, въ другомъ—предложенное снова, подъ другимъ

*) См. Записку академіи наукъ, с. 88.

заглавіемъ—разрѣшалось, и наоборотъ—произведенія, уже разрѣшенныя, запрещались при новомъ изданіи. Но въ общемъ только небольшая часть произведеній проходила черезъ цензуру, и то сильно изувѣченною, часто—такъ сильно, что не оставалось возможности издать такое разрѣшенное произведеніе. Такъ, напр., изъ 230 рукописей, поданныхъ въ цензуру украинскимъ издательскимъ кружкомъ въ Кіевѣ въ 1895—1904 гг., т. е. годахъ, далеко не худшихъ въ цензурномъ отношеніи, только 80 вышли изъ цензуры въ настолько благополучномъ видѣ, что ихъ, хотя и съ изъянами, еще можно было предать тисненію. А вѣдь кіевское книгоиздательство, конечно, воздерживалось отъ напрасныхъ тратъ на подачу въ цензуру завѣдомо „безнадежныхъ" произведеній, и упомянутые годы, повторяю, принадлежали къ сравнительно либеральнымъ въ отношеніи украинской цензуры.

При этомъ нужно еще имѣть въ виду, что въ цензурѣ погибали обыкновенно наиболѣе серьезныя и цѣнныя произведенія, затрагивавшія и освѣщавшія наиболѣе важные вопросы украинской жизни. Между тѣмъ разный литературный и нелитературный соръ пропускался свободно, какъ бы намѣренно, чтобы понизить культурную цѣнность украинской литературы и дискреднтировать ее въ глазахъ интеллигенціи—своей и чужой.

Спеціальную сферу для всякаго рода стѣсненій и отягощеній создавалъ параграфъ закона 1876 г., постановлявшій, что въ украинскихъ произведеніяхъ „не должно быть допускаемо никакихъ отступленій отъ общепринятаго русскаго правописанія". Этимъ запрещено было принятое въ украинской литературѣ правописаніе, нѣсколько отличавшееся отъ великорусскаго, и украинскіе писатели съ тѣхъ поръ принуждены были придерживаться правописанія „общерусскаго", т. е. великорусскаго. Но такъ какъ само по себѣ требованіе — придерживаться въ произведеніяхъ, писанныхъ на одномъ языкѣ, правописанія другого языка является не только съ научной, филологической, но и съ чисто-практической точки зрѣнія совершенно неисполнимымъ абсур-

домъ *), то не только авторы, но и сами цензора, конечно, не могли себѣ уяснить, какъ собственно должно выглядѣть украинское слово въ оболочкѣ великорусскаго правописанія. Поэтому употребительное примѣчаніе, присоединявшееся къ резолюціямъ о разрѣшеніи книги: „дозволяется къ печати, съ тѣмъ чтобы при печатаніи были соблюдены правила русскаго правописанія", какъ требованіе неисполнимое, давало цензору возможность не выпустить въ свѣтъ даже книги, дозволенной уже цензурою.

Съ цензурными препятствіями встрѣчалось — уже безъ всякаго основанія въ законѣ 1876 г., также и выпускъ всякаго рода изданій, посвященныхъ Украинѣ, на языкѣ великорусскомъ. И здѣсь исключались украинскія выраженія, діалоги, и къ самому содержанію к историческимъ соображеніямъ и къ сужденіямъ о современныхъ отношеніяхъ, прилагались весьма придирчивыя требованія. Для характеристики можетъ послужить такой фактъ: въ 1887 г. „Опытъ грамматики малорусскаго языка" одного изъ кіевскихъ ученыхъ былъ возвращенъ цензурою автору даже безъ просмотра, на томъ основаніи, что „нельзя же разрѣшать къ

*) Позволю себѣ привести взглядъ по этому вопросу, выраженный въ запискѣ петербургской академіи наукъ—т. е. лицами, достаточно авторитетными и свободными отъ всякаго «украинофильскаго увлеченія». «Навязываніе языку несвойственнаго ему правописанія самымъ невыгоднымъ образомъ отзывается на книжной производительности; такое правописаніе задерживаетъ выходъ книги и ложится поэтому на свободную мысль, свободное творчество болѣе тяжелымъ гнетомъ, чѣмъ всякія цензурныя стѣсненія. Мы далеки отъ мысли приписывать составителямъ проекта высочайшаго повелѣнія 1876 года жестокое желаніе посредствомъ узаконеннаго имъ правописанія задержать развитіе даже изящной словесности малорусской (ибо задержать «вредныя направленія», въ относящихся сюда произведеніяхъ предположено правиломъ о томъ, «чтобы разрѣшеніе на печатаніе произведенія изящной словесности давалось не иначе какъ по разсмотрѣніи рукописей въ главномъ управленіи по дѣламъ печати»); по этому самому мы склонны думать, что ими руководила мысль сблизить посредствомъ правописанія малорусскій языкъ съ русскимъ. Странное заблужденіе. Прежде всего, что раз-

печати грамматику того языка, который обреченъ на небытіе".

Этотъ отвѣтъ одного изъ исполнителей правительственной программы вскрываетъ передъ нами съ полною опредѣленностью руководящую идею ея въ отношеніи къ украинскому языку и вообще украинству. Украинскій языкъ былъ „обреченъ на небытіе", украинская народность— на вымираніе въ качествѣ народности и на пріобщеніе къ народности великорусской путемъ школы и культуры. Но эта программа въ приложеніи къ такой большой и старой народности, какъ украинская, является неосуществимою даже для наиболѣе налаженнаго и энергичнаго государственнаго механизма. Какъ мы видѣли выше, репрессіи, пущенныя въ ходъ по отношенію къ украинскому слову въ Россіи, имѣли результатомъ лишь перенесеніе центра тяжести украинской національной работы въ сосѣднюю Галицію, и здѣсь, внѣ всякой необходимости сообразоваться съ видами и теченіями правительственной политики, въ продолженіе послѣднихъ десятилѣтій работала украинская національная мысль надъ разработкою тѣхъ соціальныхъ, политическихъ и національ-

---

умѣть подъ требованіемъ придерживаться общепринятаго русскаго правописанія? Если понимать требованіе закона 1876 года такъ, что, напр., малорусскія слова: віра, дід, місто—должны явиться въ великорусской оболочкѣ: вѣра, дѣдъ, мѣсто, т. е. чтобы звукъ і изображался буквой ѣ, спрашивается, что помѣшаетъ Малороссу изображать черезъ букву ѣ звукъ і также, напр., въ словахъ: лід или ніс?—и ихъ онъ напишетъ лѣдъ, нѣсъ. Выиграетъ ли отъ этого дѣло сближенія съ великорусскимъ языкомъ, гдѣ эти слова звучатъ лёдъ, нёсъ? Если, вслѣдствіе навязаннаго ему правописанія, Малороссъ долженъ написать мыло съ ы, а мило съ и, гдѣ найдется тотъ корректоръ, тотъ ученый справщикъ, который въ малорусскомъ звукѣ сумѣетъ для каждаго случая различить два разныхъ звука, совпавшихъ въ одномъ едва ли еще не въ эпоху до-татарскую? И объ этомъ смѣшеніи и и ы громко будутъ свидѣтельствовать прежде всего тѣ историческіе малорусскіе документы, при печатаніи которыхъ законъ требуетъ «безусловно» удерживать правописаніе подлинниковъ, не подновляя его, очевидно, и въ направленіи къ общепринятому русскому правописанію» (с. 24).

*

ныхъ проблемъ, которыя сдѣлались запретными для нея въ Россіи, надъ созданіемъ тѣхъ орудій высшей и низшей національной культуры, которыя хотѣла сдѣлать недоступными для украинства упомянутая политика. Безпощадная война, объявленная украинству правительственными сферами Россіи и не оставлявшая мѣста никакимъ компромиссамъ, никакому оппортунизму, имѣла лишь тотъ результатъ, что руководящія идеи украинства вырабатывались рѣзкой оппозиціи бюрократическому абсолютистически-централистическому старому режиму Россіи.

Единственно, что этотъ режимъ могъ противопоставить такому обороту вещей, были опять таки запретительныя мѣры по отношенію ко всякаго рода украинскимъ публикаціямъ, выходившимъ въ Галиціи, и онъ дѣйствительно дѣлалъ очень энергическія усилія въ этомъ направленіи. Не только публицистическимъ произведеніямъ, политическимъ газетамъ, но и беллетристикѣ, сочиненіямъ научнымъ, даже— сборникамъ историческихъ документовъ и этнографическихъ текстовъ, только потому, что они имѣютъ украинскую обертку,—закрытъ доступъ въ Россію *). Ученыя изданія Наукового Товариства ім. Шевченка, его сборники историческихъ, филологическихъ, естественно-историческихъ и математическихъ работъ принадлежатъ къ числу „безусловно воспрещенныхъ въ Россіи"—и по нынѣшній день. Ходатайство редакціи дѣтскаго журнала „Дзвінок" о допущеніи въ Россію было въ свое время отклонено „по политическимъ причинамъ", а популярныя брошюры галицкой печати о разведеніи домашней птицы или удобреніи почвы, обнаруженныя при случаѣ у россійско-подданныхъ лицъ, еще не такъ давно подводились подъ весьма серьезные параграфы о держаніи запрещенныхъ сочиненій.

---

*) «Записки Наукового товариства ім. Шевченка» въ качествѣ журнала получилъ доступъ въ Россію согласно послѣднимъ правиламъ о допущеніи заграничныхъ періодическихъ изданій, но непеpіодическія галицкія изданія, научныя и литературныя, остаются воспрещенными.

Но всѣ эти запретительныя и карательныя мѣры только отчасти могли достигать своей цѣли. Несмотря на всѣ мѣры предупрежденія и пресѣченія, заграничныя изданія въ Россію, конечно, проникали. Идеи, двигавшія національнымъ движеніемъ Галиціи, не нуждаясь въ пропускномъ билетѣ и не подпадая таможенному досмотру, распространялись въ украинскомъ обществѣ Россіи, уяснявшемъ свои жизненныя задачи параллельно съ національнымъ движеніемъ австрійской Украины...

Но, не достигая своей цѣли—воспрепятствовать развитію украинскаго языка, какъ языка культурнаго, а украинской народности помѣшать въ ея національномъ самоопредѣленіи,—эти запретительныя и карательныя мѣры причинили неоцѣнимый вредъ украинской народности вообще, а въ частности—украинскому населенію Россіи. „Конечно, работа хотя бы и для небольшого уголка родной земли, какимъ являются Галиція и Буковина, даетъ нѣкоторое нравственное удовлетвореніе украинскимъ дѣятелямъ; но оно ничтожно по сравненію съ тѣмъ чувствомъ невыразимой боли, которое охватываетъ ихъ при взглядѣ на положеніе родного народа здѣсь дома. Они видѣли, что народъ лишенъ единственно возможнаго для него средства просвѣщенія—школы и книги на родномъ языкѣ; они были свидѣтелями того безпощаднаго процесса, который все болѣе и болѣе погружалъ населеніе родной страны въ безпросвѣтный мракъ невѣжества. Духовныя творческія силы народа замирали; падала его культура, онъ являлся безсильнымъ въ борьбѣ съ неблагопріятными соціальными и экономическими условіями, доводившими его положеніе до полной безысходности. Все это совершалось на глазахъ украинскихъ дѣятелей, но руки ихъ были связаны, уста наглухо закрыты; у нихъ отнято было право и возможность научить народъ родной грамотѣ, разъяснить ему его положеніе, указать ему пути къ дальнѣйшему развитію. Оставаясь физически на родинѣ, прикованные къ ней всѣми своими чувствами, помыслами и интересами, они духовно были изгнаны изъ нея и должны были жить среди родного

народа безправными изгнанниками, нѣмыми свидѣтелями совершающагося"...

Эти слова недавней записки „О нуждахъ украинской печати" *) характеризуютъ положеніе украинскаго общества очень хорошо. Ни сведенная цензурными запрещеніями до ничтожнѣйшихъ размѣровъ, до жалкихъ обрѣзковъ украинская литература Россіи, ни заграничная,—только контрабандой проникавшая въ Россію, конечно, не могли удовлетворять культурнымъ запросамъ многомилліоннаго украинскаго населенія Россіи. Сорокъ лѣтъ, отдѣляющихъ насъ отъ перваго запрещенія украинскаго слова въ Россіи—1863 г., вычеркнуто этими запрещеніями изъ жизни украинской народности, и какихъ лѣтъ! лучшаго періода—пробужденной общественной мысли, національнаго возрожденія, исканія новыхъ формъ общественныхъ и культурныхъ отношеній! Легко произнести эти сорокъ лѣтъ, но ужасъ обнимаетъ душу, когда вдумаешься во всю великость и невознаградимость ущерба, причиненнаго народу. Поколѣнія людей рождались и умирали съ печатью на устахъ, лишенныя возможности пользоваться даромъ, отличающимъ человѣка отъ животнаго—своимъ словомъ, своей природной рѣчью, т. е. единственнымъ точнымъ и свободнымъ орудіемъ выраженія своей мысли, въ переводѣ на чужой языкъ являющейся только болѣе или менѣе отдаленною копіею мысли дѣйствительной. Жили и умирали, лишенныя возможности того несравненнаго удовольствія внутренняго общенія и проникновенія въ мысли своихъ соотчичей, которое даетъ только родной языкъ; лишенныя возможности творить на своемъ языкѣ; лишенныя, наконецъ, возможности, обсуждать наиболѣе жизненные вопросы своего края и общества, двигать его къ разрѣшенію этихъ вопросовъ и содѣйствовать улучшенію культурныхъ и общественныхъ отношеній въ наиболѣе близкой имъ средѣ.

„Слова истины, красоты и любви должны выливаться истинно и потому свободно: только при этомъ условіи

*) Перепечатана въ «Кіевской Старинѣ» 1905, IV, с. 105.

они будутъ способны разбудить въ читателѣ тѣ чувства и мысли, какими былъ охваченъ самъ писатель. И это невѣрно, будто въ школѣ могутъ дать человѣку другой родной языкъ. Школа можетъ вытравить въ человѣкѣ знаніе его родного языка, но никогда языкъ школы не сдѣлается для него такъ близокъ, какъ былъ близокъ утраченный. Никогда мысль такого человѣка не выльется у него такъ легко, такъ красиво и искренно на школьномъ, выученномъ языкѣ"... „Огромное большинство самыхъ яркихъ впечатлѣній дѣтства и юности запечатлѣлись въ моемъ мозгу въ малорусскихъ образахъ, съ малорусскою рѣчью; по всему этому я и теперь, когда хочу и могу сказать что либо достойное того, чтобы рѣшиться предложить его читателю, не могу сдѣлать этого иначе, какъ малорусскою рѣчью. Мнѣ омерзительно было бы сводить свою роль, какъ писателя, на роль болтуна, зарабатывающаго деньги мертвеннымъ пустословіемъ, и вотъ почему я не могу писать по-русски. По-русски у меня все выходитъ мертвенно, блѣдно, несодержательно, даже неграмотно. Сознаніе это гнететъ меня, я чувствую, что я не вправѣ злоупотреблять вниманіемъ читателя и не вправѣ замусоривать своею неправильною русскою рѣчью богатый и выработанный русскій литературный языкъ! Къ тому же всѣ мои воспоминанія, весь мой опытъ сложились, главнымъ образомъ, среди Малороссовъ. Я знаю, чего имъ недостаетъ, знаю, чего они не знаютъ, что и какъ имъ нужно сказать; я знаю, что здѣсь, и только здѣсь, мое слово и нужно, и, можетъ быть, полезно! За что же отымать у меня величайшее на землѣ счастье работою своего ума и сердца служить моему ближнему? За что же и у Малоросса читателя отнимать возможность узнать отъ меня то, что я могу сказать ему?!"

„На себѣ, какъ на частномъ примѣрѣ, который, конечно, можетъ дать только частичное отраженіе изображаемаго явленія, я приведу образецъ того, что дѣлаетъ законъ 1876 года съ развитіемъ способностей писателя. По природѣ я не беллетристъ, но законъ, отымая у меня право писать что бы то ни было серьезнаго содержанія на моемъ языкѣ,

заставилъ меня сдѣлаться беллетристомъ. Подвергнувъ себя такой ломкѣ, я все же не получилъ удовлетворенія служить тому, кому я могъ и хотѣлъ служить моимъ литературнымъ трудомъ. Ни одна изъ моихъ повѣстей не была допущена цензурою, хотя въ нихъ и не было ничего противозаконнаго. Я вынужденъ былъ издать ихъ въ Галиціи, ограничивая кругъ моихъ читателей до $^1/_5$ его естественнаго размѣра. Къ тому же этотъ искусственно сжатый кругъ ихъ живетъ уже въ другой средѣ и обстановкѣ, чѣмъ тѣ, которыя мною описаны. Для нихъ содержаніе моихъ повѣстей не можетъ быть уже такъ близко, какъ было бы оно близко моимъ соотечественникамъ, живущимъ въ Россіи" *).

Такъ пишетъ представитель высшихъ, обрусѣвшихъ классовъ украинскаго общества, прошедшій великорусскую школу—отъ низшей до высшей, и не находящій приложенія для своихъ общественныхъ и національныхъ стремленій при современномъ положеніи украинства въ Россіи. Подъ его словами подписался бы и я—также прошедшій великорусскую школу, написавшій по-великорусски нѣсколько довольно объемистыхъ книгъ, но и до сихъ поръ принужденный напрягать до крайности свои мыслительныя способности, чтобы выразить сколько нибудь точно и правильно свою мысль, когда обстоятельства заставляютъ меня писать по-великорусски. Подписалось бы, вѣроятно, много и много другихъ,—тѣхъ, которые переносили свою дѣятельность за границу или и вовсе уходили изъ Россіи, чтобы сохранить свободу мысли и слова, возможность работать безъ стѣсненій для своей національности; и тѣ, которые обращались къ великорусскому языку, за невозможностью пользоваться своимъ роднымъ; и тѣ, которые замолкали вовсе, встрѣтившись съ цензурными запрещеніями, или годами, всю жизнь писали лишь „для себя", „для своихъ дѣтей", лишенные надежды увидѣть свои произведенія въ печати, подѣлиться своими мыслями, своимъ творчествомъ съ соотчичами.

*) Письмо В. Н. Леонтовича—напечатано при Запискѣ академіи наукъ (с. 84).

Ни одна, вѣроятно, литература не имѣетъ такого мартиролога талантливыхъ беллетристовъ, поэтовъ, писавшихъ безъ возможности увидѣть свои произведенія въ печати или безъ возможности получить свои сочиненія, изданныя въ заграничныхъ, „абсолютно воспрещенныхъ изданіяхъ“. Одни такъ и прожили всю свою жизнь безъ возможности издавать свои произведенія (талантливые поэты Руданський, Мова, беллетристъ Свидницький и многіе другіе), другіе замолкали вовсе на цѣлые года цензурныхъ гоненій и возвращались къ творчеству только при нѣкоторыхъ облегченіяхъ цензуры (какъ талантливые поэты Глібів и Щоголїв).

Но въ то время, какъ одни переносили свою дѣятельность за границу, другіе замолкали вовсе или, идя „въ сторону наименьшаго сопротивленія“, подавляли свои общественные интересы и обращались къ „безобиднымъ“ занятіямъ лингвистикою, археологіею, нумизматикою, археографіею и т. п.,— значительная часть украинскаго общества, находя преграждениыми всѣ пути къ дѣятельности на пользу своего народа, бросались въ борьбу съ режимомъ, создававшимъ эти трудности. Они охладѣвали къ національному вопросу, считая въ данныхъ условіяхъ украинофильство дѣтскою забавою, а всѣ попытки легальной дѣятельности—пародіею дѣятельности, и становились въ первые ряды движеній, стремившихся разрушить самый государственный строй, создававшій тѣ отношенія, которыя ихъ окружали. Нужно ли напоминать безконечные ряды украинскихъ именъ, нашедшихъ свое мѣсто въ революціонныхъ и террористическихъ движеніяхъ, начиная съ 1860-хъ годовъ и кончая вчерашнимъ днемъ? Нужно ли перечислять людей, игравшихъ первыя роли въ этихъ движеніяхъ? Сила, у которой отнимаютъ возможность быть созидательною, неизбѣжно превратится въ разрушительную. Ибо сила не погибаетъ...

Борьба съ украинскимъ языкомъ не ограничивалась сферою печатнаго слова или сценическихъ представленій. Онъ стѣснялся и даже преслѣдовался въ устномъ употребленіи. Разговора по-украински въ общественномъ мѣстѣ бывало

достаточно, чтобы навлечь серьезныя непріятности на человѣка, испортить ему жизнь ярлыкомъ „сепаратиста“, и т. п. Всякіе намеки на національную манифестацію обставлялись строжайшими воспрещеніями. Украинскій театръ на многіе годы потерялъ доступъ въ предѣлы кіевскаго генералъ-губернаторства (къ которому кромѣ губерній: Кіевской, Подольской и Волынской принадлежали тогда, какъ я упоминалъ, также губерніи Черниговская и Полтавская), благодаря совершенно невинной оваціи, устроенной молодежью актерамъ украинской труппы. Въ Кіевѣ долгое время нельзя было устроить публичной панихиды въ годовщину смерти Шевченки и помѣстить о ней извѣщеніе въ газетахъ. Когда на археологическій съѣздъ 1899 г., происходившій въ Кіевѣ, предложили свои рефераты по разнымъ вопросамъ археологіи и исторіи также украинскіе ученые изъ Галиціи, и предварительный комитетъ, допустивъ рефераты на всѣхъ славянскихъ языкахъ, призналъ возможнымъ допустить чтеніе рефератовъ и на украинскомъ языкѣ, то министерство внутреннихъ дѣлъ воспротивилось этому и запретило чтеніе рефератовъ, писанныхъ на украинскомъ языкѣ. Хотя въ послѣднюю минуту министерство народнаго просвѣщенія нѣсколько смягчило это запрещеніе, разрѣшивъ чтеніе украинскихъ рефератовъ не въ публичныхъ, а закрытыхъ засѣданіяхъ, въ присутствіи не болѣе 25 членовъ съѣзда, но, конечно, въ такихъ условіяхъ галицкіе ученые не нашли возможнымъ читать рефератовъ *). Четыре года спустя, при открытіи въ Полтавѣ памятника родоначальнику возрожденной украинской литературы, Ивану Котляревскому, въ торжественномъ засѣданіи, устроенномъ городскою думою, губернаторъ, придерживаясь полученныхъ инструкцій, не разрѣшилъ читать привѣтственныхъ адресовъ на украинскомъ

*) На послѣдующіе археологическіе съѣзды—въ Харьковѣ (1902) и Екатеринославѣ (1905), посвященные также главнымъ образомъ украинской археологіи, исторіи и этнографіи, украинскимъ ученымъ и обществамъ Галиціи вовсе не посылались приглашенія, чтобы не возбуждать вопроса объ украинскомъ языкѣ.

языкѣ и произносить рѣчи на этомъ языкѣ, за исключеніемъ делегатовъ изъ Галичины; это имѣло слѣдствіемъ сецессію всѣхъ прочихъ делегацій и протесты городского управленія, и т. п.

Въ Галиціи и Буковинѣ украинскій языкъ употребляется, какъ языкъ преподаванія во всякаго рода учебныхъ заведеніяхъ, отъ начальныхъ школъ до университетовъ; въ Россіи онъ изгнанъ изъ школы совершенно и не допускается ни какъ преподавательскій языкъ, ни какъ предметъ преподаванія ни въ какихъ школахъ—государственныхъ, общественныхъ, частныхъ, высшихъ, среднихъ, низшихъ—даже какъ вспомогательное средство при начальномъ обученіи. Украинскій языкъ и литература не входятъ также и въ программу преподаванія „русскаго языка и литературы" среднихъ школъ, въ курсы этихъ предметовъ въ университетахъ и другихъ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ, хотя украинскій языкъ оффиціально считается „нарѣчіемъ русскаго языка", а украинская литература—провинціализмомъ „общерусской". На этомъ основаніи она не включается также и въ курсы славянскихъ языковъ и славянскихъ литературъ. Такимъ образомъ, не допускаемыя ни въ качествѣ самостоятельныхъ предметовъ, ни въ качествѣ составныхъ частей другихъ наукъ, украинскія дисциплины остаются въ концѣ концовъ внѣ научнаго обихода, внѣ изученія и изслѣдованія *). И съ этой стороны

*) Пятьдесятъ лѣтъ тому назадъ одинъ изъ выдающихся представителей тогдашней великорусской науки М. П. Погодинъ, разсуждая объ украинскомъ языкѣ и чувствуя всю недостаточность своихъ свѣдѣній по этому вопросу, писалъ: «Малороссійскаго нарѣчія до сихъ поръ, къ стыду своему, мы основательно не знаемъ, хотя и имѣемъ профессоровъ для всѣхъ славянскихъ нарѣчій» (Изслѣдованія, VII, стр. 426). Но, какъ говоритъ пословица: «Стыдъ не дымъ — глазъ не выѣстъ». За эти пятьдесятъ лѣтъ оффиціальная школа ровно ничего не сдѣлала для изученія украинскаго языка и вообще украинскихъ дисциплинъ. А хотя независимо отъ нея ихъ изученіе сдѣлало за это время большіе успѣхи, кардинальные вопросы, касающіеся Украины, и по сіе время въ высшихъ сферахъ сплошь да рядомъ рѣшаются аргументами, обнаруживающими отсутствіе всякихъ свѣдѣній о дѣйствительномъ положеніи вопроса.

сдѣлано все для того, чтобы украинскій языкъ - культурный органъ одной изъ значительнѣйшихъ народностей Европы, и украинская литература, обладающая крупными произведеніями высокой культурной цѣнности,—оставались неизвѣстными, terra incognita по возможности для самихъ Украинцевъ и для образованнаго общества Россіи, не выходя за предѣлы „домашняго обихода", не достигая значенія культурныхъ орудій.

Еще большій ущербъ, чѣмъ представителямъ высшихъ, интеллигентныхъ классовъ, причиняетъ это преслѣдованіе украинскаго языка народнымъ украинскимъ массамъ—огромный, неоцѣнимый, невознаградимый вредъ ихъ культурному развитію и экономическому благосостоянію. Нынѣшнее жалкое экономическое состояніе украинскаго народа, населяющаго богатѣйшія области Россіи и терпящаго хроническую нужду и даже голодъ на своей благословенной землѣ, не будучи въ состояніи вслѣдствіе бѣдности, непросвѣщенности и вытекающей изъ нея инертности перейти отъ старыхъ способовъ хозяйства къ болѣе раціональнымъ и интенсивнымъ,—страшно страдающаго отъ малоземелья при избыткѣ земли и единственное спасеніе ищущаго въ эмиграціи, совершаемой такими варварскими способами, что она сопровождается почти полнымъ разореніемъ и поголовнымъ вымираніемъ всѣхъ менѣе закаленныхъ особей; страшная безпросвѣтная темнота, отсутствіе общественнаго сознанія, элементарнаго гражданскаго воспитанія у этой по природѣ чрезвычайно интеллигентной и богато одаренной народности,—дѣлающія возможными такія дикія и некультурныя движенія, какъ еврейскіе погромы, холерные бунты, избіенія интеллигенціи; чрезвычайная отсталость на поприщѣ духовной и матеріальной культуры, почти не подвинувшейся здѣсь въ теченіе XIX в., ознаменовавшагося такимъ колоссальнымъ прогрессомъ другихъ народностей,—все это въ значительной мѣрѣ является результатомъ той системы оглупленія, къ которой въ конечныхъ результатахъ сводится программа подавленія украинской національности.

Народная школа въ Россіи стоитъ вообще не высоко, да-

леко не обслуживая всего количества дѣтей въ школьномъ возрастѣ и при своемъ короткомъ курсѣ сообщая своимъ ученикамъ весьма небольшой культурный запасъ. Въ украинскихъ же губерніяхъ школа даетъ народу такъ мало, что трудно себѣ и представить. Благодаря тому, что преподаваніе отъ начала до конца идетъ на великорусскомъ языкѣ, школа становится только мѣстомъ мученія дѣтей, уродующаго дѣтскія души и не дающаго взамѣнъ почти ничего позитивнаго. Это вполнѣ опредѣленно констатировалъ наканунѣ валуевскаго запрещенія одинъ изъ самыхъ выдающихся педагоговъ Россіи, К. Д. Ушинскій.

„Мало успѣха будетъ имѣть та школа,—пишетъ онъ,—въ которую дитя переходитъ изъ дому, какъ изъ рая въ адъ, и изъ которой оно бѣжитъ домой, какъ изъ темнаго ада, въ которомъ все темно, чуждо и непонятно, въ свѣтлый рай, гдѣ все ясно понятно, и близко сердцу; а почти такое впечатлѣніе должна производить школа на дитя Малороссіянина, когда оно начинаетъ посѣщать это странное мѣсто, въ которомъ одномъ только въ цѣломъ селѣ и говорятъ на непонятномъ языкѣ. Дитя, не слышавшее дома ни одного великорусскаго слова, начинаютъ въ школѣ съ перваго же дня ломать на великорусскій ладъ, и добро бы еще на чисто-великорусскій, а то на тотъ отвратительный жаргонъ, который вырабатывается у малообразованнаго Малоросса при стараніи говорить по-великорусски. Такая школа съ перваго же дня и весьма неласково напомнитъ ребенку, что онъ не дома, и, безъ сомнѣнія, покажется ему букою. Если такая школа не пуститъ корней въ народную жизнь и не принесетъ для нея полезныхъ плодовъ, то чему же здѣсь удивляться? Иначе и быть не можетъ. Такая школа, во-первыхъ, гораздо ниже народа: что же значитъ она съ своею сотнею плохо заученныхъ словъ передъ тою безконечно-глубокою, живою и полною рѣчью, которую выработалъ и выстрадалъ себѣ народъ въ продолженіе тысячелѣтія; во-вторыхъ, такая школа безсильна, потому что она не строитъ развитія дитяти на единственной плодотворной душевной почвѣ — на народной

рѣчи и на отразившемся въ ней народномъ чувствѣ; въ третьихъ, наконецъ, такая школа безполезна: ребенокъ не только входитъ въ нее изъ сферы, совершенно ей чуждой, но и выходитъ изъ нея въ ту же чуждую ей сферу. Скоро онъ позабываетъ нѣсколько десятковъ великорусскихъ словъ, которымъ выучился въ школѣ, а вмѣстѣ съ тѣмъ позабываетъ и тѣ понятія, которыя были къ нимъ привязаны. Народный языкъ и народная жизнь снова овладѣваютъ его душою и заливаютъ и изглаживаютъ всякое впечатлѣніе школы, какъ нѣчто совершенно имъ чуждое. Что же сдѣлала школа? Хуже чѣмъ ничего! Она на нѣсколько лѣтъ задержала естественное развитіе дитяти; остается, правда, грамотность или, лучше сказать, полуграмотность, и то не всегда, и можетъ пригодиться къ тому, чтобы на полурусскомъ нарѣчіи написать какую нибудь ябеду; душу же человѣка такая школа не развиваетъ, а портитъ" *).

Законъ 1876 г., истолкованный въ современной Европѣ, какъ проявленіе той же системы оглупленія (Verdummungssystem) **), санкціонировалъ это направленіе школы, и мы теперь можемъ видѣть наглядные результаты этой системы. Украинскій народъ въ XVII—XVIII в. значительно превышавшій своею культурностью народъ великорусскій, создавшій своими убогими средствами густую сѣть школъ, съ которой едва можетъ сравниться нынѣшняя ***), и удивлявшій чужестранцевъ своими стремленіями къ школѣ и образованію въ самыхъ тяжелыхъ условіяхъ жизни, повидимому не оставлявшихъ мѣста такимъ культурнымъ запросамъ ****),—въ на-

*) Педагогическая поѣздка по Швейцаріи.—Собраніе педагогическихъ сочиненій К. Д. Ушинскаго, изд. 1875 г., стр. 379.

**) «Записка» харьковскаго университета, с. 7.

***) См. выше, гл. XXIII, с. 402—3. Въ Слободской Украинѣ перепись 1732 г. показываетъ такой же процентъ учениковъ по отношенію къ населенію, какой существовалъ въ Харьковской губерніи въ 1882 г.; см. докладъ проф. Багалѣя въ брошюрѣ «Къ десятилѣтію издательскаго комитета харьковск. общ. грамотности», 1901 г.

****) См., напр., записки Павла Алепскаго, посѣтившаго Украину въ эпоху Хмельниччины: «Начиная съ этого города (Рашкова, на гра-

стоящее время значительно отсталъ отъ великорусскаго народа, благодаря тому преимуществу, какое даетъ послѣднему (при прочихъ равныхъ и даже менѣе благопріятныхъ условіяхъ) обученіе на родномъ языкѣ. Украинское населеніе гораздо *меньше* пользуется школою, результаты школьнаго обученія среди нея гораздо ниже. рецидивизмъ безграмотности проявляется въ гораздо болѣе значительныхъ размѣрахъ *). Между тѣмъ какъ въ нѣкоторыхъ великорусскихъ губерніяхъ, гдѣ народное образованіе поставлено лучше, процентъ безграмотныхъ падаетъ ниже 20%, въ украинскихъ губерніяхъ онъ нигдѣ не идетъ ниже 50%, а рецидивизмъ вырастаетъ до ужасающихъ размѣровъ, причемъ наблюдается иногда очень скоро, уже чрезъ три-четыре года по выходѣ изъ школы.

Это вполнѣ понятно. Обученіе на чужомъ языкѣ поглощаетъ энергію сельскаго дитяти до такой степени, что для общаго развитія и пріобрѣтенія реальныхъ познаній почти не остается возможности. Напр., высчитано, что наиболѣе удобопонятно составленная изъ употребляемыхъ въ нынѣшнихъ школахъ книгъ для первоначальнаго обученія—книга Бунакова въ первыхъ пяти урокахъ даетъ на общее число 64 словъ только 17 понятныхъ для украинскаго ребенка; въ шестомъ урокѣ изъ 14 словъ семь вовсе не понятны ему, въ седьмомъ изъ 18 девять, и такъ далѣе, не говоря о словахъ

ницѣ Украины съ Молдавіею) и по всей землѣ русскихъ (этимъ именемъ онъ называетъ Украинцевъ, противоставляя ихъ «Московитамъ»), то есть казаковъ, мы замѣтили возбудившую наше удивленіе прекрасную черту: всѣ они, за исключеніемъ немногихъ, даже большинство ихъ женъ и дочерей, умѣютъ читать и знаютъ порядокъ церковныхъ службъ и церковные напѣвы; кромѣ того, священники обучаютъ сиротъ и не оставляютъ ихъ шататься по улицамъ невѣждами,— т. II, с. 2 перевода Муркоса, ср. ниже, с. 15: «Дѣти многочисленнѣе травы, и всѣ умѣютъ читать, даже сироты»—и тутъ же характерное поясненіе, переносящее насъ въ тяжелыя условія тогдашней жизни: «вдовъ и сиротъ въ этой странѣ множество: ихъ мужья были убиты въ безпрерывныхъ войнахъ».

*) Бѣлоконскій. Итоги земской дѣятельности по народному образованію—«Русская Школа» 1902.

понятныхъ до нѣкоторой степени (при иномъ произношеніи, ударенія, нѣсколько иномъ значеніи, и т. д.) *). Звуковыя схожести при совершенно отличномъ значеніи составляютъ для него непреоборимыя трудности въ пользованіи великорусскимъ языкомъ и великорусской книгой въ дальнѣйшемъ. Если слово „пенька“ украинскій ребенокъ понимаетъ какъ „пеньок“ (пень), „рожа“ какъ „роза“, „лучи“ какъ „лучче“ (лучше), „бабочка“ какъ „баба, женщина“, то чтеніе великорусской книги, само собою разумѣется, превращается въ болѣе или менѣе удачное разгадыванье шарадъ, а результаты школьной выучки проявляются въ такихъ фразахъ, записываемыхъ въ школьныхъ тетрадяхъ: „слива плотоядное дерево“, „дыня огородная насѣкомая“, и т. п. Онѣ показываютъ совершенно очевидно, что великорусскія слова, въ концѣ концовъ заученныя на память, остаются для ученика совершенно мертвыми звуками, съ которыми мозгъ его не связываетъ никакихъ реальныхъ понятій. Нынѣшняя школьная система, разсматривающая великорусскій языкъ какъ родной для украинскихъ дѣтей и предлагающая его послѣднимъ даже безъ точнаго объясненія отличій этой оффиціальной рѣчи отъ родного языка дѣтей, наполняетъ ихъ голову такимъ столпотвореніемъ словъ и понятій, что вмѣсто развитія безвозвратно забиваетъ болѣе слабыя дѣтскія головы.

Вся энергія преподавателей и учениковъ идетъ на механическую выучку. Церковнославянскія молитвы для „удобопонятности“ переводятся съ одного непонятнаго на другой тоже непонятный языкъ—великорусскій, и ребенокъ, дѣлающій первые шаги въ школѣ, принужденъ „для пониманія“ выучить кромѣ славянскаго еще и великорусскій текстъ молитвы. Этотъ конкретный примѣръ можетъ служить характеристикою современной школы, предлагаемой украинскому

*) Вартовий—Яка тепер школа на Україні, ср. «Записку» харьковскаго университета и рефератъ С. Русовой при Запискѣ академіи наукъ. Во время печатанія—этой книги появилась по этому вопросу статья В. Гринченка «На безпросвѣтномъ пути», Рус. Богатство, 1905 г., X—XII.

населенію—объясненія непонятнаго непонятнымъ, а въ результатѣ школьной выучки—только задержка въ развитіи, засореніе мозга неусвоеннымъ балластомъ, „извращеніе самостоятельнаго развитія народа, извращеніе всей его духовной природы“, какъ опредѣлялъ результаты такой системы обученія на чужомъ языкѣ одинъ изъ выдающихся педагоговъ Россіи уже сорокъ лѣтъ тому назадъ *). Приводя оффиціальные взгляды, по которымъ великорусскій литературный языкъ есть настоящій „русскій“ языкъ, подлежащій усвоенію украинскими дѣтьми, а ихъ украинскій языкъ только его „испорченная“, искаженная разновидность, „жаргонъ“, „арго“,—школа внушаетъ дѣтямъ пренебреженіе къ родному языку, но, не будучи въ состояніи научить ихъ „настоящему“, въ концѣ концовъ лишаетъ ихъ всякаго языка, приводя къ употребленію того „отвратительнаго жаргона“, который, свидѣтельствуя объ этомъ „извращеніи духовной природы“ жертвъ нынѣшней школьной системы—недостаткѣ у нихъ сознательности въ выраженіи, а затѣмъ и ясности въ мышленіи, объ отсутствіи языка какъ точнаго выраженія мысли—является однимъ изъ самыхъ яркихъ проявленій того культурнаго упадка, на который осудилъ украинское населеніе старый режимъ. Въ этихъ условіяхъ, очевидно, украинское крестьянство неизбѣжно должно все болѣе и болѣе отставать отъ крестьянства великорусскаго.

То знаніе великорусскаго языка, какое учитель въ состояніи вбить въ голову украинскому ребенку въ полтора-два года школьной науки (дальше двухъ лѣтъ школьнаго обученія большинство дѣтей вѣдь не идетъ), конечно, совершенно недостаточно для того, чтобы сдѣлать великорусскій языкъ орудіемъ дальнѣйшаго самообразованія для ученика этой школы. Великорусскій языкъ остается для него собраніемъ болѣе или менѣе непонятныхъ, курьезныхъ словъ, и украинскій воспитанникъ великорусской школы и по выходѣ изъ нея читаетъ великорусскую книгу съ трудомъ, пони-

*) Вессель, въ журналѣ «Учитель» 1862: Мѣстный элементъ въ обученіи.

маетъ ее слабо и, понятно, не любитъ ее читать; это констатируютъ единодушно наблюдатели современной украинской жизни *). Большой спросъ среди народа оказывается на книгу украинскую, но...

Мы знаемъ уже, что національная политика Россіи въ продолженіе сорока лѣтъ съ неослабною энергіею стремилась къ тому, чтобы „въ цѣляхъ чисто государственныхъ" сократить до минимума книжное производство на украинскомъ языкѣ и ограничить его родами литературы, представляющими наименѣе реальнаго содержанія — изящной литературой безъ соціальныхъ, историческихъ и національныхъ мотивовъ, и то по возможности худшаго качества. Популярно-научная и практическая литература для народа оставалась для украинскаго слова сферою запрещенною. За сорокъ лѣтъ черезъ цензуру не прошло и сорока популярныхъ книжекъ, да и появившіяся прошли какъ исключенія, благодаря особымъ ходатайствамъ, случайнымъ послабленіямъ или счастливымъ случайностямъ, между тѣмъ какъ сотни другихъ окончили свое существованіе въ цензурныхъ архивахъ **). Даже изданіе летучихъ листковъ или краткихъ брошюръ съ гигіеническими совѣтами при эпидеміяхъ холеры, дифтерита и т. п. встрѣчало обыкновенно непреобо-

*) «Крестьянинъ-Украинецъ читаетъ гораздо меньше, чѣмъ Великороссъ, и даже въ большинствѣ случаевъ совсѣмъ отказывается отъ книгъ по сельскому хозяйству и медицинѣ, совершенно ихъ не понимая, и слѣдовательно, лишается могучаго средства для поднятія своей сельскохозяйственной культуры и для огражденія своего здоровья отъ бича болѣзней. Неудивительно, что книжки, издаваемыя для народа хотя и украинскими просвѣтительными обществами, но на русскомъ языкѣ (харьковское и кіевское)—имѣютъ сбытъ главнымъ образомъ не въ украинскихъ селахъ, а въ отдаленныхъ сѣверныхъ великорусскихъ губерніяхъ. Неудивительно, что при такихъ условіяхъ безпристрастные наблюдатели констатируютъ фактъ слабаго культурнаго роста Малоросса, а въ связи съ этимъ стоитъ и низкое развитіе его сельскохозяйственной и промышленной культуры» (Доклады лохвицкой комиссіи).

**) Вотъ нѣсколько заглавій запрещенныхъ цензурою книжекъ: Якъ живе тіло людське (популярная физіологія), Порадникъ матерямъ, Порадникъ жинкамъ, Якъ годувати малыхъ дитей, и т. п.

римыя трудности. Для обхода этого страшнаго запрещенія развивается невиданная литература популярно-научныхъ книжекъ въ sui generis беллетристической формѣ и благодаря такой беллетристической оболочкѣ удалось увидѣть свѣтъ божій нѣсколькимъ десяткамъ книжекъ научнаго содержанія, вродѣ, напр., популярной профилактики дифтерита подъ заглавіемъ: „Видъ чого вмерла Мелася“, книжки о бѣшенствѣ „Добра порада“, и т. п. Конечно, „беллетристическая форма“ въ такихъ книжкахъ должна неминуемо хромать очень сильно и въ значительной степени ослабляетъ даже поучительную силу такой книжки, такъ какъ благодаря такой формѣ ее принимаютъ какъ „сказку“, но въ крайности приходилось прибѣгать и къ такимъ формамъ—впрочемъ, также не всегда спасавшимъ книгу, такъ какъ цензура не соглашается иногда пропускать гигіену или сельское хозяйство даже подъ такимъ беллетристическимъ флагомъ.

Такимъ образомъ друзья и ревнители культурнаго и экономическаго подъема украинскаго населенія, несмотря на все свое желаніе, на всѣ усилія, могли ему предложить очень немного для просвѣщенія и поученія. Но и то немногое, что удавалось при помощи всякихъ ухищреній провести сквозь игольное ухо цензуры, встрѣчало новыя безконечныя трудности въ своемъ распространеніи среди народа. Какъ всякое проявленіе національной жизни, украинская книга, хотя бы дозволенная цензурою, считается въ административныхъ сферахъ явленіемъ опаснымъ, предметомъ дальнѣйшихъ стѣсненій и преслѣдованій. Министерство народнаго просвѣщенія не допускаетъ украинскихъ книгъ для народнаго чтенія въ школьныя библіотеки и народныя читальни. Продажа украинскихъ книгъ (конечно, я говорю о дозволенныхъ цензурою) встрѣчается съ разными придирками со стороны низшей администраціи и полиціи. и потому сельскіе и ярмарочные продавцы не рѣшаются держать украинскую книгу, особенно въ болѣе значительныхъ сортиментахъ, и предпочитаютъ предлагать сельскому читателю „безопасныя“ произведенія великорусской лубочной литературы. Въ рукахъ читателя украинская книга также встрѣ-

чается съ преслѣдованіями со стороны низшихъ чиновъ полиціи: нерѣдки случаи разныхъ непріятностей, постигающихъ крестьянъ со стороны урядниковъ, стражниковъ и иныхъ чиновъ за то, что они имѣли у себя украинскія (цензурныя) книги или одалживали ихъ своимъ односельчанамъ.

Этотъ недостатокъ украинской школы и украинской книги живо ощущается самимъ народомъ; опросы крестьянъ не оставляютъ въ этомъ случаѣ мѣста сомнѣнію. Одинъ изъ такихъ опросовъ былъ произведенъ еще въ 1860-хъ гг. въ Полтавѣ; недавно опубликованъ былъ подобный опросъ, сдѣланный въ 1905 году въ Золотоношскомъ уѣздѣ Полтавской губ. *). Спрошенные поголовно,—за исключеніемъ нѣсколькихъ неразвитыхъ, безучастныхъ единицъ или богатыхъ крестьянъ, усвоившихъ уже некрестьянскія воззрѣнія,—высказывались за необходимость украинской школы, украинской книги, дешевыхъ газетъ на украинскомъ языкѣ—всего того, въ чемъ имъ упорно отказываетъ нынѣшній режимъ.

Получается заколдованный кругъ, откуда нѣтъ выхода. Великорусскихъ книгъ украинскій крестьянинъ не понимаетъ и не хочетъ, украинскихъ—не получаетъ. Въ концѣ концовъ, какъ констатируютъ изслѣдователи народной жизни, украинскій крестьянинъ читаетъ очень мало, сравнительно гораздо меньше, чѣмъ крестьянинъ великорусскій, не лишенный популярной литературы на родномъ языкѣ. Вынося очень мало реальныхъ свѣдѣній изъ школы, украинскій крестьянинъ не имѣетъ и возможности пополнить недостатокъ своихъ свѣдѣній чтеніемъ. Само искусство чтенія за недостаткомъ упражненія довольно скоро утрачивается, не говоря уже о письмѣ, и рецидивизмъ безграмотности проявляется въ украинскихъ губерніяхъ въ огромныхъ размѣрахъ.

Рядъ другихъ запрещеній дополняетъ это осужденіе на духовную тьму украинскихъ массъ. Публичныя чтенія на украинскомъ языкѣ воспрещены. Проповѣдь на украинскомъ языкѣ не допускается также. Изъ суда и административ-

---

*) Протопоповъ, Исторія петербургск. комитета грамотности, с. 279, «Кіевская Старина,» 1905, VI, с. 298.

ныхъ учрежденій украинскій языкъ изгнанъ, съ большимъ ущербомъ для интересовъ крестьянъ, имѣющихъ дѣло съ этими учрежденіями. Общеизвѣстны случаи, гдѣ крестьянинъ-обвиненный и его судьи не понимали другъ друга, говоря разными языками, и результаты такихъ недоразумѣній бываютъ очень печальны.

„Нѣтъ, вѣроятно, народа, который былъ бы поставленъ въ столь ненормальныя условія своего существованія, какъ украинскій,—справедливо заявляютъ въ одной петиціи представители украинской интеллигенціи.—Лишенный права пользованія роднымъ языкомъ, какъ средствомъ своего развитія, и осужденный тѣмъ на безмолвіе, онъ лишенъ и всякой возможности воспринять культурныя пріобрѣтенія человѣчества. Отсюда ужасная культурная отсталость и, какъ естественное послѣдствіе ея, слишкомъ низкій уровень экономическаго благосостоянія народныхъ массъ“ *).

И тѣмъ не менѣе эта система, осуждающая на духовную смерть, упадокъ и экономическое захуданіе огромную народность, проживъ съ лишнимъ сорокъ лѣтъ, держится почти въ полной силѣ и сохранности по нынѣшній день. Подобно тому какъ въ XVII—XVIII вв. московская бюрократія съ холоднымъ упорствомъ шагъ за шагомъ уничтожала политическія права, автономію и конституціонныя формы Украины, закрывая глаза на глубокое негодованіе украинскаго общества, отчаянныя проявленія ирредентизма, созданнаго этой централистической политикой, игнорируя историческія и документальныя ссылки, оставляя безъ послѣдствій всѣ петиціи и депутаціи и противоставляя всѣмъ аргументамъ и просьбамъ военную силу, карательныя мѣры, казни и ссылки,—такъ же поступала бюрократія XIX в. въ сферѣ культурныхъ отношеній. Оставаясь глухою ко всѣмъ ссылкамъ на историческія и культурныя традиціи Украины, на человѣческія права, на элементарныя требованія справедливости и такія же элементарныя экономическія и культурныя потребности на-

*) Петиція изъ г. Лубенъ—«Кіев. Старина», 1905, III, с. 255.

родныхъ массъ, она вела свою политику „непризнанія“ украинской народности, ея культурныхъ и національныхъ нуждъ. Она закрывала глаза на симптомы неудовольствія, броженія, такія явленія, какъ дѣятельное участіе украинскихъ элементовъ въ революціонныхъ и террористическихъ движеніяхъ, образованіе въ украинскомъ обществѣ крайнихъ партій и направленій, развитіе среди народныхъ массъ, отличающихся необыкновеннымъ стихійнымъ напряженіемъ аграрныхъ движеній. Съ неумолимою точностью автомата она отбрасывала въ продолженіе десятилѣтій безчисленныя петиціи объ освобожденіи украинскаго слова, о разрѣшеніи украинской прессы, о допущеніи украинскаго языка въ школу и т. п., квалифицируя какъ преступленія, какъ покушеніе на государственное единство всякое живое проявленіе непреоборимыхъ духовныхъ потребностей народа...

Освободительныя вѣянія, пронесшіяся въ правящихъ кругахъ Россіи въ концѣ 1904 г., поколебали-было эту непреклонную рѣшимость правящихъ сферъ въ проскрипціи украинскаго слова. Комитетъ министровъ, приступивъ въ послѣднихъ дняхъ 1904 г. къ обсужденію способовъ устраненія изъ постановленій о печати излишнихъ стѣсненій, остановился между прочимъ и на стѣсненіяхъ украинскаго слова. Онъ пришелъ къ убѣжденію, что „украинофильское движеніе“ не представляетъ, собственно говоря, никакой опасности, а между тѣмъ примѣненіе закона 1876 г. приноситъ видимый вредъ: „значительно затрудняя распространеніе среди малорусскаго населенія полезныхъ свѣдѣній путемъ изданія на понятномъ для крестьянъ нарѣчіи книгъ, препятствуетъ повышенію нынѣшняго низкаго культурнаго его уровня“ *). Хотя необходимость отмѣны стѣсненій, тяготѣющихъ на украинскихъ изданіяхъ, въ виду этого комитету представлялась вполнѣ ясно, онъ однако „въ видахъ вящшей осторожности“ поручилъ министрамъ внутреннихъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія запросить еще по этому вопросу академію наукъ, университеты кіев-

*) Отношеніе министра нар. просвѣщенія академіи наукъ отъ 30 янв. 1905.

скій и харьковскій и кіевскаго генералъ-губернатора, и ихъ соображенія вмѣстѣ съ своими заключеніями предложить комитету для окончательнаго рѣшенія. Всѣ запрошенныя инстанціи высказались за отмѣну стѣсненій украинскаго слова. Академія наукъ въ обширномъ рефератѣ опровергла ходячіе аргументы, выставлявшіеся противъ украинскаго языка и украинской литературы, и, выказавъ огромный вредъ, причиненный запрещеніями украинскаго слова, находила необходимою и неотложною отмѣну запрещеній, тяготѣющихъ на украинскомъ словѣ, чтобы украинское населеніе „имѣло такое же право, какъ и великорусское, говорить публично и печатать на родномъ своемъ языкѣ". Харьковскій университетъ въ своей запискѣ поставилъ кромѣ того вопросъ о необходимости введенія украинскаго языка въ народной школѣ въ мѣстностяхъ съ украинскимъ населеніемъ, допущенія украинскихъ книгъ въ народныя читальни и библіотеки, предоставленія полной свободы бесѣдъ, чтеній и проповѣдей на украинскомъ языкѣ, отмѣны всякихъ ограниченій относительно украинской прессы и сцены *). Уже въ мартѣ мѣсяцѣ 1905 года комитетъ имѣлъ возможность ознакомиться съ записками запрошенныхъ учрежденій, однако минуло еще полгода безъ всякаго движенія вопроса, и наконецъ въ сентябрѣ появились извѣстія, что въ концѣ концовъ отмѣна запрещеній украинскаго слова правительствомъ признана „несвоевременною". Старыя проскрипціонныя традиціи взяли верхъ надъ соображеніями о вредѣ и несправедливости стѣсненій украинскаго слова, и разносторонніе, богатые доводы компетентныхъ ученыхъ и административныхъ учрежденій оказались безсильными предъ неумолимыми традиціями бюрократическаго Молоха.

Что сознаніе вреда, причиняемаго запрещеніемъ украинскаго слова, въ рѣшающихъ сферахъ скоро уступило мѣсто инымъ соображеніямъ, это показали и другія постановленія. Глубокое изумленіе возбудилъ тотъ фактъ, что, вводя польскій и литовскій языкъ въ преподаваніе народныхъ школъ

---

*) «Записка по вопросу о цензурѣ книгъ на малорусскомъ языкѣ» (оффиціальное изданіе совѣта харьковскаго университета).

высшихъ типовъ и среднихъ учебныхъ заведеній сѣверо- и юго-западнаго края, правительственное распоряженіе (3 мая 1905 г.) совершенно обошло языки украинскій и бѣлорусскій. Разгадку дало появившееся затѣмъ „извлеченіе изъ журнала комитета министровъ", гдѣ сообщенъ такой мотивъ: „Соображая, какія изъ нарѣчій, употребляемыхъ населеніемъ западнаго края, настолько филологически обособились и развились, что могутъ стать предметомъ преподаванія, комитетъ высказалъ, что малороссійское и бѣлорусское нарѣчія такъ близки русскому языку, что совмѣстное преподаваніе ихъ не вызывается потребностями дѣла; бѣлорусское нарѣчіе къ тому же, не имѣя литературы, едва ли даже можетъ быть преподаваемо самостоятельно". Для комитета такимъ образомъ остались мертвыми словами выводы академіи наукъ (казалось бы—учрежденія, по вопросамъ филологіи достаточно компетентнаго и въ его глазахъ) о исконности украинскаго языка, о невозможности исключать его понятіемъ несуществующаго общерусскаго языка, о печальныхъ результатахъ, къ какимъ приводитъ его преслѣдованіе, и т. д. Комитетъ не остановило соображеніе, что, въ качествѣ родного языка украинскихъ дѣтей, украинскій языкъ, независимо отъ своего ранга, имѣетъ такое же право на преподаваніе имъ, какъ польскій и литовскій дѣтямъ польскимъ и литовскимъ. Ему извѣстно было, какъ видно изъ приведенныхъ словъ, что на этомъ языкѣ существуетъ литература, съ которой украинскія дѣти имѣютъ право на знакомство не менѣе, чѣмъ польскія или литовскія дѣти—съ польскою и литовскою. Но, очевидно, принципъ: „не было, нѣтъ, и быть не можетъ" вытѣснилъ всѣ эти соображенія.

Фактъ этотъ, впрочемъ, не стоялъ и не стоитъ одиноко. Допуская въ мѣстностяхъ Привислинскаго края съ преобладающимъ польскимъ населеніемъ польскій языкъ въ дѣлопроизводство сельскихъ правленій и въ сношенія съ ихъ непосредственнымъ начальствомъ, правительственное распоряженіе въ тѣхъ мѣстностяхъ этого края, гдѣ преобладаетъ украинское населеніе, сохраняетъ языкъ (велико-) русскій. Остается даже незатронутымъ вопросъ объ украинскомъ

языкѣ въ школѣ и въ управленіи въ губерніяхъ чисто-украинскихъ. Оставались безъ удовлетворенія ходатайства о допущеніи украинскихъ книгъ въ народныя читальни. Отклонены были десятки прошеній о разрѣшеніи изданія украинскихъ газетъ и журналовъ, поступившихъ за послѣдніе годы, вплоть до самаго конца 1905 года. Безъ результата и даже безъ отвѣта остались прошенія о допущеніи къ обращенію въ Россіи научныхъ и литературныхъ изданій на украинскомъ языкѣ, выходящихъ въ Галиціи, и т. д.

Пока единственную брешь въ старой практикѣ сдѣлали временныя правила о періодической печати, распространивъ введенный ими порядокъ изданія повременныхъ изданій на всѣ языки, не исключая и украинскаго, и послѣдовавшій за ними циркуляръ о порядкѣ допущенія заграничныхъ періодическихъ изданій. Явилась возможность издавать украинскія газеты, притомъ безъ соблюденія „общерусскаго" правописанія. Но въ дѣйствительности изданіе и распространеніе украинской газеты среди хронически господствующихъ въ украинскихъ губерніяхъ усиленныхъ охранъ и военныхъ положеній оказалось вещью настолько трудною, требующею такого полнаго воздержанія отъ всѣхъ животрепещущихъ темъ украинской жизни, что и эта брешь имѣетъ пока чисто формальное значеніе. Указъ 1876 г. считается дѣйствующимъ закономъ и связанная съ нимъ цензурная практика не поколеблена. Остается неизвѣстнымъ, насколько улучшитъ положеніе живого украинскаго слова опубликованная на-дняхъ отмѣна пресловутыхъ „временныхъ правилъ къ устройству чтеній для народа". Оптимистомъ впрочемъ быть трудно.

Въ правящихъ сферахъ, гдѣ столько говорилось о небезопасности украинскаго сепаратизма и т. п., очевидно находятъ все еще недостаточною силу и напряженность украинскаго движенія, чтобы снять стѣсненія, тяготѣющія на украинствѣ. Безчисленныя петиціи, адресы, записки, поступавшіе изъ разныхъ мѣстностей, изъ разныхъ круговъ украинскаго общества, въ его глазахъ кажутся все еще слабымъ выраженіемъ потребностей украинскаго населенія. Эти сферы предоставляютъ ему высказать предварительно свои запросы

болѣе сильно и напряженно—иначе трудно себѣ истолковать политику послѣднихъ мѣсяцевъ.

Къ сожалѣнію, нужно сказать, что игнорированіе правящими сферами украинскаго вопроса совпадаетъ съ довольно безучастнымъ же отношеніемъ къ этому вопросу самого великорусскаго общества и его руководящихъ круговъ. Если „патріотическая“ часть печати не щадитъ инсинуацій и обвиненій по отношенію къ кардинальнымъ запросамъ украинскаго общества, то въ прогрессивныхъ органахъ обыкновенно царствуетъ холодное и мало располагающее молчаніе. По большей части нѣтъ прямо враждебныхъ выходокъ, но нѣтъ сочувствія и помощи. Ее находятъ Поляки, Финляндцы, нѣкоторыя другія народности, но безпощадно угнетенная украинская народность, самая большая изъ негосударственныхъ народностей Россіи, наиболѣе близкая по крови великороссійской и внесшая въ сокровищницу ея культурной, общественной и государственной жизни столько, сколько не внесла никакая другая, не находитъ живой поддержки въ своихъ стремленіяхъ къ раскрѣпощенію.

„Мы, Великороссы, всѣ, за исключеніемъ развѣ немногихъ, нужно правду сказать, или совершенно индифферентно относились, или, что еще хуже, старались и стараемся всѣми силами противодѣйствовать самостоятельному ихъ (т. е. Украинцевъ), на національной почвѣ построенному, развитію,—писалъ недавно очень искренно хоть и не очень складно одинъ „Великороссъ“ *).—Вѣдь мы, Великороссы, только и ограничиваемся ровно ничего не стоющими восклицаніями по адресу „хохловъ“—Украинцевъ объ ихъ краѣ, гдѣ „среди садовъ деревья гнутся долу“, объ ихъ пѣвучести и „удивительномъ“, своеобразномъ ихъ характерѣ, а между тѣмъ не видимъ, что этотъ нашъ братскій народъ, которому мы многимъ обязаны, весь стонетъ отъ своей приниженности, главнымъ виновникомъ которой являемся въ послѣднемъ счетѣ мы, Великороссы!“

„Вѣдь не тайна, что въ свое время не сочувствовалъ этому

*) Цитирую по перепечаткѣ въ «Кіев. Старинѣ», 1905, VI.

даже такой человѣкъ, какъ Бѣлинскій—этотъ идолъ современной ему великорусской нашей молодежи. Вѣдь онъ одобрялъ даже арестъ Шевченка и называлъ его, Кулиша и другихъ „ему подобныхъ“ чуть ли не дураками, негодяями, проникнутыми „мелкимъ хохлацкимъ патріотизмомъ“ („Отечественныя Записки“). А нынѣшніе Суворины, Грингмуты, Ярмонкины со своими „Зарями“, Мещерскіе съ „Гражданами“, гг. Ивановы, Берги со своими „Театральными Вѣстниками“, „Родными Рѣчами“, „Днями“, „Родными Нивами“ и т. п., и т. п. Развѣ эти господа не доказываютъ *) своими трещотками молчаніе по этому вопросу передового нашего общества? Нѣкоторые изъ нашихъ говорятъ еще, что и сами Украинцы не совсѣмъ горячо требуютъ своего; но развѣ, господа, вы не видите по этому дѣлу петицій, проектовъ, докладныхъ записокъ и т. п.? Развѣ наше великорусское общество не знаетъ обнародованныхъ въ печати за декабрь и январь мѣсяцы 1905 года и потерпѣвшихъ неудачу чуть ли не 20 прошеній объ изданіи украинскаго журнала? Развѣ нашему обществу неизвѣстны массовыя требованія украинской интеллигенціи изъ Одессы, Кіева, Лубенъ, Харькова и другихъ городовъ, отъ земствъ, педагоговъ-учителей, писателей украинскихъ, сельскихъ обществъ и др. о введеніи украинскаго языка въ школы? Развѣ великорусское наше общество не знало о цѣлой по этому дѣлу депутаціи въ Петербургъ? А блестящая просвѣтительная дѣятельность ихъ въ родной Галичинѣ, мѣстныя тамъ научныя общества, школы среднія, низшія и высшія съ украинскимъ преподавательскимъ языкомъ, всевозможные газеты, журналы и т. п.—развѣ все это не доказываетъ неутомимой энергіи сознательной половины украинскаго общества на благое дѣло? Но кто сочувственно откликнулся изъ нашихъ по этому вопросу? Кто привѣтствовалъ добрыя начинанія Украинцевъ? Никто... Все наше общество апатично молчало и молчитъ или косо-недовѣрчиво поглядываетъ на поднимающее голову „хохломанство-украинофильство“, какъ не стѣсняются и до сихъ поръ обозначать

*) Авторъ, вѣроятно, хотѣлъ сказать «оттѣняютъ».

гг. Суворины, Ивановы и компанія культурное движеніе Украинцевъ".

Историческимъ процессомъ поставленная между народностью великорусскою и польскою, находящимися въ лучшихъ условіяхъ для своего національнаго развитія, украинская народность все еще слишкомъ часто считается quantité negligeable. Представители великорусскаго и польскаго общества готовы устанавливать свои отношенія за счетъ украинской народности, не справляясь о стремленіяхъ и желаніяхъ этой послѣдней. Такъ, напр., постулатъ выдѣленія въ автономное политическое тѣло такъ наз. Привислинскаго края въ нынѣшнемъ его составѣ, принятый въ руководящихъ сферахъ польскаго и великорусскаго общества, не находилъ нужнымъ серьезно считаться съ тѣмъ фактомъ, что эта совершенно случайно и произвольно скроенная область кромѣ польской территоріи заключаетъ въ себѣ также территоріи украинскія, бѣлорусскія и литовскія. Изъ украинской территоріи включена въ ея составъ почти вся Холмская Русь, входившая до половины XIV в. въ составъ Галицко-Волынскаго государства, а позже—Русскаго воеводства, и ни исторически, ни этнографически не имѣющая ничего общаго съ коренной Польшей. Включеніе ея въ границы автономной Польши, конечно, было бы вопіющей несправедливостью по отношенію къ украинскому народу, но напоминанія объ этомъ представителей украинской интеллигенціи невнимательно и недоброжелательно встрѣчались не только въ польскихъ, но и въ великорусскихъ кругахъ, очевидно, не желавшихъ такими „мелочами" нарушать гармонію польско-великорусскаго соглашенія.

Такихъ примѣровъ можно было бы дать и больше. Я не буду останавливаться на нихъ, а укажу на явленіе еще болѣе крупное—безучастное или даже враждебное отношеніе значительнаго большинства прогрессивной великорусской интеллигенціи къ постулату автономіи Украины. Между тѣмъ какъ требованіе автономіи Польши, напр., весьма опредѣленно поддерживалось и пропагандировалось ею, требованіе автономіи Украинцевъ встрѣчалось непріязненно, и многіе люди,

которыхъ мы привыкли считать лучшими представителями великорусской интеллигенціи, не останавливались даже предъ разсужденіями, что иное дѣло Польша, а иное Украина, что украинскій языкъ не болѣе какъ нарѣчіе великорусскаго, и автономія Украины абсурдъ, и т. д. Не входя въ оцѣнку этихъ аргументовъ (настоящая книга даетъ на нихъ достаточный, я думаю, отвѣтъ), я только напомню, что, призывая всѣ народности Россіи къ дружной работѣ надъ ея освобожденіемъ, необходимо позаботиться о томъ, чтобы эти народности въ схемѣ обновленной Россіи находили удовлетвореніе своихъ наиболѣе существенныхъ нуждъ — въ томъ числѣ и народность украинская, независимо отъ всякихъ филологическихъ или дипломатическихъ соображеній, созданныхъ „истинно-русскими" публицистами, ничего общаго съ прогрессивною Россіею не имѣющими. Иначе какая же возможна дружная работа, какое единодушіе и довѣріе?

Вообще опытъ послѣдняго времени, такъ много сдѣлавшаго для преоцѣнки многихъ теоретическихъ и практическихъ цѣнностей благодаря открывшейся возможности высказаться сравнительно свободно по кардинальнымъ вопросамъ общественныхъ и національныхъ отношеній, много содѣйствовалъ уясненію положенія украинства въ Россіи и ожидающихъ его перспективъ. Выяснилось, какъ мало можно ожидать, при всѣхъ вѣяніяхъ, какихъ либо уступокъ отъ бюрократіи. Съ другой стороны, представилось съ совершенною ясностью, что и введеніе конституціоннаго строя само по себѣ вовсе не разрѣшаетъ украинскаго вопроса, а вводитъ только новые факторы въ борьбу украинской народности за ея національное самоопредѣленіе.

Вполнѣ опредѣленно вырисовался предъ украинскимъ обществомъ фактъ, что гарантіи свободнаго національнаго, экономическаго и культурнаго развитія оно можетъ найти лишь въ автономіи, обнимающей всю украинскую территорію, т. е. мѣстности съ преобладающимъ украинскимъ населеніемъ Россіи. Только такая реформа можетъ избавить его отъ перспективы національной борьбы, отъ необходимости тратить усилія на разрѣшеніе національнаго вопроса, организуя общественныя силы для борьбы съ неблагопріятнымъ отношеніемъ

къ украинству правящей бюрократіи и руководящихъ оферъ великорусскаго общества, расходовать общественную энергію на національное треніе, для достиженія того, что должно послужить простою почвою для развитія культурнаго и экономическаго прогресса народа—свободы и нестѣсненности его національной стихіи. Съ выдѣленіемъ національной территоріи и предоставленіемъ ей широкаго самоуправленія, національность превращается изъ боевого клича, изъ предмета борьбы, парализующей устроеніе экономическихъ и культурныхъ отношеній, въ нѣчто само собою подразумѣваемое, никакихъ особыхъ усилій и соображенія не требующее, простую почву, какъ я сказалъ, на которой совершенствуются экономическія и культурныя отношенія. Для народности такъ запущенной бюрократическою политикою въ своемъ экономическомъ и культурномъ развитіи, какъ украинская, было бы въ высшей степени важно получить возможность сосредоточить всѣ силы и энергію на экономическомъ и культурномъ подъемѣ массъ, не тратя времени и силъ на національную борьбу—и эту возможность можетъ дать ей только національная автономія *).

Это сознаніе проникаетъ все глубже въ современное украинское общество, и на пунктѣ національной автономіи въ настоящее время сходятся всѣ національныя теченія его. Оно сходится на этомъ пунктѣ и съ другими негосударственными народностями Россіи, стремленія которыхъ нашли выраженіе въ резолюціяхъ съѣзда журналистовъ и литераторовъ Россіи, въ апрѣлѣ 1905 года:

„Признавая полную гражданскую и политическую равноправность всѣхъ народностей, входящихъ въ составъ Россійскаго государства, и право каждой изъ нихъ на самостоятельное національно-культурное самоопредѣленіе, съѣздъ находитъ необходимымъ, чтобы эта равноправность и это право были гарантированы основнымъ закономъ государства и чтобы отдѣльнымъ народностямъ была предоставлена возможность созданія учрежденій, осуществляющихъ ихъ

*) Ср. статью мою: Децентрализація и національный вопросъ—«Сынъ Отечества», 1905 № 133.

право на свободное національно-культурное развитіе. Исходя изъ основного положенія о политическомъ единствѣ Россійскаго государства и вмѣстѣ съ тѣмъ признавая необходимость децентрализаціи государственнаго управленія, съѣздъ находитъ, что за отдѣльными народностями, заселяющими опредѣленныя части государственной территоріи, должно быть признано право на автономію на основаніяхъ, устанавливаемыхъ особымъ для каждой области органическимъ статутомъ" *).

Только автономія можетъ сочетать потребности части съ потребностями цѣлаго, интересы области съ интересами цѣлости государства. Только національно-территоріальная автономія обезпечитъ свободное развитіе отдѣльныхъ національностей въ составѣ государства, создастъ надлежащій modus vivendi между ними и устранитъ ихъ центробѣжныя стремленія. Только она можетъ превратить народы Россіи изъ невольниковъ, насильственно прикованныхъ къ колесницѣ побѣдителя, въ свободныхъ сотрудниковъ, озабоченныхъ сохраненіемъ и развитіемъ силъ ихъ общаго отечества—того „отечества", котораго они не имѣли и не имѣютъ доселѣ. И поэтому принципъ національно-территоріальной автономіи долженъ быть проведенъ рано или поздно въ интересахъ самого государства. И чѣмъ ранѣе онъ будетъ осуществленъ, тѣмъ менѣе будетъ потрачено силъ и тратъ на національную борьбу, на центробѣжныя стремленія.

И въ частности, для украинской народности все другое кромѣ національной автономіи не можетъ быть ничѣмъ большимъ, какъ переходными формами, этапами въ движеніи украинской народности къ возможности самоопредѣленія. Пробужденіе украинскаго общества изъ той безучастности и оцѣпенѣнія, въ которое погрузила большинство его сорокалѣтняя система запрещеній и устрашеній, совершившееся на нашихъ глазахъ и могущественно проявившееся въ воз-

*) Цитирую по перепечаткѣ въ «Кіевской Старинѣ» 1906. V с. 210—1

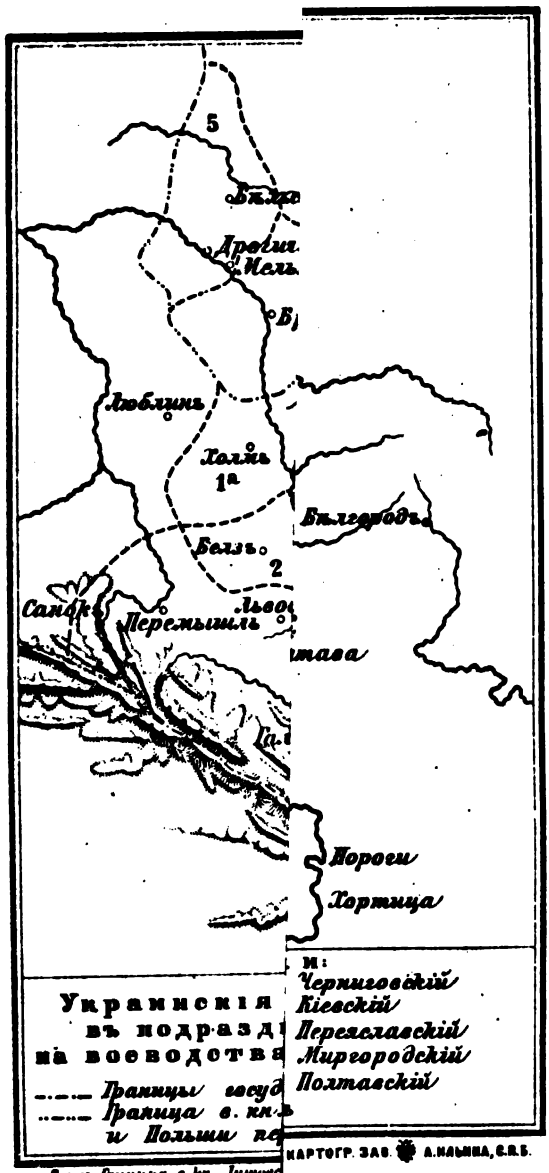
вращенія его къ національнымъ и политическимъ постулатамъ *), служитъ ручательствомъ, что эти этапы украинское общество не замедлитъ пройти.

Народность, настолько крупная, настолько богатая содержаніемъ и жизненными силами, не разбитыми столѣтіями насильственнаго подавленія, не можетъ быть приведена къ небытію гнетомъ и запрещеніями. Всѣ эти стѣсненія могутъ только задержать ея развитіе, но не болѣе, и въ концѣ концовъ она не можетъ не взять свое. Факты послѣдняго времени утверждаютъ въ непоколебимомъ убѣжденіи, что широкое и всестороннее развитіе украинской народности лишь вопросъ времени, вѣроятно—очень недалекаго времени.

Литература: Императорская академія наукъ объ отмѣнѣ стѣсненій украинскаго слова, 1905 (оффиціальное изданіе, содержащее богатый матеріалъ, особенно по исторіи цензурныхъ стѣсненій украинскаго слова; есть украинскій переводъ этого изданія: «Петербурска академія наук в справі знесення заборони українського слова», изд. Вид. Спілки). Вартовий. Яка тепер народня школа на Україні (Житє і Слово, 1896). В. Гринченко—На безпросвѣтномъ пути («Рус. Богатство», 1905, X—XII). С. Ефремовъ—Замѣтки на текущія темы—хроника украинскаго движенія первой половины 1905 года въ журналѣ «Кіевская Старина» (1905, I—VI), также мои статьи по вопросамъ дня въ журналѣ Літературно-науковий Вістник 1905—6 гг. Краткое изложеніе современнаго состоянія украинскаго вопроса въ Россіи (по нѣмецки) далъ я въ книгѣ Die Russen über Russland, ein Sammelwerk herausg. von I. Melnik (Frankfurt a. M., 1905).

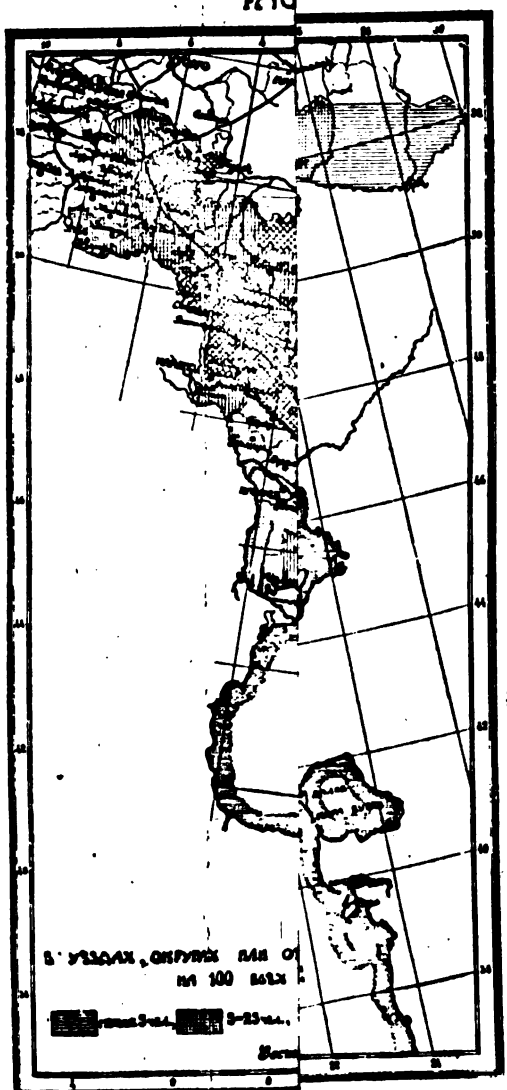
---

*) Напомню, напр., петицію украинскихъ литераторовъ объ отмѣнѣ указа 1876 г., такія же петиціи гражданъ г. Харькова и харьковскихъ профессоровъ, одесской интеллигенціи, записку «О нуждахъ украинской печати», покрытую многочисленными подписями, такую же записку: «Нужды украинской школы», петиціи по тому же вопросу кіевскаго общества грамотности, полтавскаго сельскохозяйственнаго общества, полтавскаго и черниговскаго губернскаго земства, воспитанниковъ учительскихъ семинарій и т. п. (Большею частью эти записки и петиціи были перепечатаны въ «Кіевской Старинѣ»).


5
Дрогич
Мель
Люблинъ
Холмъ
1а
Белзъ
2
Перемышль
Пороги
Хортица
Украинскія
въ подразд
на воеводства
Границы госуд
Граница в. кн
и Польши пе
Чернигов
Кіевскій
Переяславскій
Миргородскій
Полтавскій
КАРТОГР. ЗАВ. А. ПАЛЫКА, С.П.Б.

Картогр. изд. А. Ильина. СПБ.

РАС



UNIVERSITY OF MICHIGAN
3 9015 00475 1007